This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

M. BA

Lettres à Al. He

ПИ

М. А. БА

А. И. ГЕРЦЕН

Съ приложеніемъ его памфл

и объясните

М. П. Д

G

GEORG et C°. L

OUNINE
en et N. Ogareff

ЬМА

КУНИНА

ъ

и Н. П. ОГАРЕВУ.

ОВЪ, БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ВВЕДЕНІЕМЪ
ВЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

АГОМАНОВА.

ENÈVE
BRAIRES ÉDITEURS
1896

UNIV. OF TORONTO

Le

M.

A. И.

Съ автограф

GEOR

ПИСЬМА

М. А. БАКУНИНА

Bakunin, Mikhail Aleksandrovich

КЪ

А. И. ГЕРЦЕНУ и Н. П. ОГАРЕВУ

Съ приложеніемъ его памфлетовъ, біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями

М. П. ДРАГОМАНОВА.

ЖЕНЕВА

УКРАИНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1896

10Ba 359508

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе. Ѳ. В. V
Введеніе. Біографическій очеркъ Михаила Ал Бакунина. М. Драгоманова. I
Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву 1
Приложенія:
I. Рѣчь Бакунина, произнесенная 29 Ноября 1847 г. въ Парижѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г. 353
II. Основы новой славянской политики 364
III. Воззваніе къ славянамъ. М. Бакунина 369
IV. Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ. М. Бакунина 392
V. Народное дѣло. Романовъ, Пугачовъ или Пестель. М. Бакунина 396
VI. Рѣчь Бакунина на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1867 году. 419
VII. Четвертая рѣчь Бакунина на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1868 году 423
VIII. Тайный уставъ для Alliance de le Démocratie Socialiste 443
IX. Изъ прокламацій 1869 года 460
X. Революціонный катехизисъ Нечаева 490
XI. Программа славянской секціи Интернаціонала въ Цюрихѣ 1872 г. 499
XII. Къ русскимъ революціонерамъ. 1873 г. . . . 504
Добавленія 513
Воспоминанія о Бакунинѣ Адолфа Рейхеля. 553

ПРЕДИСЛОВІЕ

Мы врядъ-ли должны объяснять читателямъ какъ запоздавшій выходъ этой книги *), такъ и многія несовершенства ея редакціи и корректуры. Отъ 1-ой до 512 стр. она печаталась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ М. П. Драгоманова, но это было въ тѣ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда, чувствуя близость роковаго исхода своей болѣзни, онъ торопился кончать очень многое и не могъ уже работать по прежнему. Введеніе (стр. I—CVII) и Добавленія (отъ 513 стр. до конца) печатались уже послѣ смерти М. П. по черновымъ его рукописямъ, далеко не отчетливымъ, не переномерованнымъ и несомнѣнно очень нуждавшимся въ литературной отдѣлкѣ. Лица, которымъ пришлось взять на себя окончаніе этого изданія, не всегда могли рѣшиться даже на чисто стилистическія измѣненія и еще болѣе не всегда имѣли возможность провѣрить ссылки и вѣрность перевода въ дополненіяхъ. Предлагая читателямъ это изданіе въ его настоящемъ видѣ, они надѣются, что содержаніе его вполнѣ выкупитъ его техническіе недостатки.

---

*) Она выходитъ послѣ появленія ея нѣмецкаго и французскаго переводовъ, очень впрочемъ неполныхъ и сдѣланныхъ (особенно Введеніе) съ первыхъ черновыхъ листковъ, предоставленныхъ М. П. Драгомановымъ переводчикамъ.

Историческое значеніе изданія писемъ Бакунина достаточно указано въ Введеніи и мы съ своей стороны позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ о томъ, что въ этой книжкѣ принадлежитъ самому М. П. Драгоманову. Составленный имъ очеркъ жизни и дѣятельности Бакунина представляетъ собой послѣднюю изъ его работъ посвященныхъ, какъ онъ часто выражался, „общерусскимъ“ интересамъ, т. е. такимъ, которые, будучи въ то-же время интересами его родины-Украины, касались слишкомъ близко всей Россіи, какъ государства и какъ культурной среды. Этого рода работамъ, не смотря на недовольство нѣкоторыхъ изъ его соотечественниковъ, слишкомъ можетъ быть ревниво относившихся къ своей странѣ, покойный Мих. Петр. давалъ очень много значенія и всегда настаивалъ на ихъ необходимости. Такими его работами были статьи „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“, „Турки внутренніе и внѣшніе“, „До чего довоевались“, „Историческая Польша и великорусская демократія“, почти всѣ статьи въ „Вольномъ Словѣ“, „Вольный Союзъ“, изданіе писемъ Кавелина и Тургенева къ Герцену, „Старые вопросы передъ новымъ царемъ“ и пр. Въ большей части изъ нихъ ученый въ Михаилѣ Петровичѣ бралъ перевѣсь надъ публицистомъ и вмѣсто политической статьи у него часто выходило историческое изслѣдованіе. Въ значительной степени этого рода характеромъ отличается и его „Введеніе“ къ настоящей книгѣ. Главной задачей этого „Введенія“ было освѣщеніе личности Бакунина, какъ политическаго дѣятеля и М. П. позаботился прежде всего объ этомъ освѣщеніи со стороны чисто *фактической*. Для этого ему пришлось пересмотрѣть всю относящуюся сюда политическую литературу 40-хъ—70-хъ годовъ, воспоминанія различныхъ лицъ,

имѣвшихъ сношенія съ Бакунинымъ и т. п., наконецъ собрать по возможности печатныя произведенія самого Бакунина, что было вовсе не такъ легко, принимая во вниманіе почти исключительно агитаціонный характеръ всего, что онъ писалъ. Располагая этимъ, собраннымъ съ большимъ трудомъ, фактическимъ матеріаломъ, М. П. прослѣдилъ весь ходъ развитія идей и дѣятельности Бакунина, начиная съ его гегеліанства въ Берлинѣ и кончая его сношеніями съ Нечаевымъ и разрывомъ съ самыми близкими единомышленниками-революціонерами, наканунѣ смерти. Въ результатѣ получился очень серьезный историческій этюдъ, затрогивающій массу личностей и событій, освѣщающій цѣлую эпоху въ исторіи развитія какъ русскихъ такъ и европейскихъ политическихъ движеній, объ интересѣ котораго могутъ судить сами читатели. Въ оцѣнкѣ личности и политической дѣятельности Бакунина, М. П. является тѣмъ же историкомъ, какъ и въ собираніи и группировкѣ матеріала. Будучи слишкомъ далекъ отъ идеализаціи Бакунина въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ очень сдержанъ и во всемъ что касается отрицательныхъ сторонъ этой крупной личности. Но стараясь объяснить появленіе у него той или другой идеи, или совершеніе имъ того или другаго поступка, М. П. указываетъ съ большой тщательностью на общія условія его воспитанія, жизни и среды. Онъ подчеркиваетъ отсутствіе у Бакунина и многихъ другихъ всякаго политическаго образованія, самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній, самыхъ элементарныхъ понятій о славянскомъ мірѣ, полный недостатокъ объективности при опредѣленіи необходимости или возможности извѣстныхъ дѣйствій, постепенное развитіе неразборчивости въ средствахъ и т. д., и т. д., словомъ, подчеркиваетъ все то, на что отчасти

указывалъ уже Герценъ и на что не переставалъ указывать самъ М. П. въ теченіи всей своей политической и публицистической дѣятельности, особенно „общерусской“. Эта строгость отношенія къ политическимъ вопросамъ, это постоянное требованіе сознательности въ стремленіяхъ и объективности въ цѣляхъ, это безусловное требованіе безупречной чистоты въ средствахъ — создали Драгоманову немало враговъ даже тамъ, гдѣ ихъ меньше всего слѣдовало бы ожидать, но это-же, по нашему мнѣнію, составляетъ и наиболѣе характерную и наиболѣе плодотворную сторону его собственной дѣятельности. Если Драгомановъ не внесъ въ русско-славянское политическое движеніе блестящаго таланта Герцена или безконечной энергіи Бакунина, то ему принадлежитъ не малая во всякомъ случаѣ заслуга введенія въ него большей степени *критики*, а слѣдовательно и сознательности.

Друзья покойнаго М. П. Драгоманова, оканчивая изданіе этой послѣдней его работы, удовлетворяютъ этимъ и своей внутренней потребности почтить память того съ кѣмъ они были связаны чувствами личной симпатіи и привязанности. Это послѣдняя личная услуга, какую они могутъ оказать своему такъ преждевременно угасшему другу.

Ѳ. В.

ВВЕДЕНІЕ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Бакунина.

> . . . М. (Бакунинъ) во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки, — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа.
>
> Изъ письма Бѣлинскаго, 7 Ноября 1842 г.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на полезность результатовъ дѣятельности М. А. Бакунина, всякій долженъ согласиться, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Къ тому же дѣятельность его направлялась не только на Россію; это былъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, который имѣлъ вліяніе и на ходъ извѣстныхъ дѣлъ во всей Европѣ. По этому нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка такъ мало до сихъ поръ выяснена, не смотря на то, что прошло почти 20 лѣтъ со времени его смерти и на то, что, при жизни, онъ имѣлъ такъ много друзей и послѣдователей.

Бакунинъ оставилъ по себѣ нѣсколько печатныхъ сочиненій и много рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны его друзьями. Но и эти матеріялы, даже помимо ихъ отрывочности, очень недостаточны для его характеристики. Писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности Бакунина. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, послѣ рѣчей его и разговоровъ, наиважнѣйшими памятниками его дѣятельности должны служить

его письма. Разговоры Бакунина должны бы воспроизвести мемуары его друзей и послѣдователей, — а письма должны бы быть собраны въ возможно большемъ количествѣ. Но ни того, ни другаго почти не сдѣлано до сихъ поръ.

Наше изданіе имѣетъ цѣлью, хотя отчасти, пополнить этотъ пробѣлъ. Мы печатаемъ письма Бакунина къ А. И. Герцену, Огареву и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также нѣкоторыя другія его писанія, — документы, которые преимущественно относятся къ участію Бакунина въ русскихъ дѣлахъ и отчасти въ польскихъ. Всѣ эти документы довольно отрывочны и даже не всегда ясны для насъ, который никогда не зналъ лично Бакунина и не принадлежалъ къ числу его единомышленниковъ. Но мы смотримъ на наше изданіе какъ на опытъ, который долженъ быть дополненъ и объясненъ дальнѣйшими публикаціями со стороны тѣхъ, кто имѣетъ въ рукахъ другіе подобные матеріалы или кто зналъ лично Бакунина, и потому не останавливаемся ни передъ отрывочностью печатаемыхъ нами матеріаловъ, ни передъ крупными пробѣлами въ существеннѣйшихъ точкахъ біографіи Бакунина.

Самымъ крупнымъ пробѣломъ является періодъ перваго пребыванія Бакунина за границей, съ 1840 г. Болѣе извѣстно за это время его участіе въ Пражскомъ съѣздѣ Славянъ 1848 г. и потомъ въ Дрезденской революціи 1849 г., но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторія же внутренняго процесса, какимъ консервативный гегеліанецъ, увлекшій Бѣлинскаго до написанія статей, преклонявшихся передъ «разумностію дѣйствительности» русской времени Николая I, сдѣлался соціалистомъ и горячимъ революціонеромъ, совсѣмъ не извѣстна. Не извѣстенъ также и процессъ, какимъ дошелъ Бакунинъ отъ интересовъ нѣмецкой абстрактной философіи къ соціально-революціонному славянофильству, которое такъ рѣшительно проявилось въ его участіи въ Пражскомъ съѣздѣ. Первый процессъ едва можно прослѣдить по статьямъ Бакунина въ Jahrbücher Ruge, а о второмъ извѣстно еще меньше. Едва слабые намеки можно найти въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ и самого Бакунина. Да и о самомъ участіи Бакунина въ Пражскомъ съѣздѣ извѣстно мало, такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны.

Чтобъ пополнить, по возможности, эти пробѣлы необходимо было бы выбрать по крайней мѣрѣ изъ современныхъ газетъ извѣстія о Бакунинѣ, опросить немногихъ остающихся еще въ живыхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій, а особенно собрать тогдашнія письма самого Бакунина и его друзей и поискать въ архивахъ, особенно въ Прагѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, оффиціальныхъ свѣдѣній о тогдашней дѣятельности Бакунина.

Обстоятельства не позволяютъ намъ предпринять подобный трудъ, — а потому мы должны отказаться отъ мысли дать здѣсь сколько нибудь полную, хотя бы и сжатую біографію Бакунина, а даемъ лишь его curriculum vitæ, вставляя въ него извѣстные намъ біографическіе матеріалы. При этомъ мы должны оговориться, что печатныя біографическія показанія о Бакунинѣ, которыя намъ приходится приводить, принадлежатъ чаще людямъ, къ нему нерасположеннымъ, нежели его друзьямъ, а потому, тѣмъ болѣе, друзья его должны бы были противупоставить имъ показанія съ своей точки зрѣнія.

Самое обстоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое характерное изо всего, печатаннаго о Бакунинѣ, это воспоминанія о немъ А. И. Герцена, особенно статья «М. Б. и польское дѣло» въ «Сборникѣ посмертныхъ сочиненій». Послѣдователи Бакунина видѣли въ этой статьѣ каррикатуру, а самъ Бакунинъ называлъ ее пасквилемъ (см. въ письмахъ №№ CIII, CIV). Но сильныя и симпатическія стороны характера и дѣятельности Бакунина достаточно горячо выставлены въ этой статьѣ, хотя въ ней не скрыты и недостатки его, которые, какъ почти всегда бываетъ въ жизни, были les défauts des qualités. При томъ же все, что говорилъ Герценъ о Бакунинѣ обильно подтверждается документами, между прочимъ, и теперь печатаемыми письмами. Еслибъ мы захотѣли дѣлать характеристику Бакунина, намъ пришлось бы перепечатать всю упомянутую статью Герцена. Но мы этого не сдѣлаемъ, а имѣя въ виду главнымъ образомъ уясненіе политической дѣятельности Бакунина, остановимся лишь на главныхъ чертахъ его психологіи, которыя опредѣлили эту дѣятельность, при чемъ ограничимся только показаніемъ генезы этихъ чертъ по мѣрѣ того, какъ онѣ рельефно выступаютъ въ его біографіи.

На основаніи всего извѣстнаго намъ до сихъ поръ о Бакунинѣ, природа личности его представляется намъ въ слѣ-

дующемъ видѣ: большая активность и подвижная энергія, большой талантъ ораторскій и способность привлекать и увлекать людей, хотя и не на долго *), — умъ быстрый, послѣдовательный, хотя и мало самостоятельный, и не глубокій, не изобрѣтательный и не наблюдательный, способный больше схватывать готовыя мысли и доводить ихъ до крайности, чѣмъ творить ихъ, неспособный въ одно время охватывать разныя стороны предмета и не увлекаться одною стороною, часто субъективно преувеличенною **); въ концѣ всего, способность увлекаться самому чужою личностію особенно энергическою. Въ политикѣ эти свойства должны были сдѣлать изъ Бакунина самаго крайняго застрѣльщика почти партизана, но вовсе не главнокомандующаго. Въ довершеніе, воспитаніе и жизнь въ молодости должны были скорѣе усилить слабыя стороны природы Бакунина, чѣмъ выравнять его способности. Довольно будетъ вспомнить хоть то, что въ школѣ Бакунинъ готовился быть артиллеристомъ, а послѣ онъ самъ, бросивъ артиллерію, готовился стать профессоромъ философіи, а сталъ политическимъ агитаторомъ. Послѣдняя спеціализація не сопровождалась у него сколько нибудь глубокими изученіями исторіи и политики; по крайней мѣрѣ даже одно изъ позднѣйшихъ сочиненій его, — «L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale» (Genève, 1871) поражаетъ промахами даже противъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи, а подъ конецъ жизни своей онъ «учился» по такому элементарному сочиненію, какъ Кольба — «Культурная исторія человѣчества».

---

*) Почти всѣ друзья Бакунина кончали тѣмъ, что расходились съ нимъ.

**) По разсказамъ знавшихъ Бакунина, это былъ человѣкъ въ личныхъ отношеніяхъ очень наблюдательный и обладавшій даже мѣткимъ юморомъ личныхъ характеристикъ. Да это видно и по письмамъ его. Но какъ только дѣло доходило до общественныхъ явленій, то, какъ показываютъ тѣ же письма его, Бакунинъ начиналъ видѣть не то, что было, а то, что ему хотѣлось и при томъ въ рисункѣ схематическомъ, а вовсе не реальномъ. Эти особенности встрѣчаются довольно часто именно у русскихъ и объясняютъ, почему рѣдко кто столь претендуетъ на реализмъ ума, «здравый толкъ» и т. п. какъ русскіе, и рѣдко кто такъ охотно не тонетъ въ абстракціяхъ, схематизмѣ, иллюзіяхъ и мистицизмѣ.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. въ Торжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ старинномъ и довольно состоятельномъ, а вмѣстѣ очень образованномъ семействѣ, которое жило въ селѣ Прямухино. (Подробности объ этомъ семействѣ см. въ книгахъ Анненкова — о Н. Станкевичѣ и г. Пыпина о Бѣлинскомъ). На 20-мъ году М. А. былъ помѣщенъ въ Артиллерійскую школу въ Петербургѣ, въ которой учился хорошо, но почему то былъ выпущенъ изъ нея не въ гвардію, а въ армію, имѣя 21 годъ отъ роду. Квартируя съ полкомъ въ деревнѣ, Бакунинъ сильно скучалъ, проводилъ большую часть дня, лежа въ кровати, въ халатѣ, — скоро вышелъ въ отставку и жилъ то въ деревнѣ Прямухино у отца, то въ Москвѣ. Здѣсь уже въ 1835 г. онъ познакомился съ извѣстнымъ Н. Станкевичемъ, вошелъ въ его кружокъ и вслѣдъ за нимъ увлекся нѣмецкой философіей. Въ 1836 г. Бакунинъ далъ для напечатанія въ «Телескопѣ», журналѣ, редакторъ котораго, Надеждинъ, предоставилъ его въ распоряженіе Бѣлинскому и друзьямъ его, по кружку Станкевича, переводъ Фихте «Лекціи о назначеніи ученыхъ». Съ выѣздомъ Станкевича на Кавказъ, а потомъ за границу, гдѣ онъ скоро и умеръ, — Бакунинъ сталъ главою философскихъ студій въ кружкѣ. Съ 1837 г. онъ изучалъ и пропагандировалъ особенно философію Гегеля, — при чемъ довелъ Гегелево признаніе «разумности дѣйствительности» до крайняго консерватизма съ полнымъ оправданіемъ «николаевской» дѣйствительности въ Россіи. Въ своихъ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», поступившаго, послѣ закрытія «Телескопа», въ руки Бѣлинскаго и его друзей, Бакунинъ говорилъ на этотъ счетъ въ общихъ выраженіяхъ, но болѣе горячій Бѣлинскій, котораго особенно посвящалъ въ гегеліанство Бакунинъ, дошелъ въ своемъ консерватизмѣ и «французоѣдствѣ» до «неистовствъ», которыя возмутили всѣхъ, сколько нибудь либеральныхъ читателей въ Россіи. (Ст. «О бородинской годовщинѣ» и др. въ «Отеч. Запискахъ 1839»; — см. Пыпина, Бѣлинскій, I, 307 и слѣд.).

Но еще подчиняясь философскому направленію Бакунина, Бѣлинскій скоро сталъ расходиться съ нимъ лично и дошелъ, наконецъ, до весьма враждебнаго къ нему отношенія. Въ письмахъ Бѣлинскаго причинами разлада выставляется властолюбіе Бакунина, высокопарность и вмѣшательство въ

интимныя, сердечныя и мелкія дѣла и даже привычки друзей. Бѣлинскій говорилъ о Бакунинѣ, что «онъ любитъ идеи, а не людей». Въ 1839 г. первый писалъ Станкевичу: «съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякого свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну». Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ: «я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ». (С. Невѣдѣнскаго. Катковъ и его время, 22. Въ книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ часто говорится о размолвкахъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ, но мало приводится детальныхъ выписокъ и писемъ объ этомъ).

Впрочемъ Бакунинъ провожалъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Кетчеромъ, Бѣлинскаго до Черной Грязи, когда тотъ съ Панаевымъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и продолжалъ вліять на философско-религіозныя идеи Бѣлинскаго. «Когда карета двинулась, вспоминаетъ Панаевъ, и мы выдвинулись въ окно, Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными на крестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжающихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ». Вскорѣ потомъ (въ началѣ 1840 г.) Бѣлинскій писалъ Боткину: «мысли мои объ Unsterblichkeit (безсмертіи) снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству, Мишель (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ» (И. Панаевъ, Литер. Воспоминанія, 260, Невѣдѣнскаго, op. cit. 48, 58).

Незадолго до отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москву возвратился изъ ссылки Огаревъ, принадлежавшій къ кружку, который увлекался политическими идеями французовъ XVIII в. и великой революціи, а также соціализмомъ С. Симона. Огаревъ познакомился съ членами кружка Станкевича, въ томъ числѣ съ Бѣлинскимъ, Бакунинымъ и Катковымъ. Первый скоро переѣхалъ въ Петербургъ, а послѣдніе двое стали часто посѣщать домъ женатаго Огарева. Въ концѣ 1839 г. Огаревъ писалъ Герцену, который оставался еще въ ссылкѣ во Владимірѣ, — о старыхъ и новыхъ друзьяхъ, собиравшихся у него и между прочимъ о Бакунинѣ: «Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ». Черезъ Огарева Бѣлинскій и Бакунинъ познакомились и съ Герценомъ, который въ 1840 г. былъ временно въ Москвѣ. Консервативный гегелизмъ Бакунина и Бѣлинскаго вызвалъ особенно горячія возраженія со стороны Герцена, но споры побудили его самого заняться изученіемъ нѣмецкой философіи и въ частности Гегеля.

Самъ Герценъ такъ разсказываетъ о своихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ: «Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я (Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— «Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ Бородинскую годовщину Пушкина.

«Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, заговорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ «Бородинской годовщиной».

«Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ соб-

ственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ съ высока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми». (Сочиненія, VII, 126—127).

Очень скоро послѣ перваго знакомства, Бакунинъ обратился къ Герцену съ слѣдующимъ письмомъ, — отъ 20 Апр. 1840 года:

«Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1,500 рублей въ годъ; но это если такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы «яко воскъ отъ лица огня». Можетъ быть, что, со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1,000 или даже 500 руб. въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5,000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ впродолженіи трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2,000 рублей, а въ продолженіи двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1,500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ.

у Бѣлинскаго (въ нач. Августа, 1840) дошелъ до «оскорбле
нія его дѣйствіемъ». Послѣдствіемъ былъ вызовъ со стороны
Бакунина Каткову на дуэль, отъ исполненія котораго впро
чемъ Бакунинъ всячески уклонялся и которая такъ и не
состоялась. (Подробности см. въ упомянутой статьѣ г. Не
вѣдѣнскаго и въ его книгѣ о Катковѣ).

По поводу этой ссоры Огаревъ писалъ Герцену: «что за
продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окон
чаніе дурно? Объясни. Я уже придумалъ: вѣроятно, одинъ
другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Мнѣ
ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному
гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что
выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только
отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ
остальномъ вспомоществованіи. Это такой человѣкъ, которому
гадко руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сбли
зился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего
— надо сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не до
ставило намъ хорошаго знакомства. Два умныхъ человѣка
изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой подлецъ — вотъ все
что мы узнали».

Первое изъ этихъ рѣзкихъ выраженій относится къ Кат
кову, второе къ Бакунину.

Герценъ съ своей стороны писалъ о Бакунинѣ въ «Днев
никѣ» своемъ еще въ 1843 г., послѣ статьи Бакунина въ
Jahrbücher Ruge, понравившейся ему: «талантъ и дрянной
характеръ» (Сочиненія, I, 88).

По поводу отъѣзда Бакунина за границу, Бѣлинскій пи
салъ Боткину 4 Окт. 1840 г.: «когда онъ уѣзжалъ изъ
Петербурга за границу, его провожали ни я, ни Катковъ,
даже не Языковъ и Панаевъ, но Г—ъ (должно быть, Гер
ценъ), произведенный имъ за 1000 р. ассигнаціями въ спе
кулятивныя натуры. (Въ это время Бѣлинскій самъ еще не
сблизился съ Герценомъ и даже относился къ нему съ нѣ
которымъ недовѣріемъ, вслѣдствіе разницы политическихъ
идей). Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что
его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ
московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ
его.... Мишель думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія
необходимо для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый

взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ — условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія». (Невѣд., 62).

По словамъ г. Невѣдѣнскаго, «изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ написалъ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ — діалектическая натура, и старался вызвать симпатіи со стороны послѣдняго. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину: «Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что извѣстное объясненіе неизбѣжно, да я не вѣрю — у.....ся на мѣстѣ объясненія — и всего вѣрнѣе — увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ. (Тамъ же, 63; см. также статьи Невѣдѣнскаго: Катковъ и Бѣлинскій по неизданнымъ письмамъ Бѣлинскаго, 1837—1840, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1888, Іюнь). То, что Бѣлинскій принимаетъ за трусость, могло быть результатомъ внутренняго сознанія Б—на въ неправотѣ своей. Когда и Катковъ явился вскорѣ въ Берлинъ, то не только не произошло дуэли у него съ Бакунинымъ, но отношенія между ними даже возобновились: по крайней мѣрѣ, Бакунинъ передавалъ въ Маѣ 1841 г. Краевскому порученіе Каткова (тамъ же, 69).

Любопытно это совпаденіе появленія Бакунина и Каткова въ кружкѣ Огарева и Герцена и ихъ взаимное столкновеніе. Не смотря на крупныя различія въ личномъ характерѣ и дѣятельности, у Бакунина и Каткова было много сходныхъ чертъ, обусловленныхъ вліяніемъ времени и умственнаго воспитанія. Оба были головы абстрактныя, которыя отвлеченія и упованія принимали за дѣйствительность, въ реальныя условія которой не любили углубляться. Оба начали съ гегеліанскаго преклоненія передъ «дѣйствительностію», не замѣчая того, что русская дѣйствительность 30—40-хъ гг. заключала въ себѣ явленія просто возмутительныя. Впослѣдствіи Бакунинъ перешелъ къ крайнему отрицанію дѣйствительности, но удержалъ при этомъ идеализацію славянства, народа и т. п., представляемыхъ сквозь очки абстракціи. Катковъ въ одно время склонился къ англійскому либерализму, при этомъ видѣлъ готовыхъ лордовъ и джентри въ

русскихъ помѣщикахъ. Еще позже Бакунинъ перешелъ отъ отрицанія наднароднаго государства къ анархіи и аморфизму, отрицательно относился къ самому народу, но при этомъ вѣровалъ, что какимъ то образомъ, послѣ разрушенія государства усиліями «деклассированныхъ» заговорщиковъ, можетъ изъ этого народа сама собою народиться «снизу вверхъ» новая идеальная жизнь. Катковъ въ послѣдніе годы жизни отказался отъ всякаго либерализма и сталъ за деспотію «сильной руки», «сильной власти», — но забылъ при этомъ, что въ деспотіи, каковою является русская самодержавно-бюрократическая имперія, «сильной власти» въ политическомъ смыслѣ быть не можетъ, ибо всякую власть раздробятъ въ свою личную пользу щедринскіе губернаторы и гоголевскіе городничіе. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ общую черту у Каткова и Бакунина самоувѣренность съ наклонностью къ диктаторству, — хотя наивную и часто добродушную у Бакунина, и нервозно-раздражительную и мстительную у Каткова *).

Нельзя не признать значительною бѣдою для Россіи, что лица съ такими особенностями головъ и характеровъ, стали во главѣ, одинъ революціоннаго, а другой консервативнаго въ ней движенія **). Бѣду эту надо счесть за фатальную,

---

*) О нервозности самолюбія и наклонности къ «сценамъ» Каткова въ молодости см. въ Воспоминаніяхъ И. И. Панаева. Огаревъ тоже писалъ Герцену въ 1839 г. «Каткова я очень люблю, кромѣ дѣтскаго самолюбія». Бѣлинскій писалъ о Катковѣ Боткину въ 1841 г. «Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага — самолюбіе, которое чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: «бравады субъективности». Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею». (Невѣдѣнскій, 66).

**) Пользуемся случаемъ, чтобъ сохранить отъ пропажи слѣдующее письмо Каткова къ Огареву. (1839 г.), которое ясно отражаетъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ чертъ знаменитаго московскаго публициста. Черты эти, въ другихъ формахъ, проявлялись и въ его политической дѣятельности.

Я къ Вамъ пишу — чего же болѣ!
Что я могу еще сказать,
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.

Со слезами, на колѣняхъ, прошу я васъ простите меня, васъ которыхъ такъ недавно называлъ друзьями, передъ которыми я такъ тяжко виноватъ, я такъ глубоко оскорбилъ тебя, Николай, — передъ

такъ какъ она свидѣтельствуетъ, что въ русскомъ обществѣ рѣшительные, хотя абстрактные, тезисы, — «лишенные соку жизни» имѣютъ больше вѣса, чѣмъ детальное обдумыванія

нею я грѣшенъ какъ преступникъ и ниже самаго презрѣннаго животнаго. У меня сердце поворачивается, какъ гнустно, какъ подло, заплатилъ я ей за ея ангельскую доброту, за ея пріязнь, которую я не умѣлъ оцѣнить. Какъ, неужели такъ случайно, такъ внезапно и навсегда разорвался нашъ союзъ?...

Я былъ въ странномъ состояніи, причиной котораго была съ одной стороны болѣзненность моей души, съ другой стороны одно особенное свойство, которое, не знаю, для счастія или для несчастія дано мнѣ природою. Люди близкіе мнѣ имѣютъ на меня необъяснимое вліяніе; какимъ то инстинктомъ я угадываю, что съ ними, что внутри ихъ, и страдаю, если отъ чего нибудь меркнетъ хоть на минуту ихъ существо. Это глупо и нелѣпо; кто можетъ предохранить себя во всякую минуту отъ вліянія различныхъ житейскихъ случайностей, отъ суетъ, отъ апатіи, Богомъ клянусь, что этимъ большей частію объясняется моя раздражительность. Всегда, когда мѣнялся мой характеръ, мнѣ почему то казалось, что на душѣ ея что нибудь да не такъ — я не могъ удержать себя и привязывался къ мелочамъ. О, если она вспомнитъ, въ послѣднее время, душа ея не была въ своемъ нормальномъ состояніи; на ней была какая то тѣнь. — И только, клянусь честью, вотъ вся причина моихъ оскорбительныхъ поступковъ. Это не было самолюбіе; для доказательства я готовъ на всякое уничиженіе.

О, въ это время, которое показалось мнѣ цѣлымъ годомъ, я успѣлъ какъ должно оцѣнить ее! Какъ часто мысленно просилъ я у ней прощенія!....

Простите, простите меня! Я не смѣю ужь надѣяться на возвращеніе вашей дружбы. Я знаю, какъ непріятно должно быть теперь для васъ мое присутствіе. Я только прошу васъ однимъ словомъ, однимъ намекомъ дать мнѣ знать, что вы меня простили. Только, только — больше я не буду васъ безпокоить.

К.

(На наружной сторонѣ:)

Николаю Платоновичу Огареву
отъ Каткова.

(Рукою М. Льв. Огаревой:)

Satin вамъ кланяется. возвратите при оказіи.
М. О.

Послѣ этого письма отношенія Каткова и Огарева возобновились. Не знаемъ, только въ какой степени интимности. Оба скоро поѣхали за границу. Еще въ 1856 г., начиная изданіе «Русскаго Вѣстника», Катковъ объявилъ въ числѣ сотрудниковъ его Огарева. Но вслѣдъ за тѣмъ, поссорившись съ Герценомъ, Катковъ называлъ въ своемъ журналѣ Огарева «пензенскимъ помѣщикомъ» и спрашивалъ: «еда и Саулъ во пророцѣхъ?»

реальной жизни, а самоувѣренные пароли больше, чѣмъ приглашеніе къ самодѣятельности *).

Какъ бы тамъ ни было, а исторія Бакунина съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ и Катковымъ и общее неудовольствіе противъ Бакунина въ петербургскихъ и московскихъ литературныхъ кружкахъ извѣстнаго рода, должна была оставить слѣды на отношеніяхъ Бакунина къ этимъ кружкамъ на долго. Бакунинъ послѣ этихъ исторій, не возвращался въ Россію, пока его не привезли изъ Австріи въ Петропавловскую крѣпость въ 1851 г. Впечатлѣніе взаимнаго разлада между Бакунинымъ и литераторами русскими, изъ которыхъ многіе продолжали дѣйствовать и въ 60-е годы, несомнѣнно осѣло въ душѣ Бакунина и проявило себя въ отрицательныхъ приговорахъ, которые онъ писалъ Герцену изъ Иркутска.

Изъ Берлина Бакунинъ писалъ Герцену слѣдующее письмо:

1840 г. 11 (23) октября, Берлинъ.

Любезный Герценъ! Ты, вѣроятно, уже получилъ книги, посланныя мною тебѣ съ г-мъ Черняевымъ, и удивился, что послѣ такого долгаго молчанія я сопроводилъ ихъ весьма коротенькою записочкой. На это были своего рода причины, о которыхъ я теперь распространяться не буду. Сначала я написалъ тебѣ большое письмо, но потомъ замѣнилъ его

---

*) На первый разъ можетъ показаться страннымъ сравненіе Бакунина и Каткова съ точки зрѣнія научной подготовки, такъ какъ Катковъ, пробывшій нѣкоторое время профессоромъ университета, имѣлъ больше Бакунина возможности расширить свои научныя познанія. Но перескакиваніе Каткова по разнымъ спеціальностямъ напоминаетъ Бакунинское. — и ни въ одной спеціальности Катковъ не оставилъ по себѣ капитальнаго труда (кромѣ отчасти лингвистическаго сочиненія «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка»), котораго основъ, впрочемъ, самъ Катковъ не считалъ для себя обязательнымъ держаться, напр. по отношенію къ малорусскому языку. Ставши политическимъ писателемъ, Катковъ вовсе не имѣлъ значительныхъ свѣдѣній по политическимъ наукамъ и потому собственно не имѣлъ прочныхъ политическихъ идей. Это признаетъ и симпатизирующій ему біографъ его, г. Невѣдѣнскій, который ставитъ Каткова по политическому образованію ниже напр. Ив. Аксакова. Интересно, что и этотъ послѣдній, посвятившій большую часть жизни публицистикѣ по слав. вопросамъ, отличался поразительнымъ незнаніемъ именно западно-славянскихъ и западно-русскихъ дѣлъ! Все это характерныя явленія русской жизни.

тою маленькой записочкой, которую ты вѣрно уже имѣлъ удовольствіе получить.

Я надѣялся, что до отъѣзда Черняева выйдетъ логика Вердера и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастью, еще не вышла и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь изданной энциклопедіи; съ Вердеромъ я уже познакомился; на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на дняхъ долженъ возвратиться; какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки; какой онъ славный человѣкъ, Герценъ! Духъ, знаніе стало въ немъ плотію; въ немъ такъ много Gemüthlichkeit, которая, противуполагая себя разумному содержанію духа, выдаетъ себя за истину, — не той, которая вытекаетъ изъ живаго, свободнаго единства знанія и жизни, — не мертвая буква, но плодъ религіознаго, внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непремѣнно ею воспользуюсь.

Надѣюсь, что Наталья Александровна не вознегодовала на меня за смѣлость, съ которою я, безъ всякаго позволенія, поднесъ ей книгу не моего сочиненія, но сочиненія Шефера *), — я рѣшился на эту дерзость въ увѣренности, что сія книга доставитъ ей много наслажденія; Шеферъ написалъ по одному стихотворенію на всѣ 365 дней, которые, какъ вамъ извѣстно, составляютъ (исключая высокосный годъ) цѣлый годъ; разумѣется, что въ такомъ множествѣ должно быть много пустыхъ стихотвореній, но за то и очень много глубокихъ вещей. Наталья Александровна, прочтите, пожалуйста, стихотвореніе на 20 декабря; въ немъ высказано все, что только можно пожелать глубокой, святой женщинѣ, и потому примите его за выраженіе моихъ желаній вамъ!

Вы, вѣрно, захочете знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ, здѣсь съ сыномъ, и, къ тому

---

*) Leopold Schefer (род. въ 1784. умеръ въ 1864). Рѣчь тутъ идетъ о книгѣ «Laienbrevier» (первое изд. 1834 г.).

Примѣч. издателя нѣмецк. перевода Th. Schiemann'a

же, больная, такъ что въ продолженіи нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь; теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивлялся еще крѣпости ея организма; одна смерть Станкевича, котораго мы всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее; а что, Герценъ, вотъ и Станкевича нѣтъ; единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго заставляетъ вѣрить въ идею, — этотъ человѣкъ оставилъ насъ; его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ и Вердеръ также вѣрятъ въ безсмертіе; я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ Вердеромъ и потому не знаю еще, есть ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

Не смотря на великія и многосложныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ, кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что узнаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

Чрезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

1) Werder. 1. Logik. 2. Geschichte der neuen Philosophie.
2) Hotho. 1. Aesthetik.
3) Vatke. 2. Menschenwerdung Gottes.
4) Курсъ физики.
5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

Берлинъ городъ хорошій; музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондиторскихъ журналовъ много и я ихъ читаю всѣ подрядъ, — однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

Нѣмцы ужасные филистры; еслибъ 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди; но до сихъ поръ, увы, пресмѣшной народъ; вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ празднествъ.

На одной нарисованъ прусскій орелъ, а подъ нимъ портной гладитъ, подъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln
Kann ich ruhig bügeln.

А на другомъ транспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar
Und wenn es möglich ist zwei tausend Jahr.
Doch wenn es auch unmöglich scheint
So ist es doch recht gut gemeint.

А на третьемъ:

Ein preussisch Herz, ein gutes Bier
Was wollen sie noch mehr von mir.

И много другихъ разныхъ остротъ.

Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь ли или сомнѣваешься? — я думаю, что и то, и другое вмѣстѣ; это общее состояніе духа. Пріѣзжай скорѣй сюда; наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ; я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ, — правда ли это и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ, что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что̀ русская журналистика, — что доказываетъ Бѣлинскій и чему вѣрятъ Языковъ и Панаевъ?

Не вышло ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

Пожми, пожалуйста, руку Ветлицкому; другой разъ я ему напишу. Скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не сбирается ли онъ на Кавказъ и посѣщаетъ ли университетъ?

Прощай, милый Герценъ.

Отъ души твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ: à M-r Mendelsohn et Comp. à Berlin, pour remettre à M. Bakounine.

Напечатана ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?

Въ письмѣ этомъ можно уловить начало вниманія къ политическому положенію Германіи. Но еще нѣкоторое время Бакунинъ, видимо не выходилъ изъ круга абстрактно-философскихъ интересовъ «правой» стороны гегеліанства. О первомъ времени берлинскаго пребыванія Бакунина есть воспоминаніе его тогдашняго товарища Б. У. Ф. (остзейскаго

барона). Вотъ что онъ говоритъ: «Въ теченіи зимняго семестра 1839—1840 гг. я посѣщалъ утреннія лекціи логики проф. Вердера. На эти лекціи являлось не много слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по русски; это были Иванъ Тургеневъ и Мих. Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженные приверженцы гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключемъ къ познанію добра... Мы, земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальною придачею этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и не, смотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ не рѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ....

«Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда нибудъ высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостнаго права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло далекаго будущаго». (Русская Старина, 1884, Май, 391—393; изъ Baltische Monatschrift) *).

Въ апрѣлѣ 1841 г. Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ желаетъ готовить статьи и участвовать въ со-

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, какъ видно даже по «Дневнику» Герцена, не только либеральныя, но даже демократическія идеи далеко не были сильны даже у болѣе передовыхъ русскихъ около 1840 г. и даже прогрессисты того времени не разрывали совсѣмъ съ абсолютизмомъ; идеалъ ихъ былъ въ Петрѣ I. Настроеніе это начинаетъ измѣняться около 1843—1844 г. и особенно около 1848 г. Реакціонная политика Николая I съ 1848—1849 г. была рѣшительнымъ толчкомъ къ появленію болѣе послѣдовательнаго русскаго либерализма.

ставленіи смѣси «Отеч. Записокъ», а что Тургеневъ переводитъ для нихъ рѣчъ Шеллинга объ изящныхъ искусствахъ (Невѣдѣнскій, 77, 80). Немного спустя, Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ пишетъ статью «О современномъ состояніи философіи въ Германіи» (тамъ же, 80). Много позже, уже въ 1870 г. Катковъ разсказывалъ объ участіи Бакунина въ Мартѣ 1842 г. въ факелцугѣ, устроенномъ въ Берлинѣ студентами въ честь Шеллинга: «Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти весьма характеристическимъ образомъ. Однажды въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось передъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома, чтобъ благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное hoch! и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ разинутый ротъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ, суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ». (Тамъ же, 88).

Катковъ нѣсколько пересолилъ, — такъ какъ совершенно чуждымъ Шеллингъ Бакунину не былъ, и, какъ видно изъ брошюры Schelling und die Offenbarung, о которой скажемъ дальше, Бакунинъ посѣщалъ лекціи Шеллинга въ Берлинѣ. Но Катковъ все таки вѣрно указалъ одну изъ характерныхъ чертъ Бакунина: способность увлечься настроеніемъ окружающей его среды и при этомъ всегда довести это настроеніе до крайности. Далѣе, если показаніе Каткова вѣрно, то характерно и то, что Бакунинъ довольно быстро перешелъ отъ оваціи Шеллингу къ полемикѣ съ нимъ въ особой брошюрѣ Schelling und die Offenbarung, Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freie Philosophie (Leipzig, Robert Binder, 1842, in 8⁰). Брошюра вышла анонимно, но приводимыя ниже слова изъ письма Арн. Руге прямо приписываютъ ее Бакунину.

Брошюра эта не совершенно еще исчезла изъ книжной торговли, а потому мы не будемъ резюмировать ея содержанія, тѣмъ болѣе что оно всецѣло принадлежитъ къ тогдашнему кругу абстрактныхъ вопросовъ философіи, которые теперь могутъ интересовать только спеціалистовъ исторіи

философіи. Скажемъ только, что авторъ беретъ постоянно противъ философіи Шеллинга «второй манеры» сторону системы Гегеля, склоняясь къ его послѣдователямъ «лѣвой стороны» — Фейербаху и Штраусу. Оканчиваетъ авторъ свою брошюру горячимъ привѣтомъ «новому утру», — которое опять подобно «свободному эллинскому сознанію» возвѣщаетъ «цѣлостность, самостоятельность и единство міра», разбиваетъ «врата мрачнаго монастыря» и т. д. «Идея, самосознаніе человѣчества, — восклицаетъ авторъ, — это удивительный фениксъ, который строитъ себѣ костеръ изъ драгоцѣннѣйшаго, что есть на свѣтѣ, и встаетъ помолодѣвшимъ изъ пламени, которое уничтожаетъ старое время. Пустите же насъ принести на костеръ этого феникса все намъ найдорогое и любимое, все, что было намъ свято и велико, прежде чѣмъ мы стали свободны!... Пустите насъ бороться и пролить нашу кровь, глядѣть неустрашимо въ гнѣвные глаза врага и выстоять до конца! Видите ли, какъ наши знамена вѣютъ съ вершинъ горъ? Видите ли, какъ мечи нашихъ товарищей сверкаютъ, какъ развиваются султаны на ихъ шлемахъ? Они идутъ, идутъ, изъ всѣхъ долинъ, со всѣхъ высотъ притекаютъ они къ намъ съ пѣснями и звукомъ роговъ; день великаго рѣшенія битвы народовъ (der Völkerschlacht) приближается и побѣда должна быть за нами!»

Во всей брошюрѣ нѣтъ ни одного, по крайней мѣрѣ, прямого намека на борьбу политическую или соціальную. Весь вопросъ идетъ о борьбѣ философскихъ міровоззрѣній.

Спустя нѣсколько времени, Бакунинъ написалъ другую, болѣе популярную и съ бо̀льшимъ общественнымъ интересомъ статью и помѣстилъ ее въ журналѣ Арнольда Руге. Журналъ этотъ, Halle'sche Jahrbücher, выходилъ сначала въ Галле и въ немъ кромѣ истолкованія системы Гегеля въ духѣ явно антихристіанскомъ (Штраусъ, Фейербахъ) и демократическомъ, прославлялась политическая жизнь и революціонныя традиціи Франціи. Прусское правительство запретило изданіе Руге, но редакторъ возобновилъ его въ Лейпцигѣ подъ именемъ Deutsche Jahrbücher. Бакунинъ поѣхалъ къ Руге въ Дрезденъ и напечаталъ въ №№ 247—251 его газеты статью «О реакціи въ Германіи» подъ видомъ замѣтокъ француза Jules Elisard (Die Reaction in Deutschland. Fragment eines Franzosen). Въ

статьѣ этой признается значеніе лишь за крайними партіями и при томъ теоретическими. Между консерваторами, по мнѣнію автора, не имѣетъ значенія молодежь, вышедшая изъ аристократіи, торговаго и чиновническаго класса, — но лишь «противники принципа революціи», которые «называются въ политикѣ консерватизмомъ, въ наукѣ права — исторической школой, въ спекулятивныхъ наукахъ положительной философіей». Этой послѣдней авторъ противупоставляетъ отрицаніе, которое видитъ и въ девизѣ французской революціи liberté, égalité et fraternité, заключающемъ въ себѣ «полное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра» и возникающихъ въ Англіи и во Франціи соціально-религіозныхъ союзахъ, «которые противустоятъ теперешнему политическому міру, какъ нѣчто совершенно чуждое, и черпаютъ жизнь изъ новыхъ для него, неизвѣстныхъ источниковъ». Въ заключеніе авторъ говоритъ: Воздухъ полонъ, чреватъ бурями! и потому мы зовемъ нашихъ ослѣпленныхъ братьевъ: покайтеся, покайтеся, царство божіе близко! · · Мы говоримъ позитивистамъ *): откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ и убѣдитесь, наконецъ, что духа, вѣчно юнаго, вѣчно новорожденнаго, нечего искать въ упавшихъ развалинахъ.... Позвольте же намъ довѣриться вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть». (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust).

Статья Бакунина, снабженная лестнымъ примѣчаніемъ редактора, понравилась во многихъ русскихъ литературно-философскихъ кругахъ, гдѣ столкновеніе консервативныхъ гегеліанцевъ, въ родѣ Бѣлинскаго, и соціалистовъ, въ родѣ Герцена, приводило само къ лѣвогегеліанскому направленію. Герценъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ:

«1873, 7 Іюн. Deutsche Jarbücher запрещены въ Саксоніи. Объ D. J. жалѣть намъ нечего, потому что полные

*) Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть позитивистовъ въ смыслѣ послѣдователей Ог. Конта, но консерваторовъ въ смыслѣ вообще неотрицателей.

энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а такъ какъ перебрались изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію *). Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ была статья Jul. Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый въ обладаніи симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностію смыслъ ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ виликая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ можетъ и мы можемъ вложить лепту». (Сочиненія, I, 70—71). Скоро Герценъ узналъ, что Elisard совсѣмъ не французъ, и записалъ въ своемъ дневникѣ 28 Января: «Вѣсть объ Jules Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ.... 15 Февраля. Письмо отъ J. Elisard... онъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ». (Тамъ же, 82).

Бѣлинскій писалъ, 7 Ноября 1842 г., Боткину: «До меня дошли хорошіе слухи о М., — и я — написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься.... Странно: мы, я и М., искали бога по разнымъ путямъ — и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, знакомъ съ R. и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа». (Невѣдѣнскій, 94).

Между тѣмъ Бакунинъ поѣхалъ изъ Дрездена въ Швейцарію, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ. Въ Швейцаріи Бакунинъ сошелся съ нѣмецкими соціалистами, во

---

*) Дѣйствительно Руге издавалъ съ К. Марксомъ въ Парижѣ «Deutsch-Französische Jahrbücher»

главѣ которыхъ стоялъ портной и публицистъ Вейтлингъ. Герценъ писалъ по этому поводу въ «Дневникѣ»:

«4 Ноября (1843). Die Kommunisten in der Schweitz. Wörtlicher Abduck des Kommissionsberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не только въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго какъ одинъ изъ «venin». Они были захвачены, слѣдовательно и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elisard указалъ великую перемѣну, — его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ?». (Сочиненія, 145).

30 Сент. 1844 г. Герценъ писалъ въ дневникѣ: «Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать. Знай нашихъ,— одинъ испанскій exaltado говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ — въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали». (тамъ же, 239). Кажется, что до Москвы дошли нѣсколько преувеличенные слухи и что Бакунинъ не былъ въ тюрьмѣ въ Цюрихѣ, ни высланъ въ 1844 году изъ Парижа. Изъ писемъ Руге, которыя мы приведемъ ниже, видно, что въ 1844 г. Бакунинъ жилъ въ Парижѣ безпрепятственно.

2 Марта 1845 г. Герценъ записалъ: «Между прочимъ, статья Бакунина въ „La Réforme", — вотъ языкъ свободнаго человѣка; онъ дикъ намъ; мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову intra muros, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго, такъ какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной канурѣ». (Тамъ же. 272). Мы не могли узнать, о какой собственно статьѣ тутъ говорится.

До Герцена, очевидно, дошли нѣсколько преувеличенные слухи о преслѣдованіяхъ Бакунина въ Швейцаріи и Франціи. Въ рапортѣ Блунчли цюрихскому правительству о Вейтлингѣ и др. коммунистахъ въ Швейцаріи находимъ о Бакунинѣ только два указанія въ выдержкахъ изъ писемъ къ Вейтлингу: на стр. 64 парижскій корреспондентъ Вейтлинга, находившійся въ сношеніяхъ съ Cabet, пишетъ 15 Мая 1843: «Мы хотимъ, чтобы ты вступилъ въ тѣсную связь и интимное общеніе съ Фрёбелемъ и Бакунинымъ; это будетъ полезно тебѣ и дѣлу»; на стр. 121 А. Б(еккеръ) пишетъ въ Маѣ же 1843 г., изъ Женевы: «побуди русскаго, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ».

При посредствѣ проф. Штерна въ Цюрихѣ, мы получили отъ проф. Швейцера, директора архива въ Цюрихѣ, слѣдующія выдержки изъ полицейской корреспонденціи того времени о Бакунинѣ. 25 Іюля 1843 г. русское посольство въ Бернѣ, получивъ цюрихскій докладъ о коммунистахъ, пожелало имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ тамъ на 64 стр. русскомъ, Бакунинѣ. 12 Сентября полицейскій совѣтникъ сообщилъ правительственному совѣтнику Цюриха, что «эта личность проживала отъ 16 Янв. до 26 Іюня у г. архитектора Штадлера въ Енге и въ послѣдній день, не задолго до арестованія Вейтлинга, уѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ, не визировавъ въ бюро цюрихскаго госуд. совѣта своего паспорта, выданнаго ему 29 Мая 1840 г. въ Твери и визированнаго въ русскихъ посольствахъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ каковомъ паспортѣ онъ помѣченъ прапорщикомъ гренадерскаго полка. По справкамъ, теперь Бакунинъ долженъ быть въ Женевѣ или въ окрестностяхъ ея. Онъ учился въ Берлинѣ, откуда его хотѣли выслать въ Россію (?). Вмѣсто того чтобъ ѣхать туда, онъ отправился въ путешествіе по Германіи и прибылъ въ Швейцарію. Тутъ занимался онъ болѣе всего наукою (mit Studien) и литературными работами, а именно переводомъ одного сочиненія о французской революціи, изъ котораго нѣсколько печатныхъ листовъ найдено при обыскѣ въ бумагахъ Вейтлинга, однако не захвачены. Знакомства его были: Толленъ (Tollen), Фрёбель, проф. Фёгели (Vögeli, — Heinrich?). Кромѣ того былъ онъ въ корреспонденціи съ извѣстнымъ Руге. При своемъ отъѣздѣ, оставилъ онъ послѣ себя значительные долги, не смотря на то, что Толленъ много заплатилъ за него и въ томъ числѣ 100 фр. за помѣщеніе у г. Штадлера, у котораго Бакунинъ оставилъ и свою библіотеку».

Все это сообщено было русскому посольству, и посолъ А. Ф. Струве 17/29 Сент. 1843 г. извѣстилъ цюрихское правительство, что онъ «увѣдомилъ императорское министерство объ этихъ свѣдѣніяхъ о г. Бакунинѣ (sieur B.), котораго связи съ лицами, компрометированными въ процессѣ, возбужденномъ въ Цюрихѣ противъ коммуниста Вейтлинга, должны были привлечь вниманіе императорскаго посольства. Такъ какъ г. Бакунинъ продолжаетъ жить въ этой странѣ, то оно было бы очень благодарно за всякія свѣдѣнія отно-

сительно поведенія (les allures) этого путешестве
торыя могли бы достигнуть до вѣдѣнія цюрихска
тельства».

Вслѣдствіе этой просьбы цюрихская полиція пер
скому посольству еще два свѣдѣнія о Бакунинѣ:

1. Сообщеніе дирекціи полиціи Бернскаго ка
18 Февраля 1844 г. цюрихскому полицейскому сов
отвѣтъ на его вопросы отъ 15 Февр., что Бакун
торое время пробылъ въ Бернѣ, но нѣсколько дн
уѣхалъ оттуда, не получивъ паспорта отъ русскаго п
и, по свѣдѣніямъ, собраннымъ по просьбѣ того посол
иравился въ Нидербаденъ, а оттуда, вѣроятно, въ Б

2. Отъ 27 Февр. 1844 г. изъ Водскаго кантона
что Бакунинъ провелъ нѣкоторое время въ 1843 г.
потомъ уѣхалъ внезапно въ путешествіе въ Герма
возвратившись, прожилъ нѣкоторое время въ Prangi
нецъ, такъ какъ синдикъ этого города замѣтилъ, что е
не въ порядкѣ, онъ опять выѣхалъ и съ той поры не

Проф. Швейцеръ прибавляетъ къ этимъ сообщен
между бумагами, найденными у Вейтлинга, каже
ничего Бакунинскаго, впрочемъ это трудно рѣш
какъ письма эти по большей части носятъ псев
подписи. — Объ изгнаніи Бакунина изъ Цюриха н
рѣчи *).

Герценъ позже разсказываетъ (Ко
15 Янв. 1862), что тотчасъ послѣ
нинъ получилъ приказаніе возвр
поѣхалъ. Николай велѣлъ его
офицерскаго чина, дворянст

Объ этомъ парижскомъ
свѣдѣній въ брошюрѣ
Nihilismus. M
Bakunin, neb
(Leipzig. Verla
зы г. Голов
говоритъ,
въ Пари

---

*

нихъ письмахъ Огарева къ друзьямъ въ Россію ни слова нѣтъ о Бакунинѣ. Головинъ говоритъ, что онъ и Бакунинъ одновременно получили приказаніе возвратиться въ Россію и, послѣ отказа, присуждены были сенатомъ къ «лишенію правъ состоянія» — и что посольство русское во Франціи, во главѣ котораго стоялъ гр. Киселевъ junior послало въ „Gazette des tribunaux“ замѣтку о томъ, что Головинъ и Бакунинъ осуждены за революціонныя сочиненія и за отказъ возвратиться въ Россію. Головинъ написалъ въ ту же газету отвѣтъ, въ которомъ защищалъ свои сочиненія („Der Geist der politischen Oekonomie“ и „Die Politik, als Wissenschaft“) и упомянулъ, что хартія Михаила Романова давала дворянамъ русскимъ право ѣздить за границу и служить тамъ. Бакунинъ же, по словамъ Головина, написалъ въ „Gazette des tribunaux“, что никакой хартіи Михаила Романова не было. Головинъ говоритъ, что Бакунинъ получилъ тогда денежную помощь отъ Боткиныхъ, когда же ему было велѣно выѣхать изъ Парижа, то денегъ ему на дорогу далъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, у котораго Бакунинъ бывалъ, а въ Брюсселѣ его поддержалъ полякъ генералъ Скшинецкій (Skrzinecki).

За этотъ промежутокъ времени есть нѣсколько интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ въ письмахъ Арнольда Руге (Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebücher aus den Jahren 1825—1880. Herausgegeben von Paul Nerrlich. Berlin, 1886).

Въ Апрѣлѣ 1842 Руге писалъ изъ Дрездена Розенкранцу, отрицая у Шеллинга (второй манеры) самое имя философа и рекомендуя ему брошюру, статью Элизара. «Она принадлежитъ, — говоритъ Руге, — русскому, Бакунину, который теперь живетъ здѣсь. Подумай себѣ только, этотъ симпатичный (liebenswürdige) молодой человѣкъ превосходитъ всѣхъ старыхъ ословъ въ Берлинѣ. Но я думаю, что Бакунинъ, котораго я знаю и очень охотно принимаю у себя, не будетъ радъ, если станетъ извѣстно, что онъ авторъ (брошюры этой), уже вслѣдствіе положенія дѣлъ въ Россіи. Онъ со временемъ отправится въ Москву, можетъ быть въ университетъ (профессоромъ)». (I, 273). 2 Сентября философъ писалъ Людвигу Руге: «Мюллеръ здѣсь и Бакунины тоже. Я

вижу ихъ часто *). Старшій Бакунинъ очень образованный человѣкъ и имѣетъ большой философскій талантъ». (281). 15 Ноября А. Руге пишетъ Штару о романѣ Ж. Сандъ „Consu lo“: «Его очень хвалятъ за психологическую глубину; Гервегъ и Бакунинъ говорили мнѣ объ этомъ. Бакунинъ и Кёхли сердечно привѣтствуютъ тебя». (284). 7 Декабря Руге пишетъ Прутцу: «жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Тутъ живется среди многихъ возбужденныхъ и отчасти значительныхъ людей, — я назову Франка, Бакунина, русскаго, Мюллера и Кёхли, Кесслера, — гораздо лучше, чѣмъ въ старыхъ, покрытыхъ плѣсенью университетскихъ норахъ». (289).

8 Марта 1843 г. Руге пишетъ Фрёбелю о его книгѣ Anecdota и говоритъ: «одного я желаю, чтобъ эту книгу узнали и читали также въ Страсбургѣ и Парижѣ, чтобъ дать французамъ понятіе о нашихъ борьбахъ.... Бакунинъ долженъ былъ о томъ написать Піеру Леру и разсказать ему все дѣло подлинно и ясно». (300). 3 Мая философъ жалуется Людвигу Руге: «моя поѣздка въ Швейцарію не состоится. Бакунинъ, которому я много, слишкомъ много повѣрилъ, не можетъ заплатить опять мнѣ и вообще всѣ свои долги. Я построилъ на немъ воздушные замки и долженъ признаться, что мнѣ приходится солоно (sauer), черезъ иноземца, лежать скрученнымъ цѣлое лѣто. Я поручился за него у Бонди и на дняхъ заплатилъ за него 306 талеровъ, послѣ того какъ я ему въ Лейпцигѣ, когда онъ съ Гервегомъ отправлялся въ Швейцарію, далъ въ займы чистыми деньгами 2500 талеровъ. (307).

26 Августа 1843 г. Руге пишетъ женѣ своей изъ Парижа, что проѣздомъ черезъ Женеву видѣлъ Бакунина.

Въ 1844 г. А. Руге встрѣтился съ Бакунинымъ въ Парижѣ. 16 Окт. онъ пишетъ Фрёбелю: «Бакунинъ здѣсь теперь, какъ вы знаете; всегда полонъ надежды и веселъ; не сокрушимое хорошее расположеніе духа. Но его участь кажется мнѣ такова, что онъ будетъ имѣть успѣхъ только въ обществѣ, но не публично. Онъ обладаетъ всѣмъ для салона, но ему не достаетъ вообще (много) въ наукѣ и въ

---

*) Müller-Strübing, филологъ, приговоренъ былъ въ 1833 г. къ смерти за участіе въ студенческихъ тайныхъ обществахъ, но помилованный на пожизненное заключеніе. Въ 1840 г. амнистированъ.

атмосферѣ иностранныхъ, ему по крайней мѣрѣ неродственныхъ литературъ»... (368).

20 Окт. Руге пишетъ Флейшеру изъ Парижа: «Бакунинъ посѣтилъ меня здѣсь. Онъ уже отвыкъ такъ отъ нѣмецкаго языка, что дѣлаетъ ошибку на ошибкѣ, не находитъ больше словъ. (Многоточіе, знакъ пропуска). Бакунинъ все прежній любезный малый (libenswürdige Kerl). Я охотно предоставляю ему свободу и къ тому же его распутныя признанія, какъ наслѣдство славянское, въ Парижѣ совсѣмъ не должно ставить ему на счетъ. Здѣсь въ Quartier Montmartre, его связи въ Faubourg St. Germain не стѣсняютъ меня нисколько. Онъ говорилъ, что не ходитъ болѣе въ кабачекъ (estaminet) и сталъ очень прилежёнъ. Въ Германію онъ больше не поѣдетъ, даже если дѣйствительно произойдетъ чрезъ 3 мѣсяца революція, какъ онъ предполагаетъ, такъ что въ Февралѣ все уже получитъ коммунистическія учрежденія». (370).

24 Ноября 1844 г. Руге пишетъ Флейшеру: «не пропустите случая прочитать Кюстина о Россіи *). Какъ замѣчательно здѣсь изображеніе образованныхъ русскихъ! Видитъ передъ собою всегда Бакунина, какъ будто онъ служилъ ему моделью. Я не вѣрю своимъ глазамъ. Мои исключенія сдѣлались здѣсь типами! Такова вообще культура въ знатныхъ семействахъ. Они умѣютъ говорить обо всемъ свысока. Читайте книгу и вы убѣдитесь. Только немногіе изъ нихъ дѣйствительно станутъ гегеліанцами и разницу характеровъ я предполагаю естественно. Бакунинъ былъ одинъ разъ у меня. Мы болтали о Гервегѣ, который опять тутъ. Бакунинъ, который его очень любитъ, казалось, имѣлъ желаніе примирить меня съ нимъ. Но это какъ то не подходитъ, такъ какъ мы вѣдь собственно не враждебно настроены другъ къ другу, а просто характерами не сошлись. Я сказалъ Бакунину, что я сдѣлалъ было визитъ Гервегу и что теперь ожидаю того же самаго и отъ него, но что мнѣ не вѣрится, чтобы онъ пришелъ. Бакунинъ увѣрялъ меня, что Гервегъ всегда говоритъ обо мнѣ самымъ дружескимъ образомъ. Я же съ своей стороны выразилъ свое сожалѣніе, что между нами господствуетъ теперь эта натянутость, но въ то же

*) Марк. Ад. де Кюстинъ (Custine) напечаталъ въ 1843 г. свое путешествіе по Россіи — «La Russie en 1839».

самое время я ему сообщилъ, что я недоволенъ направленіемъ Гервега и его поэтическимъ тщеславіемъ, которое главнымъ образомъ приковало его къ г-жѣ S(tern) *). Бакунинъ замѣтилъ очень тонко: «друзей не критикуютъ». Я же: «ну, а если на тебя нападутъ подруги твоихъ друзей, тогда поневолѣ отнесешься критически къ этимъ друзьямъ, на глазахъ которыхъ имѣютъ мѣсто подобнаго рода нападенія». Бакунинъ: «Гервегъ — благородный характеръ». Ego: «благороденъ-то онъ благороденъ, но не мѣшало бы имѣть побольше характера». Бакунинъ: «Какъ такъ?» Ego: «Онъ измѣняетъ себѣ: въ своей теперешней жизни и въ равнодушіи ко всему, потому что все, что въ немъ было поэтическаго, то были просто на просто его вѣра, его паѳосъ». Бакунинъ: «вы вѣдь не вздумаете дѣлать какія нибудь нравственныя заключенія на основаніи его расположенія къ г-жѣ S(tern) и вы вѣдь не рѣшитесь объяснить этимъ его разочарованіе относительно Германіи и политики; если онъ дѣйствительно въ отчаяніи — то вина тому бѣдственное положеніе Германіи, и если онъ ошибается, то онъ самъ находится въ печальномъ состояніи». Ego: «Всякій свободенъ располагать своими наклонностями, если только онъ не взялъ въ этомъ отношеніи извѣстныя обязательства на себя. Но если общественное положеніе человѣка обусловливается исключительно его вѣрою и надеждою, то онъ представляется намъ въ очень жалкомъ видѣ, если его одолѣваетъ въ частной жизни равнодушіе. Публично онъ затыкаетъ Pückler'а за поясъ, а въ частной жизни онъ вполнѣ Pückler до трупнаго запаха пачулей и до привычки постоянно ныть изъ за ѣды. Впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости, чтобы Германія была преисполнена надеждъ для того, чтобы человѣкъ, какъ Гервегъ, остался при своей положительности и при своемъ паѳосѣ. Міръ политики въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ великаго нравственнаго міра. Поэтъ не долженъ терять духа изъ за бѣдственнаго положенія страны. Творить — значитъ уничтожить всякое бѣдственное положеніе, не въ дѣйствительности, а въ произведеніяхъ искусства. И если въ костяхъ нашего друга сохранилось еще мозгу, то онъ

*) Графиня d'Agoult, которая въ литературѣ извѣстна подъ именемъ Daniel Stern (1805—1876).

опять примется за работу». Бакунинъ: «Онъ привезъ съ собою изъ Швейцаріи много прекрасныхъ стиховъ и вернулся оттуда совсѣмъ освѣженнымъ». На это я ему отвѣтилъ, что нечего больше и желать. Такъ приблизительно мы бесѣдовали. Вы видите, такимъ образомъ, благородную распущенность Бакунина въ свободѣ разврата, которой онъ требуетъ для всякаго, не de facto, это мы знаемъ, — нѣтъ, какъ правило, — и при этомъ эта любезность и гуманность! Стыдишься своего узкосердечія и однакожъ мнѣ распутство, какъ правило и пресыщенность, какъ геніальный аристократизмъ такъ противны, какъ постоянное открытое почесываніе, въ то время какъ я понимаю, что иной можетъ прійти и до чесотки, тѣмъ или другимъ способомъ, безъ того чтобъ онъ былъ черезъ это свиньей по правилу.

«Однако, скажите, почему вы нападаете на моего сосѣда Ribbentrop'а? Онъ аристократъ по рожденію и по воспитанію. Онъ образованъ и сообщителенъ и гуманнѣе, чѣмъ наши здѣшніе друзья.... Самымъ гуманнымъ послѣ него слѣдуетъ считать Бакунина, который только презираетъ и презрительно обращается съ тѣми людьми, съ которыми я не имѣю охоты такъ обращаться. Риббентропъ стоитъ Бодкина (Боткина В. П.) и лучше чѣмъ большая часть другихъ сосѣдей и трактирныхъ товарищей Бакунина, но Бакунинъ нашелъ Bernays ниже всякаго достоинства, когда онъ встрѣтилъ его въ нашемъ обществѣ, а теперь онъ его перенесъ и переноситъ, когда Bernays, къ счастію, не приходитъ болѣе въ мой домъ *) Въ Дрезденѣ онъ также относился къ Dr. Köchly и Кесслеру, а съ кѣмъ онъ самъ водился? Съ Бюловымъ и барономъ Плохомъ и Дрезденской аристократіей. Народъ изучалъ онъ съ птичьяго полета....

«Но общественное значеніе нашего друга Бакунина становится мнѣ постепенно также проблематичнымъ, какъ и Ribbentrop'а. Уже протекло столько лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ вздумалъ приводить въ исполненіе свои планы, что я боюсь, чтобы такимъ образомъ не протекли и остальные годы. Между тѣмъ его значеніе какъ частнаго лица довольно

---

*) Lazarus Bernays издавалъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Бёрнштейномъ въ 1844 г. журналъ «Vorwärts» (2 раза въ недѣлю), въ которомъ писали К. Марксъ и Бакунинъ.

[illegible] очень дуб[illegible]
[illegible] нѣмецкую д[illegible]
[illegible] на привычкѣ взаимнаго об[illegible]
[illegible] другой изъ друзей: безъ с[illegible]
[illegible] по отношенію къ русским[illegible]
[illegible] потому что онъ пріѣхавъ въ Дрезденъ.
[illegible] только благодаря тому значенію, ко[illegible]
[illegible] (373—376).

[illegible] Декабря 1844 г. Руге писалъ матери: «Несча[illegible]
[illegible] идетъ теперь назадъ. Bernays, скандальн[illegible]
[illegible] приговоренъ къ 300 франковъ штрафа и [illegible]
[illegible] тюрьмы. Собственникъ глупаго листка видитъ те[illegible]
[illegible] быть въ дурныхъ рукахъ и проситъ меня взят[illegible]
[illegible] что позволилъ Маркеу низкія выходки пр[illegible]
[illegible] Бакунинъ-де также будтобы протестовалъ пр[illegible]
[illegible] Потомъ Бакунинъ, котораго я спасъ отъ Сибир[illegible]
[illegible] всякихъ чертей большими деньгами, присоедин[illegible]
[illegible] свиной къ этой компаніи и потомъ пробуетъ
[illegible] передо мною тѣмъ, что будто бы онъ не читалъ
[illegible] которыя онъ вмѣстѣ съ другими редактировалъ.
[illegible] нужно увѣрить тебя, что я болѣе не вступлю въ с[illegible]
[illegible] этой компаніей». (385). Дальше Руге сообщает[illegible]
[illegible] живетъ въ далекомъ отъ Бакунина и Маркса ква[illegible]
[illegible] что они его оставляютъ въ покоѣ, — чему онъ радъ,
[illegible] онъ хотѣлъ бы не знать ничего объ ихъ хара[illegible]
[illegible] лучше ихъ безхарактерности. Однако, замѣчаетъ
[illegible] сортъ софистовъ и безпутниковъ (rouès) необхо[illegible]
[illegible] въ наше распущенное, лишенное бога и еще [illegible]
[illegible] дисциплинированное время. Il faut qu'on connaisse ça». (386—
Впрочемъ, немного спустя Руге сообщаетъ Флейшер[illegible]
Бакунина, какъ [illegible] притянули къ бол[illegible]
журналистику, так[illegible] зрѣлыя лѣта
[illegible]

В[illegible] Руге [illegible] Бакун[illegible]
[illegible] не имѣетъ с[illegible]
[illegible]

[illegible] Руге [illegible] характер[illegible]
Бакунин[illegible] всѣхъ восп[illegible]
[illegible] Presse"
[illegible] XX

«Всею душею Бакунинъ предался нѣмецкому умственному движенію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изучивъ въ Берлинѣ не только гегельскую философію, но и живую діалектику, эту творческую душу вселенной. Онъ посѣтилъ меня въ Дрезденѣ, гдѣ я издавалъ „Deutsche Jahrbücher“, сговорился со мною относительно необходимости упраздненія абстрактной теоріи на практикѣ и относительно предстоящей революціи. Мы тѣсно сблизились и я ему помогалъ честно, когда онъ сталъ подозрительнымъ для русской дипломатіи и когда пребываніе его въ Дрезденѣ стало для него не безопаснымъ.

«Если бы онъ напечаталъ свою статью „Реакція въ Германіи“ въ „Deutsche Jahrbücher“ не подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ, то онъ давно бы уже обратилъ на себя вниманіе дипломатіи, такъ какъ эта статья, наполнившая въ октябрѣ 1842 г. 20 столбцовъ, содержитъ въ себѣ весь характеръ Бакунина и дальнѣйшее развитіе его мышленія до соціалъ-демократическаго включительно. Правда, статья эта была написана такимъ философскимъ языкомъ, который не такъ-то легко могло бы раскусить русское посольство въ Дрезденѣ или въ другомъ мѣстѣ.

«Только въ научной оболочкѣ возможно было тогда писать съ тою рѣзкою діалектикою и откровенностью, съ какою молодой ученый, Бакунинъ, предвѣщалъ погибель изгнилымъ порядкамъ. Самъ цензоръ не добрался до смысла этой статьи. А между тѣмъ, когда мы ее читаемъ теперь и объясняемъ при помощи великихъ событій нашего времени, статья эта приводитъ насъ невольно въ изумленіе.

«Бакунинъ начинаетъ ее слѣдующими словами: „Свобода, реализація свободы — кто рѣшится отрицать, что это слово стоитъ теперь на первомъ планѣ исторіи? Другъ и недругъ согласятся съ этимъ, потому что обязаны это сдѣлать, еще болѣе, никто не осмѣлится въ настоящую минуту откровенно и дерзко признать себя врагомъ свободы“. — А вѣдь бакунинская „реализація свободы“ есть просто-на-просто — революція.

«Далѣе Бакунинъ подвергаетъ анализу реакціонную партію и разбираетъ ея истинное и поверхностное отрицаніе. Вотъ что онъ говоритъ: „Демократизмъ далеко еще не состоитъ изъ одного своего аффирмативнаго богатства, но онъ

черпаетъ свою жизненность въ отрицаніи позитивнаго, и вотъ почему онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ позитивнымъ, для того чтобы послѣ воспрянуть изъ своего свободнаго основанія въ совсѣмъ возрожденномъ видѣ и какъ живая полнота своего собственнаго „я“. И это превращеніе демократической партіи въ самой себѣ не будетъ однимъ только количественнымъ измѣненіемъ, т. е. не только расширеніемъ ея теперь особеннаго, а вслѣдствіе этого, дурнаго существованія — сохрани боже! — вѣдь подобнаго рода расширеніе было бы просто опошлѣніемъ цѣлаго міра и конечнымъ результатомъ всей исторіи, было бы просто-на-просто абсолютное ничтожество — о нѣтъ, это превращеніе демократической партіи будетъ качественнымъ измѣненіемъ, новымъ живымъ и оживляющимъ откровеніемъ, новымъ небомъ и новою землею, новымъ и восхитительнымъ міромъ, въ которомъ всѣ современные диссонансы сольются въ одно гармоническое цѣлое.

«Бакунинъ критикуетъ далѣе послѣдовательныхъ и посредничествующихъ позитивистовъ. „Первые будятъ, не сознавая того, что̀ они дѣлаютъ, отрицательное отъ его филистерской дремоты, для которой оно было предназначено и призываютъ его къ исполненію его великаго предназначенія, а именно, къ упорному и безпощадному уничтоженію всего положительнаго. Отрицательное только и имѣетъ право на существованіе, какъ подобнаго рода безпощадное отрицаніе, — но какъ таковое оно имѣетъ абсолютное право на существованіе, потому что, какъ таковое, оно есть дѣйствіе современнаго практическаго духа, невидимаго даже въ противопоставленіи духа, который посредствомъ этой бури уничтоженія могущественно побуждаетъ грѣшныя, стоящія на полъ-дороги души къ покаянію и возвѣщаетъ свое близкое пришествіе, свое близкое откровеніе въ истинно демократической и всемірно-человѣческой церкви свободы“.

«Гдѣ былъ красный карандашъ г-на профессора Ваксмута, когда онъ пропустилъ эти мѣста? Но Бакунинъ заходитъ еще далѣе въ своемъ апокалипсическомъ тонѣ и говоритъ (при чемъ онъ здѣсь уже высказываетъ свою послѣднюю точку зрѣнія): „Народъ, бѣдный классъ, который уже, безъ сомнѣнія, представляетъ большинство человѣчества; классъ, права котораго уже признаны теоретически, но который до

сихъ поръ по своему рожденію, по условіямъ своей жизни, осужденъ на неимущее состояніе, на невѣжество и вмѣстѣ съ этимъ и ка фактическое рабство; этотъ классъ, который собственно и есть настоящій народъ, принимаетъ вездѣ угрожающее положеніе, начинаетъ считать ряды своихъ враговъ, слабые по сравненію съ нимъ, и требовать практическаго приложенія своихъ правъ, уже признанныхъ всѣми за нимъ. Всѣ народы и люди уже исполнены извѣстнымъ предчувствіемъ, и всякій, чьи только жизненные органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ на встрѣчу приближающейся будущности, которая произнесетъ слово освобожденія. Даже въ Россіи, въ этомъ безконечномъ, покрытомъ снѣгомъ царствѣ, которое мы такъ мало знаемъ и которому, можетъ быть, предстоитъ великая будущность, — даже въ Россіи собираются тяжелыя, грозу предвѣщающія тучи! О, воздухъ душенъ, онъ носитъ въ себѣ бури!"

«Мало сказать, что Бакунинъ имѣлъ нѣмецкое образованіе: онъ былъ также въ состояніи философски намылить голову нѣмецкимъ философамъ и политикамъ и предсказать будущность, которую они добровольно или нѣтъ вызвали.... Я привелъ въ доказательство этого нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательной маленькой статьи. Она заслуживаетъ быть цѣликомъ заново прочтенной и меня не удивляетъ, что нѣкоторые посвященные, которымъ не чужды елевзинскія таинства безсмертной логики грековъ и нѣмцевъ, вспоминаютъ пророческія мѣткія слова Жюля Елизара изъ „Deutche Jahrbücher" за послѣднія ихъ недѣли.

«Въ Дрезденѣ Бакунинъ попалъ въ натянутыя отношенія со своимъ петербургскимъ начальствомъ по иному поводу, чѣмъ участіе въ „Jahrbücher".

«Георгъ Гервегъ заѣхалъ во время своего путешествія къ намъ, а такъ какъ Бакунинъ имѣлъ просторную и удобную квартиру, то я помѣстилъ у него Гервега. За это гостепріимство Бакунинъ навлекъ на себя такое подозрѣніе, что мы стали бояться за его безопасность въ Саксоніи. Мы отправили нашего друга, какъ можно скорѣе, въ Цюрихъ, при чемъ я былъ недоволенъ на русскихъ, что они придавали больше значенія его невинному гостепріимству, по отношенію къ молодому поэту, чѣмъ его отношеніямъ со мною и открытому манифесту противъ „нѣмецкой реакціи", которой

гибель онъ предсказалъ безъ обиняковъ и изложилъ какъ историческую необходимость. Онъ даже имѣлъ обыкновеніе совершенно открыто, на Дрезденской променадѣ, гдѣ какъ говаривалъ онъ: „было начало Россіи и граница Германіи“, — пѣть мнѣ вечеромъ при разставаньи припѣвъ изъ „Гугенотовъ“:

Въ правую руку взялъ онъ саблю
И храбро устремился на бой;
Да здравствуетъ старикъ Колиньи!

Этимъ онъ хотѣлъ намекнуть намъ, чѣмъ это все кончится.

«Послѣ его отъѣзда изъ Дрездена стало извѣстно, что онъ и въ экономическихъ дѣлахъ слишкомъ сильно принималъ въ разсчетъ отрицательныя величины, и я самъ очутился между тѣми филистерами, которымъ пришлось вѣдаться съ этими разсчетами. Его семья оставила его на мели непростительнымъ образомъ и онъ долженъ былъ бѣгать не только отъ русскихъ, но и отъ маннихеевъ, какъ говорили студенты. Такая негативность въ столь существенномъ пунктѣ отчуждала меня отъ него, и когда его отецъ не уплатилъ въ срокъ, который назначилъ мнѣ сынъ, то я сдѣлалъ открытіе, что я съ моимъ братаньемъ остался въ дуракахъ. Но у меня это дурное настроеніе не долго держалось, и когда я опять встрѣтилъ Бакунина въ Парижѣ, послѣ того какъ провалилось „Jahrbücher“, то мы поддерживали знакомство, при чемъ не упоминалось рѣшительно о прежнихъ экономическихъ отношеніяхъ.

«Но за то, въ то время въ Парижѣ вопросъ экономическій былъ главной теоретической зацѣпкой и обсуждались всѣ формы соціализма. При этомъ я разошелся съ Марксомъ, а Бакунинъ присталъ къ нему и коммунистамъ; но когда я однажды встрѣтилъ его на улицѣ Риволи и потребовалъ отъ него объясненія, то онъ не только отрицалъ это, но даже заявилъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что революція наступитъ только политическая, а никакъ не соціальная, — вѣдь коммунизмъ просто на просто есть логическая невозможность. Я познакомилъ его съ Жоржъ Сандъ, Шопеномъ и Ламеннэ, но видѣлся съ нимъ рѣже, чѣмъ въ Дрезденѣ, гдѣ мы съ нимъ ежедневно встрѣчались въ музеѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ».

Въ 1847 г. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился тамъ съ Бакунинымъ. Въ запискахъ Герцена (Былое и Думы) мало, впрочемъ, говорится объ отношеніяхъ между ними въ это время.

Первую свою встрѣчу съ Бакунинымъ въ Парижѣ Герценъ описываетъ такъ:

«Въ Парижѣ! — едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ „Москва". Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства... Я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова; — вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля — всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... да вотъ и самъ Бакунинъ.

«Его я встрѣтилъ на углу какой то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми, и точно въ Москвѣ проповѣдывалъ имъ что то, безпрестанно останавливаясь и махая сигареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія; я ее прервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ». (Сочиненія, VII, 218—219).

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ вспоминаетъ о Бакунинѣ, говоря о Прудонѣ: «Я встрѣчалъ его (Прудона) раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ (музыкантъ, женившійся послѣ на дѣвицѣ Эрнъ, пріѣхавшей изъ Россіи съ Герценами) въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля, — философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фогтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ то вечеромъ слушать безконечные толки о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надобно было идти къ Jardin des Plantes; его удивилъ, не смотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь, — Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ». (Сочиненія, IX, 52).

Не смотря на горячность первыхъ встрѣчъ, вскорѣ обна-

ружились разногласія между Герценомъ и Сазоновымъ и отчасти и Бакунинымъ. Вотъ что находимъ мы у Герцена въ разсказѣ о Сазоновѣ, котораго можно назвать первымъ русскимъ эмигрантомъ, изъ за политическихъ идей, послѣ Н. И. Тургенева:

«Послѣ первыхъ шумныхъ дней въ Парижѣ начались больше серьезные разговоры, при чемъ сейчасъ обнаружилось, что мы (на)строены не по одному ключу. Сазоновъ и Бакунинъ были недовольны (какъ впослѣдствіи Высоцкій и члены польской централизаціи), что новости, мною привезенныя, больше относились къ литературному и университетскому міру, чѣмъ къ политическимъ сферамъ. Они ждали разсказовъ о партіяхъ, обществахъ, о министерскихъ кризисахъ (при Николаѣ!), объ оппозиціи (въ 1847 г.!), а я имъ говорилъ о каѳедрахъ, о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, о статьяхъ Бѣлинскаго, о настроеніи студентовъ и даже семинаристовъ. Они слишкомъ разобщились съ русской жизнью и слишкомъ вошли въ интересы „всемірной" революціи и французскихъ вопросовъ, чтобы понимать, что у насъ появленіе „Мертвыхъ душъ" было важнѣе назначенія двухъ Паскевичей фельдмаршалами и двухъ Филаретовъ митрополитами. Безъ правильныхъ сообщеній, безъ русскихъ книгъ и журналовъ, они относились къ Россіи какъ то теоретически и по памяти, придающей искусственное освѣщеніе всякой дали». (Сочиненія А. И. Герцена, IX, 114).

Съ Сазоновымъ это разногласіе чуть не довело Герцена до размолвки. Случилось это послѣ прощанія съ Бѣлинскимъ, который возвращался въ Россію и по наблюденіямъ друзей не долженъ былъ долго жить.

— «Жаль, замѣтилъ Сазоновъ, что Бѣлинскому не было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной.

— Кажется трудно упрекать именно его, что онъ мало сдѣлалъ, отвѣтилъ я — (разсказываетъ Герценъ).

— Ну, съ такими силами, какъ у него, онъ при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ побольше бы сдѣлалъ....

«Мнѣ было досадно и больно. „Да скажите, пожалуйста, ну вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? (Множествен-

ное число, употребляемое здѣсь Герценомъ, показываетъ, что онъ говорилъ не объ одномъ Сазоновѣ, но и о Бакунинѣ, хотя, конечно, больше о первомъ). Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобъ еще разъ переговорить съ Служальскимъ и Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи, — дѣло? Или что ваши бесѣды въ кафе и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе ничего не понимаютъ и говорятъ, — дѣло?

— «Постой, постой, говорилъ Сазоновъ, уже очень неравнодушно, ты забываешь наше положеніе.

— Какое положеніе? Вы живете здѣсь годы, на волѣ, безъ гнетущей крайности, — чего же вамъ еще? Положенія создаются, силы заставляютъ себя признать, втѣсняютъ себя. Полноте, господа, одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей. Вы живете въ какомъ то бреду и лунатизмѣ, въ вѣчномъ оптическомъ обманѣ, которымъ сами себѣ отводите глаза....

«Меня особенно, продолжаетъ Герценъ, сердили тогда двѣ мѣры, которыя прилагали не только Сазоновъ, но и вообще русскіе къ оцѣнкѣ людей. Строгость, обращенная на своихъ, превращалась въ культъ и поклоненіе передъ французскими знаменитостями.....

«Каюсь, что я сначала былъ увлеченъ и думалъ, что поговорить въ кафе съ историкомъ „десяти лѣтъ“ или у Бакунина съ Прудономъ, нѣкоторымъ образомъ чинъ, повышеніе; но у меня всѣ опыты идолопоклонства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію.

«Мѣсяца черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Парижъ я началъ крѣпко нападать на это чинопочитаніе и именно въ пущій разгаръ моей оппозиціи случился споръ по поводу Бѣлинскаго. Бакунинъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ своимъ хохоталъ; но Сазоновъ надулся и продолжалъ считать меня профаномъ въ практически-политическихъ вопросахъ». (Сочиненія, IX, 114—118).

Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что парижская жизнь Сазонова и Бакунина представлялась Герцену безплодною, да и была таковою въ значительной степени. Она должна

была усилить въ Бакунинѣ абстрактное отношеніе къ дѣйствительности, особенно русской, а кромѣ того такая жизнь втягивала въ себя и отучала отъ работы русскую натуру и безъ того мало привычную къ систематичному труду. Лично Бакунинъ за семь лѣтъ пребыванія его за границей, съ 1840 до конца 1847 г., едва написалъ съ пятокъ газетныхъ статей и, отбившись отъ литературнаго труда, къ которому онъ было присталъ въ 1836—1839 гг., попалъ совершенно въ положеніе деклассированнаго, безпрофессіональнаго человѣка. Онъ сталъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ людей, которые въ политическихъ процессахъ въ 70—80-е годы на вопросъ: чѣмъ занимаетесь? — отвѣчали: „революціонными дѣлами", — и внѣ этихъ дѣлъ дѣйствительно ничѣмъ не способны были заниматься.

Бакунинъ имѣлъ преимущественную симпатію къ такимъ безпрофессіональнымъ людямъ и считалъ ихъ солью земли, особенно подающею надежды. Въ одномъ изъ писемъ своихъ объ Италіи въ 1872 г., къ одному испанцу, онъ говоритъ: «Италія съ Испаніей есть, можетъ быть, самая революціонная страна. Въ Италіи есть то, чего не достаетъ другимъ странамъ: молодежь горячая, энергическая, совершенно безмѣстная (deplacée), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода (sans carrière, sans issue), которая, не смотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интелектуально, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Теперь она бросается внизъ головою (à tête perdue) въ революціонный соціализмъ»... (L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travalleurs. Rapport et documents, publiés par ordre du Congrès International de la Haye. Londres et Hambourg, chez Otto Meissner, 1873, 136).

Питая преимущественную симпатію къ такого рода де классированнымъ людямъ, Бакунинъ смотрѣлъ скептичес даже на рабочихъ спеціализированныхъ. Въ книжкѣ „Го дарственность и анархія" (ч. I, 8) онъ пишетъ: «Да жетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, к въ Италіи.... Въ Италіи не существуетъ, какъ во мног другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже части привиллегированнаго, благодаря значительному ботку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени лите нымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржу

началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ.... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи» *).

Такимъ образомъ, на Западѣ Бакунинъ вѣровалъ преимущественно въ голытьбу, выражаясь козацкимъ терминомъ, — обязательную голытьбу въ плебеѣ и буржуазіи. О Россіи тоже писалъ Бакунинъ въ 1869 г.: «я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной (?!) фаланги сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи». (См. дальше, письмо № LIII).

Какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться наше замѣчаніе, а мы скажемъ, что эта вѣра Бакунина въ „безпардонные“ элементы населенія, составляетъ основу, на которой выростала и вѣра Бакунина въ конспираціи и въ диктатуры. Отворачиваясь отъ элементовъ профессіональныхъ, съ извѣстнымъ образованіемъ, энергическій человѣкъ отстаетъ отъ довѣрія къ органическому ходу прогресса, по необходимости медленному, и начинаетъ вѣровать въ катастрофы, а за тѣмъ и диктатуры кружковъ и лицъ, которыхъ катастрофы могутъ вывести на авансцену и которые сами могутъ вызвать эти катастрофы.

Къ тому же, деклассированные юноши естественно представляются такому человѣку своего рода преторіанцами и бюрократіей революціи. На такой основѣ у Бакунина въ

---

*) Нечего много распространяться о томъ, что надежды Бакунина на Италію не оправдались: если тамъ и произошло, — далеко позже, чѣмъ ждалъ Бакунинъ, нѣсколько крестьянскихъ бунтовъ, то они не сдѣлались общенародною революціей, соціалисты же итальянскіе и между ними непосредственные друзья Бакунина, бывшіе анархисты, обратились къ организаціи городскихъ рабочихъ, на манеръ нѣмецкихъ соціал-демократовъ, и къ парламентской дѣятельности.

его сибирскій періодъ жизни могла выростать, ря
вѣрой въ крестьянскій топоръ, вѣра въ диктаторовъ,
Муравьева Амурскаго, предпочтеніе генерала Игнать
кимъ литераторамъ, послѣ симпатія къ Нечаеву,
возможность разрушить государство — Россію — чр
спирацію кружка подобныхъ людей и т. п.

Совершенно въ соотвѣтствіи этой вѣры Баку
диктатуру исключительныхъ личностей идетъ его в
разбойниковъ среди „мужицкаго міра". Въ письмах
послѣ неисполненія надеждъ на мужицкое возстаніе въ
Бакунинъ относится довольно скептически къ массѣ
усматривая въ ней костность. Въ книжкѣ „Госуд
ность и анархія" (Прибавл. А, 10, 15) онъ ук
«три черты, затемняющія народную массу: 1) пат
ность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣра въ царя
воритъ дальше: «есть въ русскомъ народѣ лица,
идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почем
составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи,
вые революціонеры Россіи, Пугачевъ, и Стенька
были разбойники». (Ср. дальше, прокламацію).

Конечно, всѣ такія черты характера и идеи
достигли своего полнаго развитія съ теченіемъ вре
основы имъ, очевидно, положены были во время
рижской жизни, когда онъ оторвался отъ русской
тельности и вмѣстѣ отъ всякаго правильнаго труда

29 Ноября 1847 г. Бакунинъ произнесъ въ Пари
на банкетѣ въ 17 годовщину польскаго возстанія
въ которой указывалъ на возможность примиренія
и русскихъ въ общей революціи противъ деспотизм
лая I, — революціи, которую Бакунинъ считалъ
Въ концѣ рѣчи Бакунинъ заявилъ, что такое русско-
примиреніе будетъ и «освобожденіе всѣхъ славянс
родовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ
ный текстъ рѣчи см. въ приложеніи). Это первое и
проявленіе славянскихъ интересовъ у Бакунина. В
Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву изъ С. Фр
«буду служить у васъ по Польско-Славянскому воп
торый былъ моей idée fixe съ 1846 и моей прак
спеціальностью въ 48 и 49 годахъ». (См. дальше, пись
Между тѣмъ, какъ объ этомъ мы скажемъ и дальш

за этой идеи у Бакунина и до сихъ поръ представляется не ясною.

Послѣдствіемъ упомянутой рѣчи была высылка Бакунина изъ Франціи, по просьбѣ русскаго посла Киселева. Бакунинъ выѣхалъ въ Бельгію, — откуда писалъ между прочимъ Анненкову отъ 28 Дек. 1847 г. изъ Брюселя:

.... «Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржнецкаго, графа Тишкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ , всѣ другіе мнѣ какъ-то не симпатичны; они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тишкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И не смотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣсть не говорите объ этомъ, кромѣ Тургенева, никому; я боюсь, чтобъ черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ, — пусть себѣ гонятъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ— богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ вся моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма — скажете вы, — да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый ихъ шагъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

«Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ

своей стороны правы; и я также переношусь иногда на вашу точку зрѣнія, но чтожь дѣлать! Природѣ не измѣнишь. Вы — скептикъ, я — вѣрующій; у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, не смотря на всѣ различія, дѣло наше — одно.

«Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе. Видѣли ли Хоткевича? Онъ, кажется, на пути измѣнить славянскому дѣлу.

Въ письмѣ этомъ особенно важно упоминаніе о какихъ то славянщикахъ въ Парижѣ. Сопоставивъ это выраженіе со словами Бакунина о Хоткевичѣ, можно думать, что это былъ болѣе или менѣе спеціализированный кружокъ. Онъ не могъ состоять изъ русскихъ, такъ какъ послѣднихъ въ Парижѣ тогда было не много, да и тѣ, какіе были, не отличались интересомъ къ славянству. Скорѣе всего это должны были быть поляки. О славянствѣ въ 40-е годы говорилъ въ Парижѣ Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France, но говорилъ въ такомъ католическо-польскомъ духѣ, что врядъ ли могъ оказать вліяніе на Бакунина. Изъ дневника Герцена можно видѣть, какъ могъ относиться человѣкъ его круга къ идеямъ Мицкевича: «12 Февр. 1844. Лекціи Мицкевича въ Collège de France 1840—1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и К°, съ тою разницею, что онъ полякъ, а не москаль, живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, толкуетъ не объ одной Руси, но и о чехахъ, иллирахъ и пр. и пр.». (Сочиненія, I, 171). Если судить по статьѣ Jana Alegeto „Stanowisko Polski w Slowiansczyznie“, въ органѣ польской демократической эмиграціи, выходившемъ въ Парижѣ „Pamiątnik Democratyczny“ (1843, № 3), то трудно предположить, чтобъ на идеи Бакунина могли имѣть вліяніе и польскіе демократы въ Парижѣ, такъ какъ альфа и омега названной статьи — Польша, а объ освобожденіи и Россіи въ ней нѣтъ и слова.

Скорѣе всего подходило бы къ идеямъ Бакунина ученіе Лелевеля о демократической общинности (gminowładstwo), какъ первоначальной основѣ славянской жизни передъ установленіемъ въ Польшѣ шляхетства (możnowładstwo). Но объ

отношеніяхъ между Лелевелемъ и Бакунинымъ мало извѣстно. Самъ Бакунинъ въ вышеприведенныхъ словахъ письма къ Анненкову только упоминаетъ, что встрѣчался съ Лелевелемъ и раньше пріѣзда въ Брюсель въ 1847 г. Въ книгѣ іезуитскаго священника Заленскаго „Geneza i rozwòj nihilizmu w Rossyi“ (Kraków, 1892, 2 wyd. 41, примѣч.) находимъ такое показаніе о Бакунинѣ: «передъ 1848 г. онъ бросился съ горячкой на основаніе лиги славянской, втянулъ въ эту работу Лелевеля».

Къ сожалѣнію, и на это краткое сообщеніе нельзя положиться, такъ какъ книга г. Заленскаго написана безъ всякой критики, со множествомъ ошибокъ и анахронизмовъ. Впрочемъ, существованіе нѣкотораго общаго грунта идей между Лелевелемъ и Бакунинымъ несомнѣнно, основаніе, или замыслъ основанія Бакунинымъ лиги славянской не невѣроятенъ, — но во всякомъ случаѣ интересно, что Бакунинъ въ концѣ 1847 г. боится, чтобъ парижскіе славянщики не узнали о его будущей рѣчи въ Брюсселѣ.

Провозглашеніе республики во Франціи, вслѣдствіе революціи 24 Февраля 1848, вновь открыло Бакунину двери Франціи. Онъ явился опять въ Парижѣ, но пробылъ тамъ не долго. Герценъ, возвратившись въ Парижъ изъ Италіи, уже не засталъ Бакунина, разсказываетъ объ этомъ парижскомъ пребываніи такъ:

«Первые дни послѣ Февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на Польской годовщинѣ 29 Ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ Монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ, коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Косидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ Славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. „Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Бакунинѣ: „въ первый день рево-

люціи это просто кладъ; а на другой день его надобно разстрѣлять".

«Скажите Косидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ: что тѣмъ то Б. и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять на канунѣ революціи. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ въ 1854 г., я ему упомянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: „Здѣсь ношу Бакунина, здѣсь"». (Сборникъ посмертныхъ сочиненій, стр. 194—195).

Изъ этого разсказа Герцена важно было бы провѣрить показаніе, что именно Косидьеръ и Флоконъ (членъ временнаго правительства) придумали послать Бакунина въ славянскія земли. Головинъ сообщаетъ, что Бакунинъ жилъ въ 1848 г. въ Парижѣ у «Рейхеля, саксонца-музыканта, — и предводилъ большою манифестаціей рабочихъ, которая протестовала противъ національной гвардіи (bonnets à poils). Флоконъ, который прежде сотрудничалъ въ „Réforme" и теперь былъ министромъ публичныхъ работъ, говорилъ-де, что Франціей не возможно было бы управлять, если бы въ ней было 300 Бакуниныхъ. Онъ далъ-де Бакунину 3000 франковъ, французскій паспортъ и порученіе революціонировать Германію». Руге, въ воспоминаніяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ выдержку, говоритъ, что Бакунинъ выѣхалъ изъ Парижа для агитаціи въ Россіи *).

Тотчасъ послѣ этого выѣзда изъ Парижа Бакунинъ написалъ, 17 Апр. 1848 г., слѣдующее письмо Анненкову изъ Кёльна:

«Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣдній день въ Парижѣ, что не успѣлъ даже проститься съ вами и съ Тургеневымъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшій, не могъ ни прійти въ себя, ни вздохнуть свободно; только здѣсь въ Германіи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кёльнѣ опомнился. Во Франк-

*) Въ «Neue Fr. Presse» Руге ставитъ въ кавычкахъ слова: „чтобы направиться на русскую границу, и сдѣлать что нибудь для русской революціи", какъ будто слова самого Бакунина.

фуртѣ я все еще былъ какъ въ лихорадкѣ; здѣсь лихорадка невозможна, потому что, не смотря на все мнимое, кажущееся движеніе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствіе. Странная вещь! Большая часть Германіи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революціи, что не мѣшаетъ нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: „innerer Revolution". Впрочемъ, въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнія, уже дерутся. Отсутствіе всякой централизаціи теперь ощутительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кёльна) вотъ уже два дня какъ работники отчаянно дерутся противъ bourgeoisie, а здѣсь мертвое спокойствіе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова, — но революціи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе и опять будетъ живо въ Маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ странъ Германіи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятидесятью живыми, энергичными и вліятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobi изъ Кёнигсберга, съ графомъ Рейхенбахъ изъ Силезіи и съ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Willich, выгнаннымъ изъ прусской службы за распространеніе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣрено теперь начальство надъ соединенною революціонною арміей баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцаріи; тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ; объ немъ я ничего не слышалъ.... Бѣда, если имъ не удастся, потому что реакція хотя и сломана, но обломки ея еще являются вездѣ и грозятъ безпрестанно; теперь сильны не короли и князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою соціальные вопросы и торжество демократіи. Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема: старая власть рушится, вездѣ лишена инициативы; анархія безъ революціи — вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и бруланнаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. „Deutsche Einheit" — вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобъ все, что̀ онъ говоритъ, было напечатано. Что̀ живо въ Германіи, это начина-

ющійся двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показывеются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ; теперь предводители ея организуютъ мало по малу свои силы и стараются ввести единство въ революціонное движеніе цѣлой Германіи; есть умные, дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается тремя вещами: вопервыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1-го Мая въ Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленія будетъ имѣть Германія: „Republik oder Monarchie"; вовторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ, и въ третьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенія нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein; это Schleswig-Holstein'ское движеніе совершенно реакціонное; во главѣ его Прусскій король: „Es soll bewiesen werden, das die Könige auch für die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der deutschen grossen Nation sorgen!" И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, не смотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ; и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать.... права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что̀ вамъ впрочемъ должно быть извѣстно изъ газетъ; для насъ это хорошо.

«Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ: я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя, — но вещи не пришли и сегодня вечеромъ отправляюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе»....

(Конецъ письма не сохранился).

Письмо это важно для общей характеристики Бакунина, какъ примѣръ его вѣры въ ближайшее наступленіе народной революціи, — примѣръ принимания „второго мѣсяца беременности за девятый“, говоря словами Герцена. Эта вѣра поколебалась у Бакунина только послѣ его покушенія установить революціонную коммуну въ Ліонѣ въ 1870 г. Но спеціально для разъясненія вопроса, куда именно и съ какими цѣлями выѣхалъ Бакунинъ изъ Франціи въ 1848 году, и это письмо (на несчастье еще безъ конца) даетъ мало.

Слѣдующее по времени и мѣсту извѣстіе объ этомъ пребываніи Бакунина въ Германіи мы имѣемъ въ замѣткахъ Арн. Руге. Во время взрыва революціоннаго движенія въ Германіи Руге былъ въ Лейпцигѣ. Дѣла дошли до агитаціи въ пользу выборовъ въ германскій предварительный парламентъ (Vorparlament). Саксонское патріотическое общество (Vaterlandsverein) должно было поставить своихъ кандидатовъ. Руге былъ въ числѣ ихъ, но комитетъ общества былъ къ нему не расположенъ. Назначенъ былъ митингъ въ Odeum. Руге присутствовалъ, — какъ въ это время ему доложили, что одинъ господинъ изъ Парижа желаетъ его видѣть.

«Я сказалъ, говоритъ Руге, что буду занятъ на нѣсколько часовъ. Тогда мнѣ передали карточку съ именемъ Бакунина. Этому я не могъ противустоять. Я поспѣшилъ выйти и нашелъ его въ коляскѣ.

— «Садись сюда, закричалъ онъ, — брось своихъ филистеровъ и поѣзжай со мной въ Hôtel de Pologne. Я тебѣ имѣю разсказать безконечно много.

«Я протестовалъ и просилъ его дать мнѣ пару часовъ времени, выражая твердое убѣжденіе, что въ мое отсутствіе меня вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ.

— «Пойдемъ, старый другъ, мы выпьемъ бутылку шампанскаго, а тѣхъ оставимъ выбирать, кого они хотятъ. Ничего изъ этого не выйдетъ — однимъ обществомъ упражненія въ краснорѣчіи больше и больше ничего! Ты развѣ много ожидаешь?

— «Не очень много. Но нельзя же ихъ бросить. Одни они не выпутаются изъ затрудненій.

— «Ну, такъ ты, наконецъ, дѣйствуешь лишь изъ состраданія! Исторія будетъ испорчена еще разъ, — и если тебя при этомъ не будетъ, то ты не будешь въ отвѣтѣ. Ну, садись сюда!

«Я далъ себя уговорить, и то, что я предполагалъ, случилось: патріотическое общество отбросило мою кандидатуру.

«Бакунинъ былъ Парижемъ совсѣмъ не доволенъ. Движеніе, казалось ему, ослабѣваетъ и навѣрно наступитъ поворотъ назадъ. Уже то, что оставили безъ помощи Испанію и Италію, — ошибка, а о нѣмецкой и славянской революціи не имѣютъ тамъ никакого понятія, и съ большимъ трудомъ удалось ему получить средства на агитацію въ Россіи; онъ хочетъ съ этой цѣлью отправиться въ Бреславль, чтобъ быть ближе къ русской границѣ. Изъ парижскихъ политиковъ онъ особенно сблизился съ de Flotte, который впрочемъ соглашается съ нимъ въ томъ, что революція слабѣетъ и что враждебные ей элементы поднимаются».

Во время этого разговора Альтгаусъ принесъ вѣсть о паденіи кандидатуры Руге, и когда послѣдній упрекнулъ въ винѣ этого и Бакунина, который его увлекъ изъ Odeum, Бакунинъ утѣшалъ его: «ну, когда пойдетъ наша славянская революція, мы тебя вознаградимъ за неблагодарность этихъ саксонскихъ филистеровъ, такъ какъ ты больше сдѣлалъ для умственнаго возбужденія нашего времени, чѣмъ полный Odeum тѣхъ людей. Къ тому же ты принадлежишь не Саксоніи и не Лейпцигу, а Берлину».

«Я отвѣтилъ: За исключеніемъ твоей слишкомъ высокой оцѣнки моихъ заслугъ, я съ тобою вполнѣ согласенъ.

«Такъ прошелъ у насъ этотъ вечеръ и мы скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало предавались юмору и легкому разговору; до глубокой ночи оставались мы вмѣстѣ и всякій разъ, когда я собирался уходить, мой любезный рускій удерживалъ меня, восклицая: Руге, ты знаешь, что утрачено во мгновеніе, того никакая вѣчность не возвратитъ».

«На другое утро онъ уѣзжалъ въ Бреславль, чтобъ завести сношенія (въ Россіи) съ поповичами, отъ которыхъ онъ ждалъ чувствительности къ идеямъ времени. Бакунинъ тогда очень далеко зашелъ съ коммунизмомъ. Революція, съ ея рѣшительными политическими задачами, пошла нѣсколько на перерѣзъ всей соціалистической партіи, и Бакунинъ отбросилъ ее сначала на своихъ поповичей, послѣ на славянскій парламентъ и на возстаніе въ Прагѣ; въ Парижѣ, гдѣ соціализму дали слово въ Люксембургскомъ дворцѣ, не умѣлъ

предложить ни одного исполнимаго проэкта.» (Arn. Ruges. Briefwechsel etc., II, 42—45).

Когда наступили выборы во Франкфуртскій парламентъ, Бакунинъ вызвалъ Руге изъ Лейпцига въ Бреславль, обѣщая ему тамъ успѣхъ въ кандидатурѣ и прежде всего поддержку своего хозяина, купца St.... (Тамъ же, 46).

О положеніи самаго Бакунина въ Бреславлѣ Руге разсказываетъ такъ: «Бакунинъ завязалъ многочисленныя знакомства и охотно принимался всюду ради своей симпатичной и остроумной личности. Для своей цѣли онъ собралъ около себя нѣсколько русскихъ; онъ вступилъ въ сношенія съ чехами, и тогда было положено, что въ Прагѣ соберется конгрессъ славянъ, для того чтобъ различныя племена ихъ могли придти къ соглашенію». (Тамъ же, 49).

Къ сожалѣнію и эти извѣстія о планахъ Бакунина довольно темны. Интересно было бы знать болѣе, что это за поповичи (Popensöhne), на которыхъ возлагалъ надежды Бакунинъ. Должно быть это былъ первый „безпардонный" элементъ, на революціонность котораго разсчитывалъ Бакунинъ. Какого рода были тѣ русскіе въ Бреславлѣ, которыхъ собралъ около себя Бакунинъ? Въ тѣ времена въ Бреславлѣ бывали иногда изъ Россіи медики, но единицами, да купцы и ихъ прикащики, тоже въ незначительномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ это Бреславльское собираніе русскихъ около Бакунина, должно быть, осталось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ даже въ Прагу на конгрессъ славянскій, никто изъ нихъ съ Бакунинымъ не поѣхалъ *).

Обстоятельная исторія пражскаго съѣзда, который открылся 1 Іюня 1838 г. и прерванъ былъ 12 Іюня, еще не написана, а поэтому нѣтъ прочной основы не только для оцѣнки участія въ немъ Бакунина, но даже для прагматическаго разсказа объ этомъ участіи. Въ Россіи же почти никому не извѣстны и тѣ свѣдѣнія о пражскомъ съѣздѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, которыя обнародованы за границей, а потому мы должны будемъ здѣсь говорить

*) Герценъ въ своей статьѣ о Бакунинѣ, писанной по случаю его пріѣзда въ Лондонъ, («Колоколъ», № 119—120) говоритъ, что «въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ» передъ пражскимъ. Намъ ничего не извѣстно объ этомъ съѣздѣ

не только спеціально о дѣятельности Бакунина въ это время, но и о самихъ условіяхъ ея *).

Собственно говоря, положеніе Бакунина на пражскомъ съѣздѣ было не совсѣмъ естественно, въ соотвѣтствіе двойственности значенія самаго съѣзда. Непосредственная, вполнѣ практическая цѣль съѣзда была опредѣленіе политическаго положенія австрійскихъ славянъ въ виду національно централистическихъ стремленій политиковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Первые добились для себя весьма либеральныхъ уступокъ отъ австрійскаго императора, но желали сохранить и даже расширить гегемонію мадьярскаго племени надъ всѣми другими племенами короны св. Стефана: славянами, румынами и даже нѣмцами. Политики же нѣмецкіе, въ томъ числѣ особенно либеральные, — желали включить въ предположенную ими нѣмецкую имперію, конституцію которой тогда вырабатывалъ парламентъ во Франкфуртѣ, — также и всѣ австрійскія провинціи, нѣкогда считавшіяся въ составѣ Священной римско-германской имперіи и съ 1815 г. въ Германскомъ Союзѣ, со всѣмъ ихъ славянскимъ и итальянскимъ населеніемъ. Для славянъ не была выгодна ни мадьярская гегемонія въ Венгріи, не перспектива нѣмецкой гегемоніи въ будущей Германской имперіи, въ которой славяне составили бы меньшинство, обреченное на то подчиненіе, въ которомъ напр. теперь находятся познанскіе поляки. По этому среди австрійскихъ славянъ 1848 г. оппозиція противъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ стремленій проявилась въ двухъ направленіяхъ: первое предпочитало сохраненіе австрійскаго status quo, второе желало обращенія Австріи въ федеральную державу съ равноправностью національностей, — монархическую Швейцарію, какъ иногда говорилось.

Для послѣдней цѣли австрійскимъ славянамъ необходимо было согласиться въ цѣляхъ и средствахъ. Хорватскій пи-

*) Пособіями нашими будутъ главнымъ образомъ статья въ «Časopis českého museum» 1848 и брошюра Jana M. Černeho «Slovensky zjezd w Praze roku 1848 Na pamětku čtyřicitiletou» (V Praze 1888). Jakuba Maleho, «Naše znovuzrozeni. (V Praze, 1880). Протоколы съѣзда не были напечатаны. Поляки и югославяне вывезли протоколы своихъ секцій, уѣзжая изъ Праги въ началѣ уличныхъ безпорядковъ 12 Мая; остальные сложены были въ чешскомъ музеѣ и были забраны тамъ военными властями и переданы военному суду, который разбиралъ дѣло этихъ безпорядковъ.

сатель Кукульевичъ подалъ первый мысль о съѣздѣ; а чехи, которые считали свое положеніе особенно угрожаемымъ стремленіями франкфуртскаго парламента, подхватили эту мысль, — и съѣздъ славянскій былъ созванъ на 30 Мая 1848 г. въ Прагѣ.

Но созывающіе не ограничились одними австрійскими славянами. Идея всеславянскаго общенія, которая въ 40-е годы разрабатывалась въ литературѣ разныхъ славянскихъ народовъ, заставила организаторовъ пражскаго съѣзда позвать туда и неавстрійскихъ славянъ, хотя бы въ качествѣ гостей. Нѣкоторымъ практическимъ побужденіемъ къ тому было особое положеніе поляковъ. Собственно австрійскимъ — галицкимъ, — полякамъ не было практической необходимости въ съѣздѣ славянскомъ, такъ какъ Галиція не входила ни въ число земель венгерской короны, ни въ Германскій союзъ, и ничто не угрожало въ ней польской національности. Венгерскіе и австро-нѣмецкіе національные централисты надѣялись по этому, что поляки совсѣмъ не примутъ участія въ славянскомъ съѣздѣ. Но поляки прусскіе, — познанскіе, — оказались въ иномъ положеніи, такъ какъ прусское правительство, очевидно въ разсчетѣ на болѣе успѣшное подавленіе польскаго сепаративнаго движенія въ Познани, если и эта провинція будетъ введена въ число земель германскихъ, предписало и познанцамъ послать своихъ представителей въ парламентъ франкфуртскій. Познанскіе поляки такимъ образомъ оказались въ томъ положеніи, какого боялись чехи,— и у поляковъ явился практическій резонъ искать опоры въ другихъ славянахъ для охраны своей національности въ Познани. Кромѣ того въ Галиціи русины (малоруссы) заявили желаніе освободиться отъ суприматіи поляковъ, — поднятъ былъ даже вопросъ о раздѣленіи Галиціи на двѣ части: западную, польскую, и восточную — русинскую. Галицкіе поляки могли надѣяться, что посредничество другихъ славянъ поможетъ улаженію польско-русинскихъ разногласій.

Но участіе въ пражскомъ съѣздѣ неавстрійцевъ, поляковъ познанскихъ, логически, или по крайней мѣрѣ діалектически, — повело за собою приглашеніе и всѣхъ другихъ славянъ — балканскихъ и русскихъ. Но передъ славянами балканскими стоялъ въ первой линіи вопросъ освобожденія ихъ отъ турокъ, врядъ ли возможнаго безъ военнаго вмѣшательства

Россіи, — а славянскій вопросъ въ Россіи состоялъ въ освобожденіи поляковъ, невозможномъ безъ общей политической свободы. Такимъ образомъ участіе неавстрійскихъ славянъ въ пражскомъ съѣздѣ собственно парализовало дѣятельность австрійскихъ славянъ, крайне усложняя задачи съѣзда и выводя ихъ за предѣлы силъ австрійскихъ славянъ, которые все же составляли на съѣздѣ огромное большинство. (Члены съѣзда раздѣлились по спеціальностямъ такъ: 237 — вступили въ секцію чешско-моравско-силезско-словацкую, 62—въ польско-русинскую, 42 — словено-хорватско-сербско-далматинскую.

Между неавстрійскими членами съѣзда оказались познанскій полякъ Либельтъ, — членъ франкфуртскаго парламента, тщетно отстаивавшій въ немъ автономію Познани, — и Бакунинъ, принадлежавшіе оба къ числу самыхъ талантливыхъ, самыхъ образованныхъ и самыхъ либеральныхъ членовъ съѣзда, которые способны были оказывать наиболѣе сильное личное вліяніе на товарищей. Хотя и гости, Либельтъ и Бакунинъ, были избраны въ число членовъ дипломатическаго комитета и получили вмѣстѣ съ Захомъ миссіи составить проэктъ воззванія къ европейскимъ народамъ *). Проэктъ этотъ окончательно редактированный Палацкимъ, былъ принятъ въ общемъ собраніи съѣзда и можетъ считаться въ извѣстной мѣрѣ за сочиненіе Бакунина, который во всякомъ случаѣ раздѣлялъ его основныя мысли.

Манифеста этого достаточно, чтобъ снять съ пражскаго съѣзда обвиненіе въ реакціонности, которое наброшено было на него современными національными либералами нѣмецкими и мадьярскими и которое, съ ихъ голоса повторялось иногда и въ Россіи, — напр. въ радикальныхъ „Отеч. Запискахъ“ 70-хъ годовъ. Манифестъ провозглашалъ внѣшнюю и внут-

---

*) Захъ былъ моравамъ, но служилъ при сербскомъ князѣ и въ спискѣ членовъ помѣченъ былъ: moravanza Srbia. Шпрингеръ говоритъ: «хотя по оффиціальной программѣ неавстрійскіе славяне должны были считаться только гостями, но въ дѣйствительности они имѣли наибольшее вліяніе на переговоры. Порядокъ занятій составилъ лужичанинъ, основы важнѣйшихъ мемуаровъ предлагалъ сербскій княжескій чиновникъ, по имени Захъ и Либельтъ изъ Познани, наибольшую жизнь въ конфиденціальныя собранія секцій вносилъ русскій, Бакунинъ». (A. Springer. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. II. B., 333).

реннюю свободу всѣхъ народовъ и оканчивался даже предложеніемъ общаго европейскаго конгресса народовъ. Славянофильство въ манифестѣ этомъ можно усмотрѣть развѣ въ увѣреніи, что славяне никогда не притѣсняли другихъ народовъ, какъ завоеватели романскіе и германскіе, тогда какъ и теперь „свободный британецъ отказываетъ ирландцу въ полной національной самостоятельности, нѣмецъ угрожаетъ принужденіемъ славянскимъ племенамъ, а мадьяринъ не стыдится признавать въ Венгріи національныя права только за своимъ племенемъ". Если въ этихъ словахъ и есть національное самообольщеніе, то во всякомъ случаѣ такое, которое не угрожало никому.

Кромѣ вышепоказанныхъ комитетовъ Бакунинъ, означенный въ общемъ спискѣ членовъ, какъ rossijanin, т. е. великоруссъ, былъ зачисленъ въ польско-малорусскую секцію. (zbor polsko-rusinski) состоявшую изъ галичанъ и буковинцевъ, т. е. поляковъ и русиновъ (малороссовъ) кромѣ Олимпія Милорадова, старообрядческаго священника изъ великорусской колоніи Бѣлая Криница въ Буковинѣ, который въ общемъ спискѣ членовъ означенъ z Galicyi Rossijanin *). Отъ этой секціи Бакунинъ былъ назначенъ посломъ-посредникомъ на секцію словено-хорватско-сербско-далматскую.

Бакунинъ сдѣлалъ съѣзду какое то предложеніе, о которомъ чешскій современный историческій обзоръ съѣзда (Historicka sprava o zjezdu slovanskèm) говоритъ: «предложеніе Либельта и Бакунина не могло быть принято потому, что не относилось спеціально къ славянамъ въ Австріи, но брало во вниманіе и другія вѣтви, внѣавстрійскія» (Časopis Českého Museum. 1848, dil druhy, 12). Такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны, то намъ неизвѣстно точно, въ чемъ собственно состояло предложеніе Бакунина. Вѣроятно, оно было въ смыслѣ статьи его, напечатанной тогда же въ польской

*) Поляки отмѣтили себя въ общемъ спискѣ буквою M., т. е. Mazur, соотвѣтственно тому взгляду, который признавалъ, что и русины, какъ и мазуры, только разновидность поляковъ. И Либельтъ помѣченъ не полякомъ, а великополяниномъ (W. P.) изъ Познани. Либельтъ предсѣдательствовалъ въ польско-малорусской секціи, Эдм. Хоецкій, который послѣ былъ пріятелемъ Герцена, отмѣтилъ себя мазуромъ съ Украйны!!

газетѣ „Dziennik Domowy“, которую мы даемъ въ приложеніи по нѣмецкому тексту ея, напечатанному въ „Slavische Jahrbücher, 1848. Суть этой статьи сводится къ проэкту установленія всеславянскаго совѣта, который бы посредничалъ между разными славянскими племенами, соединенными въ братскій союзъ и устранялъ бы между ними всякія противныя братству дѣйствія. Вся эта концепція славянскаго братства не только утопична для тогдашняго, какъ и нынѣшняго положенія дѣлъ, но и вполнѣ идиллична и совсѣмъ не занималась собственно политическими, конституціонными подробностями вопроса, — такъ что въ этомъ уступаетъ программамъ Кирило-Меѳодіевскаго братства Костомарова 1846—1847 гг., и даже предложеніямъ Либельта пражскому съѣзду 1848 г. *). Соціалистическая тенденція въ слабой степени представлена въ статьѣ Бакунина въ видѣ желанія, чтобъ каждый славянинъ имѣлъ право на земельный участокъ въ общей территоріи славянской, — но и это желаніе выражено нѣсколько туманно.

Вообще съѣздъ принялъ нѣсколько рѣшеній, которыя могли имѣть непосредственное значеніе относительно дѣлъ австрійскихъ славянъ и которыя имѣли цѣлью превращеніе Австріи въ федерацію равноправныхъ народностей. Относительно же не-австрійскихъ славянъ съѣздъ ограничился платоническими пожеланіями, которыя изложены были еще передъ его открытіемъ въ программѣ его занятій:

«Если бы наше слово могло быть уважено внѣ Австріи, то мы бы высказались за улаженіе русско-польскихъ споровъ и объ освобожденіи славянъ изъ подъ ярма турецкаго. Между русскими и поляками идетъ дѣло главнымъ образомъ о прочномъ опредѣленіи правъ обѣихъ народностей. Когда оно наступитъ, то настанетъ само собою соглашеніе между тѣми могучими славянскими народами. Пусть свѣтъ свободы,

*) Программы Костомаровскаго братства сведены въ «Русскомъ Архивѣ» 1893, № 7, — а предложенія Либельта, см. въ названной статьѣ чешскаго музея, прил. VI. Программа Костомарова хотя утопическая для своего времени, все таки выставляетъ опредѣленн политическія формы славянскаго единства: она проэктируетъ слав скіе соединенные штаты съ правительствами областными и федера нымъ, при чемъ предлагаетъ раздѣленіе и Россіи на политичес области этнографическія и географическія, какъ напр. по нѣскол областей малорусскихъ и великорусскихъ.

который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ на пути къ единству, приведетъ также русскихъ и поляковъ къ пристани. О, еслибъ дѣйствительно, русскій народъ увидалъ свѣтъ свободы въ своей родинѣ!»

Далѣе слѣдуютъ такія же пожеланія освобожденія славянъ въ Турціи, «подъ знаменемъ благороднаго народа сербскаго», и наконецъ пожеланіе, чтобъ «просвѣщенное правительство саксонское не угнетало малаго и безвреднаго народа лужичанъ», а Пруссія отказалась отъ систематической германизаціи славянъ въ Силезіи, Нижней Лужицѣ, въ западной и восточной Пруссіи». О Познани не сказано, очевидно, потому, что польскій характеръ ея ставился внѣ спора).

Славянскій съѣздъ успѣлъ оформить только одно изъ своихъ постановленій: манифестъ къ европейскимъ народамъ, который былъ одобренъ въ собраніи 12 Іюна. На 14 Іюня было назначено постановленіе рѣшеній по другимъ вопросамъ. Но уже 12-го началось въ Прагѣ возстаніе, которое положило конецъ работамъ съѣзда и во время котораго разсѣялись и его бумаги.

Мы привели выше слова Руге о томъ, что Бакунинъ возлагалъ большія надежды на святодуховское возстаніе въ Прагѣ, и приведемъ дальше чешскія показанія о томъ какое участіе принималъ въ немъ Бакунинъ. Надо намъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ возстаніи.

Причины возстанія этого лежатъ въ тогдашнемъ крайне запутанномъ и возбужденномъ состояніи всей Австро-Венгріи и въ частности чеховъ. Чехи, въ своемъ стремленіи къ автономіи имѣли противъ себя и придворно-военную партію и національно-либеральныхъ нѣмцевъ и въ частности нѣмцевъ Богеміи съ Прагой. Сами они раздѣлялись на разныя партіи, изъ которыхъ одни думали достигнуть цѣли переговорами съ династіей, другіе черезъ — парламентаризмъ, третьи — черезъ народное возстаніе. Настроеніе въ Прагѣ и войска и населенія было таково, при которомъ, какъ говорится, ружья сами стрѣляютъ. Въ первые часы послѣ мартовскихъ волненій въ Вѣнѣ, чехи и въ частности городъ Прага получили нѣкоторыя уступки правительства и между прочимъ народную гвардію (Svornost) одинъ изъ легіоновъ которой, по примѣру Вѣны, составили студенты. Отряды этой гвардіи составляли почетный караулъ славянскаго съѣзда и на-

ходились въ общеніи, особенно студенты, съ болѣе радикальными его членами.

Ближайшимъ поводомъ ко взрыву возстанія было назначеніе въ Прагу командиромъ войскъ и верховнымъ начальникомъ администраціи кн. Авг. Шварценберга, извѣстнаго за реакціонера, которому приписывали изреченіе: «для меня человѣкъ начинается съ барона». Назначеніе это оживило консерватизмъ нѣмецкой части населенія въ Прагѣ, которое составило «Союзъ спокойствія и порядка» (Verein für Ruhe und Ordnung) и раздражило чеховъ. Тотчасъ по вступленіи въ должность, кн. Шварценбергъ издалъ полицейскія правила, между прочимъ ограничившія демонстративныя движенія около чешскаго музея, гдѣ засѣдалъ славянскій съѣздъ. Студенты, послѣ уличнаго митинга, послали депутацію Виндишгрецу требовать отмѣны его распоряженій, какъ оскорбительныхъ для съѣзда, и выдачи ихъ легіону 60.000 патроновъ (11 Іюня). Когда Виндишгрецъ отвѣтилъ отказомъ, изъ депутаціи раздались рѣзкія противъ него восклицанія. По городу пошли слухи, что студенты готовятся сдѣлать противъ Шварценберга демонстрацію съ обычной въ такихъ случаяхъ въ Германіи и Австріи «кошачьей музыкой».

12 Іюня, въ День Святого Духа, на одной изъ площадей Праги священникъ служилъ обѣдню. По городу пошли слухи, что это славянская обѣдня и что послѣ нея будетъ «братаніе» чешскихъ студентовъ и рабочихъ противъ войскъ и нѣмцевъ. Толпа собралась значительная. Когда послѣ обѣдни часть ея проходила мимо дома Виндишгреца, изъ него выходила депутація «Союза спокойствія и порядка». Пѣсни, которыя пѣла толпа, приняты были во дворѣ Виндишгреца, гдѣ были собраны солдаты, за «кошачью музыку», — а можетъ быть среди пѣвшей толпы и были такіе, которые пустили въ ходъ такую музыку. Солдаты выскочили изъ двора и стали разгонять толпу холоднымъ оружіемъ. Толпа бросилась на улицы съ крикомъ: «насъ бьютъ!» и начала строить баррикады. Къ мѣстамъ безпорядка стали собираться солдаты, —и въ то время, по показаніямъ, которыя повторяетъ и Яковъ Малый въ его исторіи чешскаго возстанія (Jakub Maly, — Naše znovuzrozeni. V Praze 1880 I—VI) раздались первые выстрѣлы по войскамъ изъ дома гостинницы Голубой Звѣзды, гдѣ жилъ Бакунинъ и нѣкоторые поляки, члены

съѣзда, началась перестрѣлка, жертвой которой была между прочимъ и жена Шварценберга, подошедшая къ окну. Къ вечеру, впрочемъ, баррикады по главнымъ улицамъ были очищены солдатами, — но нѣкоторыя большія зданія, въ томъ числѣ семинарія (Clementinum), университетъ и почти вся высокая часть города, Старая Сторона, находились въ рукахъ возставшихъ. Между прочимъ въ рукахъ студентовъ оказался и начальникъ губерніи, Левъ Тунъ.

На другой день граждане Праги отправили депутацію къ Шварценбергу для мирныхъ переговоровъ, которые протянулись три дня, когда въ городѣ была относительная тишина.

Между тѣмъ кн. Шварценбергъ вывелъ изъ города большую часть войскъ и поставилъ ее вокругъ города на высокихъ мѣстахъ, — что и дало ему возможность потомъ бомбардировать городъ. Это, въ сущности зловѣщее, отступленіе войскъ осмѣлило возставшихъ, — и кто то изъ нихъ выставилъ на улицахъ объявленія, которыя излагали требованія: установленія временнаго правительства Богеміи, отвѣтственнаго богемскаго министерства и особой національной арміи. Со стараго города стали учащенно, хотя совершенно напрасно, стрѣлять черезъ рѣку по солдатамъ, которые стояли въ т. наз. Маломъ городѣ.

Между тѣмъ въ Прагу прибыли два комиссара вѣнскаго министерства. 15 Іюня они согласились съ членами городской управы на томъ, что баррикады будутъ оставлены и Виндишгрецъ пойдетъ въ отставку, на что соглашался и послѣдній. Уже соглашеніе это было возвѣщено по улицамъ 16 Іюня, какъ опять часть возставшихъ начала стрѣльбу со Стараго города по берегу рѣки. Виндишгрецъ объявилъ себя свободнымъ отъ всякихъ условій и началъ бомбардировку города. Послѣ первыхъ выстрѣловъ Виндишгрецу предложена была представителями города сдача на извѣстныхъ условіяхъ, — но генералъ требовалъ безусловной сдачи и выдачи заложниковъ, хотя и прекратилъ канонаду. Но въ это время опять стали стрѣлять со стараго города, — и бомбардированіе было возобновлено. Ночной пожаръ впрочемъ напугалъ городъ, — и Прага сдалась безусловно и поступила въ управленіе Шварценберга на военномъ положеніи. (См. описаніе этихъ событій у Шпрингера, II, 342—347 и Малаго, II, 77—81).

I. Пречекъ характеризуетъ это святодуховское возстаніе, говоря, что никто изъ дѣйствовавшихъ въ немъ мѣщанъ и студентовъ не могъ сказать, какія оно имѣетъ цѣли, что никакой системы въ направленіи его не было, а только всякій разъ, когда близилось соглашеніе съ Виндишгрецомъ, стрѣльба гдѣ нибудь возобновлялась на сторонѣ возставшихъ. «Позже, говоритъ чешскій писатель, выяснилось, что тайное правительство возстанія сидѣло въ Клементинумѣ. Тамъ сидѣлъ Бакунинъ съ своею компаніей около стола, на которомъ лежали планы Праги, и оттуда давалъ приказанія о продолженіи сопротивленія». (Mály, II, 81).

Первымъ послѣдствіемъ этого святодуховскаго возстанія было прекращеніе славянскаго съѣзда. Уже 12 Іюня начальникъ народной гвардіи, кн. Лобковицъ посовѣтовалъ польскимъ, хорватскимъ и сербскимъ членамъ съѣзда уѣзжать изъ Праги, что многіе изъ нихъ и сдѣлали. 16 Іюня, по прекращеніи бомбардировки, часть оставшихся членовъ собралась было для продолженія обсужденій, но когда бомбардированіе возобновилось, то члены съѣзда объявили его отсроченнымъ и разошлись.

Для чеховъ вообще послѣдствіемъ возстанія было неисполненіе тѣхъ уступокъ, которыя привезли изъ Инспрука (куда удалился изъ Вѣны императоръ) какъ разъ во время возстанія чешскіе депутаты гр. Ностицъ и Ригеръ. Надо прибавить, что въ числѣ самыхъ горячихъ возбудителей возстанія, призывавшихъ пражанъ строить баррикады, былъ словакъ, членъ слав. съѣзда, Туранскій, который оказался шпіономъ и провокаторомъ, посланнымъ венгерскимъ правительствомъ съ цѣлью скомпрометировать съѣздъ. (Springer, II, 340—341).

Послѣ бомбардировки Праги Бакунинъ убѣжалъ въ Германію. Тамъ онъ скрывался въ Берлинѣ, Дессау, Кётенѣ и др.. и въ Апрѣлѣ 1849 г. явился въ Лейпцигѣ, въ кружкѣ студентовъ-чеховъ. Объ этой порѣ жизни Бакунина даютъ нѣкоторое понятіе воспоминанія Августа Рёккеля (Aug. Röckel, — Sachens Erhebung und das Zuchthaus zu Waldheim, 1865, Frankfurt a M., bei E. Adelmann). По словамъ Рёккеля Бакунинъ ожидалъ, что скоро возстанетъ Чехія и желалъ замедлить это возстаніе, пока подготовится таковое въ Германіи. Для этого онъ послалъ Рёккеля въ Прагу, — но эмисаръ нашелъ Богемію весьма далекою отъ возстанія

Въ это время Бакунинъ издалъ въ Кётенѣ по нѣмецки «Воззваніе къ Славянамъ» (Aufruf die Slaven), переводъ котораго мы даемъ въ Приложеніи *). Брошюра эта, полная благородныхъ намѣреній служить свободѣ и братству народовъ, не могла впрочемъ имѣть никакого непосредственнаго практическаго значенія, хотя такова была ея цѣль, — такъ какъ прежде всего среди самыхъ нѣмцевъ (не говоря уже о мадьярахъ) не было сколько нибудь значительнаго элемента, готоваго признать права славянъ на политическое равенство съ нѣмцами. Кромѣ того совѣтъ Бакунина славянамъ работать для разрушенія Австріи совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ условіямъ австрійскихъ земель, въ которыхъ національности такъ перемѣшаны, что раздѣленіе ихъ невозможно, а потому раціональною можетъ быть только цѣль превращенія Австріи въ федеральное государство въ родѣ Швейцаріи, а вовсе не распаденія этого государства по принципу этнографическому.

Врядъ ли нужно пускаться въ критику той части брошюры Бакунина, которая касается Россіи, — гдѣ авторъ предлагаетъ австрійскимъ славянамъ взять на себя иниціативу освобожденія поляковъ и русскихъ отъ Николая I, а въ то же время увѣряетъ ихъ, что Россія готова къ революціи.

Ко времени написанія Бакунинымъ «Воззванія къ славянамъ» относятся слова Герцена, въ статьѣ, писанной сейчасъ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ къ началу 1862 г. «Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ гр. Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которой не отрицали его враги». (Колоколъ, № 119—120, 15 Янв. 1862).

Какъ извѣстно, многіе поляки приняли активное участіе въ венгерскомъ возстаніи 1848—1849 гг., но это не имѣло

*) «Воззваніе» Бакунина было напечатано и по чешски Сабиною въ его газетѣ «Noviny Slavenske», — что вызвало осужденіе даже въ журналѣ Гавличка «Nar. Noviny», 1849, № 18.

никакого вліянія на отношенія между другими славянами и венграми, — такъ какъ поляки никакихъ внутреннихъ дѣлъ, общихъ съ венграми не имѣютъ, — не то, что славяне въ земляхъ, которыя венгерскіе націоналисты называютъ достояніемъ короны Св. Стефана, и въ которыхъ они не признаютъ и теперь равноправія другихъ національностей съ венгерскою. Въ 1848 же году венгерское правительство Кошута, которое стало потомъ во главѣ возстанія, явно было противно всѣмъ славянскимъ стремленіямъ и даже поставило оффиціальныхъ представителей на франкфуртскомъ парламентѣ, выражаясь, что нѣмцы представляютъ въ Австріи передъ славянами «элементъ цивилизаціи», и настаивая на присоединеніи нѣмецко-славянскихъ земель въ Австріи къ Германіи, чтобъ «Австрія не стала славянскою монархіей» (Springer, II, 330), — по L. Szalay, Diplomatische Actenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandschaft in Deutschland. Zürich, 1849). Что до предположеннаго Бакунинымъ союза славянъ съ нѣмцами въ 1848 г., то самъ же Герценъ писалъ въ той же вышеупомянутой статьѣ, которая была, очевидно, писана при помощи Бакунина: Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ».... Когда Бакунинъ сидѣлъ въ саксонской крѣпости Кенигштейнѣ, ожидая смертнаго приговора, въ газетѣ К. Маркса явилось извѣстіе, будто Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства. (См. дальше, при письмѣ № LIII).

Возстаніе Саксоніи произошло подъ предлогомъ требованія приведенія въ исполненіе конституціи, выработанной германскимъ парламентомъ въ Франкфуртѣ, которой не признали ни прусскій король, отказавшійся принять предложенную ему этимъ парламентомъ 2 Апр. 1849 г. карту Германіи и Австрійское правительство, отозвавшее депутатовъ-австрійцевъ изъ франкфуртскаго парламента. Бакунину въ Дрезде пришлось явиться защитникомъ франкфуртскаго парламента

противъ котораго онъ выступалъ въ Прагѣ съ славянской точки зрѣнія и къ которому и нѣмецкіе радикалы были въ свое время довольно равнодушны какъ къ слишкомъ умѣренному. Очевидно, Бакунинъ былъ увлеченъ своимъ революціоннымъ инстинктомъ, а кромѣ того, можетъ быть, расчитывалъ, что дрезденское возстаніе, разросшись, приметъ болѣе широкое направленіе. Съ 5 по 9 Мая Бакунинъ игралъ видную, чуть не диктаторскую, роль въ защитѣ Дрездена отъ саксонскихъ и прусскихъ войскъ. Авторъ статьи «Michael Bakunin und der Radicalismus» въ книгѣ «Russland vor und nach dem Kriege» (2 Aufl., Leipzig, Brockhaus, 1879) приписываетъ Бакунину накопленіе горючихъ матеріаловъ въ ратушѣ и приготовленіе осмоленныхъ вѣнковъ, которые были положены въ Цвингеръ (музей) и въ оперный театръ, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ въ Цвингерѣ, истребившій часть его коллекцій. Герценъ разсказываетъ, что Бакунинъ совѣтовалъ революціоннымъ правителямъ въ Дрезденѣ «поставить на городскія стѣны Мадонну Рафаэля и картины Мурильо и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю». (Посм. Сочиненія, 195).

8 Мая Бакунинъ держалъ рѣчь прибывшимъ изъ Лейпцига городскимъ депутатамъ о европейскомъ значеніи отчаянной защиты Дрездена, но 9-го дрезденскіе революціонеры должны были разсѣяться, или отступить къ Фрейбургу. 10 Мая Бакунинъ былъ взятъ въ Хемницѣ. Прусскій офицеръ, который его сторожилъ въ Альтенбургѣ, разсказывалъ о его непоколебимости и о томъ, какъ Бакунинъ научалъ его, что въ политическихъ дѣлахъ только успѣхъ опредѣляетъ, что великое дѣло, и что преступленіе» (von Varchmin. Die soziale Frage, 1876, въ «Russland vor und nach dem Kriege»).

Съ Августа 1849 по Май 1850 г. Бакунинъ содержался въ крѣпости Königstein, и былъ приговоренъ къ смерти секретнымъ военнымъ судомъ, но король замѣнилъ казнь на вѣчную тюрьму. Вскорѣ Бакунинъ былъ переданъ австрійскому правительству. Въ Маѣ 1850 г. Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на вѣчную тюрьму узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать: его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спрашивая.

Въ Мартѣ 1851 г., напугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевели въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Австрійскія власти опять приговорили Бакунина къ смерти, но за тѣмъ выдали его въ Россію въ Маѣ 1861. (Колоколъ № 119—120).

Арнольдъ Руге расказываетъ въ «N. Fr. Prasse» о жизни Бакунина отъ пребыванія въ Прагѣ до выдачи въ Россію, такъ:

«Не можетъ быть сомнѣнія относительно того, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ въ Прагѣ. Что онъ сражался храбро, объ этомъ мнѣ передавали прибывшіе въ Франкфуртъ поляки, сообщившіе мнѣ извѣстіе, которое я напечаталъ для конгресса (франкфуртскаго).

«Когда я ради управленія „Реформой“ оставилъ Франкфуртъ и переселился въ Берлинъ, то я нашелъ тамъ и Бакунина. Со времени пражскихъ событій онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ бродягой и не всегда могъ спасать съ собой свои вещи. Отъ этого его элегантность значительно пострадала, и одинъ нашъ молодой другъ „изъ племени Авраамова“, который слышалъ, что объ этомъ уже было сдѣлано замѣчаніе въ обществѣ, упрекнулъ въ неопрятности Бакунина, встрѣтивъ его у меня въ редакціи „Реформы“ и увѣщевалъ его исправиться; это произвело комическое впечатлѣніе. Бакунинъ, желая очевидно оставаться независимымъ даже въ своемъ гардеробѣ, смѣрилъ изумленнымъ взглядомъ своего увѣщевателя съ головы до ногъ и вскричалъ: „чего ему надо, этому маленькому чистенькому жиду?“ оскорбленно задымилъ своей папиросой — и не исправился.

«Франкфуртъ все болѣе опускался и становился обществомъ упражненія въ разговорахъ, и центръ тяжести движенія падалъ на Берлинъ, пока и тамъ не угасло солнце отъ Ноябрскаго переворота и король Фридрихъ Вильгельмъ IV ополчился противъ франкфуртской конституціи и противъ своего собственнаго императорства. Этотъ пріемъ, посредствомъ котораго Пруссаки запрягли лошадей позади экипажа, бросилъ меня сначала въ Лейпцигъ, гдѣ я опять встрѣтилъ Бакунина, и замѣшалъ насъ разными способами въ дрезденское возстаніе за конституцію. Бакунинъ завелъ болѣе крѣпкія связи съ пражской молодежью и сообщилъ мнѣ свои планы. Однако я совершенно разошелся съ нимъ въ

этомъ и заявилъ ему, что время заговоровъ прошло; чего нельзя достигнуть агитаціей и непосредственнымъ народнымъ движеніемъ, то еще менѣе можетъ быть достигнуто тайными союзами. Я говорилъ, что вижу въ этомъ только отчаянный шагъ и потому я рѣшительно противъ. Это объясненіе рѣшительно охладило его къ намъ, и незадолго до вспышки въ Дрезденѣ я потерялъ его совершенно изъ виду. Онъ втихомолку отправился въ Дрезденъ и жилъ тамъ, скрываясь уже изъ-за однихъ своихъ кредиторовъ давнихъ временъ.

«Какъ вдругъ вспыхнули безпорядки, потому что дрезденское правительство считало нужнымъ не допускать проведенія конституціи, что, со времени берлинскаго отреченія отъ короны, было не въ его власти; когда реакція вызвала безпорядки и кровопролитіе такимъ легкомысленнымъ поворотомъ къ насилію надъ народной волей, то, казалось, пришло время наверстать медлительность мартовскихъ дней. Дворъ бѣжалъ въ Кенигштейнъ; въ Дрезденѣ составилось временное правительство, Бакунинъ вышелъ изъ своего убѣжища и предложилъ ему свои услуги. Онъ, кажется, нѣкоторое время думалъ о совмѣстномъ дѣйствіи Праги и Дрездена. Но прусское вмѣшательство не дало достаточно времени дрезденскому народному движенію. Поднялась контръреволюція, и временное правительство бѣжало въ Хемницъ. Тамъ Гейбнеръ и Бакунинъ были арестованы и отведены въ Кенигштейнъ, отданы подъ судъ и приговорены къ смерти за государственную измѣну.

«На вопросъ, желаютъ ли подсудимые обратиться къ королю съ просьбой о помилованіи, Бакунинъ отвѣчалъ, что онъ „предпочитаетъ быть разстрѣляннымъ!“ Если бы это было сообщено невѣрно, то Гейбнеръ можетъ самъ это легко опровергнуть, чтобы намъ избѣжать необходимости обращаться за разъясненіями къ бакунинскимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ былъ помилованъ, но потомъ, по причинамъ пражскаго возстанія, былъ выданъ Австріи подъ условіемъ, что по окончаніи слѣдствія онъ будетъ опять препровожденъ въ Саксонію. За этотъ фактъ я также не могу поручиться. Бакунинъ, упорно отрицавшій свое вмѣшательство въ пражскія событія, былъ, наконецъ, выданъ Россіи.»

Русскій императоръ, какъ разсказываетъ Бакунинъ въ печатаемомъ нами письмѣ, № III, пожелалъ получить отъ него записку о славянскихъ дѣлахъ. По словамъ Герцена, Николай I, прочитавъ записку Бакунина (которую, можетъ быть, можно бы было разыскать въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія, ставшаго теперь довольно доступнымъ), сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ; его надобно держать въ заперти" *). (Посм. сочин. 197).

Изъ времени ареста Бакунина въ Петербургѣ есть о немъ упоминаніе въ запискахъ бывшаго саксонскаго повѣреннаго въ Петербургѣ гр. Фицтума-фонъ-Экштадта, который передаетъ между прочимъ свой разговоръ съ кн. Г., управлявшимъ тайной полиціей. Князь Г. сначала сообщилъ своему собесѣднику довольно фактическія свѣдѣнія о такъ называемомъ „заговорѣ" Петрашевцевъ, будто бы приготовлявшихся „съ истинно-дьявольской геніальностію" перебить въ одинъ день въ Петербургѣ и въ провинціяхъ высокопоставленныхъ лицъ, губернаторовъ и полицейскихъ чиновниковъ и обратить Россію въ федеративную республику. Далѣе кн. Г. сказалъ: я впрочемъ имѣю всѣ причины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы три года тому назадъ поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ивановичемъ (такъ названъ у Фицтума, очевидно, Спѣшневъ, котораго кн. Г. считалъ главою „заговора"). Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого человѣка! Не думаю, чтобъ въ русской арміи нашелся хоть одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ провидѣніе

---

*) Ив. Головинъ разсказываетъ, что записка Бакунина Николаю I оканчивалась словами: «за мои иностранныя преступленія судите меня, какъ русскій государь». (Op. cit., 52). Г-жа Тучкова-Огарева передаетъ этотъ конецъ такъ: «государь, за мое откровеніе простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи». (Р. Стар. 1894, XI, 20). Эти слова врядъ ли вѣрны, такъ какъ Александръ II, читая записку Бакунина, говорилъ, что въ ней «нѣтъ никакого раскаянія». (См. дальше, письмо № III). Описаніе дороги Бакунина изъ Австріи въ Петербургъ у г-жи Огаревой довольно правдоподобно, — показаніе же, будто вѣсть о смерти Николая I «застала Бакунина въ Соловецкомъ монастырѣ», — странная ошибка! Бакунинъ переведенъ былъ въ 1854 г. изъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ въ Шлиссельбургъ.

явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою». (Изъ книги St. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864, — „Русская Старина“ 1887, V, 394). Сопоставляя эти слова кн. Г. съ отзывомъ самого Бакунина о Петрашевцахъ и спеціально о Спѣшневѣ далѣе, въ письмѣ № I, нельзя не улыбнуться по поводу точности свѣдѣній петербургской тайной полиціи, а между тѣмъ такія свѣдѣнія заставляли всемогущаго Николая I говорить тому же Фицтуму: «le sol est miné sous mes pieds!»

По словамъ Б. У. Ф., Тургеневъ, во время ареста Бакунина въ Шлиссельбургѣ, «осмѣлился просить облегченія его участи и снабжалъ его книгами, не смотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у имп. Николая». (Р. Стар. 1884, Май, 396).

Дальнѣйшая исторія Бакунина довольно ярко отражена въ печатаемыхъ дальше письмахъ. Съ 1851 по 1854 г. Бакунинъ содержался въ Петропавловской крѣпости, а послѣ до 1859 въ Шлиссельбургской, потомъ поселенъ былъ въ Западной и дальше въ Восточной Сибири.

О сибирской жизни Бакунина сообщаетъ нѣчто Катковъ, но съ свойственнымъ ему озлобленіемъ и, вѣроятно, нѣсколько ретушируя по своему основу фактовъ. «Въ 1859 году, расказывалъ Катковъ (въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, 1870, № 4, по поводу ареста Нечаевцевъ и прокламацій Бакунинскихъ), — въ 1859 г., когда Бакунинъ еще проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, (? — по золотопромышленнымъ дѣламъ у откупщика Бенардаки? *М. Др.*), мы получили отъ него неожиданно письмо, въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ и которое показалось намъ искреннимъ. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 гг. получили мы отъ него еще два-три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими про-

изведеніями. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Переписки съ своей стороны мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего, ничуть не поврежденнаго, существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разсчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2000 р. единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему-де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ все таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири» (Невѣдѣнскій, 503—505).

Показаніе это нѣсколько сбивчиво: въ 1862 г. Бакунинъ былъ уже въ Лондонѣ и не могъ писать Каткову изъ Сибири. По всей вѣроятности послѣднее письмо Бакунина было еще отъ 1861 года. Затѣмъ сомнительно, чтобъ Бакунинъ имѣлъ 6000 р. передъ отъѣздомъ изъ Сибири. Во всякомъ случаѣ желательно обнародованіе текста писемъ Бакунина къ Каткову, которыя могли сохраниться въ архивѣ

«Моск. Вѣдомостей». Основа же писемъ, передаваемая Катковымъ, какъ равно и обращеніе Бакунина къ Каткову за деньгами не представляютъ ничего невѣроятнаго. Замѣтимъ, что начиная издавать въ 1856 г. «Русскій Вѣстникъ», Катковъ помѣстилъ въ числѣ сотрудниковъ и Сатина и Огарева. Правда въ 1861 г. уже намѣтилось различіе между все еще, впрочемъ, либеральнымъ журналомъ Каткова и радикальнымъ «Современникомъ», — но мы увидимъ далѣе въ иркутскихъ письмахъ Бакунина, что онъ одинаково презрительно смотрѣлъ на всю тогдашнюю русскую журналистику.

Объ отъѣздѣ Бакунина изъ Сибири ходятъ нѣсколько фантастическіе разсказы, напр., даже такіе, что будто онъ женился на дочери своего тюремщика (géolier) и съ ея помощью бѣжалъ и т. п. (B. Malon, L'Internationale. La Nouvelle Revue, 1884, 15 Févr., 750). На самомъ дѣлѣ, кажется, что отъѣздъ Бакунина нельзя назвать собственно и побѣгомъ: онъ имѣлъ свободу движенія по Сибири и выѣхалъ изъ Иркутска безпрепятственно, а на р. Амурѣ сѣлъ на американскій пароходъ и отплылъ съ нимъ. (Дальнѣйшее см. въ письмахъ №№ IV—VI).

Кавелинъ писалъ Герцену по поводу отъѣзда Бакунина изъ Сибири: «ушелъ онъ изъ Россіи нехорошо, нечестно» (Письма Кав. и Тургенева, 48), и г-жа Тучкова-Огарева сообщаетъ, что самъ Бакунинъ, прибывъ въ Лондонъ, говорилъ: «хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобъ вырваться на волю». (Р. Старина, 1894, IX, 20).

Арн. Руге разсказываетъ о жизни Бакунина въ Сибири, конечно, со словъ самого Бакунина, — но, можетъ быть, съ нѣкоторыми ошибками:

«Въ Сибири онъ скоро получилъ столько свободы, что могъ жениться и даже на дамѣ, которая принесла ему маленькое имѣніе. Бакунинъ изображалъ жизнь ссыльнаго какъ рѣшительно анти-русскую *). Всѣ принимаютъ непрерывно живѣйшее участіе въ европейскомъ развитіи. Сибирь освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія Россіи и въ далекомъ будущемъ станетъ безъ сомнѣнія сама госпожей своей судьбы. Но все же эта жизнь, беззаботная и замкнутая, не удовлетворяла нашего друга; онъ стремился уйти изъ этой

*) Т. е. антиправительственную. М. Др.

расширенной темницы, доставилъ себѣ средства чрезъ продажу своего имѣньица и устроилъ такъ, что одна торговая фирма въ Иркутскѣ дала ему свидѣтельство, какъ своему коммивояжеру по Амуру. Снаряженный такимъ образомъ, онъ задумалъ переплыть море, въ то время какъ его жена должна была ѣхать по сухопутью ему на встрѣчу чрезъ Европу. На Амурѣ плаваніе какъ разъ не было оживленнымъ и Бакунинъ нашелъ только императорскій фрегатъ, который шелъ по пути. У него хватило храбрости подняться на бортъ, изложить свою просьбу и побудить капитана взять его съ собой, разсказавъ ему о своихъ дѣлахъ и порученіяхъ. Капитанъ нашелъ пріятнаго спутника, а Бакунинъ пріятное путешествіе, которое заняло порядочное разстояніе внизъ по пустынной рѣкѣ. Ему угрожала опасность встрѣтиться съ губернаторомъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и, такъ какъ ему навстрѣчу шелъ фрегатъ, Бакунинъ вывѣдалъ, разговаривая, въ какомъ мѣстѣ фрегатъ долженъ встрѣтиться съ губернаторомъ, хотѣлъ было перебраться на купеческій корабль, который они нашли на якорѣ. Капитанъ корабля былъ житель Бремена: ему дѣло показалось довольно подозрительнымъ и онъ отказался взять съ собой въ Японію мнимаго коммивояжера даже за хорошее вознагражденіе. Капитанъ фрегата, который любезно заинтересовался путешественникомъ, взялъ его на свой ботъ и отвезъ къ одному американскому кораблю, который тоже тамъ стоялъ на якорѣ и также собирался въ Японію. Тамъ капитанъ помѣстилъ Бакунина, и послѣдній разстался, искренно благодарный, съ услужливымъ другомъ, котораго онъ плѣнилъ своимъ обаятельнымъ обращеніемъ.

На другой день американскій клиперъ съ Бакунинымъ въ каютѣ проплылъ мимо фрегата съ губернаторомъ. Такимъ образомъ опасность миновала и Японія была достигнута. Въ Іокагамѣ была небольшая остановка, Бакунинъ сошелъ на берегъ и принялъ ванну, отъ которой ему могло быть плохо, такъ какъ слуга началъ обливать его горячей водой, и Бакунинъ полагалъ, что только его густые волосы спасли его отъ погибели. Послѣ пріятнаго, все время благополучнаго и быстраго плаванія черезъ Великій Океанъ, счастливый бѣглецъ прибылъ въ Санъ-Франциско и тамъ, между переселенцами, ищущими золота, встрѣтилъ много европейскихъ

знакомыхъ, которые, болѣе мягко, но все же были также выброшены контр-революціей. Бакунинъ проѣхалъ одну половину земного шара въ цѣпяхъ, другую какъ бѣглецъ, пока прибылъ въ Европу. Здѣсь, въ Санъ-Франциско, встрѣтилъ онъ форпосты той великой арміи, въ которой онъ служилъ съ такимъ рвеніемъ и смертной отвагой и въ которую онъ намѣревался возвратиться.

«Его друзья въ Санъ-Франциско снабдили его средствами поѣхать дальше въ Нью-Йоркъ, а оттуда помогъ ему выбраться Александръ Герценъ, которому онъ писалъ въ Лондонъ. Герценъ нашелъ ему и парижскаго издателя для описанія его приключеній и побѣга: „Ut sine Festungs- und ut sine Stromtid“, котораго, къ сожалѣнію, онъ никогда не написалъ».

Въ концѣ 1861 г. (27 Декабря) Бакунинъ явился въ Лондонъ въ общество Герцена и Огарева, которые приняли его съ распростертыми объятіями. Впрочемъ, одно близкое лицо къ Герцену передавало намъ воспоминанія о томъ, что Герценъ ожидалъ осложненій, которыя Бакунинъ внесетъ въ дѣятельность «Колокола». Съ этимъ согласно и показаніе Н. И. Тучковой-Огаревой, которая говоритъ, что, «дочитавъ письмо (Бакунина изъ Америки), Герценъ задумался и сказалъ Огареву: „признаться, я очень боюсь пріѣзда Бакунина; онъ навѣрно испортитъ наше дѣло“.... Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ Бакунинъ на Западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр.... Предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ пріѣзда Бакунина польская струнка живѣй забилась въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ „Колоколѣ“ свои статьи (собственно половину статьи М. Др.), но замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдѣльными брошюрами, или въ изданіяхъ, называемыхъ „Голоса изъ Россіи“, потому что взгляды ихъ расходились.... Главное заключалось въ томъ, что взгляды Огарева и Бакунина бы-

ли какъ-то ближе, и послѣдній возымѣлъ большое вліяніе на перваго. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда сознавалъ, что Огаревъ ошибается». („Русская Старина", 1894, Ноябрь, 18—21).

Надо впрочемъ сказать, что на показанія г-жи Огаревой можно полагаться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ, — такъ какъ они часто противорѣчатъ даже тому, что говорится въ запискахъ Герцена и сбивчивы въ хронологіи. Кромѣ того, г-жа Огарева слишкомъ уже старается уменьшить сочувствіе Герцена польскому возстанію (см. особ. стр. 25) и разсказываетъ совсѣмъ невѣрно, будто «посланники» варшавскаго революціоннаго комитета (въ 1862 г.) уѣхали, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній».

Главное различіе Герцена и Бакунина было въ томъ, что первый хотѣлъ ограничиться только пропагандой извѣстныхъ идей, — въ соотвѣтствіе силамъ кружка и своимъ способностямъ, — а второй стремился къ революціонной акціи, заговорщицкой и военной. Отсюда и его сочувствіе къ польскому возстанію, большее, чѣмъ можно было ожидать, судя по его теоретическимъ идеямъ.

Изъ писемъ, которыя печатаются дальше, мы видимъ, что между Бакунинымъ и издателями «Колокола» сейчасъ же возникли несогласія. Самъ Герценъ разсказываетъ объ отношеніяхъ Бакунина къ „Колоколу" такъ:

«Въ Лондонѣ онъ, вопервыхъ, сталъ революціонировать „Колоколъ" и говорилъ въ 1862 г. противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 г. противъ Бѣлинскаго. Мало было пропаганды; надобно было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты: мало было близкихъ людей, надобны были „посвященные и полупосвященные братья", организаціи въ краѣ — славянская организація, польская организація. Бакунинъ находилъ насъ умѣренными, неумѣющими пользоваться своимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи..., сербы..., наконецъ былъ болгаринъ, лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ эпархій: Бонапартовской, Мирославской, Чарторижской; демократы безъ со-

ціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

«Отдохнулъ съ нами Б. за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за письменный столъ и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу». (Сборн. Посм. Соч., 200—201).

Съ пріѣздомъ Бакунина въ Лондонъ, на Герцена, который уже содержалъ семью Огарева, упала забота и по содержанію Бакунина. По этому вопросу встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія въ письмахъ И. С. Тургенева. Отъ 25 Янв. 1862 г. онъ пишетъ Герцену изъ Гейдельберга: «Доставленіе постоянной суммы М. А. затруднительно. С. давно уѣхалъ въ Египетъ, — да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ ни гроша, если нельзя о томъ протрубить во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что нибудь постоянное. Впрочемъ я еще съ нимъ потолкую. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что до меня касается, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Б—ну ежегодную сумму 1500 фр. впредь на неопредѣленное время и первые 500 фр. (считая съ 1 Янв.) отправлю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ $^1/_4$ желанной суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной». 11 Февр. онъ же пишетъ: «Братъ Б—на былъ здѣсь и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 фр. Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 250. Надѣюсь собрать всѣ. Б—нъ пишетъ мнѣ о 1000 р. с. Я говорилъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго; я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ, а 1000 р. с. съ 500 фр. составятъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста,

теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва». (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, 143, 145—146).

Изъ письма Тургенева къ Бакунину отъ 28 Окт. 1862 г. видно, что послѣдній обратился къ первому съ какой-то просьбой по устройству его жены. Тургеневъ обѣщаетъ свое содѣйствіе, прибавляя: «въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь надѣяться на мою старинную пріязнь, независящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній». (Тамъ же, 168).

Въ письмѣ къ Герцену, отъ 2 Апр. 1864 г., Тургеневъ говоритъ о вышеупомянутой, или, можетъ быть, новой выдачѣ денегъ Бакунину, говоря: «что Б., занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе — (другихъ онъ погубилъ вовсе) — что Б., говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы, — это въ порядкѣ вещей, — и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ». (Тамъ же, 181).

Впрочемъ, какъ говоритъ Б. У. Ф., Тургеневъ и послѣ, прервавши сношенія съ Бакунинымъ, помогалъ ему, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналъ объ этомъ». („Р. Стар.", 1884, Май, 396).

Въ изданномъ Феемъ вскорѣ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ его посланіи къ „Русскимъ, Польскимъ и славянскимъ братьямъ", Бакунинъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе о значеніи т. наз. раскола, какъ политическаго протеста противъ петровскаго государства. Это мнѣніе, основанное на научномъ недоразумѣніи и само послужившее источникомъ всякихъ практическихъ недоразумѣній для русской оппозиціи, — распространилось у русскихъ съ легкой руки Щапова и было привезено въ Лондонъ Кельсіевымъ *). Въ кружкѣ „Колокола" оно нашло себѣ

*) Между причинами этого недоразумѣнія надо поставить стѣсненія духовной цензуры, которой должны подвергаться въ Россіи всѣ сочиненія, касающіяся религіи, вслѣдствіе чего въ Россіи наука о религіяхъ и церквахъ, можно сказать, не существуетъ вовсе. Отъ этого русскіе ученые и не оцѣниваютъ значенія соціально-религіознаго элемента въ исторіи и готовы объяснять судьбу христіанства, реформаціи, раскола и т. п. исключительно причинами политическими и соціальными.

наиболѣе сочувствія у Огарева, который основалъ при „Колоколѣ“ прибавленіе „Общее Вѣче“, преимущественно посвященное агитаціи среди раскольниковъ. Въ немъ Огаревъ старался приблизиться къ раскольникамъ на столько, что самъ иногда принималъ видъ раскольника. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, который былъ въ Лондонѣ въ 1861—1862 г. съ цѣлью установленія отношеній своихъ единовѣрцевъ съ кружкомъ „Колокола“, есть нѣсколько замѣчаній и о роли, какую въ этомъ дѣлѣ игралъ Бакунинъ. Расказы Пафнутія вошли, какъ матеріалы, въ статью „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866 и 1867 г.

Тамъ, между прочимъ, читаемъ: Пафнутій разсказалъ (на пріемѣ у Герцена), какъ инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на пражскомъ сеймѣ (sic!) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостью для Герцена. Раскольникъ монахъ держитъ рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады!... Не дальше, какъ на слѣдующій день послѣ свиданія (Пафнутія) съ Герценомъ Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали между прочимъ объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 Янв., въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи», — тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго

кружка завязалось. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для „Колокола“ статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ о. Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобъ не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока *). При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева. Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. «Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія, и вообще не мало смущался болтливостію и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи».

«Кельсіевъ, говорится дальше въ этомъ разсказѣ, понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что по крайней мѣрѣ нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность».

«Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему

*) Тутъ идетъ рѣчь о статьѣ Герцена «М. А. Бакунинъ», помѣщенной въ 119—120 № «Колокола» (15 Янв. 1862). Мы думаемъ, что вышеприведенное свѣдѣніе о «подвигахъ» Алимпія Милорадова нуждается въ провѣркѣ.

неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: «ну, значитъ, благословилъ!» Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали передъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однако же Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси». („Русск. Вѣстникъ", 1867, Апрѣль, 713—715).

Въ числѣ результатовъ поѣздки Пафнутія въ Лондонъ было то, что онъ не только оставилъ планъ устройства тамъ старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, но уклонился и отъ свиданія съ Кельсіевымъ, когда тотъ проѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ за тѣмъ бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ «показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ царемъ и отъ врагъ его удалятися и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ» и т. д. (Д. П. Партія Герцена и старообрядцы. „Русскій Вѣстникъ", 1867, Мартъ, 401).

О лондонскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній и въ перепискѣ Арн. Руге. Этотъ послѣдній тоже жилъ въ это время въ Лондонѣ и сильно былъ недоволенъ публикаціями Герцена, гдѣ юная Россія представлялась какъ провиденціальная земля для соціализма, который будто бы старый латино-германскій міръ выработалъ теоретически, какъ древній міръ христіанство, но не способенъ осуществить его на практикѣ, а потому необходимо вступленіе на сцену новаго народа — славянскаго, какъ нѣкогда необходимо было для обновленія міра явленіе германцевъ,— а также возрѣніями Герцена, что деспотизмъ петербургскаго императорства есть политика нѣмецкая, а не русская. Уже въ письмѣ къ Герцену отъ 1854 г., писанномъ, очевидно, по поводу книжки Герцена «Du developpement des idées révolutionnaires en Russie», посвященной Бакунину, Руге го-

ворилъ: «Вы знаете, какъ меня всегда интересовали ваши сообщенія о Россіи.... но то явленіе, что даже свободномысленнѣйшіе русскіе, какъ вы и Бакунинъ, все еще остаетесь русскими націоналистами, все гордитесь этимъ ужаснымъ отечествомъ, все высокомѣрно относитесь къ намъ, вашимъ тиранамъ, что вы вызываете варварство и коммунизмъ, что вы думаете, будто эта (русская) простая, несамостоятельная толпа можетъ быть сравниваема съ тѣми гордыми вольными индивидуумами, которые разрушили древній міръ, со старыми германцами, — это дѣйствительно горькое для меня открытіе» *).

Получивъ запросъ о прибытіи Бакунина въ Лондонъ, Руге писалъ 9 Янв. 1862 г. Валесроду изъ Брайтона: пріѣхалъ ли Бакунинъ, я не знаю, — я, конечно, буду его видѣть. Но онъ сдѣлается еще болѣе русскимъ, чѣмъ Герценъ. Русская революція дѣлаетъ русскихъ, какъ Герценъ и Бакунинъ, еще безстыднѣе, и я заранѣе ожидаю слышать высокомѣр-

---

*) Arn. Ruges. Briefwechsel, II, 147. Все письмо это крайне интересно. — Руге признаетъ, между прочимъ, что «нѣмцы царствуютъ отъ Остенде до Камчатки, но что безъ нѣмцевъ же нѣмецкая тиранія нашего времени въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ не можетъ быть разрушена, — и боится, что если она разрушится, то славяне не будутъ играть роли друзей свободы. Они воспитаны въ такой системѣ, которой послѣдствія разстроили ихъ умъ и испоргили ихъ сердце. Раболѣпныя, ханжи, склонныя къ насилію, массы этихъ юношей, полныхъ надежды, какъ могутъ они сразу научиться свободно думать и свободно дѣйствовать?»

Дальше будетъ еще рѣчь о нападеніяхъ марксова кружка на Герцена и Бакунина. Нападенія эти довольно грязны и подкладка ихъ національное высокомѣріе слишкомъ явна, — но и на сторонѣ Герцена и даже отчасти Бакунина была доля этого высокомѣрія и увлеченія міровой миссіей русскаго народа и въ изображеніи окостенѣлости нѣмецкой жизни по остзейскимъ провинціямъ въ книгѣ Герцена было много несправедливаго. Остзейскія провинціи Россіи далеко не могли и въ 40-е годы считаться за образецъ жизни германской. Вообще по поводу разногласій между старыми русскими эмигрантами (Герценъ, Бакунинъ и др.) и нѣмецкими (Руге, Марксъ и др. слѣдуетъ сказать, что нѣмцы были совершенно правы, указывая на слабость культуры среди русскихъ и славянъ вообще какъ на препятствіе къ осуществленію революціонныхъ надеждъ русскихъ эмигрантовъ, но не правы были въ томъ, что ставили славянъ и качественно, по существу, ниже нѣмцевъ и даже сочувствовали германизаторскимъ опытамъ надъ славянами разныхъ нѣмецкихъ правительствъ.

ныя рѣчи о «молодости Россіи» и «объ изжившей гнилой Германіи» (op. cit., II, 217). 13 Марта Бакунинъ обратился къ Руге съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ Руге за заступничество за него по поводу клеветы Уркварта, будто Бакунинъ агентъ русскаго правительства. (См. объ этомъ примѣчаніе къ письму № LIII). 9 Іюля Руге писалъ Фрейлиграту, что «Бакунинъ замѣчательно сохранилъ молодость и хорошее расположеніе духа» *), — и прибавляетъ дальше: «Бакунинъ натурально полонъ русской революціи, — и исторія эта высматриваетъ довольно дико; это милое начало. Каково-то будетъ высматривать конецъ?» (тамъ же, 221). Вслѣдъ за тѣмъ, 12 Іюля Руге писалъ Фрейлиграту же: «Натурально, Бакунинъ вполнѣ русскій и даже не только русскій, но славянинъ. Но онъ не таковъ какъ Головинъ, который считалъ, что русскіе утвердились непобѣдимо въ Валахіи; напротивъ, онъ ожидалъ и желалъ взятія Севастополя, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ лопнула николаевская система. Натурально онъ весь живетъ въ начинающейся русской революціи, но не ослѣпленъ насчетъ ея варварскаго характера и ея „вѣроятнаго столкновенія съ Германіей изъ-за притѣсненныхъ нами славянъ“. Но это кажется ему, какъ и мнѣ, еще далекимъ. Близко, — читаемъ сегодня телеграмму, — царь вступилъ въ соглашеніе съ Луи Наполеономъ. Если это соглашеніе перейдетъ въ союзъ, а союзъ поведетъ къ войнѣ, посредствомъ которой царь можетъ пожелать спастись отъ революціи, „то, — говоритъ Бакунинъ вполнѣ вѣрно, — „мы можемъ только молчать. Наше время наступитъ только тогда, когда народъ станетъ господиномъ; но тогда мы будемъ стоять другъ противъ друга во враждебныхъ лагеряхъ“. Но эта минута, по моему мнѣнію, лежитъ довольно далеко за границами нашей жизни. Ибо когда таки на свѣтѣ русскіе станутъ народомъ, а русскій народъ господиномъ? Крѣпостные могутъ уничтожить дворянъ. Но крѣпостные далеко еще не народъ и еще меньше смогутъ образовать народовластіе, чѣмъ французы и нѣмцы могли это

*) Впрочемъ, и въ »N. Fr. Presse» Руге говоритъ о впечатлѣніи, какое на него произвелъ Бакунинъ въ Лондонѣ послѣ тюрьмы и сибирской жизни: «Даже тонъ его рѣчи сталъ другой. Только по его идеямъ узналъ я его. Онъ просидѣлъ страшно долгое время въ тюрьмѣ и поплатился за это своимъ здоровьемъ».

въ 1848 г..... Панславистическая демократія кажется мнѣ безконечно далеко выглядывающей и совсѣмъ не страшной фантазіей. „Я не спорю съ богами одинъ“, — и мы съ Бакунинымъ можемъ еще выпить много стакановъ вина, прежде чѣмъ выступятъ другъ противъ друга „два непріязненные лагеря“ — „великонѣмецкій“ и „панславистическій“ ». (Тамъ же, 222—223).

Вмѣсто столкновенія между нѣмцами и славянами передъ Бакунинымъ стало столкновеніе поляковъ съ русскимъ государствомъ.

Польское революціонное движеніе 1862—63 гг. увлекло Бакунина, а онъ увлекъ Огарева и Герцена гораздо дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Герценъ имѣлъ уже случай въ „Колоколѣ“ 1859—1860 гг. высказаться по польскому вопросу. При всемъ желаніи полякамъ автономіи, даже совершеннаго отдѣленія отъ Россіи, если они непремѣнно того желаютъ, Герценъ относился критически къ вопросу о полезности такого отдѣленія для самихъ поляковъ и особенно къ претензіямъ поляковъ на «историческія» границы Польскаго государства 1772 г. Въ то же время Герценъ относился критически къ соціально-политическимъ тенденціямъ польскихъ патріотовъ. (Подобный анализъ мнѣній Герцена по этимъ вопросамъ мы сдѣлали въ книжкѣ „Историческая Польша и великорусская демократія“. Женева, 1882). Изъ сибирскихъ писемъ Бакунина и изъ его статьи „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ“ (см. въ Приложеніяхъ) видно, что и Бакунинъ раздѣлялъ это отношеніе Герцена къ польскому вопросу. Несомнѣнно, что, оставаясь на почвѣ публициста-критика (на своей почвѣ), Герценъ могъ бы оказать значительныя услуги «польскому и русскому дѣлу» въ горячій часъ 1862—1863 г. Но Бакунинъ скоро былъ увлеченъ революціонно-конспираторскою частью своей натуры совершенно въ лагерь тогдашнихъ польскихъ революціонеровъ и немногочисленныхъ молодыхъ, неопытныхъ и просто незнакомыхъ съ деталями польскаго вопроса русскихъ заговорщиковъ и потянулъ за собою и Огарева съ Герценомъ.

Печатаемыя дальше письма достаточно рисуютъ Бакунина въ этотъ періодъ его жизни. Изъ нихъ ясно, что Бакунинъ желалъ присоединиться къ польскому возстанію не къ тому, какое было въ дѣйствительности, а къ тому, которое онъ

создалъ въ своемъ воображеніи, т. е. къ такому, которое бы направилось не только противъ русскаго правительства, но и противъ польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и котораго не желали даже и самые крайніе демократы между вождями возстанія. Интересно, что Бакунинъ самъ видѣлъ это нежеланіе, а все таки, увлекаемый потребностію дѣйствія, напрашивался въ союзники польскому возстанію. (См. письмо № XIX). Очевидно, что избытокъ активности увлекъ Бакунина въ дѣло, съ которымъ у него принципіальныхъ связей было мало и о которомъ онъ только вѣрилъ, что оно послѣ пойдетъ въ желанномъ для него направленіи *).

Такой же уповательный характеръ имѣла для Бакунина и политико-національная сторона польскаго возстанія 1863 г. Изъ писемъ, статей и рѣчей Бакунина до возстанія и послѣ видно, что онъ собственно никогда не признавалъ исторической Польши, т. е. правъ поляковъ на Литву, Бѣлоруссію и Украйну. Въ этомъ пунктѣ онъ отличался не только отъ польскихъ революціонеровъ, но и отъ молодыхъ русскихъ членовъ „Земли и Воли", которые не имѣли ясныхъ понятій не только о настоящемъ состояніи западно-русскихъ провинцій, но даже и объ ихъ исторіи, если могли называть ихъ (напр. въ прокламаціи „Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ", напеч. въ „Колоколѣ" 1862, № 147, 15 Окт.) «областями, соединенными съ Польшей воспоминаніями прошедшаго», — между тѣмъ какъ именно воспоминанія прошедшаго и разъединяли массы тамошняго народа съ Польшей. Бакунинъ только вѣровалъ, что толчекъ, данный польскимъ возстаніемъ, подниметъ массы народа западнорусскихъ провинцій къ возстанію же, и самоопредѣленію къ автономіи, вполнѣ независимой, или же федеративной. На такую точку Бакунинъ перетянулъ и Герцена съ Огаревымъ.

---

*) Судя по орѳографіи нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ письмахъ Бакунина, сомнительно, чтобъ онъ зналъ польскій языкъ. Свѣдѣнія его въ польской исторіи совершенно поверхностны. Это тоже характерная черта. Мы встрѣчали нѣсколько великоруссовъ, соприкасавшихся болѣе или менѣе близко съ польскимъ движеніемъ 1862—64 гг. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ польскаго языка; объ исторіи и этнографіи Польши и сосѣднихъ провинцій и говорить нечего. Такимъ образомъ всѣ эти «русскіе друзья польскаго дѣла» лишены были возможности разобраться въ его сложныхъ деталяхъ.

Между тѣмъ, по понятіямъ и поляковъ, и всей массы русскихъ, присоединеніе Бакунина и „Колокола“, вслѣдъ за „Землею и Волей“ къ возстанію, которое самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявляло претензію возстановить историческую Польшу 1772 г., было понято, какъ признаніе со стороны русскихъ радикаловъ этой претензіи — и это было главною причиною паденія ихъ популярности. Какъ современный свидѣтель событій, мы можемъ сказать, что возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, въ чисто польской области, пользовалось сочувствіемъ русскаго образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились около Кіева и въ Могилевской губерніи *). Результатомъ такого расширенія возстанія было не автономное самоопредѣленіе западнорусскихъ областей, а проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи полякамъ, которая фатально приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи, а въ Великороссіи поддержала централистическое стремленіе, тогда какъ скомпрометированіе великорусскаго радикализма союзомъ съ польскимъ возстаніемъ дало силу въ Россіи реакціи вообще.

Вотъ какъ Герценъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ польскому возстанію и о роли въ этомъ Бакунина въ 1862 году:

«Польская гроза приближалась больше и больше. Осенью

---

*) Мы считаемъ нужнымъ напомнить эти обстоятельства, такъ какъ съ тѣхъ поръ хотя и часто говорится о вліяніи польскаго возстанія 1863 г. на упадокъ популярности Герцена, рѣдко кто обращаетъ вниманіе на различія въ этомъ отношеніи возстанія въ Польшѣ собственно и въ т. наз. западныхъ губерніяхъ. Обыкновенно говорятъ, что поддержка Герценомъ польскаго возстанія вообще была причиною упадка его популярности (см. напр. статью о Герценѣ въ La Grande Encyclopedie). — что какъ видимъ, невѣрно. — Знать и помнить истинный пунктъ ошибки, совершенной Герценомъ, важно для всякаго русскаго политическаго дѣятеля для блага Россіи и поляковъ: ничѣмъ такъ не можетъ русскій послужить дѣлу польской свободы, какъ критическимъ отношеніемъ къ стремленіямъ польскихъ «историческихъ» патріотовъ, при сочувствіи къ автономіи Польши этнографической.

1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня *). Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей, и все таки итти своей дорогой. Чаще и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

— «Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говорилъ я Б., и тѣмъ болѣе, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

— «По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б. Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надобно принимать, какъ она представляется; не то всякій разъ будешь заурядъ то позади, то впереди.

«Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составлятъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ....

«Б. вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство, какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернутъ на свирѣпый патріотизмъ.

«Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что

*) Одинъ изъ русскихъ офицеровъ, рѣшившихъ присоединиться къ польскому возстанію.

Воля", развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить какъ нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

„Нѣтъ освобожденія безъ земли".

— «Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— «Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— «Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

— «Ну, этотъ, — подумалъ я, — пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему и на шины; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

«Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

«Г. и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

«Что въ Россіи клались первыя ячейки организаціи, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити, были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, могла образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ; но ея не было и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

«Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Г. и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобъ удивляться моимъ словамъ; хотя и увѣрялъ меня, что сила и развѣтвленіе общества „Земля и Воля" идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думали, но Г. при-

задумался. „Вы думали, — сказалъ я ему улыбаясь, — что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны сочувствіемъ къ намъ, унисономъ съ своими. Организаціи, которой бы мы сказали: иди на право или на лѣво, нѣтъ.

— «Да, любезный другъ, однако же, началъ Б., ходившій въ волненіи по комнатѣ....

— «Что же, развѣ есть, спросилъ я его и остановился.

— «Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь....

— «Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Г., почему я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на вашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ биться посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

— «Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій.

«Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уѣхалъ въ Парижъ.

«Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

«Б. собирался въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ то же время какъ Потебня, пріѣхалъ чрезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ „Земли и Воли“. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ, и раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но не смѣлъ явно выступить противъ своихъ. Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами Общества

„Земли и Воли“. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ Коммисары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

— «А много васъ? спросилъ я.

— «Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

— «Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ. — Ты вѣришь? спросилъ я Б.

— «Конечно, онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ! и онъ расхохотался.

— «Это другое дѣло.

— «Въ томъ-то все и состоитъ, чтобъ поддержать слабыя начинанія; еслибъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ, — замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

— «Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— «Это молодость, прибавилъ Б. и уѣхалъ въ Швецію» *).

О тамошнемъ его пребываніи Герценъ говоритъ:

«Б. былъ въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ Землю и Волю чрезъ Финляндію, слаживая посылку Колокола и книгъ и видаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля, онъ всѣхъ увѣрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увѣрилъ тѣмъ больше, что самъ искренно вѣрилъ, если не въ та-

*) Цифра 3—4000 членовъ «Земли и Воли» повторялась послѣ нѣсколько разъ и въ печати. (По счету Ткачова впрочемъ 1500). На самомъ дѣлѣ врядъ ли этихъ членовъ было и нѣсколько сотенъ и, если не считать офицеровъ въ Ц. Польскомъ, которые признавали девизъ «Земля и Воля», но собственно не принадлежали къ петербургскому обществу этого имени, то врядъ ли это общество можно считать за величину, сколько нибудь значительную. На Югѣ Россіи въ 1863 г. мы встрѣчали только одного формальнаго члена этого общества. да и тотъ, познакомившись въ Кіевѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ польскаго вопроса, рѣзко перемѣнилъ о немъ принесенныя изъ Петербурга мнѣнія. М. Др.

кихъ размѣрахъ, то вѣрилъ въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цѣль Б. состояла въ томъ, чтобъ, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву».

Почему собственно Бакунинъ не исполнилъ этого намѣренія, Герценъ не говоритъ; судя по письмамъ Бакунина изъ Стокгольма можно думать, что его удержало отъ поѣздки въ Польшу и Литву убѣжденіе, что руководители польскаго возстанія боятся бакунинской революціи больше даже, чѣмъ русскаго правительства. (См. письмо № XXV).

Изъ Швеціи Бакунинъ прибылъ въ к. 1863 г. на короткое время въ Лондонъ, откуда въ началѣ 1864 г. переѣхалъ во Флоренцію. Въ это пребываніе въ Лондонѣ Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ. Объ этомъ Бакунинъ самъ расказываетъ такъ: «Герценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня (о которыхъ была рѣчь выше). Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту, — такъ какъ я знаю его съ 1845 г., — что знаменитый соціалистъ нѣмецкій, котораго великимъ качествамъ я отдавалъ и не премину отдавать всегда полную справедливость, имѣетъ однако жъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого серьезнаго, у такого горячаго защитника человѣчества и справедливости. По этому, прибывъ въ 1862 г. въ Лондонъ, — я удержался отъ визита ему, мало желая возобновлять свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ считалъ самъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить.» (La théologie politique de Mazzini et l'Internationale, 1871, p. 46). Очевидно, Бакунинъ не вѣрилъ словамъ Маркса. Съ 1864 по 1868 г. Бакунинъ жилъ въ Италіи, во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ.

Впослѣдствіи Бакунинъ считалъ основанное имъ въ Италіи въ 1864 г. общество „Союзъ Соціальной Демократіи" за прямого предшественника „Интернаціональнаго Союза Соціальныхъ Революціонеровъ" и говорилъ о немъ такъ: «Возникнувъ, какъ утвержденіе соціализма противъ религіоз-

но-политическаго догматизма Маццини, Союзъ поставилъ въ своей программѣ атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, уничтоженіе юридическаго права, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность; онъ объявилъ трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая въ этой его программѣ указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ». (Историч. развитіе Интернаціонала, 301; ср. La théologie politique de Mazzini et l'Internationale par M. Bakounine. 1871). *).

О флорентинскомъ періодѣ жизни Бакунина находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ разсказѣ г. Анджело Де-Губернатиса, который былъ одно время близокъ къ Бакунину, женился на его родственницѣ (Безобразовой, племянницѣ А. и М. Н. Муравьевыхъ), но потомъ разошелся съ Бакунинымъ. Разсказъ г. Де-Губернатиса, — напечатанный въ автобіографическомъ предисловіи (Proemio autobiografico) къ его Біографическому словарю современныхъ писателей (Dizionario Biografico delli scrittori contemporanei. Firenze, 1880), имѣетъ цѣлью оправданіе этого расхожденія, а потому, конечно, долженъ былъ выйти вѣсколько одностороненъ и провѣренъ другими показаніями. Мы даемъ ему мѣсто здѣсь, такъ какъ основа его вполнѣ вѣроятна.

«Подъ конецъ 1864 и въ началѣ 1865 г., — говоритъ г. Де-Губернатисъ, — случай захотѣлъ, чтобъ я встрѣтилъ въ домѣ извѣстнаго венгерскаго эмигранта Фр. Пульскаго знаменитаго изгнанника русскаго и соціалиста Михаила Бакунина. Онъ сидѣлъ, гремя и имѣя передъ собою громадную чашку чаю, которая ставилась передъ нимъ, соотвѣтственно его пищеварительной способности. Около него былъ кружокъ разныхъ лицъ, слушавшихъ его слово, ученое, обильное и остроумное. Онъ видѣлъ много людей и много вещей и раз-

*) Реакція ученіямъ Маццини (Dio e popolo) побудила Бакунина стать рѣшительнымъ атеистомъ. По поводу атеистическаго заявленія Б—на на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1869 г. Тургеневъ писалъ Герцену: «А Бакунинъ, видно, перемѣнилъ свои убѣжденія: онъ въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ (въ 1862 г.) еще вѣрилъ въ личнаго Бога и въ разговорѣ со мной на старый романтическій ладъ, ходя ночью при лунѣ по улицѣ осуждалъ тебя за невѣріе». (Письма Кав. и Тург. 202—203).

сказывалъ охотно и съ пониманіемъ о философіи гегеліанской. Однимъ вечеромъ, замѣтивши, что я болѣе живо слушалъ его, онъ продолжалъ говорить, обращаясь постоянно ко мнѣ, хотя я еще и не былъ ему представленъ, какъ будто хотѣлъ околдовать меня своимъ взглядомъ. При одномъ мѣстѣ, говоря о Шопенгауерѣ, онъ пріостановился, сказавши: „но зачѣмъ я говорю вамъ объ ученіяхъ Шопенгауера? вотъ кто можетъ сказать о нихъ болѣе, такъ какъ можетъ показать, откуда Шопенгауеръ взялъ свои идеи“, — и указалъ на меня. (Г. Де-Губернатисъ былъ уже профессоромъ санскрита и всеобщей литературы). Я оказался открытымъ и далъ легко взять себя за душу. Скоро Бакунинъ всталъ, приблизился ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку, спросивши меня немного таинственно, — не масонъ ли я? — Я объявилъ, что нѣтъ и что не хочу имъ быть, имѣя отвращеніе отъ тайныхъ обществъ... Бакунинъ сказалъ мнѣ, что я правъ, что онъ самъ не имѣетъ большого уваженія къ масонству, но что оно ему доставляетъ способъ приготовлять другое. Спросилъ меня за тѣмъ, не маццинистъ ли я и республиканецъ. Я отвѣтилъ: „не въ моей природѣ слѣдовать одному человѣку, какъ бы онъ великъ ни былъ, и что я могъ бы быть республиканцемъ, но не маццініанцемъ, хотя я и признаю, что Маццини оказалъ большія услуги свободѣ; но эта республика кажется мнѣ пустымъ словомъ; теперь по крайней мѣрѣ оно не значитъ болѣе ничего; могутъ быть республики аристократическія и монархіи демократическія; въ Италіи теперь не монархія, а бюрократическій порядокъ, который наводитъ скуку; что нужно теперь, такъ это свобода; — что нужно было бы, такъ это возможность преобразовать общество такъ, чтобъ всѣ были равны, не только передъ закономъ, но и передъ вопросомъ о хлѣбѣ, каковой вопросъ еще не одинаковъ для всѣхъ, такъ какъ одни имѣютъ излишнее, а другіе терпятъ недостатокъ“. Тутъ Бакунинъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку, говоря: „ну, такъ вы нашъ, — такъ какъ мы работаемъ надъ этимъ предметомъ; вы должны присоединиться къ нашей работѣ“. Я возражалъ, что желаю остаться свободнымъ, что хочу отвѣчать публично за всѣ свои поступки; тогда онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, не малое, — и убѣдилъ меня, что въ виду мрачнаго заговора государствъ на зло общества, необходимо

противупоставить другой заговоръ. Онъ говорилъ: „реакціонеры всѣ согласны между собою, а либералы, напротивъ, разсѣяны, раздѣлены, несогласны; необходимо заключить договоръ тайный, интернаціональный.“

«Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился ещё, но наконецъ объявилъ, что, если пойдетъ дѣло на соціальную революцію непосредственную, то я вступлю въ тайное общество. Я возвратился домой въ часъ по полуночи, — попробовалъ лечь въ постель, чтобъ заснуть, — но напрасно. Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ туда и сюда въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія (furore), который овладѣлъ мною, — обвиняя гнусность и безполезность моей прошлой жизни, но объявляя громко и быстро самому себѣ, что я былъ бы тѣмъ болѣе гнусенъ, еслибъ остался еще одинъ часъ больше, съ моими чувствами республиканскими и даже революціонными, въ моей оффиціальной должности» *).

Г. Де-Губернатисъ отказался отъ своей государственной службы и посвятилъ себя вполнѣ бакунинскому обществу. Бакунинъ представилъ его „братьямъ“, какъ „лучшаго изъ итальянцевъ“ и помѣстилъ его фотографію въ своемъ альбомѣ между портретами Маццини и Гарибальди. Но скоро горячій адептъ сталъ замѣчать, что общество въ сущности ничего не дѣлаетъ. «Братья далеко не дѣлили моей горячности, говоритъ г. Де-Губернатисъ, — а верховный глава былъ вполнѣ погруженъ въ собираніе пожертвованій для бѣдныхъ поляковъ, какъ онъ говорилъ, а на дѣлѣ для самого себя и для болѣе нуждающихся братьевъ, которые были вхожи къ нему въ домъ... Въ обществѣ всѣ хотѣли высшаго чина и никто не хотѣлъ служить какъ простой рядовой, а генералиссимусъ составлялъ каждую недѣлю новый шифръ и хотѣлъ, чтобъ я его изучалъ, говоря, что я одинъ дол-

*) Этотъ разсказъ г. Де-Губернатиса напоминаетъ слова Басистова о вліяніи Рудина: «.... А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя! («Рудинъ» Тургенева).

женъ обладать ключемъ его. Я отвѣчалъ, что считаю безполезнымъ всякій шифръ, когда работа идетъ общая въ одномъ городѣ и т. д.... Бакунинъ, видя мою рѣшимость вступить въ дѣйствіе, поручилъ мнѣ преподать соціальный катехизисъ двумъ молодымъ людямъ, которые тогда имѣли нѣкоторое вліяніе среди рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, наборщикъ, оказался расположеннымъ вступить въ общество, — а о другомъ я долженъ сказать, что онъ самъ помогъ моему отрезвленію своимъ живымъ здравымъ смысломъ. Это былъ хорошій типъ тосканскаго рабочаго, сдѣлалъ походы въ Сицилію и къ Аспромонте, былъ молодъ сердцемъ и умомъ и откровененъ, schitto, честенъ, красивъ, обворожителенъ. Когда я ему изложилъ мою миссію, онъ мнѣ сказалъ: „посмотрите на эту винтовку; она служила дважды для моей родины; въ тотъ день, когда вы, господа, откроете ваши батареи и лучше объясните то, что вы хотите сдѣлать для нашего бѣднаго народа, я возьму ее опять и появлюсь въ первыхъ рядахъ бойцовъ, — но имѣйте терпѣніе: я не способенъ идти за другими, не зная куда!“ — Я готовъ былъ расцѣловать его, — такъ онъ мнѣ понравился. Я ушелъ и доложилъ дѣло главѣ верховнаго революціоннаго трибунала»... Недолго спустя, какъ говоритъ г. Де-Губернатисъ, онъ настоялъ на томъ, чтобъ „общество“ или „братство“ было распущено. (Op. cit. XXI—XXIII).

Въ Неаполѣ въ 1865 г. Бакунинъ основалъ новое „интернаціональное братство“, вмѣстѣ съ депутатами Фанелли и Фриціа. Малонъ называетъ его „первою секціей Интернаціонала“, — хотя „братство“ это не имѣло никакого соприкосновенія съ организовавшимся тогда въ Лондонѣ „Интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ“ *).

«Горячая молодежь, — говоритъ Малонъ, — въ которой мы находимъ Туччи, Гамбуцци, Капоруссо, Реццо, Коста, Кафіеро, Малатеста, Набруцци, Цанарделли, прониклась духомъ Бакунина, въ то время, какъ Биньани и Пичинини въ Ломбардіи, Ньокки-Віани въ Римѣ, посвящали себя также интернаціоналистической пропагандѣ. Программа великаго русскаго

*) Мысль объ Интернац. обществѣ рабочихъ была поставлена въ Лондонѣ на митингѣ 28 Сент. 1864 г.; въ Сент. 1865 г. была въ Лондонѣ о томъ конференція, а 3 Сент. 1868 открылся въ Женевѣ первый конгрессъ Интернаціональнаго общества.

революціонера, обнародованная въ Giustizia e Libertà, имѣла много общихъ точекъ съ незадолго передъ тѣмъ опубликованнымъ завѣщаніемъ Пизакане; она имѣла большое распространеніе и такъ сказать отдала соціалистическое движеніе въ Италіи въ его руки». (B. Malon. L'Internationale. „La Nouvelle Revue", 1884, 15 Février, 751).

Бакунинъ резюмировалъ свою программу въ такихъ словахъ: «уничтоженіе государства во всѣхъ его проявленіяхъ, юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ, реорганизація по свободной инціативѣ свободныхъ индивидуумовъ въ свободныхъ группахъ» (тамъ же, 753).

Въ 1867 г. Бакунинъ явился въ Женевѣ на конгрессѣ „Лиги Мира и Свободы" и выбирается членомъ постояннаго совѣта Лиги. Тутъ Бакунинъ обратилъ вниманіе на организованное передъ тѣмъ въ Лондонѣ Международное Общество Рабочихъ (такъ наз. Интернаціоналъ), которое имѣло уже 2-й конгрессъ (2—8 Сент. 1867) въ Лозаннѣ. Бакунинъ предложилъ Интернаціоналу проэктъ союза съ Лигой, на условіи, что «рабочіе обяжутся поддерживать буржуазію, при завоеваніи политической свободы, а буржуазія обяжется содѣйствовать экономическому освобожденію пролетаріата». Такой союзъ не былъ заключенъ, но рабочіе послали въ Женеву делегацію, которая присутствовала на конгрессѣ Лиги. Въ Іюлѣ 1868 г. Бакунинъ поступилъ въ Интернаціоналъ, былъ принятъ, по предложенію г. Элпидина, членомъ въ центральную секцію въ Женевѣ *) и предложилъ вновь союзъ Лиги и Интернаціонала, — но Брюссельскій конгрессъ послѣдняго (5—11 Сент. 1868 г.), согласился только послать депутацію на конгрессъ Лиги въ Бернѣ. Депутаты, впрочемъ, должны были присутствовать тамъ лишь какъ частныя лица. На конгрессѣ Лиги въ Сентябрѣ 1868, лишь 30 членовъ изъ 110 приняло соціалистическую про-

*) Въ т. наз. центральныя секціи обыкновенно поступали лица, которыя не принадлежали къ числу рабочихъ, — поэтому такія секціи назывались «секціями пропаганды». Въ 1869 г. Бакунинъ явился на конгресъ Интернаціонала въ Базелѣ, какъ делегатъ размотчицъ шелка въ Ліонѣ, хотя и жилъ въ Женевѣ. Въ спискѣ членовъ конгресса онъ записанъ такъ: «Bakounine, publiciste, délégué des ouvrières ovalistes de Lyon; Genève, 125, Rue Montbrillant». (Testut, L'Internationale, 147).

грамму Бакунина, (между ними братья Реклю, Фанелли, Жуковскій и пр.), — и тогда это меньшинство вышло изъ Лиги и образовало „Alliance internationale de la Démocratie Socialiste“. Въ этомъ союзѣ было образовано тайное интернаціональное братство, котораго центральный комитетъ передалъ диктатуру Бакунину. Союзъ хотѣлъ поступить въ Интернаціоналъ, сохраняя при этомъ свою отдѣльную организацію, — но ни національные совѣты Интернаціонала въ Бельгіи и Франціи, ни общій совѣтъ въ Лондонѣ не принялъ Союза на такихъ основаніяхъ и лишь въ 1869 г., когда общая организація Союза была объявлена (22 Іюня) распущенною, отдѣльныя секціи его были приняты въ Интернаціоналъ. Не смотря на это, бакунисты покушались неоднократно возобновить подъ разными именами Союзъ, сохраняя въ то же время свое мѣсто въ Интернаціоналѣ.

Между тѣмъ въ Россіи возникло т. наз. Нечаевское дѣло. Процессъ, разбиравшійся въ Россіи въ Іюлѣ 1871 г. по поводу убійства въ к. 1869 г. Нечаевымъ и сообщниками его студента Петровской земледѣльческой академіи у Москвы Иванова, открылъ цѣлый рядъ обмановъ со стороны Нечаева *). Какъ видно изъ печатаемыхъ далѣе писемъ, Бакунинъ сначала вполнѣ довѣрился Нечаеву.

---

*) Сергѣй Г. Нечаевъ родился въ с. Хомутовкѣ во Владимірской губ. въ семействѣ священника и въ 1867 г. былъ учителемъ закона божія и репетиторомъ въ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Тамъ онъ сблизился со студентами медико-хирургической академіи, среди которыхъ было много семинаристовъ, и у одного не семинариста сталъ брать уроки французскаго языка, читая преимущественно La Lanterne Рошфора. Во время студенческихъ волненій въ началѣ 1869 г. Нечаевъ являлся часто на собранія студентскихъ делегатовъ, при чемъ называлъ себя делегатомъ литераторовъ и увѣрялъ, что имѣетъ связи даже въ III-мъ отдѣленіи. Въ Мартѣ 1869 г. Нечаевъ явился въ Женеву, послѣ студенческихъ волненій въ Россіи, и выдалъ себя за делегата студентовъ, выдумывая при этомъ, будто онъ убѣжалъ изъ Петербургской крѣпости. По словамъ брошюры Н. Утина, Бакунинъ былъ предупрежденъ относительно выдумокъ Нечаева, но тѣмъ не менѣе сошелся съ нимъ и выдалъ ему удостовѣреніе такого содержанія: «Предъявитель этого удостовѣренія есть одинъ уполномоченный представитель русской вѣтви всемірнаго революціоннаго союза», — съ печатью «Alliance révolutionnaire européenne», помѣткою: 12 Мая 1869 и подписью Михаилъ Бакунинъ. Замѣчательно, что титулы революціоннаго общества на этомъ удостовѣреніи и печать не совпадаютъ ни

Время дружбы Бакунина съ Нечаевымъ, —это періодъ въ жизни Бакунина, который производитъ самое несимпатичное впечатлѣніе. Нельзя читать многія письма этого времени безъ отвращенія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ усилія, то нахальныя, то хитрыя, затянуть въ нечаевщину старшую дочь Герцена, едва оправившуюся отъ тяжкой болѣзни и вынесшую страшный ударъ смерти отца, — дѣвушку, о которой самъ Бакунинъ говорилъ Огареву, что онъ любитъ ее больше всѣхъ «изъ семьи нашего друга» *). Совершенно понимая желаніе многихъ набросить вуаль на эту часть жизни Бакунина, мы не могли однако жъ утаить отъ потомства ни фактовъ, ни писемъ изъ этого времени, между прочимъ и потому, что по поводу отношеній Бакунина съ Нечаевымъ на перваго брошено уже не мало грязи и консерваторами и марксистами. Лучше уже разсказать правду во всей ея документальной наготѣ, такъ какъ правда все оправ-

---

съ «Association Internationale des travailleurs». ни съ «Alliance de la démocratie socialiste», а между тѣмъ въ Россіи Нечаевъ выступалъ отъ имени перваго сообщества. 3/15 Сент. 1869 г. Нечаевъ явился съ этимъ удостовѣреніемъ въ Москвѣ къ Успенскому и приступилъ къ организаціи революціоннаго общества, увѣряя въ тоже время своихъ адептовъ въ существованіи уже въ Россіи многочисленнаго соціально-революціоннаго союза и его могучаго комитета. Встрѣтивъ недовѣріе и оппозицію въ Ивановѣ, студентѣ Земледѣльческой Академіи около Москвы, Нечаевъ убѣдилъ нѣсколькихъ товарищей убить его, какъ предателя; убійство совершено было ночью въ паркѣ Землед. Академіи; скоро начались аресты по его поводу, но Нечаевъ уѣхалъ въ Швейцарію. Дальнѣйшая его исторія видна въ письмахъ Бакунина. (Кромѣ данныхъ о процессахъ, см. о Нечаевѣ — «Матеріалы для біографіи» его Л. Т. и З. Р. въ № 1 «Вѣстника Народной Воли». Женева. 1883, и Zamfir C. Arbure «Temnita si exil». 1894, 67 и д.).

*) Дальше, при письмѣ № LXVIII находится стихотвореніе Огарева, которое послужило рекомендаціей Нечаеву, черезъ перемѣну, по совѣту Бакунина, посвященія Нечаеву, вмѣсто Астракова, товарища молодости Огарева. Подобнымъ же образомъ Бакунинъ хотѣлъ добыть признаніе Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герценъ. Для этого онъ просилъ послѣднюю нарисовать виньетку: мужика (великорусскаго) съ топоромъ и подписать свое имя, но ни за что не соглашался сказать, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ этой виньетки. Н. А. Герценъ отказала. Вообще надо сказать, что пробы макіавелизма, какъ и конспираторства, у Бакунина отличались большой наивностью: видно, что добродушная, русско-помѣщичья натура Мих. Ал—ча не имѣла въ себѣ ни зерна натуры хитраго венеціанца Яго!

дываетъ, потому что все объясняетъ, а къ тому же и учитъ «потомство».

Не лишено значенія и то обстоятельство, что „нечаевщина“ произвела было самое отталкивающее впечатлѣніе на современную русскую молодежь, тотчасъ послѣ опубликованія процесса Нечаевцевъ въ 1871 г., но послѣ, когда нѣкоторыя подробности были забыты, были дѣлаемы даже попытки идеализаціи Нечаева и новой популяризаціи среди русской молодежи его пріемовъ «революціонной дѣятельности», признакъ, показывающій, что болѣзнь нечаевщины сидитъ глубже, и распространена больше, чѣмъ можно было предполагать.

Увлеченіе Бакунина Нечаевымъ показываетъ всего лучше, какъ Бакунинъ, хотя и самъ обладалъ способностью производить обаятельное дѣйствіе на другихъ, способенъ былъ самъ увлекаться другими, даже низшими себя натурами, если встрѣчалъ въ нихъ активность. Во всякомъ случаѣ близость съ Нечаевымъ сильно повредила Бакунину въ Западной Европѣ.

Въ Сентябрѣ 1871 г. Лондонская конференція Интернаціонала, по предложенію Общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе Союза и Бакунина въ дѣлахъ Нечаева и поручила Николаю Утину составить по этому вопросу докладъ. Послѣдній былъ представленъ Гаагскому конгрессу Интернаціонала въ 1872 г. и изданъ подъ заглавіемъ „L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs“ (Londres, A. Darson. Hambourg, en vente chez Otto Meissner, нѣмецкое изданіе въ Брауншвейгѣ) *). Гаагскій конгрессъ исключилъ Бакунина изъ Интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ распался, какъ изъ-за бакунинскаго вопроса, такъ и изъ-за вопроса о необходимости существованія въ Интернаціоналѣ

*) Защита Alliance изложена въ книгѣ «Memoire présenté par la Féderation Jurassienne de l'Association Internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale». Sonviller, 1873. Въ книгѣ этой много документовъ, а также газетныхъ статей и рѣчей Бакунина. Брошюрой Утина пользовался главнымъ образомъ E. De Levelaye для своей характеристики Бакунина, какъ «апостола нигилизма», въ книгѣ «Le Socialisme contemporain». Довольно обстоятельно и безпристрастно изложено столкновеніе партій Маркса и Бакунина въ упомянутой выше статьѣ Малона.

центральнаго Общаго совѣта. Не смотря на то, что Гаагскій конгрессъ назначилъ пребываніе этому совѣту въ Америкѣ и тѣмъ ослабилъ его практическое значеніе въ Европѣ, многія секціи швейцарскія, испанскія и бельгійскія, не желавшія никакой централизаціи въ Интернаціоналѣ, протестовали и созвали отдѣльный конгрессъ „антиавторитарнаго", или „федералистическаго" Интернаціонала въ St. Imier, въ Юрской Швейцаріи. Этотъ новый Интернаціоналъ, въ которомъ Бакунинъ сохранилъ нѣкоторый авторитетъ, и котораго главную опору составляла Юрская федерація, продолжалъ созывать конгрессы до 1877 г., пока въ Гентѣ и онъ распался на группы коллективистовъ и чистыхъ анархистовъ. Но въ это время Бакунинъ уже не жилъ. Онъ умеръ 6 Іюля (нов. ст.) 1876 г. въ Бернѣ, куда пріѣхалъ для леченія у стараго пріятеля, доктора Фохта.

О послѣднемъ времени пребыванія Бакунина въ Локарно есть весьма характерныя показанія въ „Воспоминаніяхъ Дебагорія Мокріевича" (Парижъ, 1894).

Хотя мы считаемъ еще преждевременною, по недостаточности матерьяловъ, общую оцѣнку значенія дѣятельности Бакунина, но позволяемъ себѣ сказать въ заключеніе нашего біографическаго очерка, что слова Бѣлинскаго, взятыя нами за эпиграфъ, вѣроятно, окажутся близкими къ оцѣнкѣ. Въ лицѣ Бакунина мы имѣемъ крупный образецъ активнаго русскаго человѣка, въ области политики едва ли не единственный въ 40-е годы и даже послѣ, довольно рѣдкій. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ всякой активности должна приниматься во вниманіе не только энергія ея и ея направленіе, но и ея умѣлость и полезность ея результатовъ. Относительно же многихъ проявленій активности Бакунина и теперь можно уже сказать, что они приносили больше вреда, чѣмъ пользы для самого дѣла, которому онъ же хотѣлъ служить. Но вины тому слѣдуетъ искать не только въ въ личныхъ свойствахъ Бакунина, но и въ общихъ условіяхъ русской политической жизни. Цѣлесообразное направленіе энергіи, умѣлость въ политической дѣятельности—это вещи, которыя не импровизируются, а вырабатываются долгимъ и при томъ наслѣдственнымъ опытомъ, какъ умѣнье плавать пріобрѣтается только въ водѣ. А гдѣ же въ Россіи [illegible] та политическая вода, въ которой бы Бакунинъ могъ

выучиться умѣло плавать? Отсутствіемъ всякихъ кадровъ для свободной общественной дѣятельности, русскіе люди и до сихъ поръ осуждены учиться ей не столько положительными примѣрами, сколько наблюденіемъ ошибокъ предшественниковъ и сверстниковъ.

Такъ какъ настоящее изданіе наше выходитъ по-русски и по-нѣмецки *), то мы тѣмъ болѣе должны сказать хоть нѣсколько словъ по поводу сужденій, какія часто высказываются о Бакунинѣ въ западно-европейской печати. Такъ, напр., Бакунинъ выставляется спеціальнымъ врагомъ нѣмцевъ изъ побужденій русскаго шовинизма, который у него скрывался-де подъ соціализмомъ, — такъ онъ называется отцомъ русскаго нигилизма, а въ послѣднее время отцомъ современнаго бомбистскаго анархизма.

Раздраженіе противъ нѣмцевъ проходитъ и черезъ печатаемые нами документы. Но надо поискать источникъ этого раздраженія и вообще противунѣмецкихъ тенденцій Бакунина.

Корень раздраженія Бакунина противъ нѣмцевъ находится въ его участіи въ славянскомъ съѣздѣ 1848 г., который былъ ненавистенъ почти всѣмъ нѣмцамъ въ свое время. Отсюда же идетъ и нерасположеніе нѣмецкой прессы къ Бакунину, независимое отъ какихъ бы то ни было его воззрѣній. Между тѣмъ можно сказать, что вопросъ, который раздражалъ главнымъ образомъ и нѣмцевъ и славянъ въ 1848 г., уже порѣшенъ исторіей и при томъ главнымъ образомъ нѣмецкой, въ смыслѣ гораздо болѣе близкомъ къ желаніямъ славянскихъ патріотовъ 1848 г., чѣмъ нѣмецкихъ: съ 1866 г. Австрія съ ея землями, входившими въ германскій союзъ, и съ славянскимъ ихъ населеніемъ, устранена изъ Германіи и въ ней volens-nolens стало сильнѣе развиваться равноправіе народностей, которое несомнѣнно приблизится къ типу швейцарскому.

---

*) Оно печатается одновременно съ оригиналомъ и въ нѣмецкомъ переводѣ въ Bibliothek Russischer Denkwürdigkeiten. Herausgegeben von Theodor Schiemann. (Stutgart. Gotha), гдѣ помѣщенъ и переводъ изданныхъ нами Писемъ Кавелина, Тургенева и Аксакова къ Герцену.

Затѣмъ, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, а значительная часть антинѣмецкихъ идей Бакунина есть въ сущности славянорусскій переводъ нѣмецкихъ же историческихъ теорій, бывшихъ особенно въ ходу въ то время, когда Бакунинъ учился въ Германіи. Какъ извѣстно, тогда во всей Западной Европѣ, а особенно въ Германіи, было въ большой силѣ построеніе исторіи, которое видѣло во всемірной цивилизаціи проявленіе національныхъ духовъ и сущностей (Geist und Wesen), со смѣной національныхъ гегемоній. Только нѣмецкіе теоретики предполагали въ новой исторіи безконечную гегемонію германскаго духа, между тѣмъ какъ славянскіе ихъ ученики ждали періода гегемоніи славянской. Подобно тому, какъ германофилы раздѣлялись на консервативныхъ, церковно-монархическихъ, которые видѣли осуществленіе германскаго идеала въ католической Австріи или въ лютеранской Пруссіи, и прогрессивныхъ,— либерально-раціоналистическихъ, которые считали представителями Тацитовой Германіи Англію или Сѣверную Америку, — раздѣлились и славянофилы: въ то время, какъ одни поклонялись православію и царизму, — другіе считали славянъ, по крайней мѣрѣ русскихъ, за народъ реалистическій, не религіозный по преимуществу, а политическихъ идеаловъ славянскихъ искали въ демократіяхъ, какія описаны византійскими писателями. Спеціально въ Россіи даже ортодоксальная школа московскихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ и др.) видѣла идеалъ національнаго государства не въ бюрократической имперіи Николая I, какъ фракція Погодина, а въ московскомъ царствѣ съ его челобитьями (петиціями) земскихъ соборовъ. Другіе,—(особенно украинскіе панслависты школы Костомарова) — отступали еще болѣе въ глубину вѣковъ и видѣли національный идеалъ славянорусскаго государства въ Кіево-Новгородскихъ вѣчахъ, а продолженіе его въ казацкихъ кругахъ. Герценъ и Бакунинъ сблизились съ этимъ послѣднимъ направленіемъ, которое изъ историковъ великоруссовъ стали излагать проф. Пл. В. Павловъ и Щаповъ *).

*) Пр. Павловъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ (см. показанія г-жи Огаревой). Многія экскурсіи Герцена и Огарева въ область философіи исторіи Россіи напоминаютъ намъ лекціи пр. Павлова, слышанныя нами въ Кіевскомъ университетѣ.

Впрочемъ, Костомаровъ, Павловъ и Щаповъ, какъ присяжные ученые, были довольно сдержаны въ своихъ обобщеніяхъ и при томъ чужды ученія объ устарѣлости романо-германскаго запада. Да и у Бакунина этого ученія всегда было мало видно, — онъ только антипатизировалъ спеціально нѣмецкому вліянію на русское государство въ ряду другихъ подобныхъ вліяній, измѣнившихъ будто бы его національный, свободный характеръ, — какъ вліяніе византійское и татарское.

Такимъ образомъ у русскихъ націоналистовъ, въ родѣ Бакунина и Герцена, составилось ученіе о томъ, что современная имъ Русская имперія есть государство типа чуждаго русскому народу: византійско-татарско-нѣмецкое или „голштейнъ-татарское", какъ выражался Герценъ, пародируя фамильный титулъ династіи Романовыхъ: домъ голштейнъ-готторпскій. Такая философія исторіи русской, — которой цѣликомъ все же не раздѣляли болѣе ученые русскіе историки, была довольно удобна для борьбы съ императорскимъ абсолютизмомъ и потому пошла въ ходъ въ публикѣ и публицистикѣ. Къ тому же несомнѣнное участіе нѣмецкихъ фамилій въ числѣ слугъ системы Николая I (Клейнмихели, Бенкендорфы и т. п.) давало видимую поддержку этой историко-политической философіи *).

Всѣ такія построенія исторіи и политики теперь подорваны въ корнѣ сравнительно-антропологическими студіями, которыя между прочимъ показали, что общинно-свободныя учрежденія — фактъ общечеловѣческій, а въ то же время и абсолютно-бюрократическія представляютъ собою фазу, черезъ которую проходятъ всѣ большія государства, при чемъ фактъ посторонняго вліянія (азіатскихъ деспотій на грековъ и римлянъ, римско-византійскаго права на среднюю Европу, Франціи на Германію, Германіи на Россію) есть фактъ второстепенный. Но нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ всѣ эти націоналистическія и даже національно мессіанистическія построенія исторіи и политики были дѣломъ весьма естественнымъ и въ Западн. Европѣ и въ Россіи.

---

*) Даже Костомаровъ замѣтилъ въ статьѣ о «Началѣ Руси», что присоединеніе остзейскихъ провинцій къ Россіи оказало особенно большое вліяніе на развитіе въ ней «государственности».

Въ Россіи эти построенія были подорваны съ половины 60-хъ годовъ какъ началомъ новаго научнаго направленія, такъ и рѣшительнымъ переходомъ славянофиловъ въ лагерь реакціонный, такъ что Герценъ съ его соціалистическимъ славянофильствомъ остался изолированнымъ. Бакунинъ заплатилъ дань славянскому мессіанизму гораздо слабѣе, чѣмъ Герценъ *). Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—64 гг. этотъ мессіанизмъ у Бакунина совершенно исчезаетъ. У него осталось раздраженіе противъ нѣмцевъ или, лучше сказать его словами, противъ нѣмецкихъ евреевъ, поддерживаемое полемическими нападеніями на него, — да недовѣріе къ революціонности нѣмцевъ, но мнѣній о какомъ бы то превосходствѣ славянъ передъ „латино-германскимъ западомъ" у Бакунина въ то время нѣтъ вовсе. Совсѣмъ напротивъ: онъ высказываетъ мнѣніе, что Западъ долженъ опередить Россію по части соціальной революціи и возлагаетъ особенныя надежды на романскіе народы.

Въ болѣе молодыхъ русскихъ передовыхъ кругахъ, особенно среди соціалистовъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала, всякія націоналистическія тенденціи если не исчезаютъ, то прячутся: у народниковъ онѣ живутъ, какъ вѣра въ то, что русскій крестьянинъ по натурѣ соціалистъ, и способенъ произвести соціальную революцію, можетъ быть, и раньше западнаго рабочаго. Но какъ теоретическое ученіе русскій мессіанизмъ не высказывается ясно уже никѣмъ въ передовыхъ русскихъ кругахъ съ 20-хъ годовъ. Спеціально же у соціалистовъ русскихъ замѣчается съ этого времени даже возрастающее подчиненіе мнѣніямъ западныхъ школъ, въ томъ числѣ, въ послѣднее время, особенно нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, у которыхъ русскіе не замѣчаютъ даже остатковъ стараго нѣмецкаго націонализма, сильнаго въ особенности у тѣхъ, которые воспитались до 1848 г. **).

---

*) Сильнѣйшее выраженіе этого мессіанизма у Бакунина мы находимъ въ слѣдующей фразѣ «Воззванія къ славянамъ», — гдѣ онъ говоритъ, что славяне могутъ «перелить свою внутреннюю политику, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни» (см. дальше, стр. 370).

**) Ни у Герцена, ни у Бакунина не найдется ничего подобнаго словамъ Лассаля, который апплодировалъ надеждамъ Родбертуса Ягетцова «дожить до времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи и когда нѣмецкіе полки солдатъ или работниковъ будутъ

Относительно приложенія къ Бакунину имени отца русскаго нигилизма надо прежде всего сказать, что подъ слово нигилизмъ подгоняютъ движеніе слишкомъ сложное, чтобъ его можно было опредѣлить однимъ словомъ, и часто называютъ нигилистами напр. такихъ противниковъ правительства въ Россіи, которые въ западной Европѣ явились бы весьма умѣренными политиками. Кромѣ того, подъ слово нигилизмъ подводятъ два движенія, которыя были въ сущности своей весьма различны и по своей идейной подкладкѣ, да и по личному составу. Движеніе, олицетворенное въ Базаровѣ, въ романѣ Тургенева, писанномъ въ 1861 г., имѣло въ себѣ мало соціально-политическаго элемента, а было больше философскимъ и культурнымъ, — какъ отраженіе въ Россіи идей матеріализма и утилитаризма, съ оттѣнкомъ всероссійской малокультурности и великороссійской грубоватости. Движеніе же 70-хъ годовъ, проявившее себя въ «хожденіи въ народъ» съ его послѣдствіями, было насквозь соціаль-

---

стоять на Босфорѣ» и признавалъ славянъ не за націи, а «за расы, которыя имѣютъ одно право: быть ассимилированными великими культурными націями» (Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Rodbertus-Jahetzow. Berlin. 1878, 56—57). Во время послѣдней балканской войны нѣмецкіе соціалъ-демократы, съ Либкнехтомъ во главѣ, были открыто на сторонѣ Турціи и не потому, что боялись, что Россія не достаточно освободитъ балканскихъ славянъ, а прямо изъ ненависти къ славянамъ. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ Либкнехтъ оплакиваетъ исключеніе Австріи изъ Германіи, такъ какъ черезъ это «прорванъ валъ, который шелъ чрезъ славянскій міръ отъ Балтійскаго моря до Адріатики» и такъ какъ черезъ это «Австрія предана почти безпомощно славянскому наводненію». Онъ считаетъ турецкія жестокости за русскую выдумку, равно какъ и существованіе «южныхъ славянъ, стремящихся къ свободѣ» и т. д. (Die Orientdebatte im deutschen Reichstag. — id. Zur orientalischen Frage, oder: Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig. Höhme. — Ср. Zur orientalischen Frage, oder Soll die sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Sozialdemokratie von H. L. (сербъ). Между тѣмъ русскіе соціалъ-демократы простираютъ свое космополитическое усердіе до того, что тоже не одобряли сербо-болгарскаго движенія противъ Турціи въ 1875—77 гг. и совѣтовали балканскимъ славянамъ подождать соціальной революціи въ Германіи, Австріи и Россіи (см. напр. «Впередъ» г. Лаврова), а недавно совершенно наивно напечатали въ русскомъ «Соціалъ-демократѣ» статью Энгельса объ иностранной политикѣ Россіи, не замѣтивъ ни ея старомоднаго націонализма, ни фактическаго незнакомства съ предметомъ.

нымъ и явилось, какъ смѣсь западнаго соціализма съ отечественнымъ «народничествомъ».

Бакунинъ совсѣмъ былъ непричастенъ къ базаровщинѣ, да мало имѣлъ соприкосновенія и съ такими предшественниками соціально-революціоннаго хожденія въ народъ, каковымъ была прокламація „Молодая Россія“ въ 1862 г., провозгласившая надежду только на народъ (черный) и учащуюся молодежь и пошедшую собственно въ разрѣзъ съ проявившимся тогда движеніемъ въ образованномъ «обществѣ» съ дворянствомъ, — къ побужденію правительства созвать земскій соборъ. Это движеніе поддерживалъ Чернышевскій (Письма безъ адреса) и самъ Бакунинъ съ Огаревымъ редижировали проэктъ адреса о земскомъ соборѣ и Бакунинъ полемизировалъ съ „Молодой Россіей“, которую только послѣ 1866 г. онъ началъ ставить въ образецъ новѣйшей молодежи. Такимъ образомъ можно сказать, что Бакунинъ былъ столько же въ отцахъ болѣе новаго движенія, проявившагося въ 70-е годы, сколько и въ дѣтяхъ его предшественниковъ и въ его братьяхъ. И въ этомъ пунктѣ онъ и увлекалъ другихъ, и самъ былъ увлекаемъ.

По отношенію къ современному, бомбистскому, анархизму, Бакунинъ можетъ быть признанъ развѣ дѣдомъ его, а вовсе не отцемъ, какъ Прудонъ и Максъ Штирнеръ могутъ быть признаны прадѣдами его. Конечно, вполнѣ выяснить отношеніе это можетъ только обнародованіе всей переписки Бакунина съ соціалистами западноевропейскихъ странъ. Пока же въ письмахъ Бакунина и его прокламаціяхъ можно найти мысль о «всеразрушеніи» государственныхъ формъ, о значеніи огня, кинжала и яда въ революціи, совѣта парижскимъ комунарамъ разрушить полъ-Парижа и даже слѣды плановъ, добыть средства для революціи посредствомъ частной кражи (см. письмо № XC). Но преобладающей революціонной мечтой Бакунина былъ организованный общинный бунтъ, а не индивидуальные подвиги Равашоля, Генри и т. п. Политическое ученіе Прудона объ ан-архіи, которое сводилось у него собственно къ федерализму, на манеръ Швейцарскаго (см. его Du principe fédératif) Бакунинъ видоизмѣнилъ въ аморфизмъ, и то какъ переходной моментъ къ будущему построенію общества снизу вверхъ, — и въ то же время превратилъ прудоновское воздер-

жаніе отъ участія въ политическихъ выборахъ во время имперіи, въ постоянное отрицаніе для соціалистовъ политической дѣятельности среди «буржуазнаго государства», рекомендуя вмѣсто нея пропаганду революціонными фактами (propagande par le fait). Но характерный примѣръ бакунинскаго парлефетизма, послѣ неудачи Болонской попытки 1874 г. (см. дальше при письмѣ № CXIII) была Беневентская попытка, устроенная вполнѣ по рецепту Бакунина въ 1877 г., когда въ села явились группы революціонеровъ (предводимыя итальянскими друзьями Бакунина и однимъ русскимъ) и объявили уничтоженіе податей, частной собственности, сожгали оффиціальныя бумаги и т. п, (См. между прочимъ Em. de Laveleye, Le Socialisme contemporain, VII éd., 257—259). Различіе съ анархизмомъ, бросающимъ бомбы въ кафе, — огромное!

Надо замѣтить и то, что въ Россіи, гдѣ вліяніе Бакунина должно было быть значительно, и которая считается почвою бакунизма, ничего похожаго на новѣйшій анархизмъ нѣтъ *). Въ пропагандѣ новѣйшаго анархизма во Франціи въ 80-е годы приняли участіе гораздо больше послѣдователи Бланки и Піа съ примѣсью агентовъ хитроумнаго префекта Andrieux, чѣмъ старые анархисты школы Бакунина **).

Русскій «терроризмъ» 1878—1881 гг., или проще сказать, рядъ политическихъ убійствъ въ Россіи, — не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшимъ западноевропейскимъ анархизмомъ ни по своимъ политическимъ идеямъ и цѣлямъ, ни по своему приложенію. Конечно, онъ вліялъ на возбужденіе

---

*) Единственный теперь русскій анархистъ, кн. Петръ Кропоткинъ принимаетъ въ анархическомъ движеніи чисто платоническое участіе и пишетъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ статьи объ анархизмѣ, скорѣе филантропическаго, чѣмъ революціоннаго характера, такъ что одну изъ нихъ консервативный Journal des Debats поставилъ даже въ образецъ французскимъ анархистамъ, такъ какъ она не проповѣдуетъ ни кражъ, ни убійствъ и т. п. Одинъ изъ русскихъ учениковъ Бакунина, принимавшій участіе въ «Беневентской попыткѣ» нѣсколько разъ выступалъ въ англійской печати противъ новѣйшаго бомбистскаго анархизма. Также точно и г. Мокріевичъ указываетъ на разницу этого анархизма съ бунтарствомъ Бакунина. (См. выше).

**) Изъ послѣднихъ болѣе видные. какъ Маллонъ, Гэдъ, Бруссъ, какъ въ Италіи Коста, оказались среди поссибилистовъ, соціалдемократовъ и т. п. другіе, какъ Guillaume, совсѣмъ удалились отъ политики.

новѣйшаго анархизма въ Западной Европѣ, но лишь своимъ примѣромъ употребленія динамита и фактомъ своего существованія, — но даже знаменитый русскій „исполнительный комитетъ» прямо заявилъ, что считаетъ политическія убійства въ странѣ, гдѣ есть политическая свобода, неоправданнымъ преступленіемъ. Разговоры же, которые велись въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской молодежи въ 1880-е годы о необходимости систематизировать въ Россіи «терроръ ирландскій», т. е. преступленія аграрныя (практикуемыя въ Россіи крестьянами) остались безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ. Но и между ирландскими аграрными преступленіями и бомбами новѣйшаго анархизма лежитъ цѣлая пропасть!

Относительно самаго изданія нами писемъ Бакунина мы должны заявить, что, не считая себя въ правѣ быть цензоромъ историческихъ документовъ, мы печатали ихъ по возможности въ цѣломъ ихъ видѣ. Единственныя опущенія, какія мы себѣ позволили, — это опущенія мѣстъ, имѣющихъ совершенно интимный, семейный характеръ, а также такихъ, которыя могли бы быть вредны въ полицейскомъ отношеніи для лицъ, еще живущихъ въ Россіи. Затѣмъ мы напечатали даже личные отзывы Бакунина напр. объ эмигрантахъ, иногда противорѣчивые, иногда пристрастные, полагая, что теперь, послѣ 20—30 лѣтъ со времени ихъ написанія, они никого не могутъ обидѣть, а между тѣмъ даютъ матеріалъ для характеристики отношеній къ людямъ самого Бакунина.

Относительно нашихъ примѣчаній къ письмамъ, мы должны сказать, что какъ въ видѣ сокращенія объема изданія, такъ и по неимѣнію подъ рукою (въ Софіи) всѣхъ необходимыхъ источниковъ для справокъ, мы свели ихъ до минимума, и дали лишь самое необходимое для пониманія текста писемъ. Возможно, что и при этомъ въ наши примѣчанія проскользнули какія нибудь неточности, мы будемъ благодарны за всякую поправку.

Въ заключеніе скажемъ, что мы ставимъ настоящее изданіе писемъ Бакунина въ идейную связь съ недавно сдѣланнымъ нами изданіемъ писемъ Кавелина и Тургенева, и разсчитываемъ и на утилитарное значеніе обѣихъ книжекъ.

Въ письмахъ Кавелина и Тургенева можно видѣть между прочимъ причины, почему не удалось легальное либеральное движеніе въ Россіи въ царствованіе Александра II. Письма Бакунина могутъ помочь объясненію того, почему осталось безъ положительныхъ результатовъ и тогдашнее движеніе революціонное.

Какъ уже сказано было, мы считаемъ настоящій антрактъ въ исторіи русскаго общества за время особенно удобное для изданія документовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы теперь печатаемъ. Вотъ почему мы считали бы себя счастливыми, еслибъ нашъ примѣръ подвинулъ и другихъ, имѣющихъ въ рукахъ своихъ подобные документы, поскорѣе обнародовать ихъ. Уроки исторіи могутъ быть непосредственно полезны только при условіи ихъ свѣжести.

М. Драгомановъ.

ПИСЬМА М. АЛ. БАКУНИНА

КЪ

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНУ И Н. ПЛ. ОГАРЕВУ

ПИСЬМА М. АЛ. БАКУНИНА

КЪ

А. ИВ. ГЕРЦЕНУ И Н. ПЛ. ОГАРЕВУ

I.

7 Ноября 1860 г. Иукутскъ *)

Любезный Герценъ. Мѣсяцевъ 7 тому назадъ я написалъ тебѣ предлинное письмо въ 20 листовъ. По разнымъ обстоятельствамъ оно до тебя не дошло. Это былъ первый взрывъ освобожденнаго слова послѣ долгаго молчанія. Теперь буду короче. Прежде всего позволь мнѣ, воскресшему изъ мертвыхъ, поблагодарить тебя за благородныя, симпатичныя слова, сказанныя тобою обо мнѣ печатно во время моего печальнаго заключенія. Онѣ проникли черезъ каменныя стѣны, уединявшія меня отъ міра и принесли мнѣ много отрады. Ты хоронилъ меня, но я воскресъ, слава Богу, живой, а не мертвый, — исполненный тою же страстною любовью къ свободѣ, къ логикѣ, къ справедливости, которая составляла и по нынѣ составляетъ весь смыслъ моей жизни.

---

*) Въ письмѣ этомъ есть много личныхъ отзывовъ и характеристикъ, вѣроятно, одностороннихъ и даже несправедливыхъ. Но мы не сочли себя въ правѣ что либо выпускать изъ нихъ и даже скрывать имена. Лучше пусть невѣрности отзывовъ Бакунина будутъ поправлены заблаговременно. М. Др.

Восьмилѣтнее заключеніе въ разныхъ крѣпостяхъ лишило меня зубовъ, но не ослабило, напротивъ укрѣпило мои убѣжденія; въ крѣпости на размышленіе времени много; инстинкты мои, двигатели всей моей молодости, сосредоточились, пояснились, какъ будто стали умнѣе и, мнѣ кажется, способнѣе къ практическому проявленію. Выпущенный изъ Шлиссельбургской крѣпости почти 4 года тому назадъ, я окрѣпъ и здоровьемъ, женатъ, счастливъ, въ семействѣ, и не смотря на это готовъ по прежнему, да съ прежнею страстью, удариться въ старые грѣхи, лишь бы только было изъ чего. Я могу повторить про себя слова Фауста:

«Ich bin zu alt um nur zu spielen
Zu jung um ohne Wunsch zu sein» —

а будущее, и даже близкое будущее кажется обѣщаетъ многое. Началась и для русскаго народа погода, и безъ грома и молніи кажись не обойдется. Русское движеніе будетъ серьезнымъ движеніемъ; вѣдь фантазерства и фразъ мало, а дѣльнаго склада много въ русскомъ умѣ, а русское широкое, хоть и безпутное сердце пустяками удовлетвориться не можетъ. Мы здѣсь живемъ день ото дня, яко чающіе движенія воды, слѣдимъ за всѣми знаменіями, прислушиваемся ко всѣмъ звукамъ, ждемъ и готовимся. Много хотѣлось бы мнѣ поговорить съ Вами о томъ что дѣлается и не дѣлается въ Россіи и внѣ Россіи. Но не за тѣмъ взялся я теперь за перо. Завтра долженъ я отдать это письмо курьеру, а мнѣ нужно поговорить съ Вами, друзья, о предметѣ столь же важномъ для Васъ и для насъ, и предотвратить Васъ, если возможно, отъ несправедливости противъ одного изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ людей въ Россіи и отъ преступленія противъ Вашихъ собственныхъ убѣжденій.

Есть въ самомъ дѣлѣ одинъ человѣкъ въ Россіи, единственный во всемъ оффиціальномъ русскомъ мірѣ, высоко себя поставившій и сдѣлавшій себѣ громкое имя не пустяками, не подлостью, а великимъ патріотическимъ дѣломъ. Онъ страстно любитъ Россію и преданъ ей, какъ былъ ей преданъ Петръ Великій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не квасной патріотъ, не славянофилъ съ бородою и съ постнымъ масломъ. Это человѣкъ въ высшей степени современный и просвѣщенный. Онъ хочетъ величія и славы Россіи въ свободѣ.

Онъ рѣшительный демократъ, какъ мы сами, демократъ съ своей ранней молодости, по всѣмъ инстинктамъ, по ясному и твердому убѣжденію, по всему направленію головы, сердца и жизни; онъ благороденъ, какъ рыцарь, чистъ, какъ мало людей въ Россіи; при Николаѣ онъ былъ генераломъ, генералъ-губернаторомъ, и никогда въ жизни не сдѣлалъ онъ ничего противъ своихъ убѣжденій. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьева-Амурскаго, противъ котораго Вы выступаете теперь врагами. Скажите, какъ это могло случиться, какъ Вы, возложившіе на себя высокую и трудную обязанность блюсти за Россіею, какъ Вы могли не замѣтить, не узнать единственнаго патріота и государственнаго человѣка въ нашемъ отечествѣ, котораго мы можемъ назвать безусловно нашимъ и отъ котораго Россія можетъ теперь ждать дѣйствительной службы, можетъ быть спасенія, — я говорю Вамъ о человѣкѣ съ которымъ я друженъ и съ которымъ вижусь почти каждый день, вотъ ужъ два года. — Вотъ его политическая программа: Онъ хочетъ безусловнаго и полнаго освобожденія крестьянъ съ землею, гласнаго судопроизводства съ присяжными, безъисключительнаго подчиненія такому суду всѣмъ лицъ частныхъ и служебныхъ, отъ малаго до великаго, безусловной неограниченной печатной гласности, уничтоженія сословій, народнаго самоуправленія и народныхъ школъ на широкую ногу. Въ высшей административной сферѣ онъ желаетъ слѣдующихъ реформъ: во первыхъ, уничтоженія министерствъ; (онъ отъявленный врагъ бюрократіи, другъ жизни и дѣла) — и на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры, подъ какимъ бы то ни было именемъ, а для достиженія этой цѣли, совершеннаго уничтоженія Николаевскаго, пожалуй и Александровскаго вольноотпущеннаго петербургскаго лакейства. Онъ не вѣритъ не только въ московскихъ и петербургскихъ бояръ, но и въ дворянъ вообще, какъ въ сословіе, и называетъ ихъ блудными сынами Россіи. Вообще онъ питаетъ одинаковое, и вполнѣ заслуженное презрѣніе ко всѣмъ привилигированнымъ, или какъ онъ ихъ называетъ, ко всѣмъ несѣкомымъ сословіямъ, не вѣритъ въ публику и вѣритъ только въ сѣкомый народъ, его любитъ, въ немъ единственно видитъ будущность Россіи. — Онъ не ждетъ добра отъ дво-

рянско-бюрократическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, онъ надѣется, что крестьянскій топоръ вразумитъ Петербургъ и сдѣлаетъ въ немъ возможною ту разумную диктатуру, которая, по его убѣжденію, одна только можетъ спасти Россію, погибающую нынѣ въ грязи, въ воровствѣ, въ взаимномъ притѣсненіи, въ безплодной болтовнѣ и въ пошлости. — Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобы возстановить силу Россіи въ Европѣ, а силу эту хотѣлось бы ему прежде всего направить противъ Австріи и Турціи, для освобожденія Славянъ и для установленія не единой панславистической монархіи, но вольной хотя и крѣпко соединенной Славянской Федераціи. Онъ другъ Венгерцевъ, другъ Поляковъ, и убѣжденъ, что первымъ шагомъ русской внѣшней разумной политики должно быть возстановленіе и освобожденіе Польши. Нравится Вамъ эта программа? И вспомните, что эта программа не кабинетнаго идеалиста и фантазера, которому все легко, все возможно, потому что онъ никогда ничего не сдѣлалъ, нѣтъ это мысли, громко высказываемыя мысли Генералъ-Губернатора, опытнаго, испытаннаго государственнаго человѣка, который болтовни не терпитъ, у котораго всю жизнь слово было дѣломъ, воля у котораго желѣзная, а умъ граничитъ почти съ геніальнымъ.

Я много встрѣчалъ людей, но не зналъ еще одного, въ которомъ сосредоточено было бы такъ много другъ друга дополняющихъ даровъ и способностей; умъ смѣлый, широкій, жгучій, рѣшительный; природное увлекающее, воспламеняющее краснорѣчіе, и вмѣстѣ простота пониманія и изложенія удивительная. Отъ прикосновенія его мысли свѣтлѣютъ и простѣютъ самые сложные, самые мудреные вопросы; пошибъ мысли совершенно русскій, практическій. Память рѣдкая, обнимающая равно и дѣла и людей. Заговорите съ нимъ о любомъ дѣлѣ или вопросѣ, касающемся 12 лѣтняго управленія его Восточною Сибирью; во всякое время, и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ вамъ объяснитъ его со всѣми подробностями, до мелочей и разскажетъ такъ, что вы ужъ никогда его не забудете. Голова его всегда занята множествомъ разнороднѣйшихъ дѣлъ, но всегда свѣжая и ясная, кажется, хранитъ и вмѣщаетъ въ себѣ все, что хоть одинъ разъ ее занимало. Докладчикъ, докладывающій ему о

дѣлѣ, никогда самъ такъ хорошо его не понимаетъ, какъ когда ему о немъ докладываетъ. Голова его въ вѣчной работѣ, онъ занимается, когда не спитъ, а спитъ не болѣе 5, 6 часовъ въ сутки, и между тѣмъ вы никогда не замѣтите въ немъ скрипа рабочаго. Онъ самый любезный собесѣдникъ, всегда живой, остроумный, милый, — но милый до того, что въ него влюбляются не только женщины, но и мущины. Да и нельзя не любить его, онъ самъ такъ горячо ненавидитъ и любитъ, у него такъ много сердца, онъ весь сердце. Къ нему нельзя быть равнодушнымъ, его должно или любить или ненавидѣть. Онъ такой вѣрный и нѣжный другъ, такъ много деликатности и возвышеннаго благородства во всѣхъ его отношеніяхъ. Онъ прямъ, откровененъ и никогда не усумнится высказать свою мысль или чувство. Онъ беретъ правдою, широкою, прямою сердечною правдою. Гнѣвъ его долженъ быть ужасенъ, презрѣніе его уничтожаетъ. Вотъ вамъ нравственный человѣкъ. Прибавьте самоотверженіе, пренебреженіе къ собственнымъ интересамъ исключительное — il est d'une générosité princière. Онъ не богатъ, такъ не богатъ, что, оставляя нынѣ Сибирь, если, что очень возможно по политическимъ причинамъ, онъ оставляетъ и службу, то ему почти нечѣмъ будетъ жить, — а между тѣмъ въ послѣдніе три года, во время своихъ поѣздокъ на Амуръ, въ Китай и Японію и благодаря только имъ онъ потерялъ на акціяхъ 80,100 руб. сер. — и только мелькомъ разъ я слышалъ отъ него объ этой потерѣ. Онъ до такой степени безкорыстенъ, что отказался принять пожизненную пенсію, которую ему хотѣли дать за Амурское дѣло — и все это дѣлается просто, безъ тѣни тщеславія, такъ натурально какъ другой выпиваетъ стаканъ воды. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нѣтъ ни капли эгоизма или тщеславія; онъ дорожитъ, правда, названіемъ Амурскаго, но ни во что не ставитъ ни свое генеральство, ни свое генералъ-губернаторство, ни свое графство. Ему нужна сущность, а не форма власти — еще сходство съ Петромъ Великимъ, котораго геніальною простотою своею такъ часто напоминаетъ мнѣ Муравьевъ-Амурскій. — Къ нему во всякое время открытъ доступъ для всѣхъ, и для каждаго у него есть и память и сердце. Это настоящій человѣкъ — но вмѣстѣ и настоящій опытный государственный человѣкъ; съ его умомъ

ни одинъ урокъ жизни, ни одинъ лично имъ пережитой государственный фактъ не могъ пропасть даромъ. Прежде всего у него русскій умъ и его обмануть трудно, онъ смотритъ насквозь въ вашу душу и, когда не хочетъ открыться, не покажетъ вамъ своей души. Умъ его столь же гибокъ и тонокъ, сколько и прямъ, и въ дипломатіи его никто не перещеголяетъ. Онъ, кажется, способенъ на все, кромѣ литературы и профессуры, къ которымъ, не смотря на образованность и любознательность свою – (онъ до сихъ поръ читаетъ и учится) — онъ питаетъ инстинктивное отвращеніе; другъ дѣла, онъ ненавидитъ болтовню. Онъ также способенъ къ дипломатіи, какъ и къ внутреннему управленію или къ военному дѣлу. Онъ знаетъ людей, умѣетъ обходиться съ ними, уговаривать, убѣждать, увлекать ихъ, невидимо подчинять ихъ своей мысли и волѣ. — Il semble né pour commander. — Что же касается до военнаго дѣла, то всѣ знавшіе его на Кавказѣ, гдѣ онъ впервые показалъ себя какъ самостоятельный начальникъ, всѣ знающіе его близко теперь, убѣждены, что онъ одаренъ всѣми способностями первокласнаго генерала: быстрота и ясность соображенія, присутствіе духа, находчивость въ критическую минуту, военное знаніе, духъ непоколебимый, а главное смѣлая и счастливая истинно героическая рѣшимость, всѣ залоги побѣды въ немъ соединены въ высшей степени, — и если теперь что нибудь льститъ его самолюбію, такъ это только мысль командовать арміею противъ Австрійцевъ, которыхъ онъ ненавидитъ не менѣе меня. Онъ истинно геніальный администраторъ, вносящій толкъ, разумъ, ясность и простоту во всѣ части своего управленія, а въ минуты трудныя находящій тамъ средства гдѣ ихъ никто не видитъ. Дѣло у него горитъ подъ руками, онъ поражаетъ внезапностію своихъ рѣшеній и неудержимою стремительностію своихъ исполненій, почти всегда вѣрныхъ, мѣткихъ, счастливыхъ, потому что они плодъ глубокаго предварительнаго размышленія. Когда дѣло идетъ о дѣлѣ, онъ не жалѣетъ ни себя, ни своихъ служащихъ; впродолженіи 12 лѣтняго управленія онъ сдѣлалъ верхомъ, въ тарантасѣ, въ телѣгѣ, пѣшкомъ, на лодкѣ болѣе 200,000 верстъ. Онъ первый въ 1854 г. поплылъ на лодкахъ внизъ по Амуру, и если бы разсказать въ подробности всѣ его Амурскіе подвиги, подвиги неустра-

шимости, самопожертвованія, сердца, ума, то право вышла бы геройская эпопея. И этотъ человѣкъ теперь еще во всей силѣ своего ума, своихъ необыкновенныхъ способностей, сердце его нераздѣльно принадлежитъ Россіи, дѣлу ея освобожденія, Славянскому дѣлу. Онъ весь нашъ и убѣжденіями и дѣлами своими, еще болѣе тѣмъ, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать для Россіи; я не знаю, да и вы, друзья, не знаете другого человѣка, отъ котораго Россія могла бы ожидать для себя столько великой пользы. — Я помню какъ вы оплакивали смерть генерала Пассека, вотъ вамъ другой Пассекъ, во всѣхъ отношеніяхъ лучше, дѣльнѣе, умнѣе, сильнѣе и можетъ быть преданнѣе Пассека, — потому что въ Муравьевѣ геніальная преданность мысли и дѣлу — вотъ вамъ готовый спаситель Россіи — а вы его враги. Что это значитъ? и какъ же велика отвѣтственность, которую вы на себя берете передъ Россіею и передъ самими собою! Отъ легкомыслія и легковѣрія, незнанія, или недостатка критики вы становитесь клеветниками противъ лучшаго человѣка въ Россіи. Вѣдь это уродство и преступленіе. — Петербургъ, весь высшій офиціальный міръ его ненавидитъ; въ третьемъ отдѣленіи, куда почти ежедневно пишутъ ваши кореспонденты, герои, любимцы Завалишинъ и Петрашевскій, въ третьемъ отдѣленіи онъ записанъ какъ архи-красный: вообще его зовутъ тамъ le général rouge, — все это очень естественно. Между мертвыми онъ одинъ живой, между мелкими, своекорыстными интриганами и эгоистами онъ одинъ преданъ дѣлу, — онъ не беретъ пенсіи, — какъ его не ненавидѣть! Онъ присоединяетъ огромный край исключительно сибирскими средствами, совершаетъ великое дѣло почти безъ средствъ, онъ щадитъ государственные финансы, подаетъ проэктъ за проэктомъ для упрощенія администраціи, для упраздненія ненужныхъ служебныхъ мѣстъ, для освобожденія, для облегченія участи милліоновъ угнетенныхъ воровскимъ меньшинствомъ, — онъ не даетъ спать, заставляетъ думать о дѣлѣ, онъ въ высшей степени человѣкъ безпокойный, къ тому же громко выражающій свое негодованіе, свое презрѣніе и къ принципамъ и къ людямъ петербургскимъ, не щадя даже героевъ ектеніи. — За это его Петербургъ ненавидитъ, и это естественно. Естественно также, что не любитъ его большинство храбраго россійскаго

дворянства. Онъ такъ глубоко вникъ въ хамски-аристократическій блудъ россійскихъ бояръ и такъ мѣтко честитъ его —любить не за что. Онъ любитъ народъ, за то и народъ въ него вѣритъ, имя Муравьева не умретъ въ Сибири. Не любятъ его также и литераторы; опять понятно: — литераторы народъ щекотливый, тщеславный, вчера дрожали они, сегодня разыгрываютъ силу и болтовню принимаютъ за дѣло. Они монополисты тощаго русскаго просвѣщенія, монополисты ума во фракѣ и любятъ поклоны. Муравьевъ ихъ презираетъ и имъ не кланяется. Они либералы, онъ простой демократъ, нѣтъ ничего общаго между ними. И такъ понятно, что вся привиллегированная, болтающая и правящая публика не терпитъ Муравьева, — но какъ вы, друзья народа, могли стать его врагами, какъ могли такъ легкомысленно повѣрить людямъ, какъ Завалишинъ и Петрашевскій, о которыхъ поговоримъ послѣ, — вотъ чего я рѣшительно не понимаю. — Своя своихъ не познаша. — Вы спросите, чѣмъ же доказалъ Муравьевъ свои способности, свое честное и полезное направленіе. — 12-лѣтнее управленіе его Восточной Сибирью самый лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, политическій, полякъ Веберъ, досконально знающій Сибирь, — ибо былъ сосланъ сюда еще до назначенія Муравьева, могущій поэтому сравнить положеніе ея до Муравьева съ ея нынѣшнимъ состояніемъ, — сказалъ недавно, что еслибы напечатать все, что написалъ Муравьевъ впродолженіе этихъ 12 лѣтъ, особливо бумаги посланныя имъ въ Петербургъ къ императору и къ разнымъ министрамъ, то это одно составило бы блестящую біографію; изъ этой переписки ясно бы стало, чего онъ хотѣлъ, къ чему онъ стремился. Всякая бумага дышетъ гуманностью, высокою справедливостью, свѣтлымъ разумомъ, пользою государства и края. Главною и постоянною цѣлью всѣхъ его предположеній и дѣйствій было возвышеніе, облегченіе, возможное освобожденіе всего что притѣсненно въ Россіи, т. е. по преимуществу народа. Не помню кто-то, кажется Rene de Taillandier, говоря о Сперанскомъ, замѣтилъ, что въ то время какъ государственные люди другихъ земель находятъ крѣпкую опору въ общественномъ мнѣніи, въ Россіи они опираются единственно на милость и довѣріе одного лица, поэтому должны употребить три четверти времени сво-

его на борьбу для удержанія своего мѣста и только четверть остается у нихъ на дѣло. Это вполнѣ подтвердилось на Муравьевѣ. Малѣйшую возможность сдѣлать добро онъ долженъ былъ брать съ боя, и сколько силъ, сколько жизни онъ положилъ на борьбу съ Петербургомъ, и какъ дорого стоила каждая побѣда. Вѣдь Вы знаете, что такое наши министры, наши петербургскіе государственные люди. Мелкіе и пошлые люди съ пышною обстановкою, дураки съ глубокомысленно-размышляющими минами, недоученные, недодѣланные, мелкіе эгоисты и честолюбцы съ патріотическими фразами, возвысившіеся и поддерживающіеся интригою и подлостью, машинные формалисты, рутинеры не имѣющіе даже и предчувствія о живомъ, дѣйствительномъ дѣлѣ. Этимъ развратнымъ, машинально живущимъ и дѣйствующимъ муміямъ кромѣ себя вѣдь нѣтъ ни до кого и ни до чего дѣла и всякій преданный человѣкъ съ живою, плодотворною мыслью имъ смѣшонъ, пока онъ безсиленъ, и становится ихъ врагомъ, если онъ можетъ заставить ихъ слушать себя. Муравьева они съ перваго раза встрѣтили какъ врага. Въ комитетѣ министровъ онъ нашелъ только одного истиннаго неизмѣннаго союзника: Киселева, нынѣ посланника во Франціи. Всѣ же остальные были противъ него и постоянно въ продолженіи 12 лѣтъ старались парализовать его начинанія, то интригою, то систематическимъ, тупымъ невниманіемъ. При такихъ то условіяхъ Муравьевъ долженъ былъ дѣйствовать. Чтожь успѣлъ онъ сдѣлать? Главнымъ дѣломъ его безъ сомнѣнія является присоединеніе Амура къ Россіи. Я не стану распространяться о немъ; для того чтобъ говорить объ этомъ предметѣ подробно, теперь ужь понадобились бы толстыя брошюры, если не цѣлыя книги. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Амурское дѣло, великое по своему существу, по своимъ несомнѣнно полезнымъ результатамъ, равно какъ и по ограниченности, ничтожности средствъ на него употребленныхъ, подверглось странной участи въ Россіи. Сначала вся публика пришла въ восторгъ и Богъ знаетъ сколько громкихъ и часто нелѣпыхъ фразъ было расточенно Муравьеву; говорили, что онъ вознаградилъ за всѣ потери и за весь стыдъ прошедшей войны.

Прошло нѣсколько времени; въ Морскомъ Сборникѣ стали являться одна за другой статьи псевдо-декабриста Завали-

шина, который, увлеченный местью и непримиримою ненавистью къ Муравьеву, сознательно лжетъ, клевещетъ извращаетъ, выдумываетъ факты, прикрывая желчную клевету либеральными мотивами и фразами, отрицаетъ, наконецъ, пользу, судоходность, даже почти само существованіе Амура и называетъ его «язвою Россіи». Эти статьи, проникнутыя самымъ мелочнымъ и злымъ самолюбіемъ, въ которыхъ такъ и сквозитъ жалкое оскорбленное я г-на Завалишина, написанныя, впрочемъ, искусно въ видахъ очерненія именно передъ русской публикой, — статьи эти, исполненныя противорѣчій, ничего не доказывающія, только отуманивающія и дурачащія легкомысленнаго читателя, не выдерживаютъ серьезной критики. И чтожь? вся русская публика, вслѣдъ за Завалишинымъ ругаетъ Амуръ и всѣхъ амурскихъ дѣятелей. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ пресерьезно утверждаютъ, что Амуръ есть пуфъ, что даже лодки по немъ ходить не могутъ, что Благовѣщенскъ и Николаевскъ и всѣ села, и всѣ станицы на Амурѣ существуютъ лишь въ воображеніи и въ рапортахъ Муравьева; что Амуръ раззорилъ Россію, что въ немъ погибли милліоны рублей и тысячи людей, что онъ, однимъ словомъ, сталъ язвою для Россіи. Странное и глупое существо русская публика! Въ ней преобладаетъ лакейская привычка ругать безъ разбору, ругать и горячиться безъ страсти, безъ всякаго интереса къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Спросите у девяти десятыхъ, у девяносто девяти сотыхъ нынѣ ругающихъ Амуръ, гдѣ Амуръ? Я увѣренъ, что они никогда не посмотрѣли на карту и что имъ въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни до Амура, ни до Сибири, ни даже до Россіи. А ругаютъ, потому что ругать, все ругать, всѣхъ ругать русскому человѣку сподручно, потому что оно въ модѣ и кажется либерально. Эта русская публика, безсмысленная, безстрастная, но болтающая безъ умолку обо всемъ, пошлая, просто блудное стадо, годящееся только подъ топоръ. Судоходенъ ли Амуръ? По признанію Американцевъ, знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, и нашихъ лучшихъ моряковъ, это одна изъ величайшихъ и удобнѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Да зачѣмъ спрашивать ихъ: Въ 1854 году въ первый разъ сплавили внизъ по Амуру на 34 баржахъ подъ предводительствомъ Муравьева около 380 человѣкъ казаковъ и регулярныхъ солдатъ со всѣмъ провіантомъ. Въ

1855 году подъ его же предводительствомъ сплавлено было около 5000 человѣкъ козаковъ и войска также со всѣмъ провіантомъ и съ 28—38 фунт. пушками; — а съ тѣхъ поръ ежегодно сплавляютъ отъ Читы по Шилкѣ и по Амуру до Николаевска отъ 300 до 500 тысячъ пудъ разныхъ тяжестей. Съ 1855 года стали ходить пароходы отъ Николаевска до Благовѣщенска. Въ 1859 году казенныхъ пароходовъ ходило шестъ, а частный пароходъ американца Дефрисъ въ первый разъ явился на Шилкѣ. Въ нынѣшнемъ году собраны были зимою въ Николаевскѣ 4 новыхъ казенныхъ мелководныхъ парохода, изъ которыхъ одинъ обращенъ собственно на плаваніе по рѣкѣ Усури, а три дошлыи вверхъ, два до Стрѣтенска, одинъ только до Шилкинскаго завода, а американецъ Дефрисъ дошелъ вверхъ по Шилкѣ и по Нерчи до самаго Нерчинска; я говорилъ съ иностранными машинистами, они говорятъ, что не видѣли рѣки болѣе удобной для плаванія; — наконецъ съ будущаго года будетъ ходить разъ въ двѣ недѣли регулярная пароходная почта между Стрѣтенскомъ (на Шилкѣ, въ 75 верст. отъ Нерчинска, въ 360 верст. отъ Читы) и Благовѣщенскомъ (почти на самой серединѣ Амура, отъ Николаевска водою въ 2000 верстъ, отъ Устъ-Стрѣлки при соединеніи Шилки и Аргуни въ 1200 верстъ; (Устъ-Стрѣлка отъ Стрѣтенска въ 260 верс.) — и такъ каждую недѣлю разъ между Стрѣтенскомъ и Благовѣщенскомъ, — и разъ между Благовѣщенскомъ и Николаевскомъ, т. е одинъ разъ въ мѣсяцъ между Николаевскомъ и Стрѣтенскомъ и обратно, такъ что въ продолженіе лѣта можно будетъ съѣздить три раза изъ Стрѣтенска внизъ по Амуру и обратно. Кажется довольно удовлетворительное доказательство возможности плаванія по Амуру и не правда ли, что Завалишинъ лжетъ безстыдно, утверждая противное. Наконецъ чего вамъ болѣе?—за провозъ изъ Николаевска до Шилкинскаго завода брали въ прошедшемъ году съ пуда 2 р. 50 к., въ нынѣшнемъ году до Стрѣтенска 2 р. 50 к., а на будущій годъ подряжаются за 2 р. Провозъ отъ Стрѣтенска до Читы стоитъ отъ 25 до 30 к.. отъ Читы до Иркутска отъ 80 к. до 1 р. 20 к.— положимъ 1 р. И такъ провозъ отъ Николаевска до Иркутска будетъ стоить въ будущемъ году около 3 р. 50 к., положимъ 4 р. (а кругомъ свѣта американская компанія

беретъ prix fixe 1 р. сер. съ пуда), въ то время какъ Нижне-Новгорода до Иркутска онъ стоитъ отъ 6 до ' съ пуда, т. е. почти вдвое. Вотъ вамъ и доказатель торговой пользы Амура для Сибири, — такъ что сахаръ который мы платимъ здѣсь отъ 16 до 18 р. пудъ, а Читѣ даже до 20 р. и который по вычисленіямъ са Завалишина долженъ стоить въ Николаевскѣ около 5 р дѣйствительности же продается тамъ за 7 руб., не бу стоить въ Читѣ болѣе 9 р., а въ Иркутскѣ болѣе 11 р говорю, будетъ стоить, а не стоитъ. «Почему?» Очень ес твенно; потому что торговля по Амуру, начавшаяся тол съ 1857 года, находится еще въ рукахъ немногихъ аме канскихъ и русскихъ авантюристовъ, пользующихся со шенною монополіею и налагающихъ поэтому на все со шенно произвольныя, невѣроятныя цѣны, амурская же к панія съ первыхъ шаговъ своихъ поведшая себя плутов и глупо, нынѣ, не приступивъ собственно еще къ дѣлу, вершенно обанкрутилась. Къ тому же должно замѣтить, сибирскіе, равно какъ и русскіе купцы, неисправимые тинисты-старовѣры, не вѣрующіе въ новые пути; они тол и знаютъ что свою кяхтинскую чайную торговлю, со шенно искуственную, не смотря на то, что по ихъ собств ному сознанію она каждый годъ падаетъ и быстро приб жается къ своему концу. Говорятъ, что въ будущемъ г ужъ не одинъ, а три американскіе парохода повезутъ г странные товары до Стрѣтенска и нѣтъ сомнѣнія, что, с божденные нынѣ отъ всякаго стѣсненія и запрещенія, риканцы вскорѣ овладѣютъ плаваніемъ и торговлею Амуру. Но не въ томъ дѣло. Американцами-ли, Русским на Амурѣ Сибирь примкнула нынѣ къ океану, перес быть безвыходною пустынею, Сибирью. Мы чувствуемъ это вліяніе, въ Иркутскѣ, напр., мы ближе къ Европѣ, ч въ Томскѣ, — Сибирь впервые осмыслилась Амуромъ, есть ли это великое дѣло и кто можетъ высчитать всѣ результаты! Нѣтъ сомнѣнія, что Амуръ современемъ от нетъ Сибирь отъ Россіи, дастъ ей независимость и сам тоятельность. Этого сильно боятся въ Петербургѣ, и даже опасались серьезно, чтобъ Муравьевъ не провоз силъ независимость Сибирь, — но такая независимость, не можная теперь, необходимая можетъ въ довольно близк

будущемъ, развѣ бѣда? Развѣ Россія можетъ еще долго остаться насильственно, уродливо сплоченною, неуклюжею монархіею, развѣ монархическая централизація не должна потеряться въ Славянской федераціи? Возможность, необходимость ввозной торговли иностранныхъ товаровъ вверхъ по Амуру доказана уже фактами и не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Что будемъ мы продавать Американцамъ, на что будемъ мѣнять ихъ товары? Этотъ вопросъ озадачиваетъ многихъ, хотя отвѣтъ на него въ высшей степени простъ; во первыхъ, мы должны торговать хлѣбомъ, скотомъ, саломъ, мясомъ, пенькою, кожами, до тѣхъ поръ пока Амурскій Край въ высшей степени плодородный, но еще мало населенный, не будетъ производить ихъ въ достаточномъ количествѣ для торговли. Во вторыхъ, Сибирь богата драгоцѣнными минералами, а золото есть такой же товаръ, продуктъ сибирскаго труда, какъ и хлѣбъ. Золота находится много въ Енисейской губерніи и съ каждымъ годомъ болѣе въ Забайкальской области, богатой и торгующей уже и теперь, хотя еще и въ мелкихъ размѣрахъ, скотомъ, саломъ, кожами, солониною, а также хлѣбомъ и канатами. Но главное богатство и состоитъ въ великолѣпныхъ желѣзныхъ рудахъ, составлявшихъ до сихъ поръ исключительную собственность Императорскаго кабинета, сидѣвшаго на нихъ какъ собака на сѣнѣ, и только недавно, благодаря Муравьеву, отъявленному врагу всякаго казеннаго производства, открытыхъ для частной промышленности. Теперь самое простое желѣзо по цѣнѣ своей недоступно, да и нѣтъ его почти совсѣмъ въ продажѣ,—за самое плохое желѣзо платится здѣсь по 6 р. за пудъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, не смотря на всю россійскую непредпріимчивость, не смотря на то, что золотопромышленность притягиваетъ къ себѣ большинство капиталовъ въ Сибири, найдется скоро умный и дѣльный капиталистъ, который устроитъ въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области желѣзные заводы,—предпріятіе слишкомъ выгодное и прочное, чтобы долго быть оставленнымъ въ сторонѣ. Тогда одного желѣза будетъ достаточно для пополненія нашей вывозной торговли внизъ по Амуру. Самъ вновь присоединеный Амурскій Край, въ высшей степени плодородный, и еще болѣе, прилегающій къ нему Уссурійскій Край (между рѣкою Усури впадающею въ Амуръ на западѣ, Ти-

химъ океаномъ на востокѣ и Кореею на югѣ), одаренный и роскошною почвою, и благословеннымъ почти южнымъ климатомъ, богатый однимъ словомъ всѣмъ, чего пожелаетъ душа, должны сдѣлаться не болѣе какъ черезъ десятокъ, другой лѣтъ житницею Тихаго океана; хлѣбъ родится тамъ теперь нерѣдко самъ тридцать; вездѣ слѣды богатыхъ золотоносныхъ песковъ, — и если бы Китайцы согласно условіямъ Айгунскаго трактата допустили бы вольную торговлю по рѣкѣ Сунгари, то ужь теперь сунгарскаго скота и хлѣба было бы достаточно не только для продовольствія всего Амура, но и для внѣшней торговли. Теперь главнымъ предметомъ торговли служитъ мѣхъ соболій, чернобурыхъ лисицъ и другіе, добываемые на среднемъ и южномъ прибрежьи Амура и на всемъ берегу Тихаго океана отъ Николаевска до залива Петра Великаго. Но еще важнѣйшимъ предметомъ долженъ сдѣлаться съ будущаго года лѣсъ всякаго рода, отъ дуба до лиственницы, мачтовой, строевой и дровяной; его потребуется въ огромныхъ количествахъ въ Шаня-хай, Гонгъ-Конгъ и въ другіе китайскіе порты, открытые для Европейцевъ; — прибавьте къ этому, что островъ Сахалинъ, противолежащій въ 60-ти верстахъ устью Амура весь покрытъ слоемъ лучшаго каменнаго угля. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ торговое значеніе Амура. Чтобы сдѣлали съ этимъ благодатнымъ краемъ Американцы, еслибы онъ попалъ имъ въ руки! Но русскій и еще болѣе сибирскій человѣкъ, не смотря на всѣ похвалы, расточаемыя ему квасными патріотами, безпомощенъ какъ ребенокъ. Полицейское всевмѣшательство, крѣпостное право и патріархальный деспотизмъ общины убили, кажется, въ немъ всякій духъ предпріимчивости, всякую иниціативу; онъ рѣшительно требуетъ, чтобъ его тянули впередъ, самъ не идетъ. Говорить ли вамъ о политическомъ значеніи огромнаго вновь пріобрѣтеннаго края, съ благодатнымъ климатомъ, благодатною почвою, окаймленнаго двумя великими судоходными рѣками и примыкающаго къ Тихому океану. Это новая Сибирь, но благодатная, просвѣщенная, приморская. Благодаря Амуру, Славянское Русское царство стало твердою ногою на Тихомъ океанѣ, и союзъ съ Соединенными штатами, доселѣ платоническій, сталъ отнынѣ дѣйствительный, что ясно выражается въ настоящихъ отношеніяхъ и переговорахъ съ Ки-

таемъ. Благодаря Амуру, мы можемъ теперь содержать огромный, дѣйствительный флотъ на Тихомъ океанѣ, взамѣнъ черноморскихъ и балтійскихъ игрушекъ. Англичане на дѣлѣ опять нынѣшнею весною сильно добивались отнять у насъ залпъ Петра Великаго. Все дѣло теперь въ населеніи прибрежій Амура, Усури и Тихаго океана отъ Николаевска до Кореи. Оно идетъ медленно, медленнѣе, безъ сомнѣнія, чѣмъ у Американцевъ, потому что у насъ нѣтъ ни ихъ отваги, ни ихъ умной, расчетливо-смѣлой предпріимчивости, ни ихъ свободы движенія, а все таки идетъ и съ каждымъ годомъ будетъ быстро подвигаться впередъ. Но прежде чѣмъ коснусь этого предмета, раскажу вкратцѣ исторію пріобрѣтенія Амура. Муравьевъ пріѣхалъ съ этой мыслью въ Сибирь и еще до отъѣзда своего изъ Петербурга успѣлъ уговорить императора Николая снарядить морскую экспедицію вокругъ свѣта для отысканія устья Амура. Подъ предводительствомъ капитана, нынѣ контръ адмирала, Невельскаго она открыла устье Амура въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года. Въ 1852 году, по предписанію Муравьева, Невельскій заложилъ Николаевскъ. Въ 1849 году Муравьевъ ѣздилъ въ Камчатку для ознакомленія съ краемъ, особенно же съ берегами Тихаго океана. Въ этомъ же году у него зародилась мысль объ образованіи Забайкальской области, какъ точки отправленія и опоры для завоеванія Амура. Въ 1850 году началась борьба его противъ всего министерства, за исключеніемъ Киселева и Перовскаго. Главными его противниками были Нессельродъ, Чернышевъ и Блудовъ, а за ними и всѣ другіе. Его публично называли государственнымъ сумасшедшимъ, а все амурское предположеніе гибельнымъ предпріятіемъ. Образованіе Забайкальской области встрѣтило сильное, страстное сопротивленіе, особенно, когда онъ потребовалъ отъ императорскаго кабинета жертвы, — а именно жертвы 40,000 крѣпостныхъ крестьянъ кабинета. Въ борьбѣ со всѣми министрами и видя стѣсненное положеніе нашихъ финансовъ, Муравьевъ зналъ, что ему не дадутъ денегъ, и рѣшился совершить огромное дѣло остаточными суммами отъ управленія Восточной Сибири, съ помощью Забайкальскаго края. Не онъ завелъ казацкое сословіе въ этомъ краѣ, оно издавна существовало на границахъ Китая, преимущественно на берегахъ Аноны и Аргуни, и простиралось уже до 60,000 душъ

обоего пола, когда онъ прибылъ въ Сибирь. Но ему нужны были рабочія руки на берегахъ Инады и Шилки для сплавовъ внизъ по Амуру. Тутъ жили преимущественно горные крестьяне въ числѣ 40,000. А знаете что такое горные крестьяне? Это крѣпостные, въ десять разъ болѣе раззоренные, утѣсненные и несчастные, чѣмъ самые бѣдные помѣщичьи крѣпостные. Ихъ теперь, благодаря Муравьеву, въ Нерчинскомъ округѣ болѣе нѣтъ, но я ознакомился съ ихъ состояніемъ въ Томской губерніи, гдѣ ихъ приписано болѣе 130,000 къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ. Они платятъ подати и носятъ всѣ прочія натуральныя и денежныя повинности, какъ и другіе крестьяне; рекруты ихъ поступаютъ, только не въ солдаты, а на 25 лѣтнюю каторжную работу въ серебряныхъ рудникахъ. Какъ крѣпостные императорскаго кабинета, которому принадлежатъ всѣ заводы, они несутъ барщину и какую еще барщину! Во всякое время, во время работъ, въ распутицу, они должны по приказанію, по чистому произволу горнаго начальства, возить лѣсъ, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верстъ. Кромѣ того они обязаны продавать свой хлѣбъ исключительно на заводы и по предписанію Чевкина, изданному въ 1832 году отнюдь не дороже 28 к. за пудъ ржанной муки. Какъ крѣпостные они лишены всякой свободы и управляемы, знаете кѣмъ? Мѣстнымъ горнымъ вѣдомствомъ, а знаете ли что такое горное вѣдомство? Вы знаете, какъ безсовѣстны, алчны, ворованы русскіе инженеры, — ну вообразите себѣ россійское потомственное инженерство, касту въ родѣ поповской, вотъ вамъ и горное вѣдомство. За весьма рѣдкими исключеніями, горные офицеры дѣти горныхъ же офицеровъ, потому что имъ предоставленно почти исключительное право воспитывать дѣтей своихъ въ горномъ корпусѣ, которые поэтому всасываютъ въ себя воровавостъ съ кровью, съ первыми впечатлѣніями дѣтства, съ корпуснымъ воспитаніемъ и являются на заводъ уже готовыми ворами. Жены и матери ихъ также дочери и сестры горныхъ офицеровъ. Все горное вѣдомство составляетъ, поэтому, какъ будто одно дружное, тѣсно связанное семейство, основанное на систематическомъ воровствѣ. И вотъ оно то управляетъ горнозаводскими крестьянами. Должно ли еще мнѣ вамъ разсказывать, какъ хорошо жить на свѣтѣ этимъ бѣднымъ крестья-

намъ. Подробности о ихъ прошломъ житьѣ бытьѣ въ Нерчинскомъ округѣ вы, впрочемъ, найдете въ прилагаемой мною статьѣ Антонова (полит. преступника, поляка Вебера) въ Иркутскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ изъ этого то положенія вырвалъ ихъ Муравьевъ, обративъ ихъ въ казаковъ. Эта мѣра навлекла на себя преимущественно гнѣвъ Завалишина, не въ началѣ, потому что, какъ я докажу впослѣдствіи, пока онъ жилъ въ ладахъ съ Муравьевымъ, онъ былъ не только горячимъ поборникомъ всѣхъ его дѣйствій, но даже самъ, незванный, непрошенный прикладывалъ нечистую и тяжелую руку къ исполненію его предначертаній. Потомъ онъ на него разсердился и сталъ на него клеветать и первымъ и главнымъ предметомъ его литературныхъ гоненій сдѣлалась система казачества и насильственнаго заселенія Амура посредствомъ казаковъ; система колонизаціи правда несообразная съ чистыми началами экономической науки, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ необходимая. За неимѣніемъ денегъ, за отсутствіемъ всякой народной иниціативы, за невозможностью иниціативы народа облѣнившагося, опустившагося, связаннаго по рукамъ и по ногамъ; нужно было или прибѣгнуть къ ней или отказаться отъ Амура. И такъ, скажутъ 40,000 горныхъ крестьянъ, весь Забайкальскій край были принесены въ жертву амурскому дѣлу? — а если бы и такъ, что значитъ эта временная жертва въ сравненіи съ огромностью добытыхъ результатовъ? Но если мы докажемъ, что ни Забайкальскій край, ни горные крестьяне не только что не потеряли, но существенно выиграли, бывъ пожертвованны такимъ образомъ въ пользу великаго предпріятія, чтожъ останется изъ всей завалишинской аргументаціи? Чего онъ не придумалъ для того, чтобъ оправдать свое поддѣльное негодованіе и чтобъ запугать воображеніе своихъ читателей! и сравненіе съ аракчеевскою системою, и раззореніе всего Забайкальскаго края, и голодную смерть несчастныхъ переселенцевъ на Амурѣ, и погибель всего амурскаго дѣла, — «Амуръ сталъ язвою Сибири» восклицаетъ онъ торжественно, и глупая публика ему повѣрила. А между тѣмъ Завалишинъ, такъ долго жившій въ Забайкальскомъ краѣ, знаетъ лучше всякаго, что обращеніемъ 40,000 горно-заводскихъ крестьянъ въ казенное сословіе, Муравьевъ извлекъ ихъ изъ худшаго и несчастнѣйшаго положенія, какое рус-

ское воображеніе себѣ представить можетъ, и что ихъ настоящее, въ сравненіи съ недавнимъ прошедшимъ, можетъ быть названно царствомъ небеснымъ. Онъ знаетъ, что, кромѣ всѣхъ горно-заводскихъ притѣсненій и раззореній, они были еще отданы горнымъ начальствомъ на окончательное высасываніе нѣсколькимъ купеческимъ домамъ, которые, подобно жидамъ въ Бѣлоруссіи, опутали ихъ долгами и держатъ ихъ у себя въ крѣпостной зависимости, и что первою Муравьевскою мѣрою было Гракховское освобожденіе ихъ отъ этихъ неоплатныхъ долговъ и отъ мошенниковъ заимодавцевъ-купцовъ. Онъ знаетъ что въ забайкальскомъ казачествѣ нѣтъ и тѣни примѣненія аракчеевской системы, что никто не вмѣшивается въ ихъ домашнюю жизнь и что дома они совершенно свободны, — что они освобождены нынѣ отъ всѣхъ повинностей, что рекрутскій наборъ на каторжную подземную работу въ серебрянныхъ рудникахъ, замѣненъ обязательствомъ каждаго совершенно-лѣтняго казака отъ 18 лѣтъ до 40-лѣтняго возраста являться одинъ годъ въ три года въ баталіонъ на мѣстную службу, а горно-заводская барщина замѣнена рубкою лѣса для баржъ, постройкою баржъ на Ингадѣ и на Шилкѣ и сплавкою ихъ внизъ по Амуру, причемъ они получали правда небольшую плату: 20 коп. въ день, но они и этого не получали, когда были горными крестьянами, а несли работу несравненно тягчайшую. *) Прибавьте къ этому то, что, какъ горные крестьяне, они и дѣти ихъ обречены были на безнадежное, безвыходное рабство, въ то время какъ со времени ихъ обращенія въ казаковъ, имъ всего предстояло 10 или много 15 лѣтъ, а теперь ужь никакъ не болѣе 5 лѣтъ принужденной работы (теперь ужь ей положенъ конецъ), послѣ чего, кромѣ военной повинности, они ужь не будутъ нести никакой и вполнѣ будутъ наслаждаться своимъ, сравнительно съ казенными крестьянами, истинно льготнымъ положеніемъ, такъ что прійдется подумать и объ уничтоженіи самаго казачества, теперь еще необходимаго, вскорѣ совсѣмъ ненужнаго. **) Му-

*) Съ нынѣшняго года, чего я не зналъ, отмѣнена всякая принужденная работа, такъ что уже въ прошедшую осень всѣ работы производились наймомъ.

**) На дняхъ ушло представленіе въ Петербургъ о преобразованіи

равьеву было безъ сомнѣнія пріятнѣе населить съ перваго раза Амуръ вольными поселенцами, да гдѣ жъ ихъ было взять? Въ старину лихіе казаки безъ спроса и даже безъ вѣдома начальства сами открыли, овладѣли Амуромъ, построили на немъ городъ Албазинъ. Съ тѣхъ поръ русскій народъ, связанный въ продолженіи вѣковъ, потерялъ всякую иниціативу, всякую способность къ движенію; уничтоженіе нынѣшняго крѣпостнаго и полицейскаго порядка безъ сомнѣнія возвратитъ ему утраченную жизнь, но до тѣхъ поръ ждать было невозможно и за недостаткомъ народной иниціативы должно было прибѣгнуть къ правительственной. Для занятія Амура, для учрежденія на немъ постояннаго сообщенія, для окончательнаго его присвоенія, надо было прибѣгнуть къ системѣ принужденной колонизаціи посредствомъ казаковъ. По требованію Муравьева императоръ Николай отдалъ 40,000 своихъ крестьянъ и утвердилъ образованіе Забайкальскаго края. Отъ 1851 до 1854 года все время было употребленно на собраніе извѣстій объ Амурѣ, на устройство новаго края и на приготовленія къ Амурской экспедиціи, которая была наконецъ разрѣшена, не смотря на противодѣйствіе всего Петербурга, въ 1854 году, благодаря разрыву съ Англіею, раздражить которую появленіемъ своимъ на Амурѣ мы пока боялись. И такъ, 9 мая 1854 года состоялась первая экспедиція изъ 380 солдатъ и казаковъ внизъ по Амуру подъ предводительствомъ самаго Муравьева. Въ Айгунѣ, китайской губернаторской резиденціи немного пониже нынѣшняго Благовѣщенска и гдѣ была сосредоточена далеко превосходная военная сила, его хотѣли задержать, но онъ продрался далѣе и черезъ Николаевскъ, Татарскій проливъ и Охотское море отправилъ 380 человѣкъ въ Камчатку довольно во время, чтобъ отстоять ее противъ Англичанъ, самъ же въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ черезъ Якутскую область вполовину на собакахъ, вполовину верхомъ. Въ 1855 году, въ концѣ апрѣля, онъ предпринялъ вторую экспедицію внизъ по Амуру уже съ 5000 войска, съ угрозою пробился сквозь Айгунъ и когда англичане явились въ заливъ де-Кастри, они

---

12 батал. въ баталіонное казачье управленіе, первый шагъ къ прекращенію казачьяго вѣдомства.

нашли его, по словамъ англійскаго кореспондента Times, hérissé d'hommes et de canons. Въ этомъ же году перевезено внизъ по Амуру первое вольное населеніе занявшее оба берега Амура близъ Николаевска. Въ 1856 году состоялся несчастный обратный походъ 1300 человѣкъ войска изъ Николаевска въ Забайкалье, причемъ въ самомъ дѣлѣ отъ голода, холода и болѣзней погибло около 300 человѣкъ.—Я знаю, этотъ фактъ былъ сильно раскритикованъ въ «Колоколѣ», но, любезные друзья, гдѣжъ справедливость? и развѣ вы не знаете, сколько Англичанъ погибло въ Афганистанѣ и Сѣверныхъ Американцевъ въ военныхъ экспедиціяхъ въ западныхъ равнинахъ и по Скалистымъ горамъ? Чтожъ касается до несправедливой награды главнаго виновника этой катастрофы маіора Обмухова, то это явная клевета, ибо онъ и теперь живетъ въ полной немилости и горько жалуется на свою судьбу въ Иркутскѣ. Съ 1857 года началась регулярная колонизація Амура казаками. Первыя поселенія были безъ сомнѣнія невольныя, это была необходимая жертва принесенная амурскому дѣлу, и жертва гораздо болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Принимаются, во первыхъ, всевозможныя мѣры, чтобы переселенцы были доставлены цѣлы и невредимы со всѣмъ имуществомъ на мѣсто своего назначенія, и всѣ предпринятыя до сихъ поръ переселенія были, за весьма рѣдкими исключеніями, удачны. Безъ административныхъ ошибокъ и сопряженныхъ съ ними частныхъ страданій, при недостаточной степени образованія, умѣнія и добросовѣстности въ русскихъ исполнителяхъ вообще такое трудное дѣло, каково населеніе новаго, совершенно пустыннаго края, разумѣется обойтись не можетъ; но этихъ ошибокъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ даже внутри Россіи, при переселеніи народа изъ одной губернія въ другую, было очень, очень мало, и эти страданія никакъ ужь не могутъ идти въ уровень съ тѣмъ, что переносили Сѣверо-Американскіе колонисты, поселявшіеся на болотистыхъ берегахъ Миссисипи и Арканзаса. Амурскіе казаки поселены на мѣстахъ привольныхъ, здоровыхъ, изумительно плодородныхъ. Въ доказательство здороваго климата приведу только одно обстоятельство: относительная смертность на Амурѣ менѣе, чѣмъ въ самомъ Забайкальѣ, менѣе чѣмъ въ Иркутской губерніи. Правда, что въ первый годъ поселенія нѣко-

торыя мѣста оказались не совсѣмъ здоровыми для скота, въ иныхъ падали кони, въ другихъ слѣпли бараны, въ третьихъ телята родились безъ шерсти, — но всѣ эти странности, — въ которыхъ извѣстная сибирская и еще болѣе извѣстная Забайкальская лѣнь и распущенность принимали участіе не малое, — слава Богу кончились съ первымъ годомъ, скотъ скоро освоился съ Амуромъ, а люди живутъ на немъ припѣваючи; да иначе и быть не могло; обезпеченные полнымъ двухгодовымъ содержаніемъ, т. е. мукою, мясомъ, солью, крупою, и спиртомъ, даже кирпичнымъ чаемъ, безъ котораго сибирякъ жить не можетъ, равно какъ и всѣми необходимими инструментами для земледѣлія и для постройки домовъ — все это выдаетъ имъ казна безвозмездно — они безъ всякой заботы о будущей зимѣ и даже и цѣломъ будущемъ годѣ, могли въ одно лѣто поставить себѣ дома и приготовить землю для пашни, такъ что на будущій годъ, еще вполнѣ обезпеченный имъ правительствомъ, они могли бы даже продовольствовать сами себя, еслибъ не сибирская лѣнь и не казачья безпечность. И не смотря на эту лѣнь и на эту безпечность, большая часть казачьихъ поселеній производятъ ужъ такъ много хлѣба, что могутъ удѣлить часть на торговлю. Прибавьте къ тому, что всѣ амурскіе казаки на всегда избавлены отъ всѣхъ податей и сборовъ и на два года со времени поселенія и отъ всякой службы. Казаки для населенія Амура назначаются по жребію; впрочемъ имъ предоставлено право поставить за себя охотниковъ, что имъ обходится каждый годъ дешевле, ибо число охотниковъ на Амуръ увеличивается съ каждымъ годомъ, — опять доказательство, что на Амурѣ жить не худо. Такимъ образомъ отъ 1857 по 1861 годъ будетъ населено казаками на Амурѣ до 60 а на Усури 33 пунктовъ, всего 3200 казачьихъ семействъ, около 15,000 мужскихъ и женскихъ душъ. Въ 1861 году отправится послѣдняя казачья колонія, состоящая изъ 600 семействъ и 3000 душъ. Тѣмъ окончится для Забайкальскихъ козаковъ жертва людьми, жертва, которая оказывается ужъ на второй годъ благоденствіемъ для новыхъ поселенцевъ. Теперь остановимся на минуту и посмотримъ, что сдѣлалъ Муравьевъ отъ 1854 года, со времени первой экспедиціи на Амуръ, до 1859 года включительно: онъ сдѣлалъ лично двѣ экспедиціи, благодаря ко-

торымъ онъ могъ отстоять Камчатку и заливъ до Кастри противъ Англичанъ. Я позабылъ сказать, что въ 1855 году, когда флотиліи графа Путятина удалось скрыться въ устьѣ Амура отъ преслѣдованія англичанъ и французовъ, блокировавшихъ и устье Амура и весь Татарскій заливъ, Муравьевъ, которому было необходимо вернуться въ Иркутскъ, успѣлъ, со счастьемъ ознаменовавшимъ большую часть его предпріятій, пробраться на зафрахтованномъ американскомъ суднѣ сквозь весь англійскій флотъ, благодаря туманамъ и своей истинно геройской смѣлости, въ Аянъ, а оттуда равно какъ и въ первый разъ возвратился въ Иркутскъ черезъ Якутскую область, верхомъ, на собакахъ на оленяхъ и только послѣдніе 1500 верстъ въ возкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ почти каждый годъ предпринималъ поѣздки на Амуръ. Въ 1857 году провожалъ внизъ по Амуру графа Путятина, въ 1858 заключилъ Айгунскій трактатъ, въ силу котораго Китай уступаетъ намъ весь лѣвый берегъ Амура, оставляя себѣ правый берегъ до впаденія въ Амуръ рѣки Уссури, правый же берегъ Амура отъ Уссури до Тихаго океана оставляетъ въ неопредѣленности до будущаго разграниченія, что мы растолковали такъ, что фактически заняли весь Уссурійскій край, — цѣлое царство и благодатное царство, — отъ Амура на сѣверѣ до Кореи на югѣ. Въ 1859 году Муравьевъ отправился изъ Николаевска въ Печелійскій заливъ, а оттуда въ Японію, съ которою у него идутъ переговоры объ островѣ Сахалинѣ, южную часть котораго гр. Путятинъ, трактатомъ заключеннымъ съ ними въ 1857 году, уступилъ имъ безъ всякой надобности, даже безъ всякаго требованія съ ихъ стороны. Переговоры опять окончились фактомъ, т. е. занятіемъ всего Сахалина двумя или тремя ротами, Вотъ вамъ, милые друзья, самыя вѣрныя подробности объ амурскомъ дѣлѣ; и когда подумаешь что такое громадное дѣло, каково присвоеніе огромнаго края и первое населеніе какихъ нибудь 4000 верстъ, совершенное въ продолженіи 6 лѣтъ отъ 1854 по 1859 годъ включительно, — населеніе степей и лѣсовъ, чрезвычайно богатыхъ въ возможности, но въ дѣйствительности еще совершенно пустынныхъ, администрація вновь пріобрѣтеннаго края, его продовольствіе, всѣ дипломатическія и чрезвычайныя издержки, постройка баржъ сооруженіе и содержаніе пароходовъ, всѣ сплавы, военныя экспедиціи, не

исключая даже защиты нашихъ береговъ на Тихомъ океанѣ противъ англичанъ и французовъ, — когда подумаешь что на все это издержанно до 1859 года включительно не болѣе 540,000 р. сер., взятыхъ даже не у министра финансовъ, а изъ экономическихъ суммъ управленія Восточной Сибирью, — тогда, неправда ли, друзья, скажешь невольно, что другого такого примѣра нѣтъ по крайней мѣрѣ въ нашей исторіи. Не уменьшая славы Барятинскаго-Покорителя Кавказа, знаете ли, сколько употребленно имъ денегъ отъ 1856 года, со времени его назначенія, до 1859 года включительно, денегъ взятыхъ прямо изъ государственнаго казначейства? — Около 28 милліоновъ рублей сер. Сравните и произнесите свой судъ. Но, говоритъ Завалишинъ, «не казна, а Забайкальскій край поплатился за Амуръ, онъ раззоренъ, онъ погибаетъ». Но это увѣреніе, ни на чемъ не основанное, странно противорѣчитъ факту всѣмъ извѣстному, кто только былъ въ Забайкальи, а именно значительному умноженію производимаго хлѣба, скота и привозимыхъ въ Забайкальѣ потребляемыхъ товаровъ. Прежде некуда было дѣвать хлѣба, а теперь онъ въ огромныхъ количествахъ покупается казною для Амура; прежде руки оставались безъ работы, а теперь въ лѣтнее рабочее время плохой работникъ можетъ заработать рубль сер. и болѣе въ день. Прежде продуктовъ было довольно, но денегъ не было совсѣмъ въ Забайкальи, а теперь въ немъ обращаются ежегодно значительныя суммы, такъ что вы найдете деньги въ каждой деревнѣ. Кромѣ продовольствія Амура въ Забайкальѣ ежегодно закупается снабженіе всѣхъ судовъ въ Тихомъ океанѣ. Прежде забайкальскія женщины ходили въ грубомъ полотнѣ, а теперь одѣваются нерѣдко по нѣмецки ситцевыми и шелковыми матеріями. Прежде Забайкалье по откупу считалось самою бѣдною областью, а теперь оно стало выше Иркутской губерніи, — вѣрный признакъ, что народъ богатѣетъ, потому что къ несчастью во всемъ русскомъ царствѣ, гдѣ только существуетъ откупная система, всѣ лишнія и даже не лишнія деньги народа идутъ въ кабаки. Нѣтъ сомнѣнія что Забайкалье принесло жертвы Амуру, но эти жертвы не истощили, а только расшевелили его и будутъ возвращены ему съ лихвою въ самое скорое время. Теперь уже оживляется оно каждое лѣто все возрастающимъ движеніемъ на Амуръ и обратно, съ каждымъ годомъ появля-

ются вновь фабрики и заводы мясосольные, мыльные, свѣчные кожевенные, стеклянные, о которыхъ прежде не было и въ поминѣ, и скоро придетъ время, когда въ голодные годы, періодически возвращающіеся въ Забайкальскомъ краѣ черезъ нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе засухи, онъ будетъ получать на свое хлѣбное продовольствіе съ Амура. Теперь скажу нѣсколько словъ о предположеніяхъ Муравьева касательно окончательнаго заселенія Амура. Какіе нибудь 8—10 тысячъ казаковъ не могутъ его наполнить и устройство казачьихъ станицъ не могло имѣть другой цѣли, какъ необходимое очищеніе мѣста и дороги для будущаго серьезнаго населенія. Въ 1858 году Муравьевъ подалъ проэктъ заселенія Амура, основанный на слѣдующихъ началахъ: во первыхъ на Амуръ вызывались люди всѣхъ сословій, преимущественно же крестьяне казенные, удѣльные или помѣщичьи съ тѣмъ условіемъ, что лишь только кто изъ нихъ объявитъ желаніе переселиться на Амуръ, онъ немедленно освобождается отъ всѣхъ обязательствъ и повинностей и становится вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Переселяться онъ долженъ на свой собственный счетъ (на путь ссуда изъ особыхъ капиталовъ и хлѣбныхъ магазиновъ); на Амурѣ ему дается земля на 20 лѣтъ въ полное владѣніе, съ освобожденіемъ его на это время отъ всякихъ сборовъ, службъ и повинностей. Цѣлыя общины получаютъ землю въ вѣчное владѣніе, но не въ собственность, право которой исключительно предоставленно государству. Когда Муравьевъ писалъ свой проэктъ, онъ былъ еще рѣшительнымъ врагомъ собственности и говорилъ: je ne suis pas encore certain que la propriété ne soit un vol. Въ этомъ году онъ уступилъ явной необходимости и скрѣпя сердце согласился на признаніе правъ собственности на Амурѣ, предоставляя каждому покупать, сколько ему будетъ угодно, земли по 10 руб. сер. за десятину; лицамъ же или общинамъ, которыя захотятъ пользоваться землею на правахъ владѣнія, предоставить ее на 20 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы по прошествіи оныхъ они бы сохранили право первыхъ покупателей, при чемъ въ первые 20 лѣтъ поселенцы освобождаются отъ всякихъ повинностей. Не знаю, какова будетъ судьба этого проэкта, но первый былъ отвергнутъ въ Сибирскомъ комитетѣ и первымъ его противникомъ былъ министръ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ Муравьевъ вѣша-

ющій. Взамѣнъ его, согласившись съ министромъ финансовъ, предложилъ слѣдующее: государство ежегодно жертвуетъ 100,000 р. на которые около 300 семействъ изъ крестьянъ государст. имуществъ будутъ ежегодно переселяться на Амуръ, не по собственному желанію, а по назначенію министра. Многія крестьянскія общины въ разныхъ губерніяхъ вызывались охотно къ переселенію, но получили отъ министра отказъ, равно какъ 1000 менонитскихъ семей изъ Саратовской губерніи, которые въ 1859 году посылали ужъ депутатовъ на Амуръ съ порученіемъ осмотрѣть и выбрать землю. Только сибирскимъ крестьянамъ предоставленно право вольнаго переселенія, но сибирскимъ крестьянамъ и въ Сибири привольно. Такъ называемыя вольныя переселенія государственныхъ крестьянъ, назначаемыхъ министромъ начались только съ нынѣшняго года; ихъ переселено въ лѣто 230 семей, около 1600 душъ. Кромѣ того высочайше назначены для переселенія въ Восточную Сибирь 12000 штрафныхъ солдатъ съ женами и безъ оныхъ, изъ которыхъ прибыло по сіе время въ Восточную Сибирь 8000 человѣкъ; поселены въ Байкальской области 6000 взамѣнъ отбывшихъ казаковъ и до 2000 на Амурѣ. Прибавьте къ этому около 900 человѣкъ каторжныхъ освобожденныхъ Муравьевымъ изъ разныхъ казенныхъ заводовъ и вы будете имѣть приблизительно вѣрный счетъ нынѣшняго амурскаго и уссурійскаго населенія. Безъ регулярныхъ войскъ около , а съ ними около душъ *) Замѣчательно, что штрафные ведутъ себя отличнымъ образомъ на Амурѣ, что въ станицахъ, между которыми они распредѣлены, нѣтъ ни большого воровства, ни грабежа, ни разбоя, доказательство, что ихъ никто не притѣсняетъ, что имъ жить привольно и хорошо; доброе ихъ поведеніе должно также отчасти приписать совершенному отсутствію кабаковъ на Амурѣ, откуда, по высочайше утвержденному предложенію Муравьева откупъ исключенъ на вѣчныя времена. Правда что амурскіе жители, а именно сосѣдніе къ манджурскимъ деревнямъ, напиваются нерѣдко манжурскою водкою, но не въ водкѣ главная сила, а въ кабакахъ, которые систематически развиваютъ пьянство въ народѣ. По этому случаю, для того чтобъ еще лучше выяс-

*) Пропуски въ подлинникѣ. М. Др.

нить вамъ направленіе Муравьева, посылаю вамъ статью объ откупѣ, перепечатанную въ 1859 году Русскимъ Вѣстникомъ изъ Иркутскихъ Вѣдомостей, статью написанную политическимъ преступникомъ Спѣшневымъ подъ диктовку Муравьева, по слѣдующему случаю: Бенардаки, держащій откупъ всей Восточной Сибири, попытался было распространить его и на Амуръ, но обжегся и какъ громомъ былъ пораженъ печатнымъ словомъ Муравьева. А должно вамъ сказать, что рѣдко такъ хорошо, ясно сжато и энергически пишетъ какъ онъ. Его слогъ человѣка дѣйствующаго, а не литератора. Въ предположеніяхъ Муравьева главною заманкою на Амуръ будетъ свобода, особенно же религіозная свобода. Муравьевъ, натура революціонная, какъ диктаторъ, можетъ жертвовать иногда частнымъ благомъ и даже частною волею для общаго блага и для общей свободы. Но онъ и по инстинкту и по убѣжденію отъявленный врагъ всякаго притѣсненія; il a la religion de l'humanité, du mouvement historique des peuples, une religion à laquelle pour votre part vous avez renoncé comme á toutes les autres, — mais il n'en a pas d'autre — il est plutôt athée que chrétien, et il professe et il exige en fait de religions et d'opinions une tollérance absolue. Вслѣдствіе этого онъ первый другъ и покровитель раскольниковъ противъ всѣхъ поповскихъ и земскихъ притѣсненій и надѣется, что полная свобода вѣрованій на Амурѣ притянетъ туда много раскольниковъ, а раскольники самый полезный, дѣятельный и богатый народъ въ Сибири. Этимъ покончу свою болтовню объ Амурѣ. Для пополненія свѣденій прилагаю статью Антонова (политич. преступ., поляка Вебера) въ Иркутскихъ Вѣдомостяхъ, весьма дѣльную, составленную съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя и плохо написанную; да еще статью Карпова (въ газетѣ Амуръ), написанную слишкомъ ругательно, но тѣмъ не менѣе интересную для характеристики Завалишина, — и наконецъ печатныя свѣдѣнія о движеніи пароходства и торговли на Амурѣ за нынѣшній годъ, при чемъ замѣчу, что Муравьевъ безусловный поборникъ торговой, какъ и всякой другой свободы, всѣми силами поощрялъ начинанія американцевъ и вообще иностранцевъ на Амурѣ, что сильно не нравится сибирскому купечеству. — Прилагаю вамъ также въ подарокъ карту вновь пріобрѣтеннаго края.

2-ою заслугою Муравьева должно признать его обращеніе

съ декабристами и вообще съ политическими преступниками, поляками и русскими. Должно отдать справедливость Сибири, при всѣхъ недостаткахъ укоренившихся въ ней отъ постояннаго наплыва разныхъ, часто весьма не чистыхъ элементовъ, какъ-то: безчестья, эгоизма, скрытности, взаимнаго недовѣрія, она отличается какою-то особенною широтою сердца и мысли, истиннымъ великодушіемъ въ отношеніи къ политическимъ и даже ко всѣмъ преступникамъ. Въ сибирякѣ нѣтъ предразсудковъ, онъ не грѣшитъ ни чрезмѣрнымъ любопытствомъ, ни излишнею деликатностью, ни злопамятствомъ, и отъ всякаго сосланнаго, чтобы онъ ни сдѣлалъ въ Россіи, зависитъ честнымъ и главное умнымъ поведеніемъ поставить себя на почетную ногу. Сибиряки, народъ умный, дураковъ не терпятъ и прощаютъ скорѣе подлость, чѣмъ глупость. Подлостью, злостью и какою бы то ни было нравственною мерзостью сибиряка не удивишь, онъ такъ много видалъ ихъ въ своей жизни. Но политическіе преступники еще съ давнихъ временъ, я думаю со временъ Меньшикова и Миниха, пользуются особымъ почетомъ въ Сибири. Не мало къ тому способствовало, въ послѣднее время, благородное вліяніе декабристовъ, такъ высоко себя поставившихъ въ Сибири, равно какъ и не менѣе благородное вліяніе польскихъ политическихъ преступниковъ, еще въ гораздо большемъ количествѣ разбросанныхъ по сибирскимъ пустынямъ. Такое общее расположеніе сибиряковъ къ политическимъ и государственнымъ преступникамъ не могло остаться безъ вліянія и на начальство; случались, правда, довольно часто разныя офиціальныя мерзости, — вѣдь русское начальство, еще болѣе вороватое въ Сибири, чѣмъ въ самой Россіи. не можетъ же измѣнить своему коренному характеру, — но вообще должно сказать, что рѣдко когда соблюдаются во всей строгости предписанія драконо-русскаго закона въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ и каторжнымъ. Болѣе всего страдали они отъ произвола, капризовъ, привязокъ мѣстныхъ начальниковъ. Нерѣдко произволъ этотъ доходилъ до оскорбленія и до жестокости. Такъ напр. какой то плацъ-маіоръ омской крѣпости, котораго я позабылъ фамилію и который судится еще до сихъ поръ въ Тобольскѣ, поступалъ самымъ оскорбительнымъ и жестокимъ образомъ съ поляками, содержимыми тамъ на работахъ, билъ ихъ палками и заставлялъ при страшныхъ

страсти спустили многихъ далеко ниже Петровскаго діапазона; на этой высотѣ немногіе вполнѣ удержались, но въ Петровскомъ замкѣ всѣ были равно велики и святы, всѣ были равны: и умные и глупые, и образованные и невѣжи, и бѣдные и богатые. Они братски другъ съ другомъ дѣлились всѣмъ: и мысли, и чувства, и матеріальныя средства, все было общее между ними. Въ этой святой дружной семьѣ завелась одна паршивая овца: Димитрій Иринарховичъ Завалишинъ. Онъ всѣмъ завидовалъ и всѣхъ равно ненавидѣлъ. Онъ сплетничалъ, наговаривалъ и старался ссорить ихъ между собою. Онъ доносилъ, клеветалъ на всѣхъ доброму коменданту Липарскому и, за то что покойникъ его не слушалъ, онъ до сихъ поръ его ненавидитъ. Я самъ слышалъ, съ какимъ презрѣніемъ онъ о немъ отзывается и какъ ругаетъ благороднаго старика, память котораго благословляется всѣми декабристами. Наконецъ злость Завалишина доходила иногда до того, что не зная, чѣмъ отомстить досадившему ему товарищу, онъ зимою въ 30 и болѣе градусовъ мороза, выбивалъ у него мѣтко брошеннымъ камешкомъ стекла, что становилось тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что не только въ Петровскомъ замкѣ, но даже въ самомъ Иркутскѣ часто бываетъ трудно, а иногда и просто невозможно замѣнить разбитое стекло, такъ что наказанный долженъ былъ замазываться отъ мороза бумагою. Въ іюнѣ 1859 года, я лично познакомился съ Завалишинымъ въ Читѣ. Вообразите себѣ небольшого, сухенькаго, черненькаго, необыкновенно подвижного старичка, замѣчательнымъ образомъ сохранившагося, еще одареннаго рѣдкою, всеобнимающею памятью и краснорѣчіемъ замѣчательнымъ. Онъ говоритъ или лучше сказать кричитъ безъ умолку и всегда одинъ, — терпѣть не можетъ, когда говорятъ другіе. Голосъ его, визгливый и пронзительный, оглушитъ самое крѣпкое ухо. Онъ много читалъ, много замѣтилъ въ жизни, читаетъ и работаетъ много теперь, не смотря на свои 60 или 65 лѣтъ, и умѣетъ кстати припомнить прочитанное. Умъ у него отъ природы быстрый, находчивый, гибкій, теперь ужъ значительно постарѣлъ и какъ будто окаменѣлъ, онъ какъ будто весь истощился, безпрестанно повторяетъ себя и теряется въ стеоретипныхъ фразахъ и изреченіяхъ; начинаетъ забалтываться и теряться въ мелочахъ какъ старая баба. Черезъ годъ или два и слѣда

кореспондируетъ и съ «Колоколомъ»*) — A tout seigneur tout honeur, начну зъ Завалишина.

Когда меня отправляли изъ Шлисельбургской крѣпости въ Западную Сибирь, въ 1857 году, я прожилъ почти недѣлю въ 3-мъ отдѣленіи. Туда приходилъ ко мнѣ всякій день братъ Алексѣй, пріѣхавшій нарочно и живжій въ домѣ нашихъ семейныхъ друзей, у Кущиныхъ. Тутъ онъ познакомился и сблизился съ только что возвратившимся изъ Сибири декабристомъ И. И. Пущинымъ. Иванъ Ивановичъ послалъ мнѣ черезъ брата свое благословеніе и между другими мѣстными рекомендаціями, заповѣдывалъ мнѣ не знакомиться съ Дмитріемъ Завалишинымъ, ни съ братомъ его; второй отъявленный доносчикъ, даже на брата; а первый также доносчикъ, только дѣйствующій болѣе искусно и тайно, повредившій всѣмъ много своими двусмысленными рѣчами при допросахъ и бывшій потомъ въ Петровскомъ замкѣ, равно какъ и все время поселенія въ Сибири, язвою для всѣхъ декабристовъ. Тоже самое повторили мнѣ въ Сибири Басаргинъ, Фаленбергъ, Пожіо, Бесчастный, М. А. Бестужевъ и Кюхельбекеръ. Тоже самое услышалъ я отъ большинства и отъ лучшихъ поляковъ, знавшихъ Завалишина эа Байкаломъ. Всѣ единогласно описывали его какъ человѣка желчно-самолюбиваго, завистливаго, злаго, не останавливающагося для достиженія своекорыстныхъ или самолюбивыхъ цѣлей ни передъ ложью, ни передъ клеветою Отъ декабристовъ въ Иркутскѣ я узналъ слѣдующій любезный фактикъ: въ Петровскомъ замкѣ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ язвою для товарищей. Вы знаете какъ дружно и свято жили тамъ декабристы; это была можетъ быть самая лучшая эпоха ихъ жизни, эпоха въ которой, очищенные страданіемъ, чувствомъ великой отвѣтственности взятой ими на себя передъ цѣлой Россіей, они можетъ быть впервые возвысились до нравственнаго сознанія своего подвига; потомъ, по выпускѣ ихъ изъ Петровскаго замка, обыденная россійская пошлость взяла свое, разъединенная жизнь безъ дѣла и безъ цѣли въ пошлой обстановкѣ, мелкія нужды, мелкія

*) Полякъ Розенталь — не полу, а цѣликомъ политическій преступникъ, такъ какъ онъ сосланъ былъ за попытку присоединиться къ крестьянскому движенію въ Кіевской губ. въ 1855 г. М. Др.

нашелъ въ немъ человѣка умнаго и способнаго, тѣмъ болѣе для него интереснаго, что Завалишинъ зналъ хорошо Забайкальскій край, столь важный для его амурскаго предпріятія, и кромѣ того, какъ морской офицеръ, сдѣлалъ въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ подъ командою Крузенштерна кругосвѣтное путешествіе, плавалъ по Тихому океану и написалъ даже проэктъ о присоединеніи Калифорніи къ Россіи. Муравьевъ не любитъ секретничать, онъ не важничаетъ и не тѣшится игрою въ государственныя тайны. Весь занятый амурскимъ предпріятіемъ, онъ передалъ свои предположенія Завалишину. Дмитрій Иринарховичъ ухватился за нихъ съ жаромъ, потому что увидѣлъ въ нихъ средство себя возвысить и сдѣлать себя, если не необходимымъ, по крайней мѣрѣ нужнымъ человѣкомъ. Муравьевъ, всегда готовый учиться, слушалъ его замѣчанія, основанныя на знаніи края, съ интересомъ. И такъ Муравьевъ и Завалишинъ были другъ другомъ довольны; все шло ладно. Въ 1851 году было приступленно къ образованію Забайкальскаго края и губернаторомъ новой области былъ назначенъ генералъ Запольскій, человѣкъ николаевскихъ временъ, не лишенный ума и практическихъ способностей, но еще болѣе хитрый, чѣмъ умный, съ широкою и весьма эластичною совѣстью, всегда готовою къ услугамъ генеральскаго честолюбія. Пріѣхавъ въ Сибирь онъ увидѣлъ какъ Муравьевъ отличилъ декабристовъ; въ Читѣ онъ замѣтилъ простыя довѣрчивыя отношенія, существовавшія между Завалишинымъ и генералъ-губернаторомъ. Этого было достаточно, чтобъ ограниченный, но ловкій генералъ по природѣ, привычкамъ, понятіямъ своимъ болѣе способный гнать и давить, чѣмъ уважать декабристовъ, — этого было вполнѣ достаточно; чтобы онъ изъ николаевской собаки превратился въ отчаяннаго либерала и сдѣлался не только покровителемъ но и страстнымъ поклонникомъ Завалишина; а Дмитрій Иринарховичъ человѣкъ не глупый, онъ сразу замѣтилъ главный недостатокъ новопріѣзжаго губернатора, недостатокъ общій почти всѣмъ русскимъ генераламъ: глупую надменность, самодовольствіе и дикое мелкое тщеславіе. Въ то время какъ Запольскій искалъ его дружбы, онъ сталъ безсовѣстно подличать, увиваться передъ Запольскимъ, сталъ громко восхищаться его умомъ, гуманностью, талантами. Для николаевскаго генерала положеніе совер-

шенно новое и не лишенное прелести: не теряя ни одной кисточки изъ густыхъ эполетъ, быть вмѣстѣ и предметомъ восторга для декабриста. Они должны были сблизиться и сблизились. Завалишинъ довелъ свою угодливость до того, что cum amore сдѣлался лейбъ - медикомъ, собесѣдникомъ, другомъ, лейбъ полицмейстеромъ губернатора, его неразлучнымъ лицомъ, онъ по праздникамъ въ церкви расталкивалъ передъ нимъ православный народъ и собственноручно подстилалъ коврикъ подъ драгоцѣнныя превосходительскія ножки. Ну, какъ не любить такого человѣка? И человѣкъ опасный, либералъ, Брутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, а вмѣстѣ и такъ почтителенъ и даже услужливъ, самъ подстилаетъ коврики. Столько преданности не могло остаться безъ вознагражденія, Завалишинъ сдѣлался всемогущимъ въ Читѣ, безъ него ничего не предпринималось и не дѣлалось; онъ раздавалъ льготы, мѣста, милость и гнѣвъ губернатора, и раздавалъ ихъ не даромъ, а за деньги, это положительно справедливо. Въ это время производилось преобразованіе Забайкальскаго края въ видахъ присвоенія Амура, преобразованіе, по необходимости быстрое, рѣшительное, поэтому не всегда согласное съ частными выгодами и даже съ частною справедливостью. Жертва частныхъ интересовъ въ пользу общаго дѣла, въ этомъ случаѣ дѣйствительно необходимая, была естественнымъ образомъ сопряжена со многими неудобствами, смягчить и сгладить которыя могла только гуманность исполнителей. Но исполнителемъ былъ здѣсь задорный, желчный, злопамятный и мстительный Завалишинъ, тогда не врагъ казачьей системы, но страстный приверженецъ и сотрудникъ con amore обращенія горно-заводскихъ крестьянъ въ казачье вѣдомство, а горно-заводского села Читы въ столицу всего Забайкалья. Выборъ Читы исключительно принадлежитъ Завалишину, онъ самъ мнѣ въ лицо этимъ хвастался, и по моему мнѣнію самый несчастный выборъ, въ чемъ начинаетъ теперь сознаваться вполовину и самъ Муравьевъ, утвердившій его тогда по нерасположенію къ горно-заводскому городу Нерчинску. Стрѣтенскъ сдѣлается безъ сомнѣнія въ непродолжительное время естественною столицею Забайкалья, какъ пунктъ, гдѣ прекращается серьезное пароходство на Шилкѣ, поэтому соединяющій Амуръ съ Забайкальемъ. Чита же, какъ искуственный городъ, держится те-

перь сосредоточенною въ ней администраціей и врядъ ли возживетъ когда собственными средствами. Нужно было, но нужно ли въ самомъ дѣлѣ, право не знаю, и до сихъ поръ въ этомъ сильно сомнѣваюсь, — нужно было выгнать изъ новаго губернскаго города новыхъ казаковъ, заставить ихъ продать дома, движимыя имущества, привлечь въ него мѣщанъ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Все это дѣло сосредоточилось въ рукахъ Завалишина и было поведено самымъ скверным, несправедливымъ, жестокимъ образомъ. Декабристъ Завалишинъ заважничался и зазнался, какъ самый пошлый русскій начальникъ. Alter Ego, другъ губернатора, довѣренный его задушевныхъ мыслей, онъ заставилъ дрожать передъ собою всѣхъ жителей Читы отъ чиновниковъ до послѣдняго казака, и горе тѣмъ, которые его обидѣли въ бывшія времена, когда онъ былъ еще безпомощнымъ поселенцемъ, горе тѣмъ, которые теперь не преклонялись передъ его могуществомъ. Передъ нимъ, полицмейстеромъ con amore, настоящій полицмейстеръ не смѣлъ надѣть шапки, а одного артилер. солдата, котораго я видѣлъ въ Читѣ, высѣкли, по приказанію Запольскаго, единственно только за то, что онъ не снялъ шапки передъ Завалишинымъ. Въ Парижѣ какъ то Анненковъ меня увѣрялъ, что подкупность и взяточничество замѣняютъ въ Россіи конституцію, что безъ нихъ было бы невозможно жить въ Россіи; — въ этомъ смыслѣ и Завалишинъ былъ конституціоннымъ монархомъ; старые и новые грѣхи противъ него выкупались деньгами; въ это время процвѣтали его домашніе интересы, но за то все Забайкалье завыло и гулъ жалобъ достигъ наконецъ до слуха Муравьева. Николай Николаевичъ долго не принималъ ихъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ декабристъ, и къ тому же изъ умныхъ, могъ поступать такимъ образомъ. Наконецъ онъ долженъ былъ убѣдиться и, не желая явнымъ образомъ признавать вины декабриста, не желая гнать его изъ мѣста, въ которомъ у него былъ выстроенъ домъ, обзаведенно разнородное хозяйство и гдѣ жило его семейство — Завалишинъ женился въ Читѣ — онъ рѣшился отстранить Запольскаго, подавшаго вслѣдствіе того въ отставку въ 1855 году. А Завалишину было объявлено подъ рукою, черезъ товарищей декабристовъ, впрочемъ прямо отъ имени Муравьева, чтобы онъ не шевелился и не смѣлъ отнынѣ принимать ни малѣйшаго прямого

или косвеннаго участія въ дѣлахъ. Въ 1856 году, Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, двоюродный братъ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова ученикъ, воспитанникъ Муравьева, нынѣ назначенный ему наслѣдовать во всей Восточной Сибири, молодой человѣкъ, умный, дѣятельный, благородный, хотя и далеко не такой орелъ какъ Муравьевъ, вступивъ въ должность областного губернатора и атамана забайкальскихъ казаковъ, пріѣхалъ въ Читу. Въ это время бѣжалъ отъ Завалишина казакъ, произвольно отданный ему въ услуженіе генераломъ Запольскимъ. Завалишинъ нестерпимый деспотъ въ семействѣ; покойная жена его, разсказываютъ, умерла отъ страха, имъ наведеннаго, а сестры ея и вся прислуга ихъ дрожатъ отъ одного голоса Завалишина. Такимъ образомъ дрожалъ невольно въ продолженіе двухъ лѣтъ и несчастный казакъ, чуть не отданный въ крѣпостное состояніе. Лишь только Запольскій былъ удаленъ, казакъ бѣжалъ отъ Завалишина и первая бумага, полученная Корсаковымъ на новомъ мѣстѣ, содержала въ себѣ жалобу Завалишина на казака, отданнаго ему въ услуженіе Запольскимъ, — такъ говорилъ политическій преступникъ, безправный поселенецъ, либералъ Завалишинъ — и требованіе, что бы его къ нему насильно возвратили. Разумѣется, что его не послушали, и казакъ, въ угоду Завалишину не былъ лишенъ свободы. Я самъ читалъ эту просьбу Завалишина, хранящуюся подъ №-ромъ въ общемъ областномъ управленіи. Теперь понимаете вы, почему Завалишинъ ненавидитъ, этого мало, шипитъ злостью противъ Муравьева: онъ былъ возвращенъ имъ въ ничтожество. Но между тѣмъ не думайте, чтобы онъ съ тѣхъ поръ терпѣлъ какія нибудь преслѣдованія. Еще разъ повторяю, Муравьевъ благороденъ, какъ рыцарь; личная месть не въ его характерѣ, тѣмъ менѣе еще мелочная месть противъ безпомощнаго, хотя и злого старика. Послѣ появленія его ядовитыхъ статей въ Морскомъ Сборникѣ, Корсаковъ отказалъ ему только отъ дома; онъ свободно двигаетъ, обдѣлываетъ свои дѣла и громко кричитъ въ Читѣ, ругая Корсакова и Муравьева, имѣетъ даже тамъ свою партію отчасти изъ недовольныхъ геніевъ-недоростковъ, отчасти изъ увлеченныхъ молодыхъ людей, — и даже до сихъ поръ, въ противность порядку, справедливости и законамъ, продолжаетъ пользоваться льготою, данною ему Запольскимъ, одинъ

не вноситъ за свой домъ военно-постойной повинности. По моему мнѣнію такое неправильное снисхожденіе есть уже слабость, я заставилъ бы его покориться общему закону. Разумѣется онъ накричался бы, но мнѣ до этого не было бы дѣла. Однимъ словомъ, кто хочетъ узнать Завалишина, пусть поговоритъ съ читинскими мѣщанами, или пусть отправится за 30 верстъ въ станицу Атаманову, куда были насильственно переселены читинскіе казаки. Тамъ, кромѣ проклятій его имени, онъ ничего болѣе не услышитъ, — такъ умѣлъ дать имъ знать себя декабристъ, демократъ, либералъ Завалишинъ. Наконецъ для окончанія его портрета, прибавлю послѣднюю черту: онъ, равно какъ и Петрашевскій и Розенталь, находится теперь подъ спеціальнымъ покровительствомъ 3-го отдѣленія, которому, по словамъ самихъ князя Долгорукова и Тимашева, онъ еженедѣльно пишетъ доносы на все и на всѣхъ. Я самъ читалъ одинъ такой доносъ, писанный рукою и подписанный именемъ Завалишина, — разумѣется самый невинный, — присланный изъ 3-го отдѣленія въ Иркутскъ Муравьеву: въ немъ Завалишинъ жалуется, что высшее начальство пыталось поджечь его домъ въ Читѣ. Больше не прибавлю ни слова, перехожу къ товарищу его по уму и по злобѣ къ Муравьеву, Раевскому.

Вы вѣроятно знаете, что онъ былъ взятъ годъ или два передъ декабрскою исторіей и, послѣ годового или двухгодового содержанія въ крѣпости, былъ осужденъ на вѣчное поселеніе въ Сибири, внѣ всякаго соприкосновенія съ декабристами, — такъ что декабристы даже до сихъ поръ не хотятъ признать его своимъ, въ противность Муравьеву, утверждающему, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ. Какъ бы то ни было, Муравьевъ нашелъ его въ полномъ раздорѣ со всѣми декабристами и тщетно старался ихъ примирить. Они называли его просто на просто подлецомъ, а онъ ихъ „невинными". Раевскій очень, очень умный человѣкъ и, въ противность Завалишину, онъ не педантъ-теоретикъ-догматикъ, нѣтъ, онъ одаренъ однимъ изъ тѣхъ, бойкихъ и мѣткихъ русскихъ умовъ, которые прямо бьютъ въ сердце предмета и называютъ вещи по имени. Онъ съ ногъ до головы практикъ, русскій дѣлецъ, счастливый во время оно, слишкомъ счастливый въ игрѣ, теперь нашедшій золотое дно въ откупныхъ дѣлахъ, человѣкъ въ жизни

много видѣвшій, много испытавшій, много намотавшій на усъ, никогда, нигдѣ не пропадающій, ни чѣмъ не стѣсняющійся и вездѣ умѣющій отыскать свою пользу. Онъ циникъ въ душѣ, въ сущности ни чѣмъ не увлекающійся, но разговоръ его остроумный, блестящій, ѣдкій, въ высшей степени увлекателенъ. Завалишинъ постарѣлъ, онъ нѣтъ, его и теперь заслушаться можно:

„Когда жъ о вольности святой онъ говоритъ,
Какимъ то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ и мы всѣ рыдаемъ".

Разговоръ его, какъ человѣка умнаго, наблюдательнаго, вертѣвшагося въ высшихъ и низшихъ кружкахъ, полонъ чрезвычайно интересныхъ подробностей, обнимающихъ интересное время отъ 1812 по 1824 или 23-й годъ. Къ тому же онъ досконально знаетъ Сибирь, сибирскую торговлю, промыслы, отношенія, сибирское крестьянство, мѣщанство, купечество и чиновничество, — это самая живая и умная статистика Сибири. Такой человѣкъ, къ тому же ловкій, умѣющій поддѣлаться подъ всякій тонъ, долженъ былъ привлечь на себя вниманіе Муравьева, который приблизилъ его къ себѣ на перекоръ всѣмъ декабристамъ. Къ тому же въ Раевскомъ есть черта, рѣзко отдѣляющая его отъ послѣднихъ и весьма симпатичная для Муравьева: Раевскій по существу своему, какъ истый русскій человѣкъ, съ ногъ до головы демократъ, демократъ, правда, школы циническої, но все таки демократъ, если не по сердцу, исключительно принадлежащему къ e g o-кратической партіи, за то по уму, дѣльному, здоровому, не допускающему ни фикцій, ни жалкихъ примиреній, совершенно русскому уму. По всему образу мыслей онъ демократъ и соціалистъ quand même, хотя въ жизни, смотря по надобности и удобствамъ, онъ готовъ дѣйствовать и по всѣмъ другимъ направленіямъ. Того же нельзя сказать о большинствѣ декабристовъ; за весьма рѣдкими исключеніями они были и есть либералы, такъ что при всемъ признаніи превосходства Пестеля, они и до сихъ поръ н е в о л ь н о косятся на него, какъ на пророка русской и даже славянской демократіи. Мало изъ нихъ перешло за границу барскаго либерализма и русскаго патріотизма. Въ тысячу разъ благо-

роднѣе, чище, симпатичнѣе Раевскаго, большинство живщихъ въ Иркутскѣ декабристовъ далеко отстали отъ него умомъ, дѣльностью мыслей, принадлежа инстиктивно къ школѣ, которая почти исключительно преобладаетъ нынѣ въ русскихъ журналахъ. Муравьевъ страстный врагъ англійской системы, парламентаризма, конституціонализма, мысль о петербургской палатѣ лордовъ его пугаетъ, ему спать не даетъ — онъ страстный, непримиримый, рѣшительный демократъ. Вотъ что особенно сблизило его съ Раевскимъ. И должно признаться, что въ продолженіи многихъ лѣтъ Раевскій имѣлъ нехорошее вліяніе на Муравьева, заставилъ его сдѣлать много несправедливостей и ошибокъ. Когда Муравьевъ пріѣхалъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, ему было всего только 39 лѣтъ; въ Россіи, при бѣдности и медленности нашей жизни, теряющейся у лучшихъ людей большею частью въ теоріи, въ эти лѣта человѣкъ еще очень молодъ; молодъ и неопытенъ; къ тому же Муравьевъ человѣкъ страстный, онъ ощущалъ потребность въ умныхъ совѣтникахъ; онъ увлекся Раевскимъ, горячо вѣрилъ въ него и подъ этимъ вліяніемъ допустилъ себя до многихъ промаховъ. Теперь ужь онъ совершенно не тотъ, теперь его надуть или увлечь очень, очень трудно. Теперь онъ въ свою очередь увлекаетъ людей, только къ добру, къ спасенію Россіи. Тогда было иначе, и вотъ въ продолженіи многихъ лѣтъ преобладало общее мнѣніе въ Сибири, что безъ согласія Раевскаго Муравьевъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго шагу и кто не угодилъ Раевскому, тотъ ни мѣста получить — (до сихъ поръ главный интересъ россійской публики) ни на мѣстѣ остаться не можетъ, — — мнѣніе разумѣется слишкомъ преувеличенное, но все таки не совсѣмъ лишенное основанія. Въ 1857 году, убѣдившись въ злости, своекорыстіи, глубокой безнравственности и безсовѣстности все ругающаго демократа Раевскаго, Муравьевъ окончательно сбросилъ его съ себя, — и съ тѣхъ поръ началась непримиримая злоба Раевскаго къ Муравьеву, и нѣтъ для меня сомнѣнія, что прямо или косвенно эта злоба отзывается въ вашемъ „Колоколѣ“ Я позабылъ сказать, что еще въ 1856 году, когда составился списокъ политич. преступниковъ для амнистіи, списокъ изъ котораго его император. величество собственноручно изволили вычеркнуть мое имя, — имя Раевскаго, какъ не декабриста и сосланнаго

кромѣ всего за какія то денежныя дѣла, въ спискѣ совсѣмъ не находилось, и что только по настоятельному требованію Муравьева, его особымъ указомъ простили. — Теперь обращаюсь къ Петрашевскому.

Вы помните Головина? Ну Головинъ это пристойный, умный, совѣстливый Петрашевскій, а Петрашевскій циническій, безсовѣстный Головинъ на распашку. Только между ними есть разница: Головинъ авантюристъ и законникъ — аристократъ, истинный chevalier d'industrie, escroc et hableur de bonne maison, Петрашевскій такой же грязный сутяжникъ какъ и онъ, такой же законникъ и авантюристъ, только подъ знаменемъ демократіи. Ему душно въ гостинной, и трактирная публика, составленная по преимуществу изъ потерянныхъ сынковъ de bonne maison, неудавшихся литераторовъ, артистовъ, администраторовъ, юристовъ, а также пожалуй изъ вольноотпущенныхъ или неотпущенныхъ лакеевъ, его среда, въ которой онъ купается съ такою же роскошью и также натурально, какъ свинья въ грязи. Это просто свинья съ человѣческою головою, циникъ по внутреннему призванію. А между тѣмъ замѣчательный человѣкъ, — онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ безпокойный, другъ движенія, но какого движенія! Онъ далеко не революціонеръ, не открытый боецъ, на это онъ не способенъ, онъ трусъ; и не смотря на трусость онъ не можетъ оставаться въ покоѣ; онъ интригуетъ, пакоститъ, ссоритъ, даже отваживается на опасныя вещи, по неизбѣжному внутреннему стремленію, которое въ немъ сильнѣе даже самаго страха. Онъ неизлѣчимый законникъ и готовъ поссорить братьевъ, самыхъ близкихъ друзей для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Такимъ образомъ во всѣхъ деревняхъ, куда онъ былъ ссылаемъ, во всѣхъ маленькихъ городахъ, ему удавалось и до сихъ поръ удается перессорить всѣхъ жителей между собою. Ему есть дѣло до каждой грязной исторіи между лицами ему совершенно незнакомыми, и онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не найдетъ въ ней для себя роли. Какъ истинный художникъ, помимо всѣхъ личныхъ видовъ, хотя онъ и далеко не пренебрегаетъ ими, онъ любитъ шумъ для шума, скандалъ для скандала, грязь для грязи. Этотъ человѣкъ злопамятенъ и мстителенъ до крайности, но ни чѣмъ не оскорбляется. Уличите его во лжи, въ клеветѣ, назовите его въ глаза подле-

цомъ, поколотите его, онъ завтра же подастъ вамъ руку и будетъ увѣрять васъ въ своемъ уваженіи и въ своей симпатіи, если это только покажется ему нужнымъ. Мнѣ случилось имѣть съ нимъ такіе разговоры: Вы говорили это про меня? — «Говорилъ». — Правда это? — «Нѣтъ.» — Зачѣмъ же вы говорили? — «Говорилъ, потому что это мнѣ было нужно, теперь болѣе не нужно, прибавляетъ онъ съ улыбкою, и обѣщаю вамъ, что говорить болѣе не стану, — ну что жъ, посердились, пора перестать». Я никогда въ жизни не встрѣчалъ еще такого отъявленнаго, безсовѣстнаго, откровеннаго циника. Онъ въ самомъ дѣлѣ не дюжинный человѣкъ. Если бъ у насъ была бы революція, онъ безъ сомнѣнія былъ бы маркизомъ de S-t. Hurugues первыхъ дней, такъ много въ немъ разныхъ талантовъ для увлеченія толпы, но въ первыхъ же дняхъ онъ пропалъ бы въ грязи, какъ и покойный S-t. Hurgues de bruyante et honteuse mémoire. Впрочемъ вся семья Петрашевскаго его достойна. Мать яростно ненавидитъ сына и вмѣстѣ съ дочерьми, его сестрами, пользуясь его политическимъ несчастнымъ положеніемъ, обобрали его до послѣдней нитки и ругаютъ его публично, безстыдно и безпощадно! Онъ разумѣется платитъ имъ тѣмъ же самымъ. Вы безъ сомнѣнія знаете, что онъ получилъ значительное наслѣдство отъ отца, воспитался въ царскосельскомъ лицеѣ, по выходѣ изъ него вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, изъ котораго долженъ былъ выйти, потому что не захотѣлъ растаться со своею истинно великолѣпною бородою. Жилъ потомъ частнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ и занимался con amore своими и чужими тяжбами. Я думаю, не было присутственнаго мѣста, въ которомъ, а часто и противъ котораго онъ не имѣлъ бы дѣла. Въ Россіи, землѣ безправія, онъ помѣшался на правѣ. Но право праву рознь; есть общечеловѣческое право, которое вездѣ и всегда отстаивать должно, но горячиться изъ права, основаннаго на положительныхъ законахъ тамъ, гдѣ законы, по коренному закону, подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, по моему мнѣнію, также смѣшно и нелѣпо, какъ хлопотать о томъ, въ двухъ или въ одномъ видѣ должно принимать святое причастіе тамъ, гдѣ все христіанство должно выбросить за бортъ. Къ тому же сутяжная часть во всѣхъ странахъ, по премуществу же въ Россіи, имѣетъ значитель-

ную темную, грязную сторону, отъ которой каждому, хоть немного порядочному человѣку, становится гадко. Эту то сторону по преимуществу любилъ и любитъ Петрашевскій, который, ни во что не ставя ни свою честь, ни свою добрую славу, кажется не имѣетъ и тѣни понятія о томъ что значитъ беречь неприкосновенность, чистоту своей личности. Передать вамъ все, что я слышалъ отъ него самого о его подвигахъ въ этомъ родѣ, было бы невозможно, одна исторія грязнѣе другой и, что страннѣе всего, онъ какъ будто и не подозрѣваетъ грязности своихъ разсказовъ... Такимъ образомъ протекла его жизнь до 1848 года. Между тѣмъ онъ не былъ чуждъ литературному и политическому движенію времени, онъ читалъ безъ порядка и безъ руководящей мысли все возможное и подобно многимъ изъ нашихъ современниковъ нахватался разныхъ кусочковъ изъ разныхъ отраслей знанія, составилъ себѣ міросозерцаніе очень похожее на пестрое платье арлекина и, очень довольный собою, принимаетъ еще до сихъ поръ за истинное образованіе этотъ хаотическій сбродъ неясныхъ и неопредѣленныхъ слуховъ о всевозможныхъ теоріяхъ и фактахъ. Въ практикѣ былъ онъ исключительно преданъ юриспруденціи, въ теоріи же сдѣлался фурьеристомъ. Онъ былъ богатъ, хотя и скупъ, вокругъ него собиралось нѣсколько молодыхъ людей, большею частью изъ кадетскихъ учителей и гвардейскихъ офицеровъ, надорванныхъ и недоученныхъ, большею частью совершенно пустыхъ, стремящихся, иные увлекаясь примѣромъ, другіе болѣе самостоятельно, не такъ изъ живого сердца, какъ изъ тупо-неопредѣленной фантазіи къ чему то, а главное къ выходу изъ своего бѣднаго положенія, которымъ всѣ были очень недовольны. Между ними появлялись иногда и люди болѣе замѣчательные, какъ наприм. литераторъ Достоевскій, не лишенный таланта, и мой пріятель Эммануилъ Толь, воспитанникъ педагогическаго института и потомъ учитель въ разныхъ казенныхъ заведеніяхъ, великолѣпное эксцентричное существо, d'une beauté monstrueuse: маленькій ростомъ, съ огромною головою на бычачьей шеѣ и на широкихъ плечахъ, съ огромнымъ мыслящимъ лбомъ, уродливымъ носомъ, съ толстыми мясоѣдными губами, съ руками длиннѣе сажени, — и на этомъ монструозномъ лицѣ выраженіе умное, доброе, въ высшей степени привлекательное, улыбка такая

противъ которой устоять невозможно. Его любятъ дѣти, которыхъ онъ обожаетъ, и молодыя дѣвушки льнутъ къ нему, какъ птички подъ вѣрную и темную крышу. Голова у него свѣтлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая — плодъ его воспитанія, — но не смотря на это далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, не способное ни къ какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславію. Характеръ рыцарскій, порывистый, то иногда женственно - мягкій, то буйно-энергичный и смѣлый, не способный, кажется, къ постоянному дѣлу и къ выдержкѣ. Когдажъ онъ выпьетъ, тогда становится онъ ужаснымъ, точно лютый разъяренный звѣрь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается въ голову. Я познакомился съ нимъ въ 1857 году въ Томскѣ, куда онъ былъ только что переселенъ изъ каторжнаго завода, и скоро сблизился съ нимъ. Онъ жилъ въ Томскѣ уроками и былъ превосходнымъ учителемъ, дѣти его обожали; и до сихъ поръ жена моя, одна изъ его ученицъ, хранитъ о немъ самую нѣжную память. Но онъ былъ худо окруженъ въ Томскѣ и предавался пьянству; въ Сибири пьютъ страшно и пьютъ безъ затѣй простую водку. Я успѣлъ отвлечь его отъ пьянства и отъ худого общества, и мы въ продолженіи полугода до возвращенія его въ Россію жили какъ братья. Теперь онъ въ Питерѣ, гдѣ занимается литературою и уроками; я рѣдко къ нему пишу, потому что онъ болтливъ и неостороженъ до крайности, къ тому же, одаренный критикою небольшою для распознанія людей, онъ къ несчастью всегда окруженъ страшною сволочью. Но еслибъ пришло до дѣла, я обратился бы прямо къ нему, увѣренный, что онъ будетъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и честныхъ дѣятелей, лишь бы кто нибудь держалъ его въ рукахъ. Отъ него я впервые услышалъ подробности о дѣлѣ Петрашевскаго и разсказы о жизни, занятіяхъ, дѣйствіяхъ и личностяхъ его кружка, разсказы самые достовѣрные и точные, во первыхъ потому что Толь не солжетъ, если бы даже это было необходимо для спасенія жизни его матери, которую онъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ, — а во вторыхъ, потому что я нашелъ ихъ такими, сравнивъ ихъ потомъ съ разсказами Петрашевскаго, Львова и Спѣшнева. — И такъ, у Петрашевскаго собирались молодые люди, они толковали и спорили

между собою о разныхъ предметахъ, о которыхъ всѣ мало знали, но которые болѣе или менѣе серьезно стремились уяснить и узнать. Впрочемъ они далеко не были недовольны собою и, мало сознавая свое незнаніе, съ презрѣніемъ смотрѣли на толпу и, недоучившись сами, хотѣли учить; въ ихъ предпріятіяхъ было истинно много дѣтскаго. Такимъ образомъ въ ихъ головахъ родилась мысль о политическомъ словарѣ — (помнишь, ты намъ привозилъ его въ Парижъ, Герценъ) — который Петрашевскій напечаталъ на свой счетъ и ловко успѣлъ посвятить вел. кн. Михаилу Павловичу. Казалось, дерзкій, головоломно-смѣлый поступокъ, достойный болѣе серьезной цѣли, — и что же, Петрашевскій пресерьезно былъ увѣренъ, что разъ пройдя черезъ цензуру и покрытая именемъ Михаила Павловича, эта книженка принесетъ ему значительный доходъ. Мнѣ говорилъ это самъ Петрашевскій. Имя вел. кн. въ самомъ дѣлѣ спасло ихъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Главною чертою всѣхъ этихъ господъ было отчаянное резонерство; — резонерство является вездѣ тамъ, гдѣ самолюбіе, тщеславіе, претензіи преобладаютъ надъ серьезными стремленіями ума и сердца, гдѣ нѣтъ страсти, нѣтъ мысли. Поэтому то мы, русскіе, большею частью и такіе отчаянные резонеры, толкуемъ съ жаромъ обо всемъ, болтаемъ безъ умолку и ничѣмъ въ дѣйствительности не интересуемся, такъ что не даемъ даже себѣ труда узнать сколько нибудь положительно предметы, о которыхъ толкуемъ. Петрашевскій, пользуясь правомъ амфитріона и, къ тому же raisoneur par exellence, царствовалъ между ними. Фигура у него цинически-достопочтенная, способная импонировать толпѣ, одна черная борода чего стоитъ, — когда онъ горячится и вретъ, черные глаза такъ и блестятъ сквозь очки. Толкуя обо всѣмъ на свѣтѣ, они коснулись и политики, и соціальныхъ вопросовъ, доходившихъ до нихъ во французскихъ брошюрахъ и книжкахъ, и наконецъ положенія Россіи. Были жаркіе споры, всевозможныя направленія и системы были тутъ представлены. Для удобнѣйшей разработки вопросовъ, они согласились раздѣлить между собою всѣ предметы; каждый бралъ на себя изслѣдованіе какого нибудь вопроса, изучалъ его по возможности и читалъ потомъ о немъ родъ лекцій. Это дѣлалось по очереди. Толь напр., взялъ на себя богословіе и педагогію, Петрашевскій поли-

тическую экономію и соціализмъ, Львовъ естественныя науки и т. д. Послѣ лекцій спорили, потомъ ужинали, веселились и пили. Такимъ образомъ они составляли въ дѣйствительности общество самое невинное, самое безобидное — удовлетворены были, при малѣйшей долѣ серьезной любознательности, большая доля тщеславія и еще большая русской потребности кутежа. Серьезной практической цѣли не было. Кромѣ Толя и потомъ Спѣшнева, явившагося позже, всѣ были рѣшительными, систематическими противниками революціонныхъ мѣръ и дѣйствій. Они болтовню принимали за дѣло. Правда коснулись они подъ конецъ и практическаго вопроса: «что будемъ мы дѣлать?» — Отвѣты на этотъ вопросъ были различные, одинъ нелѣпѣе другого, и наконецъ они остановились на слѣдующемъ: всѣ члены кружка останутся тѣсно между собою соединенными и, во первыхъ, будутв quand même поддерживать въ жизни другъ друга, такъ что, напр., всѣ будутъ въ одинъ голосъ кричать, что Петрашевскій первый экономистъ въ мірѣ, выше Fourier, S-t. Simon'a и Адама Смита, что Шекспиръ Достоевскаго подметокъ не стоитъ, что Львовъ заткнулъ за поясъ Гумбольдта, а Толь первый богословъ и педагогъ въ мірѣ, — а во вторыхъ они разсѣятся по всѣмъ концамъ Россіи и, отыскивая вездѣ сотрудниковъ себѣ и помощниковъ, займутся радикальнымъ преобразованіемъ Россіи посредствомъ распространенія новѣйшихъ дознанныхъ истинъ. Въ 1848 году, въ первыхъ порахъ западной революціи, прибылъ къ нимъ Спѣшневъ, человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ: уменъ, богатъ, образованъ, хорошъ собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно-холодной, вселяющей довѣріе какъ всякая спокойная сила, джентльменъ съ ногъ до головы. Мужчины не могутъ имъ увлекаться, онъ слишкомъ безстрастенъ и, удовлетворенный собой и въ себѣ, кажется не требуетъ ничьей любви; но за то женщины, молодыя и старыя, замужнія и незамужнія, были и пожалуй, если онъ захочетъ, будутъ отъ него безъ ума. Женщинамъ не противно маленькое шарлатанство, а Спѣшневъ очень эфектенъ: онъ особенно хорошо облекается мантіею многодумной спокойной непроницаемости. Исторія его молодости цѣлый романъ. Едва вышелъ онъ изъ лицея, какъ встрѣтился съ молодою, прекрасною полькою, которая

оставила для него и мужа, и дѣтей, увлекла его за собой за границу, родила ему сына, потомъ стала ревновать его и въ припадкѣ ревности отравилась. Какіе слѣды оставило это происшествіе въ его сердцѣ, не знаю, онъ никогда не говорилъ со мною объ этомъ. Знаю только, что оно не мало способствовало къ возвышенію его цѣнности въ глазахъ женскаго пола, окруживъ его прекрасную голову грустно-романтичнымъ ореоломъ. Въ 1846 году онъ слылъ львомъ иностраннаго, особливо же польско-русскаго дрезденскаго общества. Я знаю всѣ эти подробности отъ покойной пріятельницы моей Елизаветы Петровны Языковой и отъ дочери ея; и матушка, и дочки, и всѣ ихъ пріятельницы, даже одна 70-лѣтняя польская графиня были въ него влюблены. Другомъ, неразлучнымъ его Сендомъ, былъ блондинъ-шарлатанъ Едмондъ Хоецкій. Но не однѣ дамы, молодые поляки, преимущественно аристократической партіи Чарторижскаго, были отъ него безъ ума, такъ что еще за границею было мнѣ интересно съ нимъ познакомиться и я старался собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія. Встрѣтился же я съ нимъ лично въ Иркутскѣ въ 1859 году. Онъ жилъ тогда со Львовымъ и Петрашевскимъ. Еще прежде слышалъ я о немъ въ Сибири, во первыхъ отъ Толя, еще же болѣе отъ поляковъ, возвращавшихся въ 1857 и 1858 годахъ изъ нерчинскихъ рудниковъ и поселеній на родину. Всѣ отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ, хотя и безъ всякой симпатіи, въ то время какъ о другихъ говорили съ плеченожимательнымъ сожалѣніемъ, а о Петрашевскомъ просто съ презрѣніемъ. Замѣчательно, что весь этотъ кружокъ, исключая впрочемъ Толя, но никакъ не исключая даже и Спѣшнева, терпѣть не можетъ поляковъ. Они всѣ отвѣчали холодностью на жаркій, братскій, польскій пріемъ. Холодность эта еще болѣе усилилась, когда начались разговоры: русскіе молодые люди съ широкимъ размахомъ русской, ни чѣмъ не связанной мысли, явились атеистами, соціалистами, гуманистами въ фанатически-тѣсную польскую среду. Должно вамъ сказать, что именно въ нерчинскихъ заводахъ, не смотря на то что туда было сослано наиболѣе умныхъ, талантливыхъ, замѣчательныхъ и по характеру и по сердцу поляковъ, а можетъ быть именно и потому, польско-католическій фанатизмъ дошелъ до своего крайняго развитія. Основателемъ нерчин-

скаго польскаго круга былъ полякъ Еренбергъ. Онъ придалъ всему направленію вмѣстѣ съ нимъ и потомъ сосланныхъ соотечественниковъ, тотъ мечтательно-экзальтированный, мистически-патріотическій характеръ, который въ началѣ своемъ былъ гораздо шире и богаче содержаніемъ, впослѣдствіи же сократился и стѣснился въ безвыходно узкій, польскій, католическій фанатизмъ. Какъ старовѣры, евреи, которые убѣждены, что они не оттого гибнутъ, что они остаются евреями, а что они еще слишкомъ мало евреи, такъ и они увѣрили себя, что не католицизмъ и не еврейско-польская исключительность, а недостатокъ католичества и національной исключительности ихъ погубили. Не станемъ слишкомъ винить поляковъ, будемъ сожалѣть о нихъ. Къ тому же и не намъ, русскимъ, ихъ винить. Мы нашими руками закрыли всѣ польскіе университеты и школы, отняли у нихъ всѣ средства къ образованію. Мы, наступивъ на нихъ ногою и продавъ ихъ частью нѣмцамъ, повергли ихъ въ отчаянное положеніе, въ которомъ вредная національная idée fixe, болѣзненное, раздражительное, безвыходное саморефлектированіе сдѣлалось такимъ естественнымъ, необходимымъ, хотя и пагубнымъ явленіемъ. Только тотъ здоровъ и уменъ и силекъ, кто умѣлъ позабыть о себѣ. Думать, заботиться, болѣть о себѣ есть несомнѣнное право поляковъ, — національность, равно какъ и личность, какъ даже процессъ жизни, пищеваренія, дыханія, только тогда въ правѣ заниматься собою, когда ее отрицаютъ. Поэтому поляки, итальянцы, венгерцы, всѣ угнетенные славянскіе народы очень естественно и съ полнымъ правомъ выставляютъ впередъ принципъ національности, — и можетъ быть по той же самой причинѣ мы, русскіе, такъ мало и хлопочемъ о своей національности и такъ охотно забываемъ ее въ высшихъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе это право есть вмѣстѣ и болѣзнь, вредная, опасная болѣзнь. Заговорите съ полякомъ о Göthe, онъ сейчасъ скажетъ вамъ — «а у насъ то каковъ поэтъ Мицкевичъ» — о Гегелѣ — они запоютъ вамъ о великомъ польскомъ философѣ Трентковскомъ, о великомъ философѣ-экономистѣ Четховскомъ: — ихъ губитъ болѣзненное народное тщеславіе, бѣдное утѣшеніе въ ихъ критическомъ положеніи. Вмѣсто того чтобъ смотрѣть впередъ, они смотрятъ назадъ, гдѣ кромѣ смерти ничего не найдутъ; вмѣсто того, чтобы возобновить свою

національную жизнь въ общеніи съ міровою жизнью, они отдѣляются отъ нея какъ жиды и хвастаются какимъ то мессіаническимъ призваніемъ. Это жидовство ихъ погубитъ, если мы, Славяне, и прежде всего мы, русскіе, не вырвемъ ихъ изъ болѣзненнаго самосозерцанія. Опять говорю, какъ именно русскіе, мы обязаны въ отношеніи къ нимъ къ особенной снисходительности и къ терпѣнію; хотятъ они. не хотятъ, мы должны для нашего обоюднаго спасенія помириться, побратоваться.

15-го ноября. Красноярскъ.

Любезные друзья, я долженъ теперь разстаться съ вами: взявшійся доставить вамъ это письмо нечаянно пріѣхалъ сюда и сейчасъ отъѣзжаетъ — и такъ продолженіе впредь и надѣюсь въ короткое время. Мнѣ кажется, я сказалъ уже довольно для того, чтобы пріостановить нападенія ваши противъ Муравьева Амурскаго и поколебать хоть нѣсколько слѣпую вѣру вашу въ его враговъ. Убѣдитесь ли вы моими словами или нѣтъ — будетъ зависѣть отъ степени вѣры, которой вы будете считать меня достойнымъ; я покрайней мѣрѣ исполнилъ свою обязанность въ отношеніи къ вамъ и къ истинѣ и ухвачусь за ближайшую возможность исполнить ее до конца, т. е. прислать вамъ окончаніе письма. А говорить остается мнѣ еще о многомъ — докончить характеристику Петрашевскаго и товарищей и потомъ разсказать вамъ, что сдѣлалъ Муравьевъ для восточ. сибирскихъ крестьянъ, для ссыльно-каторжныхъ, для поселенцевъ, для рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, особенно для раскольниковъ, которыхъ онъ называетъ своими друзьями, — потомъ объяснить вамъ его отношенія съ Петербургомъ и дать вамъ почувствовать, какъ больно было ему (больнѣе всего остального) что вы, которыхъ онъ такъ глубоко уважаетъ, дѣятельности которыхъ онъ такъ горячо симпатизируетъ и которыхъ считаетъ своими друзьями, выступили противъ него какъ враги. — Наконецъ долженъ разсказать вамъ и о себѣ. Пришлю вамъ также свой портретъ и портретъ жены съ письмомъ для милаго и неизмѣннаго друга моего Рейхеля. А теперь, друзья или враги, прощайте. Авось встрѣтимся еще въ Россіи.

Вашъ неизмѣнный М. Бакунинъ.

Нужно ли мнѣ говорить, что это письмо, такъ сильно компрометирующее Муравьева передъ 3-мъ отдѣленіемъ, должно быть прочитано только вами, друзья, т. е. Герценомъ или Огаревымъ, а потомъ или уничтожено или такъ спрятано, чтобы его самъ чортъ не могъ отыскать. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, я совершенно полагаюсь на вашу честь.

II.

ОТВѢТЪ КОЛОКОЛУ.

Съ негодованіемъ и грустью прочли мы ваши строки подъ заглавіемъ „Тиранство Сибирскаго Муравьева". Вы съ ироніею отзываетесь о поклонникахъ Муравьева, сами же являетесь слѣпыми поклонниками Петрашевскаго. Если бы вы знали, кто такой Петрашевскій, и что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ, вамъ было бы стыдно. И неужели всѣ ваши извѣстія не достовѣрнѣе тѣхъ, которыя вы получаете изъ Восточной Сибири?

Въ продолженіи 13 лѣтъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, проникнутый истинно демократичнымъ и либеральнымъ духомъ, трудился въ потѣ лица своего, для того чтобы очеловѣчить, очистить, облегчить и поднять по возможности ввѣренный ему край. Онъ совершилъ чудеса, въ особенности чудеса для сонно-любивой Россіи, привыкшей замѣнять дѣло фразами да мечтами; ничтожными средствами, безъ всякой помощи и поддержки, почти на перекоръ Петербургу, онъ присоединилъ къ Русскому царству огромный благодатный край, придвинувшій Сибирь къ Тихому океану и тѣмъ впервые осмыслилъ Сибирь; — онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни здоровья, онъ весь отдался великому и благородному дѣлу, самъ вездѣ присущій, и самъ всегда работая какъ чернорабочій. Въ продолженіи 13 лѣтъ онъ давалъ намъ примѣръ полнѣйшаго самоотверженія; всѣ его стремленія, замыслы, предпріятія, отличавшіяся истинно геніальною мѣткостью и простотою, проникнуты были высокимъ

духомъ справедливости и желаніемъ общаго блага. 13 лѣтъ боролся онъ, и боролся не безуспѣшно, за права сибирскаго народа, стараясь освободить его, опять таки сколько было возможно, при извѣстныхъ вамъ политическихъ условіяхъ, отъ притѣсненій чиновно-административнаго, купеческаго, горнозаводскаго, золотопромышленнаго, равно какъ и отъ зловонно-православнаго притѣсненія. Онъ успѣлъ очеловѣчить ввѣренный ему край, смягчить и облагородить всѣ отношенія, такъ что можно смѣло сказать, что ни въ одной провинціи Россіи нѣтъ такой свободы движенія и жизни вообще, какъ въ Восточной Сибири, и ни въ одномъ провинціальномъ городѣ не живется такъ привольно, легко и гуманно, какъ въ Иркутскѣ. Все это дѣло Муравьева Сибирскаго. Чтожъ, развѣ стыдно называться его поклонникомъ? — Въ Россіи, странѣ словъ и бездѣлья, чему же и кланяться, какъ не дѣлу? Въ Англіи, во Франціи, вездѣ на Западѣ, такой дѣятель, какъ Муравьевъ, былъ бы признанъ давно, но мы, русская публика, мы лакеи, завистливые ненавистники чужого достоинства и мѣряющіе свое собственное способностью къ всеруганью. Что такова русская публика немудренно, мы всѣ знаемъ, какъ она произошла. Но вы, благовѣстники новой Россіи, вы, защитники правъ русскаго народа, какъ могли вы не признать и оклеветать его лучшаго и безкорыстнѣйшаго друга? Незнаніе не можетъ служить для васъ оправданіемъ; говоря такъ громко, такъ рѣзко, пріобрѣтя такую силу въ Россіи, вы должны знать много и точно, иначе голосъ вашъ будетъ безчестнымъ и вреднымъ. Въ то время какъ истина одна можетъ спасти Россію, ложь, и къ тому же такая громкая ложь, становится преступленіемъ.

Вы когда то проявляли симпатію къ Сибирскому Муравьеву; вѣроятно не безъ данныхъ и не безъ причины. Но вотъ вамъ пришлось рѣшать между нимъ и Петрашевскимъ и вы, не усумнившись нисколько, позабывъ всѣ данныя и всѣ причины, осуждаете генералъ-губернатора, пишете о тираніи Сибирскаго Муравьева. Не лицепріятіе ли и не чинопочитаніе ли это? Только въ обратномъ порядкѣ: вѣдь для васъ политическій преступникъ то же, что для простого русскаго смертнаго дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ или фельдмаршалъ. Вы не допускаете, что бы политическій преступникъ могъ быть мерзавцемъ, хоть бы

напр. корреспондентомъ 3-го отдѣленія, и подивитесь безъ сомнѣнія не мало, когда узнаете, что не одни вы, но съ вами вмѣстѣ и лазурный блюститель порядка съ огромнымъ виноградным листомъ, жалѣетъ о высылкѣ Петрашевскаго изъ Иркутска.

Вы учите Муравьева Сибирскаго какъ должно обходиться съ сосланными вообще и съ политическими въ особенности. Еслибъ вы знали, кого вы учите! Человѣка, который въ продолженіи 13 лѣтъ, съ перваго дня своего управленія, былъ горячимъ заступникомъ, другомъ всѣхъ поселенцевъ, который, не смотря на множество препятствій и неудачъ, не переставалъ отстаивать права ихъ въ Сибири и въ Петербургѣ, сердце котораго, открытое для всѣхъ несчастій, полно симпатіи и уваженія къ несчастью незаслуженному и благородному. И все это не на словахъ, а на дѣлѣ, слышите ли вы, русскіе люди, на дѣлѣ. Какъ же вы могли объ этомъ не знать? Біографы декабристовъ, имѣете ли вы право не знать, чѣмъ Муравьевъ былъ для нихъ. Съ перваго дня прибытія его въ Иркутскъ, въ 1848 году, пали цѣпи съ благородныхъ рукъ Петра Высоцкаго, заключенные освободились, привязанные къ мѣсту получили свободу движенія. Проѣзжая черезъ Западную Сибирь, въ Ялуторовскѣ, онъ гостилъ у поселенныхъ тамъ декабристовъ: Муравьева-Апостола, И. И. Пущина, Якушкина, Басаргина и проч., бесѣдуя съ ними не какъ равный съ равными, но какъ младшій со старшими и, первый генералъ-губернаторъ въ Россіи, преклонилъ голову, непривыкшую гнуться, передъ высокимъ несчастьемъ. Въ Иркутскѣ онъ окружилъ себя декабристами, сдѣлалъ ихъ своими ближайшими друзьями, совѣтниками. Разумѣется на него посыпалось множество доносовъ изъ Сибири; — Сибирь страна клеветъ и доносовъ par excellence, вамъ это знать не мѣшаетъ, — и знаете ли, какъ странно и неожиданно отвѣтилъ на нихъ Николай: „Наконецъ я нашелъ человѣка, который меня понимаетъ; пора же обходиться съ ними, какъ съ людьми“ — и такъ поступалъ Муравьевъ и такъ говорилъ Николай въ 1848 и 1849 годахъ, т. е. въ самый разгаръ безумнѣйшей реакціи внутри Россіи. Благодаря Муравьеву, декабристы изъ утѣсненныхъ, безправныхъ, сдѣлались первенствующими людьми въ Восточной Сибири. Спросите у оставшихся въ живыхъ: всѣ безъ исключенія, кромѣ только

трехъ, всѣ гордились и гордятся дружбою Муравьева. Исключеніе же составляютъ два брата Завалишины, да еще одинъ псевдо-декабристъ, врагъ Муравьева, котораго мы называть не станемъ, потому что, интригуя всѣми способами противъ Муравьева и въ Петербургѣ и въ Сибири, онъ самъ еще себя не называетъ.*) Одинъ Завалишинъ, доносчикъ на декабристовъ и на брата, былъ вскорѣ переведенъ въ Западную Сибирь, гдѣ и умеръ; другой же, Димитрій Иринарховичъ Завалишинъ, ненавидитъ Муравьева за то, что онъ не дозволилъ ему поцарствовать по русски въ Читѣ.

Но не на однихъ декабристовъ, и на всѣхъ сосланныхъ поляковъ распространилось одинаково покровительство Муравьева. До его прибытія въ Сибирь, они терпѣли всякаго рода притѣсненія и оскорбленія. При немъ они сдѣлались неприкосновенными. Мы видѣли ихъ возвращающихся въ край послѣ амнистіи, которая нигдѣ не была примѣнена такъ широко, какъ въ Восточной Сибири, и слышали, какъ единодушно благословляли они имя Муравьева Амурскаго; и между ними, къ ихъ славѣ и къ нашему русскому стыду, не нашлось ни Завалишиныхъ, ни Петрашевскаго... Мы слышали, какъ отзывался о немъ достойный патріархъ польской свободы, другъ Лунина, Петръ Высоцкій: „Муравьевъ помирилъ насъ и съ русскими и съ именемъ Муравьева". Высоцкій живъ, спросите у него, правду ли мы говоримъ или нѣтъ? Пусть „Колоколъ" обратится съ громкимъ вопросомъ прямо ко всѣмъ полякамъ бывшимъ въ Сибири, недостатка въ отвѣтахъ изъ польскаго края не будетъ. Наконецъ знаете ли вы что писалъ тиранъ Муравьевъ въ Петербургъ въ 1858 году, въ день заключенія Айгунскаго трактата, въ силу котораго Амуръ сталъ русскою рѣкою: „Если я заслужилъ милость Государя, то, какъ единственной награды, прошу о прощеніи..."**) четырехъ политическихъ преступниковъ, и между ними первый поименованъ Петрашевскій. Какимъ же образомъ Муравьевъ сдѣлался вдругъ гонителемъ Петрашевскаго?

Рѣшаясь отвѣтить на этотъ вопросъ, мы приступаемъ къ

*) Владиміръ Ѳедосѣичъ Раевскій.

**) Петрашевскаго, Спѣшнева, Львова и родственника моего Бакунина.

весьма трудному и деликатному дѣлу. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ былъ только проблескъ человѣческаго чувства, званіе политическаго изгнанника было священно; въ Россіи же, особенно въ царствованіе императора Николая, быть политическимъ преступникомъ значило быть лучшимъ человѣкомъ въ государствѣ. Такое понятіе было часто не болѣе какъ фикція, но фикція необходимая, спасительная. Теперь же время фикцій прошло, фикціи къ чорту, или пожалуй на Западъ, намъ же русскимъ, для нашего спасенія необходима теперь истина полная, чистая, совершенная. Мы сами, воспитанные въ религіозномъ уваженіи къ политическому несчастью, долго не рѣшались отвѣчать на ваши нападки на Муравьева Сибирскаго, именно потому что для полнаго отвѣта должны были разоблачить двѣ фикціи: Завалишина и Петрашевскаго. На первый разъ оставимъ Завалишина въ сторонѣ; но послѣднею выходкою своею вы поставили такъ рѣзко вопросъ между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ Амурскимъ и политическимъ преступникомъ Михаиломъ Васильевичемъ Петрашевскимъ, что молчать долѣе, когда ложь говоритъ такъ громко и такъ нагло, было бы съ нашей стороны преступленіемъ. Выборъ между Муравьевымъ Амурскимъ и Петрашевскимъ, т. е. между благороднымъ человѣкомъ и... Петрашевскимъ, для насъ не труденъ. Мы сказали довольно о Муравьевѣ, поговоримъ теперь о г-нѣ Петрашевскомъ.

Вѣроятно по той же самой причинѣ, по которой всѣ политическіе преступники безусловно хвалятся въ вашемъ журналѣ, вы придаете въ немъ и дѣлу Петрашевскаго неестественные, громадные размѣры. Въ сущности же дѣло было пустое, если что въ немъ было громадно, то это недобросовѣстность, подлость нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, придавшихъ ему политическое значеніе, въ видахъ придворной интриги и личной пользы. Министру внутреннихъ дѣлъ понадобилось отличиться въ ущербъ тайной полиціи, для этого Петрашевскій былъ превращенъ въ Брута, а кружокъ изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе пустыхъ молодыхъ людей, (пустыхъ за исключеніемъ, можетъ быть, одной или двухъ личностей) собиравшихся вокругъ него безъ цѣли, просто, покутить да поболтать обо всемъ, въ опасное тайное [illegible]о. Ихъ чуть было не разстрѣляли и сослали на ка-

торжную работу въ Сибирь. Освобожденный вскорѣ Муравьевымъ, Петрашевскій предался своимъ любимымъ занятіямъ: интригѣ да ябедѣ, чѣмъ и навлекъ на себя единодушное, презрѣніе всѣхъ поляковъ, товарищей по заключенію. Вы можетъ быть воображаете, что Петрашевскій кровожадный революціонеръ съ разрушительными замыслами; нисколько; въ Петербургѣ, въ кружкѣ своемъ, онъ постоянно противился революціонному направленію и всякому практическому примѣненію новыхъ идей: онъ любитъ проливать не кровь а чернила, онъ сидитъ верхомъ на сводѣ законовъ, и роскошествуетъ въ грязныхъ и темныхъ проходахъ россійскаго законодательства. Онъ агитаторъ чернильный и готовъ поссорить братьевъ, друзей, для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Онъ поражаетъ своею безсовѣстностью; наклевещетъ на васъ и, когда вы изобличите его, не краснѣя ни сколько, онъ скажетъ вамъ: «Ну чтожъ, это было необходимо по тогдашнимъ моимъ соображеніямъ, зачѣмъ вы сердитесь, болѣе не буду». Честь и личное достоинство для него понятія чужестранныя, къ нему худо или даже совсѣмъ не привившіяся. Клевета и ложь его мелкая монета, а неутомимость, искусство въ интригѣ доходятъ въ немъ просто до геніальности. Онъ возненавидѣлъ Беклемишева, знаете ли, за что? Петрашевскій несчастный игрокъ, безъ денегъ и безъ умѣнья, выигриваетъ — беретъ, проигриваетъ — не платитъ, вслѣдствіе чего никто не хотѣлъ играть съ нимъ въ Иркутскѣ. Разъ вечеромъ, мѣсяца за два до несчастной дуэли, онъ явился къ Беклемишеву незванный и нежеланный, сталъ напрашиваться на игру, съ нимъ играть не хотѣли, наконецъ уступили ему, онъ проигралъ и свои деньги и деньги вымоленныя имъ у присутствовавшихъ, ушелъ проигравшись въ пухъ, а Беклемишевъ, какъ хозяинъ дома заплатилъ за него около 150 р. сер., которыхъ Петрашевскій ему вѣроятно никогда не отдастъ. Вотъ изъ такихъ то причинъ произошла непримиримая ненависть Петрашевскаго къ Беклемишеву и товарищамъ. И чѣмъ же она выразилась? Гнусною преступною клеветою.

Въ Апрѣлѣ 1859 года, въ отсутствіе Муравьева, только что отправившагося внизъ по Амуру въ Китай и въ Японію, случилась дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ. Это была первая дуэль въ Иркутскѣ, чуть ли не въ цѣлой Сибири.

Она поразила паническимъ страхомъ всѣхъ иркутянъ, худо понимающихъ тонкую, болѣе западную, чѣмъ русскую черту, отдѣляющую учтивое убійство по всѣмъ правиламъ рыцарскаго поединка отъ простого и грубаго смертоубійства. Къ тому жъ ни Беклемишевъ, ни его товарищъ не были любимы въ Иркутскѣ. Причина жъ ихъ непопулярности заключалась отчасти въ нихъ самихъ, — они не рѣдко отталкивали и оскорбляли другихъ важничаньемъ своимъ и тщеславіемъ, большею же частью въ томъ что, вѣрные и не подкупные исполнители воли генералъ-губернатора, они, равно какъ и самъ Муравьевъ, навлекли на себя гнѣвъ и негодованіе всѣхъ приверженцевъ стараго порядка, а такихъ людей въ Иркутскѣ, равно какъ и въ цѣлой Россіи, легіонъ. Такимъ расположеніемъ умовъ Петрашевскій воспользовался съ великимъ искусствомъ и показалъ при этомъ случаѣ замѣчательный талантъ къ агитаторству. Полчаса послѣ дуэли, при которой, разумѣется, ни онъ ни его пріятели не могли присутствовать, онъ ужъ кричалъ по домамъ и по улицамъ объ измѣнническомъ убіеніи Неклюдова. Къ нему присоединились товарищъ его Львовъ, побуждаемый одинаковыми причинами, нѣсколько надорванныхъ учителей-недоучекъ, нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, все поклонниковъ его политическаго величія, да еще нѣсколько мѣщанъ, товарищей по биліарду. Эта шайка занялась собственно демократическою пропагандою. День былъ праздничный, свѣтло-воскресный. Народъ кипѣлъ на площади и по улицамъ, дѣло пошло удачно. Петрашевскій, неутомимый, неумолимый, съ яростно взволнованными чертами и глазами бросающими искры, съ афишами въ рукахъ, бѣгалъ въ продолженіи цѣлаго дня изъ одной улицы въ другую, вездѣ волнуя народъ, раздавая ему афиши и приглашая его на похороны Неклюдова. Не пренебрегъ онъ также и гостинными, а благодаря рекомендаціи Муравьева, онъ имѣлъ доступъ во всѣ; и въ гостинныхъ также служебное недовольствіе и зависть, оскорбленное тщеславіе вмѣстѣ съ оскорбленнымъ карманомъ, доставили ему слишкомъ много союзниковъ, такъ что къ концу перваго дня по дуэли девяносто девять сотыхъ голосовъ въ Иркутскѣ, слитыхъ въ одинъ голосъ электризующей дѣятельностію Петрашевскаго, стали единодушно кричать противъ злодѣянія [illegible]мишева и товарищей; — явленіе въ высшей степени

грустное, ибо оно доказываетъ какъ мало въ русской публикѣ самостоятельности, критическаго смысла и справедливости. Мы говоримъ въ русской публикѣ, потому что нелѣпая вѣсть, благодаря опять таки удивительной дѣятельности Петрашевскаго, съ быстротою молніи разнеслась по цѣлой Россіи и вездѣ нашла ту же глупую, нелѣпую вѣру. И самъ «Колоколъ», умный, благородный, спасительный Колоколъ не избѣгъ общей участи: тронутый рукою того же Петрашевскаго, онъ также зазвонилъ вздоръ и гнустную клевету. И странно! никому не пришло въ голову задать себѣ только простые два вопроса:

Во первыхъ, возможно ли, чтобъ нѣсколько молодыхъ людей, порядочныхъ, воспитанныхъ, и прежде всего молодыхъ, слѣдовательно еще мало испорченныхъ русскою жизнію, спасаемымъ отъ общей русской порчи ужъ однимъ живымъ теченіемъ крови, возможно ли что бы, не подвергаясь сами ни малѣйшей опасности, они, пренебрегши и честью и совѣстью и даже удобнымъ случаемъ безвредно хвастнуть молодечествомъ, стали предлагать смертельно оскорбленному товарищу замѣнить дуэль, благородную и необходимую, подлымъ, холоднымъ измѣнническимъ убійствомъ? Замѣтьте, что мы беремъ здѣсь худшее предположеніе, говоря о молодыхъ людяхъ съ самимъ пустымъ содержаніемъ, только свѣтски воспитанныхъ, и увѣряемъ васъ, что Анненковъ и Молчановъ, секунданты Беклемишева и Неклюдова, не только свѣтски-образованные, но и дѣйствительно благородные и честные люди.

А во вторыхъ, предположивъ даже, что Анненковъ и Молчановъ такъ испорчены, что могли согласиться на подлое преступленіе въ пользу товарища, чѣмъ же могъ вознаградить ихъ Беклемишевъ за страшную опасность, которой подвергались они въ случаѣ открытія ихъ гнусной сдѣлки, скрыть которую было бы такъ трудно, почти невозможно, а подвергались они, не говоря ужъ о публичномъ презрѣніи, лишенію правъ состоянія да каторжной работѣ. О преданности и самоотверженіи говорить тутъ не кстати; подлецы не жертвуютъ собою; Беклемишевъ же не богатъ, не знатенъ, и не силенъ. Что жъ развѣ они дураки? Но ни Петрашевскій, ни «Колоколъ» въ идіотствѣ ихъ не обвиняютъ. Не ясно ли, что обвиненіе нелѣпо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

преступно, — и эту нелѣпость, злостно распространенную Петрашевскимъ, повторили послушно за нимъ весь Иркутскъ, цѣлая Россія, самъ «Колоколъ»! Вотъ вамъ и русская публика.

При этомъ раждается вопросъ: при нашихъ законахъ, при извѣстныхъ всѣмъ порядкахъ, гдѣ взялъ безправный и беззащитный поселенецъ Петрашевскій столько силы чтобы взволновать цѣлый Иркутскъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ служить вмѣстѣ отвѣтомъ и на печатную клевету противъ тирана Муравьева. Муравьева въ Иркутскѣ не было; при немъ, разумѣется, грязный агитаторъ не смѣлъ бы и пикнуть, но въ отсутствіи его онъ былъ всемогущимъ и могъ безнаказанно шумѣть и клеветать, потому что никто кромѣ самаго Муравьева не имѣлъ надъ нимъ власти, — такъ высоко поставлены всѣ политическіе преступники тараномъ Сибирскимъ. Къ тому жъ Петрашевскій умѣлъ обезпечить за собою еще и другую поддержку: онъ сдѣлался кореспондентомъ 3-го отдѣленія, столы котораго, говорятъ, завалены доносами Петрашевскаго и Завалишина. — Не пренебрегая ничѣмъ, онъ искалъ опоры въ крупномъ и мелкомъ чиновничествѣ, даже въ попахъ, равно какъ и въ синемъ мундирѣ. Опираясь такимъ образомъ, съ одной стороны на мнимое сочувствіе Муравьева, который съ вѣдома всѣхъ принималъ его съ почетомъ еще наканунѣ своего отъѣзда, съ другой же на множество тайныхъ и явныхъ недоброжелателей Муравьева, запугивая однихъ генералъ-губернаторомъ, другихъ жандармами, третьихъ Колоколомъ, Петрашевскій безнаказанно и безпрепятственно бушевалъ въ Иркутскѣ цѣлое лѣто, цѣлую осень, почти ползимы, до самаго возвращенія Муравьева въ Январѣ 1860 года. Онъ не довольствовался ни крикомъ, ни клеветами, ни систематическимъ распространеніемъ нелѣпыхъ и гнусныхъ вѣстей, ни доносами въ 3-ье отдѣленіе да въ «Колоколъ», нѣтъ, онъ то именемъ Муравьева, то именемъ Тимашева, и наконецъ еще именемъ какого то генералъ-адьютанта, возвѣщеннаго ему будто бы изъ Петербурга, старался застращать слѣдственную комиссію наряженную по дѣлу дуэли; подсылалъ въ нее лже-свидѣтелей. Потомъ съ помощью друга и союзника своего, совѣтника губернскаго суда Ольдекопа, [illegible]инаго врага Беклемишева, до такой степени запугалъ несчастныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ ничтожныхъ членовъ

окружного суда, что тѣ, сбитые съ толку, произнесли извѣстное вамъ злостно нелѣпое рѣшеніе, которымъ, признавая съ одной стороны, что юридическихъ доказательствъ не нашлось ни противъ Беклемишева, ни противъ двухъ секундантовъ, тѣмъ не менѣе присудилъ ихъ, на основаніи общаго говора, какъ убійцъ къ лишенію правъ состоянія и къ каторжной работѣ. Такимъ же образомъ старался онъ дѣйствовать и на губернскій судъ, и все это дѣлалъ онъ не скрытно, — въ этомъ его единственное достоинство, — онъ терроризировалъ цѣлый городъ, все губернское и городское начальство, — въ этомъ ихъ стыдъ, — врывался въ присутственныя мѣста, грозилъ совѣтникамъ главнаго управленія, какъ нѣкогда Петръ Великій въ Сенатѣ, палкою, и передъ самимъ зерцаломъ, стращалъ ихъ то Муравьевымъ, то синимъ мундиромъ, то таинственнымъ генералъ-адъютантомъ изъ Петербурга, то «Колоколомъ».

Прошло полъ лѣта, Петрашевскій называлъ себя еще приверженцемъ Муравьева, гремя единственно противъ молодыхъ людей, будто бы компрометирующихъ генералъ-губернатора. Но вотъ пришли вѣсти съ Амура. Муравьевъ ясно выразилъ свое негодованіе противъ Петрашевскаго, велѣлъ напомнить ему его невыгодное политическое положеніе и совѣтовалъ ему замолчать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь вѣрнымъ системѣ, принятой имъ разъ на всегда въ отношеніи къ политическимъ преступникамъ, онъ писалъ къ иркутскому начальству: «какъ ни прискорбны дѣйствія Петрашевскаго, я желаю, чтобъ они остались для него безъ послѣдствій».— Съ тѣхъ поръ Петрашевскій сталъ отъявленнымъ врагомъ Муравьева и слилъ свою злость съ болѣе старинною злобою Завалишина, съ которымъ вступилъ съ тѣхъ поръ въ дружескую переписку. -- Наконецъ Муравьевъ возвратился.

Терпѣть дѣйствія Петрашевскаго онъ не могъ, ни какъ генералъ-губернаторъ, ни какъ благородный человѣкъ; что жъ онъ сдѣлалъ? Онъ отказалъ Петрашевскому отъ дома, отрѣшилъ товарища его Львова отъ мѣста, занимаемаго имъ въ главномъ управленіи, и велѣлъ сказать имъ обоимъ, что, если они не перестанутъ неистовствовать, онъ будетъ вынужденъ выслать ихъ изъ Иркутска. Что жъ тутъ жестокого и тиранического и можно ли было поступить мягче?

Львовъ и Петрашевскій, какъ политическіе преступники,

скажете вы, заслуживали всякаго уваженія и снисхожденія. Но если политическій преступникъ украдетъ, развѣ онъ будетъ не воръ, не убійцей, если онъ убьетъ кого, не мерзавцемъ и не подлецомъ, если онъ надѣлаетъ мерзостей? Неужели кто нибудь въ мірѣ, царь ли онъ или политическій преступникъ, можетъ безнаказанно творить мерзости, и съ которыхъ поръ мерзавецъ, носящій недостойнымъ образомъ имя политическаго преступника, сдѣлался святымъ и неприкосновеннымъ? Гдѣ-жъ справедливость и логика? Какъ благородный человѣкъ и какъ правосудный генералъ-губернаторъ, Муравьевъ долженъ былъ положить конецъ проискамъ и беззаконіямъ Петрашевскаго. Вы спрашиваете, зачѣмъ онъ не представилъ его къ переселенію въ Западную Сибирь или на Кавказъ. Но, во первыхъ, такія представленія рѣдко удаются, ибо переселеніе въ Западную Сибирь считается милостію, хотя и совершенно напрасно: для политическихъ преступниковъ жизнь въ Восточной Сибири несравненно легче и привольнѣе чѣмъ въ Западной, гдѣ они до сихъ поръ подвергаются безчисленнымъ утѣсненіямъ и оскорбленіямъ, такъ что въ послѣднее время многіе поляки перепросились въ Восточ. Сибирь, гдѣ они находятъ и болѣе уваженія, свободы и гораздо болѣе надежды возвратиться на родину. — И такъ, по вашему, человѣка, такъ много напакостившаго, и писавшаго доносы на Муравьева, Муравьевъ долженъ бы былъ или представить къ милости, — но тогда гдѣ жъ бы были разумъ и правосудіе? — или долженъ былъ объяснить петербургскому правительству причины, побудившія его просить объ удаленіи Петрашевскаго изъ Иркутска, т. е. сдѣлать неисправимое зло самому Петрашевскому. Оставалось еще третье: предать его суду за громкую и очевидную противузаконность его поступковъ, что повлекло бы за собой неминуемо наказаніе Петрашевскаго плетьми; потому что по русскимъ законамъ поселенецъ подвергается плетямъ и за меньшія преступленія. Для того чтобы спасти Петрашевскаго отъ его собственнаго безумія и отъ послѣдствій его безумныхъ поступковъ, Муравьеву ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ выслать его изъ Иркутска; — а [illegible] доказательство, что имъ руководила не злость и не мелз[illegible]льность, замѣтимъ только, что если бъ онъ хо-

тѣлъ сдѣлать зло Петрашевскому, то онъ послалъ бы его также легко въ Туруханскъ, или въ Якутскую область, или въ Баргузинъ за Байкаломъ, а не въ благодатный Минусинскій край, одинъ изъ центровъ золотопромышленности, на границѣ Западной Сибири.

Во все время пребыванія Муравьева въ Иркутскѣ, Петрашевскаго не было слышно, онъ присмирѣлъ. Съ Муравьевымъ шутить неудобно: трудно найти человѣка благороднѣе великодушнѣе, но при всей добротѣ онъ левъ, а львиный гнѣвъ вызывать опасно. Въ Петрашевскомъ много дерзости, но не храбрости, — интрига рѣдко бываетъ мужественна, и храбрость не есть дѣло законниковъ. Петрашевскій зналъ Муравьева, а потому и молчалъ. Обманутый этимъ молчаніемъ, Муравьевъ, уѣзжая въ Петербургъ, просилъ генерала Корсакова, которому передалъ на время управленіе Восточною Сибирью, оставить Петрашевскаго въ покоѣ, пока онъ самъ не нарушитъ покоя. Но едва лишь только левъ скылся, какъ волкъ-Петрашевскій, ставшій было овечкой, вновь обратился въ дикаго волка; едва прошла недѣля по отъѣздѣ Муравьева, какъ онъ ворвался съ старыми угрозами въ два присутственныя мѣста, требуя въ одномъ неправильно денегъ, въ другомъ объясненія причинъ удаленія его товарища Львова изъ главнаго управленія, и наконецъ подалъ въ губарнскій судъ ябеднически пасквильную просьбу по золотопромышленному дѣлу, по которому онъ дѣйствовалъ какъ довѣренный; въ этой просьбѣ требовалъ онъ отвода помощника предсѣдателя губернскаго суда Молчанова, якобы причастнаго въ смертоубійствѣ, — въ то время какъ губернскій судъ рѣшеніемъ своимъ призналъ ужъ правильность дуэли, — и по поводу какихъ то 20.000 руб. будтобы слѣдуемыхъ отъ нѣкоего золотопромышленника его довѣрителю. съумѣлъ письменно, офиціально приплесть всю беклемишевскую исторію, перебрать и перебранить Беклемишева съ товарищами, и въ сотый разъ повторить нелѣпую, гнусную, имъ же самимъ сознательно созданную клевету. Генералъ Корсаковъ пригласилъ къ себѣ Петрашевскаго, желая въ послѣдній разъ попробовать надъ нимъ мѣры кротости и убѣжденія: онъ старался его урезонить, но Петрашевскій, не слушая ничего, сталъ грозить ему «Колоколомъ». Тогда, скрепя сердце, намѣстникъ генералъ-губернатора, въ исполненіе воли Муравь-

ева, сослалъ Петрашевскаго въ Минусинскій округъ. Для того чтобы дать вамъ послѣднее доказательство долготерпеливости Муравьева, прибавимъ, что Петрашевскій проживалъ до сихъ поръ въ самомъ городѣ Минусинскѣ, и что около мѣсяца тому назадъ, слѣдовательно гораздо прежде появленія вашей филиппики противъ тиранства Сибирскаго Муравьева, онъ дозволилъ Петрашевскому жить въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ.

Кажется прибавлять нечего. Вы можете быть обмануты, но обманывать не станете и не откажете въ должномъ удовлетвореніи благородному Муравьеву-Амурскому; а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно также согласитесь съ нами, что для оправданія Петрашевскаго остается только одно средство: объявить его безумнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы, близкіе люди не рѣдко замѣчали въ немъ всѣ признаки сумашествія.

Михаилъ Бакунинъ.

1-го Декабря 1860 года.
г. Иркутскъ.

«Отвѣтъ» этотъ, какъ и напечатанное выше письмо, сочиненъ, по поводу замѣтокъ въ «Колоколѣ» о Муравьевѣ (15-го Янв. 1859 г. 1 Апр. 1860 г.; см. также приложеніе «Подъ судъ!» № 2) особенно второй замѣтки «Тиранство Сибирскаго Муравьева» (о высылкѣ Петрашевскаго въ Красноярскъ). На «Отвѣтѣ» чьей то рукою написано: «Статья эта прислана мнѣ для передачи. Это и есть единственная причина, почему я ее посылаю. Въ цѣломъ и въ частяхъ это — компиляція близорукая и пристрастная, которая никогда не должна увидѣть печатнаго станка».

И дѣйствительно, — статья эта не была напечатана въ «Колоколѣ». Но тамъ помѣщены были статьи въ защиту Муравьева: въ «Подъ Судъ!» №№ 6—7 (по поводу дуэли Беклемишева) и большая статья съ документами: «Императорскій кабинетъ и гр. Муравьевъ Амурскій», въ 87—88 №№, 15 Дек. 1860, (значитъ, раньше полученія въ Лондонѣ «Отвѣта» Бакунина) съ примѣчаніемъ редакціи, обращавшемъ на нее вниманіе Государя.

III.

8 декабря 1860. Иркутскъ.

Другъ Герценъ. — Записка твоя застала меня, когда я кончалъ прилагаемый отвѣтъ въ «Колоколъ». Говорить о моей глубокой, тревожной радости при видѣ твоего драгоцѣннаго почерка было бы лишнимъ. Но она ободрила меня еще и въ другомъ отношеніи, возбудя во мнѣ надежду, что слова мои найдутъ въ тебѣ вѣру. Это мое третье письмо къ тебѣ; первое, по крайней мѣрѣ въ 20 листовъ, до тебя не дошло, второе листовъ въ 12 взялъ съ собой твой знакомый ***** тому назадъ три недѣли. Надѣюсь, что оно дойдетъ до тебя, если не прежде, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ этимъ; оно не конченно, но конецъ пришлю скоро, благо нашелъ дорогу къ тебѣ. Всѣ три письма имѣютъ главнымъ предметомъ Муравьева Амурскаго, на котораго ты съ нѣкотораго времени, по какому то странному ослѣпленію, сталъ нападать жестоко и несправедливо. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что твои нападенія лишены всякаго основанія и совершенно противны истинѣ, — Муравьевъ, повторяю тебѣ въ третій разъ, единственный человѣкъ, между всѣми пользующимися силою и властью въ Россіи, котораго безъ малѣйшей натяжки и въ полномъ смыслѣ этого слова, мы можемъ и должны безусловно назвать нашимъ. Онъ нашъ по чувствамъ, по мыслямъ, по всѣмъ прошедшимъ дѣламъ, по стремленіямъ, желаніямъ и твердымъ намѣреніямъ. Какимъ же образомъ ты не узналъ его, вѣдь право стыдно, Герценъ. — Еслибъ ты зналъ, какъ любитъ онъ «Колоколъ» и какъ прискорбенъ ему всякій промахъ, компрометирующій его, какъ симпатично уважаетъ тебя, и какъ ему горько было услышать твои незаслуженныя обвиненія клеветы, раздавшіяся именно въ то время, когда возстала противъ него со всѣхъ сторонъ зависть и подлая интрига подъ предводительствомъ нашего Philippe Egalité,

самого Вел. Кн. Константина Николаевича. «Своя своихъ не познаша» — вотъ его слова о тебѣ. — Теперь онъ оставляетъ Сибирь и службу, ѣдетъ за-границу и непремѣнно хочетъ увидѣться съ тобою, ты познакомишься съ нимъ и скажешь, что это человѣкъ полный во всѣхъ отношеніяхъ — и сердцемъ и умомъ и характеромъ и энергіею. — Онъ крѣпко нашъ и лучшій и сильнѣйший изъ насъ— въ немъ будущность Россіи. Онъ рѣшился оставить на время службу, не смотря на то, что ему хотятъ предложить Министерство Внутреннихъ дѣлъ. Онъ твердо рѣшился не принимать ничего, пока не измѣнится радикально правительственная система, пока не пріймется его программа. Программа же, въ немногихъ словахъ, слѣдующая: 1, Полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2. Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго. 3. Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4. Народное самоуправленіе, съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможною децентрализаціею Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура, въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ возсоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и съ Турціею. — Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка, доказавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы. — Я отвѣчаю вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его какъ своего лучшаго друга. Каково же мнѣ, вашему другу, другу вашего «Колокола», честь и вліяніе котораго въ Россіи, повѣрьте, мнѣ не менѣе дороги, чѣмъ вамъ самимъ, — видѣть, какъ обманутые, ослѣпленные, вы проповѣдуете ложь и клевету, нападая на единственнаго человѣка между всѣми въ Россіи, стоющаго, чтобъ мы стояли за него горою! — Теперь послушай, Герценъ, — если ты мнѣ повѣришь, въ такомъ случаѣ не печатай моего отвѣта въ «Колоколъ»; ты съумѣешь и безъ него дать Муравьеву полное удовлетвореніе, такъ какъ именно ты долженъ дать такому человѣку, какъ Муравьевъ, sans réticences et sans équivoques, соблюдая при томъ осторожность, чтобъ не слишкомъ компрометировать его передъ правительствомъ; —

но если ты не повѣришь мнѣ или повѣришь только въ половину, такъ что въ душѣ твоей будутъ оставаться сомнѣнія, тогда, именемъ всего что насъ связывало и связываетъ, я требую отъ тебя, чтобъ ты напечаталъ безъ выпусковъ весь мой отвѣтъ, и если это покажется необходимымъ, пожалуй, хоть и за моей подписью. Есть случаи, когда осторожность и всѣ другія соображенія должны идти къ чорту. Напечатаніе отвѣта моего будетъ сопряжено, я знаю, съ большими неудобствами. Во первыхъ оно можетъ еще на нѣсколько лѣтъ приковать меня къ Сибири; во вторыхъ преждевременно компрометируетъ Муравьева передъ правительствомъ, — и насъ всѣхъ въ лицѣ Петрашевскаго передъ русскою публикою; наконецъ, сильно компрометуруетъ «Колоколъ», такъ грубо, такъ нелѣпо, такъ самоубійственно ошибающійся. — А все таки я требую напечатанія, если въ своемъ сердцѣ и въ своемъ умѣ ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетвореніе; во всякомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ чести, одинъ поступокъ той или другой стороны ведетъ за собою необходимо непріятныя, часто тяжелыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ, но отъ этихъ послѣдствій ни та, ни другая сторона не имѣютъ права отказаться. Ты напечаталъ нападеніе, печатай же и отвѣтъ, или сознайся громко, что ты былъ подло обманутъ и непростительнымъ образомъ ошибся. — Вотъ чего я жду отъ твоей справедливости, отъ твоего благородства, наконецъ, отъ твоей преданности общему дѣлу. Ты нашъ судья, Герценъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомни, что и мы твои судьи; между нами солидарность взаимной отвѣтственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можемъ. — Но довольно объ этомъ частномъ случаѣ, поговоримъ вообще о положеніи «Колокола». Со всѣхъ сторонъ слышно, что въ послѣднее время «Колоколъ» много утратилъ вліянія. Одна изъ причинъ такого паденія заключается безъ сомнѣнія въ ложныхъ корреспонденціяхъ; двухъ, трехъ такихъ промаховъ, какъ въ отношеніи Муравьева и Вос. Сибири, достаточно, чтобъ убить ваше изданіе. — Вы должны соблюдать большую осторожность въ выборѣ вашихъ корреспондентовъ. Говорятъ, что Россія оттаиваетъ, но подъ льдомъ всегда много навоза, а навозъ воняетъ. — Вполнѣ русская жизнь, вполнѣ

русскія мелкія интриги и страсти, вполнѣ родная вонючая грязь, — отстой подлыхъ интересовъ и мелкаго, но неумолимаго тщеславія — пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертваго сердца и великодушныя фразы, — мелкія дѣла и громкія слова, — все это теперь просится наружу, и такъ какъ другого свободнаго органа, кромѣ вашего, до сихъ поръ еще нѣтъ, все это стремится въ «Колоколъ», — а скрыться подъ маскою либерализма и демократизма нынѣ не мудренно, — кто не знакомъ съ благородными словами и фразами! Они стали такъ дешевы, такъ безопасны и безвредны, такъ часто кстати и некстати слышатся во всѣхъ углахъ, даже въ Сибири, что право произносить ихъ самому какъ-то становится стыдно. Казенный либерализмъ, казенный демократизмъ, все слова, слова, да слова, а за ними такая гнусная, мелочная дѣйствительность, что становится тошно: слова въ Россіи дѣйствуютъ на меня какъ рвотное, — чѣмъ эфектнѣе и сильнѣе, тѣмъ тошнѣе. — Вѣрить должно только тому, въ комъ есть залогъ, что слово у него перейдетъ въ дѣло; въ отношеніи же другихъ я поступилъ бы такъ: чѣмъ краснѣе кто сказалъ слово, тѣмъ выше построилъ бы я для него висѣлицу. Многіе ли изъ вашихъ корреспондентовъ способны, готовы къ благородному дѣлу, къ которому, кажется, обязываютъ ихъ великодушныя фразы,—а вы ихъ слушаете. — Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: въ Лондонѣ судить лица, дѣйствующія въ Россіи. Пока дѣйствовали все люди вамъ знакомые, временъ Николаевскихъ, Клейнмихели, Орловы, Закревскіе, Панины etc. etc. — вамъ было легко, но теперь выступаютъ на арену люди, вамъ очень мало или совсѣмъ неизвѣстные. Вы должны ихъ судить по даннымъ, присланнымъ вамъ изъ Россіи. Кто вамъ поручится за вѣрность данныхъ? Не должны ли же вы имѣть нѣсколько единомыслящихъ людей въ Россіи, знающихъ край и одаренныхъ практическимъ талантомъ и смысломъ, въ добросовѣстности и въ справедливости которыхъ вы были бы увѣрены, какъ въ своихъ собственныхъ и которые бы провѣряли и укрѣпляли своимъ свидѣтельствомъ всѣ извѣстія вамъ посылаемыя? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу въ Россіи. — А такихъ людей

вѣдь не легко найти между пишущей братьею, даже между остатками нашихъ бывшихъ кружковъ — большая часть изъ нихъ окоченѣли, помертвѣли и живутъ, и дѣйствуютъ и болтаютъ, какъ мертвые между мертвыми.

Странное явленіе представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, офиціальная и не офиціальная! Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей двигаются, говорятъ, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ; есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти; нѣтъ дѣйствительности, ни общаго преобладающаго характера, ни характеровъ. Все литература, писаніе, да болтаніе, а ни капли жизни и дѣла — нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса. — И говорить даже ни съ кѣмъ не хочется, потому что напередъ знаешь, что изъ словъ не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братья бьетъ себя страстно въ пустую грудь, а грудь издаетъ громкій звонъ, потому что въ ней нѣтъ сердца; въ головахъ полированные засушники съ готовыми категоріями и словами. а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, а въ жилахъ нѣтъ крови - все тѣни, краснорѣчивыя, пустозвонныя тѣни, и самъ между ними становишься тѣнью. Они ведутъ теперь мелочную торговлю съ помощью небольшаго капитала, собраннаго Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, единственная дѣйствительная страсть между такъ называемыми людьми порядочными, точно также какъ карманная страсть исключительно преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. Отъ тѣней ли ждать чудесъ? А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, да воли. — Я ничего не жду отъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, вѣрю же въ спящую силу народа, вѣрю въ среднее сословіе, — не въ купечество, оно гнилѣе даже дворянства, — но въ фактическое, офиціально не признанное среднее сословіе, образующееся постоянно изъ отпускныхъ людей, прикащиковъ, мѣщанъ, поповскихъ дѣтей — въ нихъ сохранились еще и русскій смѣтливый умъ, и русская удалая предпріимчи-

вость; вѣрю также, что въ самомъ дворянскомъ сословіи кроется много . . . . . *)

. . . . наполненный тщеславнымъ самообольщеніемъ. Странное зрѣлище представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, офиціальная и неофиціальная! — При Николаѣ можно было предположить, что она заключаетъ въ себѣ много невыясненныхъ тайнъ, много сдержанныхъ, спертыхъ силъ. — Теперь она открыта и чтожъ мы видимъ? Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей говорятъ, двигаются, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ. Есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти — нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ ни характера, ни характеровъ. Все литература, многописаніе, многоболтаніе, но ни капли жизни и дѣла. Нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса, кромѣ къ себѣ,—такъ что и самъ между ними становишься тѣнью, и даже говорить ни съ кѣмъ не хочется, потому что чувствуешь, что никому нѣтъ ни до чего дѣла, и знаешь напередъ, что изъ словъ никогда не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братья бьетъ себя страстно въ пустую грудь и грудь издаетъ громкіе звуки, потому что въ ней нѣтъ сердца. Въ головахъ полированные засушники, съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; нѣтъ силы въ мышцахъ, нѣтъ крови въ жилахъ — все тѣни, краснорѣчивыя, пустословныя тѣни. Теперь они ведутъ мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала собраннаго Бѣлинскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, — единственная дѣйствительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно также какъ карманная страсть преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. — Отъ тѣней ли ждать чудесъ? — А между тѣмъ Россія

*) На этихъ словахъ оканчивается первый листъ письма. Затѣмъ второй, другого формата но нумерованный—2 начинается, какъ напечатано далѣе, — представляя въ началѣ варьянтъ окончанія перваго листа. М. Др.

можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. — Страшна будетъ русская революція, а между тѣмъ по неволѣ ее призываешь, ибо она одна въ состояніи будетъ пробудить насъ изъ этой гибельной летаргіи къ дѣйствительнымъ страстямъ и къ дѣйствительнымъ интересамъ. Она вызоветъ и создастъ, можетъ быть, живыхъ людей, большая же часть нынѣшнихъ извѣстныхъ людей годна только подъ топоръ. Таково мое убѣжденіе. Я спрашиваю даже: много ли уцѣлѣло изъ нашихъ? Дѣятельность утомляетъ, сжигаетъ людей, но русская обыденная пошлость ихъ стираетъ и стаптываетъ. — Тургеневъ, Кавелинъ, Коршъ живые ли люди? — Вашихъ прочихъ друзей и знакомыхъ я не знаю, жизнь сохранилась ли въ нихъ? Мнѣ обѣщаютъ что въ нынѣшнюю весну я получу позволеніе ѣхать въ Россію; буду искать людей. для меня это интересъ первостепенный. — Здѣсь, кромѣ Муравьева, я узналъ еще одного человѣка, это молодого генерала Николая Павловича Игнатьева, сына Санктъ-Петербургскаго генералъ-губернатора, и если я не ошибаюсь, твоего знакомаго, Герценъ. Онъ возвращается теперь изъ Китая, гдѣ онъ надѣлалъ чудесъ. Съ 19 казаками, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ лорда Ельгина и барона Gros, съ ихъ арміями, онъ съумѣлъ сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для Россіи наибольшія выгоды, несравненно большія, чѣмъ сами французы и англичане. О трактатѣ имъ заключенномъ вы узнаете изъ газетъ, но о чемъ не услышите — это о безпримѣрномъ варварствѣ англійскихъ, особливо же французскихъ войскъ въ Китаѣ. Первые довольствовались большею частію грабежомъ и состоятъ при томъ по преимуществу изъ сипайевъ, — но вторые, чистые французы, по всей дорогѣ до Пекина насиловали женщинъ и потомъ топили, убивали ихъ, отрѣзывали у нихъ ноги. — Этимъ воспользовались русская смѣтливость и русская дисциплина; во главѣ 19 казаковъ, Игнатьевъ явился какъ спаситель Китаи — и теперь мы стали ужъ совершенно крѣпкою ногою на Тихомъ океанѣ. — Но возвратимся къ Игнатьеву; это человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати, вполнѣ симпатичный и по высказываемымъ мыслямъ и чувствамъ, по всему существу своему, смѣлый. рѣшительный энер-

гичвый и въ высшей степени способный. — Онъ честолюбивъ, но благородно-горячій патріотъ, требующій въ Россіи реформъ демократическихъ и со-внѣ политики славянской, однимъ словомъ — съ легкими различіями того же, чего требуетъ Муравьевъ. — Они сошлись и будутъ дѣйствовать за одно. — Вотъ съ такими то людьми не худо бы вамъ было войти въ постоянныя сношенія,—они не резонерствуютъ, мало пишутъ, но за то много знаютъ и, рѣдкая вещь въ Россіи, много дѣлаютъ. *) — Теперь, что скажу вамъ о себѣ, друзья? —

Я намѣренъ вскорѣ послать вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саксоніи, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ, все въ цѣпяхъ, а въ Ольмюцѣ и прикованный къ стѣнѣ, — я былъ перевезенъ въ Россію; въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: «Принципы вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко; я желалъ единства демократизованной Германіи, освобожденія Славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской Имперіи; — я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ — довольно вамъ данныхъ, чтобъ судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я вамъ отвѣчать не стану». Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій равелинъ, — гдѣ я просидѣлъ

---

*) Считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ помѣщенный въ «Русской Старинѣ», 1882 г. — XII, 644—646, разсказъ А. Н. Муравьева (умершаго въ Кіевѣ, извѣстнаго путешественника въ Іерусалимъ и Содомъ, доносчика) о томъ, какое участіе принималъ ген. Н. П. Игнатьевъ, тогда директоръ азіатскаго департамента въ мин. вн. д, въ подсовываніи Александру II мысли о назначеніи антипатичнаго царю М. Н. Муравьева на мѣсто диктатора въ Вильнѣ. Уже этимъ участіемъ Н. П. И. достаточно разорвалъ свою связь съ программою, которую выше изложилъ Б — нъ, и тѣмъ даетъ намъ полное право на печатаніе относящагося къ нему мѣста въ письмѣ Б—на. Оно, конечно, не повредитъ ему по службѣ, а скорѣе послужитъ въ пользу;—скажутъ: вотъ какъ увлекался человѣкъ въ 186 , и уже въ 1863 г. отрезвился вполнѣ! М. Др.

3 года. Мѣсяца два по моему прибытію, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: «Государь прислалъ меня къ вамъ и приказалъ вамъ сказать: скажи ему, чтобъ онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу, — хотите вы писать?» Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ jury, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ бы былъ выдержать роль до конца. Но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣдя, я могъ безъ стыда смягчить формы, и потому потребовалъ мѣсяцъ времени, согласился — и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ Dichtung und Warheit; — дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего. — Поблагодаривъ Государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ: — «Государь, вы хотите, чтобъ я вамъ написалъ свою исповѣдь, хорошо, я напишу ее; но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану». Послѣ этого, à quelques exception près, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границею, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, разсчитанное во первыхъ, на ясность моего повидимому безвыходнаго положенія, съ другой же на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло — и именно потому ему очень понравилось.—За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это, — что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ.— Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года.—У меня открылась цынготная и повыпали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе: влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: «сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе». — Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяцъ, не спать ни дней, ни

ночей, — что бы ни дѣлалъ, что бы ни читалъ, даже во время сна чувствовать какое то неспокойное ворочаніе въ сердцѣ и въ печени съ sentiment fixe: я рабъ, я мертвецъ, я трупъ. Однако я не упадалъ духомъ; еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости. — Я одного только желалъ: не примиряться, не резиньироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ — сохранить до конца въ цѣлости святое чувство бунта. — Николай умеръ, я сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. — Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда спустя мѣсяцъ мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais être libre». Послѣ чего я заключилъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяцъ, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привезть мнѣ яду. Но прошелъ мѣсяцъ, — я получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось моимъ освобожденіе меня изъ крѣпости; государь съ упорствомъ барана отбилъ нѣсколько приступовъ; разъ вышелъ онъ къ кн. Горчакову (министру иностр. дѣлъ) съ письмомъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 г. я написалъ Николаю) и сказалъ: «mais je ne vois pas le moindre répantir dans cette lettre» — дуракъ хотѣлъ répantir! Наконецъ, въ мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-мъ Отдѣленіи, и по Высочайшему соизволенію сутки у своихъ въ деревнѣ, а въ апрѣлѣ былъ привезенъ въ Томскъ.—Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго Ксаверій Васильевичъ Квятковскій служитъ по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ, или какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по старосвѣтски. Туда сталъ я ходить всякій день, и предучить французскому языку и другому двухъ додружился съ моею женою, пріобрѣлъ ея полную

довѣренность, — я полюбилъ ее страстно, она меня также полюбила, — такимъ образомъ я женился, и вотъ уже два года женатъ и вполнѣ счаслтивъ.—Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этотъ другой милая женщина, — я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія. — Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она славянская патріотка. Ген. губ. Западной Сибири Гасфордъ, безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ высоч. соизволеніе на вступленіе въ гражданскую службу, — первый шагъ къ освобожденію изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ — мнѣ казалось, что, надѣвъ кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселеніи въ Восточную Сибирь и насилу выхлопоталъ; боялись для меня симпатіи Муравьева, который пріѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказалъ мнѣ свое уваженіе. Долго не соглашались, наконецъ согласились. Въ Мартѣ 1859 г. я переселился въ Иркутскъ, вступилъ въ службу только что образовавшейся Амурской Компаніи; ѣздилъ въ слѣдующее лѣто по цѣлому Забайкалью, а въ началѣ 1860 года оставилъ Компанію, убѣдившись, что въ ней прока не будетъ. Теперь ищу службы по золотопромышленнымъ дѣламъ у Бенардаки; до сихъ поръ еще дѣла мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а хотѣлось бы обойтись безъ помощи братьевъ. Они не богаты, къ тому, не ожидая петербургскаго рѣшенія, они фактически освободили своихъ крестьянъ съ землею и производятъ всѣ работы наемнымъ трудомъ, — что сопряжено съ большою тратою капитала. — Какъ бы то ни было, живу я здѣсь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ, но надѣюсь, что дѣла мои скоро поправятся. — Пора въ Россію. До сихъ поръ всѣ старанія Муравьева выхлопотать мнѣ право возвращенія были безуспѣшны. Тимашевъ и Долгорукій, основываясь на какихъ то сибирскихъ доносахъ, считаютъ меня человѣкомъ опаснымъ и неисправимымъ. Впрочемъ Муравьевъ увѣренъ, что ему удастся освободить меня нынѣ весною. —Теперь я сильно надѣюсь на успѣхъ, и ѣхать въ Россію стало для меня дѣйствительною необходимостью. Я не рожденъ для спокойствія, отдыхалъ по неволѣ столько

лѣтъ, пора опять за дѣло. Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками, — пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшною; мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необходимости примиренія съ Россіею; удалось убѣдить также и Муравьева въ необходимости децентрализаціи Имперіи и въ разумности, въ спасительности славянской федеративной политики. — Теперь надо въ Россію, чтобы искать людей; вновь познакомиться со старыми и открыть новыхъ, чтобы ознакомиться живѣе съ самою Россіею и постараться угадать, чего отъ нея ожидать можно, (чего) нельзя. — Странно будетъ, если внутреннее движеніе, возбужденное крестьянскимъ вопросомъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ, порожденнымъ повидимому Наполеономъ, въ сущности же далеко не умершею революціею, которой Наполеонъ только одинъ изъ органовъ,— странно, говорю я, если все это вмѣстѣ не расшатаетъ Россію. — Будемъ надѣяться, пока есть возможность надѣяться, — а до тѣхъ поръ, друзья, прощайте.

Преданный вамъ М. Бакунинъ.

Съ будущимъ письмомъ пришлю письмо къ другу Рейхелю и приложу мой портретъ.

Вы безъ сомнѣнія захотите отвѣтить мнѣ. Во такомъ случаѣ прошу васъ присылайте ваши письма черезъ вѣрныхъ путешественниковъ въ Петербургъ или на имя Николая Павловича Игнатьева или....

IV.

15/3 октября 1861 С-нъ Франциско.

Друзья! Мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири, и послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня я прибылъ въ С. Фран-

циско. Но странствованіе это истощило мои и безъ того не большія денежныя средства, такъ что еслибъ я не нашелъ добраго человѣка, который мнѣ далъ 250 долларовъ взаймы до Нью-Іорка, то я былъ бы въ большомъ затрудненіи. До васъ далеко, а друзей, ни даже знакомыхъ у меня здѣсь нѣтъ. Въ Нью-Іоркѣ я буду около 18/0 ноября. Вы получите это письмо, по моему расчету, около 15 ноября, такъ что отвѣтъ вашъ можетъ прійти въ Нью-Іоркъ въ концѣ этого мѣсяца, Я надѣюсь, что вамъ присланы для меня изъ Россіи деньги. Но такъ или нѣтъ, прошу васъ, вышлите мнѣ въ Нью-Іоркъ 500 долларовъ, кажется 100 фунтовъ стерлинговъ, необходимые на покрытіе моихъ путевыхъ издержекъ до Лондона. Въ такомъ случаѣ я буду у васъ около 10/2 декабря. Еще одна просьба: лишь только вы получите это письмо, черезъ вашихъ друзей въ Россіи дайте немедленно знать моимъ братьямъ (въ Твери или тверской губерніи г. Торжокъ, село Прямухино, Николаю Александровичу Бакунину), что я прибылъ благополучно въ Санъ-Франциско и и что прибуду въ Лондонъ въ половинѣ декабря. Жена моя теперь безъ сомнѣнія у насъ въ деревнѣ и въ сопровожденіи одного изъ моихъ братьевъ или кого другого отправится въ Лондонъ, лишь только получитъ извѣстіе; — и еще просьба: наймите для меня поближе къ вамъ дешевый уголокъ и напишите мнѣ въ Нью-Іоркъ, куда въ Лондонѣ я долженъ обратиться. Если уголъ окажется слишкомъ тѣсенъ, то по прибытіи жены въ Лондонъ, я съумѣю нанять другой. — Мой адресъ въ Нью-Іоркѣ: Mr. Bakounin — «Howard House», low Broadway und Courtland. Въ письмо ваше вложите записку ко мнѣ же, въ родѣ извѣщенія отъ вашего банкира съ означеніемъ суммы, мнѣ посылаемой, и имени того банкира въ Нью-Іоркѣ, отъ котораго, предъявивъ извѣщеніе лондонскаго банкира, я ее получить долженъ.

Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и лишь только пріѣду къ вамъ, примусь за дѣло; буду у васъ служить по Польско-Славянскому вопросу, который былъ моею idée fixe съ 1846 года и моею практическою спеціальностію въ 48 и 49 годахъ. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской Имперіи будетъ моимъ послѣднимъ сло-

вомъ, не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; — для служенія этому великому дѣлу я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты, и если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, — единственный исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я завтрашняго дня, чтобъ узнать извѣстія изъ Россіи и Польши. Сегодня я долженъ былъ довольствоваться глухими слухами. Толковали мнѣ о возобновленіи кровопролитныхъ столкновеній между народомъ и войскомъ въ Царствѣ Польскомъ и даже объ открытомъ заговорѣ въ Россіи противъ жизни Императора и царской фамиліи. Авось завтра доберусь толкомъ. Интересуетъ меня также въ сильной степени борьба сѣверныхъ штатовъ съ Югомъ въ Америкѣ. Всѣ симпатіи мои разумѣется клонятся къ сѣверу, но увы! кажется югъ дѣйствуетъ до сихъ поръ сильнѣе, умнѣе, дружнѣе, чѣмъ онъ, и во всѣхъ встрѣчахъ имѣлъ несомнѣнное превосходство. И то правда, что югъ началъ готовиться къ борьбѣ ужъ три года тому назадъ, въ то время какъ сѣверные штаты взяты въ расплохъ. Неимовѣрные успѣхи счастливыхъ и рѣдко вполнѣ честныхъ спекуляцій, пошлость бездушнаго матеріальнаго благоденствія и слишкомъ дешевое удовлетвореніе страшнаго, дѣтскаго національнаго тщеславія растлили ихъ кажется очень сильно, и можетъ быть эта борьба будетъ спасительна тѣмъ, что она возвратитъ американскому народу утраченную душу.

Впрочемъ это мое первое впечатлѣніе; вглядѣвшись ближе, можетъ быть, я измѣню свое мнѣніе. Только глядѣть то долго мнѣ будетъ некогда. Въ С-нъ Франциско я пробуду всего 5 дней, а по прибытіи въ Нью-Іоркъ, отправлюсь въ Бостонъ и Кембриджъ къ старому знакомому профессору Agazis, возьму у него нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, съ которыми и поѣду на нѣсколько дней въ Вашингтонъ. Такимъ образомъ хоть что-нибудь пойму и узнаю. Проѣздомъ сюда мнѣ удалось устроить одно доброе дѣло, которое васъ безъ сомнѣнія порадуетъ: зная какъ жадно читаются въ Сибири «Колоколъ» и «Полярная Звѣзда» и съ какимъ трудомъ они тамъ по-

лучаются, я условился съ тремя купцами, нѣмцемъ въ Шанхаѣ, американцемъ въ Японіи и другимъ американцемъ въ Николаевскѣ, при устьѣ Амура. Они будутъ брать на комисію все, что мы имъ пришлемъ изъ Лондона, и будутъ продавать ихъ флотскимъ офицерамъ и кяхтинскимъ купцамъ, число которыхъ на Амурѣ и въ Тихомъ океанѣ будетъ каждый годъ умножаться. Такимъ образомъ мы будемъ продавать отъ 100 до 300 экземпляровъ, количество въ торговомъ отношеніи очень не большое, но чрезвычайно важное въ политическомъ отношеніи.

Но пора кончать письмо, пора спать ложиться. Друзья, до скораго свиданія. Напишите Рейхелю, что я воскресаю и что дружба моя къ нему неизмѣнна.

Вашъ М. Бакунинъ.

V.

Тихій океанъ — 400 миль до Панамскаго перешейка, — на пароходѣ.

22 Октября / 3 Ноября 1861.

Друзья, я писалъ вамъ два раза изъ С-нъ Франциско черезъ Pony Express (эстафету). Но Богъ знаетъ, дошли ли до васъ мои письма. Pony Express идетъ черезъ Миссури, а въ Миссури теперь свирѣпствуетъ междоусобная война. Англійскій капитанъ of a man of war отправляется изъ Панама прямо въ Англію. Онъ сынъ лондонскаго префекта полиціи и потому я увѣренъ, что это письмо, которое онъ беретъ съ собою, дойдетъ до васъ. Передъ отъѣздомъ своимъ, я вамъ писалъ еще изъ Иркутска, что, не видя никакой надежды возвратиться въ Россію путемъ правильнымъ, т. е. съ Высочайшаго разрѣшенія, я рѣшился взять свободу, которой мнѣ дать не хотѣли. 5/17 іюня оставилъ я Иркутскъ, простившись съ женою, которая въ сентябрѣ должна была ѣхать ва деревню къ матушкѣ, съ

тѣмъ что бы, по полученіи извѣстія обо мнѣ, отправиться ко мнѣ въ Лондонъ. Спустившись внизъ по Амуру до Николаевска, я сѣлъ incognito на американское судно и долго странствовалъ по Татарскому проливу и по берегамъ Японіи. Наконецъ 5/17 сентября въ Іокагамѣ, въ 14 миляхъ отъ Іедо, мнѣ удалось найти другое американское судно, отправлявшееся въ С-нъ Франциско. Теперь я пишу вамъ на пароходѣ Orizaba въ 400 миляхъ до Панамскаго перешейка и около 14 числа, если по ту сторону перешейка въ Мексиканскомъ проливѣ насъ не перехватитъ a Privatier with a letter of mark, я буду въ Нью-Іоркѣ. Тамъ буду я ждать вашихъ писемъ и денегъ отъ васъ, потому что мои средства совершенно истощились. Изъ моихъ ли денегъ, которыя, по моимъ соображеніямъ, должны быть присланы къ вамъ, а если нѣтъ, такъ изъ вашихъ, пришлите мнѣ, прошу васъ, 500 долларовъ, безъ которыхъ мнѣ будетъ невозможно оставить Нью-Іоркъ. Пришлите мнѣ ихъ черезъ банкирскій домъ Ballin et Sanders въ Нью-Іоркѣ pour Mr. Michel Bakounin. Если же вы ужъ послали деньги и письма на адрессъ, посланный мною вамъ изъ С-нъ Франциско, то, по полученіи этого письма, напишите мнѣ, прошу васъ, еще разъ на имя Ballin et Sanders. И еще просьба, друзья. Если вы имѣете какія нибудь письма или извѣстія о женѣ и о моемъ семействѣ, поспѣшите присылкою ихъ въ Нью-Іоркъ и дайте знать немедлено черезъ вашихъ корреспондентовъ въ Россіи братьямъ въ Тверской губерніи (г. Торжокъ, село Прямухино), что около половины декабря я долженъ быть въ Лондонѣ.

Прощайте. Обнимаю васъ крѣпко. До скораго свиданія.

М. Бакунинъ.

VI.

3 Декабря 1861. Нью-Іоркъ.

Любезные друзья Герценъ и Огаревъ, — я вамъ написалъ столько писемъ изъ С. Франциско и изъ Нью-Іорка, что мнѣ ничего не остается прибавить, если вы только

получили тѣ письма. Если же вы ихъ не получили, то прошу васъ прислать мнѣ въ Нью-Іоркъ на домъ Ballin an Sanders in New Iork, pour Mr M. Bakounine 500 долларовъ, которые мнѣ необходимы, для того чтобъ оставить Америку и ѣхать къ вамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ прислать мнѣ всѣ письма, которыя получены вами на мое имя, или извѣстія о моемъ семействѣ, которыя до васъ дошли, и въ то же время, т. е. немедленно по полученіи моего письма, дать знать моему семейству, въ Тверской губерніи, что я скоро, вѣроятно, въ концѣ этого мѣсяца, буду въ Лондонѣ.

Жена моя должна была оставить Иркутскъ въ сентябрѣ и ѣхать къ матушкѣ въ деревню, оттуда съ однимъ изъ братьевъ въ Лондонъ. Но я ничего не знаю о ней, и неизвѣстность меня измучила. Пожалуйста отвѣчайте скорѣе.—Пишу вамъ у Зольгера, гдѣ также сидитъ или, лучше, стоитъ Капъ.

(Другимъ почеркомъ:)

Frenndchaflicher Gruss von Ihrem

Friedr. Kapp.

Semper idem

Reinhod Solger.

М Бакунинъ.

VII.

КОНЕЦЪ ПИСЬМА КЪ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ.

По характеру этого отрывка, мы предполагаемъ, что онъ относится къ тому же времени, что и слѣдующее письмо. Какъ и это письмо, онъ открываетъ разногласія, какія возникли у Бакунина съ Герценомъ и Огаревымъ, вскорѣ по пріѣздѣ перваго въ Лондонъ и какія собственно не прекращались во всю ихъ жизнь, особенно у Герцена и Бакунина.

. . . . . за дѣйствительно и въ высшей степени полезную силу. Идти противъ васъ, даже отдѣльно отъ васъ, не испытавъ всѣхъ средствъ для полнаго соединенія, если можно

дойти до него жертвою всякаго самолюбія и даже жертвою убѣжденій второстепенной важности, — было бы поэтому въ моихъ глазахъ преступленьемъ, тѣмъ болѣе, что въ цѣляхъ мы кажется совершенно согласны, расходимся только, можетъ быть, въ путяхъ и средствахъ; не только преступленьемъ но и глупостью. Вы создали силу. Создать другую такую силу не легко, у меня нѣтъ Герценовскаго таланта,— принимая слово талантъ въ обширномъ, не только литературномъ смыслѣ. Но во мнѣ все таки есть сила, полезная и благородная, которую вы пожалуй не признаете, но которую я знаю. Обречь ее на бездѣйствіе я не хочу да и не имѣю права. Когда я приду къ убѣжденію, что въ соединеніи съ вами для нея нѣтъ ни выраженія, ни дѣла, — тогда я, разумѣется, отъ васъ отдѣлюсь и по средствамъ и по умѣнію, буду дѣйствовать особенно, вполнѣ сознавая, что вамъ этимъ во первыхъ ущерба не принесу никакого, а себя лишу крѣпкой опоры, и въ глазахъ нашей общей публики много потеряю.

Я ни на каплю не потерялъ еще вѣры, съ которою пріѣхалъ въ Лондонъ, и твердаго намѣренія, во что бы ни стало и какъ бы это ни было трудно: сдѣлаться вашимъ другомъ, быть третьимъ въ вашемъ союзѣ, — единственное условіе, при которомъ наше соединеніе возможно — въ противномъ случаѣ мы будемъ союзниками и пожалуй пріятелями, но вполнѣ независимыми и неотвѣтственными другъ за друга.

Погодите отвѣчать. Налбандовъ пришелъ, и я долженъ оставить письмо. Вечеромъ напишу продолженіе. А до тѣхъ поръ распорядитесь, чтобъ мнѣ возвратили мою статью. Разумѣется, что все, что издержано на ея первое напечатаніе, должно быть взято изъ денегъ, которыя находятся у Герцена. А напечатанное пришлите ко мнѣ.

Вашъ М. Бакунинъ.

Возможно, что въ послѣднихъ строкахъ рѣчь идетъ о статьѣ Бакунина «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», которой появилась въ «Колоколѣ» только первая половина (№№ 122—123).

VIII.

10, Paddington Green W. 20 Мая 1862.

Вы правы, друзья — «Дружеское и союзное вòзлѣ.» — Вотъ то отношеніе, въ которомъ я долженъ стоять къ вамъ. Но надо уяснить и опредѣлить это отношеніе, для того чтобы оно стало дѣйствительнымъ. Личныхъ объясненій между нами болѣе не будетъ. Сердце мое удовлетворено. Спасибо вамъ за то, что вы приняли письмо мое такъ серьезно и не искали въ немъ выраженій раздраженнаго самолюбія, — для себя лично я ничего большаго не желаю, — тѣмъ не менѣе ощущаю необходимость о многомъ говорить съ вами и въ бесѣдѣ и письменно, — а потому, съ вашего позволенія, предоставляю себѣ право посылать вамъ иногда письма, по мѣрѣ собиранія моихъ мыслей. — А теперь еще разъ спасибо и до свиданія.

Вашъ М. Бакунинъ.

IX.

Среда (1862)

Любезный Герценъ! Сегодня я ни обѣдать, ни вечеромъ не пріѣду. А пріѣхалъ сюда полякъ съ прилагаемымъ письмомъ отъ Высоцкаго. Онъ пріѣхалъ также сюда и отъ Гарибальди, съ которымъ видѣлся въ Palermo. Самъ же онъ гвардейскій артиллерійскій офицеръ, воспитывавшійся въ Академіи, товарищъ и пріятель Л. и только что теперь получившій изъ Петербурга, куда онъ ѣхать не хочетъ, приказаніе немедленно воротиться. Что онъ говоритъ о Польшѣ и о Варшавѣ, очень интересно. Онъ желаетъ непремѣнно тебя видѣть и самъ по себѣ и по порученію Высоцкаго, и не смотря на твое высокомѣрное, систематическое, въ лѣнивую привычку у тебя обратившееся презрѣніе къ моимъ рекомендаціямъ, считаю однако на сей разъ обязанностью

побѣдить свое отвращеніе и рекомендовать тебѣ сего молодого человѣка, какъ такого, съ которымъ, по моему мнѣнію, ты непремѣнно долженъ видѣться. Завтра онъ будетъ у меня въ два часа и мы вмѣстѣ будемъ у Mazzini, а послѣ сего до поздней ночи, когда вы назначите, къ вашимъ услугамъ. Жаль, что нѣтъ Огарева. Статью, или вѣрнѣе брошюру я показывалъ Мартьянову еще прежде, чѣмъ давалъ читать тебѣ. Ты его сегодня увидишь. Пусть онъ скажетъ тебѣ свое мнѣніе. А за тѣмъ прощай и до свиданія. Письмо Высоцкаго пришли назадъ.

Твой М. Бакунинъ.

Брошюра, о которой говорится здѣсь, должна быть «Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель».

Мартьяновъ — монархистъ народникъ того времени. Онъ рѣшительно не одобрялъ союза «Колокола» съ польскимъ возстаніемъ и, когда этотъ союзъ состоялся, сказалъ Герцену: «такъ или иначе, а «Колоколъ» то вы порѣшили», — и уѣхалъ въ Россію, гдѣ написалъ письмо къ Александру II съ изложеніемъ своихъ мнѣній и былъ за то сосланъ.

X.

17 Іюля (1862)

Виноватъ Герценъ. Прошу тебя, не сердись. По врожденной неловкости, съ языка сорвалось жесткое слово, когда въ сердцѣ не было жесткаго чувства. А что̀ еслибъ тебѣ пришлось получить всѣ записки, которыя ты мнѣ написалъ? Вѣдь ты бы давно услалъ меня не въ Парижъ, а въ Калькуту. Но не стану шутить. Ты долженъ знать, Герценъ, что уваженію моему къ тебѣ нѣтъ мѣры и что я искренно люблю тебя. Прибавлю еще, что безъ задняго чувства, но съ полною радостью, я тебя ставлю во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше себя, по способностямъ и знанію, и что для меня твое мнѣніе во всякомъ дѣлѣ очень важно. Послѣ этого зачѣмъ мнѣ уѣзжать въ ссылку въ Парижъ,

хоть бы и существовала между нами второстепенная случайная рознь. Я въ самомъ дѣлѣ иногда упрекаю тебя въ томъ, что для тебя литературное дѣло чуть ли не важнѣе практическаго и литераторъ милѣе простыхъ дѣятелей. Высоцкій не великій, но честный человѣкъ, пользующійся теперь, кажется, изъ всѣхъ эмигрантовъ исключительнымъ довѣріемъ края. Молодой человѣкъ, имъ присланный, умный и симпатичный, даже и тебѣ понравится, тѣмъ болѣе, что говоритъ по русски, какъ мы и, служа между русскими, выучился думать по русски.

И потому прошу тебя, прими насъ благосклонно. А будемъ мы у тебя отъ Mazzini между $4^1/_2$ и $5^1/_2$ часами.

Твой Б.

XI.

1 Октября 1862.

Супъ то я прійду ѣсть и Жюля разсужу по всей справедливости, — а хотѣлось бы знать, что вы рѣшили на счетъ довѣрительнаго письма Падлевскому. — Ты сказалъ мнѣ вчера, что всякій день можно найти случай въ Парижъ. Вѣдь это только такъ говорится, а на дѣлѣ это выходитъ не такъ. — Они будутъ жить въ Парижѣ только въ ожиданіи нашего письма, а ихъ заставлять ждать невозможно. Падлевского можно бы было наказать за непростительную вѣтренность, — но вѣдь онъ спѣшитъ не для своего удовольствія, а потому медлить мы не имѣемъ права. О посылкѣ письма по почтѣ въ Парижъ и думать нельзя. Остается средство, предложенное мною вчера, а именно отправить его по почтѣ въ Гейдельбергъ по тому невинному адресу, который онъ мнѣ далъ отъѣзжая, — а ихъ увѣдомить, что они найдутъ письмо въ Гайдельбергѣ, куда Падлевскій въ сопровожденіи Милова и безъ того хотѣлъ заѣхать.... Или вы усумнились въ пользѣ самого письма, а можетъ быть и союза? — Въ такомъ случаѣ желалъ бы васъ видѣть сегодня.

М. Бакунинъ.

Падлевскій членъ делегаціи тайнаго революціоннаго правительства въ Варшавѣ, имѣвшій цѣлью между прочимъ установить соглашеніе между этимъ правительствомъ и кружкомъ «Колокола».

Настоящимъ письмомъ открывается рядъ писемъ, показывающихъ отношеніе Бакунина и Герцена къ польскому возстанію 1862—64 гг. Мы подробно разсмотрѣли это отношеніе въ книжкѣ «Историческая Польша и великорусская демократія» (Женева, 1881). Условія нашего изданія не позволяютъ намъ повторяться, а потому мы и отсылаемъ читателей къ этой книжкѣ, которая можетъ служить общимъ комментаріемъ къ печатаемымъ теперь письмамъ.

XII.

(1862)

Любезный Герценъ. Ты рѣшительно одаренъ способностью не понимать ни моихъ мыслей, ни моихъ словъ. Въ полезности и въ необходимости союза съ поляками я не сомнѣвался никогда. Въ этомъ ты самъ будешь мнѣ свидѣтелемъ. Если жъ я сомнѣвался, то единственно только въ вашей вѣрѣ въ него, и если ты нашелъ вчера на челѣ моемъ тучи, то не Мартьяновскія, а навѣянныя опасеньемъ, что вы въ послѣднюю минуту опять усумнитесь. Я ошибся, тѣмъ лучше. Что жъ касается до разногласія Мартьянова въ этомъ дѣлѣ, оно меня за него огорчаетъ, въ отношеніи же къ самому дѣлу нисколько не трогаетъ, потому что я давно былъ непоколебимо увѣренъ и въ его необходимости и въ его святой справедливости.

Посылаю тебѣ Daily Telegraph, гдѣ есть статья о Россіи и другая о Ріотѣ въ Гайдъ Паркѣ. А вѣдь ты долженъ мнѣ, кажется, 10 шилинговъ. Если долженъ, то пришли. Падлевскому напишу, какъ приказываете.

М. Бакунинъ.

XIII.

3 Октября 1862

Герценъ. — Я рѣшительно не того мнѣнія, чтобъ можно было отвѣтить на письмо Варшавскаго Комитета письмомъ къ офицерамъ. По моему крѣпкому убѣжденію мы должны отвѣтить на документъ документомъ, т. е. письмомъ къ Комитету съ краткимъ изложеніемъ нашихъ началъ и надеждъ въ отношеніи къ Россіи, къ Малороссіи и къ Польшѣ, и скрѣпленнымъ нашими тремя именами *). Мнѣ кажется это требуютъ и справедливость и наше достоинство. Мы беремъ на себя практическую отвѣтственность въ союзѣ съ Поляками, такъ прятаться отъ нея нечего. Иначе скромность покажется трусостью и нежеланіемъ компрометировать себя. Письмо, мнѣ кажется должно быть коротко, какъ письмо поляковъ, и должно въ немногихъ словахъ высказать нашу политическую программу. Въ томъ же номерѣ можемъ тогда помѣстить письмо къ офицерамъ, которое будетъ коментаріемъ къ первому.

Меня вчера поразила охота, съ которою ты согласился съ журналомъ Мирославскаго въ томъ, что «Колоколъ» имѣлъ чисто отвлеченно-разрушительное направленіе, безъ всякого плана для будущаго, безъ всякой практической цѣли. — Во первыхъ это не справедливо: «Колоколъ» давно проповѣдуетъ общинное земское начало, избирательное самоуправленіе общинное и областное и наконецъ федерацію русскихъ областей. Начало и цѣль ясныя, опредѣленныя, практическія, вполнѣ достаточныя, чтобы удовлетворить самымъ строгимъ практическимъ требованіямъ, — и дай Богъ, чтобы поляки могли бы намъ указать у себя программу, которая практичностью своею могла бы сравниться съ нашею. — Ну, а еслибъ Мирославскій былъ правъ? — Вѣдь это было бы непростительно плохо, Герценъ. — Опять повторяю, скромность назовется трусостью, если ты теперь не рѣшишься на болѣе откровенное практическое дѣйствіе. Нареканіе въ самозваннической самонадѣянности все таки за тобою останется — на это завистники и враги — но чести смѣлаго

*) На это я рѣшительно не согласенъ. — Приписка рукою Огарева. М. Др.

и открытаго дѣла не будетъ. — Ты создалъ силу, огромную силу, — и этой чести у тебя никто не отниметъ. Теперь весь вопросъ уъ томъ, что ты изъ нея сдѣлаешь? — Россія требуетъ теперь практическаго руководства къ практической цѣли. — Дастъ его «Колоколъ» или нѣтъ? — Если нѣтъ, то черезъ годъ, можетъ быть, и черезъ полгода онъ потеряетъ и смыслъ и вліяніе, и вся сила, созданная тобою, рушится передъ первымъ смѣлымъ, самонадѣяннымъ мальчикомъ, который, за неспособностью думать, какъ ты, будетъ смѣть лучше чѣмъ ты. — Подымай знамя на дѣло, Герценъ, подымай его со всею свойственною тебѣ осторожностью, со всѣмъ возможнымъ благоразуміемъ, тактомъ, но подымай его смѣло. — А мы пойдемъ за тобою и дружно будемъ работать съ тобою.

Когда увидимся? — Отвѣчай.

М. Бакунинъ.

Изъ «Посмертныхъ Сочиненій» Герцена видно, какъ неохотно онъ втянулся въ практическое участіе въ польскомъ революціонномъ движеніи 1862—63 гг., въ которомъ онъ видѣлъ недостаточно ясно поставленною демократическую идею и слишкомъ много вѣры въ историческія права поляковъ на непольскія провинціи — Литву, Бѣлоруссію и Украину. Изъ письма Бакунина № III видно, что и Бакунинъ не всегда считалъ полезнымъ для Польши вполнѣ сепаратистическое направленіе политики по отношенію къ Россіи. Но въ 1862—1863 гг. Бакунинъ вполнѣ отдался этому направленію и увлекъ за собою и Герцена гораздо дальше, чѣмъ самъ Герценъ признавалъ это нужнымъ даже и тогда.

XIV.

(1862)

Вотъ предлагаемое предисловіе.

Публикуя въ особой брошюрѣ важные документы, ознаменовывающіе новую эру какъ русскаго, такъ и польскаго движенія: Письмо Польскаго Народнаго Ко-

митета въ редакцію «Колокола», Отвѣтъ ея Польскому Комитету, Отвѣтъ на письмо русскихъ офицеровъ войскъ, квартирующихъ въ Царствѣ Польскомъ и наконецъ Адресъ тѣхъ же войскъ къ в. к. Константину Николаевичу, — мы просимъ нашихъ русскихъ друзей, гражданскихъ и особенно военныхъ, обратить на нихъ серьезное вниманіе. Ими полагается конецъ несчастному, свободопротивному недоразумѣнію, раздѣлявшему до сихъ поръ поборниковъ русскаго народнаго дѣла и поборниковъ освобожденія Польши. Отнынѣ, широко довѣряя другъ другу, будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, успѣшнѣе и сильнѣе. Поляки и русскіе, гдѣ бы и въ какихъ бы обстоятельствахъ мы не встрѣтились, въ борьбѣ или въ изгнаніи, въ силѣ или въ бѣдѣ, подадимъ другъ другу руку на братскую помощь, на святое общее дѣло. Будемъ вмѣстѣ стремиться къ низверженію постыдно тяжкаго петербургскаго ярма, равно гнетущаго и русскія и польскія земли. А когда возвратимъ этимъ землямъ свободу, пусть онѣ сами опредѣлятъ и границы и союзы свои, равно какъ и формы своего будущаго обновленнаго существованія, на основаніи законнаго и несомнѣннаго права, на основаніи свободной воли народовъ.

Мы же въ заключеніе выскажемъ свое убѣжденіе, что пока Польша въ цѣпяхъ, Россія, обреченная на роль палача, не увидитъ и тѣни свободы.

Михаилъ Бакунинъ.

XV.

31 Октября (1862 ?)

Любезный Бакунинъ, я твоего письма къ графинѣ *) не послалъ; у меня не было ея адреса. Теперь онъ есть, но я разсуждаю: если Л. говоритъ о ея поѣздкѣ, то поздно, и

*) Вѣроятно, гр. Саліасъ, — извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Евгеніи Туръ. М. Др.

затерявшись, письмо можетъ надѣлать бѣдъ. Если не о ней, то вовсе не поздно, потому что значитъ она долго не уѣдетъ и письмо твое не опоздаетъ. Компрометировать ее я боюсь изъ за тысячи причинъ, а не застань ее письмо, — это было бы finis. Напиши же мнѣ тотчасъ, — о ней ли говоритъ Л. или не о ней. Если не о ней, то я тотчасъ пошлю. Надѣюсь, что ты поймешь мое «dans le doute abstiens toi» и не поставишъ мнѣ въ вину. Въ этомъ случаѣ мнѣ бы этого не хотѣлось, потому что, конечно, лично для тебя я готовъ сдѣлать отъ души все, что по силамъ, не только такой пустякъ, какъ посылка письма.

Но теперь о безличномъ. Въ безличномъ я на тебя не то что сердитъ, Бакунинъ, а я утрачиваю въ тебя мою человѣческую вѣру. Не сердись на меня за откровенность, какъ сердятся обыденные французы; а просто задумайся искренно и спроси себя по совѣсти, правъ я или нѣтъ.

Вотъ факты:

Когда пришелъ указъ о томъ что $^{5}/_{1000}$ не значитъ 25,000 рекрутъ съ городовъ, я вспрыгнулъ отъ радости, видя въ этомъ пресѣченіе попытки гибельной для блага Россіи, для нашихъ убѣжденій, для народной свободы, для всего что намъ свято и дорого. Ты же перемѣнился въ лицѣ отъ дезоріентаціи, въ которую это обстоятельство тебя поставило. Ты затѣмъ и хочешъ вредной попытки, потому что она тебѣ даетъ занятіе, хотя бы и вредила дѣлу. Войди въ глубь самого себя — и очистись. Говорю не въ укоръ, а какъ мольбу о томъ, чтобъ ты выше себя поставилъ дѣло, выше себя свою человѣческую чистоту.

За тѣмъ вижу твою записку, гдѣ ты сердишься на судебную реформу и хочешь писать о ней. Пиши, Бакунинъ. Но спроси себя искренно, — работалъ ты когда нибудь надъ судебнымъ вопросомъ, — не то ужъ что читалъ и изучалъ — а думалъ ли когда нибудь серьезно? Вообще государственный вопросъ, вопросъ общественнаго учрежденія, — помимо агитаціи, — занималъ когда нибудь серьезно твою мысль? Спроси себя искренно, становясь передъ правдой, какъ христіанинъ передъ Христомъ, — и рѣшай самъ.

Для меня наше поведеніе ясно: правительство дѣлаетъ $^{1}/_{2}$ переворота — 1) освобожденіе крестьянъ, 2) судебная реформа, 3) дробь падаетъ на губернскія думы. Всѣ

три штуки какъ учрежденіе зыбки, а какъ переворотъ ставятъ безвозвратно новую Россію. Но въ этихъ $2^1/_2$ реформахъ правительство истощаетъ свои задачи; дальше оно реформировать не можетъ, а эти реформы только недоконченности. Стало — пока онѣ всѣ не начаты de facto, русскій запросъ будетъ таиться и ты его ничѣмъ не вызовешь къ дѣлу. Какъ скоро онѣ начнутся въ практикѣ, ты не удержишь дѣла и необходимость выборного законодательнаго собранія или будетъ дана по требованію или произведетъ возстаніе. Этотъ конецъ надо готовить, готовить прочно, терпѣливо и безостановочно. Ближе 69 года ты его не приготовишь; онъ не имѣетъ данныхъ ближе сложиться, а къ этому времени естественно истощатся правительственныя реформы. Этотъ путь такъ ясенъ, что, не потерявши разсудка, нельзя не видѣть его. Доживемъ ли мы, — это другой вопросъ, да я думаю и второстепенный. Что хочется дожить — участвовать, что будешь работать до издыханія, — это все такъ, это слишкомъ естественно. Представь себѣ, что я бы влюбился въ дѣвушку, которая еще не доросла. Настоящая любовь, человѣческая любовь скажетъ: — пусть выростетъ и да будетъ счастива, съ кѣмъ бы то ни было; если случится, что меня полюбитъ, — спасибо судьбѣ за счастье: а умру я прежде, — лишь бы она была счастлива. Этого преданнаго отношенія къ дѣлу требую я. Всякое чувство самолюбивой ревности — я считаю безнравственнымъ преступленіемъ.

Тутъ была написана вещь, которая оказалась несправедливостью и потому прошу прощенія.

Если ты ищешь себѣ занятія, хотя бы по дорогѣ погибла на долго русская свобода и ростъ внутренней организаціи народа, — я врагъ тебѣ.

А покамѣсть Твой другъ Огаревъ.

Л. адресъ исправленный я отправилъ, но списать не успѣлъ. Онъ пришлетъ.

Вѣроятно, въ послѣднихъ словахъ рѣчь идетъ о проэктѣ адресса о созваніи земскаго собора, напечатаннаго нами въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену» стр. 155 и слѣд. Это соображеніе даетъ намъ основаніе поставить это письмо въ 1862 годъ.

XVI.

10 Ноября 1862.

Любезные друзья. Письмо Кельсіева я прочелъ и оно совсѣмъ помирило меня съ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно возбудило во мнѣ нѣсколько мыслей, которыя считаю нужнымъ передать на ваше серьезное и, надѣюсь, внимательное обсужденіе.

Передъ явнымъ, систематическимъ и, должно признаться теперь, умнымъ гоненіемъ правительства на всѣ лондонскія изданія, клонящимся къ совершенному уничтоженію нашей пропаганды въ Россіи, мы должны наконецъ сами выйти изъ постыдной и гибельной апатіи и противопоставить враждебному дѣлу союзное дѣло.

Раскрыть во что бы то ни стало широкія и постоянныя сообщенія съ Россіею стало дѣломъ первой и ближайшей необходимости. Медлить и тянуть, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, не значитъ еще обдумывать и поступать практично. Время есть сила, которую терять не простительно. И потому съ полною обдуманностью, но не теряя времени, должно приступить къ дѣлу.

Я радъ, что вы рѣшились наконецъ послать Б. въ Сѣверную Германію, и предлагаю вамъ послать Жуковскаго на Востокъ, отчасти на помощь Кельсіеву, отчасти и преимущественно съ самостоятельнымъ порученіемъ. Это предложеніе раздѣляется на двѣ части, одна отвѣчающая на вопросъ, полезна ли будетъ посылка Жуковскаго и именно на Востокъ? а другая на вопросъ о средствахъ.

Поговоримъ о пользѣ: — Вы видите изъ письма Кельсіева и вѣроятно догадывались прежде, что для насъ на Востокѣ плодовитаго дѣла тьма, — какъ политическаго, такъ и коммерческаго, — и что оба тѣсно между собою связаны: — Пропаганда на старовѣровъ въ Турціи и въ Австріи и черезъ нихъ на Россію, устройство складочнаго мѣста и правильной торговли черезъ Константинополь и Галацъ на Одессу, устройство правильной пропаганды черезъ Кавказъ на войско кавказское и далѣе на Донъ — и прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды черезъ армянъ на Тифлисъ и на Волгу даже до Нижняго Новгорода. На все это при

всей ревности Кельсіева его одного не станетъ. А дѣло, какъ вы сами видите и знаете, животрепещущей, неотлагательной важности. — «Куй желѣзо, пока горячо» пословица драгоцѣнная, которую вы, къ сожалѣнію, часто забываете. Я предоставилъ бы Кельсіеву раскольниковъ турецкихъ, бѣлокриницкихъ и все съ ними связанное, а также устройство путей сообщенія черезъ Галацъ и другія мѣста въ Одессу. Жуковскому и Кельсіеву вмѣстѣ поручилъ бы устройство складочнаго мѣста въ Константинополѣ. Но Жуковскому исключительно всѣ дѣла по Кавказу, по Грузіи, по Волгѣ и по Дону. Не стану распространяться, письмо дополню разговоромъ. Мнѣ кажется, вы бы желали послать въ Константинополь Сохновскаго. По моему крѣпкому убѣжденію, Жуковскій будетъ тамъ въ тысячу разъ полезнѣе. Онъ яснѣе, практичнѣе и крѣпче въ мысляхъ, привыкъ къ дѣлу и безъ сомнѣнія способнѣе къ дѣлу коммерческому, чѣмъ Сохновскій, — а тутъ коммерція и политика неразрывны. Къ тому жъ въ Турціи должно держать себя очень ловко: пользуясь покровительствомъ турецкаго правительства и польскихъ аристократовъ, должно не только что не быть, но даже и не казаться ихъ орудіемъ внутри ли Турціи, напр. противъ болгаръ, которыхъ турки душатъ по турецки, а поляки насильственно и подлымъ образомъ развращаютъ, по іезуитски обращая ихъ въ католицизмъ — или внѣ Турціи, въ Россіи, напр. на Дону, гдѣ и турки и поляки и даже сами турецкіе раскольники, по свидѣтельству самого Кельсіева, преслѣдуютъ анти-народно-русскую политику. Не только Сохновскаго, но даже Кельсіева одного на это не станетъ, — надо послать ему на помощь Жуковскаго съ подробною и пространною, обязательною инструкціею для нихъ обоихъ и по моему мнѣнію должно послать какъ можно скорѣе, ни какъ не позже мѣсяца. Мѣсяцъ необходимъ и для пріобрѣтенія турецкаго паспорта, что я берусь сдѣлать черезъ моего друга Булгара и для первой прочной и ясной обстановки новаго ассоціаціоннаго производства.

Теперь поговоримъ о средствахъ:

Каждому изъ нихъ надо положить не менѣе 2000 фр., да на разъѣзды по 1000 фр. въ годъ = 3000 фр. Да Варварѣ Тимофеевнѣ около 2000 фр. и того 8000 франковъ. Гдѣ ихъ взять?

Есть только два источника.

1. Подъ твоимъ поручительствомъ, Герценъ, и съ займомъ или у тебя или отъ новой ассоціаціи изъ фонда, котораго лучше и плодотворнѣе употребить для общаго дѣла невозможно и который, должно надѣяться, дастъ болѣе 8000 фр. Деньги же не потребуются всѣ вдругъ, но въ разные сроки, положимъ по 2000 въ каждую четверть.

2. Вся сумма, или по крайней мѣрѣ 6000 фр. на обоихъ агентовъ, или по крайней мѣрѣ половина всей суммы, должна, по моему мнѣнію, выдана ассоціаціею, какъ летучій капиталъ продуктивнаго потребленія. Я прибавилъ бы къ этому еще 2000 фр. на содержаніе постояннаго агента въ Сѣверной Германіи на русско-польской границѣ, о чемъ скажу нѣсколько словъ ниже. Безъ предварительной жертвы продуктивно потребительнаго капитала, безъ обдуманнаго смѣлаго риска никакое торговое дѣло состояться не можетъ. Смѣлость разумной иниціативы, вѣра въ разсчеты разума составляютъ всю благородную сторону торговли. Къ томужъ въ нашемъ дѣлѣ рискъ состоитъ только въ выборѣ людей. Открытіе путей сообщенія возможно, нужно только умѣть воспользоваться этою зозможностью.

Если вѣрные, правильные, широкіе пути сообщенія будутъ открыты какъ на Западѣ, такъ и на Юго-Востокѣ, то капиталъ потраченный на агентовъ вознаградится сторицею. Предоставляю Огареву разсчитать финансовымъ образомъ, какая часть жертвъ и выгодъ выпадетъ на долю фонда и какая на долю ассоціаціи, а также и приблизительную долю писателей. — Потомъ можно будетъ подумать и объ агентѣ въ Швеціи.

Знаю только одно, что если вы теперь не дерзнете, то никогда ничего не сдѣлаете. Въ послѣднее время намъ открылось множество средствъ и дорогъ, которыя требуютъ только прочной организаціи. — На западѣ поляки, на востокѣ все то, о чемъ пишетъ Кельсіевъ. — Требуется только ума, да смѣлой рѣшительной воли — успѣхъ несомнѣненъ.

Теперь объ агентѣ въ Германіи. — Еслибъ мы были увѣрены въ Блюмерѣ, то можно было бы употребить его. Но я предпочелъ бы человѣка совсѣмъ не компрометированнаго, дѣльнаго, честнаго, но очень скромнаго и очень осторожнаго, съ которымъ бы имѣли дѣло и о которомъ знало бы

самое малое число людей. Такой человѣкъ, съ русскимъ не запятнаннымъ паспортомъ, войдя въ скромныя и тайныя отношенія съ необходимими нѣмцами и поляками, принесъ бы безконечную пользу. Онъ могъ бы жить въ Берлинѣ, а въ случаѣ необходимости ѣздить въ Бреславль, или куда будетъ нужно. Не можетъ ли Б. выбрать одного изъ скромныхъ русскихъ, учащихся въ берлинскомъ университетѣ — 2000 фр. бѣдному человѣку будетъ огромною помощью, вмѣстѣ съ тѣмъ они обяжутъ того, который возьметъ ихъ и который будетъ поэтому смотрѣть на дѣло не какъ на вольное диллетанство, а какъ на обязательную службу.

Косеиловскому написалъ. Написалъ также и своему Булгару, на всякій случай, чтобъ узнать, возьмется ли онъ доставить мнѣ турецкій паспортъ.

А за тѣмъ Вашъ М. Бакунинъ.

Фондъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, по всей вѣроятности, — деньги, 25.000 фр., оставленные Бахметьевымъ Герцену и Огареву (см. въ Посмертныхъ Сочиненіяхъ Герцена) а что такое Ассоціація, мы не знаемъ. По всей вѣроятности, что одна изъ ефемерныхъ политическихъ группъ, какія часто составляютъ русскіе люди.

Нечего говорить, что широкіе планы, которые изложилъ здѣсь Бакунинъ, выполнены не были. Только Н. И. Жуковскій пробылъ нѣкоторое время въ Германіи, наблюдая за распространеніемъ изданій Лондонской «Вольной Русской Типографіи».

XVII.

Еммѣ толстѣйшей
и благороднѣйшей
изъ смертныхъ.

19/7 Ноября 1862. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Моя милая, моя добрая, моя благородная и толстѣйшая Emma. Наконецъ получилъ отъ васъ живое слово. Спасибо вамъ. Но не веселое вы мнѣ пишете. Antonie еще въ Иркутскѣ; — изъ вашихъ словъ я долженъ понять, что она

почти желаетъ остаться тамъ. — Если такъ, если у ней самой нѣтъ рѣшительной потребности ѣхать ко мнѣ, если поѣздка ея ко мнѣ будетъ сопряжена съ малѣйшей жертвой, если ей можетъ быть хорошо и безъ меня, то, ради Бога, пусть обо мнѣ не думаетъ, пусть остается. Вы говорите, что она ждетъ моего послѣдняго, рѣшительнаго слова. Вотъ оно: она свободна, и по праву, и по справедливости, да по моему искреннему, сердечному благословенію, она можетъ располагать собою, имѣя въ виду только свое счастье, которое для меня дороже всего. Ея право несомнѣнно, и за скорымъ оффиціальнымъ признаніемъ его дѣло не станетъ. — Но и въ такомъ случаѣ, любезный другъ, я буду просить, остаться ей и семейству ея другомъ. Они, бѣдные, оторванные отъ своего прежняго круга, перенесенные мною же въ чуждый имъ Иркутскъ, живутъ тамъ совершенно одни, безъ помощи, почти безъ друзей. — Ваша дружба къ нимъ будетъ имъ помощью а для меня хоть нѣкоторымъ успокоеніемъ.— Будьте совѣтникомъ, другомъ для Antonie, для Sophie, и не давайте Юліи Михайловнѣ со страху лишать сыновей своихъ университетскаго воспитанія. Я жъ потребую отъ братьевъ, чтобъ они выдѣлили и отдали Antonie мою часть въ имѣніи, въ которой я самъ рѣшительно ужъ нуждаться не буду. — Эта часть не фикція, она составитъ довольно значительный капиталъ. Но если Antonie сама хочетъ ко мнѣ, тогда пусть ѣдетъ скорѣе, я приму ее съ восторгомъ. Вѣдь она въ моей любви сомнѣваться не можетъ. Вотъ вамъ и ей мое послѣднее и рѣшительное слово. — Пусть теперь она рѣшается, не спрашивая ничего и никого, кромѣ своего сердца — сердце не лжетъ никогда, когда человѣкъ по какимъ бы то нибыло внѣшнимъ или внутреннимъ соображеніямъ, не заставляетъ его лгать насильственно. — Что теперь вамъ говорю, то пишу и ей — пусть выбираетъ по совѣсти и пусть смѣло и твердо произноситъ рѣшеніе надъ нами обоими. Я самъ жду его, потому что жизнь моя должна опредѣлиться тѣмъ, пріѣдетъ ли она, или нѣтъ. — Если не пріѣ[illegible] буду считать себя вправѣ пустить себя въ болѣе [illegible]ый оборотъ по дѣлу, которому вмѣстѣ съ нею до[illegible]ъ принадлежала жизнь моя, и которому я буду [illegible]принадлежать исключительно. — Я можетъ быть былъ [illegible]давно ужъ въ Варшавѣ или даже въ Россіи, еслибъ не

ждалъ Antonie. — Вы просите новостей. Да чтожъ я вамъ скажу интереснаго? Надъ политикой вы смѣетесь, а я не хожу ни въ театръ, ни въ ассамблеи и модами не занимаюсь, — могу говорить только о политикѣ. Такъ вотъ видите ли, сударыня вы моя, удалось намъ наконецъ заключить союзъ оборонительный и наступательный съ польскимъ центральнымъ народнымъ коммитетомъ въ Варшавѣ для низверженія союзными силами настоящаго порядка вещей. Войска наши въ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ Украйнѣ, т. е. офицеры двухъ корпусовъ вошли ужъ въ союзъ и образовали военный комитетъ съ слѣдующимъ лозунгомъ: «Земля и воля» — опредѣляющимъ цѣль и смыслъ предполагаемаго движенія. — Что — страшно? а? — Постойте — будетъ еще страшнѣе. — Къ веснѣ будетъ въ Царствѣ Польскомъ возстаніе польско-русское, въ которомъ безъ сомнѣнія теперь и я приму участіе. — Вотъ вамъ, сударыня, на первый разъ и довольно, — а если не довольны, пеняйте на себя, другой разъ не требуйте отъ меня новостей. Военные комитеты распространяются по цѣлой Россіи вмѣстѣ съ осаднымъ положеніемъ, вводимымъ вездѣ правительствомъ, — и связываются между собою. Союзъ нашъ съ несчастною, измученною Польшею благословленъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. — Всѣмъ воля, а границы между нами, Польшею и Украиной естественно опредѣлятся свободною волею освобожденныхъ народовъ — послѣднее слово: Славянская федерація, а что славянину здорово, то нѣмцу смерть. — Въ Россіи производится теперь повсемѣстная агитація, цѣль которой созваніе Всенароднаго Земскаго Собора, единоспособнаго рѣшать мирно, безкровно вопросы неотлагательные, но для правительства нашего неразрѣшимые. — Знаю, что все это будетъ вамъ очень не по сердцу и что вы будете меня страшно бранить, но такъ вѣрю въ ваше благородство, что не боюсь вамъ высказать правду. Къ тому же все это и для самого правительства ужъ не тайна — оно видитъ опасность; но противъ нея нѣтъ оружія.

И такъ, любезный другъ, возвращаюсь къ тому, что мнѣ еще дороже: пусть прежде всего Antonie будетъ счастлива. Если ей нужно остаться, — пусть остается, — я не стану ей на дорогѣ, и не буду преградою къ ея счастью. Если ей нужно ѣхать ко мнѣ, тогда помогите ей выѣхать —

сначала въ Россію. — Деньги ей высланы. — Держать ее не могутъ. — Да наконецъ жена, ищущая мужа, можетъ и безъ позволенія уѣхать. — Никто, даже это правительство, не упрекнетъ ее въ этомъ. — Пусть ѣдетъ сначала къ моимъ роднымъ въ Россію, — главное выбраться ей изъ Иркутска, — потомъ ко мнѣ. — Но дай Богъ мнѣ скорѣе узнать о ея послѣднемъ рѣшеніи, а на что бы она не рѣшилась, пусть будетъ она счастлива.

Addio. Вашъ М. Б.

XVIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

19/7 Ноября 1862. Лондон. 10. Paddington Green. W.

Пользуюсь новымъ адресомъ, даннымъ мнѣ г. Ch. Mitchell Grant, во первыхъ чтобы попросить васъ передать прилагаемое письмо женѣ моей Антоніи Ксаверьевнѣ, если она еще въ Иркутскѣ, или въ ея отсутствіи Юліи Михайловнѣ или Софіи Ксаверьевнѣ Квятковскимъ. Съ завтрашняго дня начну пересылать тѣмъ же адресомъ «Колоколъ».

Вопервыхъ мой адресъ черезъ Пекинъ.

England—London. per Overland Mail.
via Shanghai and Marseilles
F. P. Koe
for remitting to Fanny Althorp.
2. Wettcombe. Park-Road
Blackheath-Kent

Кажется ясно. — Пишите чаще, я буду акуратнымъ кореспондентомъ и комисіонеромъ, и, если можете, дайте мнѣ извѣстіе о моей бѣдной женѣ, по которой у меня сердце изныло. Напишите ужъ для того, что вещи, посылаемыя къ вамъ до васъ доходятъ, а то вѣдь не будетъ охоты къ вамъ посылать. Какъ мнѣ приказано, я посылаю это письмо и буду посылать газеты, книги, брошюры, пожалуй цѣлыми пакетами на фирму Lane Crawfort et C. à Tien-Tsin съ

просьбою пересылки чрезъ Русское посольство въ Пекинѣ г-ну N. N., если его нѣтъ болѣе въ Тянзинѣ. Ваше дѣло судить хорошъ ли этотъ адресъ или нѣтъ, и если нужно, поправьте его, только толково и четко. Ваше дѣло также поручить г-ну N. N. разсчитываться съ домомъ Lane Crawford et C. за пересыльныя издержки. Мы здѣсь не только скупимся, но собираемъ, какъ вы увидите изъ «Колокола», деньги въ нашъ лондонскій фондъ на «русское дѣло», которое изъ области теоріи на всѣхъ парусахъ летитъ въ міръ практическихъ разрѣшеній... А вы въ Сибири богаты, собирайте и присылайте въ фондъ, если хотите, по тому же самому адресу. Я жъ съ своей стороны, по немногу перешлю вамъ много интереснаго.

Всѣмъ помнящимъ и любящимъ меня дружескій поклонъ.

Это письмо, очевидно, не было отправлено. Возможно, что то же случилось и съ письмомъ № XVII, — такъ какъ оба письма находятся у насъ въ оригиналахъ.

XIX.

AU GOUVERNEMENT CENTRAL DE L'INSURRECTION POLONAISE

Lorsque le mouvement polonais a éclaté, nous, vos amis russes à St-Pétersbourg et à Londres, nous avions espéré qu'une partie des troupes russes, cantonnées dans le royaume de Pologne, s'unirait à vous. Les rapports que nous recevions, nous donnaient lieu de croire que, mieux inspirés cette fois qu'en 1831, nos officiers et nos soldats comprendraient que pour servir noblement et efficacement leur patrie, ils devraient se soulever avec vous contre le gouvernement de St-Pétersbourg, qui, tout en vous égorgeant, déshonore et perd la Russie. Nos espérances ne se sont pas encore réalisées. A qui la faute? Nous étions-nous trompés sur les dispositions des troupes russes? — Non, ces dispositions, tant dans beaucoup de régi-

ments d'infanterie que dans l'artillerie, étaient excellentes ; ces soldats attendaient avec impatience le signal de la révolte. Pourquoi ne se sont-ils pas soulevés ?

Dieu me garde de tomber dans les récriminations. D'ailleurs, nous autres Russes, et surtout dans le moment actuel, nous aurions mauvaise grâce de nous permettre le moindre reproche à la nation polonaise. Mais pour bien apprécier la situation actuelle, il nous faut constater un fait.

Le Comité Central de Varsovie, qui d'abord semblait avoir tenu à cœur l'alliance avec le parti révolutionnaire en Russie et avoir beaucoup compté sur les dispositions sympathiques des troupes cantonnées en Pologne, — semble dans le dernier moment critique avoir complètement changé de pensée, et, se défiant des assurances positives et bien fondées de nos officiers, — il semble avoir cru que compter sur le secours des troupes russes eût été une folie, mais qu'il fallait profiter de leur ébranlement moral et de l'hésitation qui devait en être la conséquence naturelle, pour tomber sur elles à l'improviste et pour les désarmer. Les Polonais d'ailleurs manquant d'armes, il fallait les prendre de force aux soldats. Moralement parlant les Polonais étaient dans leur droit, car tant qu'il se trouve un soldat russe sur le territoire polonais, à moins qu'il ne soit un allié, un ami, il est hors la loi. Donc rien de plus naturel et de plus légitime que de l'attaquer et de le tuer pour s'emparer de ses armes. Je crois seulement que le Comité Central de Varsovie a commis une faute de calcul : il ne s'est pas procuré beaucoup d'armes par ce moyen, mais il a détruit d'un seul coup le travail d'un an ; il s'est privé d'un secours important, je dirai formidable, contre le gouvernement russe, qui, ruiné et tout à fait démoralisé intérieurement et méprisé au dehors, eût été incapable de lutter contre les Polonais et les Russes réunis. L'union était-elle possible ? Oui, car la propagande avait été efficace et nos soldats avaient attendu avec impatience l'heure de la délivrance, et au premier cri de révolte, jeté par les patriotes polonais, plusieurs compagnies avaient *prêté serment* sur le drapeau populaire portant cette inscription : Zemlia i Wolia, et n'attendaient plus que l'approche des bandes révolutionnaires, pour se joindre à elles. Mais lorsque celles-ci, au lieu de leur tendre la main, tombent sur elles pour les désarmer de force, c'est-à-dire pour les égorger, alors changeant néces-

sairement d'humeur, ces mêmes soldats si bien préparés, et qui étaient sur le point de se soulever avec vous et pour vous, devinrent vos ennemis acharnés. Il est à craindre maintenant que leur exaspération ne soit d'autant plus forte que leurs dispositions sympathiques et leurs espérances avaient été d'abord larges et sérieuses. Le gouvernement russe s'efforcera naturellement à attiser et à envenimer toutes leurs mauvaises passions... Cela deviendrait alors au lieu de l'alliance désirée, espérée, entre les Polonais et les Russes une guerre de destruction, un grand malheur qui ne pourrait profiter qu'aux Allemands de Berlin et de St-Pétersbourg, et qui, permettez-moi de vous le dire, messieurs, perdrait encore une fois la Pologne.

La Pologne, avec tout cet héroïsme qui fait maintenant l'admiration du monde, pourra-t-elle résister à l'invasion combinée des troupes russes et prussiennes, si vos paysans ne se soulèvent pas en masse sur toute l'étendue du territoire polonais et si la révolution polonaise aussi bien politique que sociale, prenant le caractère terrible d'un *Chlopski Ruch* et suivant son cours naturel, ne roule pas ses flots dans la Lithuanie, dans l'Ukraine et jusque dans l'empire russe? Je ne le pense pas. Vos paysans hésitent encore, parce qu'ils ne vous croient pas assez forts ; mais lorsqu'ils verront des troupes russes mêlées à vos rangs, ils céderont à un entraînement invincible.

L'union des troupes russes au mouvement polonais est pour nous une question de réhabilitation morale et d'honneur, pour vous c'est une question de salut. En vue de cette nécessité imminente resterons-nous les bras croisés et n'unirons-nous pas nos efforts, vous, gouvernement provisoire de l'insurrection polonaise et nous, révolutionnaires de la Russie, pour réparer le mal fait? Si vous pensez, messieurs, que tel est votre devoir et le nôtre, je mets à votre service toute ma bonne volonté et la coopération active de mes amis-compatriotes à Londres, à Pétersbourg et surtout en Pologne. Nous pouvons vous aider de deux manières: d'abord par une diversion en Russie, en inquiétant le gouvernement par des agitations intérieures et en l'empêchant de concentrer toutes ses forces contre vous. Pour cela nous tâcherons d'accélérer l'organisation secrète et la propagande dans l'armée, ainsi que dans les provinces, afin que si votre révolution s'étend jusqu'aux frontières de la Russie, elle y soit ac-

cueillie et continuée fraternellement. Malheureusement elle nous a pris à l'improviste. Nous vous l'avons dit il y a quelques mois, et nos amis de Pétersbourg vous l'ont répété, nous ne sommes pas encore prêts du tout, et si nous étions abandonnés à nous-mêmes, il nous faudrait sans doute un an, peut-être deux ou même trois ans pour l'organisation de nos forces. Pourtant je ne doute pas que si les paysans de la Lithuanie et de l'Ukraine se soulèvent en masse, ceux de la grande Russie ne se soulèvent aussi, et vous pouvez être sûrs que nous ne dormons pas.

Le second moyen de vous servir serait de former en Pologne et dans le camp même de la révolution polonaise une *légion russe*. C'est là mon objet principal et mon vœu le plus cher. Il n'y a aucun doute que l'existence d'une légion nationale russe avec ce drapeau magnifique : *La Terre et la Liberté* produirait un effet moral immense et sur toute l'armée russe dirigée contre vous et sur toute la Russie. Le seul fait de son existence équivaudrait à plusieurs batailles gagnées. Malheureusement la réalisation de ce projet est devenue sans comparaison plus difficile qu'elle ne l'eût été il y a un mois. Je ne reviendrai pas sur nos griefs. D'ailleurs, je vous le répète, vous avez été parfaitement dans le droit d'agir comme vous l'avez fait. Mais vous ne vous étonnerez pas de ce que le système que vous avez adopté, après mûre délibération sans doute, système qui excluait toute foi dans la sympathie et dans la coopération des troupes russes, ait produit dans les dispositions de celles-ci une réaction regrettable. Les troupes russes sont exaspérées et sont poussées par leurs chefs à des atrocités exécrables, qui, en réveillant les haines et les vengeances des populations polonaises, menacent de transformer cette guerre en une lutte à mort, en une tuerie atroce. C'est notre devoir à nous, vos amis russes quand même, de nous jeter entre les soldats russes et vous, pour empêcher, s'il en est encore temps, la consommation de notre honte et de votre malheur, pour sauver en même temps et la révolution polonaise et la révolution russe, en cherchant à réconcilier le peuple polonais avec les soldats russes et en nous efforçant de ramener ces derniers à des sentiments plus humains. La tâche est difficile et elle deviendra impossible si vous n'êtes pas pénétrés au même degré que nous de la nécessité imminente de cette réconciliation, et si vous ne nous aidez

pas largement et de plein cœur. Vous nous avez mis, mes amis et moi, dans une position excessivement délicate et critique. Après tant de paroles sympathiques échangées, après toutes les conventions arrêtées, conclues, ratifiées, nous ne sommes pas même sûrs aujourd'hui que vous vouliez de nous. Je vous ai écrit pendant ces trois derniers mois lettre sur lettre, je vous suppliais de me dire si je devais aller en Pologne ; je n'ai pas reçu un mot de réponse et vous m'avez fait dire par mes amis Brown et Żebrowski que je n'avais qu'à rester à Londres et que je n'avais rien à faire parmi vous. Vous en avez agi de même avec Żebrowski, qui vous a pourtant donné des preuves irrécusables d'un dévouement sans bornes ; vous l'avez pour ainsi dire chassé de la Pologne. Le proverbe russe dit : « Насильно милъ не будешь », et si vous persistez dans ces dispositions envers nous, vous ferez bien de nous le dire, comme vous l'avez déjà fait, car, privés de votre sympathie et de votre confiance, nous ne serons rien en Pologne, nous n'y pourrons rien.

Pour que la formation d'une légion russe en Pologne soit possible, il faut d'abord que le Gouvernement central polonais soit bien convaincu de son utilité pour la cause polonaise, et qu'il fasse partager cette conviction par tous les chefs principaux de l'insurrection polonaise, car si ces derniers montrent de la mauvaise volonté, ou seulement de l'indifférence, mieux vaudra ne pas commencer, cette affaire ne pouvant réussir qu'à condition qu'elle soit fortement et constamment soutenue par les sympathies polonaises. Il faut alors que vous ne vous laissiez pas entraîner par la passion si naturelle des représailles, ou du moins que vous ne frappiez que les généraux, les colonels, inclusivement jusqu'aux majors, surtout les officiers allemands et en général tous les officiers qui seront désignés comme méchants et oppressifs par la voix des soldats russes prisonniers. Quant à ceux-ci, après les avoir retenus assez de temps pour qu'ils puissent se pénétrer de l'esprit des Polonais, il faudrait laisser s'en aller ceux d'entre eux qui ne voudront pas faire partie de la légion polonaise, car ils deviendront autant de propagateurs dans le sein de l'armée russe, dans laquelle ils retourneront.

Ne pensez pas, messieurs, que je prétende vous imposer des conditions ; je vous dis simplement celles qui me paraissent

nécessaires pour que la formation d'une légion russe en Pologne soit possible. C'est à vous à décider, si vous en voulez une ou non.

A cette heure solennelle, où le sort de nos deux pays se décide, je vous adjure de me répondre catégoriquement et franchement : Avez-vous confiance en nous ? Voulez-vous que je vienne en Pologne ? Désirez-vous la formation d'une légion russe ? Pouvez-vous, voulez-vous consentir à toutes les conditions sans lesquelles elle ne saurait exister ? Voici ce que je vous demande de me dire avec la franchise qui convient à des hommes qui se battent pour la liberté. Et dans tous les cas, j'espère que vous ne me refuserez pas au moins une réponse. Cette réponse dictera ma conduite et j'espère, messieurs, que ce sera une réponse sympathique. Je l'espère et pour vous et pour nous, car quoi qu'on en dise, nos causes sont inséparables ; mais qu'elles le soient ou non, nous faisons tous ici des vœux ardents pour votre triomphe sans conditions et quand même.

Londres, 2 Février 1863.

ПЕРЕВОДЪ

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

Когда вспыхнуло польское движеніе, мы, ваши русскіе друзья въ Петербургѣ и Лондонѣ, надѣялись, что часть русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, соединится съ вами. Свѣдѣнія, какія мы получали, давали намъ основаніе вѣрить, что на этотъ разъ наши офицеры и солдаты, лучше настроенные, чѣмъ 1831 г., поймутъ, что для благороднаго и дѣйствительнаго служенія ихъ отечеству, они должны подняться вмѣстѣ съ вами противъ правительства С.-Петербургскаго, которое, рѣжа васъ, безчеститъ и губитъ Россію. Наши надежды еще не осуществились. Кто виноватъ? Были ли мы обмануты относительно настроенія

русскихъ войскъ? — Нѣтъ, это настроеніе во многихъ полкахъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и артиллерійскихъ, было превосходно; солдаты ждали съ нетерпѣніемъ сигнала къ бунту. Почему же они не возстали?

Боже меня сохрани отъ обвиненій! Да впрочемъ намъ, русскимъ, особенно въ настоящее мгновеніе, было бы неприлично позволить себѣ малѣйшій упрекъ націи польской. Но чтобъ хорошо оцѣнить настоящее положеніе, надо констатировать одинъ фактъ.

Центральный комитетъ въ Варшавѣ, который сначала, казалось, принималъ къ сердцу союзъ съ революціонною партіей въ Россіи и много разсчитывалъ на симпатическое настроеніе войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, кажется въ послѣднюю критическую минуту перемѣнилъ совершенно мысли и, не довѣряя положительнымъ и достаточно основательнымъ увѣреніямъ нашихъ офицеровъ, кажется, повѣрилъ, что разсчитывать на помощь русскихъ войскъ было бы глупостію, а что надо пользоваться ихъ нравственнымъ потрясеніемъ и колебаніемъ, которое должно было быть послѣдствіемъ перваго, чтобъ напасть на нихъ неожиданно и разоружить ихъ. Такъ какъ у поляковъ не доставало оружія, то тѣмъ болѣе надо было взять его силою у солдатъ. Съ нравственной точки зрѣнія поляки были правы, ибо пока хоть одинъ солдатъ находится на землѣ польской, если только онъ не союзникъ, другъ, онъ внѣ закона. Слѣдовательно нѣтъ ничего естественнѣе, какъ напасть на него и убить, чтобъ завладѣть его оружіемъ. Я думаю впрочемъ, что Центральный Комитетъ въ Варшавѣ ошибся въ расчетѣ; онъ не пріобрѣлъ много оружія такимъ способомъ, но сразу разрушилъ работу цѣлаго года; онъ лишился помощи важной, я скажу: страшной, противъ русскаго правительства, которое, будучи разорено и совсѣмъ обезкуражено внутри и презираемо извнѣ, было бы не способно бороться противъ русскихъ и поляковъ соединенныхъ. Было ли возможно это соединеніе? Да,— такъ какъ пропаганда имѣла послѣдствія, и наши солдаты ждали съ нетерпѣніемъ часа освобожденія, и при первомъ крикѣ возстанія, изданномъ польскими патріотами, многіе отряды присягнулина народомъ знамени, носившемъ надпись «Земля и Воля», и ждали только приближенія революціонныхъ отрядовъ, чтобъ присоединиться къ нимъ.

Но когда послѣдніе, вмѣсто того чтобъ протянуть имъ руку, напали на нихъ, чтобъ силою ихъ разоружить, т. е. перерѣзать ихъ, тогда, по необходимости перемѣняя мысли, тѣже солдаты, такъ хорошо приготовленные, и расположенные возстать вмѣстѣ съ вами, стали вашими жестокими врагами. Теперь слѣдуетъ бояться, чтобъ ихъ отчаяніе не оказалось тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ были сначала широки и серьезны ихъ симпатіи и ихъ надежды. Русское правительство натурально постарается усилить и растравить всѣ ихъ дурныя страсти.... Тогда, вмѣсто желаемаго, ожидаемаго союза между поляками и русскими наступитъ разрушительная война, — великое несчастіе, которое принесетъ пользу только нѣмцамъ берлинскимъ и петербургскимъ — и которая, позвольте это сказать вамъ, господа, погубитъ еще разъ Польшу.

Польша, со всѣмъ этимъ героизмомъ, который теперь возбуждаетъ удивленіе міра, можетъ ли противустоять соединенному вторженію войскъ русскихъ и прусскихъ, если всѣ крестьяне не поднимутся массою на всемъ пространствѣ польской земли и если революція польская, столько же политическая, какъ и соціальная, принимая ужасный характеръ chłopskiego ruchu и слѣдуя своему естественному ходу, не направитъ своихъ волнъ въ Литву, въ Украйну и даже въ имперію русскую? Я не думаю. Ваши крестьяне колеблются еще, потому что не считаютъ васъ достаточно сильными; но когда они увидятъ русскія войска въ вашихъ рядахъ, они уступятъ увлеченію непобѣдимому.

Присоединеніе русскихъ войскъ къ польскому движенію есть для насъ вопросъ нравственнаго оправданія и чести, для васъ это вопросъ спасенія. Въ виду этой настоятельной необходимости останемся ли мы съ скрещенными руками и не соединимъ ли мы наши усилія, вы, временное правительство польскаго возстанія, и мы, революціонеры Россіи, чтобъ исправить сдѣланное зло? Если вы думаете, господа, что таковъ вашъ долгъ и нашъ, я отдаю на службу вамъ всю мою добрую волю и дѣятельную помощь моихъ друзей соотечественниковъ въ Лондонѣ, въ Петербургѣ и особенно въ Польшѣ. Мы можемъ помочь вамъ двумя способами: во первыхъ диверсіею въ Россіи, безпокоя правительство внутреннею агитаціею и мѣшая ему сосредоточить всѣ силы противъ васъ. Для этого мы будемъ стараться ускорить ор-

ганизацію тайной пропаганды въ арміи, а также въ провинціяхъ, чтобы, если ваша революція распространится до границъ Россіи, она была тамъ встрѣчена и продолжена братски. Къ несчастью, она насъ застала не приготовленными. Мы это говорили нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и наши друзья въ Петербургѣ повторили это, – мы и теперь не совершенно готовы, и если бъ мы были предоставлены самимъ себѣ, намъ надобенъ бы былъ, безъ сомнѣнія, годъ, можетъ быть два или даже три, для организаціи нашихъ силъ. Однакожъ я не сомнѣваюсь, что если крестьяне въ Литвѣ и Украйнѣ поднимутся массами, то и великорусскіе возстанутъ тоже,— и вы можете быть увѣрены, что мы не спимъ.

Второй способъ служить вамъ былъ бы составить въ Польшѣ и въ самомъ лагерѣ польской революціи рускій легіонъ. Это мое главное дѣло и мое желаніе самое дорогое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существованіе національнаго легіона русскаго съ великолѣпнымъ знаменемъ Земля и воля произвело бы нравственное впечатлѣніе огромное и на всю армію русскую, направленную на васъ, и на всю Россію. Самый фактъ его существованія былъ бы равенъ нѣсколькимъ выиграннымъ сраженіямъ. Къ несчастью осуществленіе этого проэкта стало теперь безъ сравненія болѣе труднымъ, чѣмъ было мѣсяцъ тому назалъ. Я не буду возвращаться къ нашимъ жалобамъ. Я повторяю вамъ, что вы были вполнѣ правы дѣйствовать такъ, какъ вы поступили. Но вы не удивитесь, что система, вами принятая, конечно, послѣ зрѣлаго размышленія, система, которая исключала всякую вѣру въ симпатію и содѣйствіе русскихъ войскъ, произвела въ настроеніи ихъ печальную реакцію. Русскія войска приведены въ отчаяніе и побуждаются начальниками къ ужаснымъ жестокостямъ, которыя, пробуждая ненависти и отмщеніе въ польскихъ населеніяхъ, угрожаютъ превратить эту войну въ борьбу на смерть, въ ужасную бойню. Нашъ долгъ, вашихъ друзей, не смотря ни на что, — броситься между солдатами русскими и вами, чтобъ помѣшать, если еще время, довершенію позора нашего и вашего несчастія, чтобъ спасти въ одно и тоже время и польскую революцію и революцію русскую, стараясь примирить польскій народъ съ русскими солдатами и усиливаясь привести послѣднихъ къ болѣе человѣческимъ чувствамъ.

Задача это трудная и она сдѣлается невозможною, если вы не проникнуты въ такой же степени, какъ и мы мыслію о настоятельной необходимости этого примиренія, и если вы не поможете намъ широко и отъ полнаго сердца. Вы поставили насъ, моихъ друзей и меня, въ положеніе чрезвычайно деликатное и критическое. Послѣ обмѣна столькихъ симпатическихъ словъ, послѣ столькихъ договоровъ, установленныхъ, заключенныхъ, ратификованныхъ, мы теперь не увѣрены даже, хотите ли вы насъ. Я вамъ писалъ въ это время письмо за письмомъ, умоляя васъ сказать, долженъ ли я итти въ Польшу; я не получилъ слова отвѣта, а черезъ моихъ друзей Брауна и Жебровскаго вы сказали мнѣ, чтобъ я оставался въ Лондонѣ и что мнѣ нечего дѣлать среди васъ. Вы также поступили съ Жебровскимъ, который однакожъ далъ вамъ неоспоримыя доказательства безграничной преданности; вы его, такъ сказать, прогнали изъ Польши. Русская пословица говоритъ: «насильно милъ не будешь», — и если вы будете оставаться съ такими мыслями относительно насъ, вы хорошо сдѣлаете, сказавши намъ это, какъ вы это уже сдѣлали, потому что лишенные вашей симпатіи и вашего довѣрія, мы будемъ въ Польшѣ ничто, мы не сможемъ тамъ сдѣлать ничего.

Для того чтобъ составленіе легіона русскаго въ Польшѣ было возможно, надо прежде всего, чтобъ центральное правительство польское было твердо убѣждено въ его полезности для дѣла польскаго, и чтобъ оно распространило это убѣжденіе среди всѣхъ начальниковъ польскаго правительства, потому что если послѣдніе покажутъ нерасположеніе или даже равнодушіе, то лучше и не начинать, такъ какъ дѣло можетъ удаться только при условіи, если оно будетъ сильно и постоянно поддерживаемо симпатіями польскими. Надо тогда, чтобъ вы не увлекались естественною страстью къ возмездію, или по крайней мѣрѣ надо, чтобъ вы били только генераловъ или полковниковъ, включительно до маіоровъ, особенно нѣмцевъ, и вообще всѣхъ офицеровъ, которые будутъ отмѣчены, какъ злые и притѣснители голосомъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Этихъ же плѣнныхъ, надо бы, продержавши нѣсколько времени, чтобъ они могли проникнуться духомъ поляковъ, выпускать изъ числа ихъ тѣхъ, которые не захотятъ принять участіе въ польскомъ легіонѣ, потому

что тогда они окажутся пропагандистами въ русской арміи, въ которую они возвратятся.

Не думайте, господа, что я думаю навязать вамъ эти условія; я вамъ только говорю тѣ, которыя мнѣ кажутся необходимыми для того, чтобъ образованіе легіона русскаго въ Польшѣ стало возможнымъ. Вамъ рѣшать, хотите ли вы того, или нѣтъ.

Въ этотъ торжественный часъ, когда рѣшается участь нашихъ двухъ странъ, я заклинаю васъ отвѣчать мнѣ категорически и откровенно: имѣете ли вы довѣренность къ намъ? Хотите ли вы, чтобъ я пришелъ въ Польшу? Желаете ли вы образованія легіона русскаго? Можете ли вы, хотите ли вы согласиться на всѣ эти условія, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать? Вотъ что я васъ прошу сказать мнѣ съ откровенностію, которая прилична людямъ, сражающимся за свободу. И во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы мнѣ не откажете по крайней мѣрѣ въ отвѣтѣ. Этотъ отвѣтъ мнѣ опредѣлитъ мое поведеніе, и я надѣюсь, господа, что это будетъ отвѣтъ симпатичный. Я надѣюсь этого и для васъ и для насъ, ибо, чтобъ тамъ кто ни гororилъ, а наши дѣла нераздѣльны; но такъ ли или иначе, а мы все таки всѣ выражаемъ горячія пожеланія вамъ успѣха, безусловнаго и во что бы ни стало.

2 Февр. 1863. Лондонъ.

Изъ письма этого видно, какъ скоро, послѣ заключенія союза, начались разногласія между русскими и польскими революціонерами 1862—1863 гг.

XX.

(1863) 21 Февраля. Немедленно по отъѣздѣ Юніора.

Сижу и обѣдаю. А между супомъ и рибою пишу вамъ, а когда доѣмъ veal cotlett with tomate отправлюсь на па-

роходъ *), гдѣ докончу соборное посланіе къ полякамъ — сегодня жъ анрежистрирую его и въ $7^1/_2$ вечеромъ.

«Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ».

Прощайте, друзья. Спасибо вамъ за годовую вѣрную и крѣпкую дружбу. Теперь впередъ. Назадъ не надо да и не хочется. Покуда будетъ можно, буду часто извѣщать васъ о себѣ, — съ Сашею мы все дѣльно и аккуратно устроили.

Теперь просьбы: послѣ завтра же отошлите прилагаемое письмо къ Абракадабрѣ. Оно нужно.

2, Пусть Саша не забудетъ написать сестрѣ своей Natali полумистеріознымъ тономъ о томъ, что я уѣхалъ къ Гарибальди.

Другія порученія въ другомъ письмѣ, а теперь обнимаю васъ крѣпко и не прошу не забывать меня.

Вашъ М. Бакунинъ.

Адресъ Абракадабры Саша Александровичъ найдетъ въ концѣ моей Punch, — книжкѣ адресовъ, въ двухъ конвертахъ
Внутренній Abrakadabra
Внѣшній на имя, не помню кого.

Саша — Александръ Александровичъ Герценъ, который долженъ былъ ѣхать вслѣдъ за Бакунинымъ.

XXI.

24 февраля 1863 г. Киль.

Друзья! [illegible] прибылъ въ Гамбургъ и отослалъ [illegible] Сегодня рано утромъ [illegible] въ Киль, а въ 9 ве-

[illegible] за Балтійское море, [illegible] польско-русской ре-

черомъ сажусь опять на пароходъ и завтра въ 11 до полудня буду въ Копенгагенѣ. Но вотъ бѣда, по всѣмъ справкамъ Hôtel de Suède въ Копенгагенѣ, кажется, совсѣмъ нѣтъ, а въ Стокгольмѣ есть. Впрочемъ, прибывъ на мѣсто, можетъ быть и найду, а покамѣсть рѣшился остановиться въ Hôtel Royal, согласно совѣту Bradshaw, о чемъ и телеграфирую сейчасъ же мистеру Карду. Если найду Hôtel de Suède и въ немъ желаннаго друга, сейчасъ же дамъ знать по телеграфу. А нѣтъ Hôtel de Suède, или въ немъ никого не найду, также буду телеграфировать. Пусть Кардъ сообщится съ друзьями и пошлетъ кого нибудь изъ нихъ, но непремѣнно дѣльнаго, въ Копенгагенъ, въ тотъ именно Hôtel, изъ котораго я телеграфировать буду. Я буду ждать нѣсколько дней, не болѣе трехъ, если Кардъ не дастъ мнѣ знать, что я непремѣнно долженъ ждать дольше. Впрочемъ для переговоровъ нельзя выбрать мѣсто лучше Копенгагена. Переговаривать въ Берлинѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ, благоденствующемъ подъ прусскимъ орломъ, глупо, потому что очень опасно, — опасность же должно искать въ Польшѣ, а не въ Пруссіи, — въ послѣдней она безславна и безполезна. Я желалъ бы, чтобъ самъ Гервардъ (Herward, см. лекс. Карда) пріѣхалъ ко мнѣ, если только онъ не уѣхалъ въ царство Польское. Кардъ скажетъ, можетъ быть, что Herward слишкомъ важный человѣкъ; чтобъ такъ разъѣзжать. Я человѣкъ не важный, но дѣло мое важное, стоющее того чтобъ Herward расшевелился. Если онъ въ Берлинѣ или въ Познани, то время его не слишкомъ дорого, они тамъ гораздо болѣе болтаютъ, чѣмъ дѣлаютъ. Мнѣ бы хотѣлось, переговоривъ съ нимъ, прямо махнуть въ Конгресовку. Если дѣлать, такъ теперь. Тутъ время дѣйствительно дорого. Но прежде чѣмъ начать дѣло, прежде чѣмъ ѣхать, надо переговорить и согласиться толкомъ и знать, именно куда и къ кому и черезъ какихъ людей черезъ какія пересмежныя станціи ѣхать. Если жъ они пришлютъ ко мнѣ дурака или полудурака, то съ нимъ не столкуешься. — Да, трудъ предстоитъ намъ не легкій. Инсуррекція правда еще далеко не задавлена, но и нельзя сказать, чтобы она дѣлала большіе успѣхи. Правда, дипломація дѣлаетъ, кажется, свое дѣло и можетъ быть окажетъ половинную услугу

Польшѣ. — Но и русское начальство также не дремлетъ; оно разъярило солдатъ нашихъ до такой степени, что они неистовствуютъ, какъ звѣри — покрываютъ срамомъ русское имя и возбуждаютъ противъ себя всеобщую ненависть. — На такихъ солдатъ, въ пользу такихъ солдатъ дѣйствовать не легко.—А все надо попробовать.—Только для самой пробы, для приступленія къ ней нужны широкая польская симпатія и помощь, а при такомъ образѣ дѣйствія русскаго войска, можемъ ли мы ожидать ихъ? Разсчитывать мы можемъ только на одинъ умъ польскій, если онъ не ослѣпленъ страстью, но сознаніемъ своихъ собственныхъ интересовъ. Имъ необходимо наше содѣйствіе. Сколько бы героизма они не показали, безъ него они погибнутъ. Дай Богъ, чтобъ много поляковъ понимали это также, какъ Цверчакевичъ. — Очень доволенъ былъ бы я, еслибъ нашелъ въ Копенгагенѣ дѣльнаго поляка. Теперь мнѣ не хочется въ Стокгольмъ; время дорого, а Стокгольмъ слишкомъ удаленъ отъ сцены. Но если въ продолженіи трехъ дней, ну, скажемъ, четырёхъ, пяти дней (въ продолженіи которыхъ вы можете получить это письмо и телеграфировать мнѣ отвѣтъ) — если до 29 не получу отвѣта и ничего не увижу и не услышу въ Копенгагенѣ, — тогда, скрѣпя сердце, уѣду въ Стокгольмъ. Ради Бога телеграфируйте мнѣ объ нашемъ Опанасенко. Карду покажите какъ можно скорѣе это письмо — или прочтите его ему, потому что самъ онъ будетъ врядъ ли въ состояніи прочесть.

XXII.

31 марта. 1863. Гельзинборгъ.

Друзья! Телеграммы наши ужъ извѣстили васъ о печальной неудачѣ экспедиціи великолѣпно задуманной, но изъ рукъ вонъ плохо исполненной, а главное, слишкомъ поздно отправленной. Успѣхъ ея былъ возможенъ только при соблюденіи двухъ условій: быстроты и тайны. Ее

проволочили непростительнымъ образомъ до 21 и, вызвавъ польскихъ эмигрантовъ изъ Парижа въ Лондонъ 14-го, прежде даже чѣмъ наняли пароходъ, убили тайну. Наконецъ, главнымъ условіемъ былъ выборъ хорошаго смѣлаго капитана, отъ честной рѣшимости котораго зависитъ весь успѣхъ дѣла. Замѣсто этого выбрали отъявленнаго труса и подлеца, и тѣмъ убили всякую возможность успѣха. Выбравши его, положились еще на него до такой степени слѣпо, что не нашли даже нужнымъ дать Демонтовичу копію съ контракта и списокъ груза, т. е. оружья и снарядовъ, на пароходѣ отправленныхъ. Меня предупредили слишкомъ поздно, я получилъ телеграмму Карда 22 го въ три часа по полудни — и такъ какъ нѣтъ другой дороги изъ Стокгольма въ Гельзинборгъ, какъ черезъ Готенбургъ, а между Стокгольмомъ и Готенбургомъ существуетъ только одинъ утреній поѣздъ, то я могъ отправиться только на другой день, т. е. 23 въ 8 часовъ утра. Въ Готенбургъ прибылъ въ тотъ же день вечеромъ въ 9 часовъ — и не имѣлъ другого средства, какъ ѣхать на другой день вечеромъ дилижансомъ въ Гельзинборгъ, чтобъ пріѣхать туда 26 вечеромъ, — или на третій день, т. е. 25 на пароходѣ, чтобъ прибыть туда того же числа нѣсколькими часами ранѣе. И такъ я долженъ былъ ждать парохода, а между тѣмъ на всякій случай телеграфировалъ въ Гельсинборгъ, что прибуду туда 26, и если бъ не сдѣлалъ этого, то не увидѣлъ бы экспедиціи. Она прибыла въ Гельзинборгъ 25 вечеромъ, и въ ожиданіи меня потеряла почти цѣлый день, а потомъ была задержана бурею и измѣною капитана. Выборъ Гельзинборга для встрѣчи со мною былъ въ высшей степени несчастливъ. Весь Зундъ кишитъ русскими и другими шпіонами на жалованьи и безъ жалованья. Необходимо было поэтому пройти Зундъ быстро, нигдѣ не останавливаясь. Гельзинборгъ видѣнъ изъ Эльзинера, а Эльзинеръ, по старой памяти, шпіонское и именно россійско шпіонское мѣсто. Нужно было назначить мнѣ rendez-vous или въ Готенбургѣ, куда я могъ прибыть каждый день — или еще лучше на южной окраинѣ острова Gothland въ какой нибудь деревушкѣ, куда могъ высадиться посланный отъ Демонтовича и Лапинскаго, и возлѣ котораго пароходъ нашъ могъ бы крей-

сировать, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія.—Прождавъ меня сутки, экспедиція осталась еще двое сутокъ, задержанная бурею и еще болѣе злымъ умысломъ капитана. До Гельзинборга по общему свидѣтельству онъ велъ себя порядочно, обнаруживалъ, равно какъ и весь экипажъ, большую симпатію къ цѣли экспедиціи. Въ Гельзинборгѣ онъ вдругъ перемѣнился. Тутъ онъ въ первый разъ объявилъ, что онъ подвергается со стороны русскихъ крейсеровъ, могущихъ встрѣтиться съ нами, огромной опасности, потому что, не желая остановить экспедиціи еще на нѣсколько дней, онъ не взялъ необходимыхъ бумагъ ни на грузъ, ни на команду. Прежде онъ никому объ этомъ не говорилъ, а вспомнилъ только въ Гельзинборгѣ, — сначала говоря только о штрафѣ въ 500 ф. стерл., которому онъ, вслѣдствіе этой небрежности подвергнуться можетъ,—но когда ему отвѣчали, что поляки ему ихъ заплатятъ, если экспедиція удастся, тогда только онъ сталъ говорить о висѣлицѣ и о Сибири; подъ разными предлогами онъ задержалъ насъ въ Гельзинборгѣ 26 и 27 и только 28 въ 1 часъ по полудни могли мы заставить его взять насъ на пароходъ. Между тѣмъ онъ успѣлъ сойтись съ хозяиномъ Hôtel'я, въ которомъ мы остановились, а черезъ него съ русскимъ консуломъ, компаньономъ и другомъ хозяина,— и мы узнали черезъ кельнера, что хозяинъ и консулъ вмѣстѣ телеграфировали что-то русскому посольству въ Стокгольмъ—и не сомнѣваюсь я въ томъ, что мы были задержаны такъ долго въ Гельзинборгѣ по приказанію русскихъ властей, которыя безъ сомнѣнія употребили это время на приготовленіе намъ встрѣчи.— Лишь только мы сѣли на пароходъ, узнали мы, что капитанъ, собравъ своихъ матросовъ, держалъ имъ рѣчь, въ которой описалъ имъ опасности, которымъ они подвергаются, если пойдутъ съ нами въ Балтійское море. Мы держали между собою совѣтъ,—насъ безпокоила все болѣе и болѣе наружу выступавшая безсовѣстность капитана, который, когда мы говорили съ нимъ, упрекая его въ двоедушіи, отвѣчалъ намъ слезами и увѣреніями въ преданности. — Съ другой стороны мы должны были призадуматься, получивъ вашу послѣднюю депешу въ Гельзинборгѣ, въ которой вы насъ

извѣщали о правительственныхъ приготовленіяхъ въ Литвѣ.—Вслѣдствіе этого мы рѣшились уговорить капитана везти насъ къ Готланду. Лишь только мы бы вышли изъ Зунда, мы стали бы говорить съ капитаномъ съ револьверомъ въ рукѣ и объявили бы ему, что длл спасенія своей головы онъ долженъ исполнить вполнѣ свое обѣщаніе. Прибывъ къ Готланду, мы хотѣли отправить на рекогносцировку двѣ рыбацкія лодки съ нашими людьми, одну на русскій берегъ между Полангеномъ и Либавою, другую на прусскій, между Полангеномъ и Мемелемъ,—войти въ сношенія съ нашими друзьями, насъ безъ сомнѣнія ожидавшими и съ ихъ помощью исполнить во что бы то ни стало предпринятое, отъ успѣха котораго зависѣло такъ много. Догадался ли капитанъ, или исполняя планъ уже прежде можетъ быть съ русскими агентами еще въ Англіи обдуманный, но онъ вмѣсто Готланда причалилъ насъ къ Копенгагену подъ предлогомъ снабженія парохода прѣсною водою, которой, видите, онъ не успѣлъ взять впродолженіе нашего четырехсуточнаго пребыванія въ Гельзинборгѣ и на что, по его собственнымъ словамъ, не требовалось болѣе 2 часовъ времени. Онъ самъ отправился въ городъ. Мы ждали его цѣлый вечеръ и цѣлую ночь. На другой день 29, въ воскресенье, по просьбѣ друзей я самъ отправился въ Копенгагенъ, былъ у знакомаго редактора Vaterland et Ploug и по его совѣту у англійскаго министра Sir Paget, совершеннаго джентльмена, принявшаго меня съ самымъ искреннимъ участіемъ и сейчасъ же принявшаго всѣ офиц'озныя мѣры, единственныя, которыми онъ могъ служить намъ, чтобъ намъ помочь. Онъ еще наканунѣ видѣлъ нашего подлеца капитана, который старался оклеветать насъ передъ нимъ, увѣряя его, что мы варвары, разбойники, грубостью и насиліемъ возбудившіе благородное великобританское негодованіе въ матросахъ, которые, будто бы, вслѣдствіе того противъ него самого взбунтовались и отказываются рѣшительно плыть далѣе, такъ что онъ, капитанъ, при самомъ горячемъ желаніи, не въ силахъ исполнить условій контракта. Всѣ старанія мерзавца были однако напрасны. Sir Paget не повѣрилъ ни одному слову. Вся разница въ нашихъ воззрѣніяхъ состояла въ томъ, что Sir Paget не могъ рѣшиться

подумать, чтобъ капитанъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ русскими агентами, чтобъ онъ поступилъ съ нами предательски,—приписывалъ же всѣ непростительныя дѣйствія его подлой трусости. Вы должны знать, что въ Копенгагенѣ есть домъ Hansen et C°, исполняющихъ роль агентовъ той самой англійской компаніи, которая заключила съ Цверчакевичемъ контрактъ — и что агенты, какъ мнѣ объявилъ самъ удивленный Sir Paget, въ то же самое время агенты русскаго военнаго флота для поставки угля и проч.,—что они именно теперь готовили уголь для ожидаемаго на другой день русскаго военнаго судна. — Къ этимъ агентамъ Sir Paget отправился самъ. О продолженіи экспедиціи думать было ужъ невозможно. Матросы, по наущенью капитана, всѣ оставили нашъ пароходъ, такъ что мы остались только съ двумя моряками: старшимъ машинистомъ, честнымъ молодымъ человѣкомъ, который съ негодованіемъ и съ благороднымъ стыдомъ смотрѣлъ на дѣйствія англійскаго капитана, и съ датскимъ лоцманомъ. Намъ оставалось желать только одного: какъ можно скорѣе оставить Копенгагенъ и войти въ ближайшій шведскій портъ. Датское правительство, вслѣдствіе глупой ноты Росселя по Шлезвигъ-Голштинскому вопросу, видя почти всѣхъ противъ себя, бросилось отчасти подъ покровительство С.-Петербургскаго кабинета, который пользуется тамъ поэтому гораздо сильнѣйшимъ вліяніемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ всѣми, и правительствомъ, и народомъ равно страстно ненавидимъ. Еслибъ мы пробыли одинъ лишній день въ Копенгагенѣ, нѣтъ сомнѣнія, что, по требованію русскаго посольства, на насъ всѣхъ, на людей и на оружіе былъ бы наложенъ секвестръ. — Люди были бы въ лучшемъ случаѣ отправлены обратно, а весь грузъ безвозвратно потерянъ. — Мы сами знали поэтому, что ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ идти въ Мальмоё, ближайшій шведскій портъ въ двухъ часахъ отъ Копенгагена. Однако, дабы не дать компаніи возможности сказать, что мы были приведены въ Мальмое по нашому собственному желанію и что поэтому буква контракта была исполнена, мы требовали, чтобъ насъ вели къ острову Gothland. Ка-

питанъ не только не соглашался на это,—боясь русскихъ крейсеровъ, нашихъ револьверовъ и нашей серьезной угрозы, что если онъ наведетъ насъ на русскаго крейсера, то мы сначала попробуемъ абордажъ, а въ случаѣ неудачи полетимъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ, — онъ не захотѣлъ даже со своими матросами вести насъ въ Мальмое, такъ что агенты компаніи принуждены были нанять датскаго капитана и датскихъ матросовъ, съ помощью которыхъ 30 марта въ 5 часовъ вечера бѣдный пароходъ нашъ, оставленный всѣми англичанами. вошелъ въ Мальмойскую гавань. Агенты компаніи долго держали насъ въ Копенгагенѣ въ надеждѣ вырвать у насъ квитанцію. — Тутъ почувствовали мы всѣ плоды практическаго ума Цверчакевича, позабывшаго, нехотѣвшаго, говорятъ, дать Демонтовичу копію съ контракта, ни даже грузоваго списка для предъявленія права на собственность.— Да, нашъ Цверчакевичъ взялъ на себя отвѣтственность огромную, дай Богъ ему легко отъ нея отдѣлаться. Можетъ быть у него есть объясненіе и оправданіе на все, — можетъ быть виноваты другіе—но въ виду грозныхъ современныхъ происшествій, рѣшающихъ нынѣ судьбу Польши, по совѣсти должно сказать, что экспедиція была устроена и отправлена съ преступною невинностью и небрежностью.

Скажу теперь нѣсколько словъ о себѣ и о личномъ составѣ нашей неудавшейся экспедиціи. Въ Гельзинборгѣ, передъ самымъ отъѣздомъ, я вамъ написалъ грустное письмо, въ которомъ, думая что говорю съ вами можетъ быть въ послѣдній разъ, жаловался вамъ на васъ самихъ въ довольно прямыхъ и можетъ быть жесткихъ выраженіяхъ и которое, надѣюсь, не оскорбило васъ и не заставило васъ усумниться въ моей горячей любви къ вамъ, потому что вы слишкомъ серьезны и справедливы, чтобы не понять, что я былъ правъ. Вы поступили со мной. какъ съ ребенкомъ, предупредивъ меня только въ послѣднюю минуту и, какъ вы сами видите, слишкомъ поздно малословною телеграммою, что я долженъ отправиться туда и туда;—а между тѣмъ экспедиція готовилась болѣе мѣсяца, вы имѣли достаточное время, чтобы подробно и ясно увѣдомить меня обо всемъ, и, не сдѣлавъ этого, принесли

значительный вредъ самой экспедиціи, потому что, еслибъ я былъ предупрежденъ во время, я бы могъ принесть ей именно здѣсь въ Швеціи несомнѣнную и огромную пользу. Я требовалъ этихъ подробностей отъ Цверчакевича, но онъ, по вашему ли совѣту или по своимъ собственнымъ соображеніямъ, не соблаговолилъ исполнить моей просьбы, полагая, вѣроятно, что одного мановенія его руки будетъ достаточно, чтобы двинуть меня куда ему угодно — въ этомъ онъ страшно ошибся, — и хорошо вы сдѣлали, что его телеграммѣ предпослали телеграмму юніора, потому что телеграмма Цверчакевича не сдвинула бы меня съ мѣста. Вы же знали, что вашего зова будетъ достаточно, чтобы я бросился слѣпо впередъ,—знали это и не ошиблись, вѣра моя въ ваше слово въ самомъ дѣлѣ почти безъ границъ. — Но ничего, даже и такой горячею любовью сильной вѣры во зло употреблять не должно. Вспомните, что я не ребенокъ, что мнѣ скоро 50 лѣтъ и что мнѣ неприлично, да и невозможно быть вашимъ мальчикомъ, у васъ на побѣгушкахъ,—и что отнынѣ я не долженъ и не буду принимать участія ни въ какомъ дѣлѣ, вся суть и всѣ подробности котораго мнѣ будутъ неизвѣстны. — Я принялъ бы участіе въ этой экспедиціи даже и тогда, когда бы зналъ какъ мало было оставленно ей шансовъ успѣха, и что даже жена моя пріѣхала въ Лондонъ, — принялъ бы въ ней участіе, потому что всѣмъ существомъ зналъ, чувствовалъ, понималъ мой долгъ во что бы то ни стало идти въ Польшу,—по той же самой причинѣ, которая меня и теперь стремитъ какъ можно скорѣе туда; — но кромѣ этого я былъ увѣренъ, что дѣло въ которомъ вы, мои умные, осторожные и вѣчные критики, приняли такое дѣятольное и живое участіе, не могло быть иначе предпринято и исполнено, какъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и всѣхъ условій успѣха. — Я ошибся. — Оно было ведено и устроенно руками лѣниваго ребенка. — Ну, да довольно объ этомъ. Перейдемъ къ нашимъ бѣднымъ аргонавтамъ. Вы знаете, что я нашелъ въ Гельзинборгѣ только Лапинскаго, Леона Мазуркевича, Бобчинскаго, нашего добраго, честнаго, но еще весьма невиннаго Рейнгарта и далеко не невиннаго жидка Тугендбольда. Сначала Лапинскій мнѣ очень и почти безусловно понравился, и я вамъ сказалъ

это въ нѣсколькихъ письмахъ. Я радъ былъ найти въ военномъ начальникѣ, отъ личныхъ качествъ котораго такъ много зависѣло . . . . . .

XXIII.

9 апрѣля.

Ну, друзья, виноватъ. Вы правы и я въ отношеніи къ вамъ остался кругомъ дуракъ. Выраженіе, которое въ послѣднемъ письмѣ моемъ васъ оскорбило, дѣйствительно некорошо. Пославъ письмо, я вспомнилъ о немъ, меня кольнуло въ сердце и я хотѣлъ бы воротить его, но было поздно. Оно было нехорошо, потому что похоже было на неблагородный и несправедливый упрекъ, но не было этимъ упрекомъ. Никогда не приходила и не могла прійти мнѣ въ голову мысль, что бы вы усумнились пожертвовать головами своими дѣлу, которому посвятили всю жизнь. Не мѣрьте моей вѣры въ васъ тою, которую вы имѣете въ меня. Въ вашей есть еще колебаніе, въ моей его нѣтъ. Какъ бы я ни спорилъ съ вами и противъ васъ, вы оба мои окончательные совѣтъ и крѣпость и когда вы довольны мною, я самъ собою доволенъ и ничто въ мірѣ не въ силахъ меня обезпокоить. — Говоря, что вы дали только свои добрыя желанія дѣлу, которому я отдаю голову, я думалъ только объ этомъ спеціальномъ, болѣе польскомъ, чѣмъ русскомъ дѣлѣ, а не о томъ широко русскомъ дѣлѣ, за которое вы стоите. — Этому, друзья, повѣрьте, потому что это правда.—Впрочемъ, я былъ раздраженъ, не получивъ отъ жены ни слова, мнѣ было грустно и тяжело, я всталъ съ постели и написалъ глупо — простите. Я не могъ кромѣ того помириться съ тѣмъ, что мнѣ казалось вашимъ недовѣріемъ ко мнѣ — и въ этомъ письмѣ, начатомъ ужъ давно, еще въ Гельзинборгѣ, я жалуюсь вамъ на васъ самихъ и въ немъ найдете вы выраженія, которыя вамъ не понравятся, но я не хочу переписывать и передѣлывать письма. Теперь я вижу, что вы не вино-

ваты ни сколько. Виноватъ Цверчакевичъ. Зачѣмъ только вы не извѣстили меня о пріѣздѣ жены? — Ну, да слава Богу, теперь она со мною и я совершенно счастливъ. Она у меня молодецъ. Что касается до тайны, любезный Герценъ, то скажу тебѣ по секрету изъ долгаго опыта, что она ее хранитъ лучше меня. — Опять приступаю къ разсказу. Взошедши на пароходъ, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что во всей экспедиціи у меня былъ союзникъ только одинъ вашъ искренній другъ, благородный, но къ несчастью больной, и горемъ и недугомъ разбитый Демонтовичъ. Лапинскій храбрый, ловкій, смышленный, но безсовѣстный, или по крайей мѣрѣ широкосовѣстный кондотіеръ, патріотъ въ смыслѣ непримиримой и непобѣдимой ненависти къ русскимъ, какъ военный, по ремеслу ненавидящій и презирающій всякій, даже свой собственный народъ. Вглядѣвшись ближе въ этотъ характеръ и уразумѣвъ его лучше съ помощью Демонтовича, я, признаюсь, крѣпко задумался въ успѣхѣ нашего русскаго предпріятія въ польской средѣ. Для успѣха его было необходимо такъ много симпатіи къ нему и вѣры въ него со стороны поляковъ,—но ни того, ни другого, кромѣ Демонтовича, ни въ комъ не было. Лапинскій сказалъ мнѣ много прекрасныхъ словъ, но въ слова его я не вѣрилъ. Къ Демонтовичу онъ питаетъ завистливое и рѣшительно враждебное чувство, и не сомнѣвался я въ томъ, что онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ успѣхомъ, для того чтобы его уничтожить. Демонтовичъ до того не вѣрилъ ему, что даже остерегался (по его собственнымъ словамъ) принимать изъ рукъ его пищу, боясь отравы. — Хороша экспедиція, въ которой два главные предводителя, отъ согласія которыхъ зависитъ успѣхъ ея, находятся въ такихъ отношеніяхъ! Прибавьте ко всему этому болѣзнь Демонтовича, разбитаго до такой степени, что онъ еле могъ двигаться и сказать слово. На кого жъ мнѣ было опереться? На сплетницу-интригантку Леона Мазуркевича или на бабу-сплетницу Бобчинскаго. Оба мнѣ льстили въ глаза, но, какъ я узналъ потомъ, оба меня за глаза ругали.—Наконецъ жидокъ, Тугендбольдъ, сначала мнѣ очень понравившійся, но потомъ оказавшійся âme damnée de Laski и его шпіономъ противъ всѣхъ и каждаго. Молод-

цами были только юноши-поляки, весело шедшіе на смерть и преданные безъ фразъ. Съ ними и умереть было бы не скучно. Положеніе нашего Рейнгарта было также не легко и не ловко. Всѣ называли его Москалемъ и спрашивали, что онъ между поляками дѣлаетъ. Ни Демонтовичъ, ни Лапинскій не даетъ себѣ труда объяснить полякамъ зачѣмъ онъ поѣхалъ. А по моему мнѣнью это было необходимо. Однимъ словомъ тайныхъ недоразумѣній и неудовольствій я нашелъ тьму и думалъ, что нужно будетъ ждать счастливой звѣзды для удачнаго исхода нашей несчастной экспедиціи.—Явная и систематически задуманная измѣна капитана положили ее въ лоскъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ агенты компаніи рѣшились дать намъ датскаго капитана и датскихъ матросовъ, чтобы привести несчастный, англичанами оставленный, пароходъ нашъ въ Мальмое и только туда; о Готландѣ и слышать не хотѣли,— и согласились капитанъ и матросы.....

Конца письма нѣтъ у насъ. — Экспедиція эта, устроенная подъ управленіемъ весьма сомнительныхъ людей, разсказана и въ «Посмертныхъ Сочиненіяхъ» Герцена.

Прилагаемъ здѣсь удостовѣреніе выданное Бакунину двумя изъ вождей этой экспедиціи.

Ayant lu les accusations formulées par M. Cwierczakiewicz contre M. Bakounine d'avoir contribué à la fin malheureuse de notre expédition, soit en amenant M. Kalinka à Helsingfors, soit par des « conseils incongrus et pernicieux », donnés par lui sans qu'on les lui aie demandés, nous croyons de notre devoir de déclarer :

1° Que l'arrivée de M. Kalinka, amené par M. Bakounine à Helsingfors dans l'intention de faire profiter la Lithuanie des secours qui pouvaient nous venir de la Suède — quoique nous ne l'ayons pas désirée — n'a pu en aucune manière influer sur le succès ou le non succès de l'expédition ;

2° Que M. Bakounine n'a jamais pris part à nos conseils sans y avoir été invité par nous-mêmes, et que loin de nous nuire,

ses conseils au contraire n'ont eu pour tendance et pour but que la réussite de notre entreprise ;

3° Que l'idée de nous arrêter près de l'île de Gothland pour nous y munir de bateaux nécessaires à notre prompt débarquement et pour reconnaître la mer, nous a été suggérée bien avant son arrivée à Helsingfors par la seule nouvelle du dégel de la rade de Reval, dégel qui en ouvrant la mer aux croiseurs rendait notre expédition infiniment plus dangereuse et difficile ;

4° Que la non réussite de l'expédition ne doit être attribuée qu'au retard apporté à notre départ d'Angleterre, au bruit qui a accompagné les préparatifs, retard et bruit qui ont donné aux Russes les moyens de se préparer pour nous recevoir, et surtout au malheureux choix de capitaine qui nous a trahi sciemment, peut-être même de concert avec la compagnie qui l'a désigné.

Nous donnons de plein cœur cette déclaration à M. Bakounine en retour de sa promesse qu'il n'en fera usage qu'avec la plus grande discrétion, qu'il se bornera d'abord à ne la montrer qu'aux seuls Messieurs Cwierchakiewiz, Herzen, Ogaroff et Mazzini, aussi bien qu'aux délégués du gouvernement provisoire polonais, et qu'il ne la livrera à la publicité qu'au dernier besoin, c'est-à-dire s'il est lui-même sérieusement attaqué dans les journaux.

Stockholm, le 20 Avril 1863.

Joseph DEMONTOWICZ.
Le Colonel Ph. LAPINSKI.

ПЕРЕВОДЪ

Прочитавъ обвиненія, формулированныя г. Цвѣрчекевичемъ противъ г. Бакунина, будто онъ способствовалъ не успѣшному концу нашей экспедиціи, тѣмъ ли, что привлекъ г. Калинку въ Гельсингфорсъ, или противурѣчивими и опасными совѣтами, которые онъ давалъ, не будучи о томъ просимъ, мы почитаемъ долгомъ нашемъ заявить:

1. Что прибытіе г. Калинки, призваннаго г. Бакуниным въ Гельсингфорсъ съ тѣмъ, чтобъ Литва могла воспользоваться [illegible], которыя могли прибыть намъ изъ Швеціи, — хотя мы этого прибытія и не желали, — не могло имѣть никакого вліянія на успѣхъ или неуспѣхъ экспедиціи.

2. Что г. Бакунинъ никогда не принималъ участія въ нашихъ совѣтахъ, не будучи приглашенъ нами, и что его совѣты, далекіе отъ того, чтобъ вредить намъ, напротивъ имѣли намѣреніемъ и цѣлью лишь успѣхъ нашего предпріятія.

3. Что мысль остановиться около острова Готланда, чтобъ пріобрѣсти тамъ суда, необходимыя для нашей скорой высадки и для развѣдки моря, была намъ внушена гораздо раньше прибытія нашего въ Гельсингфорсъ единственно вѣстію объ оттаяніи гавани въ Ревелѣ, оттаяніи, которое открывая море крейсерамъ, дѣлало нашу экспедицію безконечно болѣе опасною и трудною.

4. Что неуспѣхъ нашей экспедиціи долженъ быть приписанъ только опозданію нашего отъѣзда изъ Англіи и шуму, который ее сопровождалъ, — опозданію и шуму, которые, дали русскимъ средство приготовиться къ принятію насъ, а особенно несчастному выбору капитана, который предалъ насъ сознательно, быть можетъ, даже въ согласіи съ компаніей, которая его назначила.

Мы даемъ отъ всего сердца это заявленіе г. Бакунину, за его обѣщаніе, что онъ будетъ пользоваться имъ съ большою осторожностью, что онъ покажетъ его только гг. Цвѣрчакевичу, Герцену, Огареву и Маццини, а также делегатамъ временнаго правительства Польскаго и что онъ опубликуетъ его только въ крайней необходимости, т. е. когда онъ самъ подвергнется серьезнымъ нападеніямъ въ журналахъ. Стокгольмъ, 20 Апр. 1863.

Іосифъ Демонтовичъ,
Полковникъ Ф. Лапинскій.

XXIV.

ПРОЭКТЪ ПРОКЛАМАЦІИ КЪ ПОЛЯКАМЪ.

Братья Поляки!

Вы встали за свою волю, за свою родную святыню, вызванные на неровный бой самимъ худшимъ правительствомъ въ мірѣ, правительствомъ Петербургскимъ. Мы, русскіе,

давно убѣждены въ томъ, что дѣло Польской независимости и Польской свободы нераздѣльно отъ дѣли освобожден!я Россіи, мы, ненавидящіе не менѣе васъ Петербургское нѣмецкое императорство, губящее Россію и Польшу и предающее ихъ прусскиив и другимъ нѣмцамъ, мы, негодующіе противъ ужасовъ, совершенныхъ нашими несчастными, ослѣпленными и упоенными солдатами, по приказанію и подъ предводительствомъ тѣхъ же нѣмцевъ, — мы пришли къ вамъ для того чтобъ дѣлить вашу участь, чтобъ отстоять вмѣстѣ съ вами святое дѣло общей свободы, или вмѣстѣ съ вами погибнуть. — И съ радостію погибнемъ мы, если нужно, потому что знаемъ, что не погибнетъ свобода и что освободившаяся Польша скоро подастъ братскую руку освобожденія Россіи.

Прокламація эта писана на оборотѣ письма, отъ котораго остались только слѣдующія строки, относящіяся къ пріѣзду жены Бакунина въ Лондонъ, въ то время, когда онъ былъ въ Швеціи.

. . . . въ Россіи. — Пусть останется она въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ вами ждетъ нашихъ вѣстей. — Наталья Алексѣевна (Огарева), надѣюсь болѣе всего на васъ, — помните, что она нѣжна, молода, горда и требуетъ ласкъ. — Пусть она познакомится съ M-me Bilewski.

Прощайте, прощайте, друзья,

Вашъ М. Бакунинъ.

Сына непремѣнно и немедленно въ Стокгольмъ, Герценъ.

XXV.

1-го августа 1863. Стокгольмъ.

Любезные друзья. Ваши два послѣднія письма застали меня въ писаніи къ вамъ одного изъ тѣхъ огромныхъ писемъ, за которыя вы меня браните.—И радъ бы я былъ не писать его, но долженъ. Оно содержитъ подробное изложеніе моихъ здѣшнихъ судебъ и дѣйствій и горькую

жалобу на Александра Александровича.—Вы получите его на дняхъ, а до тѣхъ поръ попридержите свое сужденіе. —Съ чего начну? — За 50 фунтовъ, полученныхъ мною, благодарю, Еще болѣе благодарю за статью обо мнѣ въ «Колоколѣ», — я думаю самъ написать имъ отвѣтъ и попрошу васъ напечатать его въ вашемъ журналѣ, — но прежде прошу васъ, если можно, выслать мнѣ тѣ русскіе журналы, въ которыхъ меня ругаютъ.—Они мнѣ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Правда, мнѣ становится совѣстно, когда подумаю, что я такъ мало еще заслужилъ ту ненависть и тотъ страхъ, которые я имъ внушаю. Да, литература стала подла,—однако надо замѣтить, что у не подлой отняли голосъ, а подлая въ пьянствѣ ищетъ забвенія, упивается, горя собою; — отрезвится и тогда ей будетъ плохо. — Да, масса дворянства, а вѣроятно и почтеннаго купечества окончательно стала на сторону Петербурга, противъ насъ. Да, народъ въ радостной надеждѣ на обѣщанныя великія милости и льготы охотно пользуется небывалымъ до сихъ поръ позволеніемъ покуражиться, а въ угарѣ подписываетъ все, что ему подсунутъ, а главное онъ всегда готовъ помять господъ,—и все таки я не дамъ ста рублей за долголѣтіе Петербургскаго Императорства. Жаль только что много крови прольется. Польскія дѣла тянутся по прежнему. Демонтовичъ, уѣхавшій во свояси, мнѣ пишетъ, что партія бѣлыхъ въ народномъ правительствѣ окончательно поражена сторонниками руха, во главѣ которыхъ стоитъ нашъ пріятель Смѣлинскій. Меня также какъ и тебя не только что удивляетъ, но огорчаетъ, что Народное Правительство (вѣроятно еще бѣлое) исключило мое имя изъ проклятія брошеннаго имъ на тебя. Ни передъ Поляками, ни передъ Русскими не намѣренъ я отказываться отъ полной солидарности съ вами. Я никому объ этомъ не говорилъ и говорить не стану, пока ты мнѣ самъ не позволишь. Однако не мѣшало бы какъ можно сильнѣе протестовать противъ имени «панславистовъ», которымъ они насъ награждаютъ. Ты никогда не былъ имъ и всегда съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на славянскія движенія, я не былъ также никогда панславистомъ, но въ движеніи славянскомъ принималъ горячее участіе — и теперь еще думаю, что славянская федерація наша едине-

XXVI.

19 августа.

Если не станетъ духа прочесть все письмо вдругъ, начните съ 16-го листа. Продолжаю: 4) Изъ Письма, которое Straube получилъ третьяго дня отъ Александра Александровича, я почти заключилъ, что вы не хотите ратификовать уговора заключеннаго между нами. Я думаю, что вы сдѣлаете ошибку. Straube молодой человѣкъ честный, преданный и серьезный, который хочетъ приняться за это дѣло серьезно и старанія котораго, мнѣ кажется, должны увѣнчаться успѣхомъ. Алекс. Алек. былъ совершенно того же мнѣнія, когда онъ уѣзжалъ изъ Стокгольма.—«Straube, сказалъ онъ мнѣ разъ, разговаривая о Датчанинѣ, рекомендованномъ намъ Буйницкимъ и потомъ оказавшемся мерзавцемъ—Straube другое дѣло, онъ славный человѣкъ, ему я все повѣрю». Съ тѣхъ поръ я узналъ Straube гораздо ближе, провѣдалъ всю его прошедшую жизнь, обстоятельства, положеніе, однимъ словомъ, всю подноготную, —и съ убѣжденіемъ говорю вамъ, онъ въ самомъ дѣлѣ честный, способный и дѣльный человѣкъ, за честь котораго я вамъ ручаюсь своею честью—и точно также какъ я отвѣчаю за него передъ вами, мнѣ за него отвѣчаютъ люди почтенные, давно его знающіе: Блантъ, Эмбложъ и Іерта.—Да, я говорю смѣло, трудно намъ будетъ найти другого человѣка столь же способнаго и столь же готоваго предпринять это дѣло, какъ Straube, — онъ можетъ сдѣлаться для насъ помощникомъ золотымъ, и мы сдѣлаемъ большую ошибку, если не воспользуемся его готовностью и его предложеніями. Онъ вѣрно схватилъ самую сущность дѣла; онъ понялъ, что мелочною торговлею вашими книгами и «Колоколомъ», съ помощью кельнеровъ въ Стокгольмѣ и въ Копенгагенѣ онъ ничего не сдѣлаетъ ни для себя, ни для пропаганды. Опытъ доказалъ ему ничтожность такихъ продѣлокъ. Послѣ разговора съ Штурценбергомъ, который былъ здѣсь, и съ другими Датчанами мы убѣдились, что въ Копенгагенѣ предпринимать нечего. Торговля лондонскими изданіями при-

метъ серьезный характеръ только, когда она направится въ Петербургъ и далѣе въ Россію. Но для этого ему нужно имѣть прежде всего хоть одного человѣка, книгопродавца или нѣтъ, который согласился бы сообща съ нимъ торговать запрещеннымъ товаромъ и могъ бы проложить для него пути внутри Россіи. Такого человѣка письмами не найдешь. Поэтому Straube рѣшился ѣхать самъ въ Петербургъ, чтобы отыскать такого человѣка и, если найдетъ, заключить съ нимъ условія. Онъ поѣдетъ черезъ, Штетинъ, куда я далъ ему письмо къ весьма хорошему и весьма полезному человѣку, комисіонеру, имѣющему большія дѣла съ Петербургомъ и, завязавъ тамъ сношенія, отправиться оттуда въ Питеръ. Въ Петербургѣ у него есть только одинъ знакомый, книгопродавецъ нѣмецъ, по его словамъ человѣкъ вполнѣ честный, но который отказался уже разъ отъ его письменнаго предложенія и съ которымъ я ему поэтому совѣтую не встрѣчаться. Друзья мои дадутъ ему рекомендательное письмо къ вышеупомянутому шведу, тамъ проживающему. Кромѣ того мой штетинскій пріятель, знающій хорошо Петербургъ, рекомендуетъ ему нѣсколько дѣльныхъ людей. Наконецъ надо будетъ дать ему письмо къ одному изъ членовъ общества, чтобы они ему указали торговаго русскаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ безопасно и съ пользою сблизиться. Я знаю возраженіе, которое вы можете сдѣлать, и понимаю всю деликатность этой стороны вопроса. Давать письмо къ одному изъ нашихъ друзей въ Петербургѣ въ настоящее время дѣло не шуточное, опасное. Но, друзья мои, кто не рискуетъ ничего, тотъ никогда ничего не сдѣлаетъ. Безъ помощи общества вы никогда не завяжете серьезныхъ торговыхъ отношеній въ Россіи; — общество не должно вмѣшиваться въ нихъ непосредственно, но должно только указать Straube на людей способныхъ и готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Вы можете написать записку къ одному изъ членовъ, — такъ какъ мы это дѣлали въ Стокгольмѣ, — и адресъ прислать мнѣ особенно. Straube выучитъ его наизусть. Въ запискѣ же скажите, что Straube пріѣхалъ по вашему порученію и что вы просите оказать ему помощь совѣтомъ, рекомендаціями, сколько возможно будетъ, дѣломъ. Честнымъ словомъ ручаюсь

вамъ за то, что Straube будетъ педантически остороженъ и что онъ будетъ стараться избѣгнуть всякой неловкости, могущей компрометировать и его и того, къ кому записка будетъ написана. Что онъ не будетъ стараться узнать болѣе, чѣмъ ему скажутъ, и не узнаетъ при случайной встрѣчѣ того, съ кѣмъ ему прійдется переговорить по секрету. Сущность дѣла разскажетъ онъ самъ, въ запискѣ же должно быть только сказано, что онъ человѣкъ вѣрный, котораго мы рекомендуемъ и которому просимъ помочь. Наконецъ, вспомните, что мы ужъ два раза писали такимъ же образомъ. Одинъ разъ черезъ Квантена; отвѣтъ, о которомъ я долженъ бы былъ узнать ужъ давно, въ вашихъ рукахъ. Другой разъ черезъ Ветергофа. Это письмо возвратилось назадъ за отсутствіемъ адресата;—я его получилъ обратно и сжегъ. Скажите же объ этомъ Алексан. Алек.—за честность, за акуратность, за ловкость Straube я вамъ отвѣчаю своею честью. Трудно найти человѣка способнѣе его къ такому дѣлу. Изъ Петербурга Straube проѣдетъ въ Финляндію, а можетъ быть прежде этого еще въ Ригу. Въ Финляндіи у насъ ужъ есть люди и найдутся еще другіе. Такимъ образомъ онъ завяжетъ цѣлую цѣпь сообщеній и будетъ въ состояніи начать дѣйствительное и довольно широкое дѣло, — дѣло, которое можетъ только такимъ образомъ удастся. Трехмѣсячный срокъ, назначенный Александромъ Александровичемъ для платы за взятыя книги, слишкомъ коротокъ и просто невозможенъ. Вспомните, что плаваніе черезъ мѣсяца полтора, много два прекратится, и что до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано. Пройдетъ время на отысканіе людей и на устройство сообщеній. Кромѣ этого люди въ Россіи, съ которыми онъ сговорится, потребуютъ также кредита. Вспомните, что предполагаемая поѣздка будетъ стоить ему довольно времени и денегъ. Что можетъ легко случиться, что вслѣдствіе ли терроризма, вслѣдствіе ли индиферентизма или можетъ быть временной непопулярности лондонскихъ изданій, Straube не найдетъ въ Петербургѣ ни одного человѣка, который согласился бы вступить съ нимъ въ компанію,—тогда поѣздка его и всѣ сопряженныя съ нею траты времени и денегъ будутъ для него потеряны, поэтому онъ подвергается риску. Но от-

части изъ симпатіи къ самому дѣлу, отчасти же изъ убѣжденія что при счастливыхъ обстоятельствахъ онъ можетъ завести серьезную, выгодную для него торговлю, онъ рѣшается подвергнуться этому риску. Но за то требуетъ отъ насъ, 1) чтобы мы сдѣлали ему на годовой срокъ кредитъ въ 4 или 5 тысячъ франковъ,—обязываясь выслать вамъ обратно все, что не будетъ имъ продано, 2) чтобы, разъ согласившись съ нимъ въ главныхъ пунктахъ, вы въ продолженіи этого года испытанія высылали ему безъ замедленія все, чего онъ потребуетъ на опредѣленную сумму кредита, съ дѣловою аккуратностью, 3) чтобы вы, сколько можете, съ помощью нашихъ друзей въ Петербургѣ, поддержали бы его въ Россіи. Съ своей стороны онъ обѣщаетъ, если, по возвращеніи изъ Петербурга, онъ убѣдится, что дѣло пойдетъ плохо, не тянуть его, не обманывать ни васъ, ни себя и возвратить вамъ всѣ не проданныя изданія, раздѣливъ съ вами пополамъ расходы на посылку. Повторяю еще разъ, это дѣло серьезное и стоющее того, чтобы вы крѣпко подумали прежде чѣмъ отвѣчать отказомъ. Если вы серьезно хотите распространенія вашихъ изданій въ Россіи, врядъ ли вы найдете другого человѣка и другой случай, соединяющихъ въ себѣ такъ много залоговъ успѣха. — И въ десятый разъ говорю, за честность, за серьезность, за способность и за чистую, добрую волю Straube я вамъ ручаюсь своею честью. Straube, по моей просьбѣ, написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ излагаетъ свои надежды и виды. Если вы намѣрены принять его предложеніе, то, не теряя времени, напишите ко мнѣ ли или прямо къ нему вашъ отвѣтъ и изложите въ немъ ясно и опредѣленно ваши условія, по нѣмецки или по французски. Мнѣ же, съ тою же опредѣленностью напишите, на какія именно измѣненія и въ какой именно мѣрѣ я могу согласиться, въ случаѣ его требованія. И, не теряя времени вышлите всѣ послѣдніе номера «Колокола», которыхъ у него еще нѣтъ, и выборъ книгъ, которыя, по вашему мнѣнію, наиболѣе возбудятъ интереса въ Россіи. Въ случаѣ вашего согласія онъ отправится отсюда около 10-го сентября. Если же вы не найдете возможнымъ согласиться на его предложеніе, пришлите вашъ рѣшительный мотивированный или не мотивированный отказъ, так-

же какъ можно скорѣе, что бы онъ не готовился напрасно въ дорогу.

4) Разрывъ мой съ Квантеномъ, котораго Ал. Ал. былъ единственною причиною, и послѣдовавшее за нимъ охлажденіе со всѣми проживающими здѣсь Финляндцами не дали мнѣ, какъ я прежде этого надѣялся и ожидалъ, воспользоваться прибытіемъ сюда многихъ дѣльныхъ финляндцевъ изъ края. Но благодаря моимъ шведскимъ пріятелямъ, мнѣ наконецъ удалось пробить путь къ одному изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ партіи финномановъ. Посылаю вамъ на особомъ листѣ отрывки изъ его писемъ, которыхъ, я думаю, будетъ достаточно чтобы доказать вамъ важность этой связи и пользу, которую мы можемъ извлечь изъ нея. Не называю вамъ именъ и не посылаю адресовъ, потому что, проученный разъ горькимъ урокомъ, даннымъ мнѣ вашимъ молодымъ и честолюбивымъ секретаремъ, не увѣренъ, что онъ не передастъ всего своему другу, а моему теперешнему врагу Квантену и не воспользуется еще разъ моею довѣрчивостью противъ меня, для вящаго укрѣпленія своего юннаго могущества. Я считалъ себя обязаннымъ предупредить моихъ финскихъ друзей противъ Квантена и съ радостью, узналъ, что партія дѣятельныхъ финномановъ, организовавшаяся, какъ вы видите, въ тайное общество, не намѣрена подчиняться здѣшней финской колоніи, гораздо болѣе занимающейся личными, чѣмъ общими интересами.

5) Если ко мнѣ есть письма Straube, изъ Финляндіи и другія, прошу немедленно выслать ихъ мнѣ на вышеозначенный адрессъ въ Женеву. О томъ же прошу Тхоржевскаго. Послѣдняя посылка изъ Лондона въ Женеву должна быть не позже 8-го января, послѣ чего прошу до 9-го января посылать Poste restant à Gênes, а послѣ 9-го января à Florence poste restante все на имя Henry Souli.

6) Герценъ сомнѣвался также въ успѣхѣ книжнаго предпріятія черезъ Италію въ Константинополь. Напиши мнѣ, остаешься ли ты при старыхъ надеждахъ и долженъ ли по условленному стараться пополнить твое порученіе.

Надѣюсь, Огаревъ, что ты не замедлишь отвѣтить мнѣ на всѣ эти вопросы, чѣмъ много обяжешь преданнаго вамъ.

М. Бакунинъ.

Натальѣ Алексѣевнѣ нашъ сердечный поклонъ.

На этомъ отрывкѣ написано рукою Бакунина же: «Тхоржевскому».

XXVII.

29/17 августа. Стокгольмъ 1863.

Друзья! Пишу вамъ отсюда въ третій разъ. Въ первый разъ болѣе 2 мѣсяцевъ тому назадъ писалъ вамъ съ прямою оказіею, второй же разъ черезъ вашего агента въ Швейцаріи, который долженъ былъ, по вашему приказанію, пріѣхать въ Стокгольмъ, но который былъ, вѣроятно, задержанъ и ограничился короткимъ письмомъ черезъ Нордстрёена. Я тотчасъ же послалъ ему пространное письмо съ просьбою, какъ можно скорѣе его вамъ доставить, и жаль мнѣ было бы, если бы оно пропало. Спѣшу однако сказать, что никакой опасности отъ пропажи этихъ 2 писемъ произойти не могло, — въ нихъ не было ни именъ, ни адресовъ и ничего такого, чтобы могло компрометировать.

Я неоднократно пытался попасть въ Польшу. Мнѣ не посчастливилось. А теперь расположеніе поляковъ къ намъ до такой степени перемѣнилось, что, не переставая желать имъ успѣха, мы, русскіе, должны, кажется, воздержаться отъ прямого участія въ ихъ дѣлѣ, къ тому же, слишкомъ запутавшемуся въ послѣднее время съ западно-европейскими интересами, враждебными не только императорской системѣ, но и Русскому Народу. Поэтому я остался въ Швеціи и старался пріобрѣсть здѣсь друзей и помощниковъ для русскаго дѣла. Старанія мои увѣнчались успѣхомъ. Стокгольмъ и вся Швеція будутъ служить

вѣрнымъ убѣжищемъ для русской эмиграціи и для русской революціонной работы. Русская типографія и русская пропаганда найдутъ здѣсь крѣпкую почву и покровительство и богатыя средства. Ничего нѣтъ легче, какъ сообщаться изъ Стокгольма съ Петербургомъ лѣтомъ. Есть вѣрные люди, на которыхъ можно положиться безъ всякой опасности. Благодаря этимъ людямъ и средствамъ я бросилъ въ сѣверъ Россіи (въ губерн. Архангельскую и Олонецкую особенно) около 7000 экземпляровъ разныхъ возваній, между прочими, вашихъ возваній къ солдатамъ и къ офицерамъ. Могъ бы ихъ также послать въ Петербургъ, но у меня нѣтъ адрессовъ. Правда, что Провансовъ далъ мнѣ нѣсколько адрессовъ, но я долженъ былъ ими пользоваться только по его возвращеніи въ Петербургъ, а онъ кажется еще за границей. И такъ, прежде всего прошу васъ о вѣрномъ и постоянномъ адрессѣ и предлагаю вамъ переписываться со мною черезъ подателя этого письма. Онъ финляндецъ, рекомендованный мнѣ, какъ человѣкъ безусловно крѣпкій и вѣрный, финляндскими патріотами, и можетъ служить вамъ постояннымъ посредникомъ съ нами и съ финскою организаціей, съ которою я сблизился и которая, понимая также хорошо свои, какъ и наши интересы, исполнена къ намъ и къ нашему дѣлу самой искренней симпатіи. Я полагаю, что вамъ не будетъ противно съ нею сблизиться. Если вы хотите имѣть со мною дѣло и если полагаете, что мое участіе въ общихъ трудахъ можетъ принесть пользу, то прошу васъ, отвѣчайте. Я, также какъ и лондонскіе друзья мои, съ радостью призналъ С. Петербург. Комитетъ и готовъ слѣдовать его руководству, только для этого мнѣ надо знать и положеніе вашихъ дѣлъ и ваше настоящее направленіе. И потому, ради Бога, пишите и дайте адресъ. Неужели жъ, имѣя на то всѣ средства, мы не съумѣемъ устроить между собою правильныхъ и постоянныхъ сношеній.—Тяжело бѣдной Польшѣ, но она не погибнетъ.— Европа страшно раздѣлена и на этомъ раздѣленіи основаны всѣ Петербургскія надежды. — Однако польскій вопросъ зашелъ ужъ такъ далеко, что для европейскихъ державъ стало также опасно ничего для нея не сдѣлать,

какъ мудренно прійти ей на помощь. Я думаю, что послѣ полученія вторичнаго отказа отъ С. Петербурга Франція, Англія и Австрія признаютъ Польшу comme une partie belligérante.—Я думаю, что Поляки продержатся зимою съ помощью оружія и другой помощи, которыя прибудутъ къ нимъ тогда открыто черезъ Галицію, — а весной война мнѣ кажется несомнѣнна. Неужели жъ мы до этого времени ничего не сдѣлаемъ или по крайней мѣрѣ къ этому времени не будемъ готовы? Поддѣльные всероссійскіе адресы и фразерское московское патріотобѣсіе меня ни сколько не пугаютъ и не сбиваютъ съ вѣры.—Правительство, какъ и всегда, расшевеливаетъ народъ какъ будто противъ насъ, въ сущности же въ нашу пользу.—Ради Бога, скажите, что у васъ дѣлается, что заграницею дѣлать прикажете—и дайте же съ вами соединиться тѣснѣе и ближе.—Мы здѣсь можемъ быть полезны только въ той степени, въ какой мы въ связи съ вами—и потому пишите, пишите и дайте адресовъ. Теперь, въ видѣ письма къ Герцену, я пишу для «Колокола» на полицейскія и славянофильскія нападенія противъ меня.—А недѣли черезъ двѣ къ вамъ можетъ быть прямо отъ меня пріѣдетъ вѣрный человѣкъ, который привезетъ вамъ извѣстія о здоровьѣ Бровни и поклонъ отъ Магнуса Беринга.

Пишите мнѣ черезу подателя сего письма. А если хотите писать изъ заграницы, вотъ мой адресъ:

Stockholm
Doctor Alinton
Stora Vattugaton

На внутреннемъ конвертѣ:

Pour M—me Lise.

Прощайте.

М. Бакунинъ.

XXVIII.

РѢЧЬ БАКУНИНА НА БАНКЕТѢ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

MESSIEURS !

Profondément ému de la noble et sympathique manifestation dont vous voulez bien m'honorer aujourd'hui, je pense que votre but principal est de rendre hommage à un droit tenu pour sacré dans ce pays parce qu'il est enraciné dans les mœurs et dans la conscience historique du peuple suédois : celui d'une noble et grande hospitalité, un droit, dont vraiment vous avez lieu d'être fiers, Messieurs, car nulle part en Europe, la Grande-Bretagne exceptée peut-être, il n'est aussi largement, ni aussi généreusement pratiqué que dans votre pays. Vous avez voulu montrer aussi qu'une prudence qui ressemblerait à la peur vous répugne, et qu'une nation libre et forte de sa liberté n'a pas besoin de s'humilier devant un Etat despotique, quelque grand et quelque puissant qu'il paraisse, ni d'acheter ses dangereuses faveurs par de lâches condescendances. Vous avez voulu montrer en un mot que vous ne voulez pas l'amitié de St-Pétersbourg, que ses volontés, ses opinions, ses idées ne font pas la loi en Suède et qu'au contraire tout homme persécuté par lui pour ses tendances libérales trouvera dans ce noble pays asile, sécurité, protection.

Telle est sans doute, Messieurs, la pensée dominante qui préside à ce banquet. Mais je ne me trompe pas, j'espère, en y cherchant encore une autre intention, et d'ailleurs pourquoi la chercher, puisqu'un illustre patriote suédois vient de l'exprimer tout à l'heure par le toast qu'il a porté à la *jeune Russie ;* oui, Messieurs, cette Russie jeune, non d'années, mais d'expérience et de vie politique, cette Russie populaire, martyre séculaire et par conséquent ennemie de la soit-disante Russie impériale, elle existe, et son temps est venu. Nous autres Russes qui l'observons de plus près et qui pouvons jeter un regard dans les profondeurs de son travail intérieur, nous la voyons déjà s'agiter, grandir et préparer ses forces pour une lutte suprême, et l'Europe la

verra sans doute bientôt s'asseoir majestueusement, libre et grande, mais pacifique et juste, sur les ruines de l'Impérialisme brisé.

Dans ce moment le Gouvernement de St-Péterbourg s'épuise en vains efforts pour persuader l'Europe que dans la politique sacrilège, insensée et féroce qu'il poursuit en Pologne, il est soutenu par le dévouement passionné d'un peuple de soixante millions, prêt à courir aux armes et à mourir pour lui. Si c'était vrai, ce serait un grand malheur pour la Pologne et une honte éternelle pour la Russie. Mais heureusement que c'est faux. Ce gouvernement ment toujours, c'est sa force, sa vie, c'est tout le secret de son existence; il est le mensonge érigé en système et il n'y a au monde que le gouvernement de ce céleste empire qui pourrait lui disputer la palme des vérités falsifiées. Toutes ces manifestations quasi-populaires dont on fait tant de bruit, toutes ces adresses de dévouement qui remplissent aujourd'hui les colonnes des gazettes vendues de Moscou et de St-Pétersbourg, sont autant de mensonges effrontés, et vous pouvez en juger vous-mêmes, Messieurs, par ce qui vient de se passer récemment en Finlande.

Non, Messieurs, le peuple russe n'est pas avec le gouvernement russe et personne ne le sait aussi bien que le gouvernement lui-même. Aussi est-il saisi d'une grande peur. L'horizon s'assombrit autour de lui, la terre manque sous ses pieds, et il ne se sent même plus soutenu par la foi intérieure, par cette foi arrogante, insensée, mais qui faisait la force de l'empereur Nicolas. Aujourd'hui elle lui manque tout à fait : Enveloppé d'une désaffection profonde et générale, poussé à bout par l'insurrection formidable de la Pologne qui, pareille à un orage avançant de l'Ouest, semble devoir embraser tout l'empire, menacé à l'intérieur par une révolution populaire bien plus formidable encore, méprisé de l'Europe, méprisé en Russie, se méprisant lui-même, il se trouble, il a le vertige et chancelle comme un homme malade et qui va bientôt mourir. Il se perd en voulant se sauver et se couvre de honte en voulant émouvoir la pitié. Il gémit, il se plaint, il pleure à St-Pétersbourg en suppliant ses gardes de ne point l'abandonner, il pleure à Varsovie en suppliant ses généraux allemands-russes et russes-mongoles de ne point se quereller, il supplie humblement la Finlande de ne pas trop

le détruire, il se ravale, lui successeur de Nicolas, ce grand mépriseur des sciences et des lettres, jusqu'à presser les mains des rédacteurs de journaux qu'il achète, enfin chose incroyable, il oublie toutes les traditions impériales jusqu'au point de mendier la faveur des populaces de St-Pétersbourg et de Moscou. La police organise aujourd'hui des démonstrations anarchiques-populaires, sans songer aux terribles dangers qu'elle évoque. La peur les abrutit, les aveugle au point de les rendre à la fois imprudents, ridicules et féroces. Ils ne se donnent même plus la peine de cacher leur nature sanguinaire et ne craignent pas d'évoquer les terribles esprits souterrains, ni d'éveiller les passions populaires au risque de mettre toute l'Europe en feu et en sang. En Lithuanie et en Ukraïne, le gouvernement fatal prêche aujourd'hui la jaquerie et l'extermination en masse de toute la population catholique.

Et maintenant, Messieurs, j'en appelle à votre justice. On nous appelle, nous, adversaires de ce gouvernement, des révolutionnaires. Mais n'est-ce pas lui au contraire qui est le révolutionnaire incarné ? Robespierre et Marat auraient-ils pu faire davantage, l'Herostrate le plus fou et le plus criminel pourrait-il davantage ? Et tout cela, Messieurs, se fait cyniquement au grand jour, en vue de cette vieille Europe raisonnante, diplomatisante, protocolisante, et qui semble n'avoir conservé de l'indignation que la (???)

Et pendant qu'elle s'émeut elle-même à de stériles pourparlers, elle laisse tranquillement faire ce fou criminel et maniaque qui, parce qu'il se sent mourir, voudrait faire de la Pologne et de la Russie un désert.

Que sommes-nous donc après cela. Messieurs, nous qui combattons le gouvernement de St-Pétersbourg ? Nous sommes les vrais conservateurs. Nous avons horreur du sang, mais puisqu'il faut qu'il coule, eh bien ! qu'il coule non pour la ruine, mais pour le salut de la Russie et de la Pologne ! Nous qu'on appelle des révolutionnaires, nous ne sommes même pas des républicains quand même. Si l'Empereur Alexandre II avait voulu se mettre franchement à la tête de la révolution politique et sociale en Russie, s'il avait voulu rendre la liberté et l'indépendance à toute la Pologne ainsi qu'à toutes les provinces qui ne veulent point faire partie de

l'Empire, si à la place de cet empire monstrueux et violent de Pierre, de Catherine et de Nicolas, il avait inauguré une Russie libre, démocratique, populaire, avec l'autonomie administrative des provinces, et si pour couronnement de cette politique nouvelle il avait arboré le drapeau fédéral slave, alors, Messieurs, loin de le combattre, nous aurions été ses serviteurs les plus fidèles, les plus ardents, les plus dévoués. Les mots de république et de monarchie n'y font rien pourvu que tout l'édifice n'ait d'autre base que la volonté réelle du peuple, ni d'autre plan que le bien-être et la liberté. Pourvu que la destinée de la nation russe et de toute cette grande race slave s'accomplisse ! Alexandre II pouvait devenir le souverain le plus puissant de son siècle, puissant pour le bien, pour la liberté, non pour la conquête et le mal. Il ne l'a pas compris. Et pourtant les avertissements, les conseils, les supplications éloquentes ne lui ont pas manqué. Il n'a pas voulu les entendre. Il s'est obstiné à jouer le triste rôle d'un digne successeur de l'empereur Nicolas. Et parce qu'il a voulu conserver son empire, il a dû nécessairement retomber dans les mêmes fautes et surpasser même ses crimes et il les a si vite et si bien dépassés qu'aujourd'hui entre la Russie populaire et la dynastie des Holstein Gottorp, la réconciliation est devenue impossible.

Messieurs, une vaste association patriotique, conservative, libérale et démocratique à la fois vient de se former en Russie. Elle porte le nom de « *la Terre et la Liberté* » *Zemla i Wola.* Son centre est à St-Pétersbourg, ses adhérents et ses membres dans toutes les provinces de la grande Russie. Elle embrasse toutes les classes de la société russe, tous les russes de bonne volonté, quelque soit d'ailleurs leur fortune et leur position : généraux et officiers en masse, grands et petits fonctionnaires civils, propriétaires nobles, marchands, prêtres, fils de prêtres et paysans et des millions de sectaires dissidents, qui voulant la même chose que nous, travaillent souvent sans y songer avec nous. Cette société régulièrement et fortement organisée tend à former pour ainsi dire un Etat dans l'Etat. Elle organise ses finances, son administration. sa police et bientôt j'espère elle aura son armée. Elle a conclu une alliance en forme avec le Comité Central de Varsovie, aujourd'hui gouvernement national po-

lonais, sur des bases aussi larges que justes, en reconnaissant à chaque peuple, quelque faible qu'il soit, à chaque province, grande ou petite, le droit absolu, illimité de disposer d'eux-mêmes selon leur convenance. Sur ces mêmes bases elle a conclu une autre alliance avec les patriotes de la petite Russie, et quand les Finlandais voudront, elle leur donnera la main aux mêmes conditions. Le but de cette association est tout humain et tout conservateur : celui de sauver la Russie des folies criminelles de l'impérialisme et d'effectuer la grande révolution politique et sociale qui est devenue imminente, sans effusion du sang. Plus cette société sera puissante et moins il y aura de malheurs, car la puissance inspire la modération et le calme et l'impuissance seule est cruelle. Son programme est tout simple :

1. Elle veut rendre la terre aux paysans sans rachat et en remboursant le prix aux propriétaires actuels aux frais de toute la nation.

2. Prenant la commune pour base, elle veut remplacer l'administration tout allemande de la bureaucratie par un système national électif, et la centralisation violente de l'empire par une fédération des provinces autonomes et libres.

3. Elle veut abolir le recrutement, cet impôt de sang qui décime aujourd'hui les populations russes, et à la place de l'armée permanente, incompatible avec une (?) liberté, elle veut introduire un système d'armement national, une milice qui sera toute puissante pour la défense du pays, mais impuissante pour la conquête extérieure.

4. Pour réaliser toutes ces idées qui sont la plus pure expression de la volonté nationale, elle exige à haute voix la convocation d'une Assemblée Nationale composée des députés élus par toutes les provinces et les villes de la grande Russie sans distinction de classe, de fortune et de position.

Telle est la société à laquelle j'ai l'honneur d'appartenir, Messieurs, et que j'ai l'honneur de représenter devant vous. Au nom de cette société, au nom de cette nouvelle Russie qui doit bientôt triompher et qui apporte à tout le nord de l'Europe la promesse d'une paix féconde, fraternelle, je tends la main aux patriotes suédois et je bois à l'avénement prochain et à la prospérité de la Grande Union fédérale scandinave.

ПЕРЕВОДЪ

Господа,

Глубоко тронутый благородною и симпатическою манифестаціею, которою вы хотите почтить меня сегодня, я думаю что ваша главная цѣль — отдать почтеніе праву, которое считается священнымъ въ этой странѣ, такъ какъ оно вкоренено въ нравы и въ историческое сознаніе народа шведскаго: нраву благороднаго и великаго гостепріимства. Этимъ нравомъ вы, по истинѣ, можете гордиться, ибо нигдѣ въ Европѣ, исключая, можетъ быть, Великобританіи, оно не практикуется такъ широко и такъ великодушно, какъ въ вашей землѣ. Вы хотѣли также показать, что благоразуміе, которое похоже на страхъ, вамъ противно, и что народъ свободный и сильный своей свободой, не имѣетъ нужды унижаться передъ деспотическимъ государствомъ, какъ бы оно могущественно не казалось, ни покупать опасныя милости трусливыми уступками. Вы хотите показать однимъ словомъ, что не желаете дружбы Петербурга, что его воля, его мнѣнія, его идеи не составляютъ закона въ Швеціи и что, напротивъ, всякій преслѣдуемый Петербургомъ за свои свободныя стремленія найдетъ въ этой благородной землѣ убѣжище, безопасность, покровительство.

Такова, безъ сомнѣнія, господа, господствующая мысль, которая управляетъ этимъ банкетомъ. Но я не обманываюсь, надѣюсь, ища въ немъ еще одно намѣреніе, — да и зачѣмъ его искать, такъ какъ знаменитый патріотъ шведскій только что выразилъ ее сейчасъ въ тостѣ, предложенномъ за молодую Россію?!

Да, господа, эта Россія, молодая не годами, а опытомъ и жизнію политическою, эта Россія народная, вѣковая мученица и слѣдовательно врагъ называющей себя Россіей, — императорской, — существуетъ и ея часъ пришелъ! Мы, русскіе, которые ее ближе наблюдаемъ и можемъ бросить взглядъ въ глубины ея внутренняго труда, мы видимъ, что она даже двигается, растетъ и приготовляетъ силы свои для послѣдней борьбы, — и Европа, безъ сомнѣнія, увидитъ, какъ она сядетъ величественно, свободная и великая, но мирная и справедливая, на развалинахъ разбитаго имперіа-

лизма. Въ эту минуту правительство петербургское истощается въ напрасныхъ усиліяхъ увѣрить Европу, что въ святотатственной, безумной и жестокой политикѣ, которую оно ведетъ въ Польшѣ, его поддерживаетъ страстная преданность народа изъ 60 мильоновъ, готоваго бѣжать за оружіемъ и умереть за него. Еслибъ это было правдою, это было бы большое несчастіе для Польши и вѣчный позоръ для Россіи. Но, къ счастію, это ложь! Это правительство лжетъ всегда. въ этомъ его сила, жизнь, въ этомъ тайна его существованія, — оно — ложь, возведенная въ систему, и не было въ мірѣ другого, кромѣ правительства небесной имперіи, которое могло бы оспорить у него пальму первенства въ подлогахъ. Всѣ эти будто бы народныя манифестаціи, по поводу которыхъ дѣлали столько шума, всѣ эти адрессы преданности, которые наполняютъ колонны продажнихъ газетъ московскихъ и петербургскихъ, — представляютъ столько же безстыдныхъ лжей, и вы можете судить о томъ, господа, по тому, что происходило недавно въ Финляндіи.

Нѣтъ, господа, народъ русскій не съ правительствомъ, и никто этого такъ хорошо не знаетъ, какъ само правительство. Потому оно охвачено большимъ страхомъ. Горизонтъ вокругъ него омрачается, земли ему не достаетъ подъ ногами, оно не чувствуетъ поддержки даже во внутренней вѣрѣ, въ той дерзкой, безумной вѣрѣ, которая составляла силу императора Николая. Окруженное глубокимъ и общимъ недовольствомъ, побуждаемое къ крайности страшнымъ польскимъ возстаніемъ, которое, подвигаясь, какъ гроза, съ запада, кажется, воспламенитъ всю имперію, угрожаемое внутри народной революціей, еще болѣе страшной, презираемое въ Европѣ, презираемое въ Россіи, презирающее само себя, оно смущается, оно чувствуетъ головокруженіе и шатается на ногахъ, какъ больной, готовый скоро умереть. Оно губитъ себя, желая спастись, и покрываетъ себя позоромъ, желая вызвать къ себѣ сожалѣніе. Оно стонетъ, оно жалуется, оно плачетъ въ Петербургѣ, умоляя свою гвардію не оставлять его, и плачетъ въ Варшавѣ, умоляя своихъ генераловъ, русскихъ нѣмцевъ, и русскихъ монголовъ, не ссориться и умоляетъ покорно Финляндію не слишкомъ разрушать (?) его, оно, наслѣдникъ Николая, который такъ презиралъ науки и литературу, опускается до того, что пожимаетъ

руки редакторамъ журналовъ, которыхъ оно покупаетъ, — наконецъ, вещь невѣроятная! оно забываетъ всѣ традиціи императорскія до ниществованія милости черни петербургской и московской. Полиція теперь организуетъ анархическія демонстраціи народныя, не думая о страшныхъ опасностяхъ, которыя она вызываетъ. Страхъ ихъ оглупляетъ, ослѣпляетъ до того, что они дѣлаются въ одно время неблагоразумны, смѣшны и жестоки. Они не даютъ себѣ болѣе труда прятать свою кровожадную натуру и не боятся вызывать страшныхъ подземныхъ духовъ, ни пробуждать народныя страсти съ рискомъ поставить всю Европу въ огонь и кровь. Въ Литвѣ и на Украйнѣ фатальное правительство проповѣдуетъ гайдамачину и массовое истребленіе всего католическаго населенія.

И теперь, господа, я взываю къ вашей справедливости. Насъ, противниковъ этого правительства, называютъ революціонерами. Но не оно ли напротивъ есть воплощенный революціонеръ? Робеспьеръ и Маратъ могли ли сдѣлать больше, Геростратъ, самый безумный и самый преступный, могъ ли бы смѣть больше? И все это, господа, дѣлается цинически при дневномъ свѣтѣ, въ виду этой старой Европы, резонирующей, дипломатизирующей, протоколирующей, которая только на это и сохранила способность негодованія! И въ то время когда она сама исходитъ ложью въ безплодныхъ переговорахъ, она предоставляетъ свободу дѣйствій этому сумасшедшему преступнику и маніяку, который, чувствуя свою смерть, хотѣлъ бы обратить Польшу и Россію въ пустыню.

Что же такое послѣ этого мы, господа, мы, которые боремся съ правительствомъ петербургскимъ? Мы истинные консерваторы: — мы ужасаемся крови, — но такъ какъ необходимо, чтобъ она текла, ну такъ пусть она течетъ не для разрушенія, а для счастія Россіи и Польши! Мы, которыхъ звутъ революціонерами, мы даже не республиканцы во что бы то ни стало. Еслибъ императоръ Александръ II захотѣлъ стать откровенно во главѣ политической и соціальной революціи въ Россіи, еслибъ онъ захотѣлъ отдать свободу и независимость Польшѣ, а также всѣмъ провинціямъ, которыя не хотятъ входить въ имперію, если бы на мѣсто этой чудовищной и насильственной имперіи Петра,

Екатерины и Николая, онъ открылъ бы Россію свободную, демократическую, народную съ административною автономіей провинцій и если бы, для увѣнчанія этой новой политики, онъ выставилъ славянское федеральное знамя, — тогда, господа, далекіе отъ того, чтобъ бороться съ нимъ, мы были бы его самые вѣрные слуги, самые горячіе и самые преданные. Слова республика и монархія не важны, лишь бы все зданіе имѣло своимъ основаніемъ только истинную волю народа, а цѣлью только благосостояніе и свободу его, — лишь бы исполнились судьбы націи русской и всего племени славянскаго. Александръ II могъ сдѣлаться самымъ могучимъ государемъ своего вѣка, могучимъ на добро, для свободы, а не для завоеванія и зла. Онъ этого не понялъ. И однакоже ему было достаточно сдѣлано предостереженій, совѣтовъ, просьбъ! Онъ не захотѣлъ ихъ слушать! Онъ упорствовалъ играть печальную роль достойнаго наслѣдника императора Николая, — и такъ какъ онъ хотѣлъ сохранить свою имперію, онъ долженъ былъ впасть въ тѣ же ошибки и даже превзойти преступленія отца, — и онъ ихъ такъ скоро превзошелъ, что теперь между народной Россіей и династіей Гольштейнъ-Готторнской примиреніе стало невозможнымъ.

Господа, — въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество, — консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ. Оно носитъ имя Земля и Воля. Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы общества русскаго, всѣхъ русскихъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имущество и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне и мильоны сектантовъ раскольниковъ, которые, желая тогоже, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. Это общество, правильно и крѣпко организованное, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію. Оно заключило формальный союзъ съ центральнымъ комитетомъ Варшавскимъ, теперешнимъ временнымъ національнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каж-

дой провинціей, большой и малой абсолютное, неограниченное право располагать собою, по своимъ выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ патріотами Малороссіи *) и когда финляндцы пожелаютъ, оно подастъ имъ руки на тѣхъ же условіяхъ. Цѣль этого общества вполнѣ гуманна и вполнѣ консервативна. Эта цѣль — спасеніе Россіи отъ преступнаго безумія имперіализма, произвести сдѣлавшуюся необходимою великую революцію политическую и соціальную, — безъ пролитія безполезнаго крови. Чѣмъ болѣе будетъ сильно это общество, тѣмъ менѣе будетъ несчастій, такъ какъ сила внушаетъ умѣренность и спокойствіе,— и только безсиліе жестоко. Программа его вполнѣ проста:

1. Оно хочетъ передать землю крестьянамъ безъ выкупа и заплатить ея стоимость помѣщикамъ на счетъ всей націи.

2. Принимая общину за основу, оно хочетъ замѣнить совершенно нѣмецкую администрацію бюрократіи національною выборною системой и насильственную централизацію имперіи федераціей провинцій, автономныхъ и свободныхъ.

3. Оно хочетъ уничтожить рекрутчину, этотъ кровавый налогъ, который теперь истребляетъ русскія населенія, и на мѣсто постоянной арміи, не согласимой съ (?) свободой, хочетъ ввести систему народнаго вооруженія, ополченіе, которое будетъ всемогуще для защиты страны, но безсильно для внѣшняго завоеванія.

4. Чтобъ осуществить эти идеи, составляющія самое чистое выраженіе воли народной, оно громко требуетъ созванія земскаго собора, составленнаго изъ депутатовъ, выбранныхъ всѣми провинціями и городами великой Россіи безъ различія классовъ, имущества и положенія.

Таково общество, къ которому я имѣю честь принадлежать, господа, и которое я имѣю честь представлять передъ вами. Отъ имени этого общества, отъ имени этой новой Россіи, которая должна скоро восторжествовать и которая приноситъ ввему сѣверу Европы обѣщаніе мира, плодороднаго, братскаго, я протягиваю руку патріотамъ шведскимъ и пью за близкое осуществленіе и благополучіе великаго федеральнаго союза скандинавскаго.

---

*) Мы не знаемъ факта, который могъ бы дать хоть формальное право Бакунину для этого сообщенія. М. Др.

Выше, въ письмѣ № XXV Бакунинъ упоминаетъ, что онъ посылаетъ А. И. Герцену письмо съ жалобами на его сына, А. Ал—ча. Дѣйствительно въ Стокгольмѣ между А. А. Герценымъ и Бакунинымъ произошли разногласія, главнымъ образомъ, по поводу преувеличеннаго, по мнѣнію А. А. Герцена, изображенія силы революціоннаго движенія въ Россіи, которое Бакунинъ показывалъ шведамъ и которое хотѣлъ представить и на банкетѣ, устроенномъ шведами для выраженія симпатій имъ и Польшѣ. Вслѣдствіе оппозиціи А. А. Герцена, Бакунинъ смягчилъ въ предыдущей рѣчи слишкомъ широкую картину Земли и Воли, которую онъ намѣревался нарисовать.

Жалобы Бакунина вызвали нижеслѣдующее письмо къ нему А. И. Герцена.

XXX.

ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА КЪ БАКУНИНУ.

1 сентября 1863.

Люб. Бак.

Книгу *) твою я получилъ, а потомъ получилъ и дополненія; прочелъ внимательно и хочу отвѣчать не холодно, а хладнокровно. Цѣлыхъ книгъ я не умѣю писать въ подобныхъ случаяхъ, а потому коснусь только главныхъ точекъ. Защищать самолюбивыя замашки моего сына, дерзкій тонъ, ошибки его, я не стану и уже много отчиталъ ему выговоровъ. Но когда ты меня хочешь увѣрить, что онъ поступилъ какъ Картушъ и дѣлалъ комплотъ, такой хитрый, что Квантенъ (полубогъ твоихъ первыхъ писемъ), Феликсъ Демонтовичъ, Норвегія и Скандинавія—были имъ надуты, когда ты боишься сообщить адресы, чтобъ онъ ихъ не переслалъ твоимъ врагамъ, — тогда я жму плечами и думаю: какъ ты привыкъ въ сварливой жизни съ хористами революціи,—къ нѣмецкой манерѣ; ужъ обвинять, такъ обвинять: «воръ, агентъ прусскаго короля, изнасиловалъ кошку, и т. д.»—Я не оправдываю С. что онъ говорилъ о тебѣ съ другими; знаю также что и другіе говорили съ нимъ. Еще менѣе оправдываю. что онъ говорилъ съ тобой; — съ тобой въ глаза

*) Толстое письмо. М. Др.

никто кромѣ меня и Ог. не говорилъ откровенно. Съ чего жъ ему, 24 лѣтъ, безъ правъ вчинать рѣчь. *)

Вашъ споръ о томъ, кто изъ васъ законный Chargé d'affaires З. и В. комиченъ до высш. степени. Что молодой человѣкъ могъ найдти пріятн. представлять начинающійся кругъ молодыхъ людей — я понимаю. Но что ты также будто не прочь имѣть помазаніе съ Невы, когда ты его имѣешь изъ крѣпости и Сибири,—это я не понимаю. Вѣдь ты не повѣрилъ же собствен. словамъ, что попы, генер., женщины, массы, птицы и пчелы—все составляетъ мощную корпорацію и пр.

Этотъ колосальный canard въ тв. рѣчи и ведетъ меня прямо отъ тв. потасовки съ С. въ нутрь дѣла. Поговоримъ объ ней твердо, откровенно и коротко.

Книга твоя, особенно первая часть, ужаснула меня не обвиненіями С., а пустотой, ненужностью, призрачностью всѣхъ этихъ переговоровъ, сближеній, отдаленій, объясненій. Мастерски составленныя тобою характеристики напр. Квант. и жены—въ любой романъ идутъ; но вѣдь я тебѣ такую же характеристику напишу Оленицына и жены (правит. канц. у Тюфяева въ 37 г.). Еслибъ ты имѣлъ художественную цѣль—это было бы хорошо. Но ты воображаешь, что это все дѣла. какъ вообразилъ въ 48 что надобно сондировать Служальскаго, и за этимъ ходилъ съ Rue de Bourbon на желѣзн. дорогу. — Оторванный жизнью, брошенный съ молодыхъ лѣтъ въ нѣмецкій идеализмъ, изъ кот. время сдѣлало, dem Schema nach, реалистическое возрѣніе, не зная Россіи ни до тюрьмы, ни послѣ Сибири, но полный широкихъ и страстныхъ влеченій къ благородной дѣятельности — ты прожилъ до 50 лѣтъ въ мірѣ призраковъ, студенской распашки, великихъ стремленій и мелкихъ недостатковъ. Не ты работалъ для прус. кор., а сакс. кор. и Николай—для тебя. Послѣ 10 л. заключенія ты явился тѣмъ же, теоретикомъ со всею неопредѣленностью du vague, болтуномъ — (С. опять виноватъ, что сказалъ тебѣ,—хотя и нѣтъ человѣка, который бы не зналъ этого и не боялся) — не скрупулезнымъ въ

*) На другой копіи этого письма написано рукою А. А—ча: «Да, просто, потому, что я всегда люблю говорить людямъ правду въ лице».

финанс. отношен., съ долей тихенькаго, но упорнаго эпикуреизма и съ чесоткой революц. дѣятельности, которой недостаетъ революціи. Болтовней ты погубилъ не одного Налбандова, а и напр. Воронова; твоя ненужная отмѣтка о немъ въ письмѣ къ Налб. свела его изъ Кавказа въ крѣпость, а потомъ въ ссылку. Послѣ отъѣзда Цв. пришло ко мнѣ письмо, писанное шифрами; врагъ всѣхъ конспирацій—я положилъ его въ сторону; но Тхрж. сказалъ, что у него есть твоя книга съ ключами, онъ принесъ, и мы съ Ог. обомлѣли; въ одной книжкѣ записаны адрессы всѣхъ порядочныхъ людей въ Россіи, съ отмѣтками и подробностями, и эта тетрадь ходила по рукамъ, была у Цв., у Тх., чего добраго у (?). Чему же дивиться, что Шведы раскусили это и испугались?—Ты великъ ростомъ, ругаешься и шумишь,—вотъ почему никто тебѣ въ глаза не говоритъ, что тотъ, кто не умѣетъ «ни пожатіемъ плеча, ни качаньемъ головой» не выдать тайны, тотъ плохой конспираторъ; да и я плохой, но, люб. Бак., я вѣдь и не напрашиваюсь на сей титулъ.

Ты, какъ Милорадовичъ. берешь энергіей, а не интуиціей. На это лучшее доказательство польскій союзъ. Онъ былъ невозможенъ. они поступили съ нами неоткровенно; —результатъ тотъ, что ты чуть ли не потонулъ въ немъ, а мы сѣли на мель. Что ты меня попрекаешь, что я видѣлъ и не остановилъ? — Ты, братъ, стихія,—солому ломишь, какъ тебя остановить? Я былъ противъ напечатанья адресса офиц. въ «Кол.», я былъ противъ жертвоприношенія Потебни, противъ твоей поѣздки. Но когда ты поѣхалъ на деньги Бран., когда адрессы были вездѣ перепечатаны, я считалъ что ты и офицеры обязаны дѣломъ подтвердить ваши слова; и когда ты засѣлъ въ Шведахъ. мы съ Ог., боясь за тебя, послали телеграммы. То, что твоя нога была на пароходѣ. соверш. оправдало тебя; за что же ты попрекаешь 7-й разъ? Тебѣ не было выхода безъ опыта побывать въ Польшѣ.

Что польское дѣло было устроенно плохо съ нашей стороны, что оно не наше дѣло, хотя и правое, относительно, это доказано тѣмъ, что себя, какъ я сказалъ, ты доканалъ имъ; и умоляю тебя, если что будешь печатать, будь мудръ, яко змій. Нашъ принципъ соціальный.

А съ чьей стороны соціальныя начала? Со сторон. Демонт. или Петб. сатраповъ, отдающихъ крестьянамъ помѣщичьи земли? «Да намъ нельзя же идти съ Муравьевымъ». — Безъ сомнѣнія нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться и поработать въ тиши; тутъ нѣтъ calamité publique. Надобно или дѣлать дѣло — или спокойно ничего не дѣлать. Финъ правъ, говоря, что иной разъ преждевременный гамъ губитъ дѣло..... его письма очень умны.

(Копія съ черновой).

XXX.

ПИСЬМО ОГАРЕВА КЪ БАКУНИНУ.

12 окт. 63 года.

Милый Бакунинъ, долго же я собирался разрѣшиться письмомъ. Попробую,—но что же изъ этого? Цѣли, вѣроятно, я не достигну. Я такъ убѣжденъ, что человѣкъ — результатъ извѣстнаго числа и порядка функцій, что пока онъ растетъ, можно еще вставлять новыя функціи, которыя тоже войдутъ въ его жизнь,—но когда уже онъ выросъ, формула движущихъ его силъ замкнулась, и тутъ ввести какую нибудь новую функцію, которая вошла бы въ жизнь и слѣдственно измѣнила бы ее, — дѣло больше чѣмъ сомнительное. Прости мнѣ это теоретическое предисловіе; оно долею можетъ извинить мою лѣнь или неохоту, одолѣвающую меня писать письмо.

Мнѣ трудно прибавить что нибудь къ письму Г. Зная Сашу и тебя, я думаю что вы оба правы, т. е. оба виноваты. Онъ—дѣтской, ни на чемъ не основанной, заносчивостью или непріятной манерой; ты—въ большей части случаевъ, въ которыхъ стараешься оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Напрасно ты на него и на насъ нападаешь за несообщеніе адрессовъ: всѣ адрессы данные никуда не годились, по нимъ никого нельзя было отыскать, а другихъ не было. Такимъ образомъ на сей годъ погибла одна возможность сношеній — не отъ насъ, а отъ недостаточности адрессовъ.—Письмо, находящееся у Кв. и вѣроятно уже давно истребленное, о которомъ ты такъ

ропщешь, ни больше ни меньше, какъ письмо, написанное Сашей и возвратившееся за неотысканіемъ людей по даннымъ адрессамъ. Теперь, если ты спросишь, сообщилъ ли бы я тебѣ новые адрессы, еслибъ таковые оказались, — я скажу тебѣ, что я заколебался бы. Твоя довѣрчивость къ болтунамъ разныхъ этажей, твоя внутренняя тревога, заставляющая тебя искать аудиторіи,—невольно повлечетъ тебя къ нарушенію тайны, а что потомъ изъ этого выйдетъ въ рукахъ другого человѣка,—это ужъ дѣло судьбы. Но я все же допытался бы до невиннаго адресса, съ которымъ мудрено было бы скомпрометировать и передалъ бы его тебѣ. Но у насъ никого нѣтъ. Возможность только теперь начинается, но ближе мѣсяца или двухъ не придетъ въ порядокъ. Стало тутъ всѣ твои обвиненія падаютъ сами собою

Но мнѣ кажется, что все это частные случаи, которымъ ты придаешь слишкомъ большое значеніе отъ той же внутренней тревожности, которая тебя постоянно тормошитъ. Твои быстрые переходы отъ любви къ людямъ — къ ненависти, мнѣ кажется также порожденіе тревожной фантазіи, а не серьезная оцѣнка людей. Возьмемъ 1-е письмо о Кв.—и послѣднія; перебери рядъ отношеній своихъ къ Вул., Цвер., Дем., Лап., Кел. и пр., — вездѣ ты найдешь больше интимности, чѣмъ нужно, вслѣдствіе твоей природной доброты даже,—а потомъ ты же самъ на эту интимность сердишься, иногда справедливо, или нѣтъ, — но все уже слишкомъ поздно. Довѣрчивость отъ доброты души, дѣтская безпечность въ жизни и вѣчная внутренняя тревога по характеру—вотъ что тебѣ мѣшаетъ въ жизни и въ дѣлѣ. Вдобавокъ у тебя плана нѣтъ и ты много поддаешься чужому вліянью. Такъ подъ вліяніемъ бѣд. Марьзян. ты напечаталъ свою брошюру, въ которой (не смотря на то, что мы уговорили тебя вычеркнуть) осталось столько неуясненнаго царизма, что юношеству она не понравилась (какъ я узналъ недавно). Подъ вліяніемъ польскихъ агентовъ, ты зашелъ въ союзъ слишкомъ далеко, такъ что тебѣ сѣсть на корабль была одна изъ тѣхъ необходимостей, которыя въ жизни не подлежатъ выбору. «Kann ich nicht mehr zurück weil ich es gewollt» говоритъ Валленштейнъ. И «Колоколъ» не могъ удержаться въ над-

лежащемъ равновѣсіи. Видишь ли теперь, по опыту, что все, что было мечтательнаго, не состоялось. Союзъ съ націон. правит. былъ шатокъ; ихъ мнѣніе то, которое тебѣ высказалъ Демон. Надо было держаться на безсоюзной симпатіи и долбить все ту же мысль о самобытности провинцій. Твой отъѣздъ заставилъ Паз. непремѣнно ѣхать. Я не говорю, чтобъ надо было устраниться отъ смерти, не въ томъ вопросъ. А устраняться отъ общественныхъ ошибокъ надо. Самъ видишь, что изъ всего этого вышло ослабленіе, а не усиленіе нашего вліянія. Оно только теперь начинаетъ вновь воскресать и не вдругъ дойдетъ до прежней силы.

Твое хвастовство объ общ. З. и В. не принесло ему пользы. Этотъ обычай — намъ не расчетъ. Вѣдь твоимъ словамъ никто не повѣрилъ. Выходитъ только, что люди, которые и присоединились бы, видя что общ. твоими устами говоритъ небывалыя вещи, — уклоняются отъ общества.

Вотъ почему намъ трудно будетъ ладить. Ты хочешь, чтобы все было сейчасъ, поскорѣй и производишь тревогу, а вещи отъ этого не подвигаются. Не заподозришь же ты меня въ консерватизмѣ; но я хочу, чтобъ вещи приготовлялись прочно, чтобъ каждое слово было сказано во время; многое, что возможно будетъ черезъ годъ, теперь можетъ только возбудить и поддержать реакцію. Я требую взвѣшиванія обстоятельвтвъ, спокойствія въ дѣятельности, приготовленія путей, людей, словомъ пропаганды адекватной времени, пропаганды словомъ и увеличеніемъ общества. Станутъ обстоятельства иначе, надо и языкъ измѣнить. Ошибокъ мы уже надѣлали довольно. Пора сознать, что мы живемъ для дѣла, а не дѣло для насъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы бы тольло производили игру въ революцію.

Вотъ тебѣ почти все, что я могу сказать. Сверхъ этого скажу еще вотъ что: Бакунинъ, умоляю тебя, — смири тревогу, метаніе мыслей и дѣйствій, смири до обрѣченія ихъ на приготовительную работу теперь, ибо взрыва ты теперь не вызовешь, а до коренной реформы Россіи безъ приготовительной работы, долею кротовой, долею литературной— ты не достигнешь. Забудь революціонныя тенденціи ins Blaue hinaus; онѣ нигдѣ не удались. Вдумайся

въ приготовленіе людей до дѣйствительной революціи — мирной, или не мирной—это уже зависитъ отъ силы ре акціи. Я умоляю тебя, Бак., мы много уже надѣлали оши бокъ и зла, ты во главѣ ихъ. Вдумайся въ недавнее про шедшее и если ты искрененъ, ты увидишь, что я правъ

Не сердись на меня, ибо я пишу безъ злобы, sine ir et studio. Пишу по глубокому убѣжденію въ правдѣ и конечно, не съ непріязнью къ тебѣ, а съ дружбой дав нихъ лѣтъ.

Жаль мнѣ, что ты не написалъ своихъ мемуаровъ. Тогд они тебѣ сдѣлали бы состояніе. Теперь они только помо гутъ жить. И это не худо. Снесись съ братьями, не шут деньгами. Я не ради внѣшней нравственности говорю, ради того, чтобъ враги не бросили каменьями, а друзь не покачивали бы головами.

Только хотѣлъ закончить это письмо, какъ пришла вѣсть что ты на этой недѣлѣ пріѣдешь сюда. Лучше и отдам тебѣ въ руки, а то оно прогуляется.

(Съ копіи, написанной Нат. Алексѣев. Огаревой)

XXXI.

4-го марта 1864. **Флоренція.**
5. Corso Vittorio Emmanuelo **1 piano.**

Ну, друзья мои, прости. Молчалъ непростительно долг собственно потому, что и не о чемъ было писать. Рек мендованный намъ миланскій книгопродавецъ **Daeli** был въ Парижѣ, когда я былъ въ Туринѣ, гдѣ мнѣ сказал а въ Генуѣ [illegible] подтвердили, что на него, для пре полагаемой [illegible] торговли, расчитывать отнюдь н должно. [illegible] деньгами, даже въ маленьких суммахъ, [illegible] не любитъ и не станетъ.—А совѣт вали мнѣ [illegible] изданія на коммиссію д ча [illegible] въ Италіи, гдѣ теперь много ру свихъ. [illegible] и предлагая даже в таком [illegible] надсмотрщиками и его п

ручителями передъ вами. Думаю, что такое дѣло прійдется лучше въ руку Пану,*) чѣмъ вамъ. Въ Генуѣ Бертани познакомилъ меня съ испытаннымъ другомъ, помощникомъ и слугою итальянской партіи, — негоціантомъ въ Галацѣ (имени его, ради осторожности, не пишу, но передамъ при вѣрномъ случаѣ),—онъ имѣетъ большія и постоянныя торговыя дѣла съ Генуей, Ливорно, Константинополемъ и Одессою. Въ послѣднемъ городѣ, который онъ самъ посѣщаетъ не рѣдко, у него есть друзья, не разъ помогавшіе ему въ дѣлѣ польской пропаганды. Онъ не сомнѣвался въ возможности и положительно обѣщалъ мнѣ отыскать въ Одессѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Галацѣ человѣка достаточнаго и вѣрнаго, который съ извѣстными съ вашей стороны уступками возьмется самостоятельно торговать лондонскимъ товаромъ съ выдачею слѣдуемыхъ вамъ денегъ впередъ. Бертани приказалъ мнѣ безусловно вѣрить въ него, какъ въ человѣка вѣрнаго, честнаго, осторожнаго, крѣпкаго въ своемъ словѣ и не разъ ими въ самыхъ важныхъ, трудныхъ и опасныхъ дѣлахъ испытаннаго.—Онъ уѣхалъ въ Константинополь изъ Генуи въ началѣ февраля и обѣщалъ писать мнѣ изъ Галаца. Когда получу его письмо, пришлю — я жъ ему далъ записочку къ Василью Ивановичу (Кельсіеву). Кстати, о Васильѣ Ивановичѣ. Іорданъ, недавно выѣхавшій изъ Флоренціи, сказалъ мнѣ, что братъ его, нынѣ отставленный, до послѣдняго дня жилъ съ нимъ въ большой дружбѣ и далъ ему, будто бы, нѣсколько тысячъ франковъ для старовѣрческой и кавказской пропаганды, за что получилъ, будто бы, даже выговоръ отъ польскаго революціоннаго правительства. Сколько во всемъ этомъ правды, не знаю. — Больше вышесказаннаго, друзья, я не могъ сдѣлать ничего по порученному мнѣ вами дѣлу. Тебѣ, Герценъ, давно извѣстно, что удалось сдѣлать Мечникову (Льву): вѣрная и даже безденежная доставка всего изъ Ливорно въ Константинополь и даже въ самую Одессу. Требуютъ только адресса въ Одессѣ. Но гдѣ его взять?—Хорошо, если мой новый пріятель сдержитъ слово, ну а если не сдержитъ, прійдется вамъ требовать вѣрнаго человѣка въ Одессѣ отъ

*) Г. Тхоржевскому. М. Др.

З. и В., если З. и В. дѣйствительность, а не призракъ. Другого средства не вижу. Еще разъ спрашиваю, Огаревъ, продолжаешь ли ты вѣрить въ дѣйствительность З. и В., которой, если она существуетъ, право, пора выскорлупиться.—Получилъ ли ты, наконецъ, какія нибудь новыя доказательства существованія и дѣйствительности общества? Если оно дѣйствуетъ, что оно дѣлаетъ и къ какой ближайшей цѣли стремится? Какая теперь у него и у васъ практическая программа? Чего вы надѣетесь, чего боитесь, чего ждете? Удалось ли вамъ устроить съ обществомъ регулярныя сношенія? Отвѣчали ли тебѣ, наконецъ, Straube и мой финляндецъ? Доволенъ ли ты ихъ отвѣтами, удалось ли устроить сообщенія черезъ нихъ съ Питеромъ и съ архангельскими раскольниками? — Я имъ писалъ разъ отсюда, отвѣта еще не было. Что думаете вы о положеніи дѣлъ въ Европѣ, въ Россіи, въ Польшѣ? Ожидаете ли войны?—Скажу вамъ все, что слышалъ здѣсь. Всѣ поляки ждутъ къ концу нынѣшняго мѣсяца новаго взрыва, и я не сомнѣваюсь, что движеніе лихорадочно возрастетъ, но будетъ ли это лихорадка къ смерти или къ жизни—вотъ весь вопросъ. — Ожидаютъ поляки поголовнаго хлопскаго возстанія. Если оно будетъ, ну, тогда дѣло еще можетъ поправиться. Положительно знаю, что число не только русскихъ офицеровъ, но перебѣжавшихъ, чисто русскихъ, унтеръ офицеровъ въ польскомъ лагерѣ съ каждымъ днемъ увеличивается. Чрезвычайный комисаръ отъ польскаго правительства, котораго я здѣсь на дняхъ видѣлъ, сказалъ мнѣ, что польское возстаніе держится теперь положительно и почти исключительно чисто русскими офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами—и что эти люди дерутся какъ львы Этотъ оберъ-комисаръ надъ всѣми комисарами чуть ли не намѣренъ смѣнить Чарторижскаго. Калинка ужъ въ отставкѣ и, кажется, рѣшаются, наконецъ, дать возстанію рѣшительно революціонерный характеръ, ищутъ союза съ итальянскою партіею и съ мадьярами, равно какъ съ южными славянами. Мадьярскій генералъ Кляпка взялъ отъ Итальянскаго Правительства около 150 тысячъ франковъ для революціонной пропаганды между венгерцами и особенно въ венгерскомъ войскѣ. Со всѣмъ этимъ продолжаютъ вѣрить въ Наполеона и ждать отъ

него спасенія. Его рука чувствуется и въ южно-славянской и въ мадьярской пропагандѣ. — Итальянское правительство ничто иное, какъ его лакейская. — Знаете ли вы, что нашъ пріятель Карлъ Фохтъ неразлучный другъ Кляпки, съ утра до вечера съ нимъ шушукается, принимаетъ самое горячее участіе во всѣхъ этихъ Наполеоно-Пьемонто-Мадьярскихъ продѣлкахъ и посредствомъ своихъ сношеній съ Германіею старается связать ихъ съ нѣмецкими революціонерными планами. Карлъ Фохтъ одержимъ страшною и кажется непоколебимою вѣрою въ звѣзду Наполеона. — Революціонеръ-дипломатъ, буржуа-демократъ, но отнюдь не человѣкъ народа. Впрочемъ я на него жаловаться не могу: онъ принялъ меня съ чрезвычайною любезностью и говорилъ о тебѣ, Герценъ, казалось мнѣ, съ неподдѣльнымъ участіемъ и удивленіемъ. Пульскій и его жена, съ которыми вижусь довольно часто, отнюдь не раздѣляютъ его и друга его, генерала, мадьярскихъ мечтаній, положительно отрицаютъ возможность самостоятельнаго венгерскаго возстанія въ нынѣшнемъ году, но прибавляютъ, что если Италія серьезно встанетъ, то и Венгрія встанетъ непремѣнно. — Партія движенія, по приказанію Лондона и Капреры *) вполнѣ примиренныхъ и дѣйствующихъ нынѣ вмѣстѣ, несомнѣнно готовится. Кажется несомнѣнно, что въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля будетъ попытка возстанія въ Венеціанской области, что лишь только она вспыхнетъ, будетъ сдѣлана агитація въ цѣлой Италіи и что Гарибальди позоветъ Итальянцевъ. Такимъ образомъ надѣются увлечь правительство и войско въ войну противъ Австріи. Между тѣмъ правительство наполнило Ливорно, Геную и островъ Магдалины, въ двухъ шагахъ отъ Капреры, своими шпіонами. — Съ другой стороны серьезные люди говорятъ, что не только сильная пьемонтская партія, особенно сильная въ высшей бюрократіи и въ войскѣ, а также и въ министерствѣ, но даже и самъ король готовы отказаться и съ радостью отрекутся отъ великой соединенной Италіи, убѣдившись окончательно въ томъ, что монархіи не совладать съ такою Италіею и что если освободится Римъ, то не для монар-

*) Маццини и Гарибальди. М. Дг.

хіи, а для республики,—что они съ радостью отдадутъ и Сицилію и Неаполь и Римъ и даже часть герцогствъ, лишь бы имъ удалось окончательно овладѣть Ломбардіею и Венеціею съ пресловутымъ четвероугольникомъ, — что для достиженія этой цѣли и чтобы имѣть возможность безъ стыда и безъ опасности отступиться отъ южной и части средней Италіи, они готовы начать невозможную войну противъ Австріи безъ участія народа съ однимъ войскомъ —и вызвать другую Новарру. — Между тѣмъ Австрійцы дѣлаютъ страшныя приготовленія въ Венеціи, а Итальянское правительство съ своей стороны вооружается съ головы до ногъ. Какъ вы видите, здѣсь какъ и въ цѣлой Европѣ путаница страшная, ни одинъ вопросъ не поставленъ чисто и ясно. Вездѣ законныя требованіи и движенія съ примѣсью Наполеоновскаго яда. А электричество все набирается и переполняетъ атмосферу,—безъ бури не обойдется.—Можетъ быть, будетъ взрывъ позже, — но мнѣ кажется, что отливъ окончился, начинается вновь приливъ. Позабылъ вамъ сказать еще одинъ утѣшительный фактъ, если онъ только справедливъ. — Поляки разныхъ партій, и между ними довольно серьезные, говорятъ, что не только крестьяне Украйны, Подоли, Волыни, но даже и Малороссійскіе обратились рѣшительно на сторону Польши, — что уже существуютъ переговоры между Хохландіею и Польскимъ Національнымъ Правительствомъ, которое, взявшись наконецъ за умъ, отреклось отъ всякаго притязанія на украинскія земли и призываетъ ихъ къ дружному, но независимому возстанію съ казацкимъ знаменемъ и во имя лишь единой казацкой воли.—Симъ истощается весь мой запасъ свѣдѣній и слуховъ.—Теперь, друзья мои, очередь за вами.—Теперь нѣсколько словъ о моихъ швейцарскихъ впечатлѣніяхъ. — Въ Веве я встрѣтился опять съ Слѣпу, котораго ужъ видѣлъ въ Парижѣ, и нашелъ въ немъ того же хорошаго, преданнаго, но страшно, почти до сумасшествія нервознаго человѣка, которому нужно будетъ много ведеръ холодной воды, чтобъ сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ.—Въ Веве также познакомился съ Погосскимъ. Можетъ быть и вы съ нимъ успѣли ужь познакомиться, потому что онъ собирался въ Лондонъ и я далъ ему письмо къ вамъ. Въ этомъ письмѣ я вамъ сказалъ и

теперь подтверждаю, что я не знаю человѣка болѣе способнаго говорить печатно съ солдатами, и пожалуй можетъ быть и съ народомъ, чѣмъ онъ. Для доказательства посылаю вамъ его пѣсню — «Эхъ батюшка!» — Это преинтересный человѣкъ-самородокъ. По рожденью и по дѣтскому воспитанью онъ полякъ, но 15-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ солдаты и протянулъ лямку въ солдатскомъ чинѣ, кажется, около 10 лѣтъ, пробылъ года два или три офицеромъ и потомъ вышелъ въ отставку. Такъ что въ сущности онъ и по складу ума, и по инстинктамъ, и по языку, а можетъ быть и по старымъ грѣхамъ, пожалуй даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы, нашъ братъ русскій. По смерти Николая онъ сталъ издавать «Солдатскую Бесѣду», которая въ короткое время пріобрѣла въ гвардіи и въ арміи чрезвычайную, безпримѣрную популярность. Вся тайна его силы, кажется, въ его искренней любви къ солдатамъ; онъ говорилъ имъ изъ ихъ же души имъ въ душу. Вмѣстѣ съ этимъ, неимовѣрною, чисто русскою ловкостью и, вѣроятно, также и не всегда благородными мотивами, онъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе высшаго начальства, которое, считая его своимъ, поощряло распространеніе его журнала въ войскѣ. За это не взлюбила его наша партія, обращалась къ нему съ недовѣріемъ, «Искра» не рѣдко на него нападала. Однако люди, знавшіе его въ Россіи, русскіе люди и между ними особенно одинъ всѣми уважаемый, съ которымъ я познакомился въ Веве, рекомендуютъ его, какъ вполнѣ хорошаго и честнаго человѣка. Да познакомившись съ нимъ ближе въ этомъ и сомнѣваться нельзя; — ему удалось печатать въ своемъ журналѣ, напр., такія слова: «Будь проклята и пусть отсохнетъ та рука, которая подымется на народъ». Вслѣдствіе этой статьи была послана къ нему депутація съ адресомъ отъ всѣхъ унтеръ офицеровъ одного гвардейскаго полка, съ адресомъ, который пусть онъ вамъ прочтетъ и который вамъ понравится. Какъ только началась польская революція, онъ отказался отъ редакціи журнала, приносившаго ему большой доходъ и эмигрировалъ съ большимъ семействомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ малыхъ дѣтей и славной, честной жены, также русской болѣе, чѣмъ польки и съ маленькимъ капиталомъ въ 15 тысячъ рублей,

который спасетъ его отъ голодной смерти. Онъ предлагалъ свои услуги полякамъ, — они, по узкости, ихъ не приняли. Прошу васъ, друзья, обратите на него серьезное вниманіе. Я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ онъ будетъ намъ очень, очень полезенъ. — Имѣйте съ нимъ терпѣніе. Онъ немного и хвастунъ, и много неучь. и самолюбивъ и невинно честолюбивъ — а главное въ европейской жизни глупъ и несвѣдущъ, какъ дитя, и потому предается еще разнымъ самолюбивымъ, филантропическимъ замысламъ и мечтаніямъ, — но все это ничего; и еще разъ повторяю, въ этомъ сорѣ есть чистое золото. — Съ Бакстомъ прожилъ я нѣсколько дней въ Женевѣ и полюбилъ его болѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Я ему откровенно сказалъ, что подозрѣвалъ его въ самолюбивыхъ и честолюбивыхъ стремленіяхъ, — кажется я ошибся. Только скажите ему, чтобы онъ не слишкомъ увлекался генераломъ Кляпкою. — Ну, а теперь, друзья, прощайте, жму ваши руки и буду ждать отъ васъ отвѣта,

Вашъ М. Б.

Прошу тебя, Герценъ, дай мнѣ въ займы, разумѣется, если можешь, 600 фр. или даже не 600, а всего около 500. — Панъ Тхоржевскій долженъ мнѣ 5 ф. ст. за проданныя вещи, да за книги, которыя продаетъ или продалъ ужъ вѣрно не менѣе двухъ или даже трехъ фунтовъ. Мнѣ не хотѣлось бы его стѣснять, а между тѣмъ мнѣ самому деньги нужны, а потому я желалъ бы, чтобы онъ сосчитался въ 100 фр. такъ или иначе съ тобою, а остальные 50 или 75 фр. сохранилъ бы у себя для текущихъ издержекъ, какъ напр. письма и прочее. И такъ, Герценъ, если можешь, исполни мою просьбу, если жъ не можешь, то и говорить нечего, но ни въ какомъ случаѣ на меня не серьдись. Я получилъ изъ дому письмо, въ финансовомъ отношеніи довольно утѣшительное, и извѣщеніе, что мать Antonie (мужъ которой занимаетъ довольно выгодное мѣсто по золотымъ промысламъ въ Сибири) собирается послать намъ денегъ.

Гдѣ и что Утинъ (Николай)? Передайте ему словесно или письменно мой усердный поклонъ. Что дѣлаетъ онъ и чѣмъ занимается? Я работаю довольно прилежно. —

Кстати, въ началѣ мая ѣдетъ одинъ изъ нашихъ здѣшнихъ друзей въ Россію, — Гарибальдіянецъ и черногорецъ вмѣстѣ, — ты его знаешь, Герценъ, молодой человѣкъ, котораго ты мнѣ очень хвалилъ. Онъ молчаливостью своею заслуживаетъ полнаго довѣрія и могъ бы быть употребленъ словеснымъ курьеромъ.

Вашъ М. Б.

Врядъ ли нужно распространяться о томъ, что свѣдѣнія, передаваемыя Бакунинымъ о русскихъ въ польскихъ отрядахъ и объ украинцахъ, совершенно фантастичны.

XXXII.

24/12 апрѣля 1864. Firenze 16. Borgo Ogni Santi, 2 piano.

Любезный Тхоржевскій. Во первыхъ благодарю васъ за 100 фр. высланные мнѣ вами черезъ Герцена, и за письма изъ Иркутска къ женѣ. На счетъ послѣднихъ, прошу васъ, продолжайте ихъ франкировать, пока есть на что, но не страхуйте (enregistrer) ихъ болѣе — а то бѣдный Vieusseux, который чрезвычайно любезенъ ко мнѣ, долженъ самъ всякій разъ бѣгать на почту, чтобы ихъ получать. Письма, просто франкированныя на его имя, получаются вѣрно. такъ что ихъ страховать и лишняя издержка, и лишній трудъ. — Участвовали ли вы на завтракѣ Mazzini и Garibaldi у Герцена? Если участвовали, такъ разскажите. Здѣсь далеко не всѣ довольны рѣчью Гарибальди въ Cristal Palace, въ которой онъ объясняетъ чрезвычайный порядокъ въ народной толпѣ безъ участія полиціи, чрезмѣрной любовью Англійскаго народа къ cara regina. Многимъ и мнѣ между ними, это показалось тѣмъ, что французы называютъ: niaise ie — а въ положеніи Гарибальди, смѣлою и вмѣстѣ вредною niaiserie. Первый и безъ сомнѣнія самый горестный актъ польской революціонерной трагедіи, кажется, пришелъ къ окончанію. Но не отчаявайтесь, Тхор-

жевскій; польская революція не только что не окончилась, но, по моему глубокому убѣжденію, только что начинается. Кончился только кровавый прологъ, подъ названіемъ «героическое паденіе польской шляхетской демократіи». — Началось польское хлопское дѣло, котораго русское правительство никогда не будетъ въ состояніи ни умиротворить, ни удовлетворить, а изъ шляхетской демократіи, изъ революціоннаго мѣщанства и городового народа не всѣ же перерѣзаны и не всѣ сосланы въ Сибирь, — осталось безъ сомнѣнія нѣсколько тысячъ людей отчаянныхъ, все потерявшихъ и испытавшихъ въ продолженіи страшнаго года такія страданія, которыя врядъ ли испытываются другими народами въ продолженіи ста лѣтъ. Положимъ, половина, даже двѣ трети между ними нравственно убиты, — другіе за то закалены и застрахованы противъ всего: — они не остановятся ни передъ чѣмъ и готовы на все. — Это огромная сила, — сила отнынѣ разумная, потому что она, наконецъ, поняла совершенно, что будущность Польши, какъ и всѣхъ славянскихъ народовъ, въ хлопѣ — и что одно средство спасенія для всѣхъ: красная, соціальная, геологическая (?) революція. — Я ужъ встрѣтилъ такихъ людей и увѣренъ, что встрѣчу ихъ еще болѣе. — Съ ними возможенъ и необходимъ союзъ. — Они же могутъ намъ найти и настоящихъ великорусскихъ и малорусскихъ людей. — На Западѣ также кончился приливъ реакціи, — начался снова приливъ революціи. И отбросивъ китайскую мысль, достойную Аксаковскаго «Дня», мысль разъединенія русскаго и славянскаго движенія отъ европейскаго движенія, будто бы умершаго, въ дѣйствительности же только примершаго, теперь же вновь воскресающаго, — мы должны же наконецъ понять, что въ цѣлой Европѣ, не исключая и нашей Россіи, два лагеря, два отечества: одинъ называется революціею, другой — контръ-революціею. — Поляки, о которыхъ я говорю, окончательно пойдутъ съ нами черезъ мѣсяцъ, — когда они окончательно убѣдятся, что отъ Наполеона и отъ его конференціи-конгресса ничего не выйдетъ для Польши.

Итакъ, Тхоржевскій, не смущайтесь, умираетъ теперь не Польша, а послѣдній призракъ шляхетской свободы и шляхетской демократіи въ Польшѣ, — и въ Польшѣ, и

именно въ Польшѣ начнется конецъ русскому императорству и Всероссійскому государству.

Остаюсь здѣсь, вѣроятно, цѣлый май. — въ іюнѣ поѣду куда нибудь на море и тамъ устроивъ жену, вѣроятно въ началѣ іюля отправлюсь недѣли на двѣ, или на три въ Стокгольмъ, черезъ Швейцарію, Францію, Бельгію и, вѣроятно, черезъ Лондонъ и Гуль. Изъ Стокгольма непремѣнно возвращусь въ Италію, гдѣ оставлю жену. Здѣсь жить и дешево, и хорошо.

Прощайте, Тхоржевскій, поклонитесь Чернецкому и Нечелямъ. Послѣднихъ я не забылъ, но убѣдился, что для того, чтобы сдѣлать что нибудь здѣсь, какъ и вездѣ, надо болѣе смѣлости, болѣе энергической иниціативы, чѣмъ находится у нашего друга.

Скажите Огареву, что я наконецъ получилъ вѣсти и изъ Стокгольма и изъ Финляндіи, — т. е. отъ Straube и отъ E. Folkstrue. — Вслѣдствіе чего и рѣшаюсь ѣхать туда, гдѣ встрѣчу обоихъ.

Вашъ М. Бакунинъ.

Пишите пожалуйста чаще.

XXXIII.

8 Октября 1865 Napoli.
Corso Vittorio Emmanuele. — Palazzo Mancone.
accanto il Giro Comunale. 2 piano.

Любезные друзья! Пользуюсь отъѣздомъ Стюарта, чтобы написать вамъ нѣсколько словъ. На дняхъ мы перетащились сюда изъ Sorento, гдѣ пробыли цѣлое лѣто. Здѣсь думаемъ пробыть до первыхъ чиселъ января. Другую половину зимы и часть весны проживемъ во Флоренціи, послѣ чего будемъ медленно подвигаться на сѣверъ, — лѣтомъ на Lago di Como, а къ осени можетъ быть и въ Швейцарію. Реакція здѣсь растетъ не по днямъ, а по часамъ, — теперь, на время выборовъ, она приостановилась и притихла, но такъ какъ новая камера будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще хуже своей предшественницы, — то

можно сказать почти навѣрное, что послѣ медоваго мѣсяца новаго парламента, реакція подвинется еще быстрѣе, если не случится въ Европѣ чего нибудь особеннаго, непредвидѣннаго, — такъ что нашему брату трудно станетъ жить въ Италіи. Къ тому жъ Марья Николаевна (вел. княг.) дѣлается рѣшительно итальянскою подданою, купила виллу Демидова возлѣ Флоренціи и въ Италіи, кажется, хочетъ покончить свой вѣкъ. Опять поднялись слухи о выдачѣ замужъ ея дочери за Гумберта, поэтому дружба будетъ большая, — взаимная услужливость также. Пора убираться. Къ томужъ, послѣ долгаго молчанія я намѣренъ опять выступить печатно и начинаю письмомъ къ редактору «Le Temps» или «Opinion nationale», — вѣроятнѣе къ первому по случаю ругательнаго письма какого-то A. de Moller противъ тебя, Герценъ, въ «Nord» 12-го сентября.

Написалъ было статью въ «Колоколъ» въ опроверженіе мирнаго, переволюціонернаго соціализма. Былъ ею недоволенъ и сталъ передѣлывать: вышла брошюра, а теперь брошюра чуть ли не растетъ до книги. Публичное расхожденіе съ вами по такому важному вопросу для меня, вещь чрезвычайно серьезная; — каждая мысль должна быть провѣрена, каждое слово взвѣшено — и потому спѣшить не хочу. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, буду готовъ — и тогда къ вамъ же обращусь съ просьбою о напечатаніи брошюры или книги въ Женевѣ, на что постараюсь собрать достаточно денегъ. Ты меня насмѣшилъ и огорчилъ, Герценъ, напоминая, что, полемизируя другъ противъ друга, намъ не слѣдуетъ браниться — это хорошо для мальчиковъ. Безъ всякаго принужденія, совершенно естественно, уваженіе и симпатія къ вамъ будутъ занимать въ моемъ сердцѣ всегда первое мѣсто, — и какъ бы далеко не зашла наша рознь въ средствахъ, въ путяхъ, не въ цѣли, я всегда буду цѣнить высоко право называться вашимъ союзникомъ и другомъ. — Ну, да пусть все это окажется на дѣлѣ. — И такъ, Михайлова убили, — Убьютъ и Чернышевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, Николай былъ лучше вашего бѣшеннаго теленка Александра. — Когда Муравьевъ Амурскій прибылъ въ Восточную Сибирь — было въ 1848 году, именно въ годъ самой бѣшенной

реакціи — первымъ его дѣломъ было освобожденіе всѣхъ сосланныхъ, русскихъ и поляковъ, отъ всѣхъ работъ, цѣпей и утѣсненій. Изъ Иркутска сейчасъ же посыпались на Муравьева доносы, но Николай, прочитавъ ихъ, сказалъ: «Наконецъ нашелъ я человѣка, который меня понялъ. Вѣдь тамъ надо поступать съ ними, какъ съ людьми». Полковника Дейхмана я зналъ лично, — при Николаѣ и при Муравьевѣ Амурскомъ онъ считался скорѣе притѣснителемъ, чѣмъ покровителемъ сосланныхъ. При Александрѣ II онъ сталъ героемъ и мученикомъ.

Что извѣстно вамъ о Потанинѣ и объ открытомъ сибирскомъ заговорѣ? Потанина я не только зналъ лично, но былъ, можно сказать, его создателемъ, или вѣрнѣе открытелемъ. — Я освободилъ его изъ подъ казачьяго ярма и отправилъ его въ Петербургъ. Съ пошлою наружностью, это необыкновенно умный, честный и энергическій молодой человѣкъ,— дѣятель безъ устали, безъ тщеславія, безъ фразъ. Жаль его, если онъ погибнетъ... а кажется, что также погибнетъ. Нашихъ друзей губятъ, — а черная русская изба, заключающая, по вашимъ словамъ, разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, спитъ, какъ спала, мертвая и безплодная въ продолженіи вѣковъ, потому что давитъ ее государство — и будетъ спать она тѣмъ же глупымъ сномъ и не сдѣлаетъ ни шагу впередъ русскій соціальный вопросъ, пока будетъ существовать это государство. А если будутъ шаги, такъ въ сторону или даже назадъ — отнюдь не впередъ.

Будьте отцами родными, вышлите мнѣ вновь вышедшую у васъ книгу о Молоканахъ, — а если можно, если не слишкомъ велика будетъ жертва, такъ и «Стоглавъ».

Адрессъ мой вверху письма. — А если захотите написать что нибудь конфиденціально, такъ вотъ вамъ другой адрессъ: Napoli — 13. Strada Fontana Medina 2⁰ piano. Miss E. Reeve, for Miss Antony.

Я съ нею здѣсь очень подружился; она дѣйствительно славный и умный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ премилая и превеселая женщина. Но школа ея, великолѣпная по мысли, въ исполненіи cosi, cosi...

Натальѣ Алексѣевнѣ, Натальѣ Александровнѣ и Miss Malvida von Meysenbug мой почтительный и дружескій по-

клонъ, Ольгѣ болѣе дружескій, чѣмъ почтительный, а Лизу обнимите.

Вашъ М. Бакунинъ.

Жена вамъ всѣмъ кланяется. — Да впрочемъ, зачѣмъ ждать отъѣзда Стюарта, пошлю невинное письмо по почтѣ, — а вы передайте прилагаемое Пану.

XXXIV.

7 Ноября 1865. Неаполь.

Друзья! Miss Reeve умерла сегодня ночью, между полуночью и часомъ, отъ холеры. Жена и я были при ней вчера цѣлый день неотлучно, она умерла на нашихъ рукахъ. Лечилъ ее другъ и бывшій медикъ M-me Schwabe Dr. Pinkoff и сдѣлалъ, право, все возможное. Но она позвала его слишкомъ поздно. Два дня передъ тѣмъ желудокъ ея былъ уже разстроенъ. Я умолялъ ее еще тогда принять нѣсколько капель Nux Vomica, средство почти въ цѣлой Россіи испытанное, но здѣсь еще мало знакомое. Она не приняла ничего и къ тому же третьяго дня пошла дѣлать визитъ подъ дождемъ, промокла и продрогла до костей. Вчера въ 6 часовъ утромъ началась ужъ настоящая Cholera Morbus asiatique, но она согласилась послать за докторомъ только въ часъ пополудни. Жена совершенно случайно пришла къ ней въ три часа, дала мнѣ знать и съ тѣхъ поръ мы отъ нея не отходили. Къ вечеру Пинковъ позвалъ на совѣтъ другого медика — пробовали все возможное, ничто не помогло — она умерла. Вы и мы потеряли настоящаго друга, умнаго, вѣрнаго, [illegible]ороднаго и горячо намъ преданнаго, единственнаго жи[illegible] человѣка въ Неаполѣ. Всѣ остальные не люди, а тѣ[illegible] — Она глубоко уважала и нѣжно любила тебя, Герценъ. Лицо, улыбки ея выражали особенную нѣжность всякій разъ, какъ она говорила о тебѣ, — и какъ мило и какъ отъ души она смѣялась, припоминая твои удачныя выраженія. Ко всему дому, ко всѣмъ твоимъ она относи-

лась какъ родная. Особенно любила M-lle Tata. Недавно еще показала она мнѣ письмо отъ нея, на которое собиралась отвѣчать и вѣроятно отвѣчала. Если нѣтъ, такъ ужъ отвѣчать болѣе не будетъ. — Ея нѣтъ. — Для меня она обратилась было въ умственную и сердечную привычку. Всякій разъ, какъ прочту бывало что-нибудь замѣчательное или вздумаю что нибудь, спѣшу къ ней что бы потолковать или поспорить съ нею. Рѣдко встрѣчалъ я такого милаго, умнаго и симпатичнаго человѣка, какъ она. En avant! Насъ все меньше.

Вотъ все что хотѣлъ и могу написать вамъ, друзья, на сей разъ. Будьте здоровы и берегитесь отъ холеры. А жена моя молодецъ, я ею чрезвычайно доволенъ. Такая преданность и безбоязненность безъ фразы, — столько нѣжности и мужества и благоразумія вмѣстѣ. И откуда взялись силы. Она въ продолженіи какихъ нибудь семи часовъ безъ остановки терла ей руки и ноги. Дай Богъ, чтобы она только у меня не захворала. Я ей не мѣшалъ, потому что въ такихъ случаяхъ не считаю себя въ правѣ мѣшать. Другъ нашъ умеръ, по крайней мѣрѣ не на чужихъ рукахъ.

Вашъ М. Бакунинъ.

XXXV.

23 Марта 1866. Napoli. 26. Vico San Guido. 3 piano.

Любезные друзья. Три дня тому назадъ я получилъ письмо Огарева, которое блуждало Богъ знаетъ по какимъ странамъ и наконецъ все таки добралось до меня. Спѣшу отвѣчать, тѣмъ болѣе что кругомъ виноватъ передъ вами. Объяснять причинъ молчанія не стану, прошу васъ только друзья объ одномъ: не приписывать его отчужденію или охлажденію дружбы. Чему же, занятьямъ? Да, занятьямъ. Только вчера кончилъ я огромное письмо, которое, хотя и печатается, никогда, вѣроятно, свѣта божьяго не увидитъ. Вотъ вамъ и загадка, которую вмѣстѣ со многимъ другимъ, я постараюсь объяснить вамъ лично

въ Женевѣ, куда непремѣнно пріѣду въ началѣ, или въ серединѣ іюня. Надѣюсь, что васъ всѣхъ тамъ застану. Мы намѣрены пробыть въ Швейцаріи цѣлое лѣто, только не въ самой Женевѣ, а подлѣ Женевы, гдѣ нибудь въ дешевомъ пансіонѣ. Въ Женевѣ, думаю, дорого, а по причинѣ многочисленнаго русскаго эмансипированнаго, праздно и тщеславно болтливаго сосѣдства также и несносно. Русскій навязчивый комунизмъ мнѣ сталъ противенъ, — я же привыкъ здѣсь къ западной самостоятельности. И такъ лѣто надѣюсь проживемъ не далеко другъ отъ друга — и будемъ, послѣ долгаго молчанія и съ той и съ другой стороны, имѣть время и полную возможность другъ съ другомъ переговорить обо всемъ; — а матеріяла для серьезнаго разговора накопилось много. Только, друзья, прошу васъ, перестаньте же думать, чтобы я когда либо занимался серьезно франкъ-масонствомъ. Это можетъ быть, пожалуй, полезно, какъ маска или какъ паспортъ — но искать дѣла въ франкъ-масонеріи все равно, пожалуй, хуже, чѣмъ искать утѣшенія въ винѣ. Въ Лондонѣ я не хотѣлъ разувѣрять тебя, Герценъ, потому, что не могъ отвѣчать на другіе вопросы. Теперь буду имѣть это право и о франкъ-массонствѣ между нами не будетъ и рѣчи. Чтожъ касается твоего предложенія писать въ «Колоколъ», я его принимаю съ радостью и съ благодарностью. Только дай мнѣ пріѣхать къ вамъ. Я рѣшился ничего не печатать до того времени. Во первыхъ потому, что при теперешнихъ занятіяхъ мнѣ не хотѣлось бы обращать на себя вниманія; а во вторыхъ, прежде, чѣмъ я рѣшусь высказать свои убѣжденія насчетъ настоящаго положенія Россіи и русскаго дѣла, мнѣ хочется, мнѣ необходимо еще разъ подробно и долго обо всемъ переговорить en trois съ вами. Расходясь съ вами, кажется, во многомъ, — разумѣется только въ путяхъ, а не въ цѣляхъ, — я такъ высоко цѣню сознательную глубину и силу вашихъ убѣжденій, что не могу и не хочу выступать наружу со своими, не попытавшись еще разъ провѣрить ихъ вашею мыслью. Для этого нуженъ разговоръ. Письмо и печать лучше для людей недобросовѣстныхъ, — потому что: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Но для насъ, людей

добросовѣстныхъ, не тщеславныхъ, разговоръ будетъ лучше. Итакъ отложимъ все до іюня

Италія унитарная расклеивается. Во всѣхъ итальянскихъ провинціяхъ противъ правительства оппозиція растетъ все сильнѣе. Дефицитъ, боязнь новыхъ налоговъ, упадокъ фондовъ, бюрократическія грязи и притѣсненія, застой во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ пробрали наконецъ все народонаселеніе, даже самыхъ равнодушныхъ и апатичныхъ,—и не предвидится другого выхода, кромѣ войны. Тоже, кажется, и во Франціи. Вновь будутъ стараться взбаламутить итальянскій народъ національными бреднями. Боюсь, что и самъ Гарибальди дастъ себя обмануть въ десятый разъ и сдѣлается, въ рукахъ, кого знаете, инструментомъ для обмана народовъ. Все это очень мало отрадно и не красиво, но, кажется, неизбѣжно. Впрочемъ, намъ останется одно утѣшеніе: Если насъ поколотятъ, то это будетъ счастье для Россіи, — ну, а если Наполеонъ поколоченъ будетъ, — тогда прійдетъ пора Франціи. Намъ же останется во всякомъ случаѣ роль зрителей. — Затѣмъ прощайте.

Вашъ М. Бакунинъ.

1. Post S. Долго думалъ я, Огаревъ, о какомъ шрифтѣ ты меня спрашиваешь. Наконецъ вспомнилъ о Стокгольмѣ. Шрифтъ осталса на сохраненіи у книгопродавца E. Straube Skepparegatan № 4 Stockholm. Напиши ему прямо, Огаревъ; онъ сдѣлаетъ все, что ты прикажешь.

2. Post S. Скажите Пану, что онъ получитъ изъ Palermo отъ нѣкоего М—скаго заказъ на всѣ сочиненія Герцена и стараго и новаго «Колокола», чтобъ немедленно выслалъ все по востребованію, еслибъ даже и не выслали денегъ, съ приложеніемъ только подробнаго счета, безъ всякой боязни потери. Заказъ отъ пріятельницы моей княгини Оболенской. Деньги получатъ немедленно.

XXXVI.

28 іюня 1866. Napoli,
Corso Vittorio Emanuele — Casa Nobili 2 Piano
Secondo palazzo doppo il Bersaglio.

Другъ Герценъ. Нѣсколько словъ твоихъ черезъ В. получилъ и радъ былъ съ нимъ познакомиться. Онъ кажется порядочный человѣкъ. Напоминаетъ мнѣ своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку поролъ во имя Гегеля, также какъ онъ поретъ ее теперь во имя позитивизма. Но Контъ передъ Гегелемъ впереди, — напрасно только молодой другъ нашъ возводитъ его на степень абсолюта. Ты упрекаешь меня въ молчаніи. Милый другъ, не писать вамъ, а переговорить съ вами мнѣ бы хотѣлось. Я сбирался было съѣздить къ вамъ въ Швейцарію. Средства не позволяютъ. Но ты богаче меня. Чтобы тебѣ, Герценъ, — не говорю объ Огаревѣ, онъ неподвиженъ, — но чтобы тебѣ съ твоею Антигоною Натальею Александровною рѣшиться пріѣхать хоть на мѣсяцъ, на два къ намъ. Не говорю для свиданія со мною, — это было бы слишкомъ амбиціозно, — а такъ, чтобы погулять и провѣтриться. Въ Женевѣ тебѣ такъ душно и тѣсно и скучно, что ты ее проклялъ. Въ Германіи холера и война, во Францію врядъ ли тебя тянетъ, о Lago di Como и думать нечего; тамъ раздаются вблизи воинственные звуки. Ни одинъ городъ сѣверной Италіи тебѣ теперь не понравится, всѣ провоняли патріотическою ложью, Флоренція же сдѣлалась такъ дорога, что тамъ просто жить не возможно. Къ тому же лѣтомъ во Флоренціи живутъ только тѣ, которые выѣхать не могутъ, — такъ душно, такъ жарко, такъ для глазъ не здорово. Неаполь лѣтомъ, благодаря морю, чуть ли не самый свѣжій пунктъ Италіи и безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ дешевыхъ. Чтобы тебѣ на мѣсяцъ поселиться напр. въ Искіи; очаровательнѣе, пріятнѣе этого мѣста я ничего не знаю. Въ самое жаркое лѣто тутъ свѣжо. А дешевизна то какая! Въ Hôtel Grande Cassamicciolo комната и полное содержаніе 5 фр. съ человѣка въ день. Впрочемъ, Наталья Александровна это мѣсто знаетъ и пусть скажетъ тебѣ, какъ тамъ хо-

рошо — тихо, уединенно, привольно и сладко. Фрукты тамъ отличные. Эй, Герценъ, пріѣзжай. Побѣди только первое сопротивленіе инерціи, увеличивающейся въ насъ, къ несчастью съ годами. Здѣсь все тихо, слухи о войнѣ доходятъ какъ изъ далека. Проживемъ мѣсяцъ вмѣстѣ тихо, мирно, усладительно, а можетъ быть и полезно.

Прощай, обними за меня аббата Сіея нашего русскаго движенія, друга Огарева и, если возможно, притащи его съ собой.

Вашъ М. Бакунинъ.

XXXVII.

(Получилъ 29 сен.)

Кова, близъ Неаполя, 22 сентября 1886.

Любезный Герценъ. Сейчасъ только получилъ твои обѣ записки, пролежавшія нѣсколько дней въ Неаполѣ, и хочу немедленно отвѣчать.

О томъ, что будто В. Ковалевскій корреспондентъ III отдѣленія, я услышалъ впервые отъ Утина и вотъ по какому случаю. Услышавъ, что Утинъ (Николай) отзывается такимъ образомъ о немъ въ домѣ Оболенскихъ, я, имѣвшій дотолѣ доброе мнѣніе о Ковалевскомъ, потребовалъ Утина къ отвѣту. Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ обвинялъ его, не зная его, на основаніи положительныхъ фактовъ, переданныхъ ему многими друзьями: — факты: общее мнѣніе въ Петербургѣ — разрывъ съ невѣстою, разрывъ съ передовыми кружками, настоятельность, съ которой Ковалевскій требовалъ списки именъ людей, подписавшихся въ пользу сосланныхъ, наконецъ, его постоянное и удивительное счастіе при арестѣ большей части его знакомыхъ и пріятелей — факты, какъ ты самъ говоришь, положительно еще ничего не доказывающіе, — но если они справедливы, въ совокупности все таки довольно странные Друзей, отъ которыхъ онъ все это слышалъ, Утинъ не хотѣлъ мнѣ назвать, вслѣдствіе чего я ему замѣтилъ, что обвинять громко человѣка въ шпіонствѣ, не называя

своихъ источниковъ и не приводя положительныхъ доказательствъ, не благородно, не честно, а также и не совсѣмъ безопасно. На что Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично познакомился съ Ковалевскимъ, онъ самъ усумнился въ справедливости обвиненія. На этомъ мы съ нимъ покончили. Утинъ пустой и тщеславный мальчишка. Важнѣе было для меня показаніе М—ва — натуралиста, котораго я отъ души уважаю, какъ человѣка умнаго, серьезнаго и добросовѣстнаго. Онъ самъ лично также ничего не зналъ положительнаго противъ Ковалевскаго, но слышалъ многое отъ разныхъ людей въ Швейцаріи и въ Германіи, особливо же въ первой и именно въ обществѣ, окружающемъ Якоби. М—въ, впрочемъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма осторожно, долго не говорилъ никому ничего, и заговорилъ только тогда, и то въ весьма тѣсномъ кружкѣ, когда былъ вызванъ къ тому показаніями Утина. Впрочемъ ты можешь узнать всѣ подробности, касающіеся до М—ва, изъ письма написаннаго имъ недавно къ брату, вслѣдствіе воинственной телеграммы Ковалевскаго ко мнѣ, въ которой, не знаю съ какой стати, онъ грозитъ М—ву неумолимымъ гоненіемъ

Справедливо, что я сбирался имѣть съ Ковалевскимъ объясненіе, очень затруднительное, впрочемъ, потому, что ни М—въ, ни Утинъ не давали мнѣ права назвать ихъ, такъ что я хотѣлъ сказать Ковалевскому, что слухи о немъ дошли до меня изъ Германіи, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ приглашалъ Ковалевскаго къ себѣ, но онъ не пріѣхалъ, такъ что никакого между нами объясненія не было, и я не могъ ни обвинить, ни оправдать его. Правда также, что я, не сдѣлавшій ни ему, ни брату его ни одного визита, пріѣхалъ къ нимъ проститься, положивъ, за неимѣніемъ достаточныхъ фактовъ, не трогать болѣе этого дѣла, о которомъ никому не говорилъ и не писалъ, но соблюдая, вмѣстѣ съ тѣмъ во все пребываніе Ковалевскаго въ Неаполѣ самую строгую осторожность.

Вотъ все, что я вамъ могу сказать, друзья, объ этомъ дѣлѣ. Прилагаю письмо Ковалевскаго ко мнѣ, полученное мною сегодня же, и мой отвѣтъ, который прошу васъ ему переслать, если онъ еще въ Швейцаріи.

Я думаю, что мысль издавать «Колоколъ» и «Полярную Звѣзду» по французски счастливая мысль, только, ради бога, не мирвольте болѣе ни правительству, ни государю, ни государству. Жду обѣщаннаго большаго письма.

Вашъ М. Б.

XXXVIII.

19 іюля 1866. Ischia.

Друзья, Герценъ и Огаревъ. Пользуюсь отъѣздомъ княгини Оболенской, моего и вашего друга, чтобы поговорить съ вами подробно и откровенно. Прежде всего хочу васъ познакомить съ нею. Она принадлежитъ къ рѣдкому числу тѣхъ женщинъ въ Россіи, которыя не только сердцемъ и умомъ, но также и волею, а когда нужно и дѣломъ, сочувствуютъ намъ. Неправда ли этой рекомендаціи достаточно, а потому ничего къ ней прибавлять не стану, тѣмъ болѣе что вы сами теперь ее узнаете и полюбите. Она ѣдетъ въ Женеву на свиданіе со старымъ отцемъ, графомъ Сумароковымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи, генералъ-адъютантомъ и прочимъ, и съ мужемъ, нынѣ гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ. Отецъ, слуга Николая и вмѣстѣ умѣренный либералъ, франкъ-масонъ, нѣсколько спиритистъ, принадлежитъ къ константиновской партіи. Князь Оболенскій фанатикъ, и говорятъ честный фанатикъ, ново-православнаго, демократически-государственнаго, поляко-поѣдающаго направленія, молится Богу, святымъ, цѣлуетъ руки попамъ и боготворитъ царя. Княгиня съ нимъ не въ ладу; онъ ѣдетъ къ ней, опираясь на авторитетъ царя и всего московскаго общества, чтобъ тащить ее и дѣтей съ собою въ грязную московскую пропасть; она ѣдетъ къ нему на встрѣчу съ твердымъ намѣреніемъ отъ него отбояриться и спасти себя и дѣтей отъ этой пучины. Поэтому ей предстоитъ въ Женевѣ трудная борьба, и я обѣщалъ ей, что она найдетъ въ васъ, друзей, утѣшителей и добрыхъ совѣтниковъ. Вамъ разу-

мѣется, нельзя будетъ ходить къ ней, это скомпрометировало бы ее непремѣнно въ глазахъ мужа, даже и отца, и самаго правительства. Но она будетъ ѣздить къ вамъ. Устройте только такъ, чтобы она никого у васъ не встрѣчала, кромѣ васъ, вашихъ дамъ, если онѣ будутъ въ Женевѣ, и испытанныхъ молчаливыхъ друзей вашихъ, Тхоржевскаго и Чернецкаго. Боже избави ее отъ князя Долгорукова, отъ древнефила Касаткина и отъ всей молодой Россіи. Впрочемъ, вы народъ тонкій, въ осторожности изощренный. Поэтому васъ учить нечего, вы все устроите къ лучшему, — а мнѣ за это знакомство будете благодарны, потому что найдете въ ней вѣрнаго друга и хорошаго русскаго человѣка. Ей любопытно было бы познакомиться съ Карломъ Фогтомъ, для этого я ей далъ записку къ нему, но ты Герценъ лучше всего можешь устроить ей встрѣчу съ нимъ у тебя самаго. Пожалуй покажешь ей также раціональнаго мистагога и фанатическаго непонимателя соціализма Edgard'a Quinet. И такъ, передаю ее вполнѣ на ваше попеченіе. Она подыметъ торговлю Тхоржевскаго, потому что, кажется, хочетъ купить полное собраніе изданій вашей типографіи.

Теперь же обратимся къ нашимъ дѣламъ. Вы упрекали меня въ бездѣйствіи въ то время, какъ я былъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда нибудь; я говорю объ этихъ трехъ послѣднихъ годахъ. Единымъ предметомъ моей дѣятельности было основаніе и устройство интернаціональнаго революціонно-соціалистическаго тайнаго общества. Зная напередъ, что вы, по темпераменту своему и вслѣдствіе настоящаго направленія вашей дѣятельности, къ нему приступить не можете, но, съ другой стороны, имѣя въ крѣпость и въ честность вашихъ характеровъ вѣру безусловную, посылаю вамъ, въ особенномъ запечатанномъ пакетѣ, который вамъ передастъ княгиня, полную программу: изложеніе началъ и организаціи общества. Оставивъ въ сторонѣ литературныя несовершенства этого труда, обратите вниманіе только на суть дѣла. Вы найдете много лишнихъ подробностей, но вспомните, что писалъ я посреди Итальянцевъ, которымъ, увы, соціальныя идеи были почти совсѣмъ не извѣстны. Особенную борьбу приходилось мнѣ выдержать противъ такъ называемыхъ національныхъ стра-

стей и идей, противъ отвратительнѣйшей патріотической буржуазной реторики, раздуваемой весьма сильно Мацини и Гарибальди. Послѣ трехгодовой трудной работы, я добился до положительныхъ результатовъ. Есть у насъ друзья въ Швеціи, въ Норвегіи, въ Даніи; есть въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи, есть Поляки, есть даже и нѣсколько Русскихъ. Въ южной Италіи большая часть Мациновскихъ организацій, Falangia Sacra перешла въ наши руки. Прилагаю тутъ же короткую программу нашей итальянской національной организаціи. Въ одномъ посланіи къ своимъ друзьямъ въ Неаполѣ и въ Сициліи, Мацини сдѣлалъ на меня формальный доносъ, называя, впрочемъ, меня il mio illustre amico Michele Bakunin, доносъ для меня довольно неудобный, потому что, такъ какъ въ фалангахъ Мацини, особливо въ Сициліи, много правительственныхъ агентовъ, онъ могъ серьезно компрометировать меня. Къ счастью моему правительство здѣсь соціальнаго движенія еще не понимаетъ и потому не боится и доказываетъ тѣмъ свою не малую глупость, потому что послѣ полнѣйшаго кораблекрушенія всѣхъ другихъ партій, идей и мотивовъ въ Италіи осталась только одна живая возможная сила: соціальная революція. Весь народъ, особливо въ южной Италіи, массами валитъ къ намъ, и бѣдность наша не въ матеріалѣ а въ числѣ образованныхъ людей, искреннихъ и способныхъ дать форму этому матеріалу. Труда много, препятствій тьма, отсутствіе денежныхъ средствъ ужасно — и не смотря на все, не смотря даже на сильную военную диверсію, мы нисколько не унываемъ, не теряемъ терпѣнія, терпѣнія же надо много, и хотя медленно, но дѣйствительно каждый день подвигаемся впередъ. Этого будетъ достаточно, чтобъ объяснить вамъ, чѣмъ я былъ занятъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Согласный съ вами въ томъ, что для успѣха дѣла надо огородить его отъ всего посторонняго и лишняго и предаться ему исключительно, я занимался только имъ и абстрагировалъ себя отъ всего прочаго. Такимъ образомъ я разошелся съ вами, если не въ цѣли, такъ въ методѣ — а вы знаете: la forme entraine toujours le fond avec elle. . . Вашъ настоящій путь мнѣ сталъ непонятенъ, полемизировать съ вами мнѣ не

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующій братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующий братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующий братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующий братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующий братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующий братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденью, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Читая ваши посланія къ Александру II, должно думать что вы вѣрите въ возможность исправить его, — а я, напротивъ думаю, что еслибы насъ съ вами посадили на его мѣсто и продержали бы на немъ годъ, два, мы сдѣлались бы такими же скотами, какъ и онъ. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» («Колоколъ» 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости Имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ Всероссійской Государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею. Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искуственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ

и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующій братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый, проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада».... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, «ради успѣха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, — даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, — они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйстви-

тельнымъ, вольнымъ, широкимъ развитіемъ соціальныхъ интересовъ народовъ. Они, кромѣ себя и своихъ интересовъ, готовы пожертвовать всѣмъ, и человѣчествомъ, и правдою, и правомъ, и волею и благосостояніемъ народа для поддержанія, для подкрѣпленія и для расширенія государственной силы, — ты, какъ искренній соціалистъ, безъ сомнѣнія готовъ жертвовать и жизнью и состояніемъ для разрушенія того же самаго государства, существованіе котораго несовмѣстимо ни съ волею, ни съ благосостояніемъ народа. Или ты соціалистъ-государственникъ, готовый помириться съ самою гнусною и опасною ложью, порожденною нашимъ вѣкомъ: съ казеннымъ демократизмомъ, съ краснымъ бюрократизмомъ? Ты нигдѣ этого не высказываешь ясно, можно даже найти въ твоихъ статьяхъ много междусловій и меткихъ замѣчаній, прямо отрицающихъ государственность вообще, но въ то же самое время ты говоришь о чудесахъ, которыя правительство могло совершить по плюсу, объ «Императорѣ, который, отрекаясь отъ Петровщины, совмѣститъ въ себѣ, можетъ быть, царя и Степьку Разина». Герценъ, вѣдь это нелѣпость и я не понимаю, право, какъ она могла образоваться въ твоей головѣ, вырваться изъ нея и лечь подъ твое перо! Ты скажешь, пожалуй, что я самъ говорилъ тоже самое въ брошюрѣ «Народное Дѣло». — Ну, не совсѣмъ то же самое. Не желая выступать революціонно, въ противность вамъ, — а вы помните, сколько у меня было съ вами горячихъ споровъ,— я обратился тогда къ царю съ другою цѣлью, съ другою потаенною мыслью: я и тогда, какъ и теперь былъ вполнѣ убѣжденъ въ несовмѣстимости его съ нашею программою «Земли и Воли» и за отсутствіемъ возможности выставить эту несообразность положительнымъ образомъ, стремился высказать ее отрицательно. Предлагая Александру Николаевичу сдѣлаться народнымъ, земскимъ царемъ посредствомъ уничтоженія всѣхъ сословій, военной, церковной и гражданской бюрократіи и всякой государственной централизаціи, посредствомъ присвоенія земли и безграничной воли народу, и отпущенія на волю всѣхъ областей, не желающихъ связи съ великорусскими областями, я сознательно призывалъ царя къ разрушенію собственными руками Имперіи, къ поли-

тическому самоубійству и никогда мнѣ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ согласиться на такой безумный съ его точки зрѣнія поступокъ. Я былъ съ вами вмѣстѣ увѣренъ, что онъ, обусловленный съ головы до ногъ воспитаніемъ, обстановкою, интересами, традиціями, всѣми необходимостями императорскаго положенія, самою силою вещей обреченъ на продолженіе петровской системы, и указаніемъ на единственный, для него невозможный путь, ведущій къ дѣйствительному освобожденію русской земли, старался вызвать яснѣе во всѣхъ сознаніе несовмѣстимости царской власти съ благомъ подвластныхъ ей народовъ. Это было время компромисовъ. Вы помните, я и тогда не вѣрилъ, чтобы изъ среды дворянскаго сословія могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавіе. Вспомните наши споры противъ Л—а. Какъ часто мы противъ него вмѣстѣ отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытыхъ семинаристовъ и нигилистовъ, эту единственную свѣжую силу внѣ народа. Однако, тогда было еще въ дворянствѣ громкое движущее меньшинство — тверское дворянство шло впереди, требуя уравненія всѣхъ правъ и земскаго собора. Огаревъ сочинилъ даже проэктъ дворянскаго адресса къ царю. Дворянство еще не успѣло выказать всей таившейся въ немъ подлости. То было время нелѣпыхъ надеждъ... Мы всѣ говорили, писали въ виду возможности земскаго собора.... и дѣлали, я по крайней мѣрѣ дѣлалъ уступки не по содержанію, а въ формѣ, чтобы только не помѣшать, въ сущности невозможному, созванію земскаго собора. Каюсь и вполнѣ сознаю, что никогда не слѣдовало отступать ни содержаніемъ, ни формою отъ опредѣленной и ясной соціальной революціонной программы. Знаю, вамъ ненавистно слово «революція», но что жъ дѣлать, друзья, безъ революціи ни для васъ, ни для кого нѣтъ ни шагу впередъ. Вы во имя вящей практичности составили себѣ невозможную теорію о переворотѣ соціальномъ безъ политическаго переворота, теорія столь же невозможная въ настоящее время, какъ революція политическая безъ соціальной; оба переворота идутъ рука объ руку и въ сущности составляютъ одно. Вы все готовы простить государству, пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо, — было бы

слишкомъ стыдно, — такъ косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ: великорусскую общину, отъ которой мистически, — не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, — да, съ мистическою вѣрою и теоретическою страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати скажите, отчего вы, уединенные гордецы никѣмъ не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мочи скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ: «Вы выбиваетесь изъ силъ, пишетъ вамъ этотъ другъ.... вы воображаете, что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а оно мирнымъ путемъ не пойдетъ; пожалуй вы еще надѣетесь въ этотъ несчастный одинадцатый часъ на правительство, а оно можетъ дѣлать только вредъ; вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю.» Почему не разовьете вы въ своемъ «Колоколѣ» этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіи 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго и гнуснаго рабства? — безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатическая равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлаго міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной иниціативы, — отсутствіе права не только юридическаго, но простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра — и жесткая злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену; его систематическая злорадостная, жестокая притѣснительность въ отношаніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на ма-

лѣйшую самостоятельность,— и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки — вотъ, во всецѣлости ея настоящаго характера, великорусская крестьянская община. Прибавьте къ этому мгновенное обращеніе всякаго выборнаго крестьянина въ притѣснителя чиновника-взяточника — и картина будетъ полная, — полная для всякой общины мирно и покорно живущей подъ сенью всероссійскаго государства. Есть, правда, другая сторона: бунтовская, Стеньки-Разиновская, Пугачевская, раскольничья — единственная сторона, отъ которой должно, по моему мнѣнію, ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа. Ну, да это сторона ужъ не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революціонная, революціонная даже и тогда, когда она пробуждается съ призывомъ царскаго имени. О бокъ со страшными недостатками, мною исчисленными, вы находите въ великорусской общинѣ двѣ добродѣтели, два преимущества, одно чисто отрицательное: отсутствіе римскаго и всякого юридическаго права, замѣненнаго въ великорусскомъ народѣ неопредѣленнымъ и въ отношеніи собственно къ лицамъ крайне безцеремоннымъ и даже совершенно отрицающимъ правомъ; другое, пожалуй, положительное, хотя и весьма темное инстинктивное понятіе народа о правѣ каждаго крестьянина на землю — понятіе, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждаетъ права всего народа на всю землю и чуть ли не заключаетъ въ себѣ другого весьма печальнаго понятія, присваивающаго всю землю государству и государю — мнѣ ли объяснять вамъ какая огромная разница между этими двумя положеніями:

Земля принадлежитъ народу
Земля принадлежитъ государю?

Вслѣдствіе послѣдняго, государь даритъ пустыя, а прежде дарилъ и населенныя земли своимъ генераламъ, — гонитъ цѣлыя общины съ одной земли на другую, не возбуждая ропота въ народѣ, лишь дали бы ему какую нибудь землю. — «Земля наша, а мы государевы» — съ этимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ не далеко. Да и въ самомъ дѣлѣ, всѣ преимущества, находимыя вами въ великорусской общинѣ существовали из-

давна, а до сихъ поръ ничего не выработали изъ себя, кромѣ рабства, да гнили, да еще отрицанія всего государственнаго устройства, московско-петровскаго міра въ расколѣ, въ казачествѣ, да въ крестьянскомъ бунтѣ. — Община наша не имѣла даже и внутренняго развитія. она теперь таже, что и тому назадъ пять сотъ лѣтъ, — а если въ ней, благодаря напору государственности, стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессы разложенія, — всякій мужикъ побогаче, да посильнѣе другихъ стремится теперь всѣми силами вырваться изъ общины, которая его тѣснитъ и душитъ. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что въ ней самой нѣтъ началъ развитія и движенія? Да, пожалуй, и такъ. Въ ней нѣтъ свободы, а безъ свободы, вѣстимо, никакое общественное движеніе не мыслимо. Что жъ мѣшаетъ пробужденію свободы? Государство: московское государство, которое убило въ русскомъ мірѣ всѣ живые зачатки народнаго просвѣщенія, развитія и преуспѣянія, зацвѣтшіе, было, въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ; которое погубило ихъ вторично подавленіемъ казачества и раскола, — петровское государство, которое, какъ вамъ извѣстно, все построенно на радикальномъ отрицаніи народной самостоятельности и народной жизни, и которое, кромѣ внѣшней, механической связи притѣснителя и эксплуататора къ своей жертвѣ, не имѣя ничего общаго съ народомъ, переродиться въ народное государственное устройство не можетъ; бюрократическое и военное не случайно, а цѣлымъ существомъ своимъ, пока оно существовать будетъ, оно въ видахъ самосохраненія непремѣнно будетъ требовать отъ народа все болѣе солдатъ и денегъ, и такъ какъ ни одинъ народъ не даетъ ни того, ни другого охотно, все болѣе будетъ тѣснить и разорять его. Въ этомъ его единственный способъ жизни, а вслѣдствіе того и единственное назначеніе. Формы или вѣрнѣе этикеты нашего государства могутъ измѣниться, но сущность его неизмѣнна.

Государь, государство, кромѣ зла ничего народу не дѣлали и сдѣлать не могутъ. — Да какже, возразите вы, развѣ государь не освободилъ крестьянъ? — Въ томъ то и дѣло, что не освободилъ. Мнѣ ли вамъ говорить и до-

казыватъ, что освобожденіе было мнимое. Это было, въ виду грозившихъ смутъ и опасностей, ничто иное, какъ перемѣна методы и системы въ дѣлѣ народнаго притѣсненія; помѣщичьи крестьяне превращены въ государственныхъ. Мѣсто чиновника-помѣщика заняла теперь чиновникъ-община, а надъ общиной все казенное чиновничество; намѣсто помѣщика, община сдѣлалась теперь въ рукахъ государства слѣпымъ, послушнымъ орудіемъ для управленія крестьянами. Воли у крестьянъ также мало, какъ и прежде, ни одинъ пошевелиться безъ паспорта не можетъ, а паспорты выдаетъ отвѣчающая за нихъ передъ лицемъ правительства община. Круговая порука хороша и дѣйствуетъ благодатно тамъ, гдѣ есть воля, она пагубна при нашемъ государственномъ устройствѣ. Итакъ нѣтъ и, пока продлится существованіе государства, крестьянской воли не будетъ. Нѣтъ и признанія крестьянскаго права на землю. Если земля крестьянская, такъ зачѣмъ же выкупъ — и какой еще выкупъ! Раззорившій крестьянъ, принужденныхъ идти по цѣлой Россіи брать худшую землю за хорошія деньги. Эхъ, друзья, есть у насъ символы, этикеты, а реальныхъ предметовъ, выражаемыхъ ими нѣтъ и, пока мы будемъ управляться царемъ, не будетъ. Въ чемъ же вы видите движеніе впередъ, въ чемъ сущность правительственнаго подарка крестьянамъ? Развѣ только въ дешевизнѣ вина, позволяющей бѣдному народу, женщинамъ, дѣтямъ упиваться съ горя. Хорошо движеніе, не пробудившее въ нашемъ умномъ, живомъ народѣ ничего, кромѣ всенароднаго пьянства. «...Наша груша зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ» говорите вы, — пожалуй и зрѣетъ, но не благодаря государству и не на радость ему, а пока она не созрѣетъ, въ Россіи будетъ только одна дѣйствительность: всеподавляющее, всепоглощающее, всеразвращающее государство. Какже вы послѣ этого говорите, «что правильной реакціи у насъ быть не можетъ, что въ ней нѣтъ дѣйствительной необходимости и что такъ какъ реакція безсмыслена, то она и должна утратить тотъ безсмысленный характеръ, въ которомъ она является у насъ». (15 дек. 1865, стр. 1718). Напротивъ, мнѣ кажется, что со времени основанія московскаго государства, послѣ убійства народной жизни въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, послѣ по-

давленія Стеньки Разинскаго и Пугачевскаго бунта, въ нашемъ несчастномъ и опозоренномъ отечествѣ правильна и дѣйствительна только одна реакція; — то что въ исторіи другихъ европейскихъ странъ было только перемежающимся фактомъ, то у насъ составляетъ фактъ непрестанный и безпрерывный: то есть отрицаніе всего человѣческаго, жизни, права, воли каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ во имя и въ единую пользу государства. Развѣ восторжествовавшее царство штыка и кнута и покореніе всякой народной жизни подъ нимъ не есть правильная, дѣйствительная, необходимая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая страшная реакція, когда либо существовавшая въ мірѣ? И вы отъ этой систематической и, повторяю еще разъ, совершенно необходимой реакціи ждете чудесъ по психосу? и вы печатно предполагаете возможность такого императора, который, отрекшись отъ петровщины, совмѣстилъ бы въ себѣ царя и Стеньку Разина? Любезные друзья, я не менѣе васъ рѣшительный соціалистъ, но именно потому что я соціалистъ, я рѣшительно не допускаю совмѣстимости соціальнаго преуспѣянія Россіи и развитія тѣхъ зародышей, которые вотъ уже скоро тысячу лѣтъ дѣйствительно таятся въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго общества съ дальнѣйшимъ существованіемъ Всероссійскаго государства, — и думаю, что первая обязанность насъ русскихъ изгнанцевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать за границей, — это провозглашать громко необходимость разрушенія этой гнусной имперіи. Это должно быть первымъ словомъ нашей программы. Такое провозглашеніе было бы непрактично, скажете вы... Противъ насъ подымется всероссійская помѣщичья, литературная, офиціальная буря. Будутъ ругать, — тѣмъ лучше; теперь о насъ всѣ замолчали и равнодушно обернулись къ намъ спиною, — это хуже. Царь перестанетъ читать твои письма, — бѣды нѣтъ, ты перестанешь писать ихъ, — выигришъ ясный. Старые лысые друзья отъ тебя окончательно оттолкнутся и потеряется всякая надежда на ихъ исправленіе, — что жъ, развѣ ты дѣйствительно вѣришь, Герценъ, въ возможность и въ пользу ихъ исправленія? Мнѣ кажется, что между тобою и ими, даже въ лучшее время, существовало всегда боль

шое недоразумѣніе. Они преклонялись передъ твоимъ громаднымъ талантомъ, восторгались твоимъ всепоражающимъ остроуміемъ, уважили тебя тѣмъ болѣе, что читали и слушали тебя съ уваженіемъ самъ царь, великіе князья, все министерство; вся петербургская знать передъ тобою трепетала, слово твое смѣняло генералъ-губернаторовъ, а генералъ-адьютанты съ гордостью называли тебя своимъ другомъ. Это было твое золотое время, неправда ли, Герценъ? а друзья твои въ Россіи, видя твое полуофиціальное могущество, хвалили, лелѣяли тебя, льстили тебѣ, какъ своему предводителю, подличали передъ тобою и, громко хвастаясь твоимъ довѣріемъ, твоею корреспонденціею, какъ бы сами становились соучастниками въ твоемъ могуществѣ. Но были ли они когда вмѣстѣ съ тобой, соціалистомъ? Ты знаешь самъ, что никогда не были, они всегда порицали тебя за твой соціализмъ и если прощали его тебѣ, такъ только изъ уваженія къ твоимъ полуофиціальнымъ услугамъ и потому, что сами боялись тебя. Но когда послѣ убійства Антона Петрова и послѣ арестовъ Михайлова и другихъ, лучшимъ, настоящихъ друзей нашихъ стали хватать, и ты принялъ громко ихъ сторону, лысые друзья твои впервые усумнились въ твоемъ практическомъ тактѣ, т. е. въ продолженіи твоего трогательнаго согласія съ императоромъ. Случились пожары, зашалила молодая Россія. — они стали умолять тебя остепениться, какъ еще прежде умоляли тебя не издавать «Колокола», и все таки еще не смѣли явно отъ тебя отступить, потому что слово твое гремѣло по прежнему. Настало польское дѣло, ты самъ испугался, ослабъ передъ искуственнымъ воплемъ, поднятымъ противъ поляковъ и противъ тебя подкупною литературою, — вольную литературу правительство задушило, — и вдругъ перешелъ изъ роли грознаго карателя, громящаго и казнящаго безъ страха и безъ устали, въ роль оскорбленнаго и покинутаго любимца, объясняющагося и чуть ли не просящаго прощенія. Съ тѣхъ поръ мнимые друзья твои перестали признавать въ тебѣ начальника, а такъ какъ они не могутъ жить безъ начальства, перешли гуртомъ подъ начальство ругавшаго тебя Каткова: «значитъ, онъ правъ, значитъ и сила есть, если грозитъ и ругаетъ». «Значитъ не правъ и безсиленъ,

когда заговорилъ съ нами такъ мягко и сталъ намъ вдругъ дѣлать уступки». Таково было искони вѣка разсужденіе такъ называемаго образованнаго люда въ Россіи. Повѣрь мнѣ, Герценъ, твоя пресловутая «перемѣна фронта», которою ты такъ гордился и которымъ хотѣлъ доказать намъ, « абстрактнымъ революціонерамъ » твое практическое и тактическое умѣніе, была огромнымъ промахомъ. Твоя уступка развратному, только мнимо-единодушному дворянолитературному мнѣнію въ Россіи, разъярившемуся злобою во имя интегритета имперіи, по случаю польскаго вопроса, была бы ошибкою даже и тогда, если весь Великорусскій народъ участвовалъ бы въ этомъ мнѣніи. Развѣ правда и право перестаютъ быть правдою и правомъ потому только, что цѣлый народъ становится противъ нихъ? Бываютъ моменты въ исторіи, когда люди и партіи, сильные тѣмъ принципомъ, тою истиною, которая живетъ въ нихъ, должны для блага общаго и для сохраненія своей собственной чести имѣть мужество остаться одни, въ увѣренности, что истина притянетъ къ нимъ рано или поздно, не старыхъ и лысыхъ ренегатовъ, возвращеніе которыхъ совершается всегда въ ущербъ дѣлу, а новыя, свѣжія массы. Вѣдь истина не абстракція и не продуктъ личнаго произвола, а только наиболѣе логичное выраженіе тѣхъ началъ, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ массахъ. Массы иногда по близорукости и невѣжеству увлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привилегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ. Чтожъ, неужели люди, знающіе, въ чемъ дѣло, знающіе, куда надо и куда не надо идти, должны ради популярности увлекаться и врать вмѣстѣ съ ними? Въ этомъ ли состоитъ ваша пресловутая практичность? Не та ли самая практичность заставила Мацини нейтрализировать республиканское знамя въ 1859 г., писать посланія къ папѣ и къ королю, искать сдѣлокъ съ Кавуромъ, и отъ уступки къ уступкѣ не она ли его довела до совершеннаго, собственноручнаго разрушенія республиканской партіи въ Италіи. Она же превратила народнаго героя Гарибальди въ безсловеснаго слугу Виктора Эмануила и

Наполеона III. Говорятъ, Мацини и Гарибальди должны были уступить волѣ народной. Въ томъ то и дѣло, что они уступили не волѣ народной, а небольшому буржуазному меньшинству, взявшему на себя право говорить во имя равнодушнаго ко всѣмъ этимъ политическимъ перемѣнамъ народа. Тоже самое случилось и съ вами, Вы приняли литературно помѣщичій вопль за выраженіе народнаго чувства и оробѣли — оттуда перемѣна фронта, кокетничанье съ лысыми друзьями-измѣнниками и новыя посланія къ государю... и статьи въ родѣ 1-го Мая нынѣшняго года, — статьи, которой я ни за что въ мірѣ не согласился бы подписать; ни за что въ мірѣ я не бросилъ бы въ Каракозова камня и не назвалъ бы его печатно «фанатикомъ или озлобленнымъ человѣкомъ изъ дворянъ», въ то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно и литературно чиновничья Русь его ругаетъ и ругая его, надѣется выслужиться передъ царемъ и начальствомъ, — въ то время какъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ наши лысые друзья съ восторгомъ говорятъ: «ну, ужъ Михаилъ Николаевичъ его пытнетъ», и когда онъ выноситъ всѣ Муравьевскія истязанія съ изумительнымъ мужествомъ. Ни въ какомъ случаѣ мы здѣсь не имѣемъ права судить его, ничего не зная о немъ, ни о причинахъ, побудившихъ его къ извѣстному поступку. Я также, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ цареубійства въ Россіи, готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію, но не удивляюсь отнюдь, что не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе и что подъ тягостью настоящаго, невыносимаго, говорятъ, положенія, нашелся человѣкъ менѣе философски развитой, но за то и болѣе энергичный, чѣмъ мы, который подумалъ, что гордіевъ узелъ можно разрѣзать однимъ ударомъ, и я искренно уважаю его за то, что онъ подумалъ, такъ и совершилъ свое дѣло. Не смотря на теоретическій промахъ его, мы не можемъ отказать ему въ своемъ уваженіи и должны признать его «нашимъ» передъ гнусной толпой лакействующихъ царепоклонниковъ. Въ противность сему ты въ той же статьѣ восхваляешь «необыкновенное» присутствіе духа молодаго крестьянина, рѣдкую быстроту соображенія и ловкость его. Любезный

Герценъ, вѣдь это изъ рукъ вонъ плохо, на тебя не похоже, смѣшно и нелѣпо. Чтожъ необыкновеннаго и рѣдкаго въ дѣйствіи человѣка, который, видя какъ другой человѣкъ подымаетъ руку на третьяго, хватаетъ его за руку или ударяетъ по ней; вѣдь это сдѣлалъ бы всякій, старикъ, также какъ и молодой, царененавистникъ, для котораго, напр. какъ для меня, жизнь царя рѣшительно ничѣмъ не «застрахована» и напротивъ осуждена за неповинную польскую и русскую кровь, пролитую по его приказанію, также какъ и самый ревностный царепоклонникъ. Это сдѣлалъ бы всякій безъ мысли, безъ цѣли, а механически, инстинктивно, съ быстротою и ловкостью всякаго инстинктивнаго движенія... Твое выраженіе: «озлобленный человѣкъ изъ дворянъ», напоминаетъ мнѣ любимое выраженіе оправославившагося Гоголя, который въ послѣднее время своей жизни называлъ насъ всѣхъ «огорченными», — а во вторыхъ твое выраженіе двусмысленно: можно подумать, что ты считаешь его озлобленнымъ противъ царя за то что онъ освободилъ крестьянъ? Въ дѣйствительности же онъ стрѣлялъ въ него потому, что онъ обманулъ крестьянъ. Это явствуетъ изъ первыхъ словъ произнесенныхъ Каракозовымъ по совершеніи акта. А ты въ той же статьѣ, еще сердишься на царя за то, что онъ возведеніемъ Комисарова въ дворянское достоинство, будто бы исказилъ смыслъ урока даннаго намъ исторіею. Въ чемъ же состоитъ по твоему смыслъ историческаго урока? Догадаться не трудно: Рылѣевы, Трубецкіе, Волконскіе, Петрашевскіе, Каракозовы непримиримые враги императорства, — всѣ изъ дворянъ. Сусанины, Мартьяновы, Комисаровы, — поборники и спасители самодержавья — всѣ изъ народа. Ты же, продолжая свою роль непризваннаго и непризнаннаго совѣтника и пестуна всего царскаго дома, не исключая даже и шалуновъ Лейхтенбергскихъ, ты упрекаешь Александра Николаевича въ томъ, что онъ унижаетъ преданное ему крестьянство передъ враждебнымъ ему дворянствомъ. А вѣдь что ни говори, Герценъ, Александръ Николаевичъ, руководимый чувствомъ самосохраненія, лучше понимаетъ смыслъ государственно русской исторіи, чѣмъ ты: онъ чувствуетъ, а можетъ быть и видитъ ясно, что приверженность нашего народа къ царю

точно также основана на недоразумѣніи, кака на недоразумѣніи основано у насъ фрондерское либеральничанье дворянскаго класса, и что по существу своихъ интересовъ и по тѣмъ же причинамъ народъ долженъ быть врагомъ, а дворянство неизмѣннымъ союзникомъ царской власти, пагубной для народа и едино спасительной для дворянства. Это сознаніе овладѣваетъ теперь видимо цѣлымъ классомъ дворянства. Будемъ надѣяться, что по мѣрѣ того, какъ дворянство, повинуясь несомнѣнной необходимости вытекающей изъ всѣхъ интересовъ его, будетъ сближаться съ царемъ, народъ будетъ отъ него удаляться и пойметъ наконецъ, что между его благоденствіемъ и властью царя, государства, существованіемъ имперіи, нѣтъ возможнаго примиренія. Объяснить это ему всѣми средствами, дѣло нашихъ друзей, живущихъ и дѣйствующихъ въ Россіи, — а показать единственный путь свободы и общаго спасенія нашимъ друзьямъ — наше дѣло.

Пора резюмироваться: — не подлежитъ сомнѣнію, что ваша пропаганда въ настоящее время не пользуется даже и десятою долею того вліянія, которое она имѣла четыре года тому назадъ. Звоны вашего «Колокола» раздаются и теряются нынѣ въ пустынѣ, не обращая на себя почти ничьего вниманія... Значитъ, что онъ звонитъ по пустому и благовѣститъ не то, что слѣдуетъ. Вамъ остается два выхода: или его прекратить, или дать ему направленіе иное. Вамъ надо рѣшиться. Въ чемъ же должно состоять новое напрявленіе? А прежде всего опредѣлить, къ кому вы должны обращаться? Гдѣ ваша публика? Народъ не читаетъ, слѣдовотельно вамъ дѣйствовать прямо на народъ иззаграницы невозможно. Вы должны руководить тѣхъ, которые положеніемъ своимъ призваны дѣйствовать на народъ, именно тѣхъ, которыхъ вы своими практическими уступками и своимъ обращеніемъ то къ правительству, то къ лысымъ друзьямъ-измѣнникамъ систематически отъ себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться отъ всякаго притязанія, надежды и намѣренія влiять на настоящій ходъ дѣлъ, на государя, на правительство. Тамъ васъ никто не слушаетъ, пожалуй, надъ вами смѣются, тамъ всѣ знаютъ, куда они идутъ и чего имъ надо, знаютъ также, что Всероссійское государство кромѣ петербург-

скихъ цѣлей и средствъ, другими существовать не можетъ. Обращаясь къ этому міру, вы только теряете драгоцѣнное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой, въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ — въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная и сильная воля. Только не кормите ихъ полусвѣтомъ, полуистиною, недомолвками. Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, безсмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она отъ васъ не отстанетъ и въ случаѣ нужды, когда вы будете уставать, подтолкнетъ васъ впередъ. Эта публика сильна, молода, энергична, — ей надо полнаго свѣта и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповѣдуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но давайте ей всю истину, дабы она при свѣтѣ этой истины могла бы узнать, куда идти и куда вести народъ. Развяжите себя, освободите себя отъ старческой боязни и отъ старческихъ соображеній, отъ всѣхъ фланговыхъ движеній, отъ тактики и отъ практики, перестаньте быть Эразмами, станьте Лютерами и возвратится къ вамъ вмѣстѣ съ утраченною вѣрою въ дѣло и старое краснорѣчіе и старая сила, — и тогда, но только тогда ваши старые блудные дѣти измѣнники, познавъ вновь въ вашемъ голосѣ голосъ начальника, возвратятся къ вамъ съ покаяніемъ и горе вамъ, если вы согласитесь принять ихъ.

Вотъ вамъ, друзья, мое полное мнѣніе, а теперь судите меня, какъ хотите, и постарайтесь отвѣчать не каламбурами, ничего не деказывающими, а дѣломъ. Чтожъ касается страннаго космо-поэтико-славо-лондоно-женевскаго фратернитета и всемірнаго заговора противъ тебя, о которомъ ты упоминаешь въ своемъ послѣднемъ письмѣ, Герценъ, могу сказать тебѣ, что никогда о немъ не слыхалъ и вообще и совершенно намѣренно держу себя въ сторонѣ отъ всѣхъ эмигрантскихъ сплетенъ и шума. Слышалъ только отъ Утина младшаго, что будто онъ мирилъ тебя съ Молодою Россіею у себя за обѣдомъ.... но не повѣрилъ.

Грустны извѣстія о здоровьи Огарева. Ну, да мы всѣ скоро подкосимся.... лишь бы послѣдніе годы не пропали даромъ. А теперь обнимаю васъ обоихъ и прошу васъ о сохраненіи старой дружбы, независимой отъ теоретической и даже практической розни.

Вашъ М. Бакунинъ.

Приготовь свою часть отвѣта и какъ нибудь перешлемъ ему. Я буду отвѣчать искренно и серьезно.

12 Августа.

Разногласіе кн. Оболенской съ мужемъ, о которомъ говоритъ Бакунинъ въ началѣ этого письма, стало въ свое время фактомъ публичнымъ, послѣ того какъ князь Оболенскій, при помощи полиціи Водскаго кантона, взялъ двухъ дѣтей своихъ изъ дома жены. По этому дѣлу была напечатана довольно большая брошюра «Протестъ противъ русскаго правительства княгини Зои Сергѣевны Оболенской, урожденной графини Сумароковой». (Женева, 1870). Княгиня Оболенская послѣ вышла за мужъ за поляка Мрочковскаго (Острогу) о которомъ дальше говорится не мало.

По поводу мнѣнія Бакунина о «лысыхъ» друзьяхъ «Колокола» и молодежи мы позволимъ себѣ замѣтить, что Б—нъ былъ во многомъ правъ, говоря о первыхъ и считая ихъ отпѣтыми, — но на другой ладъ были также отпѣтыми и молодые Базаровы. Трагизмъ положенія русскаго общества заключался въ томъ, что передовымъ людямъ его надо бы было способствовать воспитанію въ немъ совсѣмъ новыхъ людей, твердыхъ въ принципахъ и смѣлыхъ, но способныхъ понимать условія дѣйствительности и при этомъ болѣе образованныхъ, чѣмъ нигилисты-Базаровы, а не поддаваться готовымъ уже «отщепенцамъ» и толкать школьную молодежь въ преждевременную политическую борьбу. «Новая порода людей» русскихъ должна бы была быть готова прежде всего къ дѣятельности повседневной, а не къ однимъ только революціоннымъ вспышкамъ, которыя бываютъ рѣдко, да и приготовляются совсѣмъ не отщепенцами. Въ письмахъ Герцена и Огарева пробиваются мысли о необходимости для Россіи такихъ именно дѣятелей и между прочимъ о возможности имъ вліять на ходъ дѣла въ Россіи чрезъ появившіяся тогда зачатки общественныхъ учрежденій, въ родѣ земскихъ, — хотя революціонно-славянофильскія упованія самого Герцена, которыя мы изложили въ примѣчаніяхъ къ его перепискѣ съ Тургеневымъ, — и подрѣзывали подобныя мысли.

Теперь и заднимъ числомъ можно сказать, что Бакунинъ вышелъ правымъ, мало ожидая результатовъ отъ этихъ учреж-

деній. Но эта малость результатовъ должна быть объяснена между прочимъ и тѣмъ, что болѣе радикальная часть общества (въ томъ числѣ и радикальная часть легальной журналистики) совсѣмъ отворачивалась отъ такихъ учрежденій, презирая даже западные «буржуазные парламенты», и вся русская молодежь 60—70-хъ годовъ воспитывалась въ идеѣ полной ненужности для «народа» или даже вредѣ подобной «постепеновщины», въ виду близкой «народной революціи». По этому напр. старшіе земскіе дѣятели, которые работали по крайнему разумѣнію и, конечно, съ неизбѣжными недостатками, остались безъ помощниковъ и безъ наслѣдниковъ, которые должны бы были повести дѣло шире и смѣлѣе. Земскія учрежденія стали встрѣчать симпатію русскихъ радикаловъ лишь тогда, когда были осуждены правительствомъ на ломку.

XXXIX.

(1866) 5 или вѣрнѣе 6 Августа ночью.

Любезный Ага. — На счетъ Кельсіева написать хорошо и можно еще крѣпче. Пошлю Герцену; онъ вѣроятно согласится, подпишетъ — да кстати вѣдь у него есть друзья въ Америкѣ: Шурцъ Канъ и другіе. Почему Герцену не написать имъ? Слѣдуетъ. Надо обнаружить этого мерзавца въ Америкѣ. Я съ своей стороны напишу своему пріятелю Карлу Сумнеру. На счетъ средствъ писанія къ Бою, вѣдь онъ намъ оставилъ цѣлый букварь конспираторскій, можешь написать шифромъ. Да наконецъ по моему можешь написать и прямо безъ шифра, обинякомъ. Онъ уменъ, пойметъ. А Rolin пріѣхалъ съ запиской ко мнѣ отъ Герцена. Онъ мнѣ очень нравится. Такъ какъ у меня комната пустая, то онъ остановился у меня. По требованію Герцена и по моему собственному желанію, я приведу его къ тебѣ, можетъ завтра, можетъ, послѣ завтра, между 3 и 5 часами по полудни.

Прощай, спать пора. Твой М. Б.

Ага — дѣти Герцена называли Огарева.

Кельсіевъ въ это время отдался въ руки правительства и, отпущенный на волю, сталъ писать противъ своей агитаціонной дѣятельности.

Боемъ Бакунинъ называлъ Нечаева.

XL.

4 Апрѣля 1867. Napoli
Vico Bella donna à Chiaja № 7, 2 piano.

Любезный Герценъ. Податель этого письма, знаменитый ученый и женевскій профессоръ Claparède, очень желаетъ съ тобою познакомиться, и я съ удовольствіемъ даю ему это письмо, потому что увѣренъ, что ты найдешь много удовольствія въ его знакомствѣ. Онъ нашъ по мысли и по направленію, умъ свѣтлый, душа прямая и честная. Онъ очень боленъ и эта болѣзнь часто парализируетъ его дѣятельность. Еще разъ я увѣренъ, что Огаревъ и ты будете мнѣ благодарны за это знакомство. Ты былъ въ Италіи, я надѣялся, что желаніе погрѣться увлечетъ тебя на нѣсколько дней въ Неаполь. Самъ бы поѣхалъ къ тебѣ на встрѣчу во Флоренцію, если бы были деньги. Но денегъ у меня, по обыкновенному, не нашлось. Неаполитанское солнце оказалось на этотъ разъ для тебя не заманчивымъ, и желаніе мое видѣться съ тобою не сбылось. Авось удастся мнѣ въ Іюнѣ или въ Іюлѣ съѣздить въ Женеву, гдѣ Клапаредъ предлагаетъ мнѣ пристанище. Прежде, чѣмъ ты получишъ это письмо, будутъ высланы мною 7 фр. — цѣна абонированія на «Колоколъ». Говорятъ, что послѣдніе два нумера, которыхъ я не видалъ, очень интересны по заключающимся въ нихъ корреспонденціямъ изъ Россіи.

А красиво теперь на Руси. Богоспасаемый ученикъ вашъ давно перещеголялъ Николая. Впрочемъ я радъ, Я никогда не вѣрилъ въ правительственный прогрессъ, ни въ государственный соціализмъ, я радъ, что правительство и государство выходятъ откровенно внаружу, оказываются тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть. Какъ ни тупо еще сознаніе въ русскомъ народѣ, пробудится наконецъ и оно; а такъ какъ въ нашемъ государствѣ нѣтъ ничего органическаго, — все только дѣло механики, — лихо только будетъ ломкѣ начаться, — ничто потомъ не остановитъ ее; — имперія лопнетъ, — въ этомъ я не сомнѣваюсь, желаю только, чтобъ лопнула она при насъ.

Что дѣлаетъ Огаревъ? Что его здоровье? Бережется ли

онъ достаточно и есть ли при немъ умный докторъ? Жму его и твою руку, Натальѣ Алексѣевнѣ усердный поклонъ. Авось удастся мнѣ повидаться съ вами будущимъ лѣтомъ въ Женевѣ.

XLI.

8 Апрѣля 1867. Napoli.
Vico Bella donna à Chiaja № 9, 2 piano.

Любезный Герценъ. Удивляюсь, что Бакстъ, бывшій у насъ нѣсколько разъ, не передалъ тебѣ моего адреса. Отдаю тебѣ мое имя въ полное распоряженіе съ правомъ отвѣчать отъ него кому и какъ тебѣ будетъ угодно. Только не знаю, о какой статьѣ въ «Колоколѣ» ты говоришъ; я не получилъ ни одного мартовскаго номера «Колокола» и начиналъ ужъ думать, что ты, разсердившись на меня за что бы то ни было, — разумѣется безъ всякой вины съ моей стороны, — попросилъ Тхуржевскаго прекратить посылку вашего журнала ко мнѣ, — и собрался ужъ послать вамъ 7 фр. съ просьбою меня абонировать. Прошу тебя, пришли мнѣ два нумера, вышедшіе въ Мартѣ, и объясни въ чемъ дѣло? Очень естественно, что я не получилъ твоего предъидущаго письма, ты адресовалъ его poste restante, и оно преспокойно лежитъ на почтѣ. Теперь возьму его. Если мнѣ покажется обидною нападка, я кромѣ твоего отвѣта, который прошу тебя сдѣлать по полномочью и не прямо отъ меня, напишу отвѣтъ и отъ себя, совершенно согласный съ тобою въ томъ, что намъ съ этими скотами церемониться не слѣдуетъ. Недѣли черезъ двѣ прибудетъ въ Женеву професоръ Claparède, женевецъ, зоологическая знаменитость и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный, чрезвычайно уменъ, раздѣляетъ всѣ главные пункты нашей вѣры и можно сказать нашъ совершенно, только больной и отъ болѣзни усталый. Я убѣжденъ, что Огаревъ и ты будете мнѣ очень благодарны за это знакомство. А что Огаревъ? пусть и онъ напишетъ мнѣ нѣсколько словъ. Друзья, мы хоть по видимому и идемъ на разныхъ дорогахъ, — идемъ каждый по

своему лучшему разумѣнію честно и неустанно къ одной цѣли, — а лично я никогда не переставалъ быть вашимъ. A propos, получилъ ли ты и читалъ ли Ситуаціоне Италіяна Октябрь? Посылаю тебѣ съ сею же почтою программу новаго журнала, который скоро появится въ Неаполѣ. Да не испугаютъ тебя немного шарлатанскія обѣщанія въ концѣ и преднамѣренное упущеніе соціальныхъ вопросовъ въ программѣ журнала, который по преимуществу будетъ соціальный. Жму руку Огарева, кланяюсь отъ себя и отъ жены и ему и Натальѣ Алексѣевнѣ и Лизѣ и жду отвѣта.

Вашъ М. Б.

Получено мною № 233—234 и на дняхъ № за 1 Апрѣля, а промежуточныхъ одинъ.

XLII.

ЧЕРНОВАЯ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА КЪ БАКУНИНУ.

29 Апр. 1867.

Твое письмо, если хочешь, я напечатаю, но позволь немного уменьшить ругательствъ. Статей жду (если только?) онѣ у тебя не застрянутъ въ мозговомъ проходѣ, какъ «Записки», трактатъ о государствѣ, ректификація «Колокола» и все остальное, тобою написанное.

Почему послѣ тѣлеснаго развода съ Россіей — дѣлаешь духовный? я не понимаю. Что твоя дѣятельность въ Неаполѣ полезна, — это я оцѣнилъ теперь, бывши во Флоренціи и Венеціи и читая ваши журналы — но это не резонъ, чтобы depis на Россію продолжать до того, чтобъ съ ней не говорить.

Ты сердишься на Россію, что она идетъ по колѣна въ грязи и крови (зачеркнуто: а не по твоему рецепту). Да бѣда въ томъ, что и всѣ остальные народы такъ идутъ. И вопросъ собственно не въ томъ, чисты ли сапоги, а въ томъ, туда ли она идетъ. Россія не виновата, что ея лучшіе люди (и мы въ томъ числѣ) не имѣли смысла стать въ

практическіе дѣятели, когда это было можно, а были старые студенты, гелертеры (?), поэты (зачеркнуто: и революціонныхъ дѣлъ мастера и эмигранты, какъ мы всѣ).

Ты умѣлъ оцѣнить въ С(ибири) цивическія и демократическія доблести въ (?) Муравьевѣ, (зачеркнуто: зарывавшемъ козаковъ, губившемъ отряды и деспотомъ въ душѣ. И хорошо сдѣлалъ. Какъ же ты изъ всякого событія совершившагося въ Россіи не видишь, что рядомъ съ временной гадостью) Сдѣлай тоже и съ Россіей. Пойми что дѣло идетъ нужникомъ, но своимъ чередомъ. Слѣдилъ ли ты за судомъ присяжныхъ? За судомъ вообще. (Зачеркнуто: Это поглощающій интерессъ). Слѣдилъ ли за земскими собраніями, за предложеніемъ обложить дворянъ податью.

Скар(ятинъ) лѣзетъ изъ кожи и кричитъ: «Милют(инъ), Сам(аринъ), Черк(аскій) примѣняютъ на практикѣ теоріи Г—а (Герцена) и крупная собственность шатается» а съ ней все остальное. Вмѣсто того чтобъ снова начать рѣчь получше, ты въ Schmerzen отворачиваешься.

Далѣе, какъ бы мы ни были сентим(ентальны), но нельзя же намъ, какъ индѣйки (?) лечь въ гробъ . Вся наша роль относительно польскаго дѣла была колос(альной) ошибкой (зачеркнуто: раздѣленной на (семь?) образцовъ. IV тебѣ, II Огар. I мнѣ. Ты) вспомни, какъ я спорилъ, кричалъ (зачеркнуто: съ кашлемъ въ горлѣ) мѣшалъ (зачеркнуто: тебѣ сначала и почему думалъ, что твоя честь требуетъ ѣхать). Но съ тѣхъ поръ прибыло убѣжденіе въ совершенной неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой націи. Мартьяновъ былъ правъ: намъ слѣдовало молчать и выжидать конца. Мы сгубили свое положеніе, да еще при томъ безъ вѣры (вѣрилъ ты одинъ въ самомъ дѣлѣ) Oggi o mai *) — надобно теперь вынырнуть съ восточной войной (и) съумѣть не терять фарватера. Вотъ мой . . . .

Въ сущности и Бакунинъ въ 1862 г. не совсѣмъ вѣрилъ въ успѣхъ польскаго возстанія, какъ видно изъ его письма къ обществу «Земля и Воля», напечатаннаго въ «Посмертныхъ Сочиненіяхъ» Герцена (стр. 205—206).

---

*) Теперь или никогда. М. Др.

Друзья и братья,

Строки, написанные другомъ нашимъ, Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, проникнуты искреннею и безконечною преданностью къ великому дѣлу нашего народнаго да и общеславянскаго освобожденія. Нельзя не согласиться съ нимъ, что общему, мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія, преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ. Признаться надо, что, при настоящемъ настроеніи Россіи и цѣлой Европы, надежда на успѣхъ такого возстанія слишкомъ мала, и что пораженіе партіи движенія въ Польшѣ будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ временное торжество царскаго деспотизма въ Россіи. Но съ другой стороны, положеніе поляковъ до того не выносимо, что врядъ-ли у нихъ станетъ на долго терпѣнія.

Само правительство гнустными мѣрами систематическаго и жестокаго притѣсненія вызываетъ ихъ, кажется, на возстаніе, отложить которое было бы по этому самому столько-же нужно для Польши, какъ и необходимо для Россіи. Отложеніе его до болѣе дальняго срока было бы безъ всякаго сомнѣнія и для нихъ и для насъ спасительно. Къ этому вы должны устремить всѣ усилія свои, не оскорбляя однако ни ихъ священнаго права, ни ихъ національнаго достоинства. Уговаривайте ихъ, сколько можете и доколѣ обстоятельства позволяютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми къ рѣшительной минутѣ, и, когда выведенные изъ послѣдней мѣры возможнаго терпѣнія, наши несчастные польскіе братья встанутъ, встаньте и вы, не противъ нихъ, а за нихъ, — встаньте во имя русской чести, во имя славянскаго долга, во имя русскаго народнаго дѣла съ кликомъ: Земля и Воля. И если вамъ суждено погибнуть, сама погибель ваша послужитъ общему дѣлу... А богъ знаетъ! можетъ быть геройскій подвигъ вашъ, въ противность всѣмъ разсчетамъ холоднаго разсудка, неожиданно увѣнчается и успѣхомъ....

Что-же до меня касается, чтобъ васъ ни ожидало, успѣхъ или гибель, я надѣюсь, что мнѣ будетъ дано раздѣлить вашу участь.

Прощайте — и, можетъ быть, до скораго свиданія.

М. Б.

Не желая признать своей тогдашней ошибки, которая состояла главнымъ образомъ въ отступленіи отъ федеральной программы, при чемъ «интегритетъ Всероссійскаго государства» жертвовался въ пользу «интегритета» Польши исторической, а не народной, т. е. польскаго государства 1772 г., Бакунинъ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ сталъ относиться къ «интегритету Всероссійскаго государства», проповѣдуя полное разрушеніе послѣдняго и переходя отъ федерализма къ анархизму и аморфизму вообще.

XLIII.

7 Мая 1867. per Napoli, Ischia a Lacco. Villa Arabusta.

Любезные друзья. Четыре дня тому назадъ я вамъ послалъ для напечатанія добавочное письмо объ Аксаковѣ, которое, надѣюсь, удовлетворитъ васъ. Теперь пишу вамъ съ пріятелемъ, могу сказать съ другомъ своимъ Валеріаномъ Мрочковскимъ, котораго вамъ рекомендую. Онъ везетъ отъ меня письмо къ Тхуржевскому и порученіе къ Чернецкому. Окончательное и счастливое заключеніе порученнаго ему дѣла зависитъ разумѣется отъ вашаго согласія, безъ котораго Чернецкій ни на что не согласится. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ согласіи не откажете. Что вамъ за дѣло, что напечатается въ типографіи Чернецкаго Ситуація № 2, которая будетъ заключать опроверженіе направленія Мацини и Гарибальди еще въ сильнѣйшихъ и яснѣйшихъ выраженіяхъ, чѣмъ въ первой, причемъ будетъ высказано все должное уваженіе къ двумъ знаменитымъ, но нынѣ для Италіи истинно фатальнымъ итальянцамъ. Если Чернецкій съ вашего благословенія согласится напечатать ее и вмѣстѣ съ Тхуржевскимъ возьмется ее разослать по адресамъ, которые везетъ имъ Мрочковскій, — то увѣдомьте меня поскорѣе, — я вамъ вышлю въ скорое время манускриптъ вмѣстѣ съ деньгами для покрытія издержекъ. Одинъ только вопросъ: кто будетъ держать корректуру? Не согласишся ли ты, Герценъ? Ну обо всемъ этомъ переговорите съ Мрочковскимъ. Къ 25-му непремѣнно вы получите въ Женевѣ мою первую статью — продолженіе писемъ. Она ужъ написана, слѣдуетъ только передѣлать, укоротить и подчистить.

Ты все горюешь о томъ, Герценъ, que nous avons manqué notre vocation и что не умѣли стать во время практическими людьми. Но практика не возможна безъ объективнаго политически-соціальнаго основанія, а въ офиціальной Россіи для насъ, съ нашимъ соціально-политическимъ, противугосударственнымъ направленіемъ, его для насъ быть не можетъ. Ты какъ будто завидуешъ настоящей дѣятельности Аксакова, Самарина et consortes. Но вспомни, что они купили ее цѣною православья и примиренья въ Польшѣ съ петербургскимъ государственнымъ принципомъ. Я читалъ умныя рѣчи Самарина въ Московскомъ Земскомъ съѣздѣ— онъ говорилъ очень умно, но также и очень безобидно, потому что согласившись встать одинъ разъ въ положеніе, въ которомъ можетъ процвѣтать только одна государственность, онъ словами конечно не опрокинетъ ее. Всѣ эти господа побиваются теперь ихъ собственнымъ оружіемъ и будутъ въ концѣ разбиты. Что ни говорите, друзья, а логика великая, скажу болѣе, едино сильная вещь. Будемъ логичны и мы будемъ сильны, если не для настоящаго, то непремѣнно для будущаго и можетъ быть болѣе близкаго, чѣмъ намъ самимъ кажется. А я не вѣрю въ восточную войну. — и скажу почти твоими словами, она насъ не вынесетъ, а мы, — или зачѣмъ же мы? — наше государство ее загрязнитъ и испортитъ своимъ вмѣшательствомъ. Оно ищетъ на Востокѣ не новой жизни, а возмездія и вознагражденія за нанесенный урокъ старой жизни крымскою компаніею, надѣется возстановить ее новыми побѣдами подъ крутой шумокъ. Все это гроша не стоитъ. Все это офиціальное кокетничанье съ славянами отвратительно, гадко, — и у меня большая охота напомнить всѣмъ этимъ нѣмецкимъ славянамъ и славянамъ государственникамъ: Палацкому, Ригеру, Браунеру и другимъ, что они ѣдутъ въ Москву, чтобы праздновать тамъ славянское братство, черезъ задавленную Москвою славянскую Польшу. Ну объ этомъ, если позволите поговорю, въ статьяхъ. Ты спрашиваешь меня, другъ Огаревъ, какъ мы живемъ? Тѣсновато, братъ, но за то дружно и тихо. Теперь перебрались въ Искію, гдѣ пробудемъ мѣсяцъ, два, а можетъ и три и гдѣ буду ждать денегъ изъ Россіи. Писалъ я нѣкоторымъ друзьямъ въ Америку, куда хотѣлъ бы посылать въ журналы кореспонденціи. Они хорошо платятъ. Надѣюсь, что не от-

кажутъ. Если получу достаточно денегъ, то непремѣнно пріѣду на мѣсяцъ къ вамъ. Покамѣсть моею главною квартирою останется Неаполь. Здѣсь живется тихо, свободно и не дорого. Ну, и природа, — вы сами знаете, какъ она хороша.

Герценъ и Огаревъ. Отдайте Мрочковскому бумаги привезенныя вамъ В—мъ, — Организацію общества — и (ту) которая васъ такъ скандализировала.

Помѣщенное выше письмо Герцена къ Бакунину и упоминаемое въ послѣднемъ письмѣ Бакунина добавочное письмо объ Аксаковѣ относятся къ эпизоду, по которому документы находятся въ №№ 239—241 «Колокола» (15 Апр. — 15 Мая 1867 г.). Начался этотъ эпизодъ съ того, что газета «Голосъ» (1867, № 46) ссылаясь на отчотъ генералъ-полиціймейстера Царства Польскаго, объявила, что въ Россіи существовало общество поджигателей и что принадлежность къ нему Герцена и Бакунина, — неопровержимый фактъ. Герценъ написалъ протестъ противъ этого заявленія и послалъ его въ газету Ив. Аксакова «Москва». Аксаковъ напечаталъ протестъ Герцена, но назвалъ его голословнымъ оправданіемъ, и охотно допуская, что Г. не принадлежалъ къ обществу поджигателей, — выставляетъ противъ него другія обвиненія: Существованіе тульчинской агенціи (Кельсіева) называвшей именемъ Герцена, — открытіе подписки въ «Колоколѣ» въ пользу Польскаго Народнаго Жонда, — устройство въ единомысліи съ Бакунинымъ экспедиціи въ помощь Полякамъ, — такъ, что вопросъ-де сводится къ тому, — «вредилъ ли Г. Россіи только мечемъ или мечемъ и огнемъ», — и въ заключеніе Аксаковъ призываетъ Г. къ покаянію въ прегрѣшеніяхъ передъ Россіей.

Въ № 240 «Колокола» (1 Мая 1867) находится Отвѣтъ И. С. Аксакову, — длинное письмо въ четыре страницы. Герценъ опровергаетъ всѣ обвинительные пункты, выставленные Аксаковымъ, и зоветъ къ покаянію другихъ... «Не при жизни, такъ на нашей могилѣ настанетъ день, не нашего раскаянія, а раскаянія поредъ нашими тѣнями, за оскорбленную въ насъ любовь къ Россіи»!....

Объ отношеніи къ польскому возстанію Герценъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «мы были съ самаго начала противъ возстанія, и не только въ статьяхъ, но и во всѣхъ разговорахъ. Свидѣтелей послѣ отеческаго умиротворенія трудно вызвать, лучшіе изъ нихъ, какъ Сѣраковскій, Падлевскій, — вы знаете гдѣ... однако есть и живые, на которыхъ мы можемъ смѣло сослаться. Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ не возмущать дѣла русскаго разви-

тія, идти вмѣстѣ съ нами. Но отвратить возстаніе мы не могли. да и врядъ ли могъ кто нибудь»....

«Знаете ли вы, что значитъ стоять между двумя противниками, которыхъ вы любите и которые идутъ на смертный бой; вы ихъ убѣждаете, вы ихъ просите, вы бранитесь и дѣлаете уступки, вы плачете, вы грозите, вы выбиваетесь изъ силъ и съ какимъ то отчаяніемъ убѣждаетесь, что тутъ предѣлъ дѣйствій одного человѣка на другого... дуэль не минуема».

«Что же по вашему, такъ и бросить ихъ на произволъ собственному безумію и чужой клеветѣ? Или еще лучше бросить одного побитаго; даже опрокинуться на него... и приговаривать „по дѣломъ ему, ништo ему... не суйся“».

«Нѣтъ, этого вы не посовѣтуете».

По поводу обвиненій Аксакова и Бакунинъ прислалъ письмо въ «Колоколъ», которое, очевидно, не удовлетворило Герцена и было измѣнено Бакунинымъ, такъ что явилось въ № 241 «Колокола» съ прибавкою въ слѣдующемъ видѣ:

20 Апрѣля 1867. Неаполь.

Любезный Герценъ,

Сей часъ получилъ три нумера «Колокола», изъ которыхъ впервые узналъ, что «Голосъ» перепечаталъ изъ «Варшавскаго Дневника» статью о существованіи за границею общества зажигателей и поддѣлывателей русскихъ кредитныхъ билетовъ, въ которой между, прочимъ, сказано: «Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ съ шайкою, неопровержимый фактъ, а потому и было занесено во всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-полицмейстера» и пр. (какого, варшавскаго или петербургскаго?)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ тобою напечатанныхъ въ томъ же нумерѣ въ отвѣтъ на нелѣпую клевету. Прочелъ также твое письмо къ г. Аксакову, которому я не сталъ бы писать; вѣдь онъ былъ послѣ Каткова однимъ изъ главныхъ поощрителей Муравьева и поборниковъ русскаго грабежа и налачества въ Польшѣ, ~~осрамившаго~~ ~~русское имя~~ и отодвинувшаго на нѣсколько лѣтъ освобожденіе Россіи. Прочелъ его отвѣтъ, перепечатанный въ 239 л. «Колокола». Въ немъ сказано: «Что г. Герценъ открывалъ въ «Колоколѣ» подписку въ пользу польскаго народнаго жонда, (еслибъ это была правда, я бы съ своей точки зрѣнія не видѣлъ бы въ этомъ ни ма-

лѣйшаго зла, но вѣдь это чистая ложь, выдуманная ради полемической потребности, значитъ, съ точки зрѣнія обвинителя, злоумышленная и, какъ бы сказать по учтивѣе? неблагопристойная клевета) «употребившаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, не содержаніе жандармовъ-вѣшателей, отравителей и поджигателей». Палачи, забрызганные своею собственною грязью и польской невинной кровью, чтобъ успокоить свою, видно не совсѣмъ еще заглохшую совѣсть и чтобъ не умереть отъ стыда, продолжаютъ клеветать на свои благородныя жертвы. «Что г. Герценъ былъ въ единомысліи съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся эксиедицію въ помощь полякамъ, это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, однимъ ли мечемъ или также огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе».

Ты довольно силенъ, Герценъ, чтобъ не нуждаться въ чужой помощи, и потому я буду отвѣчать за себя одного. Еслибъ ты не началъ этой полемики, я продолжалъ бы молчать, какъ молчалъ до сихъ поръ, не заботясь о томъ, что говорятъ обо мнѣ гг. Скарятины и Краевскіе *), Катковы и Аксаковы, и пр. Нападки ихъ, поощряемые высочайшею улыбкою, меня не удивляютъ: ils font leur métier. Отвѣчать имъ, значило бы признавать за ними право на уваженіе, а я уваженія къ нимъ имѣть не могу.

Отвѣчать ради публики русской также не нахожу нужнымъ. «Порядочные люди, ты самъ говоришь, не повѣрятъ; а до другихъ намъ дѣла нѣтъ».

Никто лучше русской полиціи не знаетъ, что между тобою и мною никогда не бывало никакихъ заговоровъ и что никогда ни я, ни ты поджигательствомъ домовъ и дѣланіемъ фальшивыхъ бумажекъ не занимались. А что полиціи удалось увѣрить въ подобной нелѣпости черезъ чуръ ужъ не храбраго и недальновиднаго монарха, это не наше, а его царское дѣло, дѣло его замѣчательнаго простодушія, которому дѣйствительно нѣтъ предѣловъ. Повѣрилъ-же онъ, пе-

*) Вотъ этотъ ужъ ничего не говоритъ! — Изд. (Колокола).

редушивши въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ въ десять, чуть-ли не во сто разъ больше людей, чѣмъ его грозный родитель въ продолженіи тридцати двухъ лѣтняго царствованія, повѣрилъ и вѣритъ даже теперь не на шутку, что онъ все-таки благодушный монархъ отецъ, благодѣтель, освободитель Россіи!

Еслибъ полиціи вздумалось увѣрить его, что мы съ тобою сбираемся украсть Иванъ-колоколъ или царь-пушку, вѣдь онъ бы точно также повѣрилъ.

Но въ отвѣтѣ своемъ, г. Аксаковъ касается другаго вопроса, а именно твоего и моего участія въ польскомъ дѣлѣ. Считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія этобо вопроса не передъ г. Аксаковымъ, до котораго мнѣ равно нѣтъ никакого дѣла, но передъ порядочными людьми въ Россіи, потому что, мнѣ кажется, что даже и между ними этотъ вопросъ не разъясненъ еще достаточно опредѣленно и ясно. Опять таки, и по тѣмъ же причинамъ, буду отвѣчать за себя одного.

Въ будущемъ нумерѣ вашего журнала приступлю, если вы мнѣ позволите, къ разсмотрѣнію этого важнаго вопроса, съ моей точки зрѣнія. Напередъ предупреждаю васъ, друзья, что мои мнѣнія будутъ иногда расходиться съ вашими; но это, не правда-ли? не помѣшаетъ вамъ ихъ напечатать, съ тѣми оговорками и примѣчаніями, которыя вамъ покажутся необходимыми.

Да, я дѣйствительно принималъ участіе въ польской неудавшейся экспедиціи черезъ Балтійское море, экспедиціи нисколько не затѣянной мною, но мною вполнѣ одобренной. Въ будущихъ нумерахъ скажу на какихъ основаніяхъ и съ какою именно цѣлью я принималъ въ ней участіе. Теперь-же кончаю это письмо слѣдующею исповѣдью:

Да, я желалъ полнѣйшаго успѣха послѣдней польской революціи и по мѣрѣ силъ, готовъ былъ содѣйствовать ея торжеству; во-первыхъ потому, хто хотя програма ея и далеко не соотвѣтствовала нашимъ желаніямъ и нашимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ, и хотя, именно вслѣдствіе того, она измѣнила собственному народу и вмѣстѣ съ тѣмъ повредила дѣлу освобожденія сосѣднихъ народовъ Малорусскаго и Великорусскаго племени, — эта революція была въ отношеніи къ Петербургскому государству дѣломъ святымъ

и правымъ; а во-вторыхъ потому, что ея успѣхъ нанесъ бы ущербъ значительный, не Россіи, какъ говоритъ г. Аксаковъ, а Всероссійской имперіи; все-же, что̀ наноситъ ущербъ послѣдней и способствуетъ къ разрушенію этой гибельной татаро-нѣмецкой тюрьмы, то клонится непремѣнно къ освобожденію и къ благу заключенныхъ въ ней русскихъ народовъ.

М. Бакунинъ.

Изъ письма къ издателямъ «Колокола».

3 Мая 1867.

Въ послѣднихъ письмахъ, друзья, вы браните меня за то, что я поставилъ имя г. Аксакова на ряду съ именами Каткова и К-ніи, и говорите, что между ними и имъ, — пропасть, что его неподкупная честность несомнѣнна. Зная его лично, вы можете о немъ судить лучше, чѣмъ я, а я такъ уважаю вашъ судъ, что по вашему требованію готовъ взять рѣзкое и пожалуй несправедливое слово назадъ. Къ тому-же у меня не можетъ быть никакихъ личныхъ чувствъ ни за, ни противъ г. Аксакова; вѣдь мы съ нимъ ни разу не встрѣчались въ жизни. Я зналъ близко и любилъ и уважалъ отъ души его славнаго брата Константина Сергѣевича, не смотря на все разномысліе такъ глубоко раздѣлявшее насъ. Я былъ съ тѣхъ поръ какъ себя помню революціонеромъ *), онъ, не смотря на горячее, истинно героическое сердце, жертвуя безпрестанно своею природой теоріи, былъ послушнымъ славянофиломъ и смиреннымъ православнымъ христіяниномъ. Безкритичною, страстною преданностію ученію Хомякова и Кирѣевскихъ, онъ заткнулъ бы за поясъ любого нынѣшняго славянофила, что̀ однако никогда не мѣшало ему быть въ высшемъ значеніи этого слова порядочнымъ человѣкомъ, не мѣшало ставить общечеловѣческіе законы и коренные инстинкты выше всего на свѣтѣ, выше даже самого патріотизма. Онъ былъ старомосковскій фанатикъ, это правда, но фанатизмъ его останавливался всегда съ уваженіемъ пе-

*) Не знаемъ, на сколько біографъ Б—на можетъ положиться на это утвержденіе, такъ какъ въ 1836—1839 гг. Б—нъ былъ яростнымъ консерваторомъ. Не былъ ли онъ революціонеромъ до своего гегеліанства? М. Др.

редъ человѣческимъ правомъ, не заглушалъ въ немъ ни голоса совѣсти, ни требованій справедливости *). Его старомосковское изувѣрство всегда подчинялось высшей религіи того, что̀ въ наше время называлось «гуманностью». Какъ истый поборникъ православія, онъ напр. вмѣстѣ съ Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими предавалъ теоретической анаѳемѣ католическую Польшу; но на практикѣ, повинуясь высшему человѣческому инстинкту, постоянное присутствіе котораго въ немъ именно и дѣлало его порядочнымъ человѣкомъ, онъ, съ опасностью потерять свою собственную свободу, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, нѣсколько разъ посѣщалъ въ московскомъ острогѣ поляковъ ссылаемыхъ въ Сибирь за такъ называемыя политическія преступленія, и оставляя всѣ теоріи у порога тюрьмы, становясь настоящимъ самимъ собою, являлся къ нимъ полный горячаго и почтительнаго участія, съ готовностію сдѣлать для нихъ все, что могъ. Я помню его мягкую, сочувственную улыбку, помню, какъ онъ бывалъ тронутъ, когда двоюродный братъ его, іезуитами изуродованный Карташевскій, своимъ дикимъ, но полнымъ подавленной страсти голосомъ начиналъ пѣть: «Jeszcze Polska nie zginela». Его православно-московскій фанатизмъ не мѣшалъ ему понимать святую и законную сторону польского государственнаго фанатизма. Константинъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ своими вышеупомянутыми друзьями, былъ ужъ тогда врагомъ петербургскаго государства и вообще государственности, и въ этомъ отношеніи онъ даже опередилъ насъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: Послѣднее польское возстаніе и пустой шумъ, поднятый по этому случаю, европейскою дипломатіею, могли-ли бы или нѣтъ побудить его броситься, вмѣстѣ со всѣми прочими корифеями славянофильской партіи въ лагерь ненавистнаго ему петербургскаго императорства? Не берусь рѣшать этого вопроса; такъ много чудовищныхъ перемѣнъ осуществилось на нашихъ глазахъ, что трудно было бы отвѣчать за теоретическую стойкость и послѣдовательность до конца даже Константина Сергѣевича Аксакова. Но вотъ за что отвѣчаю: какъ бы сильно, страстно

*) Не мѣшаетъ напомнить, что старое славянофильство Хомякова и Кирѣевскихъ было чуждо позднѣйшаго обрусительства и что самъ Хомяковъ въ 1831 г. написалъ сочувственное Польшѣ стихотвореніе.
М. Др.

и ложно ни было его увлеченіе, онъ никогда не сдѣлался бы поощрителемъ и подстрекателемъ палача Муравьева, не жалъ бы рукъ гвардейскимъ грабителямъ и шпіонамъ; съ негодованіемъ, отвращеніемъ и ужасомъ отвернулся бы онъ отъ побіенія безоружныхъ поляковъ, и скорѣе отказался бы отъ своихъ, чѣмъ позволилъ бы имъ наругаться надъ благородными падшими жертвами. Наконецъ, послѣ потѣхъ онъ не поѣхалъ бы въ Варшаву *) организировать Польшу. Еслибъ у него не достало политическаго смысла, чтобъ понять, что подъ сѣнью петербургскаго императорства, при условіяхъ необходимыхъ для существованія Всероссійскаго государства, нѣтъ ни возможности, ни мѣста для серьезной народной организаціи, и что при такой обстановкѣ, всякая демократическая попытка непремѣннымъ образомъ должна обратиться въ мѣру государственную, а слѣдовательно противународную, то благородный чуткій инстинктъ его сказалъ бы ему, что для порядочнаго русскаго человѣка не можетъ быть теперь мѣста въ Варшавѣ.

Всего этого не понялъ и не почувствовалъ И. С. Аксаковъ. Увлеченный тѣснымъ, дикимъ и къ тому-же губительнымъ для Россіи государственнымъ патріотизмомъ, онъ позабылъ все человѣческое, и самъ поставилъ себя преступникомъ противъ человѣчества, преступникомъ противъ свободы, блага и достоинства Россіи, которыя внѣ и противъ человѣчества не возможны. Онъ принесъ всю свою нравственую и умственную силу на поддержку государственнаго преступленія, совершеннаго и совершаемаго правительствомъ и его палачами въ Польшѣ, и послѣ того не переставалъ клеветать на Россію, увѣряя, что это преступленіе необходимо для ея спасенія.

И не смотря на все это, я готовъ повторить съ вами, что г. Аксаковъ человѣкъ честный, но только подъ однимъ условіемъ, — вы должны согласиться со мной, что все, что мы придадимъ его честности, будетъ отнято нами у его способности разумѣнія.

М. Бакунинъ.

---

*) Когда-же ѣздилъ И. С. Аксаковъ? Изд. («Колокола»).

Ѣздили въ Польшу изъ славянофиловъ кн. Черкасскій и Юр. Самаринъ въ согласіи съ Ив. Аксаковымъ. М. Др.

Обѣщанныя Бакунинымъ статьи въ «Колоколѣ» по польскому вопросу никогда не появлялись.

Для поясненія предыдущихъ писемъ Герцена и Бакунина необходимо напомнить, что въ политикѣ русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ, было, независимо отъ военно-полицейскаго усмиренія, два направленія: 1) ослабленіе аристократіи и римско-католическаго духовенства мѣрами аграрно-демократическими, закрытіемъ р. к. монастырей и т. п., безъ нарушенія правъ польской національности въ чисто-польскихъ округахъ и 2) реакціонно-православное обрусеніе. Первое, подъ управленіемъ Н. Милютина и при участіи Самарина, преобладало въ 1864—1865 г., — второе стало брать верхъ съ 1866, со времени назначенія министромъ нар. просв. гр. Дм. Толстого. Герценъ, видимо, во многомъ сочувствовалъ первому, находя въ немъ точки соприкосновенія съ своимъ демократическимъ славизмомъ. Бакунинъ, послѣ своей поѣздки въ Стокгольмъ, отрицательно отнесся ко всему, что дѣлалось «всероссійскимъ государствомъ». М. Н. Муравьевъ, бывшій противникомъ даже освобожденія крестьянъ въ Россіи, началъ дѣйствовать въ Вильнѣ собственно какъ полицейскій усмиритель возстанія, но потомъ и самъ присоединился къ аграрной политикѣ Н. Милютина, своего прежняго противника въ крестьянскомъ вопросѣ. Катковъ былъ горячимъ сторонникомъ Муравьева и весьма холоденъ къ милютинскимъ мѣрамъ, противнымъ его общимъ аристократическимъ тенденціямъ. Ив. Аксаковъ сначала поддерживалъ милютинскую больше, чѣмъ муравьевскую политику, но увлеченный православіемъ, перешелъ постепенно на сторону «обрусенія».

Интересно, что Тургеневъ, котораго въ письмѣ XLV Бакунинъ ставитъ на одну доску съ Катковымъ и Аксаковымъ, остался не совсѣмъ доволенъ отвѣтомъ Герцена Аксакову и писалъ первому: «Я нахожу, что ты дѣлаешь слишкомъ много „Kratzfüss vor den Slavophilen“, которыхъ по старой памяти носишь въ сердцѣ. Мнѣ кажется, что еслибъ ты понюхалъ то постное масло, которымъ всѣ они отдаютъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Иванъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) женился на первой Всероссійской лампадкѣ (Тютчевой, приближенной къ императрицѣ Маріи Александровнѣ) ты бы нѣсколько попридержалъ свое умиленіе». (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, стр. 192).

———

XLIV.

23 Мая 1867. Per Napoli. Ischia, a Lacco.

Любезный Герценъ. Сейчасъ получилъ твое письмо. Все хорошо. Только Мрочковскій позабылъ прислать мнѣ записку съ разсчетомъ Чернецкаго, такъ что я на счетъ цѣнъ остаюсь въ полномъ затмѣніи. Попроси Чернецкаго написать другую записку и пришли мнѣ ее самъ. Ты напрасно уговариваешь меня щадить Осиповъ *). Во мнѣ чувство историческаго піетета всегда было сильно и не въ мои лѣта грѣшить противъ него мальчишескою дерзостью. Лишь бы только исторія и прошедшія заслуги, какъ бы онѣ велики ни были, не становились поперегъ настоящему дѣлу и будущему. Тогда, извини, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ, но столкнуть съ дороги мѣшающихъ необходимо. Ты говоришъ, что ты, въ чемъ я и сомнѣваться не могъ, теоретически со всѣми мыслями согласенъ, — но что какъ массы не приготовлены еще къ ихъ осуществленію, — проповѣдывать ихъ теперь непрактично. Я на это не согласенъ. Мысли эти потому и имѣютъ за себя будущее, что онѣ стихійнымъ образомъ живутъ и всегда жили въ потребностяхъ массъ. Къ нимъ массы ближе напр. чѣмъ къ конституціонному либерализму или чѣмъ къ мацциневскому республиканизму. Ты самъ же на всѣ голоса, еще въ 1848 году, провозглашалъ, что внѣ нашихъ идей, все другое мертво есть. Не проповѣдывать же мертвечину, ни даже полу, ни даже четверть, ни даже малѣйшую долю мертвечины. А что идеи наши примутся и главное поймутся и осуществятся не вдругъ, — это другое дѣло. Тутъ надо много, много терпѣнія и выдержки,— увидимъ ли мы хоть милліонную долю осуществленія, будемъ ли по крайней мѣрѣ довольно счастливы чтобъ умереть, какъ умеръ Самсонъ, — вопросы лично для насъ разумѣется интересные, но если и не увидимъ и не будемъ, что до этого? — лишь бы не прожить совсѣмъ даромъ и оставить по себѣ хоть какой живой слѣдъ. Всякій своимъ путемъ — ты перомъ, я

*) Giuseppe Mazzini и Giuseppe Garibaldi. М. Др.

знакомствомъ. Разочарованій, ошибокъ, промаховъ на пройденной дорогѣ было много, но я не пугаюсь такъ легко неудачъ, и благодаря постоянству въ стремленіи, могу сказать, что и утѣшительныхъ успѣховъ, особливо въ послѣднее время, было достаточно. A propos, кажется, что русское правительство добирается до меня и въ отдаленномъ Неаполѣ. На дняхъ я узналъ, что здѣшній префектъ Marquese Gualterio архи-консортъ и государственный мелкій дѣлецъ, объявилъ Рангоци свое подозрѣніе, что я главный зачинщикъ всѣхъ движеній въ Сициліи, именно въ Palermo и вообще въ южной Италіи и что я дѣлаю и распространяю фальшивые банковые билеты, покрывшіе послѣднія. Нѣтъ для меня сомнѣнія, что тутъ дѣйствуетъ рука Киселева, моего стараго парижскаго пріятеля, а теперь посланника во Флоренціи. Надѣюсь все разузнать и сдѣлать во время должный отпоръ. А мнѣ жаль, очень жаль, что вы прекращаете «Колоколъ» и мнѣ кажется, что я на вашемъ мѣстѣ не сдѣлалъ бы этого. Кончить легко, но начать вновь будетъ очень трудно, — и это доставитъ торжество нашимъ врагамъ въ Россіи и внѣ Россіи, — пожалуй даже и женевскимъ молокососамъ. Я слышалъ, что въ послѣднее время опять начинаютъ читать его въ Россіи. Что за дѣло, что продается только по 500 N-ровъ — по крайней мѣрѣ 3000 читателей. Говорить 3000 русскихъ свободно теперь не шуточное дѣло. Я бы на вашемъ мѣстѣ не прекратилъ его, — ну, а перемѣнилъ бы нѣсколько не направленіе, а тонъ, манеру, — менѣе церемонился бы съ властями и далъ бы вновь полную волю твоему бичующему юмору, Герценъ, который ты напрасно взнуздалъ и тѣмъ себя значительно обезсилилъ. Ей, друзья, подумайте еще, право продолжайте. Мрочковскій мнѣ пишетъ, что ты въ Іюнѣ собираешься въ Италію и обѣщаешь даже пріѣхать въ Неаполь. Пріѣзжай, Герценъ, мы переговорили бы о многомъ.

Зачѣмъ же не прислалъ брошюры Серно-Соловьевича? Ты спрашиваешь меня, стало ли бъ у меня храбрости напасть на него и на его шайку? Право не понимаю такого вопроса. Если только окажется дѣйствительно нужнымъ на нихъ напасть, что съ ними церемониться. Пришли брошюру и назови всѣхъ русскихъ, проживающихъ нынѣ въ Женевѣ, съ характеристикою каждаго. Я тебѣ даю честное слово,

что никому не покажу твоего письма и сожгу его сейчасъ же по прочтеніи. А брошюру пришли. Огарева обнимаю.

Твой М. Б.

Брошюра эмигранта Серно-Соловьевича «Unsre Russischen Angelegenheiten» противъ Герцена.

XLV.

32 Іюня 1867. Ischia a Laggo. Villa Arbusto.

Любезный Герценъ. Я ждалъ, ждалъ брошюры Серно-Соловьевича и не дождался. А признаюсь твое письмо испугало меня, не за Серно-Соловьевича, а за тебя. Въ твоей злости противъ него слышится что то старческое. Я готовъ вѣрить, что Серно-Соловьевичъ написалъ противъ тебя скверную пасквиль и что твое негодованіе противъ него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не однихъ его женевскихъ однолѣтниковъ эмигрантовъ, — на все молодое поколѣніе кладешь ты страшное проклятіе, — говоря — какъ будто бы это могло служить для насъ аргументомъ! — что Погодины, Катковы, Аксаковы и Тургеневы указываютъ на нихъ, т. е. на молодыхъ людей, принадлежащихъ къ этому поколѣнію, пальцами, — прибавляя даже, что они сукиносынствомъ своимъ оправдываютъ мѣры правительства! Ктожъ эти они? Разумѣется не одни только женевскіе эмигранты, которые такъ микроскопически малочислены, что правительству незачѣмъ бы было принимать крупныхъ мѣръ — а цѣлое юное поколѣніе, которое ты клеймишь, называя его венерическимъ младшимъ братомъ, осужденнымъ на безплодную смерть, въ ожиданіи еще младшаго и болѣе путнаго поколѣнія.

Нѣтъ, Герценъ, каковы бы ни были недостатки настоящаго молодого поколѣнія, оно чрезмѣрно выше Катковыхъ и Погодиныхъ, твоихъ Аксаковыхъ и Тургеневыхъ — такъ

выше, что указываніе на него пальцемъ всѣхъ этихъ блудныхъ стариковъ служитъ ему въ честь, а не въ безчестье, — и ничто въ мірѣ, кромѣ самой, естественно и по необходимости гнусной природы правительства не можетъ оправдать гнусныхъ мѣръ нашихъ правителей. Десять, пять лѣтъ тому назахъ, когда ты смѣло глядѣлъ и велъ впередъ, не заботясь о томъ, что будутъ говорить люди близорукаго разума и гнилой офиціальной или полуофиціальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможномъ полуосуществленіи сегодня или завтра, а главное не дозволяя ослѣплять себя блескомъ лживыхъ и притворныхъ исполненій, — ты не произнесъ бы такихъ страшныхъ, для тебя страшныхъ, потому что старческихъ словъ. Ты чувствовалъ тогда свою силу, а сила великодушна и до того вѣритъ въ себя, что даже къ своимъ врагамъ можетъ быть справедлива. Твое же послѣднее письмо дышетъ брюзгливою несправедливостью. Ты пишешь, что у тебя съ Тургеневымъ Campo Formio. Остановись, Герценъ, и вспомни, что Campo Formio было первою буквою въ наполеоновскомъ алфавитѣ, послѣдними буквами котораго были Ватерлоо и Св. Елена. Ужь не потому ли Тургеневъ и дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ, послѣ разрыва съ которымъ онъ самъ одряхлѣлъ и изсякъ безвозвратно — и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя дѣйствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ?

Въ молодомъ поколѣніи, взятомъ порознь — въ отдѣльныхъ экземплярахъ, тьма непріятныхъ, непорядочныхъ, даже грязныхъ сторонъ. Явленіе впрочемъ весьма натуральное: Старая нравственность, основанная на религіозныхъ, патріархальныхъ и сословныхъ преданіяхъ, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Дѣйствительно осуществить ее можетъ только коренной соціальный переворотъ. Одинокихъ силъ одного человѣка, какъ бы онъ уменъ и силенъ ни былъ, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нѣтъ. Молодое поколѣніе ищетъ ее, но еще не нашло; отсюда колебанія, противурѣчія, безобразія и не рѣдко грязныя скандалы. Такъ было въ 93-хъ годахъ, — только тамъ гиліотина чистила нравы и

не давала гнить недозрѣлой зелени. Все это очень непріятно, больно и грустно, но натурально и неминуемо. Все это въ средѣ нашей бѣдной, неопытной русской эмиграціи еще усугублено тою эмиграціонною болѣзнію, которую ты такъ вѣрно изучилъ и описалъ въ своихъ запискахъ. Но все это не должно заслонять отъ насъ серьезныхъ да, великихъ качествъ нашего молодого поколѣнія: — въ немъ не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Изъ за этой страсти десятки изъ нихъ уже пошли на смерть и сотни въ Сибирь. Между ними, какъ всегда и вездѣ, много пустыхъ хвастуновъ и фразеровъ, но есть и герои, — герои безъ фразъ или только съ фразою клеветы на себя или крайностью щеголяющаго отрицанія. Нѣтъ, воля твоя, Герценъ, — эти неумытые, неуклюжіе и часто весьма неудобные піонеры новой правды и новой жизни въ милліонъ разъ выше стоятъ всѣхъ твоихъ приличныхъ покойниковъ.

Ну, оставимъ это и поговоримъ о другомъ. Получилъ ли ты отъ Мрочковскаго копію моего письма къ депутату Фанелли? Ты увидишь изъ него, что неаполитанскій префектъ маркизъ Gualterio изволилъ распустить слухъ во Флоренціи, что я будто бы занимаюсь дѣланіемъ фальшивыхъ итальянскихъ бумажекъ. Молчать и сидѣть сложа руки я не могъ, — и повелъ это дѣло по всѣмъ правиламъ, соблюдая классическую осторожность, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ твердымъ намѣреніемъ наказать, кого слѣдуетъ. Линіяко откажется дать мнѣ письменное свидѣтельство, я заведу съ нимъ процесъ или вызову на дуэль, бросивъ на него инфамацію — смотря по обстоятельствамъ. Если же дастъ, пристану къ Гвалтеріо. Подождемъ и посмотримъ; только вѣрно то, что это имъ не обойдется дешево. Можетъ быть, мнѣ прійдется оставить Италію. Это будетъ главнымъ образомъ зависѣть не отъ Gualterio, а отъ того, удалось ли Наполеону или нѣтъ надуть и опутать нашего Сашеньку II и закупить Шувалова. А ты очень удачно назвалъ Шувалова Петромъ IV. Это, пожалуй, поразитъ государя и не на шутку разсоритъ его съ нимъ. А если А. Н. не читаетъ «Колокола», то безъ сомнѣнія найдутся при дворѣ доброжелатели Шувалова, которые перескажутъ или покажутъ твою статью государю.

Итакъ, существуетъ или нѣтъ французско-русскій союзъ — мнѣ что то не вѣрится, такой союзъ значилъ бы ссора Россіи съ Пруссіею — а если существуетъ, то существуетъ также непремѣнно и итальяно-русскій союзъ — и мнѣ тогда скоро придется оставить Италію, потому что здѣсь, подъ видомъ конституціонной свободы, все болѣе и болѣе водворяется привычка полицейскаго самоуправства.

Не послалъ я тебѣ статьи, потому что ты мнѣ объявилъ, что послѣ 15 Іюня «Колоколъ» на 6 мѣсяцевъ прерывается — и я увидѣлъ съ радостью, что вами возвѣщенъ № къ 1 Іюля. Итакъ вы рѣшились не прерывать журнала? Если такъ, напишите и я вамъ сейчасъ же вышлю первую статью съ долгимъ рядомъ другихъ для каждаго номера. Въ твоей «Мазуркѣ» много вѣрнаго и удачно выраженнаго, а все слышится въ немъ тонъ покаявшагося революціонера, готоваго на полусдѣлки съ людьми, съ которыми для послѣдовательнаго соціалиста примиреніе невозможно. Ты все какъ будто церемонишься и какъ будто бережешь людей не только славянофильской партіи, но начинаешь разговаривать menschlich даже съ Катковымъ, точно какъ будто одни изъ нихъ не рѣшительные продажные мерзавцы, а другіе не гнилые покойники. Ты какъ будто предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебѣ можно будетъ идти, говорить и дѣйствовать за одно съ ними. Грязная, глупая, безстыная рѣчь князя Черкасскаго о полякахъ заслужила болѣе чѣмъ насмѣшку, а клейменіе. Въ ней слышится такой преступный цинизмъ, такой политическій и соціально-нравственный развратъ, что не смѣяться надъ нимъ, его надо казнить. А вотъ что хорошо, такъ это Августѣйшее путешествіе. Картина царственной жизни въ Зимнемъ дворцѣ, противупоставленная высокимъ шалостямъ въ Парижѣ — chef d'oeuvre — и Погодинъ сынъ Кириллы и Мефодія и Филаретъ посреди «канканопляшущихъ женъ мабилійскихъ въ ихъ вертоградѣ» — напомнили мнѣ молодого Герцена, котораго умный и свѣжій смѣхъ такъ сильно и такъ благодѣтельно дѣйствовалъ на Россію. Не старѣй, Герценъ, въ старости право нѣтъ прока, не становись доктринеромъ à la J. J. Rosseau, оставайся нашимъ могучимъ Вольтеромъ. Въ этомъ твоя истина и потому и сила твоя. Не старѣй, Герценъ, и не проклинай молодыхъ. Смѣйся надъ ними, когда они смѣшны, наказы-

вай и брани, когда они виноваты, — но преклоняйся почтительно передъ ихъ честнымъ трудомъ и стремленіемъ, передъ ихъ подвигами и жертвами.

А Огарева за меня дружески обними.

Твой М. Бакунинъ.

Любезною готовностью Чернецкаго скоро воспользуюсь.

P. S. Ну, за что же ты назвалъ Березовскаго фанатикомъ? «Онъ чистъ, потому что фанатикъ» — что за странная и недостойная тебя игра словъ — и что значитъ фанатикъ. Дуракъ или сумасшедшій что ли? Это братъ изъ рукъ вонъ несправедливо. Точно какъ будто бы внѣ исторически философскаго высокаго взгляда на происшествія нѣтъ жизни, нѣтъ права и страсти жизни? Березовскій мститель, и самый законный мститель, за всѣ преступленія, муки и кровавыя оскорбленія, вынесенныя Польшею и поляками. Неужели ты этого не понимаешь? Да вѣдь еслибъ не было такихъ взрывовъ негодованія, можно бы было отчаяться въ людяхъ.

Въ нашихъ бумагахъ находится приготовленная къ печати въ 1880 г. статейка одного русскаго эмигранта «Бакунинъ и Герценъ», которая воспроизводитъ письмо Герцена къ Бакунину, вызвавшее вышеприведенный отвѣтъ, и копію съ части этого отвѣта, относящейся къ молодой русской эмиграціи, противникамъ Герцена. Статейка эта интересна между прочимъ и какъ памятникъ отрицательнаго отношенія къ Герцену, которое держалось довольно крѣпко въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и въ 70-е годы.

БАКУНИНЪ И ГЕРЦЕНЪ

(Къ исторіи русскаго движенія)

Четыре года прошло со смерти Бакунина, и до сихъ поръ не явилось почти ни строчки въ печати объ этомъ великомъ русскомъ гражданинѣ и мыслителѣ. Нельзя, конечно, ставить въ упрекъ дозволенной части русской печати, что она скрываетъ подъ таинственной литерой Б. имя его, всякій разъ, какъ о немъ приходится упоминать. А упоминать приходится всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о самыхъ крупныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ русской жизни, какъ напр. о Бѣлинскомъ, котораго Бакунинъ былъ учителемъ. Безполезно также говорить о равнодушіи къ нему буржуазной французской литературы, хотя онъ былъ учителемъ Прудона, потому что и самого то Прудона литература эта забыла. Недавно мы встрѣтили въ законной русской прессѣ имя Бакунина безстрашно выписанное полными буквами въ воспоминаніяхъ одного либеральнаго предводителя дворянства, сидѣвшаго въ III отдѣленіи во время Николая и Дубельта. Но оно было упомянуто и выписано съ цѣлью доказать въ свое время Дубельту, а въ настоящее — его потомкамъ неизмѣримую разницу между этимъ извергомъ и приличнымъ литераторомъ и либераломъ А. И. Герценомъ. Такъ и въ иностранной литературѣ имя это поминается иногда съ открещиваніемъ и чураканіемъ буржуазными изслѣдователями русскаго нигилизма въ родѣ Шарля де Мазада и италіанца Арнауда, одобреннаго г. Герценомъ-фисомъ и маститымъ Тургеневымъ.

Въ свободной же русской печати личность Бакунина являлась до сихъ поръ лишь одинъ разъ, при жизни его, въ посмертныхъ сочиненіяхъ А. И. Герцена. Съ своимъ обычнымъ остроуміемъ авторъ свысока подтрунивалъ надъ Бакунинымъ, называлъ «большимъ ребенкомъ» учителя Прудона и Бѣлинскаго и основателя соціализма въ Германіи (первая прямо соціалистическая статья (?) въ Германіи была, какъ извѣстно, статья Бакунина подъ псевдонимомъ Жюля Элизара). Онъ очень мило описывалъ его фигуру, привычки, манеры, такъ что въ концѣ концовъ должно было выйти совершенно ясно, что все современное направленіе современной мысли,

отвергающее прежде всего государственность, направленіе, выразившееся прежде всего во Франціи въ Коммунѣ, въ Испаніи въ федерализмѣ, а въ Германіи и въ Италіи съ каждымъ годомъ распространяющееся все болѣе и болѣе, не смотря на сильныя партіи государственныхъ соціалистовъ въ первой, и мадзиниcтовъ во второй, обязано своимъ происхожденіемъ фантазіи «стараго младенца, всегда готоваго пойти на удочку перваго шпіона».

Только будущіе историки всего современнаго движенія будутъ имѣть возможность выяснить вѣрно и вполнѣ личность этого великаго человѣка, когда никакія соображенія осторожности не будутъ мѣшать этому ни въ одной странѣ изъ тѣхъ, которыхъ касалась его дѣятельность. Потому, что если только невѣжды и идіоты могутъ называть эту дѣятельность панславистской, то имени паневропейской она вполнѣ заслуживаетъ. Будущіе историки революціоннаго дѣла въ Россіи и Испаніи, въ Швеціи и Италіи, во Франціи, Германіи и Польшѣ найдутъ его руку всюду. Не даромъ болѣе свѣдущіе реакціонеры называли его «Старцемъ Горы», котораго воля въ одно время свершалась въ Кордовѣ и Бактрѣ.

Но за невозможностью писать подробно о его дѣятельности на насъ все таки лежитъ обязанность приготовлять матеріали будущему описанію и знакомить съ его личностью, на сколько это возможно. Съ этою цѣлью мы публикуемъ письма, которыя никого не могутъ скомпрометировать (скорѣе кого нибудь рекомендовать вниманію начальства), но которыя покажутъ, какъ горько ошибался А. И. Герценъ, воображая себѣ, что имѣетъ дѣло съ «большой Лизой».

Но прежде нѣсколько словъ, чтобы напомнить положеніе дѣлъ въ 1867 г., къ которому относятся письма. За три года передъ этимъ Герценъ, озадаченный успѣхомъ Каткова въ роли Ивана Сусанина, порѣшилъ сдѣлаться патріотомъ своего отечества и съ этими мыслями переѣхалъ въ Женеву, гдѣ нашелъ первыхъ русскихъ эмигрантовъ, друзей и послѣдователей Чернышевскаго, загнанныхъ туда первыми неистовствами Александра Вѣшателя. Такъ какъ онъ имѣлъ претензію командовать ими, они же замѣтили въ его тенденціяхъ вещи несообразныя, то незамедлилъ воспослѣдовать разрывъ, который сталъ открытымъ, когда покойный А. А. Серно-Соловьевичъ, другъ Чернышевскаго и Михайлова, братъ

Николая Серно-Соловьевича, убитого на дорогѣ въ каторгу, основатель въ Женевѣ интернаціональнаго общества, издалъ рѣзкую брошуру противъ бывшаго народнаго корреспондента Александра II.

Вотъ что писалъ по этому поводу обиженный диллетантъ революціи Бакунину:

30 Мая 1867. Женева, 7 Quai Mont-Blanc.

Любезнѣйшій Бакунинъ,

Серно-Соловьевича посылаю. Онъ наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи *такое* *) и что мы всѣ помогли ему *такимъ быть*. Я много думалъ объ этомъ послѣднее время и даже писалъ, не для печати теперь. Это не нигилизмъ; *нигилизмъ* явленіе великое въ русскомъ развитіи. Нѣтъ, тутъ всплыли на пустомъ мѣстѣ — халатъ, офицеръ, писецъ, попъ и мелкій помѣщикъ въ *нигилистическомъ* костюмѣ. Эти мошенники — оправдавшіе своимъ сукиносынизмомъ **) мѣры правительства, невѣжды, на которыхъ Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указываютъ пальцами. Это люди которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина, говоря просто, что они завидуютъ, что они хотѣли бы обобрать и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ вашимъ. — Это вѣрно. Caro mio — подумай. Имъ будущности нѣтъ, это меньшій венерическій братъ, который умретъ — и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ.

У меня Campo Formio съ Тургеневымъ. Онъ мнѣ писалъ mit Zärtlichkeit — я отвѣтилъ mit Gemüthlichkeit — и это не смотря на злой отзывъ съ моей стороны о «Дымѣ».

Вотъ что отвѣчалъ Бакунинъ:

(Слѣдуетъ копія съ первой половины письма, напечатаннаго выше).

---

*) Сохраняемъ правописаніе — курсивы.

**) Эта милая острота приписана сверху, какъ позднѣйшее измышленіе

Сообщеніе Бакунинымъ постороннимъ лицамъ копіи съ письма Герцена и своего на него отвѣта показываетъ, что Бакунинъ хотѣлъ отдѣлить себя передъ молодыми эмигрантами отъ Герцена. Непопулярность послѣдняго въ это время въ извѣстной части русскихъ революціонеровъ была такова, что, какъ сообщилъ намъ Левъ Ильичъ Мечниковъ, были такіе, которые ставили Герцена, и какъ писателя, ниже г. Эльпидина, съ которымъ Бакунинъ издалъ номеръ «Народнаго Дѣла». — «У Эльпидина, говорили, только нѣтъ остроумія Герцена, но за то сколько же взятыхъ съ крестьянъ денегъ потрачено на литературное воспитаніе Герцена?»

На сколько мы понимаемъ письмо Герцена, написанное сгоряча и потому тѣмъ болѣе не подлежавшее опубликованію въ 1867 г., въ немъ нѣтъ рѣчи о всемъ молодомъ поколѣніи, а говорится только о тѣхъ, которыхъ недостатки признаетъ и Бакунинъ.

XLVI.

(1867) 8 Ноября. Воскресенье. 123, Montbrillant. (Genève)

Любезный Огаревъ. Стужа, снѣгъ, грязь, мы оба простужены, извощики дороги, а денегъ мало. А потому мы къ тебѣ обѣдать сегодня не явимся. До другого, болѣе яснаго Воскресенья.

Сообразно желанію Герцена и твоему новому желанію, я вычеркнулъ твое имя изъ списка членовъ «Новаго Союза».

Записка Герцена произвела на меня грустное и вмѣстѣ странное впечатлѣніе, заставивъ меня сравнить то время, когда онъ, дыша иниціативой и вѣрой въ дѣло, шелъ бодро и смѣло и велъ другихъ впередъ, съ временемъ настоящимъ, когда неохотнымъ и колеблющимся шагомъ своимъ онъ напоминаетъ, прости сравненіе, стихъ Гёте:

«Im Dunkeln sucht das Maulthier seinen Weg».

Посылаю тебѣ рѣчь Мрочковскаго и мою отвѣтную рѣчь на счетъ русскихъ и польскихъ дѣлъ. Въ прошедшее воскресенье ты мнѣ изъявилъ желаніе напечатать и ту и другую въ слѣдующемъ нумерѣ «La Cloche». Можетъ быть, теперь измѣнишь намѣреніе, что меня не удивитъ нисколько, потому что обѣ рѣчи, и особенно моя, во многомъ противорѣчатъ съ вашимъ воззрѣніемъ, если не на общую цѣль, то

по крайней мѣрѣ на пути, къ ней ведущіе. Мнѣ кажется впрочемъ, что это не должно бы быть помѣхою ихъ напечатанія. Вы вольны сдѣлать столько подстрочныхъ замѣчаній и оговорокъ, сколько вамъ будетъ угодно.

Если рѣчи окажутся для васъ негодными, отошли ихъ назадъ. Если жъ вы рѣшились ихъ напечатать, то попроси Чернецкаго, чтобы онъ мнѣ прислалъ хоть одну корректуру всѣхъ рѣчей, дабы я могъ увѣриться, что оплошность наборщика не заставила меня сказать какой нибудь нелѣпости. А затѣмъ прощай.

Твой М. Бакунинъ.

Рѣчи Мрочковскаго и Бакунина были произнесены на собраніи «Лиги Мира и Свободы».

XLVII.

14 Іюня 1868. Clarens. Basset-Puenzieux.

Здравствуй и ты. Я радъ, что мой отпоръ противъ генерала вамъ понравился. А такъ какъ Герценъ хорошій судья, то вслѣдствіе его поощренія, я рѣшился напечатать памфлетъ въ 1000 экземплярахъ, о чемъ и телеграфирую Чернецкому, дабы удружить генералу. Попроси Тхуржевскаго прислась мнѣ 200 экземпляровъ, а остальные 800 разослать по всѣмъ вашимъ книгопродавцамъ въ Германіи, отнюдь не позабывъ Берлина, Лейпцига и Дрездена, а такжъ Позена и Галиціи, т. е. Львова и Кракова, въ Лондонъ, въ Парижъ, а если можно и въ Марсель, въ Брюсель, во Флоренцію, въ Цюрихъ, въ Туринъ, Геную и даже въ Константинополь. Пусть продается отъ 25 до 30 сантимовъ, по вашему благоразсужденію. Я уступлю Тхуржевскому 50 процентовъ, а онъ можетъ уступить книгопродавцамъ 33 процента. Мнѣ хоть бы часть издержекъ вы-

ручить. Чернецкій мнѣ говорилъ, что листъ будетъ стоить за 500 экземпляровъ около 54 фр., другіе 500 будутъ стоить поэтому гораздо менѣе. Тебѣ вѣроятно ужъ извѣстно изъ моихъ писемъ къ Чернецкому и Тхуржевскому, что я отдѣлилъ первую брошюру отъ всего, что не прямо касается Мирославскаго. Ко второй пишу Avant Propos. Она будетъ по крайней мѣрѣ втрое пространнѣе и также должна напечататься скоро.

Послѣ Avant Propos начнется разсужденіемъ о государствѣ. Милый Огаревъ, насчетъ Милютина я съ вами не могу согласиться. Поставь Николай, вмѣсто Бориса. Онъ безъ сомнѣнія былъ замѣчательный и, очень вѣроятно, честный человѣкъ, и въ этомъ смыслѣ я готовъ сдѣлать замѣчаніе. Но направленіе его было, по моему глубочайшему убѣжденію, именно потому пагубно, что онъ хотѣлъ связать народное дѣло съ интересами государства и служить ему правительственными средствами, — однимъ словомъ красно бюбократическими средствами и путемъ государственнаго соціализма, противъ котораго мы должны возстать рѣшительно, какъ противъ самаго вреднаго самообольщенія, способнаго только испортить дѣло народное и сбить съ толку мнѣніе нашихъ друзей въ Россіи, которымъ именно изъ плачевнаго исхода стараній Милютина и его честныхъ послѣдователей должно наконецъ стать ясно, что между нашимъ государствомъ и дѣломъ народа нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго и что въ этомъ противуестественномъ союзѣ всегда будетъ страдать не государство, а народъ. Искренность по этому вопросу мнѣ и потому еще необходима, что она одна можетъ мнѣ дать право высказать безъ обиняковъ всю правду полякамъ, что я и твердо рѣшился сдѣлать, чтобы разъ на всегда покончить съ ними счеты. Зачѣмъ это Герценъ связывается съ славянскимъ вопросомъ? Онъ такъ гадко поставленъ теперь, что намъ непремѣнно нужно съ нимъ развязаться или покрайней мѣрѣ поставить его по своему. И объ этомъ будетъ въ моей брошюрѣ сказано. Знаю напередъ, что меня будутъ ругать всѣ: и русскіе, и поляки, и славяне, да мнѣ до этого рѣшительно никакого нѣтъ дѣла; я останусь въ единствѣ съ собою, а для меня это главное. Останусь человѣкомъ невозможнымъ до [illegible]ихъ поръ, пока нынѣ возможные останутся такими.

Ну, братъ, а я передъ тобою виноватъ; изъ всего обѣщаннаго ничего еще не прислалъ. Съ завтрашняго же дня начну собирать и кромѣ «Отеч. Зап.», которыя у меня отняли, пришлю все и твою Земскую брошюру.

Ты безъ сомнѣнія читалъ программу второго конгресса и надѣюсь ею доволенъ. Наконецъ отстояли таки мы ее. Будемъ печатать на россійскомъ языкѣ les cartes d'adhésions — согласенъ ли ты поставить въ нихъ, вмѣстѣ со мной и Жуковскимъ, твое имя? Отвѣчай. А что твоя нога и скоро ли тебѣ будетъ возможно доѣхать на пароходѣ прямо въ Vevey съ паномъ, который увѣдомилъ бы насъ телеграммою, такъ чтобы мы могли посадить тебя въ Vevey въ коляску и привести тебя прямо къ намъ?

Твой М. Б.

Генералъ — Мѣрославскій, который не разъ печатно нападалъ на Бакунина и на его «панславистическихъ чиновниковъ». См. Мѣрославскаго — Lettre du général Mieroslawski au major Brażewicz и Бакунина — Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski. Genève 1868.

XLVIII.

Le Mardi matin, 26 Janvier 1869.

A tous ces Messieurs!

MESSIEURS,

Vous êtes partis ce matin pour tenir une sorte de congrès dont il vous a paru bon de m'exclure. Pour pailler ce qu'il y avait de désobligeant pour moi dans le fond de cette résolution, M. Mroczkowski a bien voulu prétexter la nécessité de son départ immédiat pour Chaponeyre, ce qui n'était pas du tout une raison, parce que s'il partait, moi je restais, Péron se trouve plus naturellement à Genève qu'à Chaponeyre. M. Joukowski, du moment qu'il avait renoncé à ses leçons pour assister à vos séances, se trouvait tout aussi bien

à Genève qu'au Basset; M. Troussoff n'avait pas de leçons, et M. Barteneff qui n'avait qu'à entrevoir Madame Bart, avait besoin de le croire, raison qui, je vous l'avoue, m'a également très peu édifié. Accoutumé à subordonner toujours mes convenances personnelles aux devoirs et aux convenances de la fraternité, je ne comprends pas qu'un frère sérieux et qui porte non... rhétorique de la chose, mais la chose ellemême en son coeur pu isse agir autrement. — D'ailleurs pourquoi tant de paroles? J'en appelle simplement à votre honnêteté collective et je suis certain que vous avouerez sinon à moi, au moins à vous-mêmes, que vous avez ressenti le besoin et voulu me retrancher au moins temporairement de votre conseil. Je constate le fait, je l'accepte et, toujours amoureux de la logique sincère, voici les conséquences que j'en tire:

Il se peut que le résultat définitif de vos discussions se trouve entièrement conforme aux principes et au vues pratiques de notre ancienne association fraternelle. Il se peut qu'il leur soit contraire.

Dans ce dernier cas, je me retirerais naturellement de toute nouvelle société, ou plutôt je n'y entrerais pas. Mais en me refusant d'y entrer, je vous promettrai d'abord vis-à-vis de tous ceux qui ne sont pas ou qui ne deviendront pas mes frères, le silence le plus absolu sur tout le passé de notre première association, c'est-à-dire sur tout ce que j'ai fait et sur tout ce que plusieurs d'entre vous ont fait ou négligé de faire jusqu'ici; je vous promets en outre un secret aussi absolu sur tout ce que vous trouverez bon de me confier au moment de notre séparation définitive et absolue, après quoi vous n'aurez plus à vous mêler d'aucun de mes actes, comme je me garderai bien de me mêler dans les vôtres. Nous constituerons ainsi, moi avec mes anciens amis, vous avec vos alliés, deux camps sinon hostiles, au moins tout à fait étrangers.

Si au contraire votre programme et vos projets seront reconnus par moi conformes aux fondements de notre ancienne fraternité, j'y adhérerai naturellement de plein cœur, et je continuerai de me considérer sinon comme votre frère bien aimant et bien aimé — je déteste l'hypocrisie et les phrases mielleuses — du moins comme votre coassocié tout aussi légitime qu'obligé, aucun de mes actes que je sache

ne vous donnant le droit de m'exclure. Si toutefois je me trompe et si vous croyez avoir des accusations sérieuses contre moi, je vous sommerai d'avoir le courage et la loyauté de les énoncer nettement en pleine fraternité et non en cachette et derrière moi, comme quelques-uns d'entre vous ont trouvé bon de le faire jusqu'ici. Il est possible alors que je me porte en accusateur à mon tour et qu'à bout de patience je vous demande des explications par exemple sur les accusations si peu personnelles que vous avez surlevées en petit comité, contrairement à tous les devoirs de notre ancienne fraternité, contre l'un de nos membres les plus actifs et les plus dévoués, contre mon frère et ami Carlo Gambuzzi, sous l'inspiration de certaines rancunes personnelles et sous l'influence de votre ami et de votre frère à vous, M. Jacci.

Mais tout en continuant de compter parmi vous dans le cas d'une conformité sérieuse entre votre progrmme et le nôtre, vous prierai de me considérer comme un membre passif jusqu'à notre prochain congrès, auquel j'entends bien prendre la part la plus active, car, après réflexion, je me suis décidé de sortir du Directoire central de la Fraternité internationale aussi bien que du Bureau central et de toutes les affaires publiques de l'Alliance et de ne prendre aucune part, ni directe, ni indirecte, dans les affaires de ces sociétés jusqu'au prochain congrès. Après avoir travaillé comme un nègre pendant quatre ans de suite et travaillé toujours presque seul, non parce que je voulais vous exclure, mais parce que vous étiez plus ou moins plongés dans une raisonnante apathie, j'ai bien le droit de quelque repos. Vous ferez donc bien, Messieurs, puisque vous voilà rassemblés, que vous n'avez pas de temps à perdre et que vos explications avec moi seront nécessairement très courtes, d'organiser entre vous une nouvelle direction, tant pour la Fraternité que pour l'Alliance.

Vous ne me ferez pas l'injnre de croire que je vous annonce cette résolution avec l'intention secrète de me faire prier, et de vous prouver l'uttilité de ma coopération dans vos travaux. Ceux qui me connaissent parmi vous savent fort bien que mes résolutions, une fois énoncées, deviennent inévitables. D'ailleurs je tiens à vous expliquer mes raisons.

La première, c'est qu'excepté Péron, peut-être, dont je n'ai aucun droit de mettre en doute l'amitié et l'entière franchise, excepté Malon, avec lequel je crois que je me saurais entendre, s'il n'y avait point d'intermédiaires complaisants et entre nous, excepté M. Bartenieff qui ne me connaissait pas, à moins qu'on ne m'ait calomnié devant lui, ne peut avoir aucun grief personnel contre moi, tous les autres ne m'inspirent plus aucune confiance, dans ce sens que je n'ai plus aucune foi dans la droiture et dans la franchise de leurs rapports avec moi. Parmi eux j'avais autrefois un ami bien cher, bien dévoué, bien fidèle. Il ne l'est plus, j'éprouve un amer plaisir à le constater, à me le dire résolument, nettement, parce que j'aime à exprimer clairement mes rapports et que je déteste les équivoques. Il n'est point nécessaire que je parle des autres. Il ne me serait pas difficile peut-être d'analyser et d'exposer au grand jour toutes les petites causes qui, après le congrès de Berne surtout, ont formé la grande conspiration qu'on a contre moi, mais dédaignant les explications inutiles, j'aime mieux ne pas en parler.

Messieurs, je me sens donc, et je me suis senti pendant tous ces derniers jours, comme dans un camp ennemi ; j'ai vu se dérouler devant moi toutes les arrières-pensées, les petits buts cachés, tous ces fils fort peu savamment ourdis de la conspiration. Et déjà avant-hier soir je me suis dit qu'il me sera impossible de continuer le travail avec vous et parmi vous. Pour mener à bien un travail comme celui que nous avions entrepris, il faut absolument pouvoir compter sur l'amitié, sur la sincérité des amis. Entouré d'ennemis et de extérieurs, on doit avoir la sécurité intérieure. Je n'ai plus ni cette sécurité, ni cette confiance, et voilà pourquoi je me retire. Vous ne direz pas qu'en me retirant je fisse acte d'autorité ou de dictature, vous reconnaîtrez avec moi que c'est un acte de pure liberté. Selon mes plus intimes convictions, est et sera toujours dictateur non de droit, mais de fait, celui qui agit, et seulement tant qu'il agit, dans l'esprit et dans l'intérêt de la société. Du moment que ces Messieurs, ennuyés de dormir et de raisonner en dormant, veulent agir, ils seront dictateurs à leur tour.

L'autre raison de me retirer n'est pas moins importante. Vous savez que je suis horriblement endetté. Vous savez que

ne recevant rien ou presque rien de mes frères, en attendant le jour où ils voudront ou ils pourront me faire parvenir ma part d'héritage, j'ai vécu pendant trois ou même quatre ans en empruntant de grandes sommes à cette chère et noble Princesse qui a été si longtemps une bien excellente et fidèle amie pour moi. Vous comprendrez, Messieurs, sans que j'aie besoin de vous l'expliquer, que maintenant il m'est impossible de recourir au même moyen. Je dois donc sérieusement travailler pour vivre et pour nourrir ma femme, et comme je ne sais jamais faire les choses à demi et partager mon activité et mon temps entre deux besognes différentes, il faut que j'abandonne au moins temporairement l'une pour me consacrer à l'autre. Vous êtes trop intelligents pour que j'aie besoin de vous en dire davantage.

M. Bakounine.

Après une si franche explication, je n'insiste plus que Malon vienne absolument mercredi même à Genève. Comme j'ai renoncé à toute action pratique pour le moment, comme les explications personnelles m'importent peu et comme enfin sa présence peut être plus utile parmi vous qu'à Genève, qu'il ne vienne que dans le cas où il le trouvera nécessaire, non à cause de moi, mais pour d'autres raisons. Je le préviens seulement que nos amis du bureau, à la séance duquel je me dispenserai sous un prétexte ou un autre de prendre part, l'attendent pour jeudi soir chez moi. Je prie en même temps l'ami Péron de ne pas oublier de m'envoyer les papiers concernant Picharde; je serai dans un grand embarras si je ne les reçois pas demain au moins avant 7 heures du soir. Que je les aie au moins après-demain.

Chaponeyre — вилла, между Веве и Клараномъ, гдѣ жила кн. Оболенская и проживалъ иногда и Бакунинъ.

ПЕРЕВОДЪ.

Вторникъ утромъ, 26 Января 1869.

Всѣмъ этимъ господамъ!

Господа

Вы сегодня отправились, чтобы держать конгрессъ, изъ котораго вы сочли удобнымъ исключить меня. Для того что бы прикрыть то, что было неучтиво по отношенію ко мнѣ въ этомъ рѣшеніи, г. Мрочковскій воспользовался тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо уѣхать въ Шапонеръ, что совсѣмъ не имѣло смысла, такъ какъ если онъ уѣзжалъ, то я вѣдь оставался, Перону натуральнѣе находиться въ Женевѣ, чѣмъ въ Шапонерѣ, г. Жуковскій, если онъ уже отказался отъ своихъ уроковъ, чтобъ присутствовать на вашихъ засѣданіяхъ, находился также хорошо въ Женевѣ, какъ и въ Бассе, г. Трусовъ не имѣлъ уроковъ, а г. Бартеньевъ, которому только нужно было увидѣться съ г-жей Барт., имѣлъ нужду тому повѣрить, — резонъ, который, увѣряю васъ, меня также мало просвѣтилъ. Привыкши всегда подчинять свои личные удобства долгу и братской преданности, я не могу понять, какъ серьезный братъ, носящій не реторику дѣла, но самое дѣло въ сердцѣ, могъ дѣйствовать иначе. Впрочемъ, для чего столько словъ? Я обращаюсь по-просту ко вашей коллективной честности и я вполнѣ увѣренъ, что вы сознаетесь если не предо мною, то, по крайней мѣрѣ, передъ собою, что вы почувствовали необходимость и пожелали удалить меня, хотя бы временно, отъ вашего совѣта. Я констатирую этотъ фактъ, я его принимаю, и какъ человѣкъ, всегда любящій строжайшую и искреннѣйшую логику, я вывожу изъ него слѣдующія заключенія:

Возможно, что окончательный результатъ вашихъ дебатовъ вполнѣ будетъ гармонировать съ принципами и практическими взглядами нашей старой братской ассоціаціи. Возможно и то, что они будутъ противорѣчить другъ другу.

Въ послѣднемъ случаѣ я, естественнымъ образомъ, выступлю изъ всякаго новаго общества или скорѣе совсѣмъ и не вступлю въ него. Но, отказываясь вступить въ него, я вамъ

прежде всего дамъ обѣщаніе по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не суть или не будутъ моими братьями, сохранять самое строгое молчаніе относительно всего прошлаго нашей первой ассоціаціи, т. е. относительно всего того, что я дѣлалъ и что многіе изъ васъ дѣлали или до сихъ поръ манкировали дѣлать; кромѣ того я обѣщаю вамъ также держать въ строжайшей тайнѣ все то, что вы найдете удобнымъ мнѣ довѣрить, когда мы окончательно разойдемся; послѣ этого вы не будете имѣть больше права вмѣшиваться въ какое бы то ни было мое дѣло, равно какъ и я буду остерегаться вмѣшиваться въ ваши дѣла. Такимъ образомъ я со своими старыми друзьями, вы со своими союзниками образуемъ два, если не враждебныхъ, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ чуждыхъ другъ другу лагеря.

Если же ваша программа и ваши проэкты будутъ признаны мною соотвѣтствующими основаніямъ нашего стараго братства, то я естественнымъ образомъ всѣмъ сердцемъ буду имъ преданъ и дальше буду себя разсматриветь если не какъ вашего сильно любимаго брата, — я презираю притворство и медовыя рѣчи, — то, по крайней мѣрѣ, какъ вашего союзника, столь же законнаго, какъ и обязаннаго, — такъ какъ, никакой мой поступокъ, сколько я знаю, не даетъ вамъ права меня исключать.

Всякій разъ, когда я сдѣлаю ошибку и вы будете имѣть серьезныя обвиненія противъ меня, я буду настаивать, чтобы вы имѣли смѣлость и искренность произнести ихъ безъ всякихъ закорючекъ братскимъ образомъ, а не втихомолку и за моей спиной, какъ это нашли удобнымъ дѣлать до сихъ поръ нѣкоторые изъ васъ. Возможно также, что и я въ свою очередь выступлю съ обвиненіями и, потерявъ терпѣніе, попрошу у васъ объясненій, напр. относительно обвиненій, такъ мало личныхъ, которыя, вопреки всѣмъ обязанностямъ нашего стараго братства, вы произнесли въ частномъ комитетѣ противъ одного изъ нашихъ дѣятельнѣйшихъ и преданнѣйшихъ членовъ, противъ нашего брата и друга Карло Гамбуцци, подъ вліяніемъ личныхъ дрязгъ вашего друга и брата, г. Таччи.

Продолжая считать себя вашимъ въ случаѣ одинаковости нашей программы и вашей, я попрошу васъ смотрѣть на меня, какъ на вашего пассивнаго члена до нашего будущаго

нуть къ этой же самой помощи. Такимъ образомъ мнѣ нужно серьезно работать, для того чтобы имѣть средства къ жизни и быть въ состояніи кормить свою жену. и такъ какъ я никогда не могу работать вполовину и не могу раздѣлять своей дѣятельности и своего времени между двумя различными дѣлаами. то я принужденъ. по крайней мѣрѣ. временно оставить одно, чтобы я могъ посвятить себя другому. Вы слишкомъ умны. чтобы мнѣ надо было прибавить къ этому еще что нибудь.

М. Бакунинъ.

Послѣ такого откровеннаго объясненія я не настаиваю болѣе на томъ. чтобы Малонъ явился въ среду въ Женеву. Такъ какъ я въ данный моментъ отказался отъ всякой практической дѣятельности. такъ какъ личныя объясненія мало значатъ и такъ какъ его присутствіе среди васъ можетъ быть болѣе полезнымъ. чѣмъ въ Женевѣ. то пусть онъ явится только въ томъ случаѣ. когда онъ сочтетъ это необходимымъ. не ради меня. но изъ-за другихъ причинъ. Я только предупреждаю. что наши друзья въ Бюро. на засѣданіи котораго я подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ откажусь отъ участія. ожидаютъ его у меня въ четвергъ вечеромъ. Въ тоже самое время я прошу друга Перона не забыть мнѣ прислать бумаги. касающіеся Пишарда. Я буду въ большомъ затрудненіи. если я ихъ не получу завтра. по крайней мѣрѣ, до 7 часовъ вечера. Ну. хоть бы мнѣ ихъ имѣть послѣзавтра.

Письмо это адресовано къ членамъ «Братства Международнаго». которое образовано было Бакунинымъ среди «Международнаго Союза соціалистическаго». Бакунинъ вообще имѣлъ склонность къ тайнымъ обществамъ. образовывая при этомъ во всякомъ тайномъ обществѣ другое. еще болѣе тайное. Такъ уже «Междун. Союзъ» былъ обществомъ въ обществѣ «Международномъ рабочихъ». — «Братство» было тайнымъ обществомъ въ Союзѣ. Кромѣ того въ самомъ братствѣ Бакунинъ избиралъ особыхъ братьевъ. съ которыми думалъ управлять дѣломъ. Это доходило до конспирацій. которыя взаимно перекрещивались. и въ концѣ концовъ приводили къ личнымъ ссорамъ между друзьями и братьями Бакунина. между собою и съ нимъ самимъ. Выше напечатанное письмо есть образчикъ такой ссоры. — Нѣкоторыхъ подробностей его мы не въ состояніи объяснить.

XLIX.

(Іюль 1869 г.)

Мой милый другъ. Прежде чѣмъ не пріѣдетъ Мрукъ, не считаю возможнымъ сдѣлать что нибудь дѣльное. А работать вмѣстѣ готовъ, и правъ ты, не допуская мщенія съ моей стороны, потому что для такого глубокаго чувства нѣтъ ни причины, ни въ моемъ сердцѣ мѣста, — я другъ княгини и Мрочковскаго, и готовъ сдѣлать все что только будетъ зависѣть отъ меня.

Посылаю тебѣ Zukunft, прочти тамъ статью: Michaël Bakunin.

Посылаю также 1-й листъ моего русскаго писанія.

Твой М. Бак.

Die folgenden Blätter der Königsbergischen Zukunft, wo die russischen Briefe (über Bukunin) erschienen sind. №№ 167, 187, 189.

Мое мнѣніе писать, — а дѣлай какъ хочешь. На все другое нѣтъ минуты времени.

Твой М. Б.

Завтра зайду къ тебѣ.

Письмо это писано, вѣроятно, къ Огареву вскорѣ послѣ 17 Іюля 1869 г., когда кн. Оболенскій отнялъ у своей жены дѣтей въ Веве, въ вилѣ Chaponeyre, и перевезъ ихъ въ Бернъ, откуда ихъ отправилъ въ Россію, — и когда кн. Оболенская хлопотала о возвратѣ себѣ дѣтей этихъ. (См. упомянутую выше брошюру).

L.

2 Октября 1869. Locarno. Sul Lago Maggiore

Ну, другъ Ага, я переѣхалъ просто въ царство небесное. Вообрази себѣ. послѣ сухой и тѣсно прозаической атмосферы Женевы, Италія во всей ея привѣтливой теплотѣ, красотѣ и первобытной мило ребяческой простотѣ. Благодарю тебя за письмо къ молодцу старику Quadrio, а Zamperini за письмо къ Spreafico. Оба приняли меня весьма дружески. Съ старикомъ мы пожалуй немного и поспорили, но легко, не слишкомъ углублялись въ задорный вопросъ о Libertà и Socialismo. Онъ все также крѣпокъ и здоровъ и все также неутомимо и неугомонно работаетъ. Втроемъ мы держали совѣтъ и рѣшили, что лучше для меня будетъ поселиться въ Locarno. На другой день я пріѣхалъ сюда и сегодня съ помощью добрыхъ людей, рекомендованныхъ ими, нашелъ ужъ квартиру и кухарку. Квартиру, состоящую изъ четырехъ великолѣпныхъ комнатъ на солнцѣ, меблированныхъ, съ тремя кроватями, бѣльемъ, посудою и славною кухнею, въ саду, съ великолѣпнымъ видомъ на Lago Maggiore, за 55 фр. въ мѣсяцъ, служанку и кухарку вмѣстѣ за 15 фр. съ ѣдою и постелью. Здѣсь, кажется, все вдвое дешевле противъ Женевы, а приволье, а свобода, а простота и теплота (климатъ Ницы) и воздухъ, и красота. — Ну, просто царство небесное. Правда, что нѣтъ за то ужъ и никакого общества въ буржуазномъ смыслѣ этого слова. Но въ нашемъ смыслѣ съ тобой есть и отличное. У меня ужъ есть другъ — моя Провиденція — Angelo Bettoli — armajolo, т. е. дѣлатель ружей, — испытанный Мациніанецъ, очень любимый Мацини, который принялъ меня какъ брата и завелъ къ себѣ сегодня обѣдать; все итальянская кухня и семья итальянская, и все такъ весело, просто, радушно. Ты видишь, что я просто въ восторженномъ состояніи духа, и боюсь только одного: что мягкость жизни и воздуха уменьшатъ, смягчатъ мою дикую соціалистическую безпардонность. Право, здѣсь даже и на буржуа сердиться нельзя, такъ они еще просты и такъ нераздѣльно живутъ и смѣшиваются интересами съ народомъ и такіе они еще всѣ не мудреные. А что братъ, Огаревъ, подумай, пристрой, устрой, да и сдѣлай salto mortale. Здѣсь для всякого политическаго дѣла

(не итальянскаго) и разумѣется для русской пропаганды свобода полная. Дешевизна изумительная. Воздухъ здоровый. Почта изъ Европы приходитъ два раза въ день, а изъ Италіи четыре раза. Нельзя ли перенесть типографію въ Лугано, а еще лучше сюда въ Locarno. Ты здѣсь оживешь. Одно только затрудненіе: Гейнрихъ и Тузъ. Ну, да Гейнрихъ можетъ ужъ стать на свои ноги, а для Туза здѣшняя школа будетъ не хуже женевской. Подумай, только не долго, рѣшися, да и пріѣзжай. Герцену другое дѣло. Ему и семейству его необходимы люди, много людей, свѣтскій шумъ. Онъ не любитъ жить въ немъ, а подлѣ него. Ты же былъ бы здѣсь счастливъ совершенно. Да и Герценъ пріѣхалъ бы охотно къ тебѣ погулять. Ну, теперь прощай, пора спать ложиться. Вотъ тебѣ мой адресъ: Suisse. Canton de Tessin. Locarno. Al'egreggio Signor Angelo Bettoli — armajolo, per la Signora Stefania.

Жду отъ тебя и черезъ тебя разныхъ писемъ. А кстати, будь другомъ; у тебя есть Système d'Auguste Comte, котораго ты теперь не читаешь и вѣроятно читать не будешь. Если такъ, то пришли мнѣ его на изученіе, а когда будетъ нужно, напиши, я тотчасъ же возвращу.

Твой М. Б.

LI.

18 Октября 1869. Chemin Vieux Billard. 40,
chez M-r Dams (Genève)

Любезный Герценъ. Я послалъ черезъ О—а къ моему хорошему пріятелю Aristide Rey начало писанія, пожалуй, небольшой книжки съ разными апендиксами, подъ громкимъ названіемъ Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précedée d'une étude sur les Juifs Allemands.

1-ый chapitre готовъ, 2-ой, 3-й и 4-й пишутся и пойдутъ, какъ по маслу.

Первая глава, полемическая противъ нѣмецкихъ жидовъ покажется тебѣ можетъ быть слишкомъ сыра, слишкомъ груба. Предоставляю тебѣ полное право, не измѣняя, разумѣется, содержанія и смысла, перемѣнить форму, кой гдѣ смягчить, а кой гдѣ и посолить, — вѣдь у тебя афинской, злой соли больше, чѣмъ у меня, — увѣренный, что жидамъ

сдѣлается отъ этого не легче, а хуже. Ну, остальныя главы будутъ гораздо серьезнѣе. Это родъ мемуаровъ, или скорѣе отчета за послѣдніе шесть лѣтъ. Что жъ касается до безпардоннаго направленія, то оно должно остаться всецѣло, не только по содержанію, но и по формѣ. Вѣдь ты давно знаешь, что это моя природа, а природы не перемѣнишь. Жилъ и умру, какъ генералъ Костинцкій.

Теперь вотъ еще въ чемъ дѣло: Rolin, твой знакомый, обнадеживаетъ меня, что книгоиздатель Dentu возьмется съ радостью издать эту книжку и можетъ быть даже кое что заплатитъ.

Я подробно писалъ объ этомъ Рею и просилъ его пойти къ тебѣ отъ моего имени съ О—ымъ, дабы потолковать съ тобой объ этомъ предметѣ. Помоги, Герценъ, и приложи совѣтъ и руку. Рей тебѣ понравится, онъ малый умный и честный. Направь же его и научи, какъ лучше устроить дѣло.

Ѣду отсюда въ будущую Субботу прямо въ Лугано, гдѣ пробуду по крайней мѣрѣ всю зиму. И такъ отвѣчай мнѣ или Lugano, Poste restante или чрезъ Огарева.

Твой М. Бакунинъ.

Кажется, ничего изъ сочиненія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, небыло напечатано.

LII.

18 Octobre 1869, Genève.

Messieurs!

Dans le nº du 2 octobre de votre journal, vous avez publié contre moi un article, signé Maurice Hesse, et qui est plein de calomnies et de mensonges.

Si la dixième partie de ce qu'il avance était vrai, je ne serais rien moins qu'un très dangereux panslaviste, un agent du gouvernement russe, un espion.

Vous sentez bien, Messieurs, qu'aucun homme, quelque droit à l'estime publique qu'il se sente, ne peut passer sous silence de telles accusations. Aussi me suis-je mis à écrire une brochure,

un petit livre, qui contient l'exposé du développement de mes idées socialistes pendant les dernières six années, sous le titre de « *Professio 1 de foi d'un démocrate socialiste russe, précédée d'une étude sur les Juifs allemands*»,— ces derniers, M.Maurice Hess non seulement, s'étant fait, depuis plus de deux ans, de la calomnie contre mon ami et compatriote Alexandre Herzen et moi, une occupation quasi quotidienne, une sorte de métier.

Nous avons méprisé leurs calomnies tant qu'elles n'étaient pas sorties des limites du journalisme allemand, où les attaques personnelles les plus injustes et les plus odieuses sont chose habituelle. Mais voici qu'on tente de transporter ces mêmes calomnies sur le terrain plus sérieux du journalisme français. Nous ne devons, nous ne pouvons plus nous taire.

Messieurs, j'en appelle à votre honneur et à votre justice. Attaqué d'une manière indigne dans votre journal, je dois avoir le droit d'y publier ma réponse, et j'ai la confiance que quelle que soit la différence de vos principes et des miens, vous ne me refuserez pas ce droit.

Mon petit livre ne pourra point paraître avant quelques semaines, et je ne puis retarder aussi longtemps ma réponse. Par conséquent, j'ai prié mon ami, M. Aristide Rey, mon ami et mon allié au Congrès de la Ligue de la Paix et de la Liberté, qui s'est tenu l'an passé à Berne, et mon témoin au Congrès des travailleurs qui s'est tenu dernièrement à Bâle, je l'ai prié de vous porter avec cette lettre, le discours que j'ai prononcé dans le premier de ces congrès, sur la question russe, et mon appel plus récent « *A mes jeunes frères russes* ».

Mon discours est trop long pour pouvoir trouver place dans votre journal. Mais cet appel ne l'est pas, et comme il suffira, je l'espère au moins, pour convaincre votre public que je ne puis être ni un partisan du panslavisme, ni un ami du gouvernement russe, ni d'aucun des gouvernements actuellement existants, je vous prie, Messieurs, de vouloir bien le publier, et je crois avoir le droit d'espérer que vous ne me refuserez pas cette satisfaction légitime.

Recevez, Messieurs, l'expression de ma haute considération.

Michel Bakounine.

ПЕРЕВОДЪ

18 Октября 1869. Женева.

Господа,

Въ № отъ 2 Октября вашего журнала, вы напечатали противъ меня статью, подписанную Морицемъ Гессе, которая полна клеветъ и лжи.

Если бъ десятая часть того, что онъ сообщаетъ, была вѣрна, я былъ бы мало того, что очень опаснымъ панславистомъ, — но агентомъ русскаго правительства, шпіономъ.

Вы понимаете хорошо, Господа, что никто, какое бы право на публичное уваженіе онъ за собою ни чувствовалъ, не можетъ промолчать подобныя обвиненія. По этому я началъ писать брошюру, — небольшую книгу, которая содержитъ въ себѣ изложеніе развитія моихъ соціалистическихъ идей за послѣдніе шесть лѣтъ, подъ заглавіемъ «Исповѣданіе русскаго демократа соціалиста, предшествуемое этюдомъ о нѣмецкихъ евреяхъ», — такъ какъ эти послѣдніе, а не одинъ только г. Мор. Гессе, сдѣлали себѣ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, изъ клеветъ противъ моего друга и соотечественника Александра Герцена и меня, почти ежедневное занятіе, родъ ремесла.

Мы презирали ихъ клеветы, пока онѣ не выходили изъ границъ нѣмецкаго журнамизма, гдѣ личныя нападки, самыя несправедливыя и самыя гнусныя, дѣло обыкновенное. Но вотъ теперь дѣлается попытка перенести тѣ же клеветы на болѣе серьезное поле журнализма французскаго. Мы не должны, мы не можемъ больше молчать.

Господа, — я аппелирую къ вашей чести и къ вашей справедливости. Аттакованный такимъ недостойнымъ образомъ въ вашемъ журналѣ, я долженъ имѣтъ право тамъ же напечатать и мой отвѣтъ, — и я увѣренъ, что, каковы ни были бы различія вашихъ принциповъ и моихъ, вы не откажете мнѣ въ этомъ правѣ.

Моя маленькая книга не можетъ появиться раньше нѣсколькихъ недѣль, и я не могу отлагать такъ на долго мой отвѣтъ. Вслѣдствіе этого я прошу моего друга г. Аристида Рея, друга и союзника моего въ конгрессѣ Лиги Мира и

Свободы, который происходилъ въ Бернѣ въ прошломъ году, и моего свидѣтеля въ конгрессѣ работниковъ, бывшемъ недавно въ Базелѣ, — я прошу его передать вамъ, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, рѣчь, которую я произнесъ въ первомъ изъ этихъ конгрессовъ о вопросѣ русскомъ, и мое болѣе новое воззнаніе «къ моимъ молодымъ братьямъ русскимъ».

Моя рѣчь слишкомъ длинна, чтобъ найти мѣсто въ вашемъ журналѣ. Но воззваніе коротко и такъ какъ оно, надѣюсь, будетъ достаточно, чтобъ по крайней мѣрѣ убѣдить вашу публику, что я не могу быть ни сторонникомъ панславизма, ни другомъ русскаго правительства, ни какого изъ теперешнихъ правительствъ, то я прошу васъ, господа, напечатать его и думаю, что я имѣю право надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ этомъ удовлетвореніи.

Пріймите, господа, выраженіе моего высокаго уваженія.

Михаилъ Бакунинъ.

Мы не можемъ указать, въ какой журналъ было адрессовано это письмо и было ли оно напечатано.

LIII.

28 Октября 1869. Женева

Послѣ завтра ѣду въ Лугано. Твое письмо получилъ и прочелъ со вниманіемъ.

1. На счетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: Я знаю также хорошо, какъ и ты, что Марксъ точно также виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, и даже, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже похвалилъ, назвалъ великаномъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. Первая причина — справедливость. Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я по крайней мѣрѣ не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ Интернац. Общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина — политика, и по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго разсчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ, — но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. И такъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же разсчетомъ обраща-

юсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно также какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ раволюціи, — которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось, — это разумѣется главная и первая цѣль, — но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціон. Обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, — одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести, я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти Интернац.

міра обратились бы противъ меня, и я былъ бы въ накладѣ, потерялъ бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавъ же войну нападеніемъ на его сволочь, я буду имѣть за себя большинство, да и самъ Марксъ, въ которомъ, какъ тебѣ извѣстно, злостной радости, Schadenfreude, тьма тьмущая, будетъ очень доволенъ, что я задѣлъ и отдѣлалъ его друзей. Ну, а когда я ошибусь въ разсчетѣ, и онъ за нихъ вступится, то вѣдь онъ первый начнетъ открытую войну, ну, тогда и я покачусь назадъ et j'aurai le beau rôle. Зачѣмъ я напалъ такъ жестоко на Гесса? А потому, что онъ написалъ противъ меня злостно подлую статью, а главное, потому, что онъ сдѣлалъ первую попытку перенести пакостныя клеветы противъ насъ во французскую журналистику.

Ну, теперь поговоримъ о моемъ писаніи брошюрѣ-книгѣ. Батюшка Александръ Ивановичъ, будьте крестнымъ отцемъ этого безобразнаго сочиненія, его умывателемъ и устроителемъ. Издать его сдѣлалось для меня, по всему настоящему положенію, просто необходимостью.

Но я не художникъ, и литературная архитектура мнѣ совсѣмъ не далась, такъ что я одинъ, пожалуй, съ задуманнымъ зданіемъ не справлюсь, или выйдетъ такъ, какъ разсказываютъ про кого то, что онъ построилъ сначала домъ, а потомъ сталъ выбивать въ немъ двери и окна.

1-ая маленькая глава, étude sur les Juifs allemands, не составляетъ сути, — это только родъ полемическаго предисловія, — главная цѣль разсказать и объяснить мою дѣятельность за послѣдніе шесть лѣтъ и сопровождавшее ее развитіе политико соціальной мысли. Я знаю, что въ книгѣ будетъ много хорошаго. А ты вотъ въ какомъ смыслѣ будь моимъ благодѣтелемъ и крестнымъ отцемъ, — не какъ идеалистъ, а какъ реалистъ. Еслибъ ты сталъ дѣйствовать какъ идеалистъ, то ты началъ бы съ того, что выбросилъ бы въ окно всю мою натуру, такъ не подходящую къ твоимъ привычкамъ и воззрѣніямъ и замѣсто моей книги издалъ бы свою. Но какъ реалистъ, ты скажешь себѣ, что дѣлать съ нимъ, вѣдь старика не передѣлаешь: chassez le naturel, il reviendra au galop, — такъ постарайся только сгладить и уменьшить, по возможности, его естественные недостатки. Пусть онъ строитъ домъ по своему, а такъ какъ у него нѣтъ эстетики, ни архитектурнаго умѣнія, то не онъ, а я

буду выбивать въ немъ окна и двери. Все же будетъ лучше, чѣмъ если онъ самъ возьмется за эту работу. Работа скучная, я знаю, но возьмись за нее, я не говорю по старой дружбѣ, а по старой привычкѣ жить вмѣстѣ, дѣйствуя иногда врознь и иногда не переставая спорить другъ съ другомъ, но вмѣстѣ и уважать другъ друга. Такая привычка, образовавшаяся не въ мірѣ пошлостей, а высшихъ человѣческихъ интересовъ, стоитъ дружбы.

Дѣло вотъ въ чемъ. По немногимъ листамъ, присланнымъ мною тебѣ, ты еще не можешь, отнюдь не можешь судить о предполагаемой мною книгѣ. Подожди не много; на дняхъ я пошлю тебѣ больше листовъ, и когда понятіе твое окончательно составится; ты скажешь мнѣ, что ты можешь, что ты хочешь сдѣлать, какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріяльно административномъ отношеніи въ пользу появленія этой книги. Работа, если ты за нее возьмешься, будетъ отчасти тяжелая, но съ другой стороны и не лишенная интереса. Читая мое писаніе, ты можешь быть возгориться благороднымъ рвеніемъ, отчасти негодованіемъ и рѣшиться предпослать ему Préface, не ругательное, разумѣется, и не абсолютно отрицающее, — тогда бы нужно было напечатать его особенно, — одобряющее отчасти, а отчасти протестующее. Я бы отвѣчалъ въ Post-preface, а Огаревъ въ jury d'honneur, — произнесъ бы свой приговоръ. Книга выйдетъ пожалуй странная, нѣчто въ родѣ Notre Dame de Paris, не Гюгосская, а парижская, но все таки интереснѣе и значительнѣе произведеній напомаженнаго радикализма и приличнаго соціализма. Если bourgeois отъ нея отворотятся, то работники станутъ читать, за это я отвѣчаю. А для меня этого будетъ достаточно, потому что для меня, повторяю еще разъ, нѣтъ другой публики.

Прощай и отвѣчай покамѣсть черезъ Огарева или въ Lugano, poste restante; потомъ пришлю адресъ.

Твой М. Бакунинъ.

Въ близкое движеніе въ Парижѣ и во Франціи не вѣрю и отнюдь его не желаю. А ты пожалуйста напиши по подробнѣе, что тамъ дѣлается. Какъ тебѣ понравился Рей? Онъ славный человѣкъ. Только все еще виситъ между буржуазнымъ небомъ и рабочею землею, потому еще такъ много и

занимается либерально сатирическими протестами противъ неба.

А я радъ, что потѣшающій тебя В., хоть на то пригодился, что, благодаря ему, Лиза меня оцѣнила. Досадно, что Боткинъ умеръ, некуда будетъ плевать, развѣ въ его блудно лысую память.

Натальѣ Алексѣевнѣ жму дружески руку.

О нападкахъ Маркса и его приближенныхъ на Бакунина и Герцена, послѣдній разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Нападки эти начались гораздо раньше столкновенія Бакунина и Маркса въ Интернаціоналѣ, еще вслѣдъ за участіемъ Бакунина въ Дрезденскомъ возстаніи. Герценъ говоритъ:

«Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Ж. Сандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунинъ тогда сидѣлъ, ожидая приговора, въ тюрьмѣ — и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученникомъ и сочувствующей ему массой. — Другъ Бакунина А. Рейхель написалъ въ Nohant къ Ж. Сандъ, и спросилъ ее въ чемъ дѣло? Она тотчасъ отвѣтила Рейхелю и прислала письмо въ редакцію Марксова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ; она прибавляла, что вообще никогда не говорила съ Ледрю Ролленомъ о Бакунинѣ, въ силу чего не могла сказать и сказаннаго въ газетѣ. Марксъ нашелся ловко и помѣстилъ письмо Ж. Сандъ съ примѣчаніемъ, что статейка о Бакунинѣ была помѣщена во время его отсутствія.... Черезъ годъ послѣ моего отъѣзда въ Лондонъ, Марксова шайка еще разъ возвратилась на гнусную клевету противъ Бакунина, тогда погребеннаго въ Александровскомъ равелинѣ».

На этотъ разъ органомъ клеветы былъ англійскій журналъ Morning Advertiser, на который имѣлъ вліяніе Уркуардъ, сдѣлавшій себѣ спеціальностью защиту Турціи и обличеніе русскихъ интригъ противъ нея и доходившій до того, что объявлялъ и Маццини человѣкомъ, явно работающимъ въ пользу Россіи. «Однимъ добрымъ утромъ, говоритъ Герценъ, Morning Advertiser вдругъ поднялъ вопросъ: «Былъ ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ?» Само собою разумѣется, М. А. отвѣчалъ на это положительно. Въ 1859 г., во время итальянской войны, по словамъ Герцена, «красный Марксъ избралъ самый черножелтый журналъ въ Германіи, Аусгбургскую газету, и въ ней напечаталъ (анонимно) что «Герценъ, по самымъ вѣрнымъ ис-

точникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной». (Сборникъ посмертн. сочиненій, 59—71).

Разногласія между Бакунинымъ и Марксомъ начались, какъ мы видѣли, еще въ 40-е годы. Участіе Бакунина въ славянскомъ конгрессѣ 1848 г., не желавшемъ присоединенія австрійскихъ славянъ къ предполагаемой тогда Германской имперіи, сдѣлало его крайне не популярнымъ среди нѣмцевъ, полныхъ традиціи 1848 г. (Acht-und vierziger). Но съ Герценомъ Марксъ даже никогда не встрѣчался. Поводомъ къ ненависти къ Герцену нѣмецкой эмиграціи 50-хъ годовъ были его писанія о будущемъ значеніи славянскаго племени для торжества соціализма и несогласіе съ мнѣніями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывалъ напр. Арн. Руге, — что «Россія — одинъ грубый матеріалъ, дикій и неустроенный, котораго сила, слава и красота только отъ того и происходятъ, что германскій геній придалъ ей свой образъ и подобіе». (тамже, 59).

LIV.

16 Ноября 1869. Locarno.

Твое извѣстіе (о болѣзни въ семьѣ Герцена) поразило меня какъ громомъ . . . . . .

Ради Бога, напиши мнѣ скорѣе и подробно все, что знаешь, и гдѣ теперь Герценъ? A propos, прошу тебя, попроси Герцена, если только онъ пріѣхалъ въ Италію и взялъ съ собою мою рукопись, а главное печатные матеріалы къ ней приложенные, чтобъ онъ собралъ ихъ порядкомъ и прислалъ бы мнѣ ихъ на адресъ Angelo Bettoli, Locarno или еще лучше, это мой другой адресъ: alla Signora Vedova Teresina, per la signora Antonia — Locarno. Пожалуйста не забудь ему написать объ этомъ. А вотъ посылаю тебѣ два письма, полученныя мною изъ Россіи. Признаюсь, что одного совсѣмъ не понялъ, понялъ только, что недовольны твоимъ пакованьемъ и просятъ пріостановить посылку недѣли на двѣ. А изъ второго заключилъ, что N. должна скоро пріѣхать въ Женеву. Оба письма стоятъ $1^1/_2$ фр. payables à Montchal, которые прошу тебя доставить послѣднему, т. е. Моншалю чрезъ Перона. Ты можетъ быть лучше поймешь оба письма, а когда поймешь, напиши. Напиши вообще все, что знаешь о нашихъ друзьяхъ въ Россіи и о недрузьяхъ въ Женевѣ. Посѣщаютъ ли тебя Perron и Rolin? А О—овъ

пишетъ мнѣ, что Dombrowski, польскій коноводъ, бывшій молодецъ, товарищъ и другъ нашего Потебни, арестованъ въ Парижѣ, сидитъ въ Мазасѣ, вслѣдствіе доноса и требованія русскаго посольства съ одной стороны, а главное, вслѣдствіе письма, полученнаго имъ изъ Петербурга, въ которомъ говорится о какомъ то паспортѣ въ такихъ выраженіяхъ, что истолковали въ смыслѣ фальшивыхъ асигнацій. Вишь какая трогательная дружба между высокими правительствами! Напиши мнѣ, Огаревъ, поскорѣе. О мщеніи не думай. Такимъ людямъ какъ скотъ Р—і не мстятъ, ихъ просто бьютъ. Думай о революціи, объ этомъ всеобщемъ и поголовномъ возмездіи — и дастъ намъ обоимъ судьба случай, какъ хочетъ, кончить смертью Самсона.

Твой М. Б.

LV.

16 Ноября 1869 г.

Мой милый Огаревъ. Получилъ Конта. Спасибо. Получилъ также и твои два письма. Отвѣчаю за разъ на оба. Ты мой другъ напрасно предаешься унынію и, ковыряя въ своей душѣ, находишь въ себѣ разныя гадости. Нѣтъ сомнѣнія что всякій безъ исключенія, кто захочетъ въ себѣ ковырять такимъ образомъ, найдетъ много неприличнаго. Всякій, кто прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, долженъ со вздохомъ повторить русскую прибаутку:

Кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ царемъ не виноватъ!

Но зачѣмъ предаваться излишнему ковырянью своего прошлаго, своей души? Вѣдь это также занятіе самолюбивое и совершенно безполезное. Раскаяніе хорошо, когда оно можетъ что измѣнить и поправить. Еслижъ оно этого сдѣлать не можетъ, то оно не только что безполезно, а вредно. Прошедшаго не воротишь. Не каяться и не жалѣть мы должны, а собрать все что у насъ осталось отъ нашихъ прошедшихъ ошибокъ и бѣдъ, силы, ума, умѣнья, здоровья, страсти и воли и сосредоточить все это для служенія одной любимой и послѣдней цѣли, — а наша цѣль съ тобою революція. Зачѣмъ спрашиваешь, увидимъ ли мы ее, или не увидимъ. Этого никто изъ насъ не отгадаетъ. Да вѣдь если

и увидимъ, Огаревъ, намъ съ тобою не много будетъ личнаго утѣшенія, — другіе люди, новые, сильные, молодые.— разумѣется не Утины, — сотрутъ насъ съ лица земли, сдѣлавъ насъ безполезными. Ну, мы и отдадимъ имъ тогда книги въ руки. Пусть себѣ дѣлаютъ, а мы ляжемъ и заснемъ молодецкимъ сномъ непробудимымъ. А теперь мы еще несомнѣнно полезны. Такъ, не ковыряя безполезно въ себѣ, обходясь съ самими собою, какъ съ инструментами попорченными и отчасти разбитыми, съ которыми надо обходиться знаючи и умѣючи, — а кто же знаетъ ихъ лучше насъ самихъ, — не требуя отъ себя невозможнаго, для насъ недосягаемаго, не приходя въ отчаяніе отъ своихъ слабостей, но умѣряя постоянно и по возможности послѣднія, — соберемъ же мы всю свою силу, все умѣнье, всю страсть благодаря богамъ, въ насъ еще не умершую, и будемъ дѣлать, дѣлать до послѣдняго издыханія. Вотъ наша жизнь съ тобою, Огаревъ; а для того чтобы намъ было обоимъ теплѣе, свяжемъ ихъ тѣснѣе, Огаревъ. Вѣдь и двѣ старыя жизни, прижавшись другъ къ другу, могутъ дать свѣтъ и тепло и породить силу. — Хочешь? Я готовъ.

Если у Marie чахотка, пусть она только себя бережетъ. Въ ея лѣта можно жить съ чахоткою долго. А можетъ быть и не чахотка. Пусть только себя бережетъ она a very good lady.

Ты въ кабакъ ходи, да только въ мѣру. Ты не родился анахоретомъ, аскетомъ, — никогда не былъ и никогда не будешь имъ, — a chessez le naturel il revient au galop. Только въ мѣру. Эхъ, братъ, въ мѣру кажется вся тайна.

Не удивляйся, что О—овъ тебя любитъ. Я свидѣтель, что онъ и она тебя отъ души полюбили. Не пренебрегай имъ. Онъ сангвиникъ, иногда легкомысленъ и неостороженъ, но полонъ жизни, энергіи, ума и славной воли. Онъ искренно преданъ и можетъ быть при случаѣ чрезвычайно полезенъ. Такъ ты побереги и приласкай его.

Я радъ также, что и Жуковскій къ тебѣ льнетъ. Повѣрь мнѣ, у этого человѣка сердце золотое, любящее, преданное. Онъ готовъ отдать послѣднее другому. Характера нѣтъ, — онъ слишкомъ мягокъ, впечатлителенъ, ищетъ впечатлѣній и любитъ производить ихъ, но онъ уменъ, быстро и хорошо понимаетъ. У него натура совершенно артистическая, ты

приласкай его и привяжи его къ себѣ сколько возможно. Свяжи его такъ, чтобъ онъ совсѣмъ принадлежалъ намъ. Это будетъ полезно и это возможно. Для этого, отнюдь не довѣряя ему никогда серьезнихъ секретовъ, довѣрь ему съ самою большою тайною нѣсколько маленькихъ въ сущности, но повидимому весьма важныхъ, напр., что я въ Луганѣ, что я далъ тебѣ право сказать ему это съ просьбою, чтобъ онъ не говорилъ никому, исключая его женѣ, Адѣ, которая между прочимъ, увѣряю тебя. единственная женщина знакомая мнѣ, которую я не задумался бы принять въ самое тайное дѣло. Она умна, чрезвычайно умна, благородна до донкишотства, молчалива и вѣрна какъ гробъ, — и очень, очень не демонстративна, — совершенно противоположный характеръ сестры, — къ томужъ она мила до чрезвычайности, остроумна, наблюдательна, все видитъ, все мотаетъ себѣ на усъ и въ себѣ смѣется. Она одна осталась свободною отъ Утинскаго обаянія, которому гаремно (въ нравственномъ смыслѣ этого слова) поддались всѣ другія бабы. А онъ какъ пѣтухъ между ними, пѣтухъ фразерски революціонерствующій и играющій въ диктатуру.

Утина надо непремѣнно уничтожить. Оно самолюбиво злостно мѣшается во все и сколько можетъ мѣшаетъ всему. А у него есть деньги и бабы.

Привязавъ къ себѣ Жуковскаго, ты будешь знать все что тамъ замышляемо и дѣлается, — а это небоходимо. Скажи Жуковскому, что я всегда говорилъ тебѣ о немъ съ любовью и довѣріемъ.

Другъ мой, мы старики, поэтому мы должны быть умны; у насъ нѣтъ болѣе юношескаго обаянія. Но за то есть умъ, есть опытъ, есть знаніе людей. Все это мы должны употребить на служеніе дѣлу.

Твой М. Б.

Николай Утинъ велъ въ это время борьбу противъ Бакунина и его Alliance и скоро за тѣмъ сталъ собирать матеріалы, послужившіе основой для брошюры «Alliance Universelle Socialiste», вслѣдствіе которой Бакунинъ былъ выключенъ изъ «Междунар. Общества Рабочихъ», въ которомъ нравственное главенство принадлежало Марксу.

LVI.

23 Ноября. Локарно.

Мой милый Ага. Мнѣ всегда приходится отвѣчать тебѣ на два письма; но это происходитъ оттого, что я долженъ написать всякій день не одно, а два, три, четыре письма. Вчера я сосчиталъ число моихъ кореспондентовъ и насчиталъ ихъ 44, изъ которыхъ девятнадцати я пишу по крайней мѣрѣ разъ, а иногда два и три раза въ недѣлю, шестерымъ непремѣнно два раза въ мѣсяцъ, а остальнымъ не менѣе раза въ два мѣсяцъ.

Прежде всего объясню тебѣ исторію 13 франковъ. Передъ самымъ отъѣздомъ я встрѣтилъ портного, которому въ самомъ дѣлѣ за починку долженъ 13 фр. Но отдать ему я ихъ не могъ, потому что отдалъ Перону въ займы 200 фр., которые ему были необходимы для расширенія своей мастерской, ради вступленія въ нее Rolin какъ aprenti. Ты можетъ быть не знаешь, что Rolin, не видя передъ собою уроковъ, рѣшился вступить работникомъ въ мастерскую Пероновъ— peinture sur émaille — и, по словамъ Перона, такъ хорошо рисуетъ, что недѣли двѣ по вступленіи будетъ зарабатывать не менѣе 5 фр. въ день. И такъ Перонъ взялъ у меня для устройства этого дѣла 200 фр. съ обѣщаніемъ выслать мнѣ ихъ къ 15-му Ноябрю, что онъ впрочемъ и исполнилъ. Отдавъ ему эти деньги, я сохранилъ у себя въ обрѣзъ сумму, необходимую для путешествія и для перваго устройства, такъ что, когда встрѣтился съ законнымъ требованіемъ портного, не могъ ему дать ни единой копѣйки. Въ недоумѣніи я отослалъ его къ Тхоржевскому, просто для того, чтобы выиграть время, съ намѣреніемъ написать тебѣ и Перону, только что пріѣду на мѣсто, чтобъ ты взялъ 13 фр. у Перона и отдалъ ихъ Тхоржевскому. Пріѣхалъ да и совсѣмъ позабылъ. Какъ сказано, 200 или вѣрнѣе 179 фр. отъ Перона получилъ. Да за одну пересылку вещей долженъ былъ заплатить вчера 51 фр., да за permission de séjour 11 фр., да за мѣсяцъ квартиры впередъ 55 фр., да дѣвушкѣ 15 фр., да за разныя съѣстныя и хозяйскія издержки 36 фр. съ чѣмъ то, такъ что у меня въ карманѣ осталось 10 фр.

съ чѣмъ то. Ты понимаешь, что съ этимъ я отослать тебѣ теперь 13 фр. не могу. Мало того, я хочу попросить тебя купить мнѣ фунтъ, а если можно два фунта чаю и прислать по почтѣ. Здѣсь чаю нѣтъ, а безъ чаю русскому человѣку жить нельзя.

А теперь поговоримъ о книгѣ Станкевича о Грановскомъ. Я эту книгу видѣлъ и даже перелистывалъ, проѣздомъ въ Бернѣ, у Рейхеля. Самъ Александръ Станкевичъ, бывшій ученикъ Рейхеля, прислалъ ее Марьѣ Каспаровнѣ. Marie была въ негодованіи, да и было отчего. Меня книга не удивила. А Станкевичъ узенькій, мизерненькій, грязненькій идеалистъ, — чѣмъ болѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что на свѣтѣ нѣтъ ничего грязнѣе идеалистовъ. И Грановскій также былъ идеалистъ, не грязный, — это правда; — онъ былъ слишкомъ благороденъ и слишкомъ другъ Николая Станкевича, чтобы грязь могла когда либо до него коснуться. Но въ немъ не было ни одной капли реальной Дидеротовской и Дантоновской, реально-человѣколюбивой крови. Онъ жилъ и умеръ въ доктринѣ и въ сентиментально-гуманистической фикціи. Онъ любилъ гуманность, но не живыхъ людей. Какъ всѣ доктринеры и идеалисты, онъ, самъ того не сознавая, презиралъ, во имя націи и во имя изящной гуманности, глупую, не научную, и не изящную толпу, черный людъ. По этому онъ долженъ былъ быть отъявленнымъ врагомъ соціализма и вѣрующимъ въ жизнь другую, въ которой, вѣроятно, онъ думалъ, толпа будетъ имѣть случай поумнѣть и умыться. Я прочелъ нѣсколько писемъ его къ сестрамъ, къ кузинамъ, — что за прекраснодушіе, какое отвратительное хлопотанье о себѣ, о своей позѣ въ исполненіи de sa mission, что за несносно-изящное саморисованье въ идеалѣ какъ передъ зеркаломъ, — что за отвратительное, самолюбивое кокетство! И все это на Французскомъ діалектѣ, — признакъ лжи. Вѣчные хлопоты о себѣ, о своемъ счастьи, о своемъ несчастьи, о своей красотѣ, о своемъ достоинствѣ, о своемъ положеніи и о своемъ призваніи. Когда же ему было думать о живомъ, страждущемъ, попранномъ человѣчествѣ. Какая огромная разница, какая пропасть между нимъ и нашимъ русскимъ Дидеротомъ, — нашимъ неумытымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ — Виссаріономъ Бѣлинскимъ! Этотъ весь отдавался

предмету, — Грановскій принималъ предметъ съ себя, дѣлалъ его своимъ украшеніемъ, своею изящною позою, а если предметъ въ немъ не укладывался, урѣзывалъ его, или совсѣмъ отбрасывалъ отъ себя. Какое отсутствіе реальнаго чувства и смысла были необходимы чтобы изволить ему писать такія письма къ Вердеру, къ Невѣрову т. е. къ тѣнямъ, къ бездушнымъ и ридикульнымъ фантомамъ. Станкекичъ (Николай) также увлекался одно время и тѣмъ и другимъ. Да, но только короткое время. Еще въ Россіи, прежде отъѣзда моего за границу, я получилъ нѣсколько писемъ отъ Станкевича изъ Берлина, въ которыхъ онъ преостроумно подшучивалъ надъ Вердеромъ, а на счетъ Невѣрова онъ ужъ былъ разочарованъ вполнѣ прежде отъѣзда своего за границу. Станкевичъ былъ идеалистъ, но самъ проклинавшій свой идеализмъ, самъ собою недовольный, въ то время какъ Грановскій былъ самъ собою доволенъ, — это явствуетъ изъ каждой строки его къ кузинамъ и сестрамъ, въ письмахъ къ которымъ онъ такъ женоподобно рисуется. У Станкевича умъ былъ широкій, — у Грановскаго ограниченный. У Станкевича былъ вѣрный смыслъ реальностей, — и если онъ умеръ полу идеалистомъ, такъ только потому что у него была чахотка, — самая идеальная болѣзнь въ мірѣ. Передъ гигантомъ Станкевичемъ Грановскій былъ изящный маленькій человѣкъ, не болѣе. Я всегда чувствовалъ его тѣсноту и никогда не чувствовалъ къ нему симпатіи.

Письма его насчетъ Герцена столько же глупы, сколько отвратительны. — Похороните его, друзья; онъ васъ не стоитъ. Будетъ одною пустою тѣнью въ памяти менѣе.

Марія Касперовна спросила меня, должна ли она или нѣтъ послать эту книгу Герцену. Я совѣтовалъ послать; послала ли нѣтъ, не знаю. А ты, Ага, Рейхелямъ напиши. Оба тебя искренно любятъ и Marie горюетъ о томъ, что не можетъ хоть на нѣсколько дней пріѣхать въ Женеву или хоть послать къ тебѣ Рейхеля.

Ну, что еще? Передай прилагаемую записку Жуковскому; ты скажи ему, что я въ Локарно, взявъ отъ него честное слово никому не говорить о томъ кромѣ жены его Ади, въ которую, какъ я ужъ тебѣ разъ писалъ, вѣра моя неограничена. А вотъ и маленькая записка къ Henry. Ты пишешь, что онъ сдѣлался членомъ Alliance. Да онъ давно былъ имъ!

Не сдѣлали ли его членомъ комитета? Было бы слишкомъ рано. Онъ еще очень зеленъ. Ты не говори ему, гдѣ я и передай ему мою записку. Пусть онъ постоянно пишетъ мнѣ черезъ тебя, — разъ въ недѣлю, — такимъ образомъ я съ новой невинной стороны буду знать, что дѣлается въ созданной мною Alliance, въ необходимости которой я убѣждаюсь все болѣе и болѣе. А что дѣлаетъ вашъ французъ? Все остается порядочнымъ человѣкомъ?

Не вступилъ ли онъ въ Alliance?

Мой усердный respectfull and sympatyfull поклонъ Mistres Mery. Какъ ея здоровье теперь? Напиши.

Твой М. Б.

LVII.

16 Декабря 1869. Locarno

Письмо твое отъ 6 Декабря получилъ. Оно запоздало немного благодаря снѣгу. заваливщему всѣ горныя дороги. Ты позабылъ вложить въ конвертъ непоправленное письмо Гейнриха. Пришли мнѣ его, пожалуйста. Я въ самомъ дѣлѣ былъ все это время въ большихъ хлопотахъ. Пріѣхала Антося. Я ѣздилъ къ ней на встрѣчу въ Арона (Arona), первый итальянскій городъ, на концѣ Lago Maggiore, и прожилъ тамъ два дня съ половиною въ страшномъ безпокойствѣ. все ожидая ее. Противу срока назначеннаго мнѣ телеграммою изъ Неаполя, она опоздала два цѣлыхъ дня вслѣдствіе бури на Средиземномъ морѣ. Она ѣхала моремъ, дешевизны ради. Ее бѣдную порядочно раскачало. Вообрази себѣ ея положеніе: она на морѣ съ полутора-годовымъ ребенкомъ, съ восьмимѣсячною беременностью и съ замѣчательнымъ расположеніемъ къ морской болѣзни. Цѣлыя сутки провела она на пароходѣ въ Гаетѣ неподвижно и при страшной качкѣ. Она пріѣхала ко мнѣ измученная и больная. Ребенокъ ея также боленъ. Я насилу довезъ ихъ до Ароны. Теперь она отдохнула и маленькій сынъ ея также. Но не-

дѣли черезъ 4, черезъ 3, можетъ быть черезъ 2, она должна родить. Ты понимаешь, что при такихъ обстоятельствахъ у меня голова идетъ кругомъ. . . . . .

Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ финансовыхъ средствахъ.

Ты знаешь, что мнѣ заказанъ переводъ страшной книги Маркса — «Das Kapital», — 784 страницы мелкой печати.— за 900 рублей, изъ которыхъ я уже получилъ впередъ 300 р., что мнѣ и позволило, расплатившись съ нѣкоторыми долгам, выѣхать изъ Женевы и устроиться здѣсь. Переводъ страшно трудный. Сначала я не могъ перевести болѣе трехъ страницъ въ утро, теперь дошелъ до пяти, надѣюсь скоро дойти до десяти. Тогда дѣло будетъ въ шляпѣ. Кромѣ этого я уговорился съ двумя друзьями: однимъ итальянскимъ депутатомъ, другимъ испанцемъ, которые будутъ присылать мнѣ ежедневно корреспонденціи изъ Италіи и изъ Испаніи; я буду переводить или скорѣе передѣлывать ихъ на русскій языкъ и посылать ихъ чрезъ N. N. въ русскіе журналы, дѣля и съ тѣмъ и съ другимъ барыши по поламъ. Маркса перевожу неустанно. Корреспонденціи жду.

Я излагаю тебѣ все это такъ подробно потому, что хочу просить тебя быть моимъ посредникомъ и поручителемъ передъ Герценомъ. Я хочу просить его, чтобы онъ мнѣ далъ въ займы не изъ своего кармана, а изъ фонда 800 фр., не вдругъ, а въ первый мѣсяцъ и какъ можно скорѣе 300 фр.; во второй — 200 фр., въ третій мѣсяцъ — 150 фр. и въ четвертый тоже 150 фр.

По мѣрѣ того, какъ я перевожу Маркса, я посылаю или вѣрнѣе буду посылать по десяти листовъ перевода N. N. — такъ мы съ нимъ условились, — и весьма вѣроятно, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ мнѣ удастся перевести достаточно, чтобы дать мнѣ право требовать впередъ еще 300 руб. Тогда я не только не буду нуждаться въ остальныхъ 300 фр. за два послѣдніе мѣсяца, но буду даже въ состояніи выплатить если не всѣ 500 фр., взятые въ первые два, то по крайней мѣрѣ большую часть ихъ. Я говорю о 800 фр. для того, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ я буду обезпеченъ, а въ это время я несомнѣнно успѣю кончить весь переводъ.

И такъ, Огаревъ, будь другомъ, помоги мнѣ выпутаться

изъ труднаго положенія. Поручись за меня, а я постараюсь, чтобы твое поручительство не скомпрометировало тебя передъ фондомъ.

Отдалъ ли ты Жуковскому письмо, адресованное мною на его имя и посланное тебѣ въ томъ же самомъ конвертѣ съ моимъ послѣднимъ письмомъ? Странно, что онъ не отвѣчаетъ. Если не отдалъ, то пожалуйста перешли ему его въ руки черезъ Гейнриха.

Прошу тебя, напиши мнѣ все, что знаешь о Герценѣ, и главное о Татѣ.

Вчера получилъ письмо отъ Квадріо, который спрашиваетъ меня о васъ обоихъ. Они также ничего не знаютъ о Zamperini. Гдѣ онъ и что онъ?

Вчера я прочелъ въ парижской Liberté, что съ княземъ Голицынымъ, connu par ses compositions musicales, — вѣроятно съ нашимъ, — случилось въ городѣ Козловѣ (Тамбовской губ.) несчастье. Воры, переодѣвшись монахами, были имъ приняты и убили его.

Прошу тебя, Огаревъ, читай слѣдующія журналы: прежде всего Брюсельскіе: «l'Internationale» и «la Liberté», въ которыхъ разбираются самимъ серьезнымъ образомъ, à fond и съ полнымъ знаніемъ дѣла твой любимый вопросъ о поземельной собственности, а также «Egalité» и Progrès».

О Боѣ нашемъ также какъ и ты самъ, увы, мой другъ, не знаю ничего. Трепещу за него. Если ты что узналъ, ради всѣхъ святыхъ, поскорѣе напиши. Какъ зовутъ твоего русскаго, который тебя утѣшаетъ. Назови его, — здѣсь безопасно.

А что дѣлаетъ Утинскій политическій курятникъ? Неужели еще не вышелъ нумеръ «Народнаго Дѣла»? А если вышелъ, пришли.

Свои манускрипты и всего Конта получилъ. Спасибо. Merie просто за меня обними.

Твой М. Б.

LVIII.

17 Декабря 1869. Locarno. Casa della Vedova Pedrozzini.

Мой добрый Ага. Обязуюсь передъ тобою честнымъ словомъ, а также и глубокимъ уваженіемъ моимъ къ твоему отношенію къ Герцену, выплатить безъ задержки фонду все что фондъ дастъ мнѣ взаймы. Повѣрь мнѣ, я не скомпрометирую тебя ни передъ фондомъ, ни передъ Герценомъ. Къ Гамбуци мнѣ теперь нѣтъ возможности обратиться . . .

. . . . И такъ мой другъ, поспѣши. Лишь бы мнѣ можно было получить 300 фр. дней черезъ 10, я буду доволенъ. Не то будетъ жутко.

. . . . Мнѣ глубоко жаль Герцена, Natalie и тебя. — Васъ всѣхъ жаль. Да не легко дается намъ жизнь! Ну, да ничего, пока живемъ выдержимъ и до послѣдней минуты будемъ дѣлать свое дѣло.

Что дѣлаетъ и гдѣ нашъ милый, умный, благородный авантюристъ my boy? Ты пишешь, что онъ на дорогѣ въ Женеву, а я получилъ сегодня отъ N. N. письмо, въ которомъ поразила меня слѣдующая фраза: «Правда ли, что Неч. погибъ и, какъ гласитъ молва, съ отчаянія, что нигдѣ не находитъ участія своему дѣлу?» Прошу тебя, мой другъ, напиши мнѣ подробно все что тебѣ написали о немъ.

Спроси пожалуйста Жуковскаго, почему онъ мнѣ не отвѣчаетъ? По политическимъ ли или по простымъ причинамъ. Ужъ не потому ли, что говоря о приверженцахъ и приверженницахъ Утина, я весь этотъ міръ обозвалъ: «Утинскимъ политическимъ курятникомъ»? — или не пишетъ просто потому, что некогда, въ хлопотахъ, въ strugle for life? Мнѣ надо знать это. Въ письмѣ, переданномъ тобою ему, я его спросилъ, можетъ ли Адя на извѣстныхъ условіяхъ переписывать мой переводъ Маркса? Если можетъ, то я немедленно ей перешлю листовъ 10, а отъ меня ужъ требуютъ первыхъ листовъ, такъ что, не получая отвѣта отъ Жука, я самъ началъ ихъ переписывать. Спроси же, пожалуйста, и напиши.

Антося тебѣ кланяется и принимаетъ тебя какъ крестнаго отца во имя соціальной революціи.

Письма Гейнриха я не получилъ, а «Народное Дѣло» получилъ. Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе. Отвѣчать на первый разъ не стану. Ну, а если привяжется въ другой разъ и надоѣстъ, отвѣчу, только не у него, а помимо его, такъ, что онъ не радъ будетъ, что зацѣпилъ. При случаѣ надо задавить этого скомороха.

Вчера я прочелъ въ Liberté, что нѣсколько булгаръ арестовали въ Константинополѣ. Между ними названъ и Raizeff, тотъ самый симпатичный молодой человѣкъ, который былъ у меня при Неч. и доставилъ намъ всѣ наши булгарскія связи. Имѣешь ли ты какія извѣстія о нихъ?

Прощай, пора спать ложиться. — Два часа ночи съ 16 на 17 Декабря.

Твой М. Б.

Mary за меня обними, Туза поцѣлуй, а Гейнриху скажи. что такъ какъ письмо его пропало, то пусть онъ мнѣ напишетъ другое. Жуковскому поклонись. Пишетъ ли тебѣ О—овъ? и что пишетъ? Мацинисты или вѣрнѣе Мациніяны опять готовятся къ весеннему возстанію.

LIX.

3 Января 1870. Locarno.

Вотъ и до тебя добрался, другъ Ага. Прежде всего, спасибо за присланные 200 фр. Жду остальныхъ 100 фр., которые мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда нибудь необходимы. Антося по словамъ бабки должна родить черезъ 2 или 3 дня, да къ томужъ сынъ нашъ болѣнъ. — Gastrica Verminosa — здѣсь повальная болѣзнь — и серьезная болѣзнь. Вотъ ужъ девятый день, какъ мы съ нимъ возимся. Теперь, кажется, лучше. Но Антося страшно устала, возилась съ нимъ день и ночь, несмотря на то, что сама должна будетъ скоро лечь. Mais nous avons mis notre confiance dans la providence divine et cela nous console!

Поблагодари Герцена отъ меня. А все таки мнѣ жаль,

что онъ не согласился на мое предложеніе и на мою просьбу. Не согласился, разумѣется, потому, что по старой привычкѣ и на старыхъ дѣйствительныхъ основаніяхъ не вѣритъ въ мою настоящую работу. Жаловаться на него за это не стану, потому что не имѣю права. Прошедшее говоритъ за него. Къ томужъ скептицизмъ сталъ его натурою, а натуры не перемѣнишь. А все таки жаль. Я былъ бы свободнѣе въ отношеніи къ Герцену. Не то чтобъ мнѣ было тяжело взять у Герцена, — знаю, онъ дастъ отъ души и попрекать не станетъ. Но что я буду дѣлать въ будущемъ мѣсяцѣ? Вѣдь не опять же просить у Герцена. Къ счастью, что я жду именно въ этомъ мѣсяцѣ пріѣзда одного богатаго русскаго пріятеля и родственника. Авось слажу какъ нибудь.

Посылаю тебѣ двѣ записки N. N. Изъ послѣдней ты увидишь, что пронесся слухъ, что и нашего Боя арестовали. Ты ничего не пишешь, никакихъ подробностей, а я вѣдь имѣю на нихъ право. Сядь и напиши все, что знаешь. Прошу тебя, другъ, сдѣлай это. Сердце обливается кровью отъ всѣхъ этихъ арестовъ, — и быть и оставаться въ такомъ безсиліи и въ такой безпомощности, въ какой мы находимся. Неужели нашего Боя арестовали? Все напиши.
Вотъ тебѣ и письмо отъ О—ова, которое кружило, кружило и наконецъ дошло до меня.

А перевода Адѣ для переписки не пришлю. Самъ переписываю, или скорѣй, стараюсь писать, переводя, такъ, что переписывать не нужно. Жуковскій рѣшительно не хочетъ отвѣчать мнѣ, значитъ мнѣ нечего возиться и съ Адей, которую отъ души люблю и уважаю. Но они оба живутъ въ Утинскомъ политическомъ курятникѣ, съ которымъ я ни прямо, ни косвенно не хочу имѣть дѣла, развѣ только когда придется порѣшить его.

Прощай и пиши скорѣе.

Твой М. Б.

Значитъ, что я письма Henry никогда не увижу. А Merie обнимаю.

LX.

4 Января 1870. Locarno.

Вишь до какого года мы съ тобой дожили. Доживемъ ли до 89-го?

Спасибо тебѣ за 300 фр., присланныхъ мнѣ черезъ Огарева. Они мнѣ были очень нужны. Я теперь не одинъ съ женою, а еще съ однимъ, а на дняхъ буду и съ двумя дѣтьми. . . . . Антося тебѣ и двумъ Натальямъ, Алексѣевнѣ и Александровнѣ, кланяется. Какъ здравствуютъ обѣ? Лизѣ, отдавшей мнѣ предпочтеніе передъ позитивистомъ и оптимистомъ В., отъ меня нижейшій поклонъ. А что братъ, нынѣ и вулканы, что-то постарѣли, бушуютъ и не взрываютъ. Видно подъ землею огню много работы, а главное мѣста, а можетъ быть и огонь постарѣлъ или еще не возмужалъ. Впрочемъ, что касается до меня, я фейерверка не желаю. Въ настоящее время онъ бы принесъ удовольствіе только сотрудникамъ пробужденія и только нашему безсмертному другу (Badingué?) А вотъ что, Герценъ, когда ты прочтешь какую нибудь интересную газету, такъ вмѣсто того чтобы дѣлать изъ нея неприличное употребленіе, если она въ какомъ нибудь отношеніи интересна, присылай ее мнѣ или прямо на мой адресъ: Suisse, Canton de Tessin, Locarno (не Lugano, а Locarno на Lago Maggiore) Casa della Vedova Pedrazzini или Locarno. Signor Angelo Bettoli, per la Signora Stefania.

Особливо присылай мнѣ, разумѣется если можешь, прочитанные нумера Рошфоровской Марсельезы. Я особенно прошу объ этомъ Наталью Алексѣевну, которая, я думаю, будетъ дѣлать это охотнѣе, а главное, регулярнѣе, чѣмъ ты. А я братъ перевожу экономическую метафизику Маркса, за которую получилъ ужъ впередъ 300 рубл. и долженъ получить еще 600. Читаю Philosophie Positive Конта и Прудона и въ рѣдкія свободныя минуты пишу книгу-брошюру объ упраздненіи Государства.

Товой М. Б.

Бакунинъ перевелъ лишь начало «Капитала».

Намеки о вулканахъ и пр. относятся къ тогдашнимъ стачкамъ во Франціи.

LXI.

7 Января 1870.

И тебѣ, другъ, желаю всего лучшаго, возможнаго въ нашемъ положеніи и въ наши лѣта. Желаю и для тебя и для меня вмѣстѣ, чтобы слухи о нашемъ Боѣ оказались бы несправедливыми. Вѣдь это не въ первый разъ Л. мнѣ пишетъ, что пронесся слухъ объ его арестѣ. Тогда было несправедливо, можетъ быть и теперь пустой слухъ. А жаль другихъ молодцовъ, кто бы они ни были и къ какимъ бы партіямъ они не принадлежали, даже къ Утинскому курятнику. Но такихъ въ Россіи не много, — и всѣ названные Л. не только не имѣли, но систематически не хотѣли имѣть съ нимъ ничего общаго. Отъ О—ова получилъ два письма. Онъ пишетъ, что французск. правительство теперь дѣлаетъ безпрестанно обыски у поляковъ и что будто бы не прочь и помочь также въ розыскѣ русскихъ конспирацій. Онъ просилъ меня также, чтобы я написалъ Герцену и попросилъ бы его написать Мишле и испросить у него (Мишле) позволеніе для О—ова перевести его книгу (le Fils), переводъ которой ему изъ Петербурга заказанъ. Я ему послалъ просто адресъ Герцена, который же не можетъ быть секретомъ. О—овъ слишкомъ занятъ работою и strugle for life, чтобы надоѣдать ему. Ты пожалуйста, братъ, О—ова не бросай. Людей преданныхъ у насъ мало, а онъ преданъ, не глупъ, при случаѣ рѣшителенъ, находчивъ. Богословъ плохой, но практикъ порядочный — и намъ пригодится. Только не своди его слишкомъ съ Жукомъ; пусть останутся врознь. Жука я люблю, онъ артистъ и за нимъ водятся разныя артистическія блохи, но у него есть сердце и много сердца. А кстати, заставляй его играть у себя. Онъ играетъ весьма порядочно на фортепянахъ и играетъ охотно, а тебѣ будетъ пріятно; а съ О—овымъ все таки не своди. Меня безпокоятъ его отношенія съ Утинскимъ курятникомъ. А Герцену я написалъ и поблагодарилъ его за 300 фр. Сынъ нашъ выздоравливаетъ, но за то Антося того и смотри свалится. Во первыхъ страшно устала, день и ночь въ продолженіи 10 дней таскала на рукахъ до сихъ поръ единороднаго, а

во вторыхъ, должна не сегодня такъ завтра родить. А я прохожу цѣлую науку практической жизни. Перевожу теперь много и скоро, веду огромную переписку, читаю то Прудона, то Конта и задумываю и приступаю къ книгѣ объ низложеніи государства и всѣхъ государственныхъ порядковъ. Ты видишь, что, хотя я и можно сказать, политически совершенно одинъ, мнѣ не скучно. Скучать некогда. Все мое отдохновеніе состоитъ въ болтовнѣ съ Антосею за обѣдомъ и чаемъ и въ чтеніи журналовъ въ café. Я здѣсь читаю «Liberté», «Journal de Genève», «Presse», «Gazeta di Milano». Квадріо посылаетъ мнѣ «Reveil» и «Rappel» и «Unità Cattolica» и «Unità Italiana», — журналъ Мацинистовъ. Кстати, кажется, что самъ старикъ опять въ Lugano. Я разумѣется не спрашиваю, такъ какъ я въ глазахъ его опасный еретикъ, надѣлавшій много зла въ Италіи. Ну да еще читаю соціалистическіе . . . . . .

(Конца нѣтъ).

LXII.

9 Января 1870.

Милый Ага. Получилъ твои оба письма, а ты получилъ также и мое послѣднее безъ сомнѣнія. То, что ты пишешь о Боѣ меня чрезвычайно порадовало. Теперь я начинаю вѣрить, что онъ уцѣлѣлъ. Но какъ я его увижу? Впрочемъ онъ молодецъ, захочетъ, такъ прійдетъ пѣшкомъ, а у меня для него постель и столъ всегда готовы.

Больше писать нечего и прошу тебя отдать прилагаемое письмо Жуку.

А ты, другъ Ага, не кути и Marie слушайся; ее обними, Туза поцѣлуй, Гейнриху поклонись.

Твой М. Б.

LXIII.

12 Января 1870.

Милые мои. Когда я получилъ вашу записку, я такъ прыгнулъ отъ радости, что чуть было не разбилъ потолка старою головою. Къ счастью, что потолокъ очень высокъ. Вотъ вліяніе добраго извѣстія: чуть было не поставилъ лишнюю запятую, въ честь питомца Погодина. Я самъ непремѣнно хочу видѣться съ Боемъ. Но самъ ѣхать рѣшительно не могу: во первыхъ, извѣстная вещь, круглое безденежье, — при извѣстныхъ Огареву обстоятельствахъ, еле еле свожу концы съ концами, а во вторыхъ, если бы и были деньги, не могъ бы въ настоящую минуту отлучиться изъ дома, въ ожиданіи съ часа на часъ происшествія, также извѣстнаго Огареву. И такъ буду ждать нашего Боя или скорѣй боевого сюда. У меня ждутъ его покровъ, постель, столъ и комната, а также и глубочайшая тайна. Пусть онъ пріѣдетъ или придетъ подъ чужимъ, напр. польскимъ именемъ. Здѣсь глушь полная, всѣ мнѣ преданы и никто безпокоиться и говорить не станетъ. Отсюда нѣтъ никуда ни слуховъ, ни сплетень. Такимъ образомъ были у меня ужъ и французы, и итальянцы, и испанцы и никто не обратилъ на нихъ вниманія. И такъ жду нашего милаго боевого.

А Чернецкому скажи, что Исторію Мохнацкаго Антося дала читать Мрочковскому, что непремѣнно вытребуетъ ее у него, но что на это надо время.

А кстати, надѣюсь, что ты велѣлъ Чернецкому прекратить серьезнымъ образомъ нѣкоторыя печатныя вещи. Вѣдь ты замѣтилъ, что Г-нъ Утинъ сдѣлалъ на насъ ни болѣе, ни менѣе какъ худо замаскированный доносъ. Таково впечатлѣніе О—ова и оно вѣрно.

Прощайте, жду Боя.

Вашъ М. Б.

LXIV.

23 Января.

Огаревъ! Неужели это правда? Неужели онъ *) умеръ? Кажется, да. Твоя ужасная телеграмма ничего другого значитъ не можетъ, — и вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ, полученнымъ мною вчера, ничего другого значить не можетъ. Бѣдный ты! Бѣдныя Natalie обѣ! Бѣдная Лиза! Другъ, на такія несчастья словъ нѣтъ. Развѣ только одно слово: умремъ въ дѣлѣ. Если можешь, напиши хоть одно слово.

Твой теперь единственный старый другъ М. Б.

LXV.

5 Февраля 1870.

Мой милый Ага. Твоя телеграмма темна. Venez de suite,— энергично; affaires commerciales допускаютъ отсрочку. Но я все таки поѣхалъ бы сейчасъ, если бы была возможность. Прежде будущей середы, т. е. 9-го, я по разнымъ обстоятельствамъ выѣхать не могу. А главное, я не буду въ состояніи выѣхать прежде чѣмъ вы не найдете средствъ выслать мнѣ 350 фр., необходимыхъ для того, чтобы я могъ оставить Антосю съ дѣтьми безъ долгу и хоть съ какими нибудь средствами къ жизни. Откуда вы ихъ возьмете, не знаю. Но ты пойми, что я скованъ и связанъ, и что движеніе для меня при такихъ обстоятельствахъ не возможно. Жду твоего подробнаго письма, которое надѣюсь объяснитъ мнѣ твою телеграмму.

Твой М. Б.

---

*) Ал. Ив. Герценъ. М. Др.

LXVI.

8 Февраля 1870.

Мой милый старый другъ. Я замедлилъ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо, потому, что нашъ Бой совсѣмъ завертѣлъ меня своею работою. Сегодня по его требованію и по немедленному полученію его письма написалъ наскоро статью о полицейскихъ услугахъ, оказываемыхъ иностранными правительствами русскому въ дѣлѣ разысканія мнимыхъ разбойниковъ, воровъ и дѣлателей фальшивыхъ бумажекъ. Эту статью надо вамъ будетъ по общимъ соображеніямъ исправить и передѣлать и отослать черезъ Перона Робену. который похлопочетъ о помѣщеніи ея. Но одной статьи мало. Настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и особенно положеніе русскихъ эмигрантовъ въ Европѣ налагаетъ на насъ обязанность, не теряя времени, употребить всѣ усилія для того, чтобы овладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ Европѣ; а то пожалуй насъ скоро выдадутъ всѣхъ, какъ воровъ и разбойниковъ русскому правительству. Вспомни, что мы и безъ того не слишкомъ хорошо стоимъ во мнѣніи буржуазной публики, которой мы подозрительны, ненавистны какъ соціалисты. Если мы будемъ долѣе молчать, то эта публика рада будетъ повѣрить, что мы въ самомъ дѣлѣ разбойники, фальшивые монетчики и воры, и правительствамъ иностраннымъ будетъ лафа насъ выдать. Молчаніе русской эмиграціи въ дѣлѣ Оболенской была большая ошибка, вина которой падаетъ впрочемъ вполнѣ на безпокойнаго жидовскаго мальчишку Утина. Мы этой ошибки возобновлять не должны. Поэтому вотъ что я вамъ предлагаю: составить формально бюро для постояннаго распространенія новостей изъ Россіи, а когда нужно полемикъ противъ офиціальныхъ и офиціозныхъ клеветъ, по всѣмъ иностраннымъ журналамъ: французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, и англійскимъ. Самое лучшее было бы выдавать разъ въ недѣлю литографическій листокъ и разсылать его редакціямъ всѣхъ главныхъ журналовъ, не требуя въ замѣнъ ничего кромѣ регулярной безплатной присылки этихъ журналовъ. Для этого будетъ необходимо разумѣется, чтобы Бой устроилъ постоянную кореспонденцію отъ комитета изъ Россіи, лучше той, которую

онъ обѣщалъ устроить для «Колокола», и не устроилъ. Но даже при недостаткѣ корреспонденцій достаточно чтенія русскихъ газетъ и разныхъ вздоровъ, печатаемыхъ правительственными агентами въ иностранныхъ журналахъ, для того, чтобы выдавить еженедѣльно такой листокъ. Я убѣжденъ, что такое дѣло сладить можно безъ большихъ издержекъ, которыя должны, разумѣется, платиться изъ фонда, если только будетъ серьезная и постоянная воля. Я убѣжденъ, что мы должны это сдѣлать. Я совѣтую вамъ составить это бюро слѣдующимъ образомъ: члены исполнители: Огаревъ, Жуковскій, жена его, милая Адя, которая будетъ намъ драгоцѣннымъ, умнымъ, дѣятельнымъ и какъ гробъ молчаливымъ помощникомъ, — и Перонъ. Не знаю, сошлись ли вы съ нимъ, друзья; если не сошлись, то сдѣлали большую глупость. Онъ заслуживаетъ полнѣйшаго довѣрія и окажетъ намъ, если вы только не оттолкнете его, огромную помощь во всѣхъ отношеніяхъ. Позовите же его на совѣтъ. Онъ молчаливъ и вѣренъ какъ гробъ. Члены кореспонденты: Александръ Александровичъ Герценъ и я. Устройте это друзья, повторяю еще разъ, мы должны, просто какъ русскіе, обязаны это сдѣлать и можемъ это сдѣлать легко, если только не потеряли способность хотѣть. Итакъ соберитесь, установите духъ, программу, манеру и матеріальныя условія листка и не расходитесь пока не рѣшите дѣла достаточно, для того чтобы стало дѣломъ. Кромѣ этого мы должны будемъ иногда подъ своимъ именемъ кореспондировать съ французскими, а иногда и съ другими журналами. Ты читалъ мое письмо въ Marseillaise о Герценѣ. Бой пишетъ мнѣ, что ты ею доволенъ. Я буду продолжать, если Marseillaise напечатаетъ первые письмо, на что крѣпко надѣюсь. Я просилъ Перона прочесть вамъ другую статью, которую я послалъ черезъ него и Robin въ Rappel въ отвѣтъ какому то князю Вяземскому, смѣвшему туда написать, что смертная казнь давно отмѣнена въ Россіи. Вяземскій будетъ отвѣчать разумѣется. Я оттреплю его снова. Но для этого мнѣ необходимы двѣ вещи. Вопервыхъ, чтобы ты, старый другъ, съ помощью Жуковскаго выписалъ мнѣ изъ послѣдняго нынѣ дѣйствующаго свода законовъ всѣ статьи, касающіяся присужденія смертной казни за такія то и такія то преступленія съ самою педантскою точностью. А во вто-

рыхъ, чтобы вы вмѣстѣ припомнили какъ можно болѣе фактовъ казни мужиковъ по военному суду за неповиновеніе и мнимое возстаніе, въ нынѣшнее царствованіе, начиная съ Антона Петрова, съ означеніемъ имени губерніи, уѣзда, деревни и всевозможныхъ подробныхъ обстоятельствъ, чиселъ, мѣсяца, года. Я позабылъ всѣ эти подробности; даже въ дѣлѣ Антона Петрова, не помню деревни. Знаю только, что въ Казанской губерніи и что палачемъ его былъ Апраксинъ, кажется Генералъ Адьютантъ. Однимъ словомъ, какъ можно болѣе фактовъ, подробныхъ, обстоятельныхъ и сколько можно, съ наименованіемъ палачей и жертвъ ихъ. И это мнѣ необходимо въ самое скорое время, потому что Вяземскій будетъ отвѣчать непремѣнно и, разъ начавъ полемику, я долженъ кончить ее побѣдоносно. И не успокоюсь я до тѣхъ поръ и никто изъ насъ не долженъ ложиться спать, пока мы не выживемъ изъ лучшихъ европейскихъ журналовъ всѣхъ этихъ подлыхъ писакъ о русскихъ и о Россіи. Но для этого я требую отъ фонда еще одной жертвы, а именно 35 фр., изъ которыхъ 15 прошу отдать немедленно Перону, который отошлетъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ, приложеннымъ здѣсь, письмомъ къ Robin въ Парижъ. Когда вы прочтете мое письмо къ Robin и вложенное письмо къ Reclus, вы узнаете, зачѣмъ. А 20 фр. должны быть присланы мнѣ. Я съ помощью здѣшнихъ знакомыхъ абонируюсь на Rappel и на Marseillaise. — Три мѣсяца 32 фр. — я заплачу 20, они 12. По прочтеніи я буду вамъ посылать все интересное, а захотите буду посылать и всѣ цѣлые нумера. Вы такимъ же образомъ подпишитесь на Reveil и по прочтеніи посылайте мнѣ. Reveil читается и уважается всею демократическою, не соціалистическою публикою въ Европѣ. Онъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ представляетъ тоже, что во время оно National. Онъ нашъ врагъ, но мы для русскихъ цѣлей должны непремѣнно овладѣть имъ, — и я намѣренъ сдѣлать это черезъ Elisée Reclus, а если Александръ Александровичъ знаетъ еще другую дорогу, пусть укажетъ и намъ поможетъ.

Александръ Александровичъ пишетъ по нѣмецки какъ нѣмецъ. Пусть же, пока онъ въ Женевѣ, напишетъ нѣсколько статеекъ въ родѣ той, которую я вамъ сегодня послалъ, на счетъ полицейскихъ преслѣдованій, а Бой вмѣстѣ

съ Жукомъ пусть снесутъ къ старику Бекеру, не говоря, разумѣется, кто писалъ, и они, разумѣется, сумѣютъ употребить его въ дѣло, — а Бекеръ знакомъ со всѣми кореспондентами въ нѣмецкіе и швейцарскіе журналы изъ Женевы. Пусть Герценъ напишетъ также статью на англійскомъ языкѣ и пусть отошлетъ какому нибудь знакомому англичанину, или напр. Tabardin, но лучше англичанину, или наконецъ пусть отошлетъ мнѣ, я пошлю своему пріятелю Степнею.

Но, друзья, спать не надо. Надо воевать, ибо грязная полицейская потербургская волна хочетъ потопить насъ.

Русскія подлыя вырѣзки изъ «Голоса» отошлю завтра или послѣ завтра назадъ. Продолжайте посылать мнѣ все, что касается до Герцена и до нашего дѣла.

Прощай старый другъ, — и не теряя времени, отвѣчай,— а главное будемъ дѣлать.

Твой М. Б.

Наталью Александровну и Александра Александровича обними за меня — ихъ стараго друга.

LXVII.

21 Февраля 1870.

Мой старый, милый другъ Ага. Спасибо тебѣ за то что ты не разсердился на меня. Я буду вдвое любить и уважать тебя за это.

Вотъ тебѣ письмо къ Наталіямъ. Дай его прочесть Бою.

Думать нечего, старый другъ, надо переѣхать въ Цюрихъ. Я въ Женевѣ поселиться рѣшительно не могу. Ты самъ это знаешь и понимаешь. Но кромѣ того, въ Женевѣ теперь исполненіе предпринятого нами дѣла рѣшительно невозможно. Надо въ Цюрихъ, а если не въ Цюрихъ, такъ въ Лугано.

Ты говоришь, что финансы твои плохи. Я и вѣрить не хочу, чтобы экономическія условія твои въ рукахъ Александра Александровича могли ухудшиться. Надѣюсь, крѣпко

надѣюсь также, что обѣ Natalie согласятся переѣхать въ Цюрихъ, по крайней мѣрѣ младшая. Почему бы и M-me Мейзенбугъ съ Ольгою, — вашей Великогерманской Jeanne d'Arc не переѣхать туда же, — я ее дразнить не стану, — мы всѣ подъ старость лѣтъ поумнѣли и научились сносить другъ друга. А главное нашего соединенія требуетъ русское дѣло, — значитъ, мы должны соединиться. А такъ какъ это въ Женевѣ не возможно, — соединиться въ Цюрихѣ или въ Луганѣ.

Мое дѣло кажется устраивается въ согласіи съ Боемъ и съ К°. Я сказалъ откровенно условія, на которыхъ могу весь отдаться дѣлу. Побѣдилъ ложный стыдъ и сказалъ все, что долженъ былъ сказать. Они были бы глупы, еслибъ не согласились на нихъ, и безсильны и неспособны, еслибъ не нашли средствъ къ исполненію всѣхъ условій необходимыхъ для дѣла. Мы въ самомъ дѣлѣ поступали до сихъ поръ, какъ идеалисты, внутренними стремленіями, пожеланіями и рѣдко постною пропагандою. Кто хочетъ сдѣлать великое, тотъ долженъ много умѣть и много смѣть. Nous devons devenir des hommes d'affaire, — а не давать себя вязать и обрекать на безсилье безпомощностью и безденежьемъ, — мы должны создать средства. Иначе подадимъ лучше въ отставку и пойдемъ въ монахи. И такъ въ Цюрихъ, старый другъ. Кто не ребенокъ, не идеалистъ бѣлокурый, тотъ долженъ хотѣть всѣ средства ведущія къ цѣли.

Твой М. Б.

Alea jacta est.

Ты пишешь, что получаешь Марсельезу и Rappel. Какъ же ты не догадаешься, что надо присылать немедленно по прочтеніи и акуратно каждый день. Rappel не нужно, — здѣсь есть, — а Marseillaise необходима. Если нужно, чтобъ я отсылалъ назадъ, — напиши, буду отсылать акуратно.

Поступи.

Поздравляю съ предстоящею отставкою Милютина и замѣною его Васильчиковымъ княземъ въ военномъ министерствѣ. Это для насъ хорошо!

По планамъ Нечаева и Бакунина, который тогда былъ вполнѣ увлеченъ первымъ центромъ заграничной агитаціи по «русскому дѣлу» долженъ былъ стать Цюрихъ. Тамъ долженъ былъ возобновиться и «Колоколъ», въ которомъ, кромѣ Огарева, должна была принимать участіе и старшая дочь Герцена (Нат. Ал., Тата) какъ представительница традиціи отца. Самому А. И. Герцену Нечаевъ съ перваго знакомства сталъ антипатиченъ.

LXVIII.

22 Февраля 1870.

Милый старый другъ. Спасибо тебѣ за твое довѣріе. Дѣло довольно ясное. Они кажется не хотятъ ни возобновленія «Колокола», ни участія твоей старшей въ русскомъ, въ твоемъ дѣлѣ. Съ высоты извѣстнаго благоразумія они рѣшили, что все это пустяки, безполезная трата денегъ, и заключили по этому, что стремленіе Natalie младшей *) къ этому дѣлу, — вредная экзальтація, не понимая того, что, если она останется дольше въ ихъ безцѣльной, безвыходной и бездѣльной пустынѣ, она дѣйствительно можетъ сойти съ ума и что ея здоровье, столько же сколько и сердце ея, требуетъ чтобы она жила съ тобою и помогала тебѣ. Ты надъ нею умничать не будешь и не помѣшаешь ей жить въ свою волю, а ей будетъ кого любить и что дѣлать. Для меня несомнѣнно, что, если она останется съ ними, она пропадетъ. На тебѣ лежитъ обязанность ее спасти и въ этомъ святомъ дѣлѣ ты долженъ показать гранитную твердость и говорить со всѣмъ принадлежащимъ тебѣ авторитетомъ. Но положивъ въ основаніе всѣхъ переговоровъ и переписокъ прямое и твердое заявленіе своей мысли и главное своей воли, ты вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, долженъ употребить и нѣкоторую хитрость: не ставь имъ вдругъ всѣхъ вопросовъ, — а то пожалуй ихъ запугаешь и они съ точки зрѣнія того же самого золотого благоразумія,

---

*) Нат. Александровна, дочь Герцена, — которую теперь Бакунинъ называетъ старшей дочерью Огарева. М. Др.

пожалуй, объявлять и тебя экзальтированнымъ или даже выжившимъ изъ ума. А потому ты настаивай сначала только на томъ, чтобъ твоя старшая пріѣхала къ тебѣ какъ можно скорѣе, немедленно, и напиши имъ, что ты такимъ образомъ самъ будешь въ состояніи убѣдиться, своимъ собственнымъ наблюденіемъ, а не на основаніи чужихъ разсужденій, что въ ней дѣйствуетъ: экзальтація или серьезная воля? Да напиши еще, что если въ самомъ дѣлѣ толкаетъ ее экзальтація, то самое лучшее средство ее побѣдить и излѣчить не противорѣчить ей, а напротивъ удовлетворить. тѣмъ болѣе, что такое начало удовлетворенія, т. е. пріѣздъ къ тебѣ никоимъ образомъ не компрометируетъ и не связываетъ ея будущности. Противорѣчить въ высшей степени опасно и несомнѣнно самое вѣрное средство свести ее въ ума. Не надо быть глубокомысленнымъ психологомъ, чтобы знать что всякое противорѣчіе только раздражаетъ, питаетъ и увеличиваетъ экзальтацію. Напротивъ, если она къ тебѣ пріѣдетъ, то это первое невинное удовлетвореніе ея желанія успокоитъ ее, и если въ ней дѣйствуетъ экзальтація, то она исподоволь сама уляжется и минутныя стремленія, занимающія ее теперь замѣнятся другими. Ты же ее ни къ какому дѣлу насиловать не станешь, въ чемъ они, зная твое глубокое уваженіе къ свободѣ каждаго и твою безконечную нѣжность къ милой старшей, должны быть увѣрены.

О «Колоколѣ» ты имъ покамѣсть ничего не пиши, а требуй только неотступно выдачи всего фонда. Это не только твое право, но твой священный долгъ и передъ этимъ долгомъ падаютъ всѣ деликатности отношеній. Въ этомъ дѣлѣ ты долженъ выказать римскую строгость, быть Брутомъ.

А свою старшую дочь ты долженъ и ты только одинъ можешь спасти. Будетъ ли она потомъ въ состояніи, сохранитъ ли охоту заниматься русскимъ дѣломъ, — это увидится впослѣдствіи. Насиловать и натягивать ея мысль, ее волю насильственно, во имя абстрактнаго патріотическаго дѣла, въ ущербъ ея здоровью и счастью, ты, разумѣется, не станешь, — это не въ твоемъ характерѣ. Я думаю, да и ты думаешь также, что она въ русскомъ дѣлѣ найдетъ для себя новую жизнь; они думаютъ противное. Будущее по-

кажетъ кто правъ, кто нѣтъ. Но прежде всего ты долженъ спасти ее. Потому, Огаревъ, что для меня несомнѣнно, что если она останется съ ними, она сойдетъ съ ума. Ты долженъ освободить ее отъ ихъ несознательнаго, но инстинктивнаго эгоизма, скрывающагося передъ ними самими подъ личиною золотого благоразумія и ежедневной буржуазной мудрости. Неужели бѣдной и милой Татѣ не должно быть лучшаго исхода въ жизни, какъ сдѣлаться нянькою дѣтей Александра Александровича, или компаньонкою Натальи Алексѣевны, или товарищемъ истинно сумасшедшей Вагнеро-Германствующей Дѣвы Померанской, съ утѣшеньемъ рисовать картинки ins Blaue hinein?

И такъ, прежде всего, не ставя никакихъ другихъ вопросовъ ни о «Колоколѣ», ни о русскомъ дѣлѣ, пусть она пріѣдетъ къ тебѣ и поселится съ тобою. У тебя она отдохнетъ и душею и, если нужно, умомъ. У тебя на полной свободѣ и внѣ всякихъ чуждыхъ вліяній она свободно рѣшитъ сама: какъ ей жить и что ей дѣлать.

Ты постоянно требуй ея пріѣзда къ тебѣ; а для того, чтобы они тебѣ не отказали, подъ предлогомъ что и ты экзальтированный, сумасшедшій или выжившій изъ ума, ты прикинься самымъ благоразумнымъ человѣкомъ и напиши имъ не горячее патріотическое, а самое разсудительное и сколько можно скептическое письмо. Для нихъ скептицизмъ — мудрость. Въ этой мудрости умеръ нашъ другъ Герценъ. Кстати, если ты еще не отослалъ моего письма къ нимъ, можетъ быть будетъ лучше совсѣмъ не посылать его, а если ужъ хочешь отослать, такъ отошли такъ, чтобы оно прежде было прочитано Татою, а потомъ уже Натальею Алѣксѣевною. А то можно сказать навѣрное, что Алексѣевна не покажетъ его Александровнѣ, подъ предлогомъ, что съ экзальтированными слѣдуетъ поступать какъ съ дѣтьми. Впрочемъ дѣлай, какъ знаешь и какъ хочешь.

Мой старый другъ, получилъ ли ты выписку изъ парижскаго журнала la Presse, посланную мною тебѣ 18-го. Тамъ говорится, что будто русское правительство требуетъ у швейцарскаго правит. выдачи какого то Нечаева. Теперь времена такія важныя, что необходимо знать о каждомъ письмѣ, о каждой строкѣ, дошло ли оно по своему адресу

цѣльно или нѣтъ? И потому прошу тебя отнынѣ немедленно отвѣчать на каждое письмо хоть двумя строками: письмо отъ такого то числа получилъ. Я буду дѣлать то же самое и, чтобы подать добрый примѣръ, говорю тебѣ: твои письма отъ 17-го и 19-го Февраля получилъ, я же отослалъ тебѣ письмо 21-го, т. е. вчера.

Бой мнѣ писалъ 17 и требовалъ отвѣта въ Женеву, но сегодня получилъ другое письмо отъ 19-го вечеромъ, изъ котораго заключаю, что онъ еще не въ Женевѣ. Напиши что знаешь.

А прилагаемое письмо, прошу тебя, пошли немедленно черезъ Гейнриха Перону. Да попроси его къ себѣ и перетолкуй съ нимъ о русско-швейцарскихъ дѣлахъ. Повѣрь мнѣ, Огаревъ, брось свои предубѣжденія противъ него, — и не смотри на его холодную, женевски-отталкивающую наружность, — подъ этой наружностью скрывается горячее, честное, твердое сердце. — Я его испыталъ въ продолженіи цѣлаго года на ежедневномъ дѣлѣ. Въ настоящую минуту особенно онъ драгоцѣненъ и если ты не будешь говорить съ нимъ довѣрчиво, ты сдѣлаешь непроходимую глупость.

Читалъ ли ты въ 8 нумерѣ Progrès письмо Нечаева. Значитъ, онъ дѣйствительно существуетъ, — и странно, что оно напечатано въ томъ же нумерѣ, въ которомъ я высказываю сомнѣніе въ его существованіи. Да скажи же мнѣ наконецъ правду, знаешь ты его? Что бы тамъ ни было, этотъ нумеръ должно непремѣнно распространить и перепечатать и мою статью и это письмо во всѣхъ возможныхъ журналахъ швейцарскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Я именно пишу объ этомъ Перону. Пусть онъ сходитъ къ Бекеру и переговоритъ съ нимъ для нѣмецкой пропаганды. А ты, милый другъ, возьми этотъ нумеръ, да умненько, осторожненько отошли Наталіямъ въ Парижъ — двумя способами: одинъ въ закрытомъ конвертѣ, а другой, внутри русскихъ газетъ подъ бандою — и требуй отъ нихъ, чтобы они немедленно черезъ своихъ знакомыхъ Reclus, Rey, Robin и др. заставили бы перепечатать во всѣхъ парижскихъ журналахъ, въ которыхъ только возможно (въ Siècle, Reveil, Démocrate, Rappel, Avenir, National, etc. etc.) двѣ статьи: 1) la Police Suisse. 2) Письмо Нечаева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли экземпляръ Talandier и напиши ему самъ и горячо попроси его именемъ старой дружбы, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы статья и письмо были перепечатаны въ англійскихъ журналахъ. Сдѣлай все это, не теряя ни минуты; я съ своей стороны не сплю.

Вотъ адресъ Talandier: Angleterre via Allemagne (это непремѣнно нужно, черезъ Францію пропало бы)

Alfred Talandier Esq.
g. R. M. C. Terrace-York-Town-Fernborò.
near London.

Твой М. Б.

Въ объясненіе странныхъ съ перваго раза нѣсколькихъ выраженій этого и одного изъ предидущихъ писемъ о Нечаевѣ слѣдуетъ сказать, что одно время у Бакунина и Нечаева была мысль пустить слухъ, что никакого революціонера Нечаева не было никогда, а что это выдумка Шуваловскаго III-го отдѣленія, подъ которою скрываются разные агенты-провокаторы. — Какъ ни странно, а нѣчто подобное послѣднему темновато говорилось и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» вскорѣ послѣ студенческихъ волненій въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1869 г.

Во время этихъ волненій о Нечаевѣ говорили, какъ о студентѣ; — какъ доказательство этого ходило стихотвореніе Огарева «Студентъ», напечатанное въ Женевѣ, которое должно было служить и знакомъ полномочія Нечаеву отъ Огарева, Бакунина и вообще, такъ сказать, династіи «Колокола». Вотъ это стихотвореніе:

СТУДЕНТЪ.

Посвящаю памяти моего друга Сергѣя Астракова)

Онъ родился въ бѣдной долѣ,
Онъ учился въ бѣдной школѣ,
Но въ живомъ трудѣ науки
Юныхъ лѣтъ онъ вынесъ муки,
Въ жизни стала годъ отъ году —
Крѣпче преданность народу,

Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

* * *

И гонимый местью царской
И боязнію боярской,
Онъ пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть кличъ по всѣмъ крестьянамъ
Отъ востока до заката:
Собирайтесь дружнымъ станомъ,
Станьте смѣло братъ за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

* * *

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ —
Въ снѣжныхъ каторгахъ Сибири,
Но до тла не лицемѣренъ —
Онъ борьбѣ остался вѣренъ,
До послѣдняго дыханья
Говорилъ среди изгнанья:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Н. Огаревъ.

Мы имѣемъ передъ собою его оригиналъ, озаглавленный такъ: Студентъ (Посвящается памяти моего друга Сергѣя Астракова). На этомъ оригиналѣ написано рукою Бакунина:

Великолѣпно, а лучше бы, полезнѣе для дѣла было бы, если бы замѣсто памяти Астракова, ты посвятилъ это стихотвореніе «Молодому другу Нечаеву».

Не хладнокровно смотрю я, другъ мой, а потому что зная дѣло, боюсь испортить его постороннимъ, незваннымъ вмѣшательствомъ. — Впрочемъ растолкую тебѣ все завтра, — пріѣдемъ къ тебѣ съ Робеномъ обѣдать.

Твой М. Б.

Стихотвореніе «Студентъ» съ посвященіемъ Нечаеву было отпечатано отдѣльными листками.

Что касается настояній Бакунина относительно «старшей дочери» Герцена, то надо сказать, что Бакунинъ въ это время очень хлопоталъ, чтобъ она сблизилась съ Нечаевымъ и поступила въ его «русское революціонное общество», давъ обязательство исполнять всѣ приказанія «русскаго комитета», котораго представителемъ будто бы былъ Нечаевъ. Увѣщанія Бакунина поддерживалъ, хотя слабѣе, и Огаревъ. Для склоненія Наталіи А. Герценъ Бакунинъ устроилъ въ Женевѣ свиданіе ея съ Нечаевымъ, при таинственной обстановкѣ, въ его присутствіи. Н. А—на требовала прежде всего, чтобъ ей сообщили, какія же ближайшія цѣли имѣетъ названный комитетъ и что собственно онъ ей можетъ приказать дѣлать. Нечаевъ и Бакунинъ отказывались отвѣчать на эти вопросы и требовали безусловнаго и апріорнаго повиновенія комитету. Н. А. рѣшительно не согласилась на такое требованіе. Нечаевъ страшно сердился и называлъ ее «кисейной барышней». Бакунинъ же отечески укрощалъ его словами: «ну, ну, — тише ты, тигренокъ!»

LXIX.

23 Февраля 1870.

Вотъ тебѣ, Ага, новая копія моего письма о Герценѣ въ Marseillaise — revue, épurée et francisée.

Но теперь прошу и требую, чтобъ ты поступилъ съ нею умно. А такъ какъ умъ хорошо, а два лучше, прошу тебя немедленно послать за Перономъ и съ нимъ порѣшить какъ переслать лучше.

Два пути:

1) Или ты пошлешь къ Наталіямъ съ горячею просьбою немедленнаго, вѣрнаго и умнаго собственноручнаго доставленія въ Marseillaise черезъ акуратнаго и умнаго человѣка — не свистуна — Reclus, Rey, Robin или даже пожалуй Boquet.

А лучше пусть Перонъ немедленно напишетъ Robin, чтобъ онъ пришелъ къ Наталіямъ за письмомъ.

2) или Perron отошлетъ его прямо къ Robin для собственноручнаго доставленія въ Marseillaise.

Прошу тебя поступи акуратно и умно и непремѣнно сообща съ Перономъ, которому ты переведи это письмо.

Ну, разумѣется, если Перонъ болѣнъ и прійти уже никакъ не можетъ, тогда распорядись самовластно, только умно, — и помни, что ты мнѣ отвѣчаешь за эту копію, взявшую у меня вечеръ и утро, — своею старою головою.

Твой М. Б.

LXX.

29 Февраля 1870.

Сейчасъ вышелъ отъ меня пріятель, пришедшій меня предупредить, что не сегодня, такъ завтра будетъ у меня обыскъ. По требованію федеральнаго правительства, тессинское кантональное правительство прислало сюда коммисара чтобы искать у меня и арестовать Г-на Нечаева, который, по показанію женевскаго Камперіо долженъ будтобы скрываться у меня въ Локарно. Если имѣете прямыя или косвенныя отношенія съ Нечаевымъ, предупредите его.

1) Отъ Каравал. я получилъ только одно письмо въ концѣ Сентября и отвѣчалъ въ Октябрѣ только одинъ разъ, послѣ этого ни слуха ни духа.

2) Странная вещь! Огаревъ требуетъ отъ меня конца моего воззванія къ офицерамъ для напечатанія. Да я вѣдь послалъ вамъ этотъ конецъ въ застрахованномъ конвертѣ на адресъ Marie 29 Января, ровно мѣсяцъ тому назадъ. Чтожъ это значитъ? Неужели у васъ бумаги затериваются. Предупреждаю, что я послалъ новаго писанія 52 стр. и послалъ бы гораздо болѣе, да теперь посылать болѣе не стану, пока не узнаю что посылаемое получается съ толкомъ.

3) Я пріѣхалъ бы къ вамъ, пожалуй, и прежде назначеннаго срока, если бы были деньги и если бы я не былъ скованъ здѣсь долгами. Достаньте и пришлите мнѣ 350 фр., я тогда скоро пріѣду. Иначе пошевелиться не могу. Что то фондъ кряхтитъ.

Завтра напишу болѣе; теперь спѣшу,

Вашъ М. Б.

LXXI.

29 Февраля 1870.

Старый другъ Ага. Ты хорошо сдѣлалъ, что отдалъ мое письмо только одной младшей Natalie. Могу прибавить только одно: удержи ее у себя во чтобы ни стало. Ты этимъ однимъ можешь спасти ее.

Что значитъ въ твоемъ письмѣ: «она спутешествуетъ?» Къ мистеру Воу что ли? Если такъ, такъ очень хорошо. При чемъ они и мы всѣ должны утроить осторожность.

Вотъ почему. Сейчасъ отъ меня вышелъ одинъ славный старичекъ, здѣшній житель, другъ Мацини и мой большой пріятель. Онъ меня предупредилъ, что сюда пріѣхалъ комисаръ отъ тессинскаго правительства съ тѣмъ чтобы у меня отыскать г-на Нечаева — и если онъ окажется, арестовать его, по приказанію федеральнаго правительства. Камперіо, твой пріятель, написалъ федеральному правительству, что этотъ г-нъ Нечаевъ другъ извѣстнаго соціалиста Бакунина и безъ сомнѣнія скрывается у него нъ Локарно.

Любезный Ага. Окончаніе моего воззванія къ офицерамъ отослано давно (29 Января) въ застрахованномъ конвертѣ съ письмомъ къ тебѣ и къ Невилю. Какъ же ты говоришь, что нѣтъ конца? Развѣ Невиль взялъ съ собою? Что за путаница у васъ? Ты спрашиваешь конца, который ровно мѣсяцъ тому назадъ къ тебѣ отосланъ на твой адресъ.

Смотри чтобы не потерялись листы моего теперешняго писанія. — Я вамъ послалъ 13 листовъ (52 стр.). Пожалуйста будьте акуратны. А то я писать перестану.

Да кстати, ты мнѣ ничего не написалъ о полученіи второй копіи моего большаго письма въ Marseillaise о Герценѣ, посланной тебѣ въ застрахованномъ конвертѣ съ письмомъ 23 Февраля. Не сомнѣваюсь въ томъ, что ты его получилъ и распорядился умно, какъ я тебя просилъ. Только зачѣмъ не извѣщаешь о полученіи?

Жду отвѣта. Твой М. Б.

Позови къ себѣ Перона и разскажи ему содержаніе второй половины первой страницы этого письма.

LXXII.

2 Мая 1870. Locarno.

Другъ Ага. Вчера только возвратился изъ Милана, гдѣ былъ задержанъ разными дѣлами. Вотъ почему не писалъ. А теперь пишу только нѣсколько словъ, а завтра напишу гораздо болѣе.

Какъ твое здоровье? Что дѣлаешь ты? Бросилъ ли пить? Право брось, усмири буйное сердце, дѣла ради для. А я къ вамъ скоро пріѣду

До другого письма.

Твой М. Б.

My respects to Mistress Angel and a shake hands to friend Henry. Henry doit m'ècrire une longue lettre et me raconter en détail tout ce qui s'est passé dans l'Internationale et dans l'Alliance et m'envoyer tous les No de l'Egalité qui ont paru en mon absence. Je compte sur lui.

Твой М. Б.

LXXIII.

3 Мая 1870. Locarno.

Другъ Ага. Помнишь нашъ ризговоръ о фондѣ, вечеромъ на канунѣ моего отъѣзда? Ты для своей собственной чести долженъ привести его въ порядокъ и надлежащую публичную ясность. Долженъ немедленно и, не откладывая день ото дня по своему обычаю, сдѣлать счетъ съ Чернецкимъ, если нужно, и написать подробно, что когда было выдано Русскому Комитету черезъ Н—ва, съ изложеніемъ исключительнаго права тебя и Герцена и по смерти Герцена тебя одного распоражатьсь этимъ фондомъ и причинъ, побудившихъ тебя и Герцена въ прошедшемъ году выдать изъ онаго часть Н—ву на русскую пропаганду, и по смерти Герцена побудившихъ тебя одного, какъ едино имѣющаго безконтрольное право, отдать весь остальной фондъ Русскому К—ту черезъ Нечаева. Вмѣстѣ съ тѣмъ ты долженъ

объявить, сообразно истинѣ, что Бакунинъ на вмѣшательство въ распоряженіе фондомъ не заявлялъ никакихъ притязаній, не имѣлъ никакого права вмѣшиваться и никогда не вмѣшивался, а совѣтовалъ только тебѣ (что впрочемъ тебѣ и совѣтовать было не нужно, потому, что ты самъ имѣлъ тоже убѣжденіе) отдать весь фондъ Русскому Комитету чрезъ нашего друга Нечаева.

Боюсь, что составленіе такой большой записки, которая непремѣнно должна быть засвидѣтельствована Нечаевымъ и двумя свидѣтелями: О—овымъ и С—вымъ, и пожалуй даже и четырьмя: Татою и Жуковскимъ, если они только захотятъ, боюсь, что составленіе ея возьметъ у тебя много времени. И потому прошу тебя, старый другъ, дай предварительно О—ову и С—ву письменное объявленіе въ томъ, что я никогда не вмѣшивался и не имѣлъ права вмѣшиваться въ распоряженіе и употребленіе Бахметьевскаго фонда. Это стало необходимымъ для моей чести. Противъ меня поднялось слишкомъ много клеветъ и мнѣ пора покончить съ ними. Безъ сомнѣнія С—овъ и О—овъ уже говорили тебѣ, что мы намѣрены сдѣлать. Помоги же имъ и мнѣ.

Твой М. Б.

Жду отъ тебя отвѣта на письмо, посланное мною 30-го Апрѣля.

Пусть Marie пришлетъ мнѣ фунтъ чаю (à 4 fr. la livre) contre remboursement по почтѣ.

---

*Нечаевъ отъ имени русскаго революціоннаго комитета, который, какъ теперь извѣстно, никогда не существовалъ, просилъ у Герцена и Огарева выдачи ему Бахметьевскаго фонда (25.000 фр.). Герценъ не желалъ имѣть никакого дѣла съ Нечаевымъ, — и согласился лишь часть фонда передать въ распоряженіе Огареву. Изъ этой части и дѣлались выдачи, о которыхъ говорится въ настоящемъ и нѣсколькихъ предидущихъ письмахъ Бакунина.

LXXIV.

4 Мая 1870. Locarno. Casa Pedrazzini.

Мой милый Ага. Врядъ ли мнѣ будетъ возможно пріѣхать къ вамъ прежде 15 Мая. Но 15 т. е. черезъ полторы недѣли, буду непремѣнно. Дѣло въ квартирѣ. Нанялъ ли ее Перонъ или нѣтъ? Если нанялъ, начиная съ 1 Мая, какъ обѣщалъ, ладно, еслижъ нанялъ отъ 15 Мая, еще ладнѣе. Будетъ экономія 30 или 35 фр. Обо всемъ этомъ я пишу Гейнриху, которому прошу тебя передать прилагаемую записку. А также и о женщинѣ, о которой надо тебѣ и ему переговорить съ Marie. Я готовъ ее взять отъ 15 Мая. Еслижъ она не хочетъ, надо будетъ искать другую по проще. Антося боится важныхъ дамъ. Но надо чтобы эта или другая женщина встрѣтила бы насъ на квартирѣ, потому, что мы пріѣдемъ съ двумя дѣтьми и безъ дѣвушки. Ты видишь, сколько хлопотъ. Гдѣ тѣ времена, гдѣ взялъ мѣшочекъ и отправился изъ одного конца міра въ другой!

Ну, старый другъ, до скораго свиданія. Будете вы съ Marie приходить къ намъ часто чай пить, а мы васъ будемъ угощать дѣтскимъ концертомъ. Желалъ бы я только очень, что бы квартиру намъ наняли за Carouge въ настоящей деревнѣ, если можно съ садикомъ, съ тѣнью и не далеко отъ воды, чтобы можно было купаться и обливаться, а главное не далеко отъ railway — сирѣчь отъ желѣзной дороги, ни какъ не болѣе 10 минутъ, а если можно и менѣе.

Твой М. Б.

LXXV.

9 Мая 1870. Locarno. Casa Pedrazzini.

Мой милый старый другъ. Я рѣшительно пересталъ васъ понимать. Изъ моихъ многочисленныхъ писемъ вы знаете мое положеніе, знаете, что у меня каждая копѣйка разсчитана, что я не могу пріѣхать къ вамъ безъ семейства, потому что тогда мнѣ нужно бы было возвратиться въ Locarno,

чтобы везти его въ Женеву. Одна Антося съ двумя маленькими дѣтьми безъ дѣвушки рѣшительно не въ состояніи ѣхать черезъ горы, — и это произвело бы лишнюю издержку въ 100 фр. Я васъ спросилъ телеграммою, можете ли вы, хотите ли вы пожертвовать ими? Вы мнѣ на этотъ вопросъ не отвѣчали, а сегодня я получаю отъ тебя опять телеграмму, которая зоветъ меня немедленно къ вамъ, и даже не на квартиру, которой видно никто не нанялъ, — а почему не нанялъ? вѣдь обѣщали, — а въ Hôtel. Не говоря даже, долженъ ли я пріѣхать съ семействомъ или одинъ? Но вѣдь я писалъ Бою, что пока я не получу всѣхъ денегъ, мнѣ будетъ невозможно выѣхать отсюда совсѣмъ. И еще еслибъ я имѣлъ хоть малѣйшее понятіе о дѣлѣ, на которое вы меня зовете. А то ни слова. Изъ вашихъ депешъ ничего не поймешь: grande affaire — assemblée — affaire de Boy. — donne moi le droit de voter pour toi. Чувствую, что у васъ переполохъ, но въ чемъ именно дѣло, не знаю. Какъ же я, не зная, поѣду? Вѣдь это, при скудности средствъ, заставляющей разсчитывать каждую копѣйку, съ моей стороны было бы глупо. Да почему же вы не напишете ни слова? Если бы я былъ убѣжденъ, что дѣйствительно мое немедленное присутствіе необходимо для спасенія дѣла или жизни, или чести одного изъ васъ, я бросилъ бы все и поѣхалъ; но я далеко не убѣжденъ въ этомъ и вы ничего не сдѣлали, чтобы меня въ этомъ убѣдить. А что было бы, если бы я засѣлъ въ Женевѣ безъ средствъ пошевелиться, а Антося съ дѣтьми безъ денегъ осталась бы здѣсь?

Вотъ почему, мой милый другъ, какъ мнѣ ни грустно и не безпокойно оставаться здѣсь, зная, что у васъ происходитъ что то недоброе, въ чемъ бы я могъ быть вамъ можетъ быть полезенъ, я останусь, пока не получу всѣхъ денегъ или по крайней мѣрѣ не получу письма, которое бы меня убѣдило, что мой долгъ, помимо всего и бросивъ все остальное, ѣхать къ вамъ. Покажи это письмо Бою и ради Бога пиши скорѣе.

Твой М. Б.

А между тѣмъ, если Перонъ на меня такъ разсердился, что не хочетъ искать квартиры, пусть Гейнрихъ потрудится, въ такомъ случаѣ, разумѣется, когда по новому положенію

дѣлъ и по вашему разсужденію я долженъ буду совсѣмъ переѣхать въ Женеву и провести тамъ по крайней мѣрѣ лѣто. Я совсѣмъ сбитъ съ толку вашимъ молчаніемъ и не знаю болѣе, есть ли у насъ почва подъ ногами, есть ли дѣло? и средства для дѣла? Жду отвѣта.

10-го утромъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо. Отвѣчаю. Вижу изъ твоего письма, что собраніе было русское и всеобщее, эмиграціонное, такъ какъ на немъ участвовали Мечниковъ и Гулевичъ, но зачѣмъ, по какому вопросу оно собралось и какая нужда заставила, въ противность всѣмъ нашимъ закоренѣлымъ убѣжденіямъ, убѣжденіямъ основаннымъ на чистой логикѣ и на горькомъ опытѣ, прибѣгнуть къ нему все таки, не знаю? Могу догадываться, — вѣроятно, Утинъ поднялъ шумъ о фондѣ, — но рѣшительно не знаю ничего положительнаго. Вѣдь никто мнѣ не намекнулъ даже однимъ словомъ о томъ, что случилось въ моемъ отсутствіи и что могло васъ побудить къ такимъ необычайнымъ и шумнымъ мѣрамъ? Гдѣ Бой? Въ какомъ положеніи дѣло? Что дѣлается, что задумывается у васъ, ничего не знаю. Жду объясненій.

А на счетъ квартиры, мой милый другъ, мы непремѣнно должны жить въ деревнѣ, если не подлѣ Carouge, такъ въ другомъ мѣстѣ. Нужно ли мнѣ тратить много словъ, чтобъ объяснить и доказать тебѣ что это необходимо для Антоси, такъ необходимо, что иначе я не поѣду въ Женеву. И такъ передай прилагаемую записку Гейнриху. Пусть онъ потеряетъ хоть цѣлый день на отыскиваніе квартиры, я заслужу ему.

LXXVI.

10 Мая 1870. Поздно вечеромъ.

Милый Ага. Мнѣ все кажется, что я не объяснилъ тебѣ достаточно невозможность, на которую меня обрекаетъ денежная тѣснота. Я не могу выѣхать отсюда совсѣмъ, не

заплативъ всего, что здѣсь долженъ. Жена моя не можетъ ѣхать одна черезъ горы съ двумя дѣтьми и безъ дѣвушки. Не получивъ всѣхъ ожидаемыхъ денегъ, я долженъ бы былъ ѣхать къ вамъ одинъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ вервуться за нею, — лишняя издержка по крайней мѣрѣ въ 100 фр. Ѣхать въ Женеву вмѣстѣ не на квартиру, а въ отель, также имѣло бы непремѣннымъ послѣдствіемъ, не говоря о другихъ неудобствахъ для жены и для дѣтей, значительный лишній расходъ, а у меня все разсчитано такъ, что все въ обрѣзъ. Необходимое достается трудно, гдѣ же взять лишнее?

Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы объяснить тебѣ, почему намъ необходимо поселиться въ деревнѣ, а не въ самой Женевѣ. Эта необходимость объясняется главнымъ образомъ извѣстными тебѣ обстоятельствами. Антося рѣшительно не должна, не можетъ и не хочетъ жить въ самомъ городѣ, а согласилась ѣхать въ Женеву только подъ условіемъ, что мы будемъ жить въ деревнѣ. Я также съ своей стороны согласился и рѣшился переѣхать въ Женеву только подъ этимъ условіемъ. Теперь, мой милый другъ, скажу тебѣ, что не могу вѣрить, не могу допустить, что бы не было возможности отыскать квартиру (4 комнаты, кухня со всею кухонною утварью и столовою и чайною посудою, съ бѣльемъ столовымъ и постельнымъ — три кровати — для Антоси, для дѣвушки и для меня) въ деревнѣ. Если не возможно очень близко, ну такъ подальше, такъ однакожъ, чтобъ была возможность приходить или ѣздить за безцѣнокъ всякій день въ Женеву и возвращаться домой. Я просилъ Гейнриха пожертвовать и посвятить мнѣ одинъ день и поискать хорошенько. Если ему рѣшительно невозможно, то наймите человѣка за 5 или 4 фр. въ день, съ обѣщаніемъ двухъ лишнихъ франковъ если найдетъ хорошо, напр. Линдегера. Но лучше бы Гейнрихъ.

Милый другъ, устрой мнѣ все это и поскорѣй да и напиши.

Когдажъ получу отъ васъ объясненіе вашихъ шарадъ и загадокъ? Какія у васъ ассамблеи, зачѣмъ ассамблеи? Что рѣшили? Какъ рѣшили? Гдѣ Бой? въ Женевѣ или нѣтъ? Въ чемъ теперь дѣло и какъ стоитъ или лежитъ оно? Что дѣлаетъ Тата? Что дѣлаешь ты? Какъ относится ко всему [illegible] — Пиши ради Христа.

Твой М. Б.

11 Мая утромъ.

Сегодня опять отъ васъ ни строки. Да что вы въ самомъ дѣлѣ, мои милые, развѣ съ ума сошли. Требуютъ вотовъ, телеграфируютъ о какихъ то важныхъ дѣлахъ и объ ассамблеяхъ и ни слова не напишутъ, чтобы хоть намекнуть въ чемъ дѣло. И вы хотите, чтобы я сломя голову, не зная зачѣмъ, бросивъ все, къ вамъ уѣхалъ и тѣмъ окончательно запутался бы и сталъ бы въ безвыходное финансовое положеніе. Не пошевелюсь съ мѣста, пока не узнаю въ чемъ дѣло.

Гдѣ Бой? Гдѣ Бой? Вотъ къ нему записка, которую прошу тебя немедленно передать или переслать ему.

Твой М. Б.

Квартиру въ деревнѣ — 4 комнаты — кухня — утварь — посуда — мебель — и всякое бѣлье.

LXXVII.

НЕВИЛЮ.

11 Мая 1870. Locarno. Casa Perduzzini

Мой милый другъ. Чтожъ значитъ ваше молчаніе. Получили ли вы мои письма (отъ 2-го, отъ 4-го, отъ 6-го, отъ 9-го Мая) и депеши (отъ 5-го, отъ 7-го)? Я ихъ послалъ по указанному вами адресу. Если получили, зачѣмъ не отвѣчаете. Вообразите же себѣ, что я ничего не знаю и не понимаю.

Отвѣчайте немедленно, прошу васъ. Гдѣ вы? Что вы? Что дѣло? Что К-нъ? Гдѣ его обѣщанный отвѣтъ? и главное зачѣмъ ассамблея?

Жду отвѣта.

М. Б.

Судя по письму отъ 14 Іюня, можно догадываться, что Невиль — Нечаевъ. (?)

LXXVIII.

СОБОРНОЕ ПОСЛАНІЕ.

Четвергъ. 1870. Бернъ.

Мои милые друзья. Вотъ вамъ результатъ моихъ разговоровъ и дѣйствій въ Бернѣ. Во первыхъ, я ни къ кому не ходилъ кромѣ Фохтовъ, потому что по общему совѣту это оказалось не нужнимъ. Адольфъ Фохтъ, опираясь на помощь и содѣйствіе Густава, взялся быть неутомимымъ и безпощаднымъ дѣятелемъ по дѣлу Н. и С.

Н. дѣло стоитъ такъ. Bundesrath Кнюзебекъ сказалъ Рейхелю, что федеральный совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не выдалъ бы и не выдастъ его, но что онъ не помѣшаетъ женевскому кантональному правительству выдать его, если оно захочетъ это сдѣлать. Емиль Фохтъ говоритъ, что въ Швейцаріи ни на какое правительство разсчитывать не слѣдуетъ, что кантональное, равно и федеральное, безъ церемоніи выдадутъ его, лишь только онъ попадетъ въ ихъ руки. Адольфъ и Густавъ напротивъ полагаютъ, что послѣ состоявшейся огласки, выдача сдѣлалась невозможною. Они требуютъ съ нашей стороны еще большей и самой рѣшительной огласки. Всѣ члены федеральнаго правительства опираются на томъ, что они ничего не знаютъ о Н. кромѣ того, что имъ предъявило русское посольство, преслѣдующее Неч. какъ обыкновеннаго преступника. Вслѣдствіе чего:

1) Всѣ требуютъ наискорѣйшаго распространенія и разглашенія моей брошюры, которую находятъ удачною. Пошлите немедленно экземпляровъ 20 Адольфу Фохту (Herrn Dr Adolf Vogt. Spitallgasse. Bern). Онъ берется раздать и послать ее разнымъ вліятельнымъ людямъ.

2) Они вполнѣ одобряютъ протестъ русской эмиграціи, составленный Жуковскимъ и мною, говорятъ, что мы написали именно то, что слѣдуетъ написать и требуютъ, чтобы онъ былъ посланъ какъ можно скорѣе федеральному совѣту, а потомъ и публикованъ. Но публикованъ позже, спустя нѣсколько дней по посылкѣ его федеральнымъ властямъ.

3) Адольфъ согласился и даже самъ предложилъ быть агитирующимъ и дѣятельнымъ бюро по дѣлу Неч. и С. для всей Нѣмецкой Швейцаріи. Поэтому проситъ, чтобы ему

было выслано изъ Женевы въ числѣ 20 экземпл. по крайней мѣрѣ и безъ потери времени все, что будетъ напечатано по этимъ дѣламъ въ Женевѣ или гдѣ бы то ни было, а также чтобы его письменно извѣщали обо всѣхъ новыхъ обстоятельствахъ и фактахъ, акуратно и безотлагательно.

4) Совѣтуетъ послать въ Journal de Genève сжатый и офранцуженный разсказъ С—ова, утверждая, что этотъ журналъ не можетъ отказаться его напечатать. Говоритъ, что это очень важно. Вполнѣ апробуетъ процессъ, начатый нами противъ полиціи по дѣлу С.

И такъ, друзья, пусть кто нибудь изъ васъ, Огаревъ или Жуковскій вступитъ немедленно въ дѣятельную переписку по обоимъ дѣламъ. Ко мнѣ также посылайте и пишите все. Адрессъ заставьте подписать всѣхъ эмигрантовъ доброй воли. Упорныхъ каверзниковъ и резонеровъ оставьте въ сторонѣ, имъ же хуже, если не подпишутъ. А потомъ, переписавшись съ Фохтомъ, публикуйте этотъ адрессъ или протестъ, по экземпляровъ 100 этого протеста, изъ которыхъ 20 Фохту, 10 мнѣ.

Буду съ нетерпѣніемъ ждать вашихъ писемъ и новыхъ извѣстій въ Локарно. Поспѣшите объявить въ Journal de Genève о моей брошюрѣ.

Пошлите оной экземпляровъ:

20 въ Бернъ книгопродавцу
30 въ Цюрихъ
20 въ Базель
10 въ Аргау
10 въ Солотурнъ
20 въ Люцернъ
30 въ Фрибургъ
20 въ Невшатель
20 въ Лозану
20 въ Лугано.

У О—ова адрессы книгопродавцевъ.

Смотрите не дремлите и, не теряя времени, огласите и брошюрами и газетными статьями, и частною перепискою и громкимъ процессомъ швейцарскую срамоту.

Вашъ М. Бакунинъ.

LXXIX.

20 Мая 1870. Locarno.

Здравствуй Ага, изъ Локарно. Эхъ братъ! Хорошо здѣсь! Тихо, мирно, — думай сколько хочешь и дѣлай на свободѣ. Нѣтъ ни Утинской грязи, ни Мечниковскаго краснорѣчія, ни Ж—скаго глубокомыслія, ни Э—ской мудрости, ни сквозного вѣтра Ж—скаго. Нѣтъ, правда, и васъ, мои милые друзья. Но что же дѣлать! Всего не соединишь и лучше здѣшняя умная тишина безъ васъ, чѣмъ женевская грязь съ вами.

Надѣюсь, что вы получили мое соборное посланіе изъ Берна, посланное мною на адресъ нашего долговязаго друга и супруги его Сашеньки. Надѣюсь также, что вы исполнили съ точностью и надлежащею скоростью все, о чемъ я васъ просилъ, все что вамъ съ общаго совѣта бернскихъ друзей рекомендовалъ. Повторяю тамъ сказанное:

1) Адольфъ Фохтъ взялся быть нашимъ дѣятельнымъ помощникомъ и составить родъ бюро по дѣлу Н.

2) Ему надо послать 20 экземпл. моихъ медвѣдей.

3) Нашъ адрессъ унанимно апробированный бернскими друьями долженъ быть какъ можно скорѣе подписанъ и посленъ федеральному совѣту и ПОСЛѢ того, нѣсколько дней спустя, посовѣтовавшись съ Фохтомъ, долженъ быть публикованъ.

3) Одинъ изъ васъ, лучше всего Жукъ, если онъ не отсталъ отъ дѣла и не отказался окончательно подписать адресъ, — если же не онъ, то старый Ага, долженъ вступить въ постоянную и регулярную переписку съ Адольфомъ Фохтомъ (Herr Doctor Adolf Vogt. Spita gasse 178 Bern). Лучше всего, еслибы переписывался Огаревъ, если онъ можетъ взять на себя писать акуратно, обстоятельно и трезво и не будетъ посылать своихъ писемъ прежде чѣмъ они не будутъ прочитаны соборно. Адольфъ Фохтъ очень любитъ и уважаетъ тебя.

4) Посылать Фохту въ числѣ 20 экземпл. все, что будетъ напечатано вами въ журналахъ или брошюрахъ по дѣлу С. и Н.

5) Мнѣ посылать также въ числѣ пяти экземпл. по крайней мѣрѣ, а если можно и болѣе, и писать мнѣ безотлага-

тельно и какъ можно подробнѣе обо всемъ, что у васъ случается.

6) Принять мѣры для наискорѣйшаго распространенія моей брошюры въ Швейцаріи (Bern, Zürich, Basel, Solothurn, Lucerne, Fribourg, Neuchatel, Lausanne, Bellinzona) и напечатать объявленія въ Jounal de Genève.

7) Постараться, чтобъ безхитростный разсказъ С. былъ напечатанъ въ Journal de Genéve.

Жду отъ васъ всѣхъ писемъ. Отъ тебя Ага, отъ О—ова и отъ нелитературнаго С. Буду отвѣчать скоро и акуратно.

8) Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о нашемъ злостнопреслѣдуемомъ другѣ и писемъ прямо отъ него.

9) Жду наконецъ отъ нашего комитета отвѣта, который долженъ окончательно опредѣлить всѣ мои послѣдующія дѣйствія, предупреждая васъ, что я крѣпко стою за ультиматумъ поставленный мною и не иначе поѣду въ Женеву, какъ убѣжденный, что ѣду къ вамъ на возможное и прочное положеніе, какъ въ отношеніи къ самому дѣлу, такъ и въ отношеніи къ средствамъ существованія.

Ich bin zu alt um nur zu spielen.

10) Ага, попроси отъ моего имени Marie, чтобы она немедленно купила фунтъ чаю (à 4 fr.) и послала мнѣ contre remboursement по почтѣ, да не забудь, прошу тебя.

Твой М. Б.

LXXX.

14 Іюня 1870. Locarno.

Мой милый Ага. Я тебѣ не отвѣчалъ на маленькую записку, написанную тобою по французски, и посланную мнѣ тобою безъ подписи, черезъ нашего криваго друга. Не отвѣчалъ также и на твой запросъ, хочу ли я взять квартиру и купить за дешево мебель кривого друга. Не отвѣчалъ потому, что думалъ, что два огромные пакеты, которые вы должны были получить въ то же самое время (оба застрахованные и заключавшіе въ себѣ письма къ Невилю и къ вамъ соборно) должны были быть достаточнымъ отвѣтомъ.

Прочитавъ всѣ мои письма, ты убѣдился, надѣюсь, что я долженъ былъ поставить всѣ упомянутыя въ нихъ и ясно опредѣленныя условія Невилю, — и что разъ рѣшившись ихъ поставить ему, я не намѣренъ, не могу и не долженъ отступить отъ нихъ ни на шагъ. Теперь согласится ли онъ ихъ принять или нѣтъ, я думаю будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ того, захотите ли вы, найдете ли вы справедливымъ, полезнымъ и нужнымъ поддержать меня дружно или нѣтъ. Я сказалъ все, что умѣлъ, что могъ, чтобы убѣдить его и чтобы убѣдить васъ. Теперь мнѣ остается поэтому ждать его и вашего отвѣта. Если оба будутъ удовлетворительны, если, выйдя сами изъ всѣхъ экивоковъ и недоразумѣній, которыми онъ было насъ всѣхъ опуталъ, вы мнѣ дадите обезпеченіе, что можно будетъ продолжать дѣло на основаніяхъ болѣе крѣпкихъ и болѣе истинныхъ, чѣмъ было до сихъ поръ, — а именно на основаніяхъ и на условіяхъ мною вамъ соборно предложенныхъ, — тогда я поѣду, иначе нѣтъ. Что я буду дѣлать въ Женевѣ? Да и на какія средства поѣду къ вамъ? Я доведенъ теперь до крайней степени раззоренія и безвыходности. Есть долги, а денегъ ни копѣйки, просто не на что жить. А что дѣлать? Всѣ переводныя предпріятія для меня сдѣлались невозможными, вслѣдствіе несчастной исторіи съ Л. Другихъ русскихъ знакомыхъ у меня нѣтъ. Однимъ словомъ, очень плохо. Я сдѣлалъ послѣднія усилія, чтобы разбудить милыхъ братцевъ. Проснутся ли? Не знаю. Буду ждать ихъ отвѣта.

Здѣсь плохо, а въ Женевѣ было бы вдвое плоше: дорожныя издержки и жизнь вдвое дороже, да наконецъ всѣ издержки необходимо сопряженныя съ установленіемъ маленькаго, хоть самаго бѣднаго хозяйства. Гдѣжъ мнѣ думать о покупкѣ мебели нашего кривого друга, хоть за четверть цѣны?

Да наконецъ, я вѣдь тебѣ нѣсколько разъ повторялъ и письменно и словесно, что по разнымъ для меня и для Антоси важнымъ причинамъ, если я даже пріѣхалъ бы въ Женеву, то непремѣнно долженъ бы былъ поселиться въ деревнѣ.

Но, милый другъ, что и говорить объ этомъ? Всего вѣроятнѣе, что я останусь здѣсь. Нашъ Бой упоренъ, а я, когда разъ принялъ и высказалъ рѣшеніе, не имѣю привычки его мѣнять. Ergo, разрывъ съ нимъ, покрайней мѣрѣ мой

разрывъ мнѣ кажется неизбѣжнымъ. Если бы мы всѣ были одного мнѣнія и всѣ, неразрывно и дружно связанные, дѣйствовали за одно, мы, вѣроятно, успѣли бы побѣдить его упорство, или даже въ крайнемъ случаѣ, оставивъ его въ сторонѣ, поставить настоящее дѣло на настоящія ноги. Но развѣ существуетъ между нами такое единство мысли, чувствъ и воли? Сомнѣваюсь.

Во всякомъ случаѣ буду ждать здѣсь вашихъ отвѣтовъ на мои многочисленныя и безконечно большія письма и не пошевелюсь съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не убѣждусь совершенно, что меня зовутъ на настоящее дѣло, со всѣми дѣйствительными условіями дѣла, а не на новыя словопренія.

Пиши же скорѣе.

Твой М. Б.

LXXXI.

19 Іюня. Воскресенье.

Мои милые. Сейчасъ получилъ депешу отъ Barni, извѣщающую меня, что все семейство ждетъ меня и что я скоро получу новую депешу, которая ужъ прямо позоветъ меня въ Женеву. Не позабудьте друзья, что я безъ денегъ. Здѣсь надо заплатить около 400 фр. и 150 фр. на подъемъ съ семействомъ. Гдѣ ихъ взять и куда пріѣду? Вѣдь нѣтъ квартиры. Все это гнило, — вездѣ рвется. Значитъ опять ѣхать одному, чтобы опять возвращаться за семействомъ, — значитъ опять издержать на одну дорогу впередъ и назадъ болѣе 100 фр.? Обдумайте хорошенько, если дѣйствительно необходимо мнѣ быть у васъ, я разумѣется поѣду, займу денегъ и поѣду. Только, только смотрите, чтобы не по пустому. Жду скорѣе отвѣта.

Вашъ М. Б.

Къ томужъ Невиль мнѣ пишетъ, чтобы я ждалъ его письма, — и онъ хочетъ назначить мнѣ свиданіе. Что тутъ дѣлать?

Твой чай, Ага, я получилъ.

LXXXII.

РОСПИСКА БАКУНИНА.

Симъ свидѣтельствую, что взялъ сего 21 Іюля 1870-го года, чрезъ посредство Н. П. Огарева изъ фонда въ займы, четыреста пятьдесятъ франковъ, которые и обязанъ возвратить въ фондъ чрезъ три недѣли, не позже 15 Августа сего года.

Михаилъ Бакунинъ.

Сего 21 Іюля 1870.

Вскорѣ послѣ выдачи этой росписки вся остальная часть фонда была передана А. А. Герценымъ Огареву, по желанію послѣдняго, а Огаревъ передалъ ее Нечаеву. Вслѣдъ за тѣмъ Нечаевъ разошелся съ Бакунинымъ и Огаревымъ. Кому собственно принадлежитъ иниціатива разрыва, мы не знаемъ. Въ слѣдующихъ письмахъ говорится объ этомъ разрывѣ не мало.

LXXXIII.

28 Іюля 1870. Локарно.

Ну старый другъ. Вотъ я опять въ своемъ мирномъ Локарно и не выѣду отсюда, пока не вызоветъ меня настоящее дѣло. Всѣхъ своихъ нашелъ въ добромъ здоровьи и радъ, что съ ними. А тебѣ извѣстно ли, что Нечаевъ все таки пробрался къ Talandier и что не смотря на всѣ наши предупрежденія, нашъ другъ принялъ его и представилъ Мрочковскому, который поспѣшилъ представить его иконокласту Bradlaugh и французу Dupont, члену Генеральнаго Совѣта Интернац. рабочей ассоціаціи. Я написалъ изъ Невшателя Talandier и Мрочковскому энергическія письма, сказалъ имъ всю правду и надѣюсь, что они постараются исправить ошибку. Пишутъ, что Нечаевъ хочетъ продолжать въ Лондонѣ изданіе «Колокола», котораго, видишь ты, не

могъ продолжать въ Женевѣ послѣ появленія брошюры Семена С. Разспроси у Жуковскаго, -- онъ тебѣ разскажетъ подробно все.

Чай получилъ. Большое спасибо отъ меня Marie и Henry. Я крѣпко принялся за работу. Ну, а ты, старый другъ, что дѣлаешь, какъ поживаешь? Что твоя русская община? Если узнаешь или прочтешь что интересное, особливо въ русскихъ журналахъ, пришли. Да присылай мнѣ русскую газету по прочтеніи, — я буду акуратно отсылать назадъ.

Прощай. Твой М. Б.

LXXXIV.

Pour Valérien.

24 Іюля. Невшатель.

Любезный другъ. Ради бога не дури т. е. не умничай, а слѣдуй нашему совѣту, съ полною вѣрою, что каждое слово моего письма къ Taland., которое ты прочти, истинно. Дѣло идетъ о спасеніи васъ всѣхъ, ты это поймешь, когда дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ каждого слова этого письма.

Ты былъ бы молодецъ и оказалъ бы нашему общему святому дѣлу огромную услугу, еслибъ тебѣ удалось выкрасть у Нечаева всѣ украденныя имъ бумаги и всѣ его бумаги.— Но боюсь, что ты совсѣмъ заржавѣлъ. утратилъ всю прежнюю молодецкую прыть, — и потому умоляю тебя, ради васъ самихъ, прервать всѣ ваши отношенія съ Нечаев. и съ его маленькимъ компаньономъ Владиміромъ С. — (Sallier), и если возможно, совсѣмъ скрыться отъ нихъ. — Такъ какъ княгиня *) принадлежитъ къ утинскому враждебному стану, попроси ее отъ моего имени, ничего не писать объ этомъ Утину.

Вашъ М. Б.

---

*) Оболенская. М. Др.

LXXXV.

ПИСЬМО БАКУНИНА КЪ ТАЛАНДІЕ.

Neuchâtel, 24 Juillet 1870.

Mon cher ami, je viens d'apprendre que N. s'est présenté chez vous et que vous vous êtes empressé de lui faire connaître l'adresse de nos amis (M. et sa femme). J'en conclus que les deux lettres par lesquelles O. et moi vous avons prévenu et supplié de le repousser, vous sont arrivées trop tard; et sans exagération aucune je considère le résultat de ce retard comme un véritable malheur. Il peut vous paraître étrange que nous vous conseillons de repousser un homme auquel nous avons donné des lettres de recommandation pour vous, écrites dans les termes les plus chaleureux. Mais ces lettres datent du mois de Mai et depuis nous avons dû nous convaincre de l'existence de choses tellement graves qu'elles nous ont forcés de rompre tous nos rapports avec N., et au risque de passer à vos yeux pour des hommes inconséquents et légers, nous avons pensé que c'était un dévoir sacré de vous prévenir et de vous prémunir contre lui. Maintenant je vais essayer de vous expliquer en peu de mots les raisons de ce changement.

Il reste parfaitement vrai que N. est l'homme le plus persécuté par le gouvernement russe et que ce dernier a couvert tout le continent d'Europe d'une nuée d'espions pour le chercher dans tous les pays, et qu'il en a réclamé l'extradition tant en Allemagne qu'en Suisse. Il est encore vrai que N. est un des hommes les plus actifs et les plus énergiques que j'aie jamais rencontrés. Lorsqu'il s'agit de servir ce qu'il appelle la cause, il n'hésite et ne s'arrête devant rien et se montre aussi impitoyable pour lui-même que pour tous les autres. Voici la qualité principale qui m'a attiré et qui m'a fait longtemps rechercher son alliance. Il y a des personnes qui prétendent que c'est tout simplement un chevalier d'industrie; — c'est un mensonge! C'est un fanatique dévoué, mais en même temps un fanatique très dangereux et dont l'alliance ne saurait être que funeste pour tout le monde, voici pourquoi: Il avait fait d'abord partie d'un comité occulte

qui réellement avait existé en Russie. Ce comité n'existe plus, tous ses membres ont été arrêtés. N. reste seul, et seul il constitue aujourd'hui ce qu'il appelle le Comité. L'organisation russe, en Russie, ayant été décimée, il s'efforce d'en créer une nouvelle à l'étranger. Tout cela serait parfaitement naturel, légitime, fort utile, — mais la manière dont il s'y prend est détestable. Vivement impressionné par la catastrophe qui vient de détruire l'organisation secrète en Russie, il est arrivé peu à peu à se convaincre, que pour fonder une société sérieuse et indestructible, il faut prendre pour base la politique de Machiavel et adopter pleinement le système des Jésuites, — pour corps la seule violence, pour âme le mensonge.

La vérité, la confiance mutuelle, la solidarité sérieuse et sévère n'existe qu'entre une dizaine d'individus qui forment le sanctus sanctorum de la Société. Tout le reste doit servir comme instrument aveugle et comme matière exploitable aux mains de cette dizaine d'hommes réellement solidarisés. Il est permis et même ordonné de les tromper, de les compromettre, de les voler et même au besoin de les perdre; — c'est de la chair à conspiration; par exemple: vous avez reçu N. grâce à notre lettre de recommandation, vous lui avez donné en partie votre confiance, vous l'avez récommandé à vos amis — entre autres à Mr et Mme M.... Le voilà replanté dans votre monde, — que fera-t-il? il vous débitera d'abord une foule de mensonges pour augmenter votre sympatie et votre confiance, mais il ne se contentera pas de cela. Les sympathies d'hommes tièdes qui ne sont dévoués à la cause révolutionnaire qu'en partie et qui en dehors de cette cause ont encore d'autres intérêts humains, tels qu'amour, amitié, famille, rapports sociaux, — ces sympathies ne sont pas à ses yeux une base suffisante, et au nom de la cause il doit s'emparer de toute votre personne à votre insu. Pour y arriver il vous espionnera et tâchera de s'emparer de tous vos secrets, et pour cela, en votre absence, resté seul dans votre chambre, il ouvrira tous vos tiroirs, lira toute votre correspondance, et quand une lettre lui paraîtra intéressante, c'est à dire compromettante à quelque point de vue que se soit, pour vous ou pour l'un de vos amis, il la volera et la gardera soigneusement comme un document contre vous ou contre votre ami. Il a fait cela avec O., avec moi, avec Tata et avec

d'autres amis, — et lorsque en assemblée générale nous l'avons convaincu, il a osé nous dire: « Hé bien, oui; c'est notre système, — nous considérons comme des ennemis, et nous avons le devoir de tromper, de compromettre toutes les personnes qui ne sont pas *complétement* avec nous » c'est à dire tout ceux qui ne sont pas convaincus de la beauté de ce système et n'ont pas promis de l'appliquer comme eux mêmes. Si vous l'avez présenté à un ami, son premier soin sera de semer contre vous la discorde, les cancans, l'intrigue, — en un mot de vous brouiller. Votre ami a une femme, une fille, il tâchera de la séduire, de lui faire un enfant pour l'arracher à la moralité officielle et pour la jeter dans une protestation révolutionnaire forcée contre la société. Tout lien personnel, toute amitié, toute
sont considérés par eux comme un mal, qu'ils ont le devoir de détruire, — parce que tout cela constitue une force qui, se trouvant en dehors de l'organisation secrète, amoindrit la force unique de cette dernière. Ne criez pas à l'exagération, tout cela m'a été amplement développé et prouvé. Se voyant démasqué, ce pauvre N. est encore si naïf, si enfant, malgré sa perversité systématique, qu'il avait cru possible de me convertir — il est allé même jusqu'à me supplier de vouloir bien développer cette théorie dans un journal russe, qu'il m'avait proposé d'établir. Il a trahi la confiance de nous tous, il a volé nos lettres, il nous a horriblement compromis, en un mot il s'est conduit comme un misérable. Sa seule excuse, c'est son fanatisme! Il est un terrible ambitieux sans le savoir, parce qu'il a fini par identifier complètement la cause de la révolution avec sa propre personne, — mais ce n'est pas un égoïste dans le sens banal de ce mot, parce qu'il risque horriblement sa personne et qu'il mène une vie de martyr de privations et de travail inouï. C'est un fanatique, et le fanatisme l'emporte d'être un jésuite accompli — par moments il devient tout simplement bête. — La plupart de ses mensonges sont cousus de fil blanc. Il joue au jésuitisme comme d'autres jouent à la révolution. Malgré cette naïveté relative, il est très dangereux, parce qu'il commet *journellement* des actes, des violations de confiance, des trahisons, contre lesquels il est d'autant plus difficile de se sauvegarder, qu'on en soupçonne à peine la possibilité.

Avec tout cela N. est une force, parce que c'est une immense énergie. C'est avec grand' peine que je m'en suis séparé, parce que le service de notre cause demande beaucoup d'énergie et qu'on en rencontre rarement une développée à ce point. Mais après avoir épuisé tous les moyens de m'en convaincre, j'ai dû m'en séparer, et une fois séparé, j'ai dû le combattre à outrance. Son dernier projet a été, ni plus ni moins, que de former une bande de voleurs et de brigands en Suisse, naturellement dans le but de constituer un capital révolutionnaire. Je l'ai sauvé en lui faisant quitter la Suisse, parce qu'il est certain qu'il aurait été découvert, lui et sa bande, dans l'espace de quelques semaines; il se serait perdu et nous aurait perdu tous avec lui. Son camarade et compagnon S. est un franc coquin, un menteur au front d'airain, sans l'excuse, sans la grâce du fanatisme. Il s'est passé devant moi des vols nombreux de papiers et de lettres qu'il a commis. Et voici les gens que M., malgré qu'il ait été prévenu par J., a cru devoir présenter a Dupont et à Bradlaugh. Le mal est fait, il faut le réparer *sans bruit, sans scandale,* autant que faire se peut.

1. Au nom de votre paix intérieure, de la tranquillité de votre famille et de votre considération personnelle, je vous supplie de leur fermer votre porte. Faites le *sans explications,* coupez simplement. Pour beaucoup de raisons, nous ne désirons pas qu'ils sachent *maintenant* que nous leur faisons la guerre sur tous les points. Il faut qu'ils soupçonnent que les avretissements contre eux sont venus du camp de nos adversaires — ce qui d'ailleurs sera parfaitement conforme à la vérité, car je sais qu'on a écrit très énergiquement contre eux au conseil général de Londres. Ne nous démasquez donc pas prématurément à leurs yeux. Ils nous ont volé des papiers dont nous devons nous réemparer d'abord.

2) Persuadez M. que la salut de toute sa famille exige qu'il rompe complètement avec eux. Qu'il garde contre eux N. Leur système, leur bonheur, c'est de séduire et de corrompre les jeunes filles, par cela on tient toute la famille. Je suis désolé qu'ils aient appris l'adresse de M., car ils *seraient capables de le dénoncer.* N'ont — ils pas osé m'avouer ouvertement en présence d'un témoin, que dénoncer à la police secrète un membre, un dévoué ou dévoué seulement à moitié,

est un des moyens dont ils considèrent l'usage comme fort légitime et utile quelquefois. S'emparer des secrets d'une personne, d'une famille, pour la tenir en leurs mains, c'est là leur moyen principal. Je suis tellement effrayé qu'ils sachent l'adresse de M. que je leur conseille, que je les supplie de changer de logement, de manière à ce qu'ils ne puissent les découvrir. Si après cela M., infatué *de son propre jugement*, continue ses rapports avec ces Messieurs, — que les conséquences funestes, inévitables de cet *aveuglement vaniteux* retombent sur lui-même.

3) Il faut que vous et M. avertissiez tous les amis auxquels vous avez pu présenter ces Messieurs de se tenir sur leurs gardes et de ne leur témoigner aucune confiance, ni assistance. N., plus obstiné qu'un joueur se perd fatalement, — l'autre est perdu. Il ne faut pas que nos amis participent à leur ruine honteuse. Tout cela est fort triste et très humiliant pour nous qui vous les avons recommandés, mais la vérité est encore la meilleure issue et le meilleur remède contre toutes les fautes.

(Съ копіи переданной намъ Львомъ И. Мечниковымъ).

ПЕРЕВОДЪ

Любезный другъ, — я узналъ, что Н(ечаевъ) явился къ вамъ и что вы поспѣшили ему дать адресъ нашихъ друзей (М. и его жены). Я заключаю изъ этого, что два письма, которыми О. и я предупреждали и умоляли васъ оттолкнуть его, пришли къ вамъ слишкомъ поздно, — и, безъ всякаго преувеличенія, я считаю послѣдствіе этого запозданія за истинное несчастіе. Вамъ можетъ казаться страннымъ, что мы совѣтуемъ оттолкнуть человѣка, которому дали рекомендательныя къ вамъ письма, написанныя въ выраженіяхъ, самыхъ горячыхъ. Но это письма отъ Мая, а съ тѣхъ поръ мы убѣдились въ существованіи вещей, столь важныхъ, что онѣ насъ заставили прервать всякія сношенія съ Н., — и съ рискомъ показаться въ вашихъ глазахъ людьми непослѣ-

довательными и легкими, мы рѣшили, что нашъ священный долгъ предупредить васъ объ этомъ и остеречь васъ отъ него. Теперь я попробую объяснить вамъ въ немногихъ словахъ причины этой перемѣны.

Остается совершенно вѣрнымъ, что Н. человѣкъ, наиболѣе преслѣдуемый русскимъ правительствомъ и что послѣднее покрыло весь континентъ Европы арміей шпіоновъ, чтобъ разыскать его во всѣхъ странахъ и что оно требовало его выдачи въ Германіи, какъ и Швейцаріи. Также вѣрно, что Н. одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и показывается также безпощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать его сообщества. Есть люди, которые утверждаютъ, что это просто мошенникъ; — это неправда! Это фанатикъ, преданный, но въ то же время фанатикъ очень опасный и сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибельно для всѣхъ, — вотъ, почему: Онъ былъ сначала членомъ тайнаго комитета, который дѣйствительно существовалъ въ Россіи. Этотъ комитетъ не существуетъ болѣе; всѣ его члены были арестованы. Н. остался одинъ и одинъ онъ составляетъ то, что онъ теперь называетъ Комитетомъ. Такъ какъ организація въ Россіи истреблена, то онъ усиливается создать новую за границею. Это все было бы вполнѣ естественно, законно, очень полезно, — но способъ дѣйствія его отвратительный. Живо пораженный катастрофой, которая разрушила тайную организацію въ Россіи, онъ пришелъ мало по малу къ убѣжденію, что для того, чтобъ создать общество серьезное и неразрушимое, надо взять за основу политику Макіавеля и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: — для тѣла одно насиліе, для души — ложь.

Истина, взаимное довѣріе, солидарность серьезная и строгая — существуютъ только между десяткомъ лицъ, которыя образуютъ sanctus sanctorum общества. Все остальное должно служить слѣпымъ орудіемъ и какъ бы матеріей для пользованія въ рукахъ этого десятка людей, дѣйствительно солидарныхъ. Дозволительно и даже простительно ихъ обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нуждѣ,

даже губить ихъ; это мясо для заговоровъ. Напр.: вы приняли Н., благодаря нашему рекомендательному письму, вы ему оказали отчасти довѣріе, вы его рекомендовали вашимъ друзьямъ, между прочимъ г-ну и г-жѣ М... И вотъ онъ помѣщенъ въ вашемъ кругу, — что же онъ будетъ дѣлать? Прежде всего онъ начнетъ вамъ разсказывать кучу лжей, чтобъ увеличить вашу симпатію и довѣріе къ нему, но этимъ не удовольствуется. Симпатіи людей умѣренно теплыхъ, которые преданны революціонному дѣлу только отчасти и которые внѣ этого дѣла имѣютъ еще другіе человѣческіе интересы, какъ любовь, дружба, семья, общественныя отношенія, — эти симпатіи въ его глазахъ не представляютъ достаточной основы, — и во имя дѣла онъ долженъ завладѣть вашей личностью, безъ вашего вѣдома. Для этого онъ будеъ васъ шпіонить и постарается овладѣть всѣми вашими секретами и для этого, въ вашемъ отсутствіи, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ, онъ откроетъ всѣ ваши ящики, прочитаетъ всю вашу корреспонденцію, и когда какое письмо покажется ему интереснымъ, т. е. компрометирующимъ съ какой бы то нибыло точки, для васъ или одного изъ вашихъ друзей, онъ его украдетъ и спрячетъ старательно, какъ документъ протовъ васъ или вашего друга. Онъ это дѣлалъ съ О., со мною, съ Татою и съ другими друзьями, — и когда, собравшись вмѣстѣ, мы его уличили, онъ осмѣлился сказать намъ: «ну, да! это наша система, — мы считаемъ какъ бы врагами и мы ставимъ себѣ въ обязанность обманывать, компрометировать всѣхъ, кто не идетъ съ нами в п о л н ѣ», — т. е. всѣхъ тѣхъ, кто не убѣжденъ въ прелести этой системы и не обѣщали прилагать ее, какъ и сами эти господа. Если вы его представите вашему пріятелю, первою его заботою станетъ посѣять между вами несогласіе, дрязги, интриги, — словомъ поссорить васъ. Если вашъ пріятель имѣетъ жену, дочь, — онъ постарается ее соблазнить, сдѣлать ей дитя, чтобъ вырвать ее изъ предѣловъ оффиціальной морали и чтобы бросить ее въ вынужденный революціонный протестъ противъ общества. Всякая личная связь, всякая дружба, всякая (?).. считаются ими зломъ, которое они обязаны разрушить, потому что все это составляетъ силу, которая находясь внѣ секретной организаціи, уменьшаетъ единую силу этой послѣдней. Не кричите

о преувеличеніи; все это было имъ мнѣ пространно развиваемо и доказано. Увидѣвъ, что маска съ него сброшена, этотъ бѣдный Н. былъ столько наивенъ, былъ на столько дитя, не смотря на свою систематическую испорченность, что считалъ возможнымъ обратить меня; онъ дошелъ даже до того, что упрашивалъ меня изложить эту теорію въ русскомъ журналѣ, который онъ предлагалъ мнѣ основать. Онъ обманулъ довѣренность всѣхъ насъ, онъ покралъ наши письма, онъ страшно скомпрометировалъ насъ, — словомъ велъ себя, какъ плутъ. Единственное ему извиненіе это его фанатизмъ! Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что онъ кончилъ тѣмъ, что отожествовалъ вполнѣ свое революціонное дѣло съ своею собственной персоной; — но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученническую жизнь лишеній и неслыханнаго труда. Это фанатикъ, а фанатизмъ его увлекаетъ быть совершеннымъ іезуитомъ Большая часть его лжей шиты бѣлыми нитками. Онъ играетъ въ іезуитизмъ, какъ другіе играютъ въ революцію. Не смотря на эту относительную наивность, онъ очень опасенъ, такъ какъ онъ совершаетъ ежедневно поступки нарушенія довѣрія, измѣны, отъ которыхъ тѣмъ труднѣе уберечься, что едва можно подозрѣвать ихъ возможность. Вмѣстѣ съ этимъ Н. — сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи, и рѣдко встрѣчаешь ее, такъ развитую, какъ у него. Но истощивъ всѣ усилія убѣдиться въ этомъ, я долженъ былъ разойтись съ нимъ, а разъ разошедшись съ нимъ, я долженъ былъ биться съ нимъ до крайности. Послѣдній замыселъ его былъ ни больше, ни меньше, какъ образовать банду воровъ и разбойниковъ въ Швейцаріи, натурально съ цѣлью составить революціонный капиталъ. Я его спасъ, заставивши его покинуть Швейцарію, такъ какъ онъ непремѣнно былъ бы открытъ, онъ и его банда въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль; онъ бы пропалъ, — погубилъ бы съ собою и насъ. Его товарищъ и сообщникъ С. открытый мерзавецъ, лгунъ съ мѣднымъ лбомъ, безъ извиненія, безъ прощенія фанатизмомъ. Передо мною совершились многочисленныя покражи бумагъ и писемъ, которыя онъ сдѣлалъ. И вотъ люди, которыхъ М.,

не смотря на то, что онъ былъ предупрежденъ Ж—мъ, счелъ долгомъ представить Дюпону и Бредлофу. Бѣда сдѣлана, — надо ее поправить безъ шуму, безъ скандала, на сколько это возможно сдѣлать.

1. Во имя вашего внутренняго мира, спокойствія вашей семьи и вашей личной репутаціи, я умоляю запереть имъ дверь. Сдѣлайте это безъ объясненій, обрѣжьте просто. По многимъ резонамъ, мы не желаемъ, чтобъ они знали теперь, что мы съ ними воюемъ на всѣхъ пунктахъ. Надо, чтобъ они подозрѣвали, что предостереженія противъ нихъ вышли изъ лагеря моихъ противниковъ, — что впрочемъ будетъ совершенно согласно съ истиной, такъ какъ я знаю, что противъ нихъ писано очень энергично Генеральному Совѣту *) въ Лондонѣ. Не демаскируйте насъ преждевременно въ ихъ глазахъ. Они у насъ украли бумаги, которыми мы должны сначала завладѣть вновь.

2. Увѣрьте М., что благо всей его семьи требуетъ, чтобъ онъ совершенно разорвалъ съ ними. Пусть онъ бережетъ отъ нихъ М. Ихъ система, ихъ счастіе — соблазнять и развращать молодыхъ дѣвушекъ; такимъ способомъ можно держать въ рукахъ всю семью. Я въ отчаяніи, что они узнали адресъ М., такъ какъ они въ состояніи донести на него. Развѣ они не осмѣлились признаться мнѣ откровенно, въ присутствіи свидѣтеля, что доносить тайной полиціи на члена, не преданнаго обществу, или преданнаго на половину, — одинъ изъ способовъ, употребленіе котораго они признаютъ законнымъ и полезнымъ иногда. Овладѣвать секретами лица, семьи, чтобъ держать ее въ своихъ рукахъ, — это ихъ главное средство. Я настолько испуганъ тѣмъ, что они знаютъ адрессъ М., что я ему совѣтую перемѣнить квартиру, чтобъ они не могли его открыть. Если же послѣ этого М., увлеченный увѣренностью въ своемъ собственномъ разумѣніи, будетъ продолжать свои сношенія съ этими господами, — то пусть гибельныя неизбѣжныя послѣдствія этого тщеславнаго ослѣпленія упадетъ на его самого.

3. Надо вамъ и М—му предупредить всѣхъ друзей, которымъ вы могли представить этихъ господъ, — чтобъ тѣ

*) Интернаціонала. М. Др.

держались передъ ними осторожно и не оказывали имъ никакого довѣрія, ни помощи. Н., болѣе упрямый, чѣмъ игрокъ, губитъ себя фатально; другой — пропащій. Не надо, чтобъ наши друзья участвовали въ ихъ позорной гибели. — Все это очень печально и очень унизительно для насъ, которые ихъ вамъ рекомендовали, но истина и теперь лучшій исходъ и лучшее лекарство противъ всѣхъ ошибокъ.

LXXXVI.

29 Іюля 1870. Локарно.

Старый другъ Ага. Телеграмма твоя, полученная мною вчера вечеромъ, или ничего не значитъ, или значитъ вотъ что: одинъ изъ твоихъ пріятелей, человѣкъ вѣрный, П. или Б., а можетъ быть и третій неизвѣстный мнѣ человѣкъ, ѣдетъ въ Россію и соглашается свезти мое письмо къ братьямъ. Соглашается ли онъ только передать письмо лично, или даже переслать черезъ вѣрнаго знакомаго ему человѣка — или соглашается не только доставить это письмо братьямъ, но стать даже дѣловымъ посредникомъ между мною и моими братьями — всего этого изъ твоей телеграммы не видно, и эта неизвѣстность чрезвычайно затруднила меня. Но на всякій случай я рѣшился рискнуть и послать тебѣ письмо къ братьямъ, которое прошу тебя прочитать внимательно вмѣстѣ съ О—вымъ и, прочитавъ его, сообразно тому что ты знаешь о своемъ отъѣзжающемъ другѣ, рѣшить, долженъ ли ты или нѣтъ поручить это письмо и это дѣло. Если онъ, по твоему убѣжденію, заслуживаетъ полнаго довѣрія, если онъ человѣкъ дѣйствительно серьезный, пусть онъ самъ прочтетъ мое письмо къ братьямъ и пусть съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ и дѣла рѣшитъ самъ, можетъ ли онъ за него взяться или нѣтъ. Мой милый Ага, рѣши все это, когда будешь не въ пьяномъ, а въ трезвомъ видѣ, помня, что необдуманнымъ рѣшеніемъ ты можешь испортить все и поставить

меня въ безвыходное положеніе. Если у тебя будетъ малѣйшее сомнѣніе на счетъ доброй воли, серьезности и умѣнія твоего отъѣзжающаго друга, ты лучше не отдавай ему моего письма. Ну, а если ты испыталъ его и вѣришь въ него, отдай. Если ты по той или другой причинѣ не отдашь моего письма къ братьямъ, то прошу тебя послать мнѣ это письмо немедленно назадъ, — я вѣроятно скоро самъ найду средство переслать его братьямъ. Ну, а если ты найдешь удобнымъ и полезнымъ поручить твоему отъѣзжающему это письмо и это дѣло, то переговори съ нимъ подробно и толково о томъ, и когда онъ думаетъ увидѣть братьевъ, и что онъ хочетъ имъ сказать и предложить для приведенія дѣла къ желаемому результату, а также и условься въ нѣкоторыхъ невинныхъ терминахъ, а также и въ невинномъ косвенномъ адресѣ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы извѣстить тебя изъ Россіи объ отвѣтѣ и о намѣреніяхъ братьевъ и вообще о ходѣ дѣла. Лучшій адресъ Marie Reichel. Письмо съ подписью Анна Калмыкова. Авдотьею будутъ подписываться братья. А ты мнѣ напиши имя отъѣзжающаго друга и подробно все, въ чемъ вы съ нимъ условились.

Твой М. Б.

Адресъ Marie Reichel: Bern. Mattenhof. Mattenheim Frau Musikdirectorin Reichel.

Сношенія Бакунина съ братьями не имѣли въ себѣ ничего политическаго; дѣло шло о выдѣлѣ М. А—чу суммы за часть его въ наслѣдствѣ по отцу. Но русскій, въ положеніи Б—на, долженъ и такія дѣла вести, какъ конспирацію.

LXXXVII.

1 Августа 1870. Locarno.

Мои милые друзья. Пріѣхавъ, т. е. возвратившись сюда изъ Женевы, куда ѣздилъ одинъ и гдѣ пробылъ съ мѣсяцъ, занятый почти исключительно совершенною ликвидаціею всѣхъ дѣлъ нашихъ съ г. Нечаевымъ, — я наконецъ нашелъ въ рукахъ Антоси письма отъ васъ, и не могу вамъ сказать какъ былъ радъ, что вы наконецъ вспомнили о насъ, вамъ старѣйшихъ и неизмѣнно вѣрныхъ друзьяхъ. Изъ Невшателя я написалъ къ Talandier длинное, а къ Валеріану короткое письмо, которое можетъ быть Мрука *) и раздосадовало. Но я прежде всего хотѣлъ и долженъ былъ достигнуть одной главной цѣли: спасти васъ отъ продолженія знакомства съ Нечаевымъ и съ Владиміромъ С—ымъ, прозывающимъ себя Sallier. Надѣюсь впрочемъ, что моего большаго письма къ Talandier было достаточно, чтобъ убѣдить васъ что я руководствовался не капризомъ, и не однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и безпричинныхъ охлажденій, въ которыхъ меня такъ часто и всегда такъ несправедливо упрекали. Мрукъ засвидѣтельствуетъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ меня знаетъ, я не измѣнилъ никому, а мнѣ измѣняли часто, и что я бросалъ человѣка только тогда, когда, истощивъ всѣ зависящія отъ меня средства, для того чтобъ сохранить его союзъ и дружбу, убѣждался окончательно въ невозможности ихъ сохранить. Съ Нечаевымъ я былъ долготерпеливъ болѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь. Мнѣ страшно не хотѣлось разрывать съ нимъ союза, — потому что этотъ человѣкъ одаренъ удивительною энергіею. — Въ письмѣ къ Talandier я въ общихъ чертахъ объяснилъ причины, заставившія меня наконецъ разорвать съ нимъ всѣ сношенія. — Надѣюсь, друзья, надѣюсь, особенно для вашего спокойствія и блага, что вы мнѣ повѣрили и оттолкнули его отъ себя. — Напиши мнѣ, Мрукъ, подробно все, что ты о немъ знаешь, что онъ тебѣ говорилъ о дѣлахъ вообще и о насъ въ особенности, — онъ лжетъ по системѣ, — гдѣ и съ кѣмъ теперь живетъ, что дѣлаетъ и что сдѣлалъ ты для того чтобъ предупредить противъ него и Bradlaugh и Dupont?

---

*) Мрочковскаго. М. Др.

Русскихъ дѣлъ я отнюдь не бросилъ, напротивъ отыскалъ наконецъ настоящихъ людей и основалъ русскую секцію нашего тайнаго союза. — Одинъ изъ членовъ теперь въ Англіи, и если вы позволите, представится къ вамъ отъ моего имени. Занимаюсь теперь писаніями: русскимъ для окончательнаго уничтоженія Утина, котораго надо задавить какъ ядовитаго клопа, и французскимъ для отвѣта всѣмъ интернаціональнымъ врагамъ. — A propos, встрѣчался ли ты когда съ Марксомъ, тайнымъ руководителемъ всѣхъ моихъ явныхъ враговъ, — извѣстно ли вамъ, что онъ черезъ посредство Бекера, измѣнившаго мнѣ и Alliance въ моемъ отсутствіи зимою вступилъ въ переписку съ Утинымъ и что Утинъ и Comp. собираютъ для него противъ меня документы для уничтоженія меня? — Ничего, помѣримся силами, — испанцы, италіянцы, французы и бельгійцы (не лично, а по принципу) за насъ, — горы подъ предводительствомъ нашего умнаго и вѣрнаго друга Guillaume стоятъ за насъ горою.— Жукъ ведетъ себя очень хорошо. — Перонъ женился и совсѣмъ отсталъ. — Фанелли усталъ и все еще не можетъ позабыть, что не пославъ ему тѣхъ 200 фр., мы нанесли уронъ его декоруму, но онъ все нашъ и съ нами. — Гамбуци молодецъ. — Въ послѣднемъ письмѣ онъ мнѣ писалъ, что Васильчиковъ хотѣлъ обмануть и подвести его, и прибавляетъ: «Mais nous verrons qui est plus fin, de l'Italien ou de russe».— Онъ становится все болѣе и болѣе соціалистомъ. — Туча, какъ слѣдуетъ, испугавшійся чортъ знаетъ какъ во время неаполитанскихъ арестовъ, теперь старается годить Гамбуци, — но напрасно. Richard'а я видѣлъ въ Женевѣ, — онъ крѣпко нашъ, хотя и французитъ нерѣдко. — Bestelica развивается на всѣхъ парусахъ между нашими испанскими друзьями въ Барселонѣ. — Вотъ вамъ въ немногихъ чертахъ вѣрная картина нашего союза. — Наконецъ добрый Франсія все утѣшаетъ жену, — мы живемъ мирно, но безъ копѣйки. Антося съ утра до вечера возится съ дѣтьми. Она также хотѣла написать вамъ, но устала такъ, что чуть стоитъ на ногахъ. А я работаю много и читаю газеты, спрашивая каждый день, кто кого побилъ?

Теперь, друзья, поговоримъ о васъ. — Спасибо вамъ за всѣ подробности. Я не отчаяваюсь, что судьба еще разъ сведетъ насъ, а до тѣхъ поръ останемся крѣпко связаны

взаимною любовью, вѣрою и общею мыслью. Дорого бы я далъ, чтобъ посмотрѣть на васъ. — Чай Фелька выросъ, бѣгаетъ и говоритъ безъ умолку. — У васъ ли еще дика Нанета? А что дѣлаетъ Маруся, мой другъ? Обнимите ее за меня. Какъ я радъ буду, когда къ вамъ пріѣдетъ Катя. Напомните ей старыхъ друзей. Значитъ, ея нога скривлена совершенно. О чемъ поретъ она теперъ горячку? — Когда будете писать, передайте ей, обинякомъ разумѣется, мой горячій поклонъ, а также и Аннѣ Николаевнѣ, которая, видите, друзья, осталась вамъ вѣрна въ бѣдѣ, — значитъ хорошій человѣкъ, — а теперь васъ всѣхъ обнимаю и ложусь спать.

Вашъ М. Б.

Pour Valerien.

Союзъ, о которомъ говоритъ Бакунинъ, — братство въ Alliance Socialiste. Въ 1873 г. Марксъ издалъ о ней обличительную брошюру, составленную Утинымъ, въ которой много говорится и о Нечаевѣ.

LXXXVIII.

2 Августа 1870 Locarno.

Вотъ тебѣ, другъ Ага, и записка отъ «нашего Боя». Получилъ ее вчера вечеромъ, посылаю ее тебѣ сегодня, чтобы поскорѣе утѣшить тебя, также какъ и самъ утѣшился. Нечего сказать, были мы дураками, и какъ бы Герценъ надъ нами смѣялся, еслибъ былъ живъ, и какъ бы онъ былъ правъ, ругаясь надъ нами! Ну, нечего дѣлать, проглотимъ горькую пилюлю и будемъ впередъ умнѣе.

Записку дай прочесть О—ову и отдай на сохраненіе Tata. Она нашъ архиваріусъ. Я не намѣренъ отвѣчать. Думаю, что и ты также отвѣчать не станешь. Отдай прилигаемое письмо Татѣ, которой адресъ мнѣ не точно извѣстенъ. Да, прошу тебя, не позабудь и не потеряй.

Я работаю много и жду, кто кого побьетъ. Когда случится что крупное, телеграфируй мнѣ, пожалуйста.

Часто ли видишь Тату, О—ова, Жуковскаго. Дай мнѣ извѣстіе о нихъ, я писалъ ко всѣмъ, но ни отъ кого еще не получилъ отвѣта.

Твой М. Б.

Записки «нашего Боя» (Нечаева) Н. А. Герценъ отъ Огарева не получала.

LXXXIX.

(1870) 11 Августа. Locarna.

Мой милый Ага. Получилъ твое письмо. Ты подъ шумокъ происшествій думаешь только о нашемъ предполагаемомъ журналѣ и о своей статьѣ. Вотъ ты какой философъ. Тебѣ хорошо, — ты только русскій, а я интернаціоналъ, вслѣдствіе чего происшествія возбудили во мнѣ настоящую горячку. Въ продолженіи трехъ дней я написалъ ровно 23 большихъ писемъ, это маленькое двадцать четвертое. У меня выработался цѣлый планъ; О—овъ передастъ его тебѣ, или лучше, онъ прочтетъ тебѣ письмо, написанное мною къ одному французу. А ты будь другомъ: передай немедленно прилагаемое письмо О—ову — и попроси Marie сходить въ épicerie и, давъ мой адресъ, велѣть épicier выслать мнѣ немедленно, contre remboursement два фунта чаю въ 5 фр.

Вмѣсто Supplement du Journal de Genève, когда что случится очень важное, телеграфируй мнѣ, — только не обиняками, но называя вещи по имени, точно и толково, — а то всѣ телеграммы, которыя я получалъ отъ тебя, точно загадки сфинкса.

Твой М. Б.

XC.

Pour Valerien.

19 Августа 1870. Locarno.

Мои милые друзья. — Вотъ ужъ дней пять прошло съ тѣхъ поръ какъ получилъ ваше письмо, и всякій день собирался вамъ отвѣтить и не могъ, потому что былъ загроможденъ перепискою по текущимъ дѣламъ, а текущія дѣла приняли теперь и каждый день болѣе принимаютъ характеръ важный и рѣшительный. Война тянетъ за собою катавасію совершенно другаго рода, нашу всеобщую катавасію. Вы понимаете, сколько дѣла. — Очень возможно и даже вѣроятно, что я выѣду отсюда скоро — разумѣется одинъ — Антосю съ дѣтьми оставлю здѣсь, — а самъ чрезъ Женеву далѣе. Но вы во всякомъ случаѣ пишите мнѣ сюда, въ Локарно, — такимъ образомъ, хоть и нѣсколькими днями позже, я навѣрное буду получать ваши письма. — Обращаюсь теперь къ необходимому объясненію.

Спасибо вамъ друзья и за то, что вы не слишкомъ разсердились на меня за дерзскія выраженія. Въ извиненіе ихъ скажу вамъ двѣ вещи. Во первыхъ, о вашихъ холодныхъ отношеніяхъ съ Talandier, я узналъ только изъ письма вашего, найденнаго мною здѣсь по возвратѣ моемъ изъ Женевы, значитъ послѣ того что написалъ письмо къ Talandier. Во вторыхъ, я употребилъ ихъ для того именно, чтобъ васъ поразить и спасти васъ отъ продолженія знакомства съ Нечаевымъ. Я боялся, что вы мнѣ не повѣрите и ужасался при мысли о пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя бы могли произойти, и рано или поздно, непремѣнно произошли бы отъ этого для васъ. И такъ, другъ Мрукъ, не диктатурное движеніе, не глупая раздражительность при одной мысли, что вы можете, что вы осмѣлитесь не послѣдовать моему самодержавному указанію, а просто искренняя боязнь за васъ вызвала у меня эти выраженія, въ которыхъ впрочемъ отъ всей души прошу у васъ прощенія.

Все что я написалъ вамъ о Нечаевѣ не выше, а ниже дѣйствительности. Да онъ измѣнилъ и постоянно измѣнялъ намъ въ то время, какъ мы ему давали все и стояли за него горою. — Да, онъ кралъ наши письма еще

въ прошломъ году. — Да, онъ компрометировалъ насъ, дѣйствуя отъ нашего имени безъ нашего вѣдома и согласія. — Да, онъ всегда лгалъ намъ безсовѣстно. — Во всемъ этомъ я его уличилъ при О—овѣ, при Огаревѣ, при Татѣ (M-lle) Herzen — и приведенный къ невозможности отрицать моими доказательствами, знаете что онъ мнѣ отвѣчалъ? — Мы очень благодарны за все, что вы для насъ сдѣлали, но такъ какъ вы никогда не хотѣли отдаться намъ совсѣмъ, говоря что у васъ есть интернац. обязательства, мы хотѣли заручиться противъ васъ на всякій случай. Для этого я считалъ себя въ правѣ красть ваши письма, и считалъ себя обязаннымъ сѣять раздоръ между вами, потому что для насъ не выгодно, чтобъ помимо насъ, кромѣ насъ, существовала такая крѣпкая связь. — Ктожъ эти они? Прежде ихъ было достаточно. Но послѣ разгрома остались только Нечаевъ да С., да еще два другихъ человѣка за границею. Неудачи въ Россіи довели Нечаева до сумашествія. Онъ сталъ дѣлать глупость на глупости. — Всѣ хитрости и обманы его впрочемъ шитые бѣлыми нитками и обратились противъ него.— Онъ изолгался до глупости. Іезуитская система окончательно развратила и одурила его. Я постоянно защищалъ, да и теперь еще готовъ отстаивать его противъ Ж., потому, что Неч. покрайней мѣрѣ дѣлаетъ, и дѣлаетъ не для себя, хоть и глупы и вредны его дѣйствія, — блудный же Ж..... пуще чѣмъ когда нибудь парламенствуетъ, болтаетъ и съ геройскимъ трескомъ открываетъ открытыя двери. Но связь съ Нечаевымъ стала невозможною, — онъ измѣнилъ всякой солидарности. Вообрази себѣ, хотѣлъ даже поссорить меня съ Гильомомъ и другими горными друзьями. — Потерявъ почву въ Россіи, онъ пытался создать себѣ почву здѣсь — и глупо — идеалистически абстрактно — безъ всякаго знанія среды и людей. — Ну скажите на милость, возможна ли какая солидарность съ человѣкомъ, про котораго вы же знаете,— что всякое слово его вамъ — ложь, и всякое довѣріе, оказанное вами ему, — кончится измѣною? — И все это дошло въ послѣднее время до такихъ гнусныхъ, Роберъ-Макаровскихъ размѣровъ, и все это дѣлалось подъ конецъ съ такимъ цинизмомъ, что я просто становился въ тупикъ. Я разоблачилъ бы все это гораздо ранѣе, еслибъ я не жилъ большею частью вдали отъ него, въ Локарнѣ. — Чтожъ ка-

сается до его послѣдняго предпріятія въ Швейцаріи, то ты, милый Мрукъ, чрезвычайно ошибаешься, вообразивъ, что разстроивъ его, я сталъ въ противурѣчіе съ началами и планами мною самимъ защищаемыми нѣкогда противъ Монсшаля. Я отъ нихъ отнюдь не отказался и докажу это въ широкой практикѣ скоро. — Но дѣло въ томъ, чтобъ все это вести, во первыхъ, въ самой строгой солидарности, а во вторыхъ, съ знаніемъ мѣста, обстоятельствъ, людей и съ чрезвычайнымъ умомъ. — Неч. хотѣлъ же начать его помимо насъ, втянувъ въ него, тайно отъ насъ, нашихъ людей, напр. Henry и къ тому же такъ глупо, что все дѣло осрамило бы и погубило насъ всѣхъ до конца. — Вотъ почему я разрушилъ его. — Чтожъ касается до его мнимаго признанія тебѣ, что будто бы я хотѣлъ диктатуры, — наплюй ему въ глаза, Мрукъ, — это нахальная ложь. — Еслибъ мнѣ были нужны свидѣтели передъ тобою, я привелъ бы тебѣ свидѣтельство О—ова, Огарева и многихъ другихъ — и ты увидѣлъ бы, что я хотѣлъ не диктатуры для себя, а освобожденія себя и друзей отъ его самодурствующей диктатуры, отъ его эксплуатаціи. Мнѣ кажется, что я сказалъ вамъ довольно, чтобъ показать вамъ настоящую суть дѣла.— Нечаевъ человѣкъ погибшій и отнынѣ можно сказать навѣрное, что онъ ничего путнаго не сдѣлаетъ, а къ гадостямъ онъ способенъ. — Жаль, что я не могъ послать тебѣ копіи большого письма къ нему, написаннаго мною изъ Локарно. Эта копія хранится у друзей въ Женевѣ. — Она бы тебѣ все до конца объяснила. — Но надѣюсь, что теперь вы поймете, а гдѣ не поймете, повѣрите мнѣ.

Ты пишешь мнѣ о реакціонныхъ дѣйствіяхъ Маркса и его компаніи. — Прошу тебя, другъ, разскажи подробно все, что тебѣ извѣстно по этому предмету. Это для меня важно и можетъ быть очень полезно. — Прощайте, пишите скорѣе.— Время горячее. — Можетъ быть скоро и встрѣтимся во Франціи. — Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

М. Б.

Любопытно было бы знать, какого рода «планъ» имѣлъ Бакунинъ, очевидно, для пріобрѣтенія «революціоннаго капитала», — «съ чрезвычайнымъ умомъ», — вмѣсто разрушеннаго имъ «плана» Нечаева.

XCI.

31 Августа. Locarno.

Мой милый другъ. — Отвѣчаю тебѣ сегодня только немногими словами.

1. Т. каждый день обѣщалъ, но еще не выдалъ денегъ; выдастъ непремѣнно — и тогда сейчасъ же внесу свой долгъ въ фондъ, — теперь же у меня другихъ денегъ нѣтъ.— Терпимъ сильную нужду.

2. Отдай, тотчасъ же, прошу тебя, изъ рукъ въ руки, О—ову прилагаемые огромные и большіе листы (отъ 1-ой до 26-й страницы). Это продолженіе огромнаго письма къ моимъ друзьямъ французамъ. (Я просилъ О—ова, чтобы онъ тебѣ прочелъ или далъ прочесть начало). Прочти его, если хочешь, только не задерживай болѣе нѣсколькихъ часовъ. Оно должно быть сейчасъ же переписано и разослано по разнымъ мѣстамъ. Письмо, доказывающее, что если изъ этой войны не выйдетъ непосредственно соціальная революція во Франціи, соціализмъ на долго погибнетъ въ цѣлой Европѣ. И такъ, не задерживая, отдай скорѣе это письмо О—ову, чтобы онъ распорядился имъ, какъ знаетъ.

Я посылаю эти листы черезъ тебя, потому что не увѣренъ, что О—овъ въ Женевѣ. Если онъ уѣхалъ изъ Женевы, прошу тебя, перешли немедленно эти листы на слѣдующій адресъ: Neuchâtel (Suisse) Mr James Guillaume. Imprimerie. 14, rue de Seyon, съ припискою, что ты посылаешь ихъ по моей просьбѣ и что самъ напишу ему о нихъ.

3. Какія это у васъ новыя сплетни происходятъ въ Женевѣ, — напиши, жду съ интересомъ, а покамѣсть тебя обнимаю, а Marie жму руку.

Твой М. Б.

А надо какъ нибудь вытащить О—ова изъ ада, чѣмъ онъ бѣдняжка заплетенъ?

XCII.

19 Сентября 1870. Ліонъ.

Мой старый другъ. Сейчасъ получилъ твое письмо. Извини, что пропустилъ 5 дней, не давъ о себѣ вѣсти. Голова идетъ

кругомъ, такъ много дѣла. Здѣсь революціи настоящей еще нѣтъ, но будетъ и все готовится и дѣлается для настоящей революціи. Я иду на панъ или пропалъ. Надѣюсь на близкое торжество.

Пиши мнѣ тако: France. Madame Palix. Cours Vittou 41. Lyon. Внутри: pour Mme Antonie.

На этотъ же адресъ пришли мнѣ журналъ лондонскихъ мерзавцевъ. Прочту и скажу тебѣ свое мнѣніе, какъ поступить. А нашего храбраго кавалерійскаго ротмистра облобызай и передай ему прилагаемую записку въ отвѣтъ на его письмо.

А вотъ тебѣ порученіе: позови къ себѣ черезъ Гейнриха Линдегера, передай ему въ собственныя руки прилагаемую записку, которую самъ напередъ прочти, и устрой съ нимъ акуратно то, о чемъ я его въ этой запискѣ прошу. — Но устрой акуратно.

Съ деньгами, которыя ты получишь отъ нашего храбраго кавалерійскаго генерала, — если ты еще не распорядился ими, — поступи слѣдующимъ образомъ: 100 фр. отошли Гавпрати. Gavirati — Farmacista. 50 фр. удержи у себя для нашихъ дѣловыхъ расходовъ, а 100 фр. пришли сюда на адресъ Паликса, только не M-me Palix, а M-r Palix (для денегъ) съ приложеніемъ письма къ Паликсу съ просьбою передать деньги M-me Antonie.

Adieu. Твой М. Б.

Это письмо, равно какъ и четыре слѣдующихъ №№ относятся къ участію Бакунина въ эфемерной попыткѣ установленія въ Ліонѣ революціонной коммуны.

Журналъ «лондонскихъ мерзавцевъ» — «Община», которой Нечаевъ издалъ два №№.

XCIII.

25 Сентября 1870. Ліонъ.

Старый другъ. Немедленно пошлю тебѣ нашу прокламацію, зовущую народъ на низверженіе всѣхъ оставшихся и мѣшающихъ властей. Сегодня ночью арестуемъ всѣхъ главныхъ враговъ, завтра послѣдній бой и надѣемся — торжество.

Отправь Гейнриха къ Линдегеру. Вѣроятно Guillaume прислалъ брошюру. *) Если не прислалъ, пусть попроситъ Линдегера, чтобы онъ принесъ бы вамъ ее тотчасъ же, какъ только получитъ. И какъ только ты ее получишь, пусть нашъ другъ, храбрый полковникъ тотчасъ же, не теряя ни одной минуты, везетъ ее въ Ліонъ. Прямо къ Palix Cours Vittou 41, входъ съ rue Masseua 20 au premier. Брошюра необходима, мы всѣ ждемъ ее.

Твой М. Б.

XCIV.

. . . . . .

Отъ центральнаго комитета du Salut de la France. Да не испугаетъ тебя это, повидимому, тѣсное національное имя. Нашъ комитетъ du Salut de la France въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — соціально революціонный комитетъ. И такъ, милый другъ, помоги намъ теперь, и мы вскорѣ вмѣстѣ съ тобою поможемъ русскому дѣлу, составленіемъ новаго широкаго фонда для русскаго революціоннаго дѣла. За это я тебѣ отвѣчаю своею страстью, честью и головою.

Твой М. Б.

Dis à Henry que si nous avions de l'argent en ce moment, je l'aurais appelé immédiatement a Lyon. S'il peut trouver ne fut ce qu'une cinquantaine de francs, qu'il vienne. Si non qu'il attende encore un peu. Nous le ferons venir.

ПЕРЕВОДЪ

Скажи Анри, что если бы мы имѣли деньги въ эту минуту, то я бы его привелъ немедленно въ Ліонъ. Если онъ можетъ найти хоть бы 50 франковъ, пусть пріѣзжаетъ. Если нѣтъ, пусть подождетъ. Мы дадимъ ему возможность пирбыть.

---

*) Lettres à un Français sur la crise actuelle, Sept. 1870, — въ которой Б. указываетъ, какъ на единое спасеніе Франціи отъ пруссаковъ — на соц.-рев. анархизмъ.

XCV.

DESTRUCTION

REPUBLIQUE FRANÇAISE

Commune Révolutionnaire de .˙.

Art. 1. — Les Communes révolutionnaires de Paris, Lyon, Marseille, Lille, Bordeaux, Rouen, Nantes, etc., ayant solidairement et uniformément préparé et dirigé le mouvement révolutionnaire pour le renversement de la tyrannie impériale, déclarent qu'elles ne considéreront leur tâche comme achevée que quand elles auront assuré le triomphe de la Révolution par l'application des principes égalitaires qu'elles professent. En conséquence elles s'unissent fédérativement, se font provisoirement autoritaires et décrètent ce qui suit:

Art. 2. — Considérant que le régime de l'exploitation politique et économique sous lequel la France a vécu jusqu'à ce jour a placé les détenteurs de la fortune publique dans un état essentiellement anormal au point de vue du droit, et a donné à leurs titres de possession un caractère évident d'illégitimité, le sequestre général est mis sur toutes les propriétés publiques et privées, foncières, immobilières et mobilières, répandues dans toute l'étendue de la République française.

Art. 3. — Pour les mêmes motifs indiqués dans le précédent article, les dettes, hypothèques et engagements contractés sous les régimes précédents, y compris les dettes consolidées ou flottantes dites *publique, départementale et communale* sont annulés et considérés comme non avenus.

Art. 4. — Considérant que la transmission des propriétés quelconques par le droit d'hérédité est la source de toute inégalité et l'aliment principal de cet esprit d'égoïsme et d'individualisme qui fait préférer l'intérêt de quelques-uns à l'intérêt de tous, le droit d'hérédité est aboli.

Art. 5. — Considérant que la justice pure et simple doit être la base, et l'intérêt du peuple, le but de toute loi, tous les codes, décrets et règlements en vigueur sous le régime précédent sont abolis.

Art. 6. — Comme conséquence naturelle des précédents décrets, le système d'impôts établi jusqu'à ce jour, qui n'était qu'un prélèvement forcé dont la répartition inique accablait les ouvriers et les cultivateurs, est complètement aboli.

Art. 7. — Tous les magistrats, fonctionnaires et employés du gouvernement déchu, distribués dans les tribunaux, administrations, bureaux de perception, établissements publics, etc., ainsi que les agents de police de tout grade et de toute sorte sont renvoyés.

Art. 8. — L'armée de terre et de mer est licenciée, excepté les portions de cette armée qui occupent les colonies et sur la situation desquelles il sera statué ultérieurement.

Art. 9. — Considérant que les cultes organisés entretiennent chez le peuple l'ignorance et la superstition, et le préparent ainsi à subir et à soutenir le despotisme, tous les cultes organisés sont abolis et leurs ministres destitués de leurs fonctions.

Art. 10. — Toutes les associations, communautés et confréries religieuses d'hommes ou de femmes sont dissoutes.

Art. 11. — Ceux qui essayeront de cacher, dérober ou emporter à l'étranger tout ou partie des propriétés sequestrées seront traités comme voleurs.

Art 12. — La peine de mort est prononcée d'avance contre tous ceux qui essayeront, par des manœuvres quelconques d'entraver l'action des communes révolutionnaires, ou de rétablir quelques-unes des institutions qui viennent d'être abolies.

Art. 13. — Les communes révolutionnaires enverront des délégués partout où ce sera nécessaire, soit pour y faire constituer de nouvelles communes, soit pour y faire exécuter les décrets promulgués.

Art. 14. — Les communes révolutionnaires et leurs délégués recevront toutes les réclamations et propositions qui porteront les signatures de cent citoyens ou citoyennes au moins; toutefois il ne sera fait droit à ces réclamations ou propositions [illegible] elles ne sont pas de nature à entraver le développement [illegible] l'application des principes révolutionnaires égalitaires.

[illegible]15. — Pour faciliter l'exécution des présents décrets [illegible]lice révolutionnaire permanente est constituée par voie [illegible]gements volontaires pour six mois au plus, de citoyens

valides de tout âge. Les soldats et sous-officiers de l'armée licenciée qui voudront y entrer en auront la faculté, mais les officiers qui auraient la même intention devront, pour être admis, présenter des preuves irrécusables de dévouement à la cause révolutionnaire.

MESURES PRÉCÉDANT LA RÉVOLUTION ET LA PRÉPARANT

1. Les communes révolutionnaires nommeront des *commissions* chargées de réorganiser le travail. 2. Ces commissions mettront entre les mains des ouvriers ou des associations d'ouvriers tous les capitaux qui leur seront nécessaires. Cette mesure s'étendra non seulement aux ouvriers industriels et agricoles mais à tous les individus qui réclameront du travail. 3. L'échange deviendra complètement libre: toutefois des magasins généraux seront établis dans toutes les villes et les producteurs pourront y aller échanger leurs produits contre une rémunération dont le taux et la nature seront fixés et déterminés ultérieurement. 4. Les capitaux remis aux associations et aux travailleurs de toute sorte seront immatriculés à la commune et sur les registres des *commissions du travail*. L'espèce du capital, sa valeur, le lieu où il est placé, le nom de celui qui le détient seront soigneusement spécifiés. 5. Si des associations ou des individus arrivent par leur travail à produire des capitaux pour eux, ils pourront en jouir en toute liberté jusqu'au décès ou retrait des deux tiers des associés ou jusqu'à la dissolution de l'association dans le premier cas, et jusqu'à décès dans le second cas.

(Съ копіи, переденной намъ Л. И. Мечниковымъ).

Это, очевидно, проэктъ декрета, писанный Бакуниныъ для Коммуны Ліонской, еслибы возстаніе удалось въ Ліонѣ.

ПЕРЕВОДЪ

РАЗРУШЕНІЕ

— ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Революціонная Коммуна въ * * *

Статья 1-я Революціонные коммуны Парижа, Ліона, Марселя, Лиля, Бордо. Руана, Нанта и пр., приготовивъ солидарно и направивъ революціонное движеніе для низверженія императорской тираніи, объявляютъ, что они не считаютъ свою задачу оконченною прежде, чѣмъ они обезпечутъ Революцію примѣненіемъ принциповъ равенства, которые онѣ исповѣдываютъ. Вслѣдствіе этого онѣ соединяются федеративно, становятся на время авторитетными и предписываютъ слѣдующее:

Ст. 2-я. Принимая во вниманіе, что порядокъ эксплуатаціи политической и экономической, подъ которымъ Франція жила до сихъ поръ, поставилъ содержателей публичнаго имущества въ положеніе существенно анормальное съ точки зрѣнія права и дала ихъ владѣнію характеръ незаконности, — налагается общій секвестръ на всѣ собственности, публичныя и частныя, земельныя, недвижимыя и движимыя, расположенныя на всемъ пространствѣ Французской Республики.

Ст. 3-я. На тѣхъ же основаніяхъ, означенныхъ въ предидущей статьѣ, долги, гипотеки, и обязательства, заключенныя при прежнихъ правленіяхъ, включая туда долги консолидированные или текущіе, такъ называемый публичный, департаментскій и коммунальный, уничтожены и считаются не существующими.

Ст. 4-я. Принимая во вниманіе, что передача собственности какой бы то ни было по праву наслѣдства есть источникомъ всякаго неравенства и главная пища того духа индивидуализма, который побуждаетъ предпочитать нѣсколькихъ интересамъ всѣхъ, — право наслѣдованія уничтожается.

Ст. 5-я. Принимая во вниманіе, что справедливость чистая и простая должна быть основаніемъ, а интересъ народа цѣлью всякаго закона, — всѣ кодексы, предписанія и правила, дѣйствовавшія при прежнихъ правителяхъ, — отмѣняются.

Ст. 6-я. Какъ естественное послѣдствіе предидущихъ предписаній, система налоговъ, установленная до сихъ поръ, бывшая лишь поборомъ принудительнымъ, котораго несправедливое распредѣленіе подавляло рабочихъ и земледѣльцевъ, — вполнѣ отмѣняется.

Ст. 7-я. Всѣ начальники, чиновники и служащіе сверженнаго правительства, распредѣленные въ судахъ, администраціи, податныхъ канцеляріяхъ, публичныхъ учрежденіяхъ и пр., равно какъ и всѣ агенты полиціи, — отставляются.

Ст. 8-я. Армія сухопутная и морская распускается, кромѣ тѣхъ частей, которыя занимаютъ колоніи и о положеніи которыхъ будетъ постановлено позже.

Ст. 9-я. Принимая во вниманіе, что организованныя вѣроисповѣданія поддерживаютъ въ народѣ невѣжество и суевѣріе и приготовляютъ его такимъ образомъ къ подчиненію деспотизму, всѣ организованныя вѣроисповѣданія отмѣняются, а ихъ служители отставляются отъ ихъ должностей.

Ст. 10-я. товарищества, общины и братства религіозныя мужскія и женскія распускаются.

Ст. 11-я. Всѣ, кто попробуетъ скрытъ, присвоить или вынести за границу все или часть собственности секвестрованной, будутъ принимаемы за воровъ.

См. 12-я. Смертная казнь заранѣе провозглашается для тѣхъ всѣхъ, кто попробуетъ какимъ бы то ни было способомъ остановить дѣйствіе революціонныхъ коммунъ или возстановить какія нибудь учрежденія, которыя сейчасъ отмѣнены.

Ст. 13-я. Революціонныя коммуны отправятъ делегатовъ всюду, гдѣ это будетъ нужно, для того чтобы установить тамъ новыя коммуны, или привести въ исполненіе объявленныя предписанія.

Ст. 14-я. Революціонныя коммуны и ихъ делегаты будутъ принимать заявленія и представленія которыя будутъ носить подписи по крайней мѣрѣ 100 гражданъ или гражданокъ; во всякомъ случаѣ эти заявленія и представленія будутъ

приняты во вниманіе лишь тогда, когда онѣ не будутъ способны остановить развитіе и примѣненіе революціонныхъ принциповъ равенства.

Ст. 15-я. Чтобъ облегчить исполненіе настоящихъ предписаній, установляется постоянная революціонная милиція посредствомъ добровольнаго принятія обязательствъ, на шесть мѣсяцевъ наиболѣе, гражданъ сильныхъ всякаго возраста. Солдаты и унтеръ-офицеры распущенной арміи, которые захотятъ поступить туда, будутъ принимаемы, но офицеры, которые бы имѣли подобное же намѣреніе, должны, для принятія, представить неоспоримыя доказательства преданности революціонному дѣлу.

МѢРЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩІЯ РЕВОЛЮЦІИ И ЕЕ ПРИГОТОВЛЯЮЩІЯ.

1. Революціонныя коммуны назначаютъ коммисіи, которыя будутъ имѣть задачей преобразовать трудъ.

2. Эти коммисіи передадутъ въ руки рабочихъ или товариществъ рабочихъ всѣ капиталы, которые будутъ имъ необходимы. Эта мѣра будетъ распространена не только на рабочихъ промышленныхъ или земельныхъ, но на всѣ лица, которыя потребуютъ труда.

3. Обмѣнъ станетъ совершенно свободенъ: во всякомъ случаѣ общіе магазины будутъ установлены во всѣхъ городахъ, и производители могутъ мѣнять въ нихъ свои произведенія за вознагражденіе, котораго цифра и природа будутъ опредѣлены впослѣдствіи.

4. Капиталы, переданные товариществамъ и рабочимъ всякаго рода, будутъ записаны за коммуною и въ спискахъ Коммисій Труда. Родъ копитала, его стоимость, мѣсто нахожденія и имя того, кто его держитъ, будетъ старательно означены.

5. Если товарищества или отдѣльныя личности, успѣютъ своимъ трудомъ произвести себѣ капиталы, то они могутъ пользоваться ими въ полной свободѣ до смерти или до выхота двухъ третей товарящей, или до распущенія товарищества въ первомъ случаѣ, или до смерти во второмъ.

XCVI.

16 Октября 1870. Въ окрестностяхъ Ліона.

Ну братъ. День ото дня хуже. Сейчасъ получилъ письмо изъ Ліона, извѣщающее меня, что Блакъ и Валансъ не только арестованы, но что на послѣднемъ нашли диксіонеръ, заключающій не только имена всѣхъ друзей, но еще слова весьма компрометирующія: убійство, грабежъ, пожары и т. д. Это очень плохо и подвергаетъ ихъ большой опасности. Народъ молчитъ, устрашенный казенно-республиканскимъ терроромъ. По найденному списку приказано было арестовать всѣхъ. Кого арестовали, еще не знаю. Разумѣется всѣхъ, кого успѣли найти. Вѣрно кажется то, что Блакъ и Валансъ арестованы. Приходили къ Паликсу, но, увидя его больнымъ въ постели, оставили въ покоѣ. Имя Бастелика находится также въ спискѣ, а также имя Котби. Я уже писалъ тебѣ что изъ Тура нѣсколько дней тому назадъ пришло приказаніе арестовать Бастолику, но что Эскиросъ и здѣшній префектъ отказались арестовать его, зная безсомнѣнія, что это произвело бы ужасное волненіе въ народѣ, и можетъ быть даже взрывъ. Но чортъ знаетъ, можетъ быть вслѣдствіе открытія этого проклятого диксіонера, и арестуютъ. Такъ что вѣроятно и мнѣ придется скоро убираться отсюда. А денегъ ни копѣйки. И потому, милый другъ, сдѣлай съ друзьями послѣднее усиліе. Собирите во что бы ни стало 100 фр. и пришлите ихъ á Madame Bastelica. 32. Boulvard des Dames. съ письменною просьбою, подписанною именемъ Eulalie Bertier передать ихъ á Mme Lise. Очень мнѣ не хочется удаляться отсюда. А можетъ быть это будетъ необходимо и даже весьма скоро. Куда я отправлюсь? еще не знаю, въ Барселону? или въ Геную, для того чтобы оттуда прямо возвратиться въ Локарно. Въ Барселонѣ я буду ближе къ Франціи, чѣмъ въ Локарно. Вашъ совѣтъ, друзья. Разумѣется на тотъ случай, когда мнѣ необходимо будетъ удалиться отсюда, что я сдѣлаю только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Отвѣчай немедленно на имя M-me Bastelica (pour Michel не снаружи, а на внутреннемъ конвертѣ).

М. Б.

XCVII.

19 Ноября 1870. Локарно.

Мой милый и старый другъ Ага. Ты сталъ чрезвычайн скупъ на письма. Не загулялъ ли опять? Ей братъ, повоз держись. Гуляй да въ мѣру, чтобъ не потерять, не позабыт и себя, и друзей и самое дѣло. Изъ твоего послѣдняго письм я вижу, что ты очень разсѣяно читаешь мои письма и вѣ роятно просто не дочитываешь ихъ. Ты мнѣ пишешь, чт ты получилъ отъ меня конецъ брошюры, а я тебѣ писал въ письмѣ, сопровождавшемъ послѣднюю посылку, что выш лю еще много, много листовъ, такъ что выйдетъ не бро шюра, а цѣлая книжка. У меня ужъ готовы еще сорок страницъ и это еще далеко не конецъ, — и если я не по сылаю ихъ, такъ это потому что мнѣ необходимо имѣть их при себѣ для окончанія труднаго вопроса. Пожалуйста, мо милый другъ, возьмись серьезно за это дѣло, а не как нибудь, потому, что если будешъ дѣлать какъ нибудь, т выйдетъ не дѣло, а дрянь. Во первыхъ, я не порю горячк и совсѣмъ не спѣшу напечатать какъ можно скорѣе, как дѣлаетъ это О—овъ. Я спѣшилъ бы какъ онъ, еслибъ имѣл намѣреніе написать брошюру для скорѣйшаго воздѣйстві на общественное мнѣніе. Но у меня въ настоящую минут нѣтъ этой цѣли; нѣтъ же ея потому, что нѣтъ болѣе вѣры чтобы какими бы то ни былъ брошюрами, или даже непо средственными практическими предпріятіями и дѣйствіями можна бы было теперь перемѣнить ходъ дѣлъ. По моем ложная Гамбетовская система вошла уже въ такую силу н практикѣ, и до такой степени побѣдила и успѣла вытѣснут нашу систему, что еслибъ самъ Гамбета теперь захотѣлъ бі ее измѣнить, онъ бы не достигъ ничего, кромѣ окончатель ной гибели Франціи. Система его стала сильнѣе его самог и хорошо или худо, она должна слѣдовать своему неотвра [illegible] теченію и принести всѣ свои плоды, прежде чѣм [illegible] было свергнуть ее. Поэтому я нисколько не спѣ [illegible]. Я пишу паталогическій эскизъ настоящей Фран [illegible]опы, для назиданія ближайшихъ будущихъ дѣяте [illegible] также и для оправданія своей системы и своего об

раза дѣйствія. И такъ хочу написать нѣчно полное и вполнѣ цѣльное. Выйдетъ не брошюра, а книга. Знаютъ ли это въ кооперативной типографіи? Вѣдь отъ этого должны измѣниться условія и я вамъ, и тебѣ именно объ этомъ писалъ. О—овъ мнѣ пишетъ, что ты одинъ будешь держать коректуру. Прошу тебя, милый другъ, возьми въ помощники Жука, который, я въ этомъ увѣренъ, не откажетъ тебѣ и мнѣ быть твоимъ сотрудникомъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ умъ, одинъ глазъ, и особливо твой, очень хорошъ, а два еще лучше. Если онъ согласится, я буду покоенъ, иначе буду просить, чтобы ты мнѣ посылалъ вторую коректуру до окончательнаго напечатанія. Пусть онъ будетъ также твоимъ помощникомъ въ сношеніяхъ съ типографіею. Сдѣлай это, прошу тебя, старый Ага и передай ему немедленно прилагаемое письмо.

А кстати, куда уѣхалъ О--овъ съ женою. Ты пишешь, что уѣхалъ, но куда, зачѣмъ и на долго ли, не пишешь. А мнѣ это знать необходимо. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ мнѣ писалъ, что ѣдетъ ко мнѣ. Я его жду. Напиши о немъ все что знаешь и передай или перешли ему мое послѣднее письмо съ приложеніемъ двухъ писемъ изъ Цюриха, которыя, надѣюсь, ты не затерялъ.

Пиши скорѣй, старый Ага, и ради нашей дружбы и нашей общей чести, ради самого дѣла, прошу тебя, пей въ мѣру.

Твой неизмѣнный М. Б.

Ты же и руку мою читаешь плохо, такъ что если будешь держать коректуру одинъ, выйдетъ непремѣнно путаниця. Ты заставишь меня говорить другое — а это приведетъ меня въ отчаяніе. Мнѣ необходимо, чтобы брошюра или книга была правильно напечатана и потому повторяю: умъ хорошо, а два лучше.

Marie за меня обними.

XCVIII.

5 Апрѣля 1871. Локарно.

1. Жану.

Вотъ тебѣ письмо къ Varlin. Посылаю его тебѣ теперь на тотъ случай, когда поджигаемый нашимъ нетерпеливымъ другомъ Россомъ, ты рѣшишься уѣхать въ Парижъ, прежде чѣмъ обстоятельства и главное денежныя средства позволятъ мнѣ пріѣхать къ вамъ. Объ этомъ я ужъ писалъ тебѣ и Россу вчеча. Письмо ты передай Варлену не иначе, какъ собственноручно. По всѣмъ вѣроятностямъ Парижане погибнутъ, но погибнутъ не даромъ, сдѣлавъ дѣло; пусть положатъ съ собою по крайней мѣрѣ полъ Парижа. Провинц. города: Ліонъ, Марсель и другіе къ несчастью по прежнему плохи, судя по крайней мѣрѣ по всѣмъ извѣстіямъ, до меня дошедшимъ. Очень безпокоятъ меня также старые якобинцы: Делеклюзы, Флюрансы, Пiяты и даже Бланки, сдѣлавшіеся членами Коммуны. Боюсь, что они потянутъ и перетянутъ ее на старую головорѣзную и карманощадительную колею. Тогда все пропало. Une et indivisible все погубитъ, и прежде всего погубитъ себя. Все достоинство этой революціи состоитъ именно въ томъ, что она революція рабочихъ. Вотъ что дѣлаетъ организація. Наши друзья, во время осады, успѣли и умѣли организоваться и такимъ образомъ создали громадную силу, — а наши Ліонскіе и Марсельскіе остались не при чемъ. Въ Парижѣ сосредоточилось слишкомъ много способныхъ и энергичныхъ людей, такъ много, что боюсь, чтобы они не стали мѣшать другъ другу. За то въ провинціи нѣтъ никого. Если еще будетъ время, надо будетъ напирать, чтобы изъ Парижа попало какъ можно болѣе истинно революціонныхъ делегатовъ въ провинцію. Какъ это Cfuseret попалъ въ комитетъ? Неужели это правда? Да вѣдь это просто насиліе, если только правда. Что за дьявольски трудное положеніе. Съ одной стороны стачка, полицейская, пруссаковъ съ фр. реакціею, — съ другой глупость провинціи. Только самыя отчаянныя мѣры и готовность все рушить съ собою, можетъ спести дѣло. Прошу тебя, напиши все, что знаешь о Ліонѣ и о Марселѣ, а также о Парижѣ. Уѣхалъ Жемсъ или нѣтъ?

Зачѣмъ книга моя печатается на такой сѣрой грязной бумагѣ?

Я хотѣлъ дать титло другое:

L'Empire Knouto Germanique et la Revolution Sociale.

Если окончательный оттискъ еще не сдѣланъ, то перемѣните. Ну, а если ужъ совсѣмъ напечатано, пусть останется ваше названіе книги.

Прошу тебя прислать мнѣ немедленно всѣ напечатанные листы въ 20 экземплярахъ, да послать по экземпляру: Аллерини въ Марсель, кому нибудь въ Ліонъ, хоть Ритеру, или M-me Blanc — Сентинвону и Палисеръ Фери въ Баселону. Адрессы ихъ а также Аллерини возьми у Жука.

А что Жукъ и Утинъ не сбираются ли въ Парижъ? Пришли Egalité. А чтожъ Solidarité?

Если ты поѣдешь, другъ Саша, по крайней мѣрѣ на первое время, останется, разумѣется въ Женевѣ. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта.

А что Лазаревъ, гдѣ летаетъ со своею машиною? Не знаешь ли чего о П—ѣ?

А Л. говоритъ, что въ Россіи будетъ скоро болѣе 2-хъ милліоновъ войска и что всѣ вооружены, солдаты дисциплинированы по новой прусской системѣ, а офицеры научены отлично. А что слышно о Нечаевѣ и Comp.?

Ты выучись читать мое письмо къ Varlin и прочти ему его самъ, если можно, при нѣсколькихъ другихъ короткихъ . А хорошо бы намъ увидѣться передъ вашимъ отъѣздомъ. Пришлите денегъ, — пріѣду послѣ 13-го или 15-го Апрѣля.

Россъ — принятое имя одного русскаго, который въ то время игралъ довольно видную роль въ эмиграціи.

James (Guillaume) извѣстный въ свое время членъ «Юрской Федераціи», — соціалистичечкаго общества, имѣвшаго главный центръ въ Chaux de Fond, которое Бакунинъ иногда называлъ въ письмахъ «горцами».

---

2. Агѣ.

Ну, другъ Ага. Напиши же и ты мнѣ хоть строчку. Что ты думаешь о парижскомъ отчаянномъ движеніи? Чѣмъ бы не кончилось, а надо сказать, что молодцы. Въ Парижѣ нашлось именно то, чего мы тщетно искали въ Ліонѣ и въ Марселѣ: организація и люди, рѣшившіяся идти до конца.

Вѣроятно они будутъ побѣждены. Но вѣроятно то, что для Франціи отнынѣ не будетъ другого существованія, кромѣ соціальной революціи. L'Etat Français погибло на вѣки. Тамъ революціонеры страшнѣй 5 милліардовъ — и сколько разныхъ націй! 1) мужики, 2) работники, 3) мелкая bourgeoisie, 4) большая bourgeoisie, 5) выходцы съ того міра дворяне и 6) вѣчныя тѣни вампиры — попы, 7) наконецъ бюрократическій міръ, 8) пишущій пролетаріатъ. Между всѣми націями солидарности никакой, кромѣ взаимной ненависти и патріотической фразы. А Л. я очень доволенъ. Докопался въ немъ до стараго пріятеля, — тотъ же рыцарь, тотъ же послѣдній магиканинъ изъ дворянъ, только теперь съ кооперативною заботою. А за дѣло мое онъ принялся горячо, искренно, охотно, — и есть серьезная надежда, что устроитъ его. — А ты, старый другъ, пиши. Сегодня телеграфировалъ тебѣ, прося выслать contre remboursement 2 фунта чаю. Такъ пришли же. А что дѣлаетъ my Angel Marie? Какъ ея здоровье и твое также? Пиши скорѣе.

Твой М. Б.

Прочитай мое письмо къ Varlin и скажи свое мнѣніе.

XCIX.

9 Апрѣла 1871. Локарно.
Свѣтлое воскресеніе по здѣшнему,
а по нашему, кажется, нѣтъ еще.

Мой милый Ага. Получилъ чай, спасибо — и кажется даромъ, въ видѣ дружескаго приношенія, — за это вдвое спасибо. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя и отъ О—ова писемъ, — отвѣтовъ на три письма. Стараго повторять не стану. А хочу поговорить съ тобой о первомъ выпускѣ моей книги. Бѣдный другъ нашъ О. поретъ теперь горячку съ горцами по поводу Парижа и Франціи, такъ поэтому, не смотря на всю добрую волю, еще думать много о семъ произведеніи моего приткаго пера, думать некогда. Я самъ было запоролъ горячку, но пересталъ. Вижу слишкомъ ясно, что дѣло проигранное. — Французы, даже работники не приняты

еще достаточно, — а, кажется, урокъ былъ ужасный. Но какъ было его мало. Надо болѣе бѣдъ, сильнѣйшихъ потрясеній. Обстоятельства сложились такъ, что въ нихъ недостатка не будетъ, — и тогда можетъ быть дьяволъ проснется. Но пока онъ дѣйствительно не проснулся, намъ тамъ дѣлать нечего. Въ чужомъ пиру похмѣлье было бы плохое, чрезвычайно непріятное, тѣмъ болѣе, что совершенно безполезное. Наше дѣло готовиться, организоваться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробужденья дьявола. А до тѣхъ поръ тратить свои бѣдныя средства и своихъ не многихъ людей, — наше единственное сокровище, — было бы преступно и глупо. Таково мое окончательное мнѣніе. Я стараюсь и ты старайся всѣми силами удержать нашего друга, нашихъ друзей О. и Росса, а также нашихъ горныхъ друзей. Въ такомъ смыслѣ я вчера писалъ Адгемару. Скажи О., да впрочемъ вѣдь онъ самъ прочтетъ это письмо, которое относится точно также къ нему, какъ и къ тебѣ.— И такъ возвращаюсь къ моей книгѣ:

Первый выпускъ долженъ быть въ 8 листовъ.

Вопросъ первый: Достаточно ли у васъ матеріалу для 8 листовъ, — и если недостаточно, пусть въ типографіи сочтутъ, сколько моихъ страницъ будетъ нужно? — Я сейчасъ же пришлю.

2-ое) Продолжаютъ печатать или нѣтъ и есть ли достаточно денегъ для заплаты восьми листовъ, а если нѣтъ, какія мѣры приняты для пріобрѣтенія ихъ.

3) Ты, старый другъ, присмотри, чтобы напечатано было хорошо, безъ ошибокъ. Нельзя ли употребить француза, который во время оно держалъ очень хорошо коректуру у Чернецкаго, а за его отсутствіемъ, другого.

4) Хорошо бы было, еслибъ первый выпускъ былъ бы законченъ, а не прерванъ на половинѣ фразы.

5) Я просилъ О—ова выслать мнѣ 20 экземпляровъ напечатанныхъ листовъ и нѣсколько экземпляровъ послать по адресамъ, мною ему назначеннымъ. Прошу васъ, сдѣлайте это, какъ можно скорѣе.

Прощай. Обнимаю тебя и Marie. Напиши о себѣ, какъ живешь, что дѣлаешь. Антося вамъ кланяется.

Твай М. Б.

С.

16 Апрѣля 1871.

Мой милый Ага. Вчера получилъ твое письмо, сегодня отвѣчаю. Ты, мой другъ, не сомнѣвайся, ваши письма ко мнѣ не пропадаютъ, всѣ акуратно доходятъ и я, кажется, отвѣчаю обстоятельно на всѣ замѣчанія и вопросы.

Ты пишешь таперь, что рѣшились издать первый выпускъ въ 5 листовъ; ты мнѣ это писалъ, не получивъ еще моего послѣдняго письма, въ которомъ я умоляю, совѣтую, прошу, требую наконецъ, чтобъ первый выпускъ включилъ также и всю нѣмецкую исторію до крестьянскаго движенія и съ крестьянскимъ движеніемъ и кончился именно передъ главою, окрещенною мною такъ: «Sophismes historiques des Communistes allemands». Я замѣтилъ еще, что это оглавленіе можетъ быть измѣнено Гильомомъ, вычеркнуто имъ, но не такъ вычеркнуто безъ сомнѣнія, чтобы вы не могли его прочесть. Однимъ словомъ конецъ долженъ быть тамъ, гдѣ собственно начинаются, или вѣрнѣе, передъ началомъ философскихъ разсужденій о свободѣ, о человѣческомъ развитіи, объ идеализмѣ и матеріализмѣ и т. д. Прошу тебя, Огаревъ, и прошу васъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ печатаніи книги, сдѣлайте именно такъ, какъ я васъ прошу сдѣлать, — это для меня необходимо.

Такимъ образомъ, включивъ всю нѣмецкую исторію съ крестьянскимъ бунтомъ въ первый выпускъ, этотъ выпускъ будетъ въ 6, въ 7 или даже пожалуй въ 8 листовъ. Здѣсь я этого опредѣлить не могу, вы можете. Что за бѣда, что онъ выйдетъ длиннѣе, чѣмъ было предположено вами; вѣдь ты самъ пишешь, что денегъ есть на десять листовъ. А вотъ что можетъ случиться, что матеріалъ, назначенный мною для перваго выпуска, будетъ недостаточенъ для пополненія послѣдняго листа (6-го или 7-го или 8-го). Въ такомъ случаѣ вы вотъ что сдѣлайте:

1) Сейчасъ же отошлите мнѣ весь остальной манускриптъ, т. е. все, что не войдетъ въ 1-й выпускъ до 285 страницы, включительно.

2) Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлите и послѣднюю стра-

ничку изъ той части, которая должна войти въ первый выпускъ (въ оригиналѣ или переписанную съ означеніемъ нумера страницы) если у кого милость будетъ переписать ее) для того чтобъ я могъ придѣлать къ ней продолженіе. И попросите, чтобъ въ типографіи сосчитали, сколько именно нужно моихъ страницъ для окончанія листа? Я сейчасъ же прибавлю все что нужно и черезъ два дня, не больше, отошлю вамъ вновь написанное. Только не позабудь прислать мнѣ эту послѣднюю страничку, безъ которой писать продолженіе было бы невозможно.

Прошу тебя, Огаревъ, склонись милостиво на мою просьбу и на мое законное требованіе и сдѣлай акуратно и скоро все, что я прошу и именно такъ, какъ я прошу. Еще разъ, мнѣ это необходимо, а почему необходимо, скажу при свиданіи, которое, надѣюсь, должно осуществиться скоро.

Ты все требуешь, чтобы я прислалъ тебѣ конецъ. Милый другъ, неотлагательно пришлю матеріала еще на второй выпускъ въ 8 листовъ, а все еще окончанія не будетъ. Пойми, что я началъ брошюру, а кончаю ее, какъ книгу. Это уродливо, но чтожъ дѣлать, я самъ уродъ, — и хоть уродливо, а книга выйдетъ дѣльная и живая. Она у меня почти вся написана. Слѣдуетъ только привести все въ порядокъ. Это моя первая и послѣдняя книга, мое духовное завѣщаніе. И такъ ты мнѣ, милый другъ, не мѣшай, ты знаешь, отъ любимаго плана, отъ послѣдней мысли отказаться, ни даже измѣнить ихъ невозможно. Chassez le naturel, il revient au galop. Дѣло въ деньгахъ. Всего собрано только на 10 листовъ и такимъ образомъ будетъ никакъ не менѣе 24 листовъ. Объ этомъ не тревожся, я уже принялъ мѣры для собранія нужной суммы. Главное на первый выпускъ въ 6, 7, или даже 8 листовъ деньги есть; и такъ печатайте и издавайте первый выпускъ смѣло, именно въ желаемомъ мною (а не въ опредѣленномъ вами) объемѣ. Богъ дастъ день, богъ дастъ и хлѣбъ.

Кажется ясно, теперь сдѣлайте какъ я прошу, акуратно и скоро, и все будетъ ладно.

Еслибъ зависѣло отъ меня, я бъ ни Росса ни дю-Ляка не пустилъ бы въ Парижъ, особливо не пустилъ бы послѣдняго. Но я уважаю свободу друзей и, разъ убѣдившись, что рѣшеніе ихъ ѣхать неприклонно, не поперечу. Россъ уже

уѣхалъ. Боюсь, чтобы онъ не попался въ непріятельскія лапы прежде, чѣмъ попадетъ въ Парижъ, Сукины дѣти разъярены теперь противъ всѣхъ иностранцевъ; въ Марселѣ разстрѣливали Гарибальдійцевъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Покамѣсть нѣтъ серьезнаго движенія въ провинціи, я для Парижа не вижу спасенія. Вижу, что Парижъ силенъ и рѣшителенъ, благодаря богамъ. Наконецъ то вышли изъ періода фразъ въ періодъ дѣла. Чѣмъ бы ни кончилось, они все таки создаютъ огромный историческій фактъ. — А на случай неудачи, у меня остается два желанія: 1-ое) чтобы версальцы не побѣдили Парижа иначе какъ съ открытою прусскою помощью, 2-ое) чтобы парижане, погибая, погубили вмѣстѣ съ собою по крайней мѣрѣ полъ-Парижа. Тогда соціально-революціонный вопросъ, вопреки всѣмъ военнымъ побѣдамъ, будетъ поставленъ огромнымъ, неотвержимымъ фактомъ.

А если перемѣнить еще можно, назовите мою книгу такъ: L'Empire Knouto-Germanique et la Revolution Sociale.

Твой М. Б.

Сочиненія L'Empire Knouto-Germanique вышелъ только первый выпускъ. (Genève, 1871).

CI.

3 Октября 1871.

Агѣ и О—ову.

Друзья мои, приношу вамъ повинную голову, простите. Дѣла, безденежье, хандра, нездоровье, а главное, моя война противъ Осипа Ивановича *) такъ парализовали и охватили меня, что я прекратилъ было всякую переписку. «Голоса» не могъ послать, потому что онъ находится въ рукахъ одного русскаго въ Италіи. Не сегодня, такъ завтра получу его обратно и тогда сейчасъ же пришлю.

И теперь только что взялъ перо въ руки, долженъ кончать. Но на дняхъ, вѣроятно завтра, напишу каждому изъ васъ по длинному письму.

---

*) Guiseppe Mazzini. М. Др.

А пораженіе Утина и торжество Малона чрезвычайно порадовали меня. Милый О—овъ, прошу тебя, поболѣе драматическихъ подробностей. Чтожъ дѣлать, если сплетни тѣшатъ меня старика! Слабость, братецъ, старческая слабость, а хорошія сплетни люблю. Такъ напиши же мнѣ, присутствовала ли Ольга при пораженіи возлюбленнаго? и неужели Утинъ не пытался отвѣчать на страшныя обвиненія Малона?

Программа ваша, братъ, довольно плоха, но не въ томъ дѣло, а дѣло въ томъ, что вы дѣлаете для пропаганды и организаціи.

Обнимаю васъ обоихъ. М. Б.

CII.

Отрывокъ (1871?)

. . . . ихъ до востребованія, раздавая ихъ по немногу только тому, кому стоитъ.

А что дѣлаетъ другъ Сашенька? Пришли или пусть она сама пришлетъ толковый адресъ свой.

А именно, я знаю, что 2, rue des Petits Philosophes, — но не помню chez M-me Jaquet или нѣтъ? Я ей напишу скоро, а черезъ нее О—ову.

О—овъ пишетъ, что онъ мнѣ посылаетъ одну машинку, а я просилъ и прошу двѣ машинки. Пожалуйста пришлите мнѣ вторую.

Обнимаю тебя, старый другъ, и жду стиховъ и письма.

Твой М. Б.

Въ какую Клюзу ты посылаешь Henry? Пожми ему руку и обними mine angel Marie, а полковнику передай прилагаемое письмо, которое прежде самъ прочти.

За 50 фр. спасибо. Они дѣйствительно были очень нужны.

CIII.

(1871?)

Мой милый Ага. Я все болѣе и болѣе утверждаюсь въ мысли, что нашъ полковникъ человѣкъ далеко не достовѣр-

ный, и жалѣю, что письмо мое къ братьямъ было свезено имъ. Не мудрено, что именно вслѣдствіе этого я не получаю отъ нихъ ни писемъ, ни денегъ. Ты ничего не пишешь, получилъ ли ты и передалъ ли ему мое письмо съ новою распискою въ 290 фр. и что онъ сказалъ при полученіи оныхъ. Обратилъ ли вниманіе на фразу въ письмѣ и распискѣ, которою я опредѣляю и высказываю глубокое политическое разномысліе, раздѣляющее меня отъ братьевъ. Напиши непремѣнно, что именно онъ сказалъ, прочитавъ эту фразу?

Ну, старый и дорогой братъ мой, я работаю, пишу прилежно и посылаю новые листы почти каждый день. А ты что дѣлаешь? Что пишешь? что готовишь?

Надѣюсь, что вы, сообразуясь съ моею просьбою, не послали моихъ напечатанныхъ писаній нашимъ лондонскимъ мерзавцамъ. Напиши и объ этомъ, пожалуйста.

А Marie за меня обними крѣпко, да и напиши по подробнѣе, какъ вы живете и что дѣлаете? А мы, братъ, бѣдуемъ, — въ домѣ ни гроша, а долговъ пропасть. Надо всю силу абстракціи, чтобы не сойти съ ума въ такомъ положеніи.

Твой неизмѣнный М. Б.

А пришлите мнѣ посмертную, недавно напечатанную, книгу Герцена. Непремѣнно пришли. Онъ, говорятъ, много толкуетъ, и разумѣется, съ фальшивою недоброжелательностью, кисло-сладкою симпатіею обо мнѣ. Надо же мнѣ прочесть, а, пожалуй, и отвѣтить.

CIV.

14 Ноября 1871. Локарно.

Мой милый, старый Ага. Я такъ долго не писалъ тебѣ, потому что положеніе мое стало изъ рукъ вонъ мерзко, и каждый день становится хуже, такъ что я ничего веселаго сказать не могу:

1) Жена потеряла послѣдняго брата. Она и все семейство

ея въ отчаяніи. Она боится за жизнь матери, отца, сестеръ, которыхъ страстно любитъ. Я вожусь съ нею день и ночь, чтобъ хоть нѣсколько ее успокоить, увѣряя, что всѣ остальные живы. Мы истратили послѣднія 25 фр., чтобъ послать телеграмму въ Красноярскъ къ сестрѣ; но до сихъ поръ, вотъ уже 11-й день, нѣтъ отвѣта. Можетъ, правительство перехватило, а можетъ быть, случилось и новое несчастье. Я дрожу.

2) Прибавь къ этой лихорадкѣ не только совершенное безденежье и всеобщее погруженіе въ долгахъ, но несносныя приставанья хозяйки дома, епископа и мясника. Послѣдніе два отказались давать провіантъ, такъ что мы вотъ ужъ второй день, какъ перестали ѣсть мясо и скоро останемся безъ свѣчей и безъ дровъ. А денегъ взять не откуда. Можетъ быть пришлютъ что нибудь сестры Антоси, если правительство не перехватитъ. Пожалуйста не говори объ этомъ никому, чтобы Женева не заболтала, не то вѣдь послѣдняя надежда лопнетъ.

До сихъ поръ я надѣялся, что братья пришлютъ, — и еслибъ не твои милые protegés, M-me Herzen и прелестный пасынокъ ея, мнѣ не нагадили, то, безъ сомнѣнія, прислали бы, потому что Л. взялся за дѣло горячо. Но они нагадили. Кому угодно отрицать это, а я знаю. — Ну, да чортъ съ ними.

3) Не смотря на все это, я по силамъ продолжаю дѣлать свое дѣло, — веду въ Италіи отчаянную и побѣдоносную борьбу со всѣми Мацинистами и идеалистами. Ты находишь, что все это не нужно. Ну, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, мы съ тобой не согласны. — И тутъ также Герцены старались подгадить мнѣ. Прислали Мацини переводъ пасквиля Александра Ивановича противъ меня въ посмертныхъ сочиненіяхъ. — Напечатали въ Unità Italiana.— Все напрасно. Я даже не почелъ нужнымъ отвѣчать. Пусть себѣ собаки лаютъ.

Вотъ милый другъ, моя жизнь. Ты поймешь теперь, что нѣтъ большой охоты писать. Доживаю свой вѣкъ въ борьбѣ, ну, и буду бороться, пока силъ станетъ.

Прощай, обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ. Русскія газеты наконецъ получилъ. Пришлю, только на почтѣ не заплачу. Не франкирую даже этого письма, а письмо къ О—ову ты

передай. Онъ такой же нищій, какъ и я, — значитъ не франкированныхъ писемъ ему посылать нельзя.

Твой М. Б.

Къ вамъ пріѣхалъ Зайцевъ. Онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ.

Разсерженный столкновеніемъ въ Стокгольмѣ и изданіемъ статьи о немъ въ «Посм. Сочиненіяхъ» А. И. Герцена, Бакунинъ приписывалъ А. А. Герцену небывалыя и ненужныя «гадости». Надо ли говорить, что статья «М. Б. и польское дѣло» въ «Посм. Сочиненіяхъ», написанная впрочемъ съ личною симпатіей къ Бакунину, далека отъ «пасквиля» и вполнѣ подтверждается настоящими письмами?

Къ тому же Бакунина не должно было удивлять въ этой статьѣ, критическое отношеніе Герцена къ его дѣятельности, такъ какъ въ письмахъ къ нему Герценъ высказывалъ тоже самое гораздо рѣзче. Изъ писемъ Герцена къ Огареву (да и Огарева), писанныхъ въ послѣдніе годы жизни перваго, видно, что въ это время происходило значительное даже личное отдаленіе между Бакунинымъ и Герценымъ и даже между первымъ и Огаревымъ, — напр.

14 Іюля 1868: «Бакунинъ совершенно принадлежитъ партіи Эльпидина и съ нимъ кошонной дружбѣ». (Русск. Стар. 1886, XII, 665).

13 Окт. 1868: «Жаль, что въ Женевѣ никакъ не приходится оставаться, — вотъ еще и лавина Бакунинъ (а ты все таки его не спрашивалъ, зачѣмъ онъ секретничалъ, зачѣмъ скопъ дѣлалъ тайный съ Эльпидинымъ и не онъ ли вдохновлялъ Миколку публициста?») — (тамже, 674).

4 Дек. 1868: «Знаешь ли, что я ждалъ, что Б—нъ пришлетъ спросить о Татѣ, для тього чтобъ примириться. Онъ не прислалъ .....é rotta l'altissima colonna (развалилась высочайшая колонна)». 678.

20—21 Февр. 1869: «Въ туминуту, когда я тебѣ писалъ замиреніи съ Бакунинымъ, онъ открывалъ Кучукъ-Кайнарджи. Отчего же тебѣ визитъ его тяжелъ?... Мнѣ совсѣмъ не жаль, что «Народное Дѣло» лопнуло, и не жаль, „что намъ нечѣмъ помочь"... Кантонисты революціи сдѣлали себя генералами, въ десятый разъ доказали свое безсиліе, свою сварливость! Бакунинъ можетъ жалѣть; ему однимъ диктаторствомъ меньше». (682—3). — Бакунинъ позже объявлялъ, что онъ принималъ участіе только въ первомъ №-рѣ «Н. Д.».

Война Бакунина съ маццинистами выразилась между прочимъ въ изданіи брошюры La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. Première partie. 1871.

CV.

ДВА ПИСЬМА А. БАКУНИНОЙ КЪ ОГАРЕВУ.

9 Февраля 1872. Locarno

Николай Платоновичъ. — Нужда тѣснитъ насъ. Хозяйка отказалабъ намъ въ квартирѣ, еслибъ мы не выплатили къ 8 Февралю, — срокъ мѣсячный найму квартиры, 317 фр.— Мы были принуждены сдѣлать lettre de change въ 300 фр. и въ концѣ Февраля мы должны будемъ выплатить эту сумму въ здѣшній національный банкъ, иначе у насъ опишутъ всѣ наши вещи. Николай Платоновичъ, вы легко поймете мое отчаяніе, мой ужасъ, не изъ страху потери нашихъ вещей, но намъ послѣ этого нельзя будетъ даже оставаться въ Локарно. Я всѣ средства уже истощила, я не знаю, что дѣлать. Семья моя далеко, Мищель не имѣетъ никакихъ средствъ, а у меня двое маленькихъ дѣтей. Николай Платоновичъ, вы старый другъ Мишеля, постарайтесь помочь намъ, спасите насъ отъ горькаго стыда описанія нашего бѣднаго имущества. Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе ради всего, что есть для васъ святого.

Простите безпорядокъ моего письма, но мнѣ такъ тяжело, что и голова то не ясна. Пишу безъ вѣдома Мишеля, который былъ бы противъ моего письма.

Антони Бакунинъ.

Отвѣчайте на адресъ: Paulo Gaverali. Farmacista. Locarno· Pour Madame Antonie (во внутреннемъ конвертѣ).

Николай Платоновичъ. — Не сейчасъ отвѣчала вамъ потому, что мнѣ грустно было; не знаю какъ, но я имѣла надежду, что вы успѣете помочь намъ. Ошиблась. Простите безпокойство, безполезную тревогу, причиненную вамъ моимъ письмомъ. Ничего не пишите о моемъ письмѣ Мишелю. Къ чему! Arrive ce qui arrive, не намъ первымъ, не намъ послѣднимъ познакомиться близко съ настоящею нуждою. До этихъ поръ мы какъ то счастливо ея избѣгали, а теперь, вѣроятно, придется и намъ заплатить ей дань.

Что касается Герценовъ, мнѣ почти неизвѣстны Мишеля отношенія съ ними; я такъ чужда всей остальной жизни

кромѣ моихъ дѣтей. Вы, Николай Платоновичъ, знаете ихъ хорошо, такъ сами можете рѣшить.

Простите короткость моего письма, а также, что посылаю его не франкированнымъ, въ эту минуту мы à la lettre sans sou.

Преданная вамъ Антонн Бакунинъ.

18 Февраля 1872. Locarno.

CVI. *)

28 Мая 1872. Локарно.

Спасибо тебѣ другъ 7, [1]) за то, что ты первый вспомнилъ о моемъ существованіи. — Начинаю разговоръ съ дѣла, о которомъ ты пишешь: не въ укоръ будетъ сказано 3-му, [2]) я считаю вступленіе ваше въ 154 [3]) чрезвычайно полезнымъ и важнымъ. Эти люди оказываютъ вамъ довѣріе, ищутъ васъ, не ожидая того, чтобы вы ихъ искали; мнѣ кажется, что было бы не простительно, если бы вы, руководствуясь какими бы то ни было высшими политическими соображеніями и хитросплетеніями, отказались бы принять братски протянутую руку. Къ тому жъ, поступивъ такимъ образомъ, т. е. сойдясь съ ними, вы ничемъ не рискуете. Вы, разумѣется не откажетесь передъ ними отъ своей собственной программы, выражающей вѣрно ваши завѣтныя убѣжденія. Эти убѣжденія вы выскажете имъ скромно, умно, по немногу, но твердо и вполнѣ, по крайней мѣрѣ главныя основы вашей программы, единственные, на основаніи которыхъ вы въ правѣ и можете серьезно сходиться съ людьми и только въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, вы должны отказаться отъ участія въ 154, когда найдете въ началахъ и цѣляхъ, признаваемыхъ имъ, коренное противурѣчіе съ вашими убѣжденіями. А польза вашего участія въ 154 для меня несом-

---

*) Въ этомъ письмѣ разныя лица и общества названы, для соблюденія тайны, номерами. Это была манера, усвоенная Бакунинымъ въ послѣдніе годы Свѣдѣнія объ этихъ именахъ доставлены З. К. Ралли.

[illegible] — Ралли.

[illegible] — Р—съ.

[illegible]54 — Польское соц. общество, состоявшее изъ 15—20 эмигрантов, во главѣ съ Стемковскимъ, который былъ тогда секретаремъ [illegible]рейлиха и марксистской секціи Интернаціонала.

нѣнна. Оно можетъ, если только люди, его составляющіе, серьезные, честные люди, или даже если только немногіе между ними таковы, то наше схожденіе съ ними возможно, — оно можетъ быть дѣйствительно началомъ для нашего 121 [4]) 101 [5]). — А это чрезвычайно важно. — Во что бы то ни стало старайтесь уничтожить въ корнѣ всякое 141 [6]) вліяніе, и преимущественно вліяніе 155 [7]) и ему подобныхъ въ 154. — И такъ основываясь впрочемъ на всемъ, что ты мнѣ писалъ, уговариваю васъ вступить немедленно въ 154, я начавъ свою тихомолвную и осторожную пропаганду противъ всякаго интимнаго сближенія его съ 141, 123, 97, не доводить однакожъ сейчасъ же до полнаго и явнаго разрыва съ нимъ. Пусть прежде, подъ покровительствомъ 155, 76 признаетъ его — если это только возможно [8]). Таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе и вы, видящіе дѣло полнѣе и ближе, рѣшите сами, возможно ли это или нѣтъ.

2. Я жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ извѣстія о вашемъ окончательномъ рѣшеніи на счетъ 8 [9]). — Приняли ли вы его въ 79 [10]) или нѣтъ? Вѣдь мы всѣ были согласны, — оставалось согласіе 2 [11]), — съ которымъ онъ безъ сомнѣнія встрѣтился на 153 [12]). — Не думаю чтобы 2-й могъ быть противъ него. Что до меня касается, то я дѣйствительно убѣдился въ его дѣльности, преданности и полезности, — жду вашего отвѣта.

3. А кстати, не разсердился ли 2 за мое выступленіе противъ его женевской тактики и программы, которыя я дѣйствительно нахожу изъ рукъ вонъ плохими?

4. Я просилъ васъ черезъ 8-го подождать, т. е. не спѣшить въ дѣлѣ разрушенія 78-го [13]); дѣло, которое въ самомъ дѣлѣ не спѣшно, и отложить его до моего пріѣзда; какъ порѣшили этотъ вопросъ?

---

[4]) 121 — Славянская секція Интернаціонала въ Alliance.
[5]) 101 — Alliance.
[6]) 141 — Грейлихъ и его товарищи.
[7]) 155 — Т—ій (членъ польск. общ.) эмигрантъ.
[8]) 76 — Генеральный Совѣтъ Интернаціонала. (?)
[9]) 8 — Лермонтовъ, умершій въ петербургской тюрьмѣ, во время ареста по процессу 193-хъ.
[10]) 79 — Комитетъ Славянской секціи, состоявшій изъ 9 человѣкъ.
[11]) 2 — А. Э—ъ, эмигрантъ.
[12]) 153 — Конгрессъ секцій Юрской федераціи въ Невшателѣ.
[13]) 78 — В. С—ъ, эмигрантъ.

5. Съ 8-мъ же я прислалъ вамъ подробно мною ему изложенное предложеніе на счетъ вашего протеста противъ возмутительно-несправедливаго и произвольнаго отверженія публикованнаго 74-мъ [14]) противъ 30 [15]) славянской (205) секціи (196). — Просилъ васъ всѣхъ переговорить объ этомъ дѣлѣ, которое считаю чрезвычайно полезнымъ, съ 10 [16]). — Что сдѣлали вы по этому поводу?

6. Съ 8 я послалъ 10 окончаніе моего испанскаго письма, начало котораго (1-й листъ) должно было быть передано или прислано ему 3-мъ. — Кромѣ того, въ Воскресенье 19-го, въ самый день конгресса, 10 долженъ былъ получить письмо, которое долженъ былъ прочесть вамъ всѣмъ.— Такъ какъ я не получилъ еще рѣшительно ни отъ кого писемъ, то не знаю что было сдѣлано и рѣшено по всему этому дѣлу.

7. Каковы теперь ваши отношенія къ 3. — Кромѣ двухъ писемъ, написанныхъ имъ еще прежде пріѣзда 8-го ко мнѣ, я ничего не получалъ отъ него. Никогда ни словомъ, ни даже намекомъ (онъ) не заикнулся на счетъ своихъ отношеній къ 15-му. — Во второмъ письмѣ (онъ) просилъ меня только, чтобы я предупредилъ его, когда я выѣду изъ Локарно, желая встрѣтить меня и переговорить со мной съ глаза на глазъ прежде моего пріѣзда въ Цюрихъ, на что я, разумѣется, въ отвѣтѣ своемъ согласился, — но на этотъ отвѣтъ (отъ 11 Мая) не получилъ еще отвѣта. Прошу васъ, друзья, скажите мнѣ безъ всякой церемоніи, ложной деликатности и утайки, всю суть вашихъ отношеній съ 3, а также ваше теперешнее мнѣніе о немъ; мнѣніе можетъ быть и ошибочное, но небойтесь ошибаться передо мною; если ошибетесь, потомъ сами узнаете ошибку и сознаетесь въ ней передъ нимъ же самимъ, если мы окончательно съ нимъ сойдемся, — отъ меня же онъ ничего и никогда не узнаетъ. — Въ этомъ, надѣюсь, вы увѣрены. Я искренно люблю 3, но люблю и цѣню нашъ 79 выше его.

8. Наконецъ, письмо 7-го произвело на меня такое впечатлѣніе, что мнѣ кажется, что вы по какой бы то причинѣ

---

[14]) 74 — *К.* Марксъ.
[15]) 30 — *Б*акунинъ.
[16]) 10 — James Guillaume (вліятельный членъ Юрской федераціи).

не было, не совсѣмъ довольны 153-мъ, ни моими горными (207) друзьями (210). Если я не ошибся, то хочу знать и слышать отъ васъ всѣ причины, большія и маленькія, общія и личныя, вашего недовольствія. Heraus mit der Sprache — не бойтесь, друзья, разоблачиться передо мною, и показать себя во всей наготѣ, каковы вы. — Помните, что наше первое братское условіе: совершенная взаимная прозрачность; — къ тому же помимо вашихъ собственныхъ лицъ, желаю слышать отъ васъ, именно отъ васъ, всѣ подробности, слова, происшествія и личныя и общія проявленія конгресса. — Кто именно, мущины и дамы, пріѣхали изъ Цюриха? Назовите всѣхъ по имени, а также по возможности опишите слова и дѣйствія каждаго. Какъ велъ себя 130 [17]) и былъ ли онъ многочисленъ, и въ какихъ находитесь вы съ нимъ отношеніяхъ?

Были ли читаны на конгрессѣ Гильомомъ мои предложенія касательно характера и границъ Интернаціоналки? — однимъ словомъ, друзья, прошу васъ написать мнѣ подробности, какія только можете припомнить.

Письмо твое, другъ 7, дышетъ какъ будто уныніемъ, — а впрочемъ ужъ не прошелъ ли для васъ медовый мѣсяцъ нашего 79-го и не начался ли Katzenjammer, пора разочарованія?— Не возникло ли между вами самими сѣмя, зародышъ недоразумѣнія и взаимнаго недовѣрія? Надѣюсь, хочу вѣрить, что нѣтъ, а если къ несчастью да, или полу-да, или сотая часть да, — друзья мои, спѣшите братскимъ, честнымъ объясненіемъ задавить между вами этотъ поганый зародышъ, вырвать его такъ какъ Д-ръ Орелли вырвалъ изъ подошвы моей самый корень мозоли. Дня чрезъ два или три буду ходить. А вы, надѣюсь, не перестали ходить.

Если можите, пришлите 200 фр. къ моему выходу, — если не можете, не присылайте, — но пишите скорѣе, полнѣе и удовлетворительно.

Вашъ неизмѣнный М. Б.

---

[17]) 130 — Lefrançais (членъ парижской Коммуны) и его товарищи въ Женевѣ.

CVII.

СТАТЬЯ ДЛЯ ПОЛЬСКАГО ЖУРНАЛА «GMINA» (ОБЩИНА)

Назовите какъ хотите.

Панская Польша погибла безвозвратно! Народная, хлопская, чернорабочая Польша должна воскреснуть.

Будемъ справедливы. Въ тѣ вѣка, когда, за исключеніемъ весьма немногихъ странъ, вездѣ царствовала шляхетская и монархическая тиранія, польская шляхта, по крайней мѣрѣ для себя, умѣла сохранить гордый духъ свободы. Она была, правда, жестокою притѣснительницею и піявицею для бѣднаго люда. Она строила богатство, величіе и волю свою на разореніи, униженіи и порабощеніи безчисленнаго хлопскаго міра. Но, по крайней мѣрѣ она умѣла сохранить свою собственную волю, и въ то время, когда дворянства всѣхъ странъ наполняли лакейскія и дворы самодержавныхъ монарховъ, она одна не преклонила своей надменной головы передъ польскими королями.

Этотъ духъ шляхетской гордой независимости составляетъ основную черту всей прошедшей польской исторіи и цивилизаціи. Свобода, какъ солнце; она одарена такимъ могучимъ живительнымъ свойствомъ, что даже тамъ, гдѣ она проявляется лишь только въ тѣсныхъ предѣлахъ, на привилигированной почвѣ, она, по крайней мѣрѣ въ исключительномъ мірѣ, озаряемомъ лучами ея, вызываетъ живые плоды. Польская воля, о которой намъ гласятъ наши поэты, публицисты, историки, была исключительно шляхетскою волею. Для народа, для многомилліоннаго хлопства она выражалась бѣдою и рабствомъ. Но въ панскомъ мірѣ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, она породила рядъ доблестныхъ гражданъ, мыслителей и героевъ, прославившихъ польское имя въ Европѣ. Было время, когда польская литература, вмѣстѣ съ родственною литературою Богеміи (sic), стояла во главѣ славянской цивилизаціи.

Во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка начинается упадокъ шляхетскаго государства (панства). Основанная на порабощеніи рабочаго, единопроизводительнаго люда, ни цивилизація, ни слава, ни сила его не могли быть долговѣчными.

Къ тому же въ концѣ этого вѣка присоединился элементъ новый, который окончательно долженъ быть погубить Польшу. Вмѣстѣ съ орденомъ іезуитовъ воцарился въ ней духъ религіозной нетерпимости и всенароднаго оглуплѣнія. Къ тиранiи панской присоединилась тиранія церковная — и обѣ вмѣстѣ возбудили всенародное возстаніе и отторженіе Украйны отъ Польши, справедливый и доблестный бунтъ вольныхъ казаковъ, и рядъ кровавыхъ войнъ, гибельныхъ для могущества шляхты, еще болѣе гибельныхъ для бѣднаго, порабощеннаго и измученнаго народа.

Да, шляхта наша великая грѣшница. Она собственными руками погубила и насъ, и себя. Но будемъ справедливы. Послѣ раздѣленія Польши, вызваннаго ея историческою виною, въ продолженіи ста лѣтъ, отъ 1772 по настоящій годъ, она рядомъ героическихъ и мученическихъ подвиговъ, сдѣлала все, что могла, чтобы искупить свой великій грѣхъ. Врядъ ли въ исторіи другого народа найдется такое множество героевъ-мучениковъ, семействъ, цѣлыхъ поколѣній, отдавшихъ себя на кровавую жертву, на пытку, на смерть, на жестокое заточеніе и на столько же бѣдственное изгнаніе, для освобожденія отчизны.

Другіе народы освободились меньшими жертвами. Почему жъ одна несчастная Польша, не смотря на отчаянную вѣковую борьбу, остается рабою? Неужели злой рокъ осудилъ ее и только ее одну на безвозвратную гибель?

Нѣтъ, Польша не згинела! Но только освободиться можетъ она, не шляхетскимъ возстаніемъ, а хлопскою революціею, поголовнымъ повстаніемъ всего чернорабочаго люда.

Вѣковая шляхетская борьба за освобожденіе отчизны осталась безуспѣшною только потому, что этотъ людъ до сихъ поръ не принималъ въ ней участія. Противъ всенароднаго повстанія никакая военная, ни государственная сила устоять не можетъ. Почему жъ до сихъ поръ польскій хлопъ оставался равнодушнымъ зрителемъ шляхетской борьбы за свободу, почему не принялъ участія въ этой борьбѣ? А потому, что шляхетская воля для народа всегда была и до сихъ поръ остается еще рабствомъ.

До тѣхъ поръ, пока будутъ люди богатѣющіе и жирѣющіе не своею, а чужою работою, до тѣхъ поръ это великое слово «воля» будетъ для рабочаго міра пустымъ словомъ

обманомъ. Пока шляхта будетъ обрабатывать землю хлопскими руками, и поливать ее хлопскимъ потомъ и кровью, до тѣхъ поръ, пока польскіе, нѣмецкіе и жидовскіе капиталисты и фабриканты будутъ наполнять свои карманы заработками фабричныхъ и ремесленныхъ работниковъ, до тѣхъ поръ, однимъ словомъ, пока будетъ существовать отдѣльный панскій міръ, существующій въ Польшѣ, также какъ и вездѣ, единственно только присвоеніемъ себѣ продуктовъ трудовой силы чернорабочаго міра, до тѣхъ поръ между этими двумя мірами, панскимъ и чернорабочимъ, будетъ пропасть.

И этой пропасти не засыпать никакими обѣщаніями ни словами; уничтожить ее возможно только однимъ средствомъ: уравненіемъ всѣхъ состояній, условій жизни, труда и науки для всѣхъ, совершеннымъ уничтоженіемъ, разумѣется, не пановъ, а этого особаго панскаго міра. Пусть паны станутъ работниками, на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми, и тогда польскій чернорабочій міръ признаетъ ихъ за своихъ братьевъ.

А до тѣхъ поръ никакое панское революціонное движеніе не увлечетъ за собою польскаго чернорабочаго люда. То, что паны называютъ отчизною, было для этого люда тюрьмою. Вотъ чего не умѣли и не умѣютъ понять, не говоримъ, наши аристократы католики, — но даже польскіе демократы; они зовутъ насъ на освобожденіе нашей родной Польши отъ ига чужеземныхъ притѣснителей, которыхъ мы ненавидимъ не менѣе ихъ; но какой Польши? Той ли, въ которой они, дѣти польской шляхты или нѣмецкихъ или жидовскихъ капиталистовъ и фабрикантовъ будутъ пановать, управлять и пользоваться, по прежнему на нашихъ плечахъ, шляхетскою волею, а мы, дѣти чернорабочаго люда, будемъ потѣть и служить имъ по прежнему? Или той, въ которой освобожденный рабочій народъ, готовый принять въ свою широкую среду на одинаковыхъ условіяхъ работы и жизни, людей доброй воли, каково бы ни было ихъ происхожденіе, заживетъ новою, вольною жизнію безъ всякихъ пановъ, панованія и панства?

Хотите вы такой Польши, польскіе демократы? Тогда мы пойдемъ съ вами, или вѣрнѣе, вы пойдете съ нами. Пора вамъ признаться, что время вашихъ патріотическихъ начинаній, вашего революціоннаго руководства прошло. Вы въ продолженіи ста лѣтъ и особливо въ продолженіи сорока

лѣтъ сдѣлали все, что могли; не жалѣя себя и жертвуя всѣмъ, что было для васъ дорого, не только имуществомъ, личнымъ счастіемъ, свободою, жизнью, но своими женами и дѣтьми, вы для освобожденія отчизны употребили всѣ средства, которыя могли найти въ своемъ умѣ, въ своей геройской волѣ, въ своей горячей любви къ родному краю. И не смотря на все это, вы не сдѣлали ничего.

Если демократы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, полные могучей воли, вѣры, силы ума и знанія, не могли ничего сдѣлать, чтожъ сдѣлаете вы, демократы нашихъ годовъ, утратившіе вслѣдствіе страшныхъ пораженій и бѣдствій, претерпѣнныхъ нашимъ отечествомъ въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія, послѣдніе остатки мысли, вѣры, страсти, силы, воли?

Нѣтъ, кончилась шляхетская Польша! Кончилось время шляхетской демократіи. Наступила пора для польскаго чернорабочаго люда приняться за дѣло освобожденія польской ойчизны.

Мы, бѣдные польскіе работники, не генералы и офицеры, простые солдаты послѣдняго возстанія, заработывающіе ежедневный хлѣбъ свой тяжелымъ трудомъ, въ рѣдкіе свободные часы, мы собираемся вмѣстѣ, чтобы говорить о нашей милой ойчизнѣ и о великихъ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ польскимъ народомъ, и о средствахъ къ освобожденію его. У насъ нѣтъ науки, но есть здравый смыслъ, есть сердце, мы, наконецъ, учены горькимъ опытомъ, воспрещающимъ намъ искать этихъ средствъ на старыхъ путяхъ... Живя наконецъ въ самой серединѣ Европы, мы старались понять общественное движеніе, происходящее вокругъ насъ, и увидѣли, къ нашему крайнему удивленію и великой радости нашей, что вездѣ подымаются и собираются, и соглашаются чернорабочіе люди и вездѣ ждутъ для себя скораго и полнаго избавленія, — не только отъ государственнаго, военнаго, полицейскаго и гражданскаго притѣсненія, но и отъ всѣхъ шляхетскихъ и мѣщанскихъ піявицъ, питающихся работою, потомъ и кровью народною.

Наши польскіе демократы такъ много говорили намъ, ругая его, объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ, что мы искали ближе познакомиться съ нимъ, дабы узнать настоящую суть и цѣль его. И присмотрѣвшись къ нему ближе, мы убѣдились, что не было еще на свѣтѣ общества, кото-

рое было бы такъ благодѣтельно, такъ спасительно для бѣднаго рабочаго люда, какъ это международное общество.

Цѣль его, дать прочную непобѣдимую силу рабочимъ людямъ всѣхъ странъ, соединивъ ихъ въ одно огромное тѣло, помимо всѣхъ государственныхъ и національныхъ границъ, во имя ихъ общихъ выгодъ и человѣческихъ правъ, противъ всѣхъ народныхъ притѣснителей, раззорителей и воровъ. Французы, Англичане, Бельгійцы, Голландцы, Датчане, Шведы, Нѣмцы, Швейцарцы, Итальянцы, Испанцы, Американцы, рабочіе всѣхъ странъ подали другъ другу братскую руку для того, чтобы общими силами свергнуть съ себя повсемѣстное иго пановъ, панованія и панства... дабы на развалинахъ стараго панскаго міра создать 'свободную, счастливую новую жизнь...

Интернаціональное общество создало ужъ теперь такую громадную силу, что всѣ европейскія правительства начинаютъ безпокоиться и дрожать передъ нимъ... Еще нѣсколько лѣтъ подобной работы, дружнаго усилія рабочаго люда всѣхъ странъ, и трѣснутъ и разрушатся стѣны вѣковыхъ народныхъ тюремъ, и спадутъ съ нашихъ рукъ и ногъ тяжелыя цѣпи, и сильные международнымъ торжествующимъ братствомъ, народы впервые вздохнутъ и заживутъ вольно...

И такъ вотъ гдѣ единственный путь избавленія. Во всемірномъ братствѣ утѣсненныхъ народовъ, въ международномъ союзѣ рабочихъ всѣхъ странъ. Не ясно ли, что мы, хлопы и работники Польши, ради своего собственнаго спасенія, ради освобожденія милой ойчизны, должны вступить въ этотъ союзъ?

Мы, польскіе работники, соединенные въ Цюрихѣ, вступили въ него. Мы образовали польскую секцію рабочаго интернаціональнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собравъ свои бѣдные гроши, мы положили издавать журналъ и вотъ программа нашей секціи и нашего журнала:

ПРОГРАММА.

1. Земля составляетъ нераздѣльную собственность цѣлаго народа. Пользоваться ея плодами должны только тѣ, которые обрабатываютъ ее своими собственными руками.

2. Всѣ капиталы, фабричныя заведенія, машины, инстру-

менты работы, дома и т. д. должны составлять общую нераздѣльную собственность рабочихъ товариществъ.

3. Мы не хотимъ пановать, ни подчиняться панованію какихъ бы то ни было пановъ и властей, подъ какимъ бы то предлогомъ не было. Враги всякаго панованія людей надъ людьми, мы по этому самому враги всякаго панства (государства), — убѣжденные въ томъ, что всякое панство, какими бы демократическими и республиканскими формами оно покрыто ни было, — для пануючаго меньшинства будетъ всегда выгодною льготою и для народнаго большинства тюрьмою.

4. Мы хотимъ широкой народной воли не на словахъ только, и въ самой жизни, на дѣлѣ. А для обезпеченія этой свободы, мы отвергаемъ всякое устройство общества, народной жизни, сверху внизъ, путемъ такъ называемой законной свободы, дарованной какимъ бы то ни было государственно-народнымъ собраніемъ, подъ покровительствомъ какой бы то ни было верховной власти, — и не признаемъ другого устройства, кромѣ того, которое, образуясь снизу въ верхъ посредствомъ вольнаго союза вольныхъ рабочихъ товариществъ и общинъ, создастъ вольную народную и международную федерацію.

5. Противники всякаго панства, мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ.

6. Мы подаемъ братскую руку всѣмъ братьямъ великаго славянскаго племени, порабощеннымъ также какъ и мы сами подъ чужеземнымъ игомъ, московскимъ, нѣмецкимъ, мадьярскимъ или турецкимъ. Убѣжденные въ ихъ несомнѣнномъ правѣ на независимое существованіе и народное развитіе, мы готовы вступить съ ними въ тѣсный союзъ противъ нашихъ и ихъ притѣснителей, къ какой бы народности эти притѣснители ни принадлежали. — Всякій народъ, или вѣрнѣе всякое государство, притѣсняющее чужой народъ отъ имени своего собственнаго народа, для насъ ненавистно.

7. Но мы такіе же враги московскаго панславизма, какъ

и берлинскаго и вѣнскаго пангерманизма. Наша послѣдняя цѣль не тѣсный славанскій союзъ, а всемірный союзъ всѣхъ людей, всѣхъ народовъ, освобожденныхъ разъ на всегда отъ всякихъ пановъ, панованія и панства. — Именемъ общечеловѣческихъ правъ для освобожденія чернорабочаго утѣсненнаго люда всѣхъ странъ, мы протягиваемъ братскую руку революціоннымъ соціалистамъ Европы и Америки и хотимъ заключить съ ними могучій союзъ не на словахъ только, а на дѣлѣ.]

Статья эта предназначалась для польской газеты Gmina (Община), которая затѣвалась какъ органъ «Польскаго Соціально-Демократическаго общества» въ Цюрихѣ *). Но редакція этой газеты не сочла возможнымъ напечатать эту статью. Причиной тому былъ, конечно, 5-ый пунктъ программы, въ которомъ рѣшительно отрицались «историческія права» поляковъ на непольскія земли стараго польскаго государства (państwa) Литву, Бѣлорусію и Украйну. Такое отрицаніе крайне тяжело для поляка самихъ демократическихъ мнѣній, такъ какъ оно ставитъ его въ безповоротный разрывъ съ польскимъ обществомъ. Это послѣднее готово терпѣть самыя крайнія соціально-революціонныя мнѣнія, видя въ нихъ увлеченіе и надѣясь, что они направятся прежде всего на отдѣленіе Польши (исторической) отъ иностранныхъ державъ. Но отрицаніе Польши исторической и ограниченіе Польши только предѣлами этнографическими польскаго крестьянства, есть, въ глазахъ польскаго общества непростительная ересь, исповѣдать которую по этому мало кто рѣшается и до сихъ поръ. Ср. у Бакунина съ «Государсв. и Анархія». 136.

CVIII.

БРАТЬЯМЪ ПОЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА.

Глубоко преданные началамъ, высказаннымъ въ нашей общей программѣ, мы съ радостью приняли приглашеніе и вступили въ ваше общество, надѣясь, что, строго слѣдуя

---

*) Секретаремъ Towarzystwa Socialno-Demokratycznego былъ Стемковскій, предавшій вскорѣ за тѣмъ Нечаева въ руки полиціи.

М. Др.

этимъ началамъ, мы можемъ принесть хоть малую пользу великому, святому, нынѣ единому дѣлу народнаго освобожденія, какъ въ вашей странѣ, такъ и въ нашей. Мы руководствовались убѣжденіемъ, что служа усердно и честно, по мѣрѣ силъ своихъ, свободѣ польской, мы служимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и русской свободѣ. Вся наша вѣра опиралась именно на этой программѣ, которая съ одной стороны обезпечиваетъ народныя, рабочія массы отъ всякаго новаго политическаго утѣсненія, равно какъ и отъ всякой экономической эксплуатаціи, съ другой стороны, связываетъ всѣ народы не только славянскіе, но и всѣ другіе, во всемірномъ революціонномъ стремленіи къ свободѣ.

Изъ этого вы можете заключить, какъ неизмѣнно, глубоко мы преданы этой программѣ и какъ невозможно для насъ отступленіе отъ нея хоть на одну іоту.

Къ несчастью, мы убѣдились, что польское общество, сдѣлавшее намъ честь принять насъ въ свою среду, не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой имъ вначалѣ единодушно, какъ мы. Достаточно было пріѣзда г-на Токаржевича и нѣсколькихъ рѣчей его, противныхъ всему тому, что между нами было говорено и постановлено прежде, для того чтобы измѣнить мнѣніе и расположеніе почтеннаго общества. Оно соглашалось подвергнуть нашу программу новому пересмотру и коренному измѣненію. Общество вольно принять другія начала, но мы не можемъ и не должны слѣдовать за нимъ въ этомъ новомъ, враждебномъ для нашихъ убѣжденій и направленій.

Поэтому мы просимъ общество уволить насъ отъ почтеннаго званія его членовъ.

Вѣрные до конца началамъ своимъ, мы никакимъ образомъ не можемъ служить проведенію началъ имъ враждебныхъ, и потому просимъ г-на Токаржевича, вашего новаго члена, возвратить намъ 60 фр., врученныхъ нами ему въ присутствіи обывателя Стемпковскаго.

Мы не только въ правѣ, но обязаны требовать этихъ денегъ назадъ, и увѣряемъ, что требуемъ ихъ возвращенія не потому, чтобы жалѣли о нихъ. Думаемъ, что вы убѣдились, братья поляки, что ни въ комъ изъ насъ нѣтъ особенной привязанности къ деньгамъ. Но мы требуемъ ихъ потому, что противно нашей совѣсти, нашему долгу, жерт-

вовать хоть одною копѣйкою направленію и дѣлу, противнымъ убѣжденіямъ нашимъ и нашему дѣлу.

Мы въ правѣ ихъ требовать, потому что выдали ихъ г-ну Токаржевичу, единственно только на тотъ случай, когда онъ, не соглашаясь съ программою постановленною обществомъ для журнала, захочетъ возвратиться назадъ; а отнюдь не для того, чтобъ проживая эти деньги въ Цюрихѣ, онъ могъ бы пользуясь ими, такимъ образомъ, вести въ польскомъ обществѣ пропаганду направленія противнаго (намъ).

Чтожъ касается до г-на Токаржевича, то онъ безъ сомнѣнія самъ не захочетъ удержать этихъ денегъ въ своихъ рукахъ. Въ послѣднемъ засѣданіи онъ объявилъ громко, что не согласился бы принять, если бы даже эти московскія деньги переданы были ему самимъ обществомъ. Для насъ, съ нашей точки зрѣнія и на основаніи программы, которой мы остаемся вѣрными, такой вопросъ былъ бы непонятенъ. Но мы понимаемъ, что г-нъ Токаржевичъ стоя на точкѣ зрѣнія исключительно національной и, скажемъ настоящее слово, шляхетски-патріотической, долженъ былъ возбудить его. Но такъ какъ мы, давшіе ему эти деньги, русскіе, и никогда не отрекались отъ своего русскаго происхожденія и отечества, то мы полагаемъ. что г-нъ Токаржевичъ, повинуясь тому рыцарски-патріотическому чувству, поспѣшитъ возвратить намъ данныя нами ему деньги.

CIX.

Огареву.

2 Ноября 1872. Локарно.

И такъ, старый другъ, неслыханное совершилось. Несчастнаго Нечаева республика выдала. Что грустнѣе всего, это то, что по этому случаю наше правительство безъ сомнѣнія возобновитъ Нечаевскій процесъ и будутъ новыя жертвы. Впрочемъ, какой то внутренный голосъ мнѣ говоритъ, что Нечаевъ, который погибъ безвозвратно и безъ сомнѣнія знаетъ, что онъ погибъ, на этотъ разъ вызоветъ изъ глубины своего существа, запутавшагося, загрязнившагося, но

далеко не пошлаго, всю свою первобытную энергію и доблесть. Онъ погибнетъ героемъ, и на этотъ разъ ничему и никому не измѣнитъ. Такова моя вѣра. Увидимъ скоро, правъ ли я. Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ страшно жаль его. Никто не сдѣлалъ мнѣ, и сдѣлалъ намѣренно, столько зла, какъ онъ, а все таки мнѣ его жаль. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой энергіи и, когда мы съ тобою его встрѣтили, въ немъ горѣло яркое пламя любви къ нашему бѣдному забитому народу, въ немъ была настоящая боль по нашей исторической народной бѣдѣ. Онъ тогда былъ еще только неопрятенъ снаружи, но внутри не былъ грязенъ. Генеральствованіе, самодурство, встрѣтившіяся въ немъ, самымъ несчастнымъ образомъ и благодаря его невѣжеству, съ методою такъ называемаго Макіавелизма и Іезуитизма, повергли его окончательно въ грязь. Подъ конецъ онъ сталъ дуракомъ круглымъ. Вообрази себѣ, что еще недѣли за три или за двѣ до его ареста, мы черезъ знакомыхъ, — не прямо, потому что ни я и никто изъ моихъ друзей съ нимъ не хотѣлъ встрѣчаться, — мы предупреждали его, чтобъ онъ убирался скорѣе изъ Цюриха, что его ищутъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить и говорилъ: «Это Бакунинцы гонятъ меня изъ Цюриха» и прибавлялъ: «Теперь не то, что въ 1870 году: теперь у меня въ Бернскомъ федеральномъ совѣтѣ есть свои люди, друзья,— они предупредили бы меня, еслибъ мнѣ грозила такая опасность». Ну, вотъ и пропалъ.

Теперь, старый другъ, вотъ тебѣ просьба: ты знаешь, что Марксъ, Утинъ и вся ихъ германо-жидовская компанія затѣяли противъ меня грозный клеветливый процессъ. Мнѣ нужно доказывать, что я не воръ. Поэтому посылаю тебѣ проэктъ заявленія, которое прошу тебя подписать. Такъ какъ ты классикъ, стилистъ, то можетъ быть слогъ тебѣ не понравится. За слогъ я не стою, измѣняй его сколько хочешь, сообразуясь съ своимъ требовательнымъ вкусомъ. Но не думаю, чтобъ ты захотѣлъ и нашелъ нужнымъ что измѣнить въ самомъ содержаніи предлагаемаго мною тебѣ заявленія,— потому что это содержаніе, какъ ты самъ знаешь, строго сообразно самой чистой истинѣ, — а истина измѣнена быть не можетъ.

Я не считаю нужнымъ прибѣгать къ старой дружбѣ, чтобы ты написалъ и подписалъ такое заявленіе. Для этого

достаточно будетъ твоей справедливости, — а дружбу припасемъ на другія болѣе пріятныя вещи.

Твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ все тотъ же: Canton de Tessin. — Locarno Monsieur M. Bakounine.

CX.

ПРОЭКТЪ ЗАЯВЛЕНІЯ *)

Объявляю симъ, что самъ лично и прямо передалъ такъ называемый Бахметьевскій фондъ Нечаеву, для передачи Русскому Комитету, который, по увѣренію Нечаева, существовалъ въ Россіи и котораго Нечаевъ, по его собственнымъ словамъ и въ силу бумагъ, имъ мнѣ показанныхъ, былъ только заграничнымъ довѣреннымъ лицемъ.

Бакунинъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на распоряженіе Бахметьевскимъ фондомъ. Это право принадлежало исключительно Герцену и мнѣ, а, по смерти Герцена, только мнѣ. По этому Бакунинъ и не присутствовалъ при передачѣ фонда Нечаеву совершенной мною однимъ, въ присутствіи Наталіи Александровны Герценъ. При этомъ я сдѣлалъ большую ошибку: вѣря почти безусловно въ революціонную честность Нечаева, я не взялъ съ него росписки. Потомъ, когда, вслѣдствіе фактовъ, потрясшихъ мое доброе мнѣніе о Нечаевѣ, я требовалъ отъ него росписки, въ присутствіи Бакунина, О—ова, Р—са и Семена Серебренникова, Нечаевъ, признавая вполнѣ, что получилъ отъ меня Бахметьевскій фондъ, отказался однако дать мнѣ росписку въ полученіи его, подъ тѣмъ предлогомъ, что Русскій Комитетъ не имѣетъ обычая давать росписки. Это было со стороны Нечаева крайне недобросовѣстно и окончательно убѣдило меня въ его нравственной несостоятельности.

Участіе Бакунина въ этомъ дѣлѣ было такое: по смерти Герцена, онъ уговаривалъ меня передать весь Бахметьевскій фондъ Нечаеву, какъ довѣренному Русскаго Комитета, единственнаго представителя русскаго революціоннаго дѣла. Уговорить меня было впрочемъ не трудно, потому что и я, и

*) Заглавіе написано самимъ Бакунинымъ. М. Др.

Бакунинъ равно вѣрили въ существованіе и въ серьезный характиръ этого комитета и оба смотрѣли на Нечаева, какъ на главнаго представителя его за границей.

Сіе показаніе, вполнѣ сообразное истинѣ, подписываю своимъ именемъ.

Н. Ог.

Свидѣтели подписи: Зайцевъ
О—овъ
и Якоби (если хочетъ).

На оригиналѣ Бакунина буквы Н. Ог. зачеркнуты и противъ нихъ написано рукою Огарева: Николай Огаревъ. Противъ именъ свидѣтелей ничего не написано.

По поводу Нечаева мы должны сказать, что, познакомившись съ русскими кружками и эмиграціей въ 1873 г. въ Цюрихѣ и съ 1876 г. въ Женевѣ, мы нашли тамъ полную антипатію къ его личности. Мы слышали даже, что Нечаева не трудно было отбить изъ рукъ небольшаго числа полицейскихъ агентовъ, сопровождавшихъ его на станціи жел. дороги, и которые не должны были обнаруживать большой энергіи для его удержанія, — но что именно эта антипатія помѣшала дѣлу. Протесты противъ выдачи Нечаева, въ которыхъ убійство имъ Иванова выставлялось политическимъ преступленіемъ, какъ убійство шпіона, подписывались многими противъ убѣжденія,— и мы сами слышали отъ нѣсколькихъ лицъ, подписавшихъ протестъ, что Ивановъ совсѣмъ шпіономъ не былъ. Первымъ дѣломъ русскихъ, узнавшихъ объ арестѣ Нечаева въ Цюрихѣ, было захватить его бумаги и уничтожить и овладѣть такими изъ нихъ, которыя могли компрометировать другихъ передъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ *). Въ числѣ этихъ бумагъ была, говорятъ, и записка, данная Нечаеву Бакунинымъ и заключавшая въ себѣ обязательство во всемъ подчиняться Нечаеву, какъ представителю русскаго революціоннаго комитета, даже если бы Нечаевъ приказалъ ему дѣлать фальшивыя ассигнаціи. Въ знакъ полнаго отреченія отъ своей личности Бакунинъ и подписывался на этой бумагѣ именемъ женскимъ, если не ошибаемся, Матрены. Конечно, Бакунинъ никогда бы не сталъ дѣлать фальшивыхъ ассигнацій, — но такое обѣщаніе должно было служить поощреніемъ для неуступчивыхъ адептовъ партіи, — которые должны были, по іезуитскому обычаю, ac cadaver esse въ рукахъ старшинъ.

---

*) Въ Воспоминаніяхъ о Нечаевѣ г. З. Р., помѣщенныхъ въ «Вѣстн. Нар. Воли», кн. 1, сказано, что, послѣ ареста Нечаева, его бумаги разбирались гг. З. Р., Сажинымъ и Л—ымъ. Гдѣ онѣ теперь?

М. Др.

CXI.

ПИСЬМО Н. В. СОКОЛОВА КЪ Н. П. ОГАРЕВУ.

2 Января 73. Цюрихъ.

Обнимая и цѣлуя тебя, поздравляю съ новымъ годомъ и пью за твое здоровье, дорогой нашъ Николай Платоновичъ. Живи, долго еще живи и крѣпись. — Помни, что ты нашъ и что мы тебя не забываемъ.

Наше дѣло о типографіи на-мази. Ждать приходится не долго. Что хочется, то и сможется рано или поздно. А ты пиши, да пиши и намъ присылай. Твое слово, дружище, не пропадетъ даромъ, и не миновать ему печатнаго станка.

Ты спрашиваешь меня, что дѣлается въ Цюрихѣ? На этотъ вопросъ скажу тебѣ вотъ что: со дня моего пріѣзда произошелъ у насъ расколъ въ средѣ русской молодежи. Вина, разумѣется, не моя, а господина Лаврова, нѣкоего философа, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Парижа съ намѣреніемъ основать журналъ. Написалъ этотъ Лавровъ программу журнала и написалъ ее въ такомъ отвратительномъ духѣ, что Бакунину, Зайцеву, мнѣ и лучшей здѣшней молодежи стало тошно, и мы рѣшились отдѣлиться, отщепиться отъ Лаврова и его клики. Представь себѣ, что въ программѣ Лаврова революція объявляется зломъ и проповѣдуется легальность!...

Какъ ты думаешь, правы мы или нѣтъ въ своемъ отщепенствѣ?

Еще разъ обнимаю тебя.

Весь твой Н. Соколовъ.

P. S. Мой адеесъ: Zürich, Flüntern, Wiesenstrasse, bei Frau Steinfels, № 1.

Въ 1872—73 гг. въ Швейцаріи, преимущественно въ Цюрихѣ, собралоть болѣе 200 душъ русской молодежи, преимущественно студентовъ, между которыми было не мало и эмигрантовъ, замѣшанныхъ въ происходившія передъ тѣмъ университетскія волненія въ Россіи. Однихъ студентокъ русскихъ въ Цюрихѣ было тогда болѣе 120. Кружокъ этихъ новѣйшихъ эмигрантовъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Бакунинымъ, [illegible]авлялъ ему нѣкоторыя средства къ жизни и вмѣстѣ съ [illegible]бнаружилъ довольно большую литературно-агитаціонную [illegible]ность. Имъ изданы въ 1873 г. книги «Историческое [illegible]ie Интернаціонала», «Государственность и Анархія». [illegible] въ 1874 г. «Анархія по Прудону», ч. I и др. Въ это же

время явился въ Цюрихѣ и г. Лавровъ (полковникъ, б. профессоръ артиллерійской академіи, сосланный въ 1866 г. административно въ Волог. губ., откуда бѣжалъ) которому одинъ кружокъ молодежи предложилъ изданіе сборника «Впередъ». Скоро за тѣмъ въ русско-швейцарской молодежи произошло раздѣленіе на «Лавристовъ» и «Бакунистовъ». Поводомъ къ раздѣленію было, кромѣ вопроса о завѣдываніи русской библіотеки въ Цюрихѣ (основана эмигрантами, бакунистами, которые хотѣли удержать завѣдываніе ею въ своихъ рукахъ; новоприбывшіе студенты, во главѣ которыхъ стали лавристы, желали въ этомъ отношеніи равноправія съ прежними) составленная г. Лавровымъ программа «Впередъ», которая многимъ показалась умѣренною и не соціалистическою. Хотя по библіотечному вопросу большинство русско-цюрихской молодежи было на сторонѣ лавристовъ, но политико-соціальныя идеи его были гораздо ближе къ бакунинскимъ, такъ что самъ г. Лавровъ передѣлалъ два, или три раза программу «Впередъ» и помѣстилъ въ немъ совершенно бакунистическую статью о Пугачевщинѣ (1773--1873).

Борьба съ лавристами заняла въ свое время довольно много мѣста въ жизни молодыхъ друзей Бакунина, если не его самого (такъ какъ онъ жилъ не въ Цюрихѣ), но оставила по себѣ мало слѣду въ находящихся у насъ письмахъ. По этому мы и печатаемъ здѣсь письмо Соколова, въ надеждѣ, что другіе больше пояснятъ этотъ періодъ въ жизни Бакунина.

О перемѣнахъ программы г. Лаврова см. его собственныя показанія (интересныя и по своей редакціи) въ примѣчаніяхъ къ польскому переводу книги Альф. Туна Die Revolution re Bewegungen in Russland: «Когда мнѣ предложено было въ началѣ весны 1872 г. основать революціонное изданіе, я совсѣмъ не зналъ, какъ группировались силы революціонныя въ Россіи. Съ группами Чайковцевъ (которыя въ то время уже не существовали) какъ и съ другими того же рода, я не имѣлъ никакихъ сношеній, а зналъ только оппозиціонныя стремленія моихъ личныхъ пріятелей, литераторовъ радикаловъ и либераловъ. Первый проэктъ программы, составленный въ теченіе двухъ дней, былъ ничѣмъ инымъ, какъ только проэктомъ, какъ приступить къ изданію и былъ разсчитанъ только на тѣхъ, о которыхъ я предполагалъ, что они будутъ сотрудниками. Противъ моей воли проэктъ этотъ былъ отлитографированъ прежде, чѣмъ я могъ узнать, на сколько основательны мои предположенія. Въ Августѣ 1872 г. я убѣдился, что онѣ были неосновательны, что никто изъ литераторовъ, даже самыхъ радикальныхъ, не присоединится къ этой программѣ, но за то я узналъ, что среди молодежи тенденціи революціонныя и даже основы организаціи развились далеко больше, чѣмъ я предполагалъ во время пребыванія въ Россіи въ 1870 г., что по этому необходимо было именно тамъ разсчитывать на сотрудниковъ. Въ такомъ духѣ была составлена другая программа, которую мои пріятели отвезли въ Россію. Когда весною 1873 г. пришло дѣло

до изданія № 1 «Впередъ», программа эта была еще разъ поправлена (незначительно) соотвѣтственно тѣмъ литературнымъ силамъ (немногочисленнымъ) которыя уже были на самомъ дѣлѣ моими помочниками въ этомъ предпріятіи. Вообще было бы ошибочнымъ предполагать эту программу за программу партіи, когда это была скорѣе программою изданія, которое могло въ будущемъ стать органомъ партіи, если бы она организовалась и начала дѣйствовать въ самой Россіи. Дѣло это выяснилось едва во время эпохи «хожденія въ народъ», т. е. лѣтомъ 1873 г. (? — 1874).»

Н. Соколовъ, отставной подполковникъ, напечаталъ въ Россіи нѣсколько статей въ журналѣ «Русское Слово», изъ которыхъ въ одной между прочимъ назвалъ Дж. Ст. Милля «ракаліей», былъ потомъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію, переведенъ въ Астраханскую, откуда бѣжалъ за границу, гдѣ издалъ довольно характерную книгу «Отщепенцы», въ которой весь прогрессъ человѣчества приписанъ лицамъ, которые оторвались отъ своей среды.

В. Зайцевъ, также сотрудникъ «Русскаго Слова», эпохи Писарева, простеръ свое увлеченіе популярными книжками по естественнымъ наукамъ до заявленія, что такъ какъ негръ, по анатоміи, будто бы ближе къ обезьянамъ, чѣмъ къ бѣлому человѣку, то, при встрѣтѣ съ послѣднимъ, не можетъ разсчитывать ни на что, кромѣ рабства. Послѣдніе годы жизни Зайцевъ провелъ за границей въ эмигрантскихъ кружкахъ, но не потерявъ права на появленіе въ печати въ Россіи, гдѣ издалъ двѣ книги учебника по Древней Исторіи.

CXII.

15 Января 1873. Локарно.

Вотъ тебѣ, старый другъ, добрый, хорошій человѣкъ — горецъ Д—ридзи. Ты его приласкай. Онъ очень хорошій человѣкъ и много интереснаго можетъ сказать тебѣ о настоящемъ кавказскомъ бытѣ.

Прощай, будь здоровъ. А я таки не совсѣмъ здоровъ:— все сердце болитъ и спать мѣшаетъ.

CXIII.

11 Ноября 1874. Lugano.

Ну старый, дорогой другъ, далеко ты уѣхалъ. Успокой [illegible], напиши, что Герцены тебя въ этомъ отдаленіи не по[illegible]утъ и не оставятъ тебя безъ средствъ, въ нищетѣ и

въ тѣснотѣ, невыносимыхъ для стараго и къ тому жъ больного человѣка. Это первый вопросъ; а второй: нашелъ ли ты въ Лондонѣ русское общество, или хоть одного русскаго человѣка, съ которымъ бы ты могъ промолвить нѣсколько искреннихъ словъ о русскихъ дѣлахъ, которыя безъ сомнѣнія теперь, какъ и всегда, интересуютъ тебя болѣе, чѣмъ какія другія дѣла на свѣтѣ? Правда, что въ Лондонѣ живетъ Лавровъ со всею партіею, но когда ты узнаешь его и ихъ всѣхъ поближе, врядъ ли ты найдешь удобнымъ вступить съ ними въ искреннія отношенія. А кстати, читалъ ли ты мою послѣднюю безимянную брошюру: «Анархія и Государство». Если не читалъ, напиши, я тебѣ ее вышлю.

Но главное, еще разъ прошу, напиши, съ кѣмъ и какъ ты живешь, съ кѣмъ встрѣчаешься, съ кѣмъ проводишь дни. Боюсь, англійское общество твоей супруги (безъ попа), которой прошу отъ меня поклониться, не слишкомъ для тебя интересно и что ты теперь, въ Лондонѣ, болѣе чѣмъ когда и гдѣ нибудь, чувствуешь себя одинокимъ, — а въ наши годы такое чувство не легко. Одно утѣшеніе, близость смерти: отзвонилъ да и съ колокольни вонъ.

Я также, мой старый другъ, удалился, и на этотъ разъ удалился рѣшительно и окончательно, отъ всякой практической дѣятельности, отъ всякой связи для практическихъ предпріятій. Во первыхъ, потому, что настоящее время для такихъ предпріятій рѣшительно неудобно; Бисмаркіанизмъ, т. е. военщина, полиція и финансовая монополія, совокупленные въ одну систему, носящую имя новѣйшаго государства, торжествуютъ повсюду. Можетъ быть пройдетъ десять или пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ это могущественное и ученое отрицаніе всего человѣческаго будетъ торжествовать. Не говорю, чтобы въ настоящее время нечего было дѣлать; но это новое дѣло требуетъ новаго метода, а главное свѣжихъ, молодыхъ силъ, — и я чувствую, что я для новой борьбы не гожусь, а потому и подалъ въ отставку, не ожидая, чтобъ какой нибудь дерзкій Жильблазъ мнѣ сказалъ: Pas d'homélies, Monsieur! Здоровье мое становится все плоше и плоше, такъ что къ новымъ революціоннымъ попыткамъ и передрягамъ я сталъ рѣшительно неспособенъ. Вслѣдствіе всего этого я удалился въ семейство, которое вернулось изъ Сибири, и всѣ мы вмѣстѣ живемъ не въ Локарнѣ, а въ Луганѣ

итальянца, чернорабочаго. Бумаги Бакунина остались у его вдовы, которая, спустя извѣстное время, вышла замужъ за адвоката Гамбуци въ Неаполѣ. Теперь она умерла. Бумагъ Бакунина и между ними писемъ Герцена, Огарева и др., а также дневника и разныхъ отрывковъ его записокъ слѣдуетъ искать у ея наслѣдниковъ.

Мы, конечно, не ручаемся за полную точность всего сейчасъ разсказаннаго и первые будемъ рады, если ошибки нашего разсказа будутъ поправлены документально *). Но нижеслѣдующее письмо отвѣчаетъ общему характеру этого расказа и вмѣстѣ удивительно рисуетъ тѣ мысли, къ которымъ пришелъ старикъ Бакунинъ послѣ цѣлаго ряда разочарованій и которыхъ далеко не всегда держался въ теченіе своихъ революціонныхъ опытовъ. Ничѣмъ не можетъ такъ хорошо закончиться настоящая книга, какъ этимъ письмомъ.

---

*) Краткій расказъ о «Болонской попыткѣ» находимъ въ статьѣ Б. Малона L'Internationale (La Nouvelle Revue 1884, 15 Février, 762). Расказавъ о томъ, какъ испанскіе интернаціоналисты, друзья Бакунина и сторонники теоріи «пропаганды дѣйствіемъ» (propagande par le fait) «воздержались» отъ участія въ коммуналистической революціи въ Испаніи въ 1874 г. потому что считали ее за «буржуазную», Малонъ (самъ нѣкогда сторонникъ Бакунина) говоритъ: «Марксическая печать порицала живо это воздержаніе, такъ печальное для соціалистической революціи въ Испаніи и такъ противурѣчившее съ ихъ прежними словами. Бакунинъ понялъ, что анархисты не могли оставаться подъ ударомъ этого моральнаго пораженія; также точно интернаціоналисты италіанскіе, по большей части молодые люди, требовали въ особенности этого дѣйствія, этой «пропаганды дѣйствіемъ», которую имъ столько разъ обѣщали. Изъ Локарно, гдѣ Бакунинъ поселился съ своимъ итальянско-русскимъ генеральнымъ штабомъ, устроенъ былъ заговоръ; онъ былъ объявленъ созрѣвшимъ, и въ Августѣ 1874 г., спустя нѣсколько недѣль послѣ паденія Картагены, двѣ или три сотни (?) молодыхъ людей, вооруженныхъ ружьями, направились отрядами къ Болоньи, гдѣ должно было вспыхнуть революціонное движеніе. Они не поправили ничего (ils ne reparèrent rien) были разсѣяны безъ сраженія и арестованы цѣлыми группами». — «Бакунинъ, говоритъ Малонъ дальше (764), Бакунинъ, которому мертворожденіе (avortemente) болонскаго бунта помѣшало умереть, сражаясь на баррикадахъ, какъ онъ желалъ, съ тѣхъ поръ былъ глубоко обезкураженъ».

Мы слышали, что Бакунинъ вовсе не одобрялъ «воздержанія» своихъ испанскихъ друзей и въ письмахъ къ нимъ совѣтовалъ участіе въ коммуналистическомъ возстаніи, — но друзья эти, очевидно, остались крѣпко вѣрными § 4 бакунинскаго устава Alliance de la démocratie socialiste, отвергавшему «всякое политическое дѣйствіе, которое не будетъ имѣть непосредственною и прямою цѣлью торжество дѣла рабочаго надъ капиталомъ», — болѣе вѣрными, чѣмъ самъ авторъ этого устава. М. Др.

Бакунинъ нѣсколько односторонне представляетъ въ этомъ своемъ письмѣ свое отношеніе къ «собственности», которая принадлежала ему въ Локарно. Это была вилла съ садомъ, которой во всякомъ случаѣ Бакунинъ съ семействомъ пользовался въ теченіе нѣкотораго времени. Какъ видно и изъ слѣдующаго письма, нашлись люди, которые сочли нужнымъ представить Кафьеро, что «собственность» въ рукахъ Бакунина не достаточно служитъ цѣлямъ соціальной революціи, — и Бакунинъ отказался отъ этой собственности. Около этого времени родные Бакунина наконецъ выдѣлили ему извѣстную часть земельнаго имущества, которая была продана. Часть вырученной суммы была вручена Бакунину и служила для прожитья его и семейства до смерти Мих. Александровича въ 1876 г.

Предъ тѣмъ, какъ писано было предидущее письмо состоялось происшествіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на отношеніе Бакунина къ друзьямъ-революціонерамъ, итальянскимъ, швейцарскимъ (вождямъ Юрской федераціи) и нѣкоторымъ русскимъ. Это т. наз. Болонская попытка, о которой мало извѣстно, хотя она чрезвычайно интересна, если не для исторіи революціи, то для психолога. Итальянскіе, швейцарскіе и русскіе друзья Бакунина порѣшили показать на дѣлѣ свои теоріи пропаганды дѣломъ посредствомъ бунта въ Болоньи и ея окрестностяхъ. Бакунинъ долженъ былъ отправиться въ Болонью. Сама смерть Бакунина на улицѣ Болоньи, — дѣйствительно утомленнаго и жизнью и бозѣзнью, которая и свела его въ могилу, — должна была послужить возбужденію революціоннаго духа въ болонцахъ. Бакунинъ пріѣхалъ въ Болонью. Въ окрестностяхъ послѣдней нѣсколькимъ крестьянамъ роздано было небольшое число оружія, съ которымъ эти крестьяне стали ходить по горнымъ зарослямъ, ожидая начала возстанія въ Болоньи. Но здѣсь никто возстанія не начиналъ и Бакунинъ напрасно ждалъ его, сидя въ маленькой гостинницѣ. Наконецъ крестьяне потеряли терпѣніе и нѣкоторые побросали оружіе въ лѣсу. Тамъ его находили жандармы-объѣзчики, и полиція стала подозрѣвать нѣчто. Черезъ нѣсколько дней одинъ крестьянинъ, бывшій въ заговорѣ, явился въ Болонью съ возомъ, кажется, сѣна, и вывезъ подъ нимъ Бакунина на извѣстную станцію желѣзной дороги, откуда Бакунинъ возвратился въ Локарно. Вслѣдъ за тѣмъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Entrevue avec des amis. J. toujours froid. C. toujour stupide. Rupture complète».

Въ такомъ родѣ мы слышали разсказъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ отъ двухъ лицъ, которыя были довольно близки къ Бакунину въ послѣдніе дни его жизни. Одному изъ нихъ онъ все собирался диктовать свои записки, показывалъ дневникъ и передъ отъѣздомъ въ Бернъ для консультаціи съ врачами о болѣзни, которая стала причинять ему тяжкія страданія, собирался передать свои бумаги, для чего цѣлый чемоданъ ихъ былъ уже и отложенъ. Въ Бернѣ Бакунинъ умеръ, имѣя подлѣ себя почти безграмотнаго, но горячо преданнаго ему

Можно сказать, что этими словами Бакунинъ взялъ назадъ почти все изъ того, что онъ практиковалъ и проповѣдывалъ о способахъ революціонной дѣятельности, — не только макіавелизмъ, — котораго, какъ видно и изъ выше напечатанныхъ писемъ, не чуждъ былъ и онъ, — но и его вѣру въ то, что и преступники противъ частнаго права (разбойники) тоже по своему революціонеры и могутъ служить дѣлу соціальной революціи, которая пойдетъ успѣшно при «разнузданіи дурныхъ страстей», «пробужденіи дьявола» и т. п. Изъ предидущаго письма о Нечаевѣ, въ которомъ говорится о «невѣжествѣ» послѣдняго, можно заключать, что Бакунинъ усумнился въ пользѣ совѣта, который онъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ давалъ молодежи: бросить школы. Изъ расказа Б. Малона видно что Бакунинъ, въ послѣднее время его жизни, призналъ и значеніе переходныхъ политическихъ формъ государства, которыя онъ отрицалъ ради идеи соціалистической анархіи. Малонъ говоритъ (l. cit. 746) о Бакуннѣ во время пребыванія его въ Лугано: «вся его старая политическая ревность обратилась въ заботу по поводу борьбы, которую тогда выдерживали французскіе республиканцы противъ людей 24 и 16 Мая (Макъ-Магона и пр.). Я видѣлъ, какъ этотъ старый анархистъ пришелъ въ восторгъ, при вѣсти о большой республиканской побѣдѣ 20 Февраля 1876 г.»

— «Міровая свобода спасена! — вскричалъ онъ — и спасена еще разъ великой Франціей!»

Такимъ образомъ политическія идеи Бакунина въ послѣднія дни его значительно приблизились къ тѣмъ, которыя излагалъ ему Герценъ, объясняя ему, почему онъ не можетъ присоединиться къ его Alliance. (Посмертныя сочиненія. — Письма къ старому другу)*). Во всякомъ случаѣ Бакунинъ въ это время, горькимъ опытомъ, и между прочимъ уроками, данными ему его друзьями, какъ Нечаевъ, Р—ъ и т. п.. — приведенъ былъ къ тому, чтобъ отказаться почти отъ всѣхъ антикультурныхъ теорій и безкультурныхъ привычекъ мысли и дѣятельности, которыя передъ тѣмъ онъ же самъ поддерживалъ своимъ авторитетомъ и талантомъ въ «русскихъ революціонерахъ» и которыя были такъ гибельны для ихъ собственнаго дѣла.

---

*) Не мѣшаетъ напомнить, что самъ Герценъ, въ сочиненіяхъ, писанныхъ, подъ впечатлѣніемъ неудачи революціи 1848—1849 гг., — какъ «Письма изъ Франціи и Италіи» и «Съ того берега», высказалъ не мало мыслей, которыя подходятъ къ бакунинскимъ, съ ихъ размахами то къ всеразрушенію «стараго общества», то къ революціонной диктатурѣ. («Молодая Россія» упрекала въ 1862 г. Герцена за отступленіе отъ этихъ мыслей). Правда, что болѣе реальный умъ и художественный талантъ Герцена не дали ему и тогда дойти до схематическаго доктринерства Бакунина. М. Др.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

РѢЧЬ М. А. БАКУНИНА

произнесенная 29 Ноября 1847 г. въ Парижѣ на банкетѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г.

(Переводъ по тексту, напечатанному въ газетѣ La Réforme 1847, 14 Décembre).

Господа,

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русскій и прихожу въ это многочисленное собраніе, которое сошлось, чтобъ праздновать годовщину польскаго возстанія и котораго одно присутствіе здѣсь есть уже родъ вызова, угроза и какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши; — я прихожу въ него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

Мнѣ не безизвѣстно, на сколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій. Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. По всюду имя русскаго является синонимомъ грубаго угнетенія и позорнаго рабства. Русскій, во мнѣніи Европы, есть ни что другое, какъ гнус-

ное орудіе завоевенія въ рукахъ ненавистнѣйшаго, какъ и опаснѣйшаго деспотизма.

Господа, — не для того чтобъ оправдывать Россію отъ преступленій, въ которыхъ ее обвиняютъ, не для того чтобъ отрицать истину, взошелъ я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится болѣе, чѣмъ когда либо, нужною для моего отечества.

И такъ, да, — мы еще народъ рабскій! У насъ нѣтъ свободы, нѣтъ достоинства человѣческаго. Мы живемъ подъ отвратительнымъ деспотизмомъ, необузданномъ въ его капризахъ, безграничномъ въ дѣйствіи. У насъ нѣтъ никакихъ правъ, никакого суда, никакой апелляціи противъ произвола; мы не имѣемъ ничего, что составляетъ достоинство и гордость народовъ. Нельзя вообразить положеніе болѣе несчастное и болѣе унизительное.

Извнѣ наше положеніе не менѣе плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для насъ чужая, воли, которая также противна нашимъ интересамъ, какъ и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотѣлъ даже сказать, почти презираемы, потому что на насъ повсюду смотрятъ, какъ на враговъ цивилизаціи и человѣчества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтобъ сковать міръ, чтобъ поработить народы и всякій успѣхъ ихъ есть новый позоръ, прибавленный къ нашей исторіи.

Не говоря о Польшѣ, гдѣ съ 1772 и особенно съ 1831 г. мы опозориваемся каждый день жестокими насиліями, гнусностями, которымъ нѣтъ имени, — какую только насчастную роль не заставляли насъ играть въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, даже во Франціи, повсюду, куда наше вредоносное вліяніе могло только проникнуть?

Послѣ 1815 г. было ли хоть одно благородное дѣло, которое мы бы не подавляли, хоть одно дурное дѣло, которое мы бы не поддерживали, хоть одна великая несправедливость политическая, въ которой бы мы ни были подстрекателями или соучастниками? — Вслѣдствіе фатальности, по истинѣ плачевной, и гибельной прежде всего для самой Россіи, эта Россія, съ самаго начала ея поднятія до чина первостепеннаго государства, сдѣлалась поощреніемъ къ преступленію и угрозою всѣмъ святымъ интересамъ человѣчества. Благодаря этой ненавистной политикѣ нашихъ го-

сударей, русскій, въ оффиціальномъ смыслѣ слова, значитъ рабъ и палачъ!

Вы видите, господа, — я вполнѣ сознаю свое положеніе; и все таки я являюсь здѣсь, какъ русскій, — не несмотря на то, что я русскій, но потому что я — русскій. Я прихожу съ глубокимъ чувствомъ отвѣтственности, которая тяготитъ на мнѣ, равно какъ и на всѣхъ другихъ личностяхъ изъ моего отечества, такъ какъ честь личная нераздѣльна отъ чести національной: безъ этой отвѣтственности, безъ этого внутренняго союза между націями и ихъ правительствами, между личностями и націями, не было бы ни отечества, ни націи. (Аплодисменты).

Этой отвѣтственности, этой солидарности въ преступленіи никогда, господа, я не чувствовалъ такъ больно, какъ въ эту минуту; потому, что годовщина, которую вы сегодня празднуете, господа, для васъ — великое воспоминаніе, воспоминаніе святаго возстанія и геройской борьбы, воспоминаніе объ одной изъ прекраснѣйшихъ эпохъ вашей національной жизни. (Продолжительные аплодисменты). Вы всѣ присутствовали при этомъ великолѣпномъ возбужденіи народномъ, вы принимали участіе въ этой борьбѣ, вы были въ ней дѣятелями и героями. Въ этой святой войнѣ, казалось, развили, распространили, истощили все, что великая душа польская содержитъ въ себѣ энтузіазма! Подавленные численною силою вы наконецъ упали. Но воспоминаніе объ этой эпохѣ, на вѣки памятной, осталось записаннымъ пламенными буквами въ вашихъ сердцахъ; но вы всѣ вышли возрожденные изъ этой войны: возрожденные и сильные, закаленные противъ искушеній несчастія, противъ печалей изгнанія, полные гордости за ваше прошлое, полные вѣры въ ваше будущее!

Годовщина 29 Ноября, господа, для васъ не только великое воспоминаніе, но еще и залогъ будущаго освобожденія, будущаго возврата вашего въ ваше отечество. (Аплод.).

Для меня, какъ для русскаго, это годовщина позора; да, — великаго позора національнаго! Я говорю это громко: война 1831 г. была съ нашей стороны войной безумной, преступной, братоубійственной. Это не было только несправедливое нападеніе на сосѣдній народъ, это было чудовищное покушеніе на свободу брата. Это было болѣе, господа: со сто-

роны моего отечества это было политическое самоубійство. (Аплод.). Эта война была предпринята въ интересѣ деспотизма и никоимъ образомъ не въ интересѣ націи русской,— ибо эти два интереса абсолютно противуположны. Освобожденіе Польши было нашимъ спасеніемъ; если бы вы стали свободны, мы бы стали также; вы не могли бы ниспровергнуть путъ царя польскаго, не поколебавъ трона императора Россіи... (Аплод.). Мы дѣти одной породы, и наши судьбы не раздѣльны и наше дѣло (cause) должно быть общимъ. (Аплод.).

Вы это хорошо поняли, когда вы написали на вашихъ революціонныхъ знаменахъ эти русскія слова: «за нашу и за вашу вольность». Вы это хорошо поняли, когда, въ самый критическій моментъ борьбы, вся Варшава собралась въ одинъ день, подъ вліяніемъ великой братской мысли отдать честь публично и торжественно нашимъ героямъ, нашимъ мученикамъ 1825 г., Пестелю, Рылѣеву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Коховскому (аплод.) повѣшеннымъ въ Петербургѣ, за то что они были первые граждане Россіи!

Ахъ, господа, вы ничѣмъ не пренебрегали, чтобъ убѣдить насъ въ вашемъ симпатическомъ расположеніи, чтобъ тронуть наши сердца, чтобъ вытянуть насъ изъ нашего фатальнаго ослѣпленія. Напрасныя попытки! Потерянный трудъ! Солдаты царя, глухіе къ вашему призыву, не видя, не понимая ничего, мы пошли противъ васъ, — и преступленіе совершено! Господа, изъ всѣхъ утѣснителей, изъ всѣхъ враговъ вашей страны, наиболѣе заслужили ваши проклятія и вашу ненависть — мы.

И однакожъ я являюсь передъ вами не только какъ русскій кающійся. Я осмѣливаюсь провозгласить въ вашемъ присутствіи мою любовь и мое почтеніе къ моему отечеству. Я осмѣливаюсь еще болѣе, господа, осмѣливаюсь пригласить васъ на союзъ съ Россіей.

Я долженъ объясниться.

Около года тому назадъ, — я думаю, послѣ убійствъ въ Галиціи, польскій дворянинъ, въ очень краснорѣчивомъ и сдѣлавшимся извѣстнымъ письмѣ, адресованномъ къ князю Меттерниху, дѣлалъ вамъ страшное предложеніе *). Увлечен-

*) Въ 1846 г. польскіе (а вовсе не русинскіе, какъ повторяютъ

ный, безъ сомнѣнія, ненавистью, впрочемъ совершенно законною, противъ австрійцевъ, онъ предлагалъ вамъ ни много — ни мало, какъ подчиниться царю, отдаться ему тѣломъ и душею, вполнѣ, безъ условій и оговорокъ; онъ вамъ совѣтовалъ захотѣть добровольно то, чему вы до тѣхъ поръ подчинялись, и обѣщалъ вамъ, въ вознагражденіе за это, что лишь только вы перестанете позировать, какъ рабы, вашъ господинъ, противъ своей воли, станетъ вашимъ братомъ. Вашимъ братомъ, господа, слышите ли вы? — императоръ Николай вашимъ братомъ! (Нѣтъ нѣтъ! Живое движеніе).

Угнетателя, врага самаго ожесточеннаго, врага личнаго Польши, палача столькихъ жертвъ (браво!...) похитителя вашей свободы, того, кто васъ преслѣдуетъ съ такою адскою настойчивостію, столько же по ненависти и инстинкту, какъ и изъ политики, — вы приняли бъ за брата? (Нѣтъ! нѣтъ!).

Всякій изъ васъ предпочелъ бы погибнуть (Да!...) я это хорошо зналъ; всякій изъ васъ предпочелъ бы видѣть погибель Польши, чѣмъ согласиться на такой чудовищный союзъ. (Удвоенныя браво). Но допустите на мгновеніе это невозможное предположеніе. Знаете ли, какое было бы самое вѣрное средство для васъ нанести вредъ Россіи? Это было бы подчиниться царю. Онъ нашелъ бы въ этомъ освященіе для своей политики и такую силу, которую отнынѣ ничто бы не могло остановить. Горе намъ было бы, еслибъ эта антинаціональная политика воспреобладала надъ всѣми препятствіями, которыя еще противятся ея полному осуществленію! И первое, самое большое препятствіе, это безспорно Польша, это отчаянное сопротивленіе этого геройскаго народа, который спасаетъ насъ, борясь съ нами. (Шумные аплодисменты).

Да, — потому что вы враги императора Николая, враги Россіи оффиціальной, вы натурально, даже того не желая, друзья народа русскаго. (Аплод.).

Я знаю, въ Европѣ вообще думаютъ, что мы съ нашимъ

многіе и до сихъ поръ) крестьяне въ западной (польской) Галиціи перебили польскихъ инсургентовъ и за тѣмъ многихъ помѣщиковъ-поляковъ. По этому поводу написалъ открытое письмо Меттерниху маркизъ Велепольскій, впослѣдствіи начальникъ гражданской администраціи въ Ц. Польскомъ 1862—1863 гг. М. Др.

правительствомъ составляемъ нераздѣльное цѣлое, что мы чувствуемъ себя очень счастливыми подъ управленіемъ Николая, что онъ и его система, притѣснительная внутри и наступательная извнѣ, прекрасно выражаютъ нашъ національный духъ.

Все это неправда.

Нѣтъ, господа, народъ русскій не чувствуетъ себя счастливымъ! Я говорю это съ радостью, съ гордостью. Потому что если бы счастіе было возможно для него въ той мерзости, въ которую онъ погруженъ, это былъ бы самый подлый, самы гнусный народъ въ мірѣ. Нами тоже управляетъ иностранная рука, монархъ происхожденія нѣмецкаго, который не пойметъ никогда ни нуждъ, ни характера народа русскаго и котораго правительство, странная смѣсь монгольской грубости и прусскаго педантизма, совершенно исключаетъ національный элементъ. Такимъ образомъ, лишенные политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной, — патріархальной, такъ сказать, — которою пользуются народы наименѣе цивилизованные и которая позволяетъ по крайнѣй мѣрѣ человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено. Намъ почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагаетъ извѣстную независимость, а мы только бездушные колеса въ этой чудовищной машинѣ притѣсненія и завоеванія, которую называютъ русской имперіей. Ну, господа, — предположите, что у машины есть душа и, быть можетъ, вы тогда составите себѣ понятіе объ огромности нашихъ страданій. Мы не избавлены ни отъ какого стыда, ни отъ какой муки и мы имѣемъ всѣ несчастія Польши безъ ея чести.

Безъ ея чести, сказалъ я, — и я настаиваю на этомъ выраженіи для всего, что есть правительственнаго, оффиціальнаго, политическаго въ Россіи.

Нація слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержанія жалкихъ остатковъ существованія, которое угасаетъ. Но Россія не въ такомъ положеніи, слава богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая, — ей только надо опрокинуть препятствіе, которымъ смѣютъ ее окружать, — чтобъ пока-

заться во всей первобытной красотѣ, чтобъ развить всѣ свои невѣдомыя сокровища, чтобъ показать наконецъ всему свѣту, что русскій народъ имѣетъ право на существованіе не во имя грубой силы, какъ думаютъ обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболѣе благороднаго, наиболѣе священнаго, въ жизни народовъ, во имя человѣчности, во имя свободы.

Господа, Россія не только несчастна, но и недовольна,— терпѣніе ея готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворѣ въ Петербургѣ? Знаете ли, что думаютъ приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствованіе Николая похоже на царствованіе Людовика XV. Всѣ предчувствуютъ грозу, — грозу близкую, ужасную, которая пугаетъ многихъ, но которую нація призываетъ съ радостію. (Шумные аплод.).

Внутреннія дѣла страны идутъ ужасно дурно. Это полная анархія со всѣми видимостями порядка. Подъ внѣшностію іерархическаго формализма, крайне строгаго, скрываются отвратительныя раны; наша администрація, наша юстиція, наши финансы все это одна ложь: ложь, чтобъ обмануть заграничное мнѣніе, ложь, чтобъ усыпить чувство безопасности и сознаніе императора, который поддается ей тѣмъ охотнѣе, что дѣйствительное положеніе дѣлъ его пугаетъ. Это наконецъ организація на большую руку, организація такъ сказать обдуманная и ученая несправедливости, варварства и грабежа, — потому что всѣ слуги царя, начиная отъ тѣхъ, которые занимаютъ найвысшія должности и оканчивая самими мелкими уѣздными чиновниками, разоряютъ, обкрадываютъ страну, совершаютъ несправедливости самыя вопіющія, самыя отвратительныя насилія, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго страха, публично, среди бѣлаго дня, съ нахальствомъ и грубостью безпримѣрными, не давая себѣ даже труда скрывать свои преступленія передъ негодованіемъ публики, на столько они увѣрены въ своей безнаказанности.

Императоръ Николай принимаетъ иногда видъ, будто онъ хочетъ остановить ростъ этой страшной испорченности, но какъ можетъ онъ устранить зло, котораго главная причина въ немъ самомъ, въ основѣ самой его правительства, — и вотъ гдѣ тайна его глубокаго безсилія къ добру. Потому что правительство, которое кажется такимъ импозантнымъ

извнѣ, внутри страны безсильно: ничто ему не удается, всѣ преобразованія, которыя оно предпринимаетъ, тотчасъ же обращаются въ ничто. Имѣя опорой своей только двѣ самыя гнусныя страсти человѣческаго сердца: продажность и страхъ, дѣйствуя внѣ всѣхъ національныхъ инстинктовъ, внѣ всѣхъ интересовъ, всѣхъ полезныхъ силъ страны, правительство Россіи, ослабляетъ себя каждый день своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и разстраиваетъ себя страшнымъ образомъ. Оно волнуется, кидается съ мѣста на мѣсто, перемѣняетъ ежеминутно проэкты и идеи, оно предпринимаетъ сразу много, но не осуществляетъ ничего. У него есть одна только сила — вредить и ею оно пользуется широко, какъ будто оно хотѣло само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное странѣ посреди самой этой страны, оно отмѣчено для будущаго паденія.

Враги его повсюду: во первыхъ это страшная масса крестьянъ, которые не ждутъ болѣе отъ императора своего освобожденія и которыхъ бунты съ каждымъ днемъ все болѣе частѣе, показываютъ, что они устали ждать; далѣе классъ промежуточный, очень многочисленный и состоящій изъ элементовъ очень различныхъ, классъ безпокойный, буйственный, который бросится со страстью въ первое революціонное движеніе.

Наконецъ и особенно это безчисленная армія, которая покрываетъ все пространство имперіи. Николай смотритъ правда на своихъ солдатъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей, какъ на самыя твердыя опоры трона: но это странная иллюзія, которая не преминетъ сдѣлаться для него гибельною. Какъ! Опора трона, эти люди, вышедшіе изъ рядовъ народа, такъ глубоко несчастнаго, люди, которыхъ отрываютъ грубо отъ ихъ семействъ, которыхъ ловятъ, какъ дикихъ звѣрей, по лѣсамъ, гдѣ они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтобъ избавиться отъ рекрутства, — которыхъ ведутъ закованными въ полки ихъ, гдѣ они приговорены въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. всю жизнь человѣка, къ одному существованію, гдѣ ихъ бьютъ каждый день, угнетаютъ ежедневно новыми тяжкими работами и гдѣ они постоянно умираютъ съ голода! Чѣмъ были бы они, великій боже! эти русскіе солдаты, если бы, по среди такихъ пытокъ, они могли любить ту руку, которая ихъ мучитъ! Вѣрьте мнѣ,

господа, наши солдаты самые опасные враги теперешняго порядка вещей, — особенно гвардѣйскіе, которые видя зло у источника его, не могутъ обманываться на счетъ единственной причины всѣхъ ихъ страданій. Наши солдаты — это самъ народъ, но еще болѣе недовольный, это народъ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкшій къ дисциплинѣ и къ общему дѣйствію. Хотите ли доказательства? Во всѣхъ послѣднихъ бунтахъ крестьянскихъ отпускные солдаты играли главную роль. Чтобъ окончить этотъ обзоръ враговъ правительства въ Россіи, я долженъ наконецъ сказать, господа, что въ дворянской молодежи есть много людей образованныхъ, великодушныхъ, патріотовъ, которые краснѣютъ отъ стыда и ужаса нашего положенія, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые всѣ питаютъ противъ императора и его правительства неугасимую ненависть. Ахъ, вѣрьте мнѣ право, элементовъ революціонныхъ достаточно въ Россіи! Она оживляется, она волнуется, она считаетъ свои силы, она узнаетъ себя, сосредоточивается, — и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасеніе, поднимется! (Продолжительные аплод.).

Господа, — я вамъ предлагаю союзъ отъ имени этого новаго общества, этой настоящей націи русской! (Аплод.),

Мысль о революціонномъ союзѣ между Польшей и Россіей не нова. Она уже зародилась, какъ вы знаете, между заговорщиками обѣихъ странъ въ 1824 г.

Господа, воспоминаніе, которое я вызвалъ сейчасъ, наполняютъ мою душу гордостью. Русскіе заговорщики первые тогда переступили черезъ пропасть, которая, казалось, насъ раздѣляла. Слушаясь только своего патріотизма, не обращая вниманія на предубѣжденія которыми вы были естественно одушевлены противъ всего, что носило имя русское, они обратились къ вамъ первые, безъ недовѣрія, безъ задней мысли; они предложили вамъ общее дѣйствіе противъ нашего общаго врага, противъ нашего единственнаго врага. (Аплод.).

Вы простите мнѣ, господа, эту минуту невольной гордости. Русскій, который любитъ свое отечество, не можетъ холодно говорить объ этихъ людяхъ; они наша самая чистая слава, — и я счастливъ, что могу провозгласить это посреди этого большого и благороднаго собранія, посреди

этого польскаго собранія (аплод.) — они наши святые, наши герои, мученики нашей свободы, пророки нашего будущаго. (Аплод.). Съ высоты своихъ висѣлицъ, изъ глубины Сибири, гдѣ они стонутъ до сихъ поръ, они были нашимъ спасеніемъ, нашимъ свѣтомъ, источникомъ всѣхъ нашихъ добрыхъ вдохновеній, нашею охраною противъ проклятыхъ вліяній деспотизма, нашимъ доказательствомъ передъ вами и передъ всѣмъ міромъ, что Россія содержитъ въ себѣ всѣ элементы свободы и истиннаго величія! Стыдъ, стыдъ тому изъ насъ, кто не признаетъ этого! (Шумные аплод.).

Господа, — призывая ихъ великія имена, опираясь на ихъ могучій авторитетъ, я являюсь передъ вами, какъ братъ,— и вы меня не оттолкнете. (Нѣтъ! нѣтъ!)

Я не уполномоченъ формально говорить вамъ такъ; но безъ малѣйшей суетной претензіи я чувствую, что въ эту торжественную минуту моими устами говоритъ вамъ сама нація русская. (Аплод.). Я не единственный въ Россіи, который любитъ Польшу и который испытываетъ къ ней чувство горячаго удивленія, страстную горячность, глубокое чувство, смѣшанное съ покаяніемъ и надеждой, которое я никогда не смогу вамъ передать. Друзья, извѣстные и неизвѣстные, которые раздѣляютъ мои симпатіи, мои мнѣнія, многочисленны (аплод.) и мнѣ было бы легко доказать это вамъ, называя вамъ факты и имена, если бъ я не боялся безполезно скомпрометировать многія лица. Отъ имени ихъ, господа, отъ имени всего, что есть живого и благороднаго въ моей странѣ, протягиваю я вамъ братскую руку. (Живые аплод.). Прикованные другъ къ другу судьбою фатальною, неизбѣжною, долгою и драматическою исторіей, которой печальныя послѣдствія мы теперь терпимъ, наши страны долго взаимно ненавидѣли одна другую. Но часъ примиренія пробилъ: пора уже нашимъ разногласіямъ окончиться. (Аплод.).

Наши преступленія передъ вами велики! Вамъ надо много простить насъ! Но наше раскаяніе не менѣе велико, и мы чувствуемъ въ себѣ силу доброй воли, которая съумѣетъ исправись всѣ зла нами нанесенныя, и заставить васъ забыть прошлое. Тогда наша вражда замѣнится любовью, любовью тѣмъ болѣе пламенною, чѣмъ больше наша вражда была неугасимою. (Живое согласіе).

Пока мы оставались раздѣленными, мы взаимно парали-

зовали другъ друга. Ничто не сможетъ противиться нашему общему дѣйствію.

Примиреніе Россіи и Польши — дѣло огромное и достойное того, чтобъ ему отдаться всецѣло. Это увольненіе 60-ти мильоновъ душъ, это освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ, это наконецъ паденіе, окончательное паденіе деспотизма въ Европѣ. (Аплод.).

Да наступитъ же великій день примиренія, — день, когда русскіе, соединенные съ вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цѣль и противъ общаго врага, получатъ право запѣть вмѣстѣ съ вами національную пѣсню польскую, гимнъ славянской свободы: «Jeszcze Polska nie zginela!»

(Нѣмецкій переводъ этой рѣчи былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: Russland wie es wirklich ist. Mannheim. 1847.)

II.

(Въ журналѣ Іордана Slavische Jahrbücher, 1848, № 49, стр. 257—260, напечатано нижеслѣдующее подъ заглавіемъ «Statuten der neuen slavischen Politik» и съ такимъ вступленіемъ: «Нижеслѣдующая статья вышла изъ подъ пера извѣстнаго русскаго публициста и эмигранта Бакунина и помѣщена въ газ. Wcela, № 75 отъ 15 Сент. въ переводѣ изъ Dziennik Domowy»).

ОСНОВЫ НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ.

Послѣ того какъ славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалобъ, которыя были послѣдствіемъ ихъ раздѣленія, соединяются они теперь въ первый разъ на общемъ съѣздѣ и подаютъ взаимно руки въ знакъ братскаго единенія, заявляютъ они передъ богомъ и народами, что слѣдующія основныя положенія составляютъ основы ихъ новой политической жизни:

1) Какъ послѣдніе пришельцы въ развитіи европейскаго образованія, опытные и способные, чувствуютъ они себя призванными къ осуществленію того, что другіе народы Европы приготовили черезъ свое развитіе, то есть къ осуществленію того, что теперь считается за конечную цѣль гуманности, особенно величія, свободы и счастія всѣхъ, принимающихъ участіе въ святомъ и братскомъ единеніи, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ.

2) Очень долгое время они сами были жертвою чуждаго притѣсненія, видѣли очень хорошо печальныя того посдѣдствія: упадокъ родныхъ (національныхъ) нравовъ и дисгармонію въ обществѣ, которая выходитъ изъ притѣсненія не только для притѣсненныхъ, но также и особенно для притѣснителей; кромѣ того они слишкомъ возненавидѣли чуждое иго, чтобъ когда нибудь пожелать наложить свое иго на чужіе народы. Уваженіе и любовь къ свободѣ другихъ есть въ ихъ глазахъ первое условіе собственной свободы.

3) Кромѣ того они слишкомъ долго были жертвою хитрости и насилія, чтобъ начать черпать новую жизнь и новую силу въ чемъ либо другомъ, кромѣ, какъ въ чистой и святой истинѣ, въ чистой свободѣ, въ чистой справедливости безъ

всякого ограниченія, безъ всякой задней коварной мысли; по этому они устраняютъ столько же во внутренней, сколько и во внѣшней политикѣ дипломатію и ея соображенія, все что искуственно и что могло бы имѣть цѣлью какую бы то ни было центральную власть на счетъ свободы, будь то индивидуума, будь то народовъ. Новая политика славянскахъ народовъ будетъ не государственная политика, а политика народовъ, политика независимыхъ свободныхъ людей.

4) Они основуютъ свое новое могущество на нерезрывномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя, и не будутъ искать никакой другой централизаціи, кромѣ той, какая вытекаетъ изъ соединенія всѣхъ славянъ. Все ихъ несчастіе было въ раздѣленіи; соединенные они были бы непобѣдимы, и однакожъ они были раздѣлены и такъ страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая бы непремѣнно ихъ соединила для исполненія общаго призванія. Одни изъ нихъ дали себя соблазнить для братоубійственной войны. Другіе наконецъ забывались до того, что пользовались чужими племенами и антиславянской политикой для уничтоженія своихъ братьевъ. Но въ наказаніе за то богъ попустилъ, чтобъ одно славянское племя за другимъ подпало игу нѣмцевъ, не исключая и тѣхъ, которыя сохранили призракъ національной и независимой жизни, или стали мучителями своихъ братьевъ столько же, сколько и несчастными исполнителями нѣмецкихъ замысловъ.

Однакожъ уже исчезли времена страданій, — часъ освобожденія пробилъ для славянъ. По прибытіи въ Прагу отъ противуположныхъ границъ они нашли себя братьми, — признали себя и почувствовали братьями одинъ другому не только въ сердцѣ, но поняли другъ друга на ихъ языкахъ, которыя только разные діалекты одного, оттѣнки одного прекраснаго и благозвучнаго языка, который распространился отъ береговъ Адріатическихъ до границъ Бѣлаго моря и Сибири *). Они увидѣли себя соединенными общностію ихъ

*) Какъ бы тамъ ни было, а историкъ Шпрингеръ, вообще мало симпатизирующій пражскому съѣзду, говоритъ, что свѣденія о томъ, бодто собравшіеся тамъ славяне могли понимать другъ друга только при посредствѣ нѣмецкаго языка, — есть «выдумка злыхъ языковъ». (A. Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Freiden 1809, II, 334).

дѣлъ и еще сильнѣе они увидѣли себя соединенными великимъ призваніемъ, которое имъ приготовляетъ будущее. Они поблагодарили бога, за то что онъ положилъ конецъ ихъ долгимъ страданіямъ, что онъ ихъ сохранилъ въ полной чистотѣ братскаго чувства; они простили себѣ взаимно прошедшее и видятъ передъ собою только настоящее и будущее, въ сознаніи долга болѣе не нарушать своихъ судебъ.

ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ.

1) Признается независимость всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя.

2) Всѣ эти народы впрочемъ состоятъ между собою въ союзномъ единеніи. Это единеніе должно быть на столько тѣсно, что счастіе или несчастіе одного должно быть въ то же время счастіемъ или несчастіемъ другого, и никто не можетъ чувствовать себя свободнымъ и считать себя таковымъ, если другіе не свободны и на оборотъ: притѣсненіе одного есть притѣсненіе другого.

3) Общій союзъ всѣхъ славянскихъ народовъ есть выраженіе и осуществленіе этого соединенія. Онъ представляетъ все славянство и называется Славянскій Совѣтъ (Rada Slowenská).

4) Славянскій Совѣтъ руководитъ всѣмъ славянскимъ народомъ, какъ первая власть и высшій судъ; всѣ обязаны подчиняться его приказаніямъ и исполнять его рѣшенія.

5) Всякое несправедливое дѣйствіе какого либо славянскаго народа, которое бы стремилось учредить особый союзъ въ средѣ соединеннаго всеславянства, или подчинить себѣ другое славянское племя, посредствомъ ли дипломатіи или насилія, въ намѣреніи основать сильную центральную власть, которая бы могла уничтожить или ограничить власть всего соединеннаго славянства, — всякое стремленіе къ какой бы то ни было гегемоніи надъ соединенными народами, въ пользу ли одного народа, или нѣкоторыхъ соединенныхъ, но къ невыгодѣ другихъ, будетъ считаться за преступленіе или за измѣну всему славянству. Славянскіе народы, которые хотятъ составить часть федераціи, должны отказаться вполнѣ отъ своего государственнаго значенія и передать его непосредственно въ руки Совѣта и не должны искать себѣ

особеннаго величія иначе, какъ въ развитіи своего счастія и свободы.

6) Только Совѣтъ имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ. Никакой отдѣльный народъ не можетъ объявлять войну безъ согласія всѣхъ, такъ какъ вслѣдствіе соединенія, всѣ должны участвовать въ войнѣ каждаго и ни одинъ не можетъ оставить братское племя въ минуту несчастія.

7) Внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена какъ позоръ, какъ братоубійство. Если бы возникли несогласія между двумя славянскими народами, то они должны быть устранены Совѣтомъ и его рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, какъ священное.

8) Изъ послѣднихъ трехъ пунктовъ ясно вытекаетъ, что, если какой славянскій народъ подвергнется нападенію другого славянскаго народа, находящагося въ возмущеніи, раньше, чѣмъ Совѣтъ имѣлъ бы время постановить что нибудь, или приложить разныя посредническія мѣры, то всѣ сосѣднія племена обязаны помогать его освобожденію. Поэтому будетъ считаться измѣнникомъ всякій славянскій народъ, который нападетъ на другой съ оружіемъ, или который при нападеніи чужого не поспѣшитъ на помощь подвергшемуся нападенію брату. Защищать брата есть первая обязанность.

9) Никакое славянское племя не можетъ заключать союза съ чужими народами; это право исключительно предоставлено Совѣту; никто не можетъ отдать въ распоряженіе чужому народу или чужой политикѣ славянское ополченіе.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Славянскіе народы независимы, по этому каждый народъ можетъ себѣ, по своей волѣ, дать такое правленіе, какое соотвѣтствуетъ его обычаямъ, потребностямъ и его обстоятельствамъ. Но первыя основанія его должны лежать въ славянскомъ характерѣ, который долженъ образовать основу новой жизни соединенныхъ славянскихъ народовъ, и безъ святого сохраненія тѣхъ основъ никакой народъ не можетъ приступить къ общему союзу.

1) Принципы, которыя составляютъ эти основы суть: равенство всѣхъ, свобода всѣхъ и братская любовь. Подъ

небомъ свободнаго славянства нѣтъ никого не свободнаго ни по праву, ни на дѣлѣ. Подданство (крѣпостная зависимость) подъ какимъ бы видомъ она ни показывалась, на всегда отмѣняется. Всѣ славяне одинаково свободны, одинаково братья. Между ними нѣтъ никакого неравенства, кромѣ того, какое создала природа. Сословій (кастъ) нѣтъ никакихъ. Гдѣ еще господствуетъ аристократія, привилигированное дворянство, оно должно, если хочетъ быть славянскимъ, на будущее время искать себѣ преимуществъ и привилегій въ богатствѣ своей любви и величіи своей жертвы. Аристократія ученыхъ и художниковъ, старшая сестра въ народѣ, должна распуститься въ массѣ народа чтобъ черпать изъ нея новую жизнь и чтобъ вести ее взаимно къ просвѣщенію, пріобрѣтенному временемъ.

2) На великомъ и благословенномъ пространствѣ, которое заняли славянскія племена, есть довольно мѣста для всѣхъ, по этому каждый долженъ имѣть часть во владѣніи народа и быть полезнымъ всѣмъ.

3) Каждое лице, которое принадлежитъ къ какому либо славянскому народу, имѣетъ черезъ то право поселенія во всякомъ другомъ славянскомъ народѣ, и единеніе, которое связываетъ славянскіе народы, должно считаться за братское и должно господствовать также и въ отношеніяхъ между отдѣльными славянскими лицами.

4) Совѣтъ имѣетъ право и обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобъ эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутреннихъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ, которые составляютъ весь союзъ. Онъ имѣетъ право и обязанность вмѣшательства, если эти принципы будутъ уничтожены какимъ либо постановленіемъ, и всякій славянинъ имѣетъ право обращаться къ Совѣту противъ несправедливаго дѣйствія своего отдѣльнаго правительства.

(Переводъ съ нѣмецкаго текста у Іордана. — Эта статья была еще напечатана по чешски въ журналѣ «Čech», выходившемъ въ Женевѣ въ 1861 г., и въ отдѣльномъ изъ него оттискѣ подъ заглавіемъ: «Zakladni pravidla politiky a federace slovanské»).

III.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ СЛАВЯНАМЪ

РУССКАГО ПАТРІОТА

МИХАИЛА БАКУНИНА

Члена Славянскаго съѣзда въ Прагѣ.

(Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag. Koethen. Selbstverlag des Verfassers. 1848).

Братья!

Рѣшительный часъ пробилъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы открыто и отважно рѣшить, чью сторону взять, сторону ли развалины стараго міра, чтобы поддержать ее еще на короткое мгновеніе, или сторону новаго міра, котораго заря занимается, который принадлежитъ будущимъ поколѣніямъ и которому принадлежатъ будущія поколѣнія. Для васъ дѣло идетъ о томъ, ваша ли будетъ молодая будущность, или вы еще разъ хотите впасть на цѣлые вѣка въ могилу безсилія, во тьму тщетныхъ надеждъ, въ проклятіе рабства. Отъ вашего выбора зависитъ, удастся ли и остальнымъ народамъ, стремящимся къ освобожденію, достичь цѣли быстрымъ и безостановочнымъ шагомъ, или же эта цѣль, если она и не можетъ никогда исчезнуть, то все же должна опять отодвинуться въ необозримую даль. На васъ обращены глаза всѣхъ, полные ожиданія. На томъ, какой будетъ вашъ выборъ, покоится рѣшеніе ближайшей и дальнѣйшей судьбы міра. Рѣшайтесь, что вамъ выбрать, — спасеніе себѣ или гибель, быть ли вамъ благословеніемъ или проклятіемъ міра. Этотъ выборъ лежитъ передъ вами, — выбирайте!

Міръ раздѣленъ на два стана. Между ними не проложено никакой средней дороги. И ни одна часть не можетъ безнаказанно отдѣлиться отъ великаго неразрывнаго союза, въ которомъ стоятъ всѣ, кто преслѣдуетъ одинаковую цѣль, и кто всѣ вмѣстѣ должы побѣдить или покориться.

Міръ раздѣленъ на два стана. Здѣсь революція, тамъ контрреволюція, — вотъ лозунги. На одинъ изъ нихъ долженъ рѣшиться каждый, и мы, и вы, братья, должны рѣшиться.

Средней дороги нѣтъ. Тѣ, которые ее указываютъ и прославляютъ, или обманутые, или обманщики.

Обманутые, если вѣрятъ въ ложь, будто можно вѣрнѣе всего проскользнуть къ цѣли, уступая понемножку обѣимъ борющимся партіямъ, чтобы обѣ успокоить и помѣшать взрыву необходимой открытой битвы между ними.

Обманщики, если хотятъ увѣрить васъ, будто вы, по примѣру хитрыхъ дипломатовъ, должны стать внѣ обоихъ лагерей, чтобы улучшивши время, примкнуть къ сильнѣйшему и при его помощи счастливо обдѣлать ваше собственное дѣло.

Братья! не довѣряйте дипломатическимъ уловкамъ. Поляки уже бросились въ гибель, они столкнутъ и васъ туда.

Что говоритъ вамъ дипломатическая хитрость? Она говоритъ вамъ, что стоитъ только вамъ воспользоваться ею, какъ средствомъ, и вы побѣдите враговъ. Но не видите ли вы, что пока вы ею воспользуетесь, она, вмѣсто того, употребитъ васъ, чтобы, при вашей помощи, разбить на голову своего теперешняго врага, а потомъ, справившись съ нимъ, поработить и васъ, стоящихъ одиноко и потому тоже слишкомъ слабыхъ для сопротивленія? Развѣ вы не видите, что постыдная хитрость контрреволюціи именно въ томъ и заключается, что она старается разрознить передовыхъ бойцовъ молодого, нового времени, прилагая старое правило всѣхъ угнетателей: «раздѣляй и управляй», чтобы ихъ по одиночкѣ поработить и заковать въ оковы?

Чего же иного можете вы отъ нея надѣяться? Развѣ можетъ дипломатія отречься отъ своей матери, которая есть ничто иное, какъ самая старая деспотія? Можетъ ли она стараться помогать побѣдѣ какихъ либо интересовъ, кромѣ тѣхъ, благодаря которымъ она сама началась? Можетъ ли она работать для рожденія того новаго быта, который есть ея проклятіе и смерть? Можетъ ли она быть союзницей той демонической силы, міръ обновляющей, которая намъ, братья, прокладываетъ дорогу, чтобы мы могуче перелили нашу внутреннюю полноту, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни? Никогда!

Взгляните только твердо и проницательно въ искаженное злостью лице вѣроломной дипломатіи и вы проникнетесь страхомъ и отвращеніемъ отъ ея сводническихъ приманокъ и съ ужасомъ и омерзеніемъ оттолкнете ее прочь отъ себя. Никогда не выйдетъ правда изъ лжи, великое изъ посредственности, и свобода завоевывается только свободой.

Вашъ гнѣвъ былъ справедливъ; справедливо дышали вы местью противъ той достойной проклятія нѣмецкой политики, которая замышляла только вашу гибель, которая вѣками держала васъ въ рабствѣ, которая въ Франкфуртѣ говорила съ презрѣніемъ о вашихъ справедливыхъ надеждахъ и требованіяхъ, которая въ Вѣнѣ злорадно ликовала надъ пораженіемъ нашего, полнаго жизни Пражскаго съѣзда! Но не заблуждайтесь, присмотритесь! Эта политика, которую мы осуждаемъ, которую мы проклинаемъ и которой мы страшно отомстимъ, не есть политика будущаго нѣмецкаго народа, не есть политика нѣмецкой революціи, нѣмецкой демократіи; это политика старой государственности, политика княжескаго права, аристократовъ и привилигированныхъ всякого рода, политика камарилей и генераловъ, управляемыхъ ими какъ машины, Радецкихъ, Вандишгрецовъ, Врангелей, это политика, для погибели которой мы всѣ, юношески оживленные современнымъ духомъ, отважно и радостно должны схватить протянутыя руки демократовъ всѣхъ странъ, и, въ тѣсномъ союзѣ съ ними, должны сражаться за ихъ и наше общее спасеніе, за ихъ и нашу общую будущность.

Что дѣлаютъ реакціонеры для своего неправаго дѣла, и неужели мы не сдѣлаемъ того же для нашего праваго дѣла?

Если реакція конспирируетъ во всей Европѣ, если она при помощи принятой организаціи дѣйствуетъ соединенно и сплоченно, то и революція должна создать себѣ соотвѣтственную силу дѣйствія. Священная обязанность насъ всѣхъ, борцевъ революціи, демократовъ всѣхъ странъ, соединить наши силы, постараться другъ друга понять и сплотиться вмѣстѣ, для того чтобы въ союзѣ мы могли отразить и побѣдить враговъ нашей общей свободы.

Именно первымъ признакомъ жизни революціи, — вы это знаете, — былъ крикъ ненависти противъ старой политики угнетенія, крикъ сочувствія и любви ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ. Народы, которыхъ такъ долго водила на

арканѣ лицемѣрная и предательская дипломатія, почувствовали наконецъ позоръ, какимъ старая дипломатія покрыла человѣчество, и признали, что благо націй не обезпечено, пока хоть одинъ народъ въ Европѣ живетъ подъ гнетомъ, что свобода народовъ, для того, чтобы укорениться гдѣ либо, должна укорениться вездѣ, и въ первый разъ дѣйствительно потребовали они, словно изъ однихъ устъ, свободы для всѣхъ людей, для всѣхъ народовъ, свободу истинную и цѣльную, свободу безъ условій, безъ исключеній, безъ границъ, «Прочь угнетателей!» раздалось словно изъ однихъ устъ, «да здравствуютъ угнетенные, поляки, итальянцы, и всѣ! Не надо болѣе завоевательныхъ войнъ», еще только одно послѣднее сраженіе революціи для окончательнаго освобожденія всѣхъ народовъ! Долой искуственныя границы, насильно проведенныя конгрессами деспотовъ ради такъ называемыхъ историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, стратегическихъ необходимостей! Не должно быть никакихъ другихъ границъ раздѣленія между націями, кромѣ границъ согласныхъ съ природою, проведенныхъ справедливо въ духѣ демократіи, которыя начертаетъ верховная воля самихъ народовъ на основаніи ихъ національныхъ особенностей!» Такъ пролетѣлъ кличъ по всѣмъ народамъ.

Вы внимаете, братья, кличу величественному, полному предчувствія? Помните, какъ въ Вѣнѣ вы внимали ему, когда, сражаясь съ другими за спасеніе всѣхъ, вы, между нѣмецкими баррикадами, воздвигли большую славянскую баррикаду со знаменемъ нашей будущей свободы.

Велико и прекрасно было это движеніе, которое прошло всю Европу. Какъ поднялись, трепеща отъ радости, тронутые дуновеніемъ революціи, Итальянцы, Поляки, Славяне, Нѣмцы, Мадьяры, Валахи, тѣ, что въ Австріи, и тѣ, что въ Турціи, словомъ всѣ, которые до тѣхъ поръ стонали въ домашнихъ цѣпяхъ или подъ чужимъ игомъ! Самыя дерзкія мечты пришли въ исполненіе. Народы видѣли, какъ съ могилы ихъ независимости свалился, словно сдвинутый невидимой рукой, тяжелый камень, тяготѣвшій на ней цѣлыя столѣтія; волшебная печать была сломана, и драконъ, сторожившій болѣзненное оцѣпененіе столькихъ заживо погребанныхъ націй, лежалъ тамъ убитый и хрипящій. Занялась красная, какъ кровь, заря весны народовъ. Старая государст-

венная политика погрузилась въ ничто; новая политика вступила въ жизнь, политика народовъ. Революція объявила разрушенными ея совершенною властью деспотическія государства, — объявила разрушенною прусскую державу, признавши доставшіеся ей польскія части края отдѣленными,— объявила разрушенною Австрію, это чудовище сплетенное хитростью, насиліемъ и преступленіемъ изъ самыхъ разнородныхъ національностей, — объявила разрушенной турецкую державу, въ которой едва семьсотъ тысячъ османовъ попирали ногами двѣнадцатимилліонное населенія Славянъ, Валаховъ и Грековъ, — наконецъ объявила разрушеннымъ послѣднее утѣшеніе деспотовъ, послѣднее обманщицкое укрѣпленіе разбитой на голову дипломатіи, русскую державу, чтобы три порабощенныя ею націи, Великороссы, Малороссы и Поляки, предоставленные самимъ себѣ, могли подать свободную руку остальнымъ славянскимъ братьямъ. Такъ былъ разрушенъ, опрокинутъ и наново устроенъ весь сѣверъ и востокъ Европы, Италія освобождена и конечной цѣлью всего поставлена была — ВСЕОБЩАЯ ФЕДЕРАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ РЕСПУБЛИКЪ.

Тогда мы вмѣстѣ, какъ братья, вступили въ Прагу; представители всѣхъ славянскихъ народностей встрѣтились наконецъ, какъ братья, послѣ долгой разлуки, и съ восторгомъ говорили другъ другу, что отнынѣ ихъ дороги не должы расходиться. Живо чувствуя общую связь исторіи и крови, клялись мы не допускать болѣе, чтобы наши судьбы шли розно. Проклиная политику, жертвой которой мы были такъ долго, мы сами себѣ создали право, основанное на совершенной независимости и обѣщали, что она отнынѣ будетъ общей всѣмъ славянскимъ народамъ. Мы признали за Чехами и Хорватами самостоятельность. Мы рѣшительно отразили нахальныя притязанія франкфуртскаго парламента, этого сборища, ставшаго уже теперь посмѣшищемъ всей Европы, которое хотѣло онѣмечить насъ, и въ то же время мы протянули братскую руку нѣмецкому народу, демократической Германіи. Во имя тѣхъ изъ насъ, которые живутъ въ Венгріи, мы предложили братскій союзъ Мадьярамъ, бѣшеннымъ врагамъ нашей расы, имъ, которые, едва насчитывая четыре милліона, осмѣливались стараться наложить свое иго на восемь милліоновъ Славянъ. И тѣхъ нашихъ

братьевъ, которые вздыхали подъ гнетомъ Турокъ, не забыли мы въ нашемъ союзѣ освобожденія. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разорвала Польшу и еще разъ хочетъ разорвать ея печальные остатки, и выразили живую надежду, что воскресеніе этого благороднаго, святого народа мученика скоро подастъ намъ знакъ къ освобожденію насъ всѣхъ отъ стараго рабства. Наконецъ къ великому русскому народу, тому народу, который одинъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ съумѣлъ удержать въ полной мѣрѣ свою политически-національную самостоятельность, мы обратились съ воззваніемъ, съ убѣжденіемъ помнить о томъ, что онъ самъ слишкомъ хорошо знаетъ, что вся эта самостостельность и величіе есть ничто, пока народъ самъ въ себѣ не освободится и пока онъ терпитъ, чтобы его сила была чумой для несчастной Польши и вѣчно угрожающимъ бичемъ для всей европейской цивилизаціи. Все это мы высказали и, вмѣстѣ со всѣми демократами всѣхъ народовъ, потребовали: СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА ВСѢХЪ НАЦІЙ, въ средѣ которыхъ, свободные какъ онѣ и въ братскихъ отношеніяхъ со всѣми, славянскіе народы должны завязать между собою тѣсный братскій союзъ для образованія одного большого союзнаго тѣла.

Мы чувствовали тогда себя увѣренными въ нашемъ дѣлѣ; въ его успѣхѣ нельзя было сомнѣваться, если бы только мы стояли при немъ до конца; потому что справедливость и человѣчность были всецѣло на нашей сторонѣ, на сторонѣ же нашихъ враговъ ничего, кромѣ несправедливости и варварства. Не пустымъ грезамъ отдавались мы; нѣтъ, это были мысли о единственно вѣрной и необходимой политикѣ, политикѣ самоосвобожденія, революціи, единодушнаго дѣйствія вмѣстѣ съ народными возстаніями всѣхъ странъ, въ братскомъ единеніи съ демократами всего міра. Мы отбросили противную политику, которая была вамъ предлагаема, политику лицемѣрія и предательства, политику дипломатовъ, государственныхъ умниковъ, которые преподавали вамъ мудрость, будто вы должны искать избавленія въ возстановленіи самодержавія императорской власти и въ спасеніи Австріи, потому будто бы, что если вы опять возвратите силу импе- [illegible] вы, австрійскіе Славяне, образуете независимое [illegible] государство и будете свободны при помощи воз-

становленной вами императорской власти. Что насъ эта политика можетъ совратить, въ этомъ была въ Прагѣ единственная опасность, отъ которой я тогда предостерегалъ на съѣздѣ. Тогда мы избѣжали опасности, и партія государственныхъ политиковъ уступила передъ нашимъ воодушевленіемъ общимъ дѣломъ всѣхъ Славянъ и всѣхъ свободныхъ націй.

Но что же тогда сдѣлали рабы отвергнутой нами государственной политики? Они были благосклонны къ нашему съѣзду, пока надѣялись воспользоваться имъ для своихъ дипломатическихъ цѣлей и для подавленія нѣмецкой и мадьярской революціи въ Австріи, но тотчасъ начали свирѣпствовать противъ него, какъ только увидали, что онъ обращается противъ ихъ плановъ и хочетъ служить не интересамъ государственной политики, а чистымъ интересамъ національной свободы и братства народовъ. Теперь они достигли того, что разбили нашъ съѣздъ и допустили Виндишгреца бомбардировать Прагу. Напрасно было пятидневное геройское сопротивленіе вдохновеннаго народа; городъ принужденъ былъ покориться, преданный тѣми, которые были призваны защищать его, и славянскій съѣздъ былъ распущенъ. Но мы еще ничего не потеряли. Съ серцами, волнуемыми вѣрой въ наше святое и правое дѣло, разстались мы и разсѣялись, чтобы повсемѣстно работать для него и вездѣ подготовлять почву для нашего будущаго освобожденія; мы желали другъ другу увидѣться снова въ великій день нашего общаго славянскаго возстанія.

Деспоты дрожали, не смотря на ихъ кажущуюся побѣду въ Прагѣ. Они дрожали отъ страха, что мы страшно исполнимъ тѣ клятвы, которыя мы произнесли, пылая местью между развалинами и грудами труповъ, купаясь въ крови нашихъ храбрыхъ братьевъ, подъ громомъ бомбъ, которыми Виндишгрецъ, палачъ нашей свободы, осыпалъ золотую Прагу. Они дрожали передъ возстаніемъ славянскихъ народовъ, которыхъ прежде они мечтали водить на помочахъ, какъ послушныхъ дѣтей.

Что сдѣлали тогда деспоты? Они говорили между собою: возстаніе Славянъ грозитъ намъ гибелью; поищемъ средствъ, чтобы превратить славянское возстаніе въ якорь нашего спасенія! Какія же средства? Вотъ они: натравимъ Славянъ на Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ на Славянъ! Собьемъ съ толку

этихъ еще не опытныхъ въ политикѣ дѣтей разными кажущимися доводами и обаятельными обманами, пусть они воображаютъ себя мудрецами, ступая по дорогѣ, ведущей къ нашей цѣли. Вызовемъ для этого опять всю старую закоренѣлую ненависть, всѣ справедливые и несправедливые предразсудки, всѣ едва поколебленнныя причины взаимнаго подозрѣванія, и недовѣрія, шепнемъ имъ это въ уши, чтобы отравитъ сердца, возмутить умы, ослѣпить души и распалить ихъ другъ противъ друга! Мы раздуемъ въ неугасаемый пожаръ этотъ зазженный нами огонь, льстивыми обѣщаніями съ нашей стороны, которыхъ мы никогда не исполнимъ.

Такъ они говорили, такъ они и сдѣлали. И врагамъ свободы, врагамъ справедливости, мастерамъ предательской государственной политики удалось на одно мгновеніе заморочить наши головы, братья! Вы допустили опутать себя на одну минуту изобрѣтеніемъ этихъ лукавыхъ политиковъ, которое состояло въ томъ, будто дѣло революціи все равно, что дѣло тѣхъ нѣмецкихъ пожирателей страны въ парламентахъ, на которыхъ обращенъ вашъ справедливый гнѣвъ, все равно, что дѣло вашихъ враговъ и притѣснителей, властолюбивыхъ мадьяръ, и вы, сбитые съ толку, обратились противъ основы вашей собственной и нашей общей свободы, противъ революціи, и пристали къ своему заклятому опаснѣйшему врагу, къ династической политикѣ и деспотизму. Нашего же естественнаго друга и союзника, демократію, вы оставили въ Вѣнѣ страдать и нести наказаніе за насъ. Славяне! какъ прежде грѣшила противъ васъ старая нѣмецкая государственная политика въ Вѣнѣ, такъ грѣшила подогрѣтая деспотическая система въ Франкфуртѣ. Правда, Славяне мстили въ Вѣнѣ за совершенныя противъ нихъ преступленія, но они выместили не на преступникахъ, а именно на прирожденныхъ судьяхъ преступника и естественныхъ союзникахъ мстителя. И партія государственныхъ политиковъ, трусливо уступившая въ вѣнскомъ парламентѣ въ рѣшительный часъ опасности, когда только одни народные интересы должны были считаться и всѣ должны были соединиться, эта партія старалась потомъ увѣрить васъ въ Прагѣ, что послѣднее вѣнское возстаніе вовсе не было народнымъ движеніемъ, а было сдѣлано мадьярскими деньгами. Но, братья, кто изъ насъ былъ бы такъ жалокъ, такъ глупъ, чтобы

повѣрить этимъ бабьимъ сказкамъ, будто революціи дѣлаются деньгами? Нѣтъ, деньги всего міра не могутъ подвинуть народъ къ возмущенію, ни одинъ народъ не имѣетъ такой скверной молодежи, которая бы дала себя подкупить. Императорская австрійская государственная политика, — говорила вамъ еще эта партія государственныхъ политиковъ, — это врагъ вашихъ враговъ, такъ какъ она врагъ разбойничьей мадьярщины, то она и врагъ нѣмеччины, пожирающей страны! Ложь! Не видите ли вы, что австрійская государственная политика идетъ рука объ руку съ политикой центральной власти въ Франкфуртѣ, съ политикой угнетенія во что бы то ни стало и подавленія всякой свободы? Правда, въ Франкфуртѣ, въ этомъ фальшиво названномъ народномъ представительствѣ большинства, сидятъ такіе жалкіе дѣтски глупые люди, которые противъ воли дѣйствительной нѣмецкой націи, только и мечтаютъ о расширеніи нѣмецкаго владычества и о покореніи всѣхъ ненѣмецкимъ народовъ, живущихъ на такъ называемой нѣмецкой землѣ. Но заблужденіемъ и глупостью этихъ людей злоупотребляетъ центральная власть Германіи, такъ же какъ австрійская государственная политика злоупотребляла довѣрчивостью одной части Славянъ, чтобы поссорить этотъ чуждый народъ съ его истиннымъ нѣмецкимъ другомъ, съ друзьями свободы, равенства и братства всѣхъ націй, съ народомъ жаждущимъ свободы, съ демократами Германіи, со всѣми тѣми, которымъ вы должны протянуть братскую руку, потому что они не ваши враги, а враги вашихъ враговъ. — Вы были бы свободны, такъ васъ морочатъ эти государственные политики, — вы были бы свободны, если бы помогли австрійской государственной политикѣ побѣдить ея враговъ. Но какая ложь! Вѣна пала, — что же, вы видите какой свободой пользуетесь вы теперь послѣ этой ужасной катастрофы въ Прагѣ, видите, какъ дипломатія держитъ свои обѣщанія; вы видите, какіе горькіе плоды приноситъ ея союзничество? Гдѣ свобода Праги? Ищите ея съ фонаремъ!

Да, обманъ уже исчезаетъ, вы опять пришли въ себя, братья, вы опять прозрѣли. Что сдѣлалъ Еллачичъ, вамъ это видно, такъ же какъ и тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, теперь онѣ уже ни для кого не тайна. Его первоначальная задача была защищать славянскую свободу про-

тивъ угнетательной политики господствующей партіи мадьяръ и помочь побѣдить враждебную народу государственную политику, на которую работала эта партія при Кошутѣ. Вмѣсто этого онъ пошелъ въ Вѣну и помогъ тамъ побѣдить народное возстаніе, демократію. Онъ измѣнилъ правой и святой цѣли, хорошему демократическому движенію южныхъ Славянъ и продалъ ихъ именно этой безбожной политикѣ, ради ниспроверженія которой возмущенныя славянскія племена довѣрили его представительству свою молодую буйную силу. Его призваніе было поддерживать наше нуждающееся въ помощи братское племя, Словаковъ, силами, доставленными ему южнославянскимъ возстаніемъ. Презрѣвъ это святое призваніе, онъ предпочелъ стать слугой австрійскаго государства и повести свое войско противъ столицы имперіи, чтобы сдѣлать изъ нея очагъ деспотизма для всей Австріи, для всей Европы. Вмѣсто того, чтобы работать для свободы всѣхъ народовъ, онъ работалъ для выкованнаго въ Иннсбрукѣ и Вѣнѣ, радостно принятаго и поощреннаго въ Потсдамѣ и санкціонированнаго франкфуртской центральной властью, какъ и въ Петербургѣ, комплота притѣснителей народныхъ, опустошителей городовъ, массовыхъ убійцъ, старыхъ деспотовъ.

Вы должны быть австрійцами, этого хочетъ государственная политика, этого хочетъ предатель Еллачичъ, который отважился провозгласить открыто и громко эту политику, какъ спасеніе славянъ.

Вы должны быть австрійцами. Что значитъ быть австрійцами? Это значитъ: помогать деспотіи ослаблять рознью и ненавистью каждую изъ разнообразныхъ напиханныхъ въ Австрію народностей, чтобы, усилившись слабостью и взаимной ненавистью ихъ, она наложила на всѣхъ ихъ свое иго. Это значитъ сдѣлать для деспотіи возможной уловку, состоящую въ томъ, чтобы помѣшать слиться свободно въ націи людямъ, роднымъ между собою по крови, языку и нравамъ, по великимъ историческимъ воспоминаніямъ и еще большимъ надеждамъ въ будущемъ, чтобы оторвать отъ нихъ куски и изъ этихъ оторванныхъ и обезсиленныхъ отдѣленіемъ кусковъ сковать одно искусственное, всякой природѣ противное, государственное цѣлое, котораго части гнулись бы легко подъ скипетръ деспотіи, такъ какъ они были бы *слишкомъ* чужды и враждебны одна другой, чтобы вмѣстѣ

держаться и сопротивляться. Это значитъ: дать деспотіи возможность возобновить старую игру, которая разорвала Польшу на куски, и продала одинъ кусокъ одному, другой другому государству, и все еще продолжаетъ разрывать тѣло этого прекраснаго народа, чтобы задушить всякую надежду на возрожденіе Польши, если бы это было возможно *). Это значитъ: оторвать отъ общаго славянскаго дѣла дѣло Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Кроатовъ и всѣхъ другихъ народовъ нашего племени, живущихъ подъ австійскимъ владычествомъ.

Вы должны быть австрійцами. Что же вы выиграете, братья, если станете австрійцами?

Одно изъ двухъ: или австрійское государство остается тѣмъ, чѣмъ оно есть, смѣсью народностей, которымъ будутъ даны изъ милости равныя права, и вы будете долго посреди этого хаоса тѣмъ, чѣмъ были, низкими, безсильными, презираемыми рабами произвольнаго полка, смиренно и послушно покорными предписаніямъ, посылаемымъ вамъ изъ Вѣны, безъ свободы, безъ собственной силы, безъ вліянія на развитіе будущности всѣхъ соединенныхъ Славянъ, на общечеловѣческую будущность.

Или же австрійскому государству только тѣмъ удастся утвердиться прочно какъ государство, что оно дѣйствительно сдержитъ свое притворное обѣщаніе, данное вамъ, и превратится совершенно въ славянское государство, но что же вамъ отъ этого? Будете ли вы велики и свободны въ этомъ послѣднемъ, лучшемъ случаѣ? Нѣтъ, вы тогда будете съ одной стороны угнетателями вашихъ братьевъ чужой національности, деспотами Итальянцевъ, Мадьяръ, Нѣмцевъ австрійскихъ. Вы будете дѣлать другимъ то, чего не хотите, чтобы съ вами случилось. И вы сдѣлаетесь опять рабами, рабами своей собственной деспотіи; потому что никто не можетъ обращать другого въ рабство, не дѣлаясь рабомъ самъ: я какъ русскій, говорю это вамъ. Вы навлечете на себя ненависть не только тѣхъ, которыхъ вы будете угнетать, но и всего свободолюбиваго міра, ненависть, негодованіе, презрѣніе и проклятіе всѣхъ народовъ, и наконецъ погибнете сами какъ губители.

*) Кажется, и Бакунину, какъ польскимъ политикамъ 1848 г. представлялось отдѣленіе русиновъ отъ поляковъ въ Галиціи новымъ раздѣломъ Польши, не смотря на то, что въ Россіи онъ желалъ самостоятельности малороссовъ, т. е. такихъ же русиновъ.

Скажите, на что вы можете опереться послѣ того какъ покроетесь позоромъ тираніи, когда придетъ на васъ день суда, когда та самая сила, которая толкаетъ васъ теперь на борьбу съ вашими притѣснителями, революція, встанетъ противъ васъ и вы тогда, не только какъ враги порабощенныхъ вами, но и какъ враги вашихъ собственныхъ братьевъ по племени, отъ которыхъ вы преступно отдѣлились, для свободы которыхъ вы ничего не сдѣлали, которыхъ бѣдствіе вы помогли продлить, — когда вы какъ враги народной свободы, какъ враги всего человѣческаго рода, будете стоять отвергнутые всѣмъ міромъ? Скажите, въ чему будетъ ваша сила, если вы ее не тамъ будете искать, гдѣ ее только и можно найти, а именно въ святомъ единеніи, въ общности всѣхъ славянскихъ братьевъ на землѣ? Императоръ ли Фердинандъ ваша сила, это несчастное слабоумное созданіе, которое даетъ себя гонять съ мѣста на мѣсто женщинамъ и придворнымъ и безъ воли даетъ себя дѣлать палачемъ и убійцей тѣхъ, добрымъ отцемъ которыхъ онъ себя называетъ, этотъ императоръ, въ груди котораго, если бы даже это была грудь мужчины, не можетъ жить никакое чувство къ нашему національному стремленію, къ нашему спасенію и будущности, такъ какъ что бы ни билось въ этой груди, это не будетъ славянское сердце? — Или ваша сила въ этой интригующей крамольной камарильѣ, которая только живетъ вашимъ ослѣпленіемъ и которой существованіе только и поддерживается цѣною ненависти, возбужденной ею къ вамъ во всѣхъ, кого она гнетъ вмѣстѣ съ вами въ одно ярмо, которая пользуется вами для усмиренія ихъ, а ихъ употребляетъ, чтобы не дать вамъ возгордиться, которой послѣднее утѣшеніе, если ужь провалятся всѣ ея хитрости, есть армія императора Николая, главы и стража всей народопредательской крамолы въ Европѣ? — Или вы сами себѣ будете силой, вы двѣнадцать милліовъ Славянъ противъ цѣлаго міра противниковъ и враговъ, безъ симпатіи и помощи отвергнутыхъ и оставленныхъ вами вашихъ братьевъ по племени въ Россіи и Польшѣ, этихъ вашихъ естественныхъ союзниковъ изъ шестидесяти милліоновъ, — вы, которые уже теперь думаете, что не можете устоять сами, не опираясь на черножелтую каморилью и на ея государственныя уловки?

Что выйдетъ изъ васъ при такой обособленности и за-

брошенности? Ничего! Чѣмъ бы вы могли стать въ союзѣ съ вашими братьями? Громадной силой изъ восьмидесяти милліоновъ, сильнымъ знаменемъ свободы, радостью и гордостью всего соединеннаго юношески пробужденнаго человѣчества.

Братья! я русскій, я говорю вамъ какъ славянинъ, Я вамъ изложилъ откровенно на съѣздѣ въ Прагѣ мои намѣренія, чувства и мысли. Вы знаете, что я, какъ русскій, вижу спасеніе моихъ земляковъ только въ общности со всѣми остальными братьями, въ федераціи свободныхъ племенныхъ союзовъ. Вы знаете, что я поставилъ задачей своей жизни стремленіе къ этой великой и святой цѣли. Это даетъ мнѣ право говорить съ вами такъ, какъ я говорю теперь, потому что ваши обстоятельства вмѣстѣ съ тѣмъ и мои собственныя, ваше дѣло есть наше, ваше спасеніе наше спасеніе, вашъ позоръ нашъ позоръ, ваша гибель наша гибель. Отъ племени шестидесяти милліоновъ Славянъ я обращаюсь къ вамъ съ рѣчью, отъ имени шестидесяти милліоновъ вашихъ братьевъ, которые устали отъ долгаго тяжелаго рабства и которые какъ только узнали о собраніи Славянскаго съѣзда, стали смотрѣть на него, какъ на избавителя и спасителя. Быть членомъ этого съѣзда и принимать участіе во всѣхъ совѣтахъ и рѣшеніяхъ, предпринятыхъ для нашего общаго спасенія, я съ своей стороны считаю за величайшую честь въ своей жизни. Вы тоже признаете величіе и силу того могучаго племени, котораго представителемъ я былъ на нашемъ общемъ совѣтѣ и отъ имени котораго взываю къ вамъ теперь, я это знаю; я знаю, что вы съ гордостью смотрите на народъ, которому одному изъ всѣхъ славянъ удалось сохранить въ цѣлости свою національную независимость, что вы вѣрите въ его будущность, которая навѣрное будетъ опорой и силой славянства.

Но различайте хорошо, братья Славяне! Если вы ждете спасенія отъ Россіи, то предметомъ вашего упованія должна быть не порабощенная, холопская Россія съ своимъ притѣснителемъ и тираномъ, а возмущенная и возставшая для свободы Россія, сильный русскій народъ.

Отъ имени этого народа говорю я вамъ, я, русскій: наше все спасеніе въ революціи и нигдѣ болѣе.

Не въ императорѣ Николаѣ, не въ его войскахъ, не въ

его могуществѣ и политикѣ искать вамъ избавленія и спасенія, а въ той Россіи, которая какъ разъ скоро свергнетъ эту императорскую Россію и сотретъ ее съ лица земли.

Вѣрьте мнѣ, указы царя, деспота Россіи, не выражаютъ нашихъ чувствъ, нашихъ желаній, нашей воли. Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ! Это искаженіе того, что живетъ въ глубинѣ нашего русскаго сердца. Наше племя глубоко чувствуетъ срамъ и позоръ рабства, въ которомъ его деспотъ держитъ его; оно наибольшій врагъ того, кого еще многіе изъ васъ считаютъ истиннымъ представителемъ русской народности, наибольшій врагъ этого палача, этого мучителя и посрамителя его чести, Николая.

Вѣдь кто же этотъ Николай? Славянинъ? Нѣтъ, голштинско-готторнскій господинъ на славянскомъ тронѣ, тиранъ чужеземнаго происхожденія! — Другъ своего народа? Нѣтъ, разсчетливый деспотъ, безъ сердца, безъ всякого чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, безъ малѣйшаго понятія о томъ, что тихо и скрыто кипитъ и клокочетъ въ его народѣ. Защитникъ общеславянскихъ интересовъ? Нѣтъ, настолько нѣтъ, что онъ ежедневно измѣняетъ имъ и, страшное слово, «панславизмъ» употребляетъ только какъ угрожающее средство, чтобы при помощи его обезпечить свое вліяніе въ Германіи, которое Нѣмцы проклинаютъ, и свое господство надъ нѣмецкой политикой, которое есть гибель для Нѣмцевъ. Имѣть силу въ Германіи, которой отдѣльные деспоты его ученики и вмѣстѣ почитатели, ползающіе передъ нимъ въ пыли поклонники и обожатели его мудрости и силы, вотъ чего онъ ищетъ и добивается: Россія, Славянство нужны ему только какъ орудія для проведенія его старой, насквозь нѣмецкой и на Германію мѣтящей, политики раздѣленія и господства, которая состоитъ въ томъ, что онъ предаетъ Славянъ при помощи нѣмеччины для того, чтобы потомъ предать Нѣмцевъ при помощи преданнаго Славянства. Какъ мало для него значитъ Славянство, это вы видите изъ того, что онъ посылалъ свой высочайшій похвальный листъ Вандиштгрецу, убійцѣ славянски мыслящихъ Славянъ въ Прагѣ, въ знакъ благодарности ему за рѣзню, произведенную надъ защитниками славянскаго дѣла! Вы видите это изъ того, какъ онъ давалъ поддержку южнымъ Славянамъ деньгами, оружіемъ и войскомъ, но не какъ Славянамъ, возстав-

шимъ для спасенія всѣхъ насъ, а только потому, что ихъ возстаніе, по его разсчету, должно было послужить на пользу его любимому дѣтищу, австрійской деспотіи, и только подъ условіемъ, чтобы отдѣлить ихъ дѣла отъ польскаго дѣла! Вы видите это изъ того, что онъ держалъ на готовѣ своихъ солдатъ, чтобы по первому знаку австрійской камарильи ворваться въ Галицію! Вы видите это по тому, какъ онъ дѣлаетъ все, что только въ его силахъ, чтобы помѣшать возрожденію Польши, такъ какъ возрожденіе Польши было бы концомъ его силы.

Но его часъ пробилъ.

Я говорю вамъ еще разъ: русскій народъ пресыщенъ и утомленъ порабощеніемы и позоромъ, онъ усталъ служить жалкимъ орудіемъ достойной проклятія политики.

Братья, не обманывайтесь внѣшнимъ видомъ, будто этотъ народъ великанъ до сихъ поръ еще лежитъ скованный по всѣмъ членамъ желѣзнымъ волшебнымъ сномъ! Я вамъ говорю: онъ спитъ ужъ не глубоко, онъ только тихо дремлетъ, онъ уже началъ пробуждаться. Не обманывайтесь упованіемъ Николая, его увѣренностью въ своихъ деспотическихъ козняхъ, въ вѣрности его войска, въ подчиненности массъ, въ ея вѣрѣ въ его силу.

Я вамъ говорю: эта вѣра вездѣ пошатнулась, а удары кнута, лишенія правъ и имущества, ссылки въ Сибирь и на Кавказъ, все это плохія средства, чтобы оживить ее.

Я вамъ говорю: деспотическія козни разбиваются все болѣе и болѣе о каменную грудь революціоннаго духа, для отраженія котораго отъ русской земли тиранъ, внутренно уже дрожащій, хотя наружно сохраняющій притворное спокойствіе и твердость, напрасно выставляетъ на своихъ границахъ страшныя пограничныя войска и готовится даже выступить противъ него, духа революціи, на прусской и австрійской землѣ, напрасно, говорю я, потому что духъ невидимо ступаетъ впередъ, и, словно азіатская холера, смѣется надъ всякими пограничными стражами и заставами.

Я вамъ говорю: вѣрность русскаго войска надломлена сочувствіемъ Славянъ къ Славянамъ, влеченіемъ русскаго сердца къ братскому польскому сердцу. Да, русское сердце обливается кровью отъ стыда и боли, что нѣмецкіе обладатели русскаго скипетра такъ жестоко предали братскій

славянскій народъ германскимъ тиранамъ и такъ безчестно раздѣлили славянскую страну съ германскими тиранами; оно обливается кровью, это русское сердце и возмущается ужасной судьбой этого геройскаго славянскаго племени, которое опередило насъ всѣхъ по дорогѣ свободы и пролило по каплѣ свою драгоцѣнную кровь въ долгомъ мученичествѣ за нашу общую свободу, которое однако среди всякихъ униженій и терзаній не отступаетъ и не устаетъ, и котораго окончательное возстановленіе въ ряду народовъ подастъ намъ огненный сигналъ, который, прорѣзывая тьму нашего рабства, поведетъ всѣхъ Славянъ по пути къ освобожденію и спасенію. Да, Польша, это стрѣла въ русскомъ тѣлѣ; черезъ униженную Польшу истекаетъ кровью русская деспотія; крестъ, на которомъ она распинала мученика, будетъ ея собственнымъ позорнымъ столбомъ, у котораго она кончитъ свою мерзскую жизнь. Николай это предчувствуетъ, онъ знаетъ это и потому все глубже и глубже запускаетъ свои ястребиные когти въ судорожные члены несчастнаго растерзаннаго польскаго тѣла, мучимый страхомъ и дрожащій передъ возможностью, что эти безсмертные члены все же наконецъ соберутся и вновь соединятся въ одно одушевленное тѣло, чтобы воздать давно уготованную, но не выполненную, ужасную месть своему и всеславянскому палачу. Его смертельно мучитъ проглоченный кусокъ этого величія, котораго деспотизмъ никогда не переваритъ во внутренностяхъ своей власти и великолѣпія. Онъ это чувствуетъ и знаетъ, но онъ только одному не хочетъ вѣрить, что ядъ уже свирѣпствуетъ по всѣмъ жиламъ и сосудамъ тѣла его власти, что его войско, солдаты и начальники, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе съ польской народностью, тотчасъ чувствуютъ магическую силу этой святыни нашей національности, освященной безмѣрными страданіями, этой скиніи завѣта нашего освобожденія, этого огненнаго и дымоваго столба, который день и ночь указываетъ намъ дорогу черезъ пустыню нашего рабства въ обѣтованную землю свободы всѣхъ Славянъ. Да, они чувствуютъ вмѣстѣ съ Польшей, они вдохновлены для Польши, они видятъ въ спасеніи Польши свое собственное спасеніе, они уже не противъ Польши, а только за ея дѣло могутъ сражаться.

А подчиненность массъ, — если ты и разсчитываешь на

нее, ослѣпленный царь, ты, который такъ уменъ и хитеръ въ мѣлочахъ да на запутанныхъ дорожкахъ твоихъ низкихъ хитростей, дѣйствующихъ чудесно только на старчески слабую Европу, ослѣпленный царь, ты строишь на пескѣ! Правда, крестьянскій бунтъ въ Галиціи плохъ, потому что онъ обращается, питаемый и покровительствуемый тобою, противъ демократически настроенныхъ, духомъ свободы проникнутыхъ дворянъ; но онъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ зародышъ новой, неожиданной силы, вулканическій огонь, котораго взрывъ похоронитъ подъ громадами лавы благоустроенные искуственные сады твоей дипломатіи и господства, потрясетъ и истребитъ безъ слѣда въ одинъ мигъ твою власть, ослѣпленный царь. Крестьянскій бунтъ въ Галиціи это ничто, но его огонь разгорается все больше на подземномъ огнѣ и уже выростаетъ огромный кратеръ между крестьянскими массами чудовищной русской державы. Это демократія Россіи, которой пламя пожретъ державу и освѣтитъ всю Европу своимъ кровавымъ заревомъ. Чудеса революціи встанутъ изъ глубины этого пламеннаго океана, Россія есть цѣль революціи; ея наибольшая сила, — тамъ развернется и тамъ достигнетъ своего совершенства. Этой первобытной твердостью въ желѣзной настойчивости, съ которой русскій народъ охранялъ свою внѣшнюю независимость при всѣхъ буряхъ, потрясавшихъ славянскій міръ, онъ укрѣпится теперь для революціи, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. Въ Москвѣ будетъ разбито рабство всѣхъ соединенныхъ подъ русскимъ скипетромъ славянскихъ народовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все европейское рабство и навѣки будетъ схоронено въ своемъ паденіи подъ своими собственными развалинамы; высоко и прекрасно взойдетъ въ Москвѣ созвѣздіе революціи изъ моря крови и огня, и станетъ путеводной звѣздой для блага всего освобожденнаго человѣчества.

Встаньте же славянскіе братья! Вы, которыхъ призваніе въ томъ, чтобы сражаться въ передовыхъ рядахъ, встаньте! Во имя милліоновъ, которые должны скоро дать главное сраженіе, во имя сѣверныхъ Славянъ, которые когда нибудь потребуютъ отъ васъ строгаго отчета, что вы сдѣлали для нашего святого дѣла, во имя этого народа еще и еще разъ взываю я къ вамъ: порвите съ реакціей разъ на всегда, порвите съ дипломатіей, порвите со

всякой половинной и недостойной васъ политикой и бросьтесь отважно и всецѣло въ объятія революціи!

Въ ней все, — ваше пробужденіе, ваше воскресеніе, ваша надежда, ваше спасеніе, ваша будущность! Въ ней и только въ ней! Довѣрьтесь ей! Вы должны довѣриться, потому что, навѣрное, она не плохой союзникъ. Вамъ говорятъ: она уже упала подъ ударами контрреволюціи. Это неправда. Оглянитесь, посмотрите на ея дѣло! Не измѣнилось ли все въ европейскомъ мірѣ? Развѣ онъ не сдѣлался вдругъ хаосомъ, въ которомъ тѣ именно, которые стараются возстановить порядокъ стараго міра, вносятъ только еще больше внутреннее замѣшательство своими созывами войскъ, своими бомбардировками и осадами, своими громко вопіющими о мести насиліями, своими бойнями и опустошеніями? Развѣ не стала анархія постоянной и всякая попытка обуздать ее не бываетъ ли еще болѣе анархической, чѣмъ первоначальная анархія? Оглянитесь вокругъ васъ, революція вездѣ. Она одна царитъ, она одна сильна. Новый духъ со своей разрушающей, разлагающей силой вторгнулся безповоротно въ человѣчество и проникаетъ общество до самихъ глубокихъ и темныхъ слоевъ. И революція не успокоится, пока не разрушитъ окончательно одряхлѣвшаго міра и не создастъ новаго прекраснаго. Поэтому въ ней и только въ ней вся наша сила, мощь и вѣрность побѣды. Только въ ней жизнь, внѣ ея — смерть. Только тотъ, кто идетъ за ней и ведетъ ея дѣло, увидитъ свое дѣло увѣнчавшимся, потому что одна она раздаетъ всѣ прекрасныя военныя награды; кто противъ нея, тотъ долженъ рано или поздно погибнуть и не увидитъ дня спасенія. Она не терпитъ никакой середины, двойственности, заигриванія немножко съ ней, немножко съ ея врагомъ, никакой колеблющейся, недовѣрчивой, лицемѣрной предупредительности; она требуетъ, чтобы ей отдавались безусловно, откровенно, довѣрялись и принадлежали ей вполнѣ. Она сила, она право, она правда, она спасеніе этого времени, она единственная практика, ведущая къ добру и удачѣ; внѣ ея нѣтъ ума, мудрости, политики, она одна умъ, мудрость, политика и все, что ведетъ къ цѣли. Она одна можетъ создать полноту жизни, даровать непоколебимую увѣренность, придать силы, творить чудеса, пре-

вратить въ одну живую и жизнь производящую массу міръ изъ восьмидесяти милліоновъ людей, который деспотизмъ держитъ въ тысячелѣтнемъ снѣ. Вѣрьте революціи; Отдайтесь ей вполнѣ и всецѣло! Безъ нея нѣтъ Славянства!

Вы должны отдаться революціи всецѣло и безусловно.

Какъ это будетъ?

Такъ, что вы будете преслѣдовать извнѣ и внутри чисто революціонную политику.

Какая должна быть ваша политика извнѣ?

Вы должны быть друзьями и союзниками всѣхъ народовъ и партій, сражающихся за революцію.

Какіе народы и партіи сражаются за революцію?

Всѣ, которые сражаются за свою собственную независимость и вмѣстѣ съ тѣмъ за свободу всѣхъ, а потому въ союзѣ противъ одного общаго врага, противъ конспираціи деспотовъ.

Что поставила себѣ ближайшей задачей конспирація деспотовъ?

Сохраненіе Австріи. Австрія есть центральный пунктъ сраженія.

Чего должны мы вслѣдствіе этого желать?

Противуположнаго тому, чего они желаютъ: совершеннаго разрушенія Австрійской имперіи. Деспоты совершенно правы въ своемъ интересѣ, дѣлая Австрію главнымъ пунктомъ сраженія; потому что какъ русская имперія служитъ внѣшней опорой деспотизма, такъ Австрія служитъ систематическимъ проведеніемъ его въ сердцѣ Европы; Австрія это окаменѣлое безправіе, плотина, о которую такъ долго разбивались въ безсиліи волны стремленія къ свободѣ въ Европѣ. Поэтому и мы вправѣ желать распаденія и уничтоженія Австрійской имперіи въ интересахъ свободы; потому что распаденіе этой Австріи будетъ освобожденіемъ и поднятіемъ многихъ порабощенныхъ австрійскому единству народовъ и освобожденіемъ сердца Европы. Кто за Австрію, тотъ противъ свободы. Поэтому мы, стоящіе за свободу, должны быть противъ Австріи. Мы должны произвесть разрушеніе этой имперіи.

Какъ это случится?

Такъ, что мы посрамимъ всѣ теперешніе широко разставленные планы австрійскаго императорскаго двора.

Какъ мы узнаемъ эти планы?

Мы видимъ, что дѣлаютъ слуги Австріи.

Кто главный слуга?

Виндишгрецъ.

Куда идетъ теперь Виндишгрецъ?

Въ Венгрію. Послѣ того какъ онъ бомбардировалъ Прагу и убилъ въ ней свободу, послѣ того какъ онъ бомбардировалъ Вѣну и въ ней убилъ свободу, онъ идетъ въ Венгрію, чтобы и тамъ убить свободу.

Что же мы должны вслѣдствіе этого дѣлать?

Это ясно, мы должны ТЕПЕРЬ ЗАЯВИТЬ СЕБЯ и въ Венгріи ЗА МАДЬЯРЪ и ПРОТИВЪ ВИНДИШГРЕЦА.

Братья! Я знаю, какое я тяжелое слово произнесъ при этомъ. Что сдѣлали Мадьяры нашимъ славянскимъ братьямъ, какія преступленія совершили они противъ нашей національности, какъ они попирали ногами нашъ языкъ и независимость, — все это я знаю; я знаю, что они даже теперь, хотя научены опытомъ, который побудилъ ихъ бѣжать на помощь вѣнцамъ, все таки не уважаютъ и не признаютъ свободы Славянъ. Не смотря на все это, братья, та политика, которую мы установили еще на съѣздѣ въ Прагѣ, а именно предложить Мадьярамъ федерацію обѣихъ народностей, подъ условіемъ взаимнаго уваженія правъ и обоюдной совершенной независимости, на эту политику мы и теперь должны рѣшиться. Это политика возвышенная, великодушная; предложенія союза народу, который теперь находится въ такой опасности, какъ народъ мадьярскій, не можетъ унизить ваше достоинство, напротивъ, вы этимъ возвысите вашу честь. Эта политика не можетъ остаться безъ успѣха. Навѣрное есть между Мадьярами люди, которые поймутъ все достоинство подобнаго предложенія и не отвергнутъ условій, связанныхъ съ нимъ, ради блага Венгріи; духъ, предписывающій эти условія, всегда вѣдь будетъ увеличивать свою власть надъ Мадьярами, вѣдь найдется и между ними теперь демократическая партія, которая только въ свободѣ всѣхъ народовъ увидитъ обезпеченіе свободы отдѣльнаго народа, и которая въ это время повсемѣстной нужды несомнѣнно [illegible]гче чѣмъ когда либо пріобрѣтетъ себѣ всеобщій голосъ. [illegible]сли бы было и не такъ; если бы даже ваша протяну[illegible]рука была отвергнута, то вы были бы свободны отъ

всякой отвѣтственности и только на голову тѣхъ, которые дерзко и съ презрѣніемъ оттолкнули благороднѣйшее предложеніе общаго спасенія, палъ бы неизгладимый позоръ и упрекъ. Потому что политика, которую я здѣсь совѣтую, это политика не только великодушія и благоразумія, но и мудрости, заботящейся о будущемъ. Потому что этимъ актомъ вашего великодушія вы сдѣлаете сильнѣйшую пропаганду принциповъ свободы всѣхъ народовъ: это актъ, который дастъ рѣшительный поворотъ не только борьбѣ въ Венгріи, но и общей борьбѣ революціи противъ деспотовъ, который поставитъ васъ во главѣ революціоннаго движенія и вы будете, какъ и прилично вамъ, гордо и отважно освѣщать факеломъ путь освобожденію европейскихъ народовъ.

Не нанесетъ ли Славянинъ самъ себѣ вреда, если протянетъ руку своему натуральному врагу?

Навѣрное нѣтъ! Мы такъ сильны, что можемъ быть благородны. О навѣрное, Славянинъ не пострадаетъ, а выиграетъ. Навѣрное, онъ будетъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ будутъ оспаривать малѣйшую частицу нашихъ правъ, пока будетъ отдѣленъ или оторванъ хоть одинъ изъ членовъ нашего общаго тѣла, мы будемъ бороться не на жизнь, а на смерть, до послѣдней капли крови, пока наконецъ Славянство станетъ посреди міра великое и совершенно свободное и независимое. Но именно потому мы должны смотрѣть выше малаго на большое, выше отдѣльнаго на цѣлое и направлять полную силу нашего сопротивленія на упрямаго врага союза, и если какой либо народъ, хотя бы одна часть его и была нѣкогда частью нашего врага, признаетъ наконецъ наше право и пожелаетъ сражаться за одно съ нами противъ большаго общаго врага, то мы должны охотно протянуть ему навстрѣчу руку.

Вы должны подать руку нѣмецкому народу. Не деспотамъ Германіи, съ которыми вы теперь въ союзѣ, нѣтъ, этого именно вы не должны дѣлать. Не тѣмъ нѣмецкимъ педантамъ и профессорамъ въ Франкфуртѣ, не тѣмъ плохимъ, узкимъ литераторамъ, которые, по ограниченности или ради денегъ, наполнили большую часть нѣмецкихъ газетъ ругательствами противъ васъ и вашихъ правъ, противъ Поляковъ и Чеховъ, не тѣмъ нѣмецкимъ мѣщанамъ, которые радуются всякому несчастью Славянъ. А тому нѣмецкому народу, ко-

торый происходитъ отъ революціи, который станетъ свободной нѣмецкой націей, той Германіи, которая еще не существуетъ и которая поэтому еще ни въ чемъ не провинилась противъ васъ, которой отдѣльные и по всей Германіи разбросанные члены, разбитые такъ же, какъ и наши славянскія народности, такъ же преслѣдуемые и угнетаемые, какъ и мы, достойны нашей дружбы и готовы съ распростертыми объятіями быть нашими друзьями.

Прежде всего вы должны сломить военную силу Австріи; эту силу, благодаря которой Австрія есть австрійскимъ государствомъ; эту силу, которая задерживаетъ и тормозитъ всякое свободное народное возстаніе и противится побѣдѣ всеобщей свободы, равенства и братства всѣхъ народовъ. Вы видѣли въ Прагѣ, что такое эта военная сила, какъ она отвратительна. Что за люди бомбардировали подъ начальствомъ Виндишгреца славянскую Прагу? Были ли это Мадьяры? Были ли это Нѣмцы? Были ли это Итальянцы? Нѣтъ, это были Славяне и только Славяне: Чехи, Поляки, Словаки. И что такое австрійскій генералъ, это вы видѣли недавно на Еллачичѣ. Это іезуитъ во главѣ дисциплинированныхъ бандъ, которыя безъ своей воли, безъ своихъ цѣлей, сильно повинуются его приказаніямъ, это человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего святого, котораго не воодушевляетъ ни любовь къ отечеству, ни чувство къ своей націи, а только ревность къ службѣ для пагубной австрійской камарильи, и чтобы угодить этой камарильѣ, онъ готовъ совершить какое угодно преступленіе. И вотъ это чудовище, которое натравливаетъ братьевъ на братьевъ, которое душитъ и убиваетъ въ человѣческой груди всякое человѣческое движеніе, эту военную организацію, которая превращаетъ людей въ машины деспотіи, вы и должны разрушить, если вы хотите сдѣлать свободнымъ Славянство.

Вы должны отозвать вашихъ солдатъ изъ Италіи, этой прекрасной, загубленной австрійскимъ рабствомъ Италіи, потому что не позоръ ли это, что Славяне, которые сами борются за свою независимость, прилагаютъ свои руки, чтобы поработить благородный народъ, который не нанесъ имъ ни малѣйшаго оскорбленія, не сдѣлалъ имъ ни одной несправедливости? Вы должны повсюду отозвать славянскихъ солдатъ изъ австрійской службы, которая ихъ позоритъ, чтобы

ими не пользовались болѣе, какъ палачами, потому что это даетъ право и другимъ быть палачами по отношенію къ вамъ, вы должны съумѣть создать изъ нихъ чистыя славянскія сердца, войско для служенія революціи, войско, которое бы сражалось за свободу всѣхъ славянскихъ народовъ и Европы.

Вы не можете измѣнить своей внѣшней политики, пока не измѣните внутренней.

Не надо болѣе этой администраціи австрійскими чиновниками!

Не надо этихъ вождей, которые наполовину возбуждаютъ, наполовину успокаиваютъ народъ. Пусть погибнутъ эти злые люди, которые вѣчно говорятъ вамъ: агитируйте, но не слишкомъ, потому что опасно возбуждать народъ, можно достигнуть цѣли болѣе кроткими, парламентарными, дипломатическими средствами. Не вѣрьте этимъ людямъ. Освобожденіе нашихъ народовъ можетъ выйти только изъ одного бурнаго движенія ихъ. Духъ новаго времени говоритъ и дѣйствуетъ только среди бури. Наша славянская натура не такова, какъ у отжившаго старика, которому подходитъ только ослабленное и разжиженное, она не погибла и не испортилась, она проста и велика, и только прямота и цѣльность дѣйствуетъ на нее. Славяне должны быть огнемъ, чтобы творить чудеса. Агитируйте среди славянскихъ массъ безъ оглядки, безъ удержу! Зажигайте въ нихъ святой огонь. Идите апостолами пробуждающагося Славянства! Соединитесь, вы, славянскіе народы Австріи! Соединитесь всѣ вмѣстѣ и заключите между собою священный оборонительный и наступательный союзъ! Союзъ не подъ прикрытіемъ австрійской династіи, а союзъ противъ нея, союзъ для освобожденія отъ Австріи! Союзъ для основанія федераціи, которая скоро должна соединить между собою всѣ славянскіе народы. Будьте опять, какъ уже были однажды въ золотой Прагѣ, для насъ, для всѣхъ Славянъ сѣвера и Турціи, предвѣстниками, сверкающей грозовой тучей всѣхъ насъ освобождающей революціи.

Тогда воскреснетъ Славянство!

Михаилъ Бакунинъ.

(Переводъ Т. С. Ж.)

IV.

РУССКИМЪ, ПОЛЬСКИМЪ И ВСѢМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Статья подъ этимъ заглавіемъ была напечатана 15 Февр. 1862 г. при «Колоколѣ», а также отдѣльными листками, и въ 1888 г. перепечатана была въ Жевевѣ (M. Elpidine, Libraire-éditeur) и не составляетъ теперь рѣдкости, а потому мы можемъ ограничиться изложеніемъ ея содержанія, необходимымъ для характеристики движенія мыслей Бакунина.

Извѣщая друзей своихъ о своемъ побѣгѣ изъ Сибири, Бакунинъ заявляетъ готовность «положить вмѣстѣ съ ними всю остальную жизнь на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всѣхъ славянъ». Авторъ считаетъ время благопріятнымъ для дѣятельности: воскресеніе Италіи обѣщаетъ близкое разрушеніе «ненавистнаго зданія габсбурго-лотарингской монархіи», а за тѣмъ и «ея товарища по старости, страху и горю» — имперіи «турецкой». «Ожила Польша. Воскреснетъ теперь и Россія». Въ такое «великое время» Бакунинъ желаетъ работать на родинѣ, — потому что «плохо быть дѣятелемъ на чужой странѣ. Я это испыталъ, говоритъ онъ, въ революціонныхъ годахъ: ни во Франціи, ни въ Германіи я не могъ пустить корни.... Я долженъ ограничить свою прямую дѣятельность Россіею, Польшею, Славянами».

Въ Россіи Бакунинъ видитъ двѣ, другъ другу противуположныя партіи: партію реформъ и партію кореннаго переворота. Первая не понимаетъ, что «вся оффиціальная, Петромъ созданная Россія проникнута ложью». (Ср. Ив. Аксакова). «Народъ сброситъ ее», — но «распаденіе петровскаго государства не будетъ похоже на разрушеніе австрійской или турецкой имперіи, — потому что даже въ крайнемъ случаѣ «останется огромное великорусское племя въ 40 мильоновъ, племя бодрое, умное, широкоспособное, еле-еле тронутое, а потому и неистощенное исторіей. «Какъ бы нибыло тяжко положеніе (великорусскаго народа) внутри, онъ все таки дорожилъ единствомъ, величіемъ, силами Россіи и готовъ былъ на всѣ жертвы. Такимъ способомъ обра-

зовался въ великорусскомъ народѣ государственный смыслъ и націонализмъ безъ фразъ, а на дѣлѣ. Такимъ образомъ онъ одинъ успѣлъ между славянскими племенами, одинъ удержался въ Европѣ и далъ себя почувствовать всѣмъ, какъ сила». Въ это же время этотъ народъ отстаивалъ свою самобытность и противъ государства: расколомъ.

Теперь «времена приближаются», какъ говорятъ раскольники. Освобожденія ждетъ народъ отъ царя, и горе царю, горе дворянамъ, монополистамъ, офицерамъ, чиновникамъ, казеннымъ попамъ, всей казенной Россіи, если народу не дастся теперь полная свобода съ полнымъ обладаніемъ землею.... «Нѣмецкія подставы петровскаго государста сгнили... ... Старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится вся казенная Россія: дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь или въ старомъ николаевскомъ смыслѣ: народность, самодержавіе и православіе, — всѣ эти выродки чудовищнаго сочетанія татарскаго варварства съ нѣмецкою политическою наукою, обречены на несомнѣнную и скорую гибель. Что же остается живымъ? — Одинъ только народъ».

Бакунинъ старается доказать ничтожество всѣхъ расчетовъ правительства. Сначала оно думало опереться на чиновниковъ, противъ дворянъ, а теперь «пожалуй дадутъ дворянскую конституцію». Но чиновничество и дворянство — одно и тоже и одинаково ненавистны народу. Дворянство это «пойметъ, когда блеснетъ топоръ»... «И такъ да здравствуетъ крестьянская Россія!»

Кромѣ крестьянъ Бакунинъ признаетъ въ Россіи силой только «общество всѣхъ людей живой мысли и доброй воли, соединенныхъ безграничною любовью къ свободѣ, вѣрою въ русскій народъ, въ будущность славянскаго племени». Эта сила «состоитъ изъ безчисленнаго множества лицъ всѣхъ сословій,... оторвавшагося отъ сословій и отъ всѣхъ признанныхъ положеній въ Россіи, (изъ людей) ненавидящихъ настоящее, готовыхъ отдать жизнь свою за будущее, живущихъ такъ сказать на воздухѣ, бездомная, странствующая церковь свободы».... Къ этимъ людямъ и обращается Бакунинъ и спрашиваетъ: «что мы должны дѣлать?»

«Мнѣ кажется, отвѣчаетъ Бакунинъ, что мы должны во первыхъ, оставаясь посторонними зрителями всего, что дѣ-

лается и пробуется нынѣ въ оффиціальномъ и дворянскомъ мірѣ, всѣхъ этихъ конституціонныхъ и полуконституціонныхъ попытокъ, которыя разумѣется кончатся ничѣмъ, и можетъ быть ускорятъ неминуемый разгромъ имперіи народною силою, — мы должны крѣпко между собою соединиться, дабы образовать народную партію и силу сознательную, цѣлесообразную, дѣйствительную, внѣ и противъ оффиціальной силы. Должны организоваться въ кружки... собирать деньги...

Во вторыхъ, мы должны громко и ясно выговорить цѣль общества. Но можетъ ли быть у насъ иная цѣль и другое желаніе, кромѣ пришествія народнаго царства. Мы любимъ только народъ, вѣримъ только въ народъ и хотимъ только того, чего хочетъ народъ. Но что нужно народу? Повторяю съ «Колоколомъ»: «Земля и Воля»... не часть земли, но вся русская земля... съ выкупомъ или безъ выкупа, — все равно... Народу нужна свобода, но не выкроенная по узкой мѣркѣ нашихъ доктринеровъ ученыхъ и бюрократовъ. Ему нужна вся свобода, и прежде всего безъизъятная и безконтрольная свобода движенія.... такъ какъ въ русскомъ мірѣ останутся только два сословія: горожанинъ и селянинъ, — даже и не сословія, а только различія, и различія не окаменѣлыя, какъ на Западѣ, но переливающіяся другъ въ друга....

«Ему нужна полная и безграничная свобода вѣры и слова, свобода торговли и промысла, и наконецъ свобода собираться публично для политическихъ и неполитическихъ цѣлей. Однимъ словомъ, ему нужны всѣ свободы, всѣ разновидныя проявленія одной свободы. А для того, чтобъ свобода стала для него дѣйствительностью, ему нужно Самоуправленіе, устройство котораго дай богъ чтобъ произошло не по велѣнію диктатора, и не по рѣшенію верховнаго парламента, точно никогда не выражающаго волю народную; не сверху къ низу, какъ это дѣлалось по сію пору въ Европѣ; но органически, снизу въ верхъ, чрезъ вольное соглашеніе самостоятельныхъ обществъ въ одно цѣлое, начиная отъ общины, — соціальной и политической единицы, краеугольнаго камня всего русскаго міра, — до областнаго, государственнаго, пожалуй до федеральнаго обще-славянскаго управленія...

«Но боже избави насъ отъ одной ошибки: не будемъ доктри

нерами, не станемъ сочинять конституцій и напередъ предписывать законы народу. Вспомнимъ, что наше призваніе иное; что мы не учители, а только предтечи народа; что мы должны разчистить передъ нимъ дорогу, и что наше дѣло по преимуществу не теоретическое, а практическое.

«Мы должны въ третьихъ подать братскую руку всѣмъ Славянамъ, но прежде всего и во что бы то ни стало, нашимъ оскорбленнымъ братьямъ Полякамъ».

Бакунинъ далѣе говоритъ относительно много о польскомъ вопросѣ и между прочимъ о границахъ Польши. По этому поводу онъ говоритъ: «Поляки требуютъ можетъ быть слишкомъ много. Они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявятъ историческія притязанія на Литву, Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украйну, включая Кіевъ... Я думаю, что поляки дѣлаютъ большую ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ». Бакунинъ предлагаетъ предоставить самимъ народамъ названныхъ провинцій рѣшить вопросъ, — хотятъ ли они «слиться съ Польшею, или Россіей, быть ли самостоятельными членами Польской или Русской или общеславянской федераціи». Русскимъ, или собственно великоруссамъ онъ предлагаетъ во всякомъ случаѣ заботиться объ очищеніи народной Россіи отъ чужого ей оффиціальнаго міра: «Отошлемъ своихъ татаръ въ Азію, своихъ нѣмцевъ въ Германію, будемъ свободнымъ, чисто русскимъ народомъ»...

Тогда, надѣется Бакунинъ, и хлопская Польша, которая одна теперь возможна, потянетъ къ хлопской Россіи, и Россія станетъ нужна славянамъ и самимъ полякамъ. «Они сами позовутъ насъ на помощь, когда пробьетъ часъ общеславянской борьбы, когда нужно будетъ отстаивать славянскія земли въ западной Пруссіи, въ Познани, въ Шлезіи, въ Буковинѣ, въ Галиціи, въ Велико Чешской Землѣ, во всей Австріи и въ цѣлой Турціи».

Подъ конецъ Бакунинъ опять обращается къ полякамъ, съ предложеніемъ союза для предстоящей въ Россіи борьбы. Въ слѣдующей половинѣ статьи онъ обѣщаетъ поговорить «съ братьями Австрійскими и Турецкими Славянами», — но эта половина не появилась, хотя подъ первою было напечатано: «продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ».

V.

НАРОДНОЕ ДѢЛО *).

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. Бакунина.

Лондонъ. Trübner und C°., Paternoster row, E. C. 1862.

Времена — что ни день — становятся серьезнѣе. Наступила и для русскихъ пора дѣла. Замолкъ праздный шумъ упоенной собою литературы. Подъ гнетомъ современныхъ и еще болѣе грозныхъ будущихъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ и предвидимыхъ всѣми, люди наименѣе серьезные, наиболѣе развращенные болтовнею литературною, призадумались. — Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго раззоренія. Всякій долженъ теперь размыслить серьезно и свои политическія вѣрованія и свое положеніе, а размысливъ рѣшиться: куда, къ чему, съ кѣмъ и за кѣмъ идти?

Теперь только наступаетъ въ Россіи время дѣйствительнаго образованія и развитія партій. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ очень много людей не знали еще сами, къ какому они принадлежатъ лагерю. Было, правда, много ученыхъ раздѣленій и подраздѣленій въ теоріи, но на практикѣ они не разъединяли людей, потому что не было ясно опредѣленной практической цѣли. Болтливо-шумною толпою стремились всѣ впередъ, на свободу, иные по убѣжденію, другіе по инстинкту, третьи по модѣ, а наконецъ остальные изъ страха, и казалось, что въ этой толпѣ все единомышленники и братья. Но вотъ засвѣтилось первое, слабое зарево тѣхъ пожаровъ, которыми грозитъ, можетъ быть, кровавая русская революція, и замолкъ гулъ праздной толпы. Она пріутихла. — Пожары были совершенно случайны; такіе пожары — обыкновенное, почти періодическое явленіе въ Рос-

*) Дошло до моего слуха, что мнѣ приписываютъ какія-то прокламаціи, недавно появившіяся въ Россіи. Считаю нужнымъ объявить, что кромѣ одной статьи въ «Колоколѣ» я ничего не печаталъ и не писалъ. (Прим. М. Б.)

сіи. Но возбужденныя политическія страсти, а главное подлый страхъ, скрывающійся нерѣдко за нашимъ шумливымъ геройствомъ, придали нынѣ петербургскимъ пожарамъ другое значеніе. Правительство первое дало примѣръ. Оно нашло полезнымъ обвинить въ поджогѣ передовую молодежь и распространить эту клевету между народомъ, дабы возбудить его противъ студентовъ. Въ прежнее время никто изъ литераторствующей, порядочной публики не смѣлъ бы присоединить своего голоса къ клеветливому воплю изъ-ума-вонъ испуганной власти. Того-бы не потерпѣло общественное мнѣніе, которое даже при самомъ Николаѣ умѣло клеймить продажную литературу и литераторовъ третьяго отдѣленія. Теперь имъ лафа. Пользуясь общимъ испугомъ публики, непривыкшей еще къ общественнымъ потрясеніямъ, знакомой только съ болтовней, а не съ дѣломъ, они смѣло подняли свое знамя. А для того чтобъ не испугать слабыхъ людей излишнею откровенностью, они написали на немъ слово «Прогрессъ», искусно прикрывая клевету и доносъ недорогими либеральными фразами. И нѣтъ сомнѣнія, что они пріобрѣтутъ на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Николаевскій періодъ развилъ въ Россіи очень много дряблыхъ душъ, безъ страсти въ сердцѣ, безъ живой мысли въ головѣ, но съ великолѣпными фразами на языкѣ. Этимъ людямъ въ послѣднее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дѣло доходитъ до дѣлъ, до жертвы... Ихъ много и они всѣ пойдутъ подъ доктринерское знамя, подъ сѣнь благодушащаго правительства. Благо, отступленіе открыто и для измѣны есть благовидный предлогъ, а для прикрытія ея великодушная фраза: «мы стоимъ за цивилизацію противъ варварства», то есть за нѣмцевъ противъ русскаго народа.... Чтожъ, съ Богомъ, идите! Намъ остается пожелать вамъ добраго пути, да успѣховъ на новомъ поприщѣ. Только смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: случалось не рѣдко, что тѣ зданія, подъ которыми люди скрывались отъ бури, бывали первыя поражены громомъ.

Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слабонервныхъ, мы стали сильнѣе. Намъ нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы народному дѣлу, и на которыхъ потому можно было бы расчитывать, ибо

теперь наша партія окончательно стала партіею дѣла. А наше дѣло — служить революціи.

Многіе еще разсуждаютъ о томъ, будетъ ли въ Россіи революція или не будетъ? не замѣчая того, что въ Россіи уже теперь революція. Она началась послѣдовательно, широко проникла во всѣ составы умирающаго отъ дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни; она царитъ во всѣхъ, вездѣ и во всемъ, дѣйствуетъ руками правительства еще успѣшнѣе даже, чѣмъ усиліями своихъ приверженцевъ, и не успокоится, не остановится до тѣхъ поръ, пока не переродитъ русскаго міра, пока не воздвигнетъ и не создастъ новаго славянскаго міра..

Династія явно губитъ себя. Она ищетъ спасенія въ прекращеніи, а не въ поощреніи проснувшейся народной жизни, которая, еслибъ была понята, могла бы поднять царскій домъ на невѣдомую доселѣ высоту могущества и славы. Но гдѣ высота, тамъ и бездна, и непонятая, оскорбленная, разъяренная смѣшными попытками пигмеевъ удержать ея непреклонно-логическое теченіе, таже народная жизнь можетъ сбросить его, со всѣми его нѣмецкими совѣтниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, въ бездонную пропасть... А жаль!

Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью: свободою, благоденствіемъ своего народа.. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра. Для этого не нужно было ни генія, ни даже той макіавелистической науки, которою такъ искусно и такъ усиленно держатся другіе. Нужно было только широкое, въ благодушіи и въ правдѣ крѣпкое русское сердце. Вся русская, да вся славянская живая дѣятельность просилась ему въ руки, готовая служить пьедесталомъ для его историческаго величія. Самое царствованіе отца, гибельное для Россіи и для Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, должно было служить ему наукою и вмѣстѣ отрицательною рекомендаціею въ глазахъ народовъ. Николай душилъ Польшу; Александръ долженъ былъ освободить Польшу со всѣмъ, что хочетъ быть Польшей. Онъ долженъ былъ сдѣлать это

и по справедливости, и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестья, и для того чтобъ, освободившись разъ на всегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ. Николай довелъ до крайняго безумія систему петровскую, систему отрицанія и придушенія народа во имя нѣмецкаго государства; онъ до того напрягъ искусственныя силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убивъ его самого. Александръ долженъ бы былъ почувствовать, что безобразное зданіе, стоившее милліоновъ человѣческихъ жертвъ, потоковъ и своей и чужой крови, держаться долѣе не можетъ, и что никакихъ силъ не достанетъ удержать его отъ конечнаго паденія. На развалинахъ петровскаго государства можетъ существовать только Россія Земская, живой народъ. Для народа нужно было расчистить мѣсто.

Казалось сначала, что Александръ II понималъ свое назначеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Россіи, потому что въ Польшѣ онъ съ перваго раза тремя словами испортилъ все свое положеніе. И сколько преступленій, сколько несчастій, сколько безчестія для насъ и кровавыхъ жертвъ для поляковъ вытекло изъ этихъ трехъ словъ: « Point de réveries! » Теперь всякій можетъ рѣшить, кто безумно, преступно мечталъ: Поляки или Александръ Николаевичъ?

Его начало въ Россіи было великолѣпно. Онъ объявилъ свободу народу, свободу и новую жизнь послѣ тысячелѣтняго рабства. Казалось, онъ хотѣлъ земской Россіи, потому что въ государствѣ петровскомъ свободный народъ не мыслимъ. 19 Февраля 1861 года, не смотря на всѣ промахи, недостатки, уродливыя противорѣчія и неменѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда либо царствовалъ въ Россіи. Но онъ такъ мало понималъ это, такъ мало зналъ, чувствовалъ душу народную, онъ до такой степени нѣмецъ, что въ этотъ самый день, торжественнѣйшій изъ торжественныхъ дней въ русской исторіи, онъ прятался въ своемъ дворцѣ и окружалъ себя караулами, боясь народнаго бунта. Видно — совѣсть была не чиста, видно — онъ замышлялъ не доброе, видно — онъ не хотѣлъ настоящей свободы народу, который вѣрилъ, да и все еще вѣритъ въ него до безумія.

И въ самомъ дѣлѣ не была чиста совѣсть. Александръ II и не мыслилъ о свободѣ народа. Она была бы противна всѣмъ инстинктамъ его. Нѣмецъ никогда не пойметъ и не полюбитъ земской Россіи; и въ то самое время, какъ русскій народъ ждалъ отъ него новой жизни, онъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими думалъ только о томъ, какъ бы укрѣпить, возстановить и если можно расширить двухвѣковую причину русской безжизненности, народоненавистное тюремное зданіе петровскаго государства. Задумавъ гибельное, невозможное, онъ губитъ себя и свой домъ, и готовъ ввергнуть Россію въ кровавую революцію. Генія Петра Великаго не достало бы теперь на такое дѣло, а онъ предпринялъ его.

Отсутствіемъ русскаго смысла и народолюбиваго сердца въ царѣ, безумнымъ стремленіемъ удержать во что бы ни стало петровское государство, объясняются вполнѣ и всѣ противорѣчія указа объ освобожденіи и столь же раззорительная, сколь и опасная нелѣпость переходнаго состоянія, и безчеловѣчно глупое стрѣляніе по невиннымъ крестьянамъ въ разныхъ губерніяхъ, и объявленіе царя народу, что не будетъ ему другой воли, и студенческія исторіи, и заключеніе въ крѣпость тверскихъ дворянъ, и упорное желаніе правительства сохранить сословіе дворянское на перекоръ волѣ самого дворянства, и теперешній терроризмъ, и наконецъ послѣднее слово: Липранди! Липранди, убитый общимъ презрѣніемъ, воскресъ. Онъ зовется на помощь — онъ будетъ спасать Россію!... Жребій брошенъ. Для Александра II, кажется, нѣтъ болѣе возврата на другую дорогу. Не мы, онъ главный революціонеръ въ Россіи, и да падетъ на его голову кровь, которая прольется!

А онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, не проливъ капли крови. Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаяваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобъ было поздно, а потому, что мы отчаялись наконецъ въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могуществу на добро и на

славу Россіи не было бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный.

Народу нужна земля — отдайте ему всю землю. А чтобъ не раззорить собственниковъ мнимымъ выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а цѣлымъ государствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій... Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ подъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да раззоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ, на равнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправленіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданныя вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти же отъ страха. Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. Только во Франціи присоединяется къ этому страсть бюрократическая; въ Россіи ея нѣтъ. Чиновникъ противенъ народу, а бюрократическая централизація необходимымъ насиліемъ своимъ только отталкиваетъ его отъ единства; и только тогда воцарится дѣйствительная, вольная цѣлость въ русской землѣ, когда чиновническое управленіе замѣнится въ ней самоуправленіемъ народнымъ. Единство земли русской, находившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ теперь еще другого представительства: Всенароднаго Земскаго Собора.

Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего Земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи.

Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что̀ чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ, — и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете — можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? И такъ не въ томъ вопросъ, будетъ ли или не будетъ революція, а въ томъ: будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый? Онъ будетъ мирный и благодатный, если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ, приступитъ широко и рѣшительно къ коренному преобразованію Россіи въ духѣ свободы и земства. Ну, а если ослѣпленный царь задумаетъ идти вспять, или остановится на полумѣрахъ, или станетъ искать спасенія въ Липранди, — исходъ будетъ ужасный. Тогда революція приметъ характеръ безпощадной рѣзни, не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія всенароднаго. На Александрѣ Николаевичѣ лежитъ теперь отвѣтственность страшная. Онъ можетъ еще спасти Россію отъ конечнаго раззоренія, отъ крови. Сдѣлаетъ ли онъ? Захочетъ ли онъ?

Безъ Собора Земскаго онъ не сдѣлаетъ ничего. Только Земскій Соборъ способенъ умиротворить Россію, возстановить кредитъ публичный и частный, устроить и обезпечить выкупъ земли и возвратить потрясенному обществу спокойствіе и вѣру. А самодержавіе! скажете вы. — Да развѣ оно дѣйствительно существуетъ? Это капризъ, вчера Панина, сегодня Головнина, завтра Липранди. Это безконтрольное право на зло, немощь на добро, — право быть пассивнымъ и далеко не почетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ, — право чуждаться Россіи, не знать ее, мутить ее, — право ввергнуть ее въ кровавую революцію.

Ну, а если Земскій Соборъ будетъ враждебенъ царю? — Да, возможно ли это! Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ еще безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откудажъ взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибъ царь созвалъ теперь Земскій Соборъ, онъ впервые увидѣлъ бы себя

окруженнымъ людьмя, дѣйствительно ему преданными. Продолжись безурядица еще нѣсколько лѣтъ, расположеніе народа можетъ перемѣниться. Въ наше время быстро живется. Но теперь народъ за царя и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ офиціальной Россіи, всѣ — кромѣ царя. Кто жъ станетъ говорить ему противъ царя? А если бъ кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества?

Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь. Вотъ гдѣ опасность и, можетъ быть, главная причина того паническаго страха, который ощущаютъ въ Петербургѣ при одномъ словѣ: «Земскій Соборъ». И въ самомъ дѣлѣ, послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицемъ къ лицу съ своимъ царемъ. Минута рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Какъ понравятся они другъ другу? Отъ этой встрѣчи будетъ зависѣть вся будущность и царей и Россіи.

Двѣсти лѣтъ стоналъ русскій народъ подъ гнетомъ Московско-Петербургскаго государства и переносилъ такія тягости, такія терзанія, такія мытарства, какихъ иноземецъ себѣ представить не можетъ. Прямою причиною всѣхъ бѣдствій его были цари. Они, позабывъ клятву своего родоначальника, народнаго избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацію и окрестили ее въ народной крови. Они образовали народу противныя касты, и духовную и чиновно-дворянскую, какъ орудія для губительнаго самовластія, и отдали имъ народъ, однимъ въ духовное, другимъ въ тѣлесное рабство. Ихъ силою, волею, ихъ прямымъ покровительствомъ держались единственно и буйный произволъ полудикаго дворянина и притѣснительное варварство чиновниковъ. Цари, до самой послѣдней минуты, смотрѣли на русскій народъ съ презрѣніемъ горшечника къ глинѣ, какъ на бездушный матерьялъ, обязанный принять по ихъ произволу любую форму. Въ концѣ царствованія Николая, одинъ генералъ изъ нѣмцевъ говорилъ полковнику командиру образцоваго полка, принявшему партію несчастныхъ мужиковъ-рекрутъ: «Вы мнѣ хоть половину изъ нихъ

убейте, но чтобъ другая за то была вымуштрована на славу». И что̀ нѣмецъ осмѣлился высказать громко, другіе дѣлали втихомолку. Жизнь простого человѣка, крестьянина, мѣщанина, была нипочемъ. Система царская истребила такимъ образомъ въ продолженіи какихъ нибудь двухсотъ лѣтъ далеко болѣе милліона человѣческихъ жертвъ, — такъ, безъ всякой нужды, просто вслѣдствіе какого то скотскаго пренебреженія къ человѣческому праву и къ человѣческой жизни. И въ то время, когда дикое, раззоренное въ пухъ дворянство сорило народными деньгами, не менѣе блудные, не менѣе дикіе и безъ сомнѣнія болѣе виновные цари наши сорили людьми.

Но фактъ замѣчательный! Русскій народъ, хотя и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно, и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю. Есть, правда, секты въ расколѣ, переставшія за него молиться; есть другія тайно ненавидящія царскую власть. Но это отрицаніе, хоть выработавшееся въ средѣ народа, далеко не выражаетъ народное большинство, которое еще крѣпко держится своей вѣры въ царя. Здѣсь не мѣсто углубляться въ причины этого факта многозначительнаго, несомнѣннаго, а для насъ особенно важнаго, потому что, рады ли мы ему или нѣтъ, онъ обусловливаетъ непремѣнно и наше положеніе и нашу дѣятельность. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить его тѣмъ, что народъ почитаетъ въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли. И думаю, что я не ошибся. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможно, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной богъ — царь, лицо впрочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣческій образъ и заключающее въ себѣ самую злую иронію противъ царей дѣйствительныхъ. Царь — идеалъ русскаго народа, это родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все что

нужно ему — и волю и землю. Да онъ самъ бѣдный — въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ, и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора золотой воли! Вотъ кажется, смыслъ народной вѣры въ царя. Вотъ чего онъ ждетъ отъ него въ Февралѣ или въ Мартѣ 1863 г. Вѣдь онъ, болѣе двухсотъ лѣтъ, проведенныхъ въ неизъяснимыхъ мукахъ, ждетъ слова царскаго и воскресенія; и теперь, когда всѣ надежды, всѣ ожиданія его оживились предварительнымъ обѣщаніемъ царя, согласится ли онъ ожидать еще долѣе? — Не думаю.

Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу.... И вотъ народъ пошлетъ своихъ выборныхъ къ царю-избавителю. Довѣрію и преданности посланцовъ народныхъ къ царю не будетъ предѣловъ, — и, опираясь на нихъ, встрѣтивъ ихъ съ равною вѣрою и любовью, и рѣшившись дать добровольно народу то, чего нынѣ нельзя уже болѣе удержать отъ него, царь могъ бы поставить свой тронъ такъ высоко и такъ крѣпко, какъ онъ еще никогда не стоялъ. Но что, если вмѣсто царя избавителя, царя земскаго, народные посланцы встрѣтятъ въ немъ петербургскаго императора въ прусскомъ мундирѣ, тѣсносердечнаго нѣмца, окруженнаго синклитомъ такихъ же нѣмцевъ? Что, если вмѣсто ожидаемой свободы, царь не дастъ ему ничего, или почти ничего, и захочетъ отдѣлаться отъ народа словами да полумѣрами? Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мѣрѣ императорскому петербургскому, нѣмецкому, гольштейнъ-готорнскому! Вѣдь привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворенія себѣ на землѣ. Въ общемъ чувствѣ народномъ обѣтованный часъ исполненія, кажется, насталъ, и народъ не дастъ ему пройти даромъ. Тогда опять кровавая революція.

Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить на-

родъ по волѣ его, чего бы не могъ онъ сдѣлать съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, и вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, Земскій Соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума; потому что воля и нужды народа — ясны, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи, — и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

Есть ли надежда, что такой союзъ состоится? Мы скажемъ прямо, что нѣтъ. Не смотря на несомнѣнную преданность народа къ царю, царь видимымъ образомъ боится его. Боится потому, что не любитъ его, потому что не хочетъ поступиться передъ нимъ своею нѣмецкою важностью, своимъ мелкимъ императорскимъ произволомъ, и потому что чувствуетъ вѣроятно, что съ этимъ народомъ шутить нельзя. Но можетъ быть, онъ рѣшился бы еще довѣриться народу въ надеждѣ на его слѣпую привязанность, еслибъ онъ не боялся пуще всего вліянія передовой революціонной молодежи. Страхъ въ настоящее время еще совершенно напрасный! Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ, и пошелъ бы безъ сомнѣнія противъ насъ, за царя, потому что и его онъ также не знаетъ... И такъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ свободнымъ отъ нашихъ вліяній, сзывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ наконецъ дорогу къ

народу и чрезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша.

И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ большое несчастіе; — несчастіе потому, что молодежь уже сама по себѣ составляетъ и право и силу, особенно когда, не заключаясь въ себѣ, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной. Для такой молодежи нѣтъ непреоборимыхъ препятствій. Народъ, самъ молодой и самъ страстный, рано или поздно призоветъ ее Почемужъ она противъ васъ? Недавно умершій предводитель демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Дугласъ, во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ, сказалъ одному изъ своихъ друзей: «наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ!» — Глубокое слово! Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды... Съ нею бѣда. Она можетъ ошибаться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ, — въ чувствѣ она ошибается рѣдко. А чувство нашей молодежи, всею энергіею своею, отталкиваетъ ее отъ васъ. Вы, господа доктринеры всякого рода, ее ненавидите, какъ вообще не любятъ ея школьные учители, которые чувствуютъ, что она въ правѣ надъ ними смѣяться. Она бѣжитъ васъ, потому что пахнетъ отъ васъ фарисейскимъ педантствомъ, ложью и смертью; а ей прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она отъ царя, почему объявила себя противъ того, кто первый объявилъ свободу народу?

Никто на посмѣетъ упрекать ее въ эгоизмѣ. Она рукоплескала освобожденію крестьянъ и готова теперь отдать все, начиная съ себя, для того только, чтобъ русскій народъ былъ свободенъ. Не увлеклась ли она отвлеченными революціонными идеалами и громкимъ словомъ «республика»? Отчасти, пожалуй, и такъ. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимаетъ, что западныя абстракціи, консервативныя ли, либерально буржуазныя, или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы; — что оно — безъ сомнѣнія — и демократическое и въ высшей степени соціальное, но что оно разви-

вается вмѣстѣ съ тѣмъ при условіяхъ, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя же движенія на Западѣ. И первое изъ условій — то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привиллегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена Декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежь понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ. Но этотъ народъ выступаетъ на сцену не какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ всякій по произволу можетъ записать свои любимыя мысли. Нѣтъ, листъ этотъ ужъ частью исписанъ и хоть осталось на немъ еще много, много бѣлаго мѣста, допишетъ его самъ народъ. Никому онъ не можетъ поручить этого дѣла, потому что никто въ образованномъ русскомъ мірѣ не жилъ еще его жизнью. Русскій народъ движется не по отвлеченнымъ принципамъ, онъ не читаетъ ни иностранныхъ, ни русскихъ книгъ, онъ чуждъ западнымъ идеаламъ, и всѣ попытки доктринаризма консервативнаго, либеральнаго даже революціоннаго, подчинить его своему направленію будутъ напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступится онъ отъ своей жизни. А жилъ онъ много, потому что страдалъ много. Не смотря на страшное давленіе императорской системы, даже въ продолженіе этого двухвѣковаго нѣмецкаго отрицанія, онъ имѣлъ свою внутреннюю живую исторію. У него выработались свои идеалы, и составляетъ онъ въ настоящее время могучій, своеобразный, крѣпко въ себѣ заключенный и сплоченный міръ, дышащій весеннею свѣжестью — и чувствуется въ немъ стремительное движеніе впередъ. Наступило, кажется, его время; онъ просится наружу, на свѣтъ, хочетъ сказать свое слово и начать свое явное дѣло. Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что, свободный отъ закоренѣлыхъ и на Западѣ въ законъ обратившихся предразсудковъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ, онъ въ исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную: и новую вѣру, и новое право, и новую жизнь.

Передъ этимъ великимъ, серьезнымъ и даже грознымъ

лицомъ народа нельзя дурачиться. Молодежь оставитъ смѣшную и противную роль непрошенныхъ школьныхъ учителей мертвецамъ московской и с.петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоитъ подвигъ другой, не учительскій, а очистительный, подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ. Вѣдь она почти вся, по своему происхожденію, образованію, по привычкамъ жизни и мысли, наконецъ по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ своимъ, стоитъ внѣ народа, принадлежа къ тому привиллегированному оффиціальному міру, который народъ не безъ причины ненавидитъ, видя въ немъ главный источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Стремленія ея чисты и благородны; она сама ненавидитъ исключительность своего положенія и готова жертвовать всѣмъ народу, лишь бы только онъ принялъ ее въ свое общеніе. Но народъ не знаетъ ея, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной отъ его жизни, принимаетъ ее за врага. Гдѣжъ тутъ учительствовать! Развѣ безъ вѣры и доброй воли учащагося ученіе возможно? Да наконецъ чему мы станемъ учить? Вѣдь если оставимъ естественныя и математическія науки въ сторонѣ, послѣднимъ словомъ всей нашей премудрости будетъ отрицаніе такъ называемыхъ непреложныхъ истинъ западнаго ученія, полное отрицаніе Запада. Но народъ нашъ Западомъ никогда не увлекался; потому ему и до отрицанія его нѣтъ никакого дѣла. А главное то, что со всею своею наукою, мы безконечно бѣднѣе народа. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю — неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего; онъ никакихъ книгъ кромѣ немногихъ своихъ еще не читаетъ. Но за то въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность; — онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла, ни поля для дѣла. И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. И такъ народъ можетъ и безъ насъ обойтись, мы безъ него не можемъ.

Безъ сомнѣнія, слившись съ народомъ, принятые народомъ, мы можемъ принести ему много пользы. Да, мы принесемъ ему громадный опытъ неудавшейся западной жизни, которую мы вмѣстѣ съ Западомъ пережили, способность обобщенія и точнаго опредѣленія фактовъ, ясность сознанія. Знакомые

съ исторіею и наученные чужимъ опытомъ, мы можемъ предохранить его отъ обмана и помочь ему высказать его волю. — Вотъ и все. Мы принесемъ ему формы для жизни, онъ дастъ намъ жизнь. Кто дастъ больше? Разумѣется народъ, а не мы.

Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ, не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти. Сближеніе это необходимо, но оно трудно, потому что требуетъ съ нашей стороны совершеннаго перерожденія, не только внѣшняго, но и внутренняго. Борода, русское платье, жесткія руки, грубая рѣчь не составляютъ еще русскаго человѣка. Нужно, чтобъ умъ нашъ выучился понимать умъ народа, и чтобъ наши сердца пріучились бить въ одинъ тактъ съ его великимъ, но для насъ еще темнымъ сердцемъ. Мы должны видѣть въ немъ не средство, а цѣль; не смотрѣть на него какъ на матеріялъ революціи по нашимъ идеямъ, какъ на «мясо освобожденія», напротивъ смотрѣть на себя, если онъ на то согласится, какъ на слугъ его дѣла. Однимъ словомъ мы должны полюбить его пуще себя, дабы онъ насъ полюбилъ, дабы онъ намъ свое дѣло повѣрилъ.

Любить страстно, отдаваться всею душею, побѣждать громадныя трудности и препятствія, силою любви и жертвы побѣдить ожесточенное сердце народное, дѣло молодости. Вотъ гдѣ ея назначеніе! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его дѣлу. Ну, тогда народъ признаетъ ее.

Прокламація «Молодая Россія» доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мановенію царя. Что же, — мученичество? Да вѣдь мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло. Редакторовъ «Молодой Россіи» я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во первыхъ, въ безумномъ и въ истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во вторыхъ въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобож-

денія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они, видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствію, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время, какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе «Молодой Россіи» причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ дисциплины, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды.

По прокламаціи редакторовъ «Молодой Россіи не можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ «общемъ собраніи» и о «комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціоннаго общества». Но вѣдь это было сказано зря, для пущей важности, и для того чтобъ доставить лишнее впечатлѣніе черезъ чуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью торжество народнаго дѣла. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавши великое дѣло, не измѣнилъ впослѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала.

И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа; не остановили бы ея никакіе западно-революціонные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она. И сколько молодой и благородной энергіи, столько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла — умиротворенія и возсозданія Россіи.

Россія спокойно и твердо пошла бы широкимъ путемъ свободнаго развитія и, укрѣпившись внутри, возстановила бы скоро свое утраченное внѣшнее обаяніе. Величіе Россіи русскому народу такъ дорого, что онъ никогда отъ него

не откажется. Онъ принесъ ему столько жертвъ!... Но понятно, что оно должно быть нынѣ воздвигнуто на иныхъ основаніяхъ. Богъ съ нимъ съ величьемъ петровскимъ, екатерининскимъ, николаевскимъ, обрекшимъ русскій народъ на постыдную роль палача и вмѣстѣ раба-мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь базславіе, заслужили ненависть и проклятія истерзанныхъ нами народовъ, и кончили пораженіемъ и постыднымъ безсильемъ. Слава богу! наша двухвѣковая тюрьма, петровское государство, наконецъ рушится. Никакая сила не возстановитъ его. Мы же сами подтолкнемъ его въ пропасть, и воля намъ! воля героической Польшѣ! воля Бѣлоруссіи, Литвѣ, Украйнѣ. Пусть будетъ Польшею все, что хочетъ быть Польшею. Воля Финляндіи! воля Чухонцамъ и Латышамъ въ Остзейскихъ провинціяхъ! А нѣмцамъ пора въ Германію.

Еслибъ царь понялъ, что онъ отнынѣ долженъ быть не главою насильственной централизаціи, а главою свободной федераціи вольныхъ народовъ, то опираясь на плотную возрожденную силу, въ союзѣ съ Польшею и Украйною, разорвавъ всѣ ненавистные союзы нѣмецкіе, поднявъ смѣло всеславянское знамя, онъ сталъ бы избавителемъ Славянскаго міра!

Мечта! скажутъ мнѣ; да, разумѣется, мечта. Но мечта только потому, что въ Петербургѣ нѣтъ ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь нашъ, въ противность царю Давиду, ищетъ всегда короны, а находитъ корову. И еще повторимъ: ни одному царю не было дано такъ много, и ни съ одного такъ много не спросится.

На Петербургъ надежды нѣтъ. Царь избралъ себѣ путь, гибельный для него, гибельный для Россіи. Какъ безнадежный больной онъ окружилъ себя шарлатанами, — настало время для нашихъ Некеровъ и Калонновъ. Настоящее министерство — jeune, intelligent et fort, и подражая дружественному нынѣ правительству, хочетъ надуть Россію формами безъ содержанія; съ свободою на языкѣ оно намѣрено продолжать дѣло блуднаго произвола. Но забываютъ они только одно, что обманъ, возможный въ странѣ истощенной политическими борьбами, невозможенъ у насъ, потому что у насъ жизнь только вчера началась, страсти въ приливѣ, а не въ отливѣ, и наша трагедія еще впереди... Какъ ни

умны министры, но Александръ Николаевичъ не довѣряется имъ вполнѣ. на помощь имъ онъ позвалъ знаменитаго доктора Липранди, который лѣчитъ средствами героическими и безъ сомнѣнія скорѣе доведетъ до трагедіи. Большое утѣшеніе правительственнаго Петербурга теперь — это народъ и привязанность народа къ царю. Народомъ грозятъ они революціонной молодежи. «Стоитъ только царю махнуть рукою, и студентовъ не будетъ». Да, безъ сомнѣнія не будетъ; да на другой день и дворянства въ цѣлой Россіи не будетъ, а съ дворянствомъ ляжетъ подъ топоромъ все чиновничество; вы сами голубчики пропадете. Ну-ка попробуйте махнуть то рукой! И останутся народъ да царь. Да что станетъ этотъ царь съ этимъ народомъ дѣлать? Вѣдь царь то нашъ бюрократическій, дворянскій, а не земскій. Онъ самъ утонетъ въ дворянской крови, чтобъ уступить мѣсто какому нибудь Пугачову! Не попробовать ли лучше николаевскихъ средствъ: кнута, висѣлицы, да Сибири? Средства хорошія. Но врядъ ли они вамъ нынѣ помогутъ. Вѣдь страхъ убитъ въ Россіи. Нынѣ пойдутъ на лобное мѣсто, смѣясь надъ вами. Да и самымъ трусамъ нѣтъ никакого расчета пятиться передъ вашимъ страхомъ. Въ Россіи есть теперь страхъ, пострашнѣе, — страхъ народнаго воздаянія. А если придется выбирать между топоромъ или висѣлицею, такъ разумѣется, лучше пасть съ сознаніемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою роковаго недоразумѣнія народнаго.

У васъ есть еще одно средство — война. Война національная противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ Италіей и съ Франціей, пожалуй хоть за свободу славянъ, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Да, въ самомъ дѣлѣ, идти войною на нѣмцевъ хорошее, а главное, необходимое славянское дѣло, во всякомъ случаѣ лучшее, чѣмъ поляковъ душить нѣмцамъ въ угоду. Подняться на освобожденіе славянъ изъ подъ ига турецкаго и нѣмецкаго, будетъ потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденнаго русскаго народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянамъ? Или вы хотите повторить въ сотый разъ старый, постыдный обманъ? Не удовлетворивъ никого и не разрѣшивъ ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется

вамъ содержать на мѣлокъ чужими субсидіями. И будете вы только служить средствомъ для цѣлей чужихъ, сами ничего не пріобрѣтете, Россію же въ конецъ раззорите. Да можетъ быть, вы и расчитываете на ея истощеніе? Можетъ, думаете усмирить ее голодомъ? Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: война не помѣшала у насъ ни пугачевщинѣ, ни новгородскому бунту.

Но напрасны всѣ наши старанія. Ни война, ни уловки мнимо либеральнаго (?!) министерства, ни явная реакція вамъ не помогутъ. Народъ проснулся и ждетъ своего часа, вы сами способствовали его пробужденію. Кокетничая передъ нимъ и возбуждая его противъ молодого образованнаго поколѣнія, вы сами будите въ немъ сознаніе силы и онъ самъ возьметъ силою то, чего вы ему добровольно дать не хотите.

Для мирнаго исхода настоящаго неотвратимаго кризиса, средство только одно: Земскій всенародный соборъ и на немъ разрѣшеніе земскаго народнаго дѣла. Это средство единоспасительное въ рукахъ царя. Но онъ его употребить не хочетъ. Значитъ онъ хочетъ крови.

Когда правители губятъ страну, частные люди должны приняться за дѣло спасенія. Всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, имѣющимъ умъ, чтобъ понимать и предугадывать необходимыя происшествія, всѣмъ купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей, всѣмъ, кому дороги благоденствіе и слава Россіи, я совѣтовалъ бы объ этомъ крѣпко подумать. Вѣдь времени на свободное размышленіе осталось не много. И не худо было бы, еслибъ они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я имъ предложилъ бы назвать: «общество для спасенія Россіи отъ близорукости царской и отъ преступнаго министерскаго шарлатанства», и пусть хоромъ подымутъ они голосъ въ пользу Земскаго Собора, какъ единаго средства для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы.

А намъ, революціонерной партіи, что дѣлать? Мы также [illegible]отимся и станемъ подъ знамя «Народнаго дѣла»

Мы хотимъ достигнуть его народнымъ путемъ и не остановимся до тѣхъ поръ, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотимъ и желаемъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго — общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

3. Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь.

5. Вмѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украйной, мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ Славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ Прусскаго королевства, Австрійской и Турецкой имперій, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ Славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ, или другомъ какомъ рабствѣ.

6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ Италіей, съ которою у насъ чувства, интересы и враги общіе, — съ Мадьярами, ненавидящими, какъ и мы, Австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія Славянъ, — съ Румынами и даже съ Греками, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ Булгаръ, и довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византійскія мечты.

7. Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами Славянскими, къ осуществленію завѣтной Славянской мечты:

къ созданію Великой и вольной федераціи Всеславянской, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ: чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за каждаго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи, но чтобъ существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила.

Вотъ широкая программа дѣла Славянскаго, вотъ необходимое послѣднее слово народнорусскаго дѣла. Этому то дѣлу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь съ кѣмъ, куда и за кѣмъ мы пойдемъ? Куда? мы сказали. Съ кѣмъ? мы также сказали: разумѣется ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ народомъ. Но за кѣмъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ или если новый Пестель найдется, за нимъ?

Скажемъ правду; мы охотнѣе всего пошлибъ за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла бы сдѣлаться непобѣдимою силою, еслибъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ одинъ могъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все таки онѣ зло, великое зло и большое несчастье, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской.

И такъ отношеніе наше къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ пойдетъ противъ него, мы будемъ его врагами. Поэтому весь вопросъ состоитъ въ томъ: хочетъ ли онъ быть русскимъ земскимъ царемъ Романовымъ, или Голштейнъ-Готорнскимъ императоромъ Петербургскимъ? хочетъ онъ служить Россіи, славянамъ или нѣмцамъ? Вопросъ этотъ скоро рѣшится, и тогда мы будемъ знать, что намъ дѣлать. Ни для него и ни

для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ одного пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь.

Мы безъ содроганія не можемъ подумать о тысячахъ жертвъ, которыя падутъ вѣроятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжетъ тогда на единственнаго виновника, на царя, который всѣхъ можетъ спасти и, кажется, всѣхъ погубитъ. А средство спасенія и для него и для насъ только одно: идти до конца во главѣ революціи и не останавливаться на полдорогѣ. Еслибъ мы хотѣли остановить настоящую революцію, то не могли бы; никто въ мірѣ не можетъ. А если бы могли, то не хотѣли бы, потому что она необходима для освобожденія нашего народа, для совершенія русскихъ и славянскихъ судебъ.

Если царь измѣнитъ Россіи, Россія будетъ повергнута въ кровавыя бѣдствія. Что будетъ, какую форму приметъ движеніе, кто станетъ во главѣ его? Самозванецъ-царь, Пугачевъ, или новый Пестель-диктаторъ? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачевъ, то дай богъ, чтобъ въ немъ нашелся политическій геній Пестеля, потому что безъ него онъ утопитъ Россію и пожалуй всю будущность Россіи въ крови. Если Пестель, то пусть будетъ онъ человѣкомъ народнымъ, какъ Пугачевъ, ибо иначе его не потерпитъ народъ... А можетъ быть ни Пестель, ни Пугачевъ, ни Романовъ, а Земскій Соборъ спасетъ Россію.

Предугадать нельзя ничего. Нашъ долгъ теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, покуда силъ станетъ. Времени можетъ быть осталось не много, — употребимъ его на сближеніе съ народомъ во чтобы ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ. Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во единую душу и во единое тѣло — задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая. Иначе мы будемъ представителями не народнаго дѣла, а только своихъ тѣсныхъ кружковыхъ интересовъ и своихъ личныхъ страстей, чуждыхъ и противныхъ народу, а потому и преступныхъ, ибо нынѣ что не служитъ исключительно дѣлу народному, то преступно. Онъ одинъ призванъ къ жизни въ Россіи, и только что съ нимъ и что

за него, то лишь одно имѣетъ право на жизнь, то будетъ имѣть силу на жизнь. Внѣ его нѣтъ русской силы; и лишь только соединившись съ нимъ, мы можемъ вырваться изъ безсилія. Вотъ почему мы должны сойтись съ народомъ во что бы ни стало. Важнѣе этого, для насъ нѣтъ теперь другого вопроса.

Какъ съ нимъ сойтись? Путь къ достиженію цѣли одинъ: искренность, правда. Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своихъ стремленіяхъ къ народу, то вы найдете дорогу въ душу и въ вѣру его. Любите народъ, онъ васъ полюбитъ, живите съ нимъ и онъ пойдетъ за вами, и вы будете сильны его силою. Народъ нашъ уменъ, онъ скоро узнаетъ своихъ друзей, когда у него будутъ друзья дѣйствительные. Формулировать общее правило, извѣстный пріемъ для сближенія съ народомъ нѣтъ возможности: все это было бы мертво и сухо, потому что было бы ложно. Живое дѣло должно вытекать изъ живого ума и изъ живого сердца.

Васъ много и вы разсѣяны по всей русской землѣ. Пусть каждый изъ васъ, служа общему дѣлу, идетъ къ народу по своему, но пусть каждый идетъ прямо и искренно, безъ хитрости, безъ обмана, пусть каждый несетъ въ даръ ему и весь умъ и все сердце, и чистую, крѣпкую волю служить ему. Пусть каждый свяжетъ судьбу свою съ его судьбою. Пусть каждый молодой человѣкъ перевоспитаетъ себя въ средѣ народной... И вы сдѣлаетесь тогда, безъ сомнѣнія, людьми народными.

Подвигъ не легкій, но за то высокій и стоющій жертвъ: подвигъ повиванія новорождающагося русскаго міра! Кому онъ кажется противенъ, тотъ лучше не берись за русское дѣло. Для того есть пріютъ подъ знаменемъ доктринеровъ. Путь нашъ труденъ. Отсталыхъ, испуганныхъ и усталыхъ будетъ еще много... Но мы, друзья, выдержимъ до конца и безбоязненно твердымъ шагомъ пойдемъ къ народу, а тамъ когда съ нимъ сойдемся, помчимся вмѣстѣ съ нимъ, куда вынесетъ буря.

VI.

РѢЧЬ БАКУНИНА

НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1867 Г.

(Напечатана въ книгѣ «Историческое Развитіе Интернаціонала», стр. 302—307).

Вступая на эту трибуну, я спрашиваю себя, граждане, какимъ образомъ я, русскій, являюсь среди этого международнаго собранія, имѣющаго задачей заключить союзъ между народами? Едва четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская имперія, которой я, правда, всенепокорнѣйшій подданный, возобновила свои преступленія и убійства надъ геройскою Польшею, которую она продолжаетъ давить и терзать, но которую къ счастью для всего человѣчества, для Европы, для всего славянскаго племени и для самихъ народовъ русскихъ ей не удастся убить.

Вотъ почему, не заботясь о томъ, что подумаютъ и скажутъ люди, судящіе съ точки зрѣнія узкаго и тщеславнаго патріотизма, я, русскій, открыто и рѣшительно протестовалъ и протестую противъ самаго существованія русской имперіи. Этой имперіи я желаю всѣхъ униженій, всѣхъ пораженій въ убѣжденіи, что ея успѣхи, ея слава были и всегда будутъ прямо противоположны счастью и свободѣ народовъ русскихъ и не русскихъ, ея нынѣшнихъ жертвъ и рабовъ Муравьевъ, вѣшатель и пытатель не только польскихъ, но и демократовъ русскихъ, былъ извергомъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ вѣрнымъ, самымъ цѣльнымъ представителемъ морали, цѣлей, интересовъ, вѣкового принципа русской имперіи, самымъ истиннымъ патріотомъ, Сенъ-Жюстомъ, Робеспьеромъ императорскаго государства, основаннаго на систематическомъ отрицаніи всякаго человѣческаго права и всякой свободы.

Въ положеніи, созданномъ для имперіи послѣднимъ польскимъ возстаніемъ ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому слѣду Муравьева, или распасться. Середины нѣтъ, а желать цѣли и не желать средствъ значитъ только

обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно изъ двухъ: или идти путемъ и средствами Муравьева къ усиленію могущества имперіи, или за одно съ нами откровенно желать ея разрушенія. Кто желаетъ ея величія, долженъ поклоняться, подражать Муравьеву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротивъ, любитъ свободу и желаетъ ея, долженъ понять, что осуществить ее можетъ только свободная федерація провинцій и народовъ, т. е. уничтоженіе имперіи. Иначе свобода народовъ, провинцій и общинъ — пустыя слова. Право федераціи и отдѣленіе, т. е. отступленіе отъ союза, есть абсолютное отрицаніе историческаго права, которое мы должны отвергать, если въ самомъ дѣлѣ желаемъ освобожденія народовъ.

Я довожу до конца логику постановленныхъ мною принциповъ. Признавая русскую армію основаніемъ императорской власти, я открыто выражаю желаніе, чтобы она во всякой войнѣ, которую предприметъ имперія, терпѣла одни пораженія. Этого требуетъ интересъ самой Россіи, и наше желаніе совершенно патріотично, въ истинномъ смыслѣ слова, потому что всегда только неудачи царя нѣсколько облегчали бремя императорскаго самовластья. Между имперіей и нами, патріотами, революціонерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нѣтъ никакой солидарности.

Но довольно о нашихъ частныхъ дѣлахъ. Займемся общими принципами, служащими предметомъ настоящихъ преній и долженствующими привести къ соглашенію два великіе интереса: интересъ отечества и интересъ свободы.

То, что по моему мнѣнію справедливо относительно Россіи, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религіозной, бюрократической и военной централизаціи вездѣ одинакова. Она цинично груба въ Россіи, прикрыта конституціонной, болѣе или менѣе лживой, личиной въ цивилизованныхъ странахъ запада, но принципъ ея все одинъ и тотъ же — насиліе. Насиліе внутри подъ предлогомъ общественнаго порядка; насиліе внѣшнее подъ предлогомъ равновѣсія или даже за неимѣніемъ лучшаго повода, — подъ предлогомъ Іерусалимскихъ ключей. Въ нынѣшней Европѣ реакція почти всюду торжествуетъ; всюду она грозитъ послѣднимъ остаткамъ несчастной свободы, которая,

повидимому, разучилась защищаться. Чѣмъ теперь заняты правительства! Они вооружаются другъ противъ друга. Всюду затѣваются чудовищныя вооруженія. Неужели мы идемъ къ ужаснымъ временамъ Валленштейна и Тилли? Горе, горе націямъ, вожди которыхъ вернутся побѣдоносными съ полей битвъ! Лавры и ореолы превратятся въ цѣпи и ковы для народовъ, которые вообразятъ себя побѣдителями.

Мы всѣ здѣсь друзья мира, и Конгрессъ нашъ собрался для разсужденія о немъ. Но много ли найдется между нами до того наивныхъ, чтобъ считать себя въ силахъ не допустить человѣчество до готовящейся страшной всемірной войны? Нѣтъ, никто изъ насъ не повиненъ въ такомъ самообольщеніи. Мы собрались не для того, чтобы браться за дѣло очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условія, при которыхъ международный миръ возможенъ. Какіе же принципы должны лечь въ основу нашего дѣла?

Эти принципы, истинныя начала справедливости и свободы, должны быть непремѣнно провозглашены именно теперь, когда недостатокъ принциповъ деморализируетъ умы, разслабляетъ характеры и служитъ опорой всѣмъ реакціямъ и всѣмъ деспотизмамъ. Если мы въ самомъ дѣлѣ желаемъ мира между націями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть каждый изъ насъ долженъ возвыситься надъ узкимъ, мелкимъ патріотизмомъ, для котораго своя страна — центръ міра, который свое величіе полагаетъ въ томъ, чтобы быть страшнымъ сосѣдямъ. Мы должны поставить человѣческую, всемірную справедливость выше всѣхъ національныхъ интересовъ. Мы должны разъ на всегда покинуть ложный принципъ національности, изобрѣтенный въ послѣднее время деспотами Франціи, Россіи и Пруссіи для вѣрнѣйшаго подавленія верховнаго принципа свободы. Національность не принципъ; это законный фактъ, какъ индивидуальность. Всякая національность, большая или малая, имѣетъ несомнѣнное право быть сама собою, жить по своей собственной натурѣ. Это право есть лишь выводъ изъ общаго принципа свободы.

Всякій, искренно желающій мира и международной справедливости, долженъ разъ на всегда отказаться отъ всего, что называется славой, могуществомъ, величіемъ отечества,

отъ всѣхъ эгоистическихъ и тщеславныхъ интересовъ патріотизма. Пора желать абсолютнаго царства свободы внутренней и внѣшней. Программа нашихъ комитетовъ приглашаетъ насъ обсудить основанія организаціи Соединенныхъ Штатовъ Европы. Но возможна ли эта организація съ нынѣ существующими государствами? Вообразите себѣ федерацію, гдѣ Франція стоитъ на ряду съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ, Россія на ряду съ Молдо-Валахіей. Вообще, вообразима ли федерація централизованныхъ, бюрократическихъ и военныхъ государствъ, какія покрываютъ всю Европу, кромѣ Швейцаріи?

Всякое централизованное государство, какимъ бы либеральнымъ оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ рабочихъ массъ въ пользу привиллегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ. Отсюда я вывожу, что международный миръ не возможенъ, пока не будетъ принятъ со всѣми своими послѣдствіями слѣдующій принципъ: Всякая нація, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинція, всякая община имѣетъ абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своимъ интересамъ, своимъ частнымъ потребностямъ, и въ этомъ правѣ всѣ общины, всѣ націи до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этимъ самымъ опасности во всѣхъ остальныхъ.

Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя государства. Мы должны стало быть, желать ихъ разложенія, чтобы на развалинахъ этихъ единствъ, организованныхъ сверху внизъ деспотизмомъ и завоеваніемъ, могли развиться единства свободныя, организованныя снизу вверхъ, свободной федераціей общинъ въ провинцію, провинцій въ націю, націй въ Соединенные Штаты Европы.

VII.

ЧЕТВЕРТАЯ РѢЧЬ БАКУНИНА

НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1868 г.

(Напечатана въ книгѣ «Историческое Развитіе Интернаціонала», стр. 339—365).

Граждане!

Я счастливъ, что могу въ вашемъ присутствіи принять руку, такъ откровенно протянутую намъ однимъ изъ представителей польской соціальной демократіи *). Я принимаю ее отъ имени русской соціальной демократіи; и мы имѣемъ право ее принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силѣ страсти польской демократіи, желаемъ полнаго разрушенія, совершеннаго уничтоженія русской имперіи, имперіи, которая служитъ вѣчной угрозой для свободы міра, постыдной тюрьмой для всѣхъ народовъ, ею покоренныхъ, систематическимъ и насильственнымъ отрицаніемъ всего, что называется правомъ, справедливостью, человѣчностью.

Годъ тому назадъ, на Женевскомъ Конгрессѣ, я имѣлъ уже случай громко заявить, что между нами — партіей народнаго освобожденія — и между приверженцами этой чудовищной имперіи не возможно никакое соглашеніе. Наши цѣли діаметрально противоположны, онѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Кто желаетъ сохраненія имперіи, увеличенія и развитія ея могущества, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, тотъ долженъ съ царемъ и съ Муравьевыми идти противъ насъ. Кто, напротивъ, желаетъ свободы, благосостоянія, умственнаго освобожденія и нравственнаго достоинства народа, тотъ долженъ вмѣстѣ съ нами содѣйствовать разрушенію имперіи.

Въ Европѣ обыкновенно смѣшиваютъ имперію, состоящую изъ великой и малой Россіи и всѣхъ покоренныхъ земель, съ самимъ народомъ, ошибочно воображая, что она есть вѣрное выраженіе инстинктовъ, стремленій и воли народа, между тѣмъ какъ она, напротивъ, всегда играла роль эксплоататора, мучителя и вѣкового палача народа.

Надо замѣтить, что совершенно невѣрно говорится о рус-

*) Г. Мрочковскимъ. М. Др.

скомъ народѣ, какъ объ единомъ цѣломъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ. Племена эти слѣдующія: во первыхъ, народъ великорусскій, славянскій по происхожденію, съ примѣсью финскаго элемента, составляющій однородную массу 35-ти милліоннаго населенія; это главная часть имперіи. На ней главнымъ образомъ основалось могущество московскихъ царей.

Но очень ошибется тотъ, кто предполагаетъ, что этотъ народъ добровольно и свободно сдѣлался рабскимъ орудіемъ царскаго деспотизма. Вначалѣ, до вторженія татаръ, и даже послѣ, до начала XVII столѣтія, это былъ, конечно, тоже очень несчастный народъ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплоататорами земли, но пользовавшійся однакожъ естественной свободой и полнымъ общиннымъ и даже часто областнымъ самоуправленіемъ.

Вся сѣверо-восточная часть имперіи, населенная преимущественно этимъ великорусскимъ народомъ, раздѣлялась, какъ извѣстно, даже во время татарскаго ига, на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ, болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга; и это раздѣленіе, эта взаимная независимость ограждали, до извѣстной степени, свободу всѣхъ, — свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную. Основанія первобытной и не вполнѣ сложившейся организаціи были чисто демократическія. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующіе изъ одного княжества въ другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство составлявшее княжескій дворъ, кочевало вмѣстѣ съ князьями; слѣдовательно, осѣдлыхъ собственниковъ было очень мало. Народъ тоже кочевалъ и потому земля въ дѣйствительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всѣмъ — народу. Вотъ гдѣ кроется начало идеи, вкоренившейся въ умахъ всѣхъ русскихъ племенъ имперіи — идеи, пережившей всѣ политическія революціи и оставшейся болѣе могущественной, чѣмъ когда либо, въ народномъ сознаніи — идеи, носящей въ себѣ всѣ соціальныя революціи прошедшія и будущія и состоящей въ убѣжденіи, что земля, вся земля принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обработывающей ее своими руками.

[illegible]ри, вначалѣ великіе князья московскіе, были долгое

время только управляющими татаръ въ Россіи, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и какъ подобаетъ управляющимъ, они обдѣлывали свои собственныя дѣла гораздо больше, чѣмъ дѣла своихъ господъ; благодаря покровительству татаръ, они постепенно увеличивали свои владѣнія, въ ущербъ сосѣднимъ княжествамъ. Таково было начало московскаго могущества. Цѣлыя два столѣтія великіе князья московскіе, московскіе бояре и московская церковь образовывались въ политической школѣ, принципы которой выражаются словами — рабство, низкое подобострастіе, гнусная измѣна, жестокое насиліе, отрицаніе всякаго права и всякой справедливости и полное презрѣніе къ человѣчеству. Когда, благодаря этой политикѣ, благодаря особенно несогласію татаръ между собою, эти управляющіе, до сихъ поръ рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться отъ своихъ господъ, они ихъ прогнали.

Но татарщина, вмѣстѣ съ своими скверными качествами рабства, успѣла глубоко вкорениться въ оффиціальномъ и оффиціозномъ мірѣ Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе россійской имперіи. Но судьба готовила намъ еще другой великій источникъ развращенія.

Въ концѣ XV вѣка Константинополь палъ и наслѣдіе умирающей византійской имперіи раздѣлилось на двѣ части. На западъ бѣжавшіе Греки принесли съ собою безсмертныя традиціи древней Греціи, которыя дали толчокъ живому движенію Возрожденія. А намъ она завѣщала, вмѣстѣ съ своей княжной, своими патріархами и чиновниками, всю испорченность византійской церкви и ужасный азіатскій деспотизмъ въ политической, соціальной и религіозной жизни.

Вообразите себѣ дикаго князя, татарина съ головы до ногъ, грубаго, буйнаго, жестокаго, трусливаго въ случаѣ нужды, лишеннаго всякаго образованія, не только презирающаго всякое право, но совершенно неимѣющаго понятія о правѣ и человѣколюбіи; изъ первоначальнаго рабскаго положенія онъ вдругъ возносится въ своемъ воображеніи, по меньшей мѣрѣ, на высоту византійскаго императора и воображаетъ себя призваннымъ быть богомъ на землѣ, владыкой всего міра. А возлѣ него церковь, не менѣе грубая,

не менѣе невѣжественная, но властолюбивая и развращенная, изъ своего рабскаго положенія въ Византіи она переносится въ несравненно болѣе рабское положеніе въ Москвѣ, честолюбивая и въ тоже время алчная и раболѣпная, является всегда послушнымъ орудіемъ всякаго деспотизма, вѣчно пресмыкаясь передъ царемъ, она наконецъ, такъ тѣсно смѣшала въ своихъ молитвахъ его имя съ именемъ бога, что удивленные вѣрующіе, въ концѣ концовъ, не знаютъ, кто богъ и кто царь. Рядомъ съ этой церковью и этимъ царемъ вообразите себѣ дворянство, не менѣе жестокое и варварское, составленное изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: изъ потомковъ русскихъ князей, лишенныхъ своихъ удѣловъ, изъ татарскихъ князей, изъ литовскихъ дворянъ, укрывшихся въ Москвѣ, изъ новыхъ и старыхъ бояръ титулованныхъ дворцовыхъ лакеевъ, чиновниковъ и сыщиковъ дикой московской администраціи; и всѣ они образуютъ вокругъ трона что то въ родѣ наслѣдственной бюрократіи, оффиціальную касту, совершенно отдѣленную отъ народа; эта каста сама до безконечности дробится по родамъ и чинамъ, разъединяется честолюбіемъ, жадностью, соревнованіемъ лакейства, но составляетъ единодушное цѣлое въ одномъ общемъ рабствѣ, въ невѣроятномъ самоуничтоженіи передъ истиннымъ богомъ имперіи — царемъ. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные передъ нимъ, всѣ они, съ какимъ то рабскимъ сладострастіемъ, называютъ сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносятъ отъ него всякое униженіе, позволяютъ себя оскорблять, бить, истязать, убивать, признаютъ его безусловнымъ господиномъ своего имущества, своей жизни, дѣтей и женъ своихъ, и взамѣнъ такого полнаго самоуниженія, они просятъ только одного — земли, какъ можно больше земли для эксплоатаціи, права грабить казну безъ стыда и немилосердно мучить народъ.

Итакъ, народъ, вотъ истинная вѣковая жертва московской исторіи.

Наша исторія представляетъ противуположность исторіи запада. Тамъ короли соединялись вначалѣ съ народомъ, чтобы подавить аристократію, а у насъ рабство народа было результатомъ корыстнаго союза царя, дворянства и высшаго духовенства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ

великорусскій, свободный до конца XVI вѣка, вдругъ оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, и сначала фактически, а потомъ и юридически сдѣлался рабомъ господина — собственника земли, дарованной ему государствомъ.

Терпѣливо ли онъ выносилъ это рабство? Нѣтъ. Онъ протестовалъ тремя страшными возстаніями. Первое возстаніе произошло въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ эпоху Лжедимитрія. Совершенно не вѣрно объяснять это возстаніе династическими вопросами или интригами Польши. Имя Димитрія было только предлогомъ, а польскія войска, проведенныя польскимъ магнатомъ, были такъ малочисленны, что не стоитъ говорить объ нихъ. Это было истинное возстаніе народныхъ массъ противъ тираніи московскаго государства, бояръ и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденныя русскія провинціи послали туда своихъ депутатовъ, которые хотя и выбрали новаго царя, но принудили его принять извѣстныя условія, ограничивавшія его власть; онъ поклялся сохранять эти условія, но впослѣдствіи, конечно, нарушилъ эту клятву. Главными основаніями этой хартіи были — уничтоженіе московской бюрократіи и автономія общинъ и областей, слѣдовательно, совершенное уничтоженіе гегемоніи и всемогущества Москвы.

Но хартія была нарушена. Царь Алексѣй, наслѣдникъ народнаго избранника, съ помощью дворянства и церкви возстановилъ деспотическую власть и рабство народа. Тогда то поднялось народное возстаніе, носившее на себѣ тройной характеръ: реллигіозный, политическій и соціальный — возстаніе Стеньки Разина, перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи. Онъ поколебалъ могущество Москвы въ самомъ ея основаніи. Но онъ былъ побѣжденъ. Недисциплинированныя народныя массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными изъ Европы, особенно изъ Германіи. И эта новая побѣда государства надъ народомъ послужила основаніемъ новой имперіи Петра великаго. Петръ понялъ, что для основанія могущественной имперіи, способной бороться противъ рождавшейся централизаціи западной Европы, уже не достаточно татарскаго кнута и византійскаго богословія. Къ нимъ нужно было прибавить еще то, что называлось въ его время цивилизаціей запада — т. е. бюрократическую науку. И вотъ

изъ татарскихъ элементовъ, полученныхъ въ наслѣдіе отъ отцовъ и съ помощью этой нѣмецкой науки, онъ основалъ ту чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ. На вершинѣ этой пирамиды стоитъ царь, самый безполезный и самый вредный изъ всѣхъ чиновниковъ; подъ нимъ дворянство, попы и привилегированные мѣщане, всѣ имѣющіе значеніе только по стольку, по скольку они служатъ и грабятъ государство, а внизу, какъ пьедесталъ пирамиды, — народъ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народъ своему рабству? Примирился ли онъ съ имперіей? Нисколько. Въ 1771 году, среди торжества Екатерины II надъ турками и надъ несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна впрочемъ, такъ какъ ей помогали въ этомъ два знаменитыхъ представителя западной цивилизаціи: Фридрихъ великій, король прусскій, другъ философовъ и самъ философъ, и набожная Марія Терезія, императрица австрійская; и такъ среди торжества Екатерины II, въ то время, какъ весь міръ удивлялся возроставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссійской, Пугачевъ, простой, донской казакъ, поднялъ всю восточную Россію. Дѣйствительно, вся страна между Волгой и Ураломъ возстала; милліоны крестьянъ, вооруженныхъ топорами, пиками, ружьями и всякимъ оружіемъ, поднялись; и для чего? чтобы избить по всюду дворянъ и чиновниковъ, чтобы захватить всю землю въ свои руки и образовать на ней свободныя сельскія общины, основанныя на коллективной собственности. Екатерина сначала отнеслась съ презрѣніемъ къ этому возстанію, но за тѣмъ испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные противъ бунтовщиковъ подъ предводительствомъ старыхъ генераловъ, были разбиты. Вся народная Россія, Россія крестьянская, пробужденная, воспламененная доброй вѣстью, взволновалась. Народъ ждалъ Пугачева въ Москвѣ. Если бы онъ пришелъ, русская имперія погибла бы безвозвратно. Императрица послала противъ Пугачева огромную армію и народъ еще разъ былъ побѣжденъ.

Что же, покорился ли онъ послѣ этого? Нѣтъ. Со времени казни Пугачева и до нашихъ дней, внутренняя, болѣе

или менѣе секретная исторія имперіи состоитъ изъ послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда частныхъ и мѣстныхъ возстаній крестьянъ — возстаній, вызываемыхъ глубокой и непримиримой ненавистью ихъ къ помѣщикамъ, ко всѣмъ чиновникамъ и къ государственной церкви. Вы видите, господа, я былъ правъ, говоря, что между великорусскимъ народомъ и имперіей, его давящей, нѣтъ ничего общаго. Первый есть отрицаніе послѣдней; примиреніе между ними невозможно, потому что интересы ихъ не совмѣстимы: интересы народа заключаются въ свободномъ пользованіи землей, въ самостоятельности сельскихъ общинъ, въ благосостояніи, вытекающемъ изъ свободнаго труда и исключающимъ, слѣдовательно, помѣщичью собственность, опеку, т. е. бюрократическій грабежъ наборъ, налоги — все, что составляетъ самую суть государства. Какъ же можетъ народъ любить государство и желать сохраненія его могущества?

Но возразятъ, развѣ народъ не обожаетъ царя? На это я скажу, что обожаніе царя есть только результатъ громаднаго недоразумѣнія. За нѣсколько лѣтъ до великой французской революціи, англійскій путешественникъ, Артуръ Юнгъ, видя восторгъ, съ которымъ встрѣчало Людовика XVI сельское и городское населеніе Франціи, сказалъ, что «народъ, который такъ обожаетъ своего короля, никогда не можетъ быть свободенъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ совершилась революція и никто не помѣшалъ столичнымъ революціонерамъ возвратить бѣжавшую царскую фамилію подъ стражей изъ Вареннъ въ Парижъ. Знаете ли, что означаетъ это воображаемое обожаніе русскаго царя народомъ? Это— проявленіе ненависти къ дворянству, къ оффиціальной церкви, ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, т. е. ко всему, что составляетъ самую суть императорскаго могущества, самую существенную сторону имперіи. Царь для народа, подобно богу, только отвлеченность, во имя которой онъ протестуетъ противъ жестокой и подлой дѣйствительности.

Таково положеніе великорусскаго народа. Теперь судите сами, справедливо ли приписывать ему преступленія и завоеванія, совершаемыя имперіей. Но, скажутъ, развѣ онъ не снабжалъ солдатами? Да, конечно, какъ французскій народъ снабжалъ арміи Наполеона I для завоеванія міра, какъ онъ снабжалъ ими Наполеона III для покоренія Мексики и

Рима, какъ въ настоящее время еще большая часть Германіи приготовляетъ своихъ солдатъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ пассивное орудіе въ рукахъ графа Бисмарка. Есть ли въ самомъ дѣлѣ въ характерѣ великорусскаго народа эти воинственные, завоевательные элементы, вотъ въ чемъ вопросъ. На это я могу смѣло отвѣтить, что славянскіе народы вообще, великорусскій въ особенности, наименѣе воинственный, наименѣе завоевательный народъ въ мірѣ. Единственная вещь, которую онъ страстно желаетъ — это свободное и и коллективное пользованіе землей, которую онъ обрабатываетъ, все остальное ему чуждо и вызываетъ въ немъ страхъ.

Впрочемъ, просмотрите всю исторію этого народа и скажите, шелъ ли онъ когда нибудь по доброй волѣ на западъ? Туда ходили русскія арміи, собранныя и дисциплинированныя кнутомъдля удовлетворенія честолюбія царей, — русскій же народъ никогда. Причина этого весьма проста. Народъ этотъ по преимуществу земледѣльческій и требуетъ земли, свободной земли. А на западѣ земля не свободна, напротивъ черезъ чуръ густо заселена, на востокѣ же она безпредѣльна, необработана и плодородна, — вотъ почему пока русскій народъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, пока Петръ Великій не прикрѣпилъ его окончательно къ землѣ, онъ всегда направлялъ свой путь на востокъ, поворачивая спину западу до тѣхъ поръ, пока это движеніе не прекратилось насильственно имперіей.

Вотъ, господа, сущность исторіи великорусскаго народа. Но кромѣ него есть еще малороссы, болѣе чистые славяне, съ меньшей примѣсью финскаго элемента; они образуютъ въ имперіи 12 милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галиційскихъ русиновъ, то — цѣлые 15 милліоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ къ несчастью былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой.

Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII вѣка, часть Украйны изъ ненависти къ Польшѣ совершила великую ошибку: она приняла покровительство русскаго [illegible]. Цари обѣщали ей все: и сохраненіе ея вольностей,

и національную автономію. Но такъ какъ обѣщаніе всѣхъ государей, будутъ ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походятъ другъ на друга всегда и вездѣ, то русскіе цари наградили, конечно, Малороссію самымъ грубымъ деспотизмомъ, такимъ же, какой существовалъ въ великой Россіи съ жестокой помѣщичьей эксплоатаціей и не менѣе жестокимъ притѣсненіемъ бюрократіи. Въ XVIII в., когда Франція готовилась къ революціи, Екатерина II, филантропствующая императрица, восхваляемая философами, ввела крѣпостное право, до того времени не существовавшее въ Польшѣ. А въ настоящее время это панславистское національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть будетъ это предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.

Этотъ народъ, вмѣстѣ съ 4 милл. бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великоруссіей, но должна остаться совершенно независимой отъ гегемоніи той и другой. Но, скажутъ, развѣ положеніе этихъ народовъ не улучшилось значительно со времени пресловутаго освобожденія крестьянъ, которымъ такъ гордится царствующій нынѣ императоръ? Не вѣрьте этому освобожденію, оно только на словахъ; народъ пересталъ ему вѣрить окончательно. Я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ, чтобы разсѣять заблужденія запада на этотъ счетъ. Я начну съ замѣчанія, что напрасно приписываютъ честь этой попытки или этого ложнаго освобожденія великодушію императора Александра II. Ея единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, къ счастью столь несчастная для насъ, нанесла тяжелый ударъ самому существованію имперіи. Зданіе воздвигнутое Петромъ Великимъ, Екатериною II и Николаемъ I, вдругъ пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и дѣйствительную негодность. Послѣ крымской войны для всѣхъ стало очевидно, что старый порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться и что если государство не будетъ преобразовано, то народная революція вспыхнетъ неминуемо. Старый порядокъ основанъ былъ

на крѣпостномъ правѣ — слѣдовательно, надо освободить народъ. Таково было въ то время единодушное убѣжденіе всей Россіи; такова была страстная надежда, великое ожиданіе народныхъ массъ. Чтобы доказать вамъ справедливость моихъ словъ я приведу свидѣтельство одной важной особы, авторитетъ которой въ этомъ случаѣ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Эта особа самъ императоръ Александръ II. Не помню, было ли это въ 1859 или въ 1860 г., онъ произнесъ публично въ полномъ собраніи московскихъ дворянъ слѣдующія замѣчательныя слова: Господа, мы должны поторопиться освободить крестьянъ, ибо лучше для всѣхъ насъ, чтобы эта революція произошла сверху, а не снизу». Смыслъ этихъ словъ черезъ чуръ простъ и ясенъ; неправда ли? Если бы народу не дали подобія свободы, онъ самъ бы ее взялъ; но взялъ бы уже свободу полную, дѣйствительную, безусловную, взялъ бы ее посредствомъ революціи, т. е. уничтоженія дворянства и имперіи.

Государство находилось тогда въ крайне трудномъ и щекотливомъ положеніи; съ одной стороны оно должно было освободить народъ, съ другой очень хорошо понимало, что не можетъ этого сдѣлать дѣйствительно, потому что все его существованіе, всѣ условія его бытія враждебны дѣйствительному освобожденію народа. Слѣдовательно надо было обмануть ихъ кажущимся освобожденіемъ, дать имъ, въ интересахъ сохраненія государства, такую свободу, которая въ сущности не была бы свободой, и не раззорила бы помѣщиковъ, заставивъ крестьянъ заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и безъ того принадлежала имъ по праву ихъ собственнаго тяжелаго труда и труда всѣхъ предковъ ихъ. Это и было сдѣлано. Не смотря на эту свободу, о которой такъ много кричали въ Европѣ, русскій народъ до сихъ поръ прикрѣпленъ къ землѣ, и русскій крестьянинъ, сдѣлавшійся собственникомъ своей земли, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно раззоренъ и почти умираетъ съ голоду.

Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые онъ не въ состояніи платить, продаютъ орудія его труда и даже его скотъ; у него нѣтъ болѣе сѣмянъ для посѣва, нѣтъ возможности обработывать землю. Вотъ то счастье, которымъ наградилъ его великодушный Александръ II.

Не понимая подобной свободы, онъ возставалъ. Его били,

разстрѣливали и ссылали. Во многихъ губерніяхъ онъ и теперь еще нерѣдко проситъ правительство взять землю назадъ, которая, при настоящихъ условіяхъ, его раззоряетъ, — его же бьютъ палками, сажаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ. Таково настоящее положеніе народа, и теперь онъ начинаетъ понимать, что царь — божественная отвлеченность— и есть дѣйствительная и главнѣйшая причина всѣхъ его бѣдствій. Отъ этого сознанія до кровавой революціи очень не далеко.

Но кто съумѣетъ организировать и направить эту революцію? Молодежь. Говоря вамъ о революціонной русской молодежи, я не могу не упомянуть о случаѣ, бывшемъ между нами и которымъ хотѣли воспользоваться противъ меня. Я говорю о новомъ манифестѣ русской соціальной демократіи, который многіе изъ насъ читали. Имъ воспользовались третьяго дня, какъ неоспоримымъ аргументомъ, чтобы склонить васъ отвергнуть принципъ экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и лицъ, который мною и моими друзьями былъ вамъ предложенъ въ надеждѣ, что вы захотите дать рабочимъ массамъ серьезное и дѣйствительное доказательство искренности вашихъ демократическихъ и народныхъ чувствъ. Вамъ сказали: «видите, чего хотятъ эти нарушители общественнаго порядка. Они хотятъ уничтоженія религіи, собственности, семейства и государства — этихъ вѣчныхъ основъ цивилизаціи»: эти гг. должны бы были прибавить «и вѣчной несправедливости». Эти основѣ и эти причины существующаго порядка вещей такъ прекрасны и такъ справедливы, что вы сами въ своей программѣ заявляете о необходимости «радикальнаго» ихъ преобразованія. Я не имѣю намѣренія входить въ подробности этого спора. Я хочу только отклонить отъ себя честь изданія этого манифеста, причемъ громко заявляю, что я отъ всего сердца признаю всѣ изложенные въ немъ принципы. Въ доказательство, что я дѣйствительно не участвовалъ въ составленіи этого документа я приведу только одинъ фактъ. Въ 1862 г. та же самая программа, съ небольшими измѣненіями и, конечно, иначе изложенная была напечатана тайно въ Россіи подъ названіемъ «Манифеста Молодой Россіи».

Скажутъ, какъ говорили и тогда что «этотъ манифестъ есть только необдуманное и преувеличенное выраженіе

чувствъ очень небольшого числа молодыхъ вѣтренниковъ». Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодыхъ и пожилыхъ людей, разбросанныхъ по Россіи и сочувствующихъ этимъ принципамъ, людей, которыхъ чувства, стремленія, инстинкты или, если такъ можно выразиться, симпатіи вполнѣ выражаются изложенными въ манифестѣ принципами. Я думаю, что я скорѣе уменьшу, чѣмъ преувеличу, если скажу, что число такихъ людей простирается до 40 или даже до 50 тысячъ человѣкъ. Вѣдь это цѣлая армія! И армія осмысленная и энергичная. Кто составляетъ ее? Молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ, гимназій и университетовъ, дѣти мѣщанъ или раззорившагося мелкаго дворянства. Юноши, почти лишенные средствъ существованія, но тратящіе послѣдній свой грошъ на пріобрѣтеніе книгъ и образованіе; въ особенности дѣти сельскаго духовенства, большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе, притомъ самые умные и сильные, вырываются оттуда полные энергіи и ненависти ко всему существующему строю. Наконецъ, много крестьянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей — юношей полныхъ жизни, изъ которыхъ многіе дѣлаются замѣчательными людьми, если счастливый случай дастъ имъ возможность образоваться. Вотъ, господа, наша революціонная фаланга, которую государство преслѣдуетъ немилосердно, сотнями ссылаетъ въ Сибирь, садитъ въ тюрьмы, умышленно убиваетъ и истязаетъ всѣми способами, и, не смотря ни на что, оказывается безсильнымъ противъ нихъ, такъ какъ они черезъ чуръ многочисленны, разбросаны по всему пространству имперіи, а главное черезъ чуръ незамѣтны и потому легко избѣгаютъ надзора.

Но что могутъ сдѣлать разбросанные 40 или 50 тысячь человѣкъ противъ организованной силы государства? Они могутъ тоже организоваться; они уже организовываются, а посредствомъ организаціи сдѣлаются въ свою очередь силою, и силою тѣмъ болѣе грозною, что она будетъ почерпать свою силу не въ себѣ самой, а въ народѣ. Они сдѣлаются безустанными и дѣятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но еще не сознанной, силой народа и революціонной идеей.

Съ такимъ народомъ, соціалистомъ по инстинкту и рево-

люціонеромъ по природѣ, и съ такой молодежью, стремящейся по принципамъ и, что еще важнѣе, по самому своему положенію, къ уничтоженію существующаго порядка вещей, — революція въ Россіи несомнѣнна. Что же будетъ ея первымъ, ея необходимымъ дѣломъ? Разрушеніе имперіи, потому, что пока существуетъ имперія, ничего хорошаго и живого не можетъ осуществиться въ Россіи. Это, господа, убѣжденіе русской революціонной молодежи и мое также. Мы патріоты народа, а не государства. Мы хотимъ счастія, достоинства, свободы нашего народа, всѣхъ народовъ русскихъ и не русскихъ, заключенныхъ нынѣ въ имперіи. Поэтому то мы и желаемъ разрушенія имперіи. Ясно это?

Позвольте мнѣ, господа, прибавить къ этой длинной рѣчи, еще одно замѣчаніе. Годъ тому назадъ, одинъ демократическій журналъ, издаваемый въ Лейпцигѣ, обращаясь ко всей демократической русской эмиграціи и называя, между прочимъ и мое имя, задалъ намъ такой вопросъ: вы называете себя демократами, соціалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же намъ, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивыхъ стремленій вашей имперіи? Ненавидите ли вы, подобно намъ, порабощеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Балтійскихъ провинцій, ваши недавнія завоеванія въ Бухаріи и воинственные планы противъ Турціи?

На этотъ вопросъ, впрочемъ совершенно естественно, я не счелъ нужнымъ отвѣчать тогда: теперь я отвѣчу на него. Послѣ всего сказаннаго отвѣтъ будетъ легокъ. Впрочемъ для всѣхъ добросовѣстныхъ людей онъ вытекаетъ самъ собой изъ моей прошлогодней рѣчи, сказанной на Женевскомъ Конгресѣ. Если мы желаемъ полнаго и совершеннаго уничтоженія имперіи, мы можемъ только ненавидѣть ея властолюбіе, а слѣдовательно и всѣ ея побѣды на сѣверѣ, какъ и на югѣ, на востокѣ, какъ и на западѣ, и я думаю, что самымъ большимъ счастіемъ для русскаго народа было бы пораженіе императорскихъ войскъ, какимъ нибудь внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ Вотъ мое мнѣніе относительно общаго принципа.

Теперь, вдаваясь въ подробности и начиная съ сѣвера, я скажу: Я желаю, чтобы Финляндія была свободна и имѣла полную возможность организоваться, какъ желаетъ и соединиться, съ кѣмъ захочетъ. Я говорю тоже самое, совершенно

искренно и относительно Балтійскихъ провинцій. Я прибавлю только маленькое замѣчаніе, которое мнѣ кажется необходимымъ, потому что многіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ республиканцевъ и соціалистовъ имѣютъ повидимому двѣ мѣрки, когда дѣло доходитъ до международной справедливости — одну для нихъ симихъ, а другую для всѣхъ остальныхъ націй, такъ что нерѣдко то, что имъ кажется справедливымъ и законнымъ, когда оно касается германской имперіи, принимаетъ, въ ихъ же глазахъ, видъ отвратительнаго насилія, если совершается другой какой нибудь державой.

Предположимъ, напр., что германская страна будетъ завоевана иностраннымъ государствомъ, напримѣръ Франціею; тринадцать четырнадцатыхъ населенія этой страны, слѣдовательно, большинство обитателей, считается чистыми нѣмцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей — классъ привилегированнаго дворянства и буржуазіи — оказывается состоящей изъ французовъ. Я прошу нѣмцевъ, задававшихъ намъ вопросъ, отвѣтить въ свою очередь, откровенно, положа руку на сердце: будетъ ли эта страна по ихъ мнѣнію французская или нѣмецкая? Я отвѣчу за нихъ, — конечно она считается нѣмецкой въ ихъ глазахъ. Во первыхъ, потому что огромное большинство населенія осталось нѣмецкимъ, затѣмъ, потому что это большинство состоитъ изъ массы подавленной, эксплоатируемой, производительной — словомъ изъ рабочаго народа, а будущность, также какъ и симпатіи ихъ — я не сомнѣваюсь въ этомъ ни минуты, — на сторонѣ рабочаго люда. Таково положеніе Балтійскихъ провинцій. Откройте Кольба, великаго статистика, которымъ такъ гордится Германія, и вы увидите, что во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ, включая туда даже петербургскую губернію, всего только двѣсти тысячъ нѣмцевъ, на населеніе въ два милліона восемь сотъ тысячъ человѣкъ *), какъ разъ одна четырнадцатая часть.

Посмотримъ теперь изъ какихъ элементовъ состоитъ это незначительное нѣмецкое меньшинство. Его составляютъ, во первыхъ, благородные потомки ливонскихъ рыцарей, которые съ папскимъ благословеніемъ и подъ предлогомъ религіи, а въ

*) Кольбъ насчитываетъ во всей имперіи только всего 600,000 нѣмцевъ.

сущности, чтобы присвоить чужое достояніе, крестили огнемъ и мечемъ эту несчастную страну. Чѣмъ стали они теперь? Высокомѣрными владыками народа, котораго они продолжаютъ эксплоатировать, и рабски преданными слугами петербургскаго императора. Если наши нѣмецкіе друзья хотятъ взять ихъ, если они думаютъ, что королевскіе дворцы въ Берлинѣ недостаточно наполнены юнкерами Помераніи, пусть они берутъ ихъ. Затѣмъ, ихъ управляющіе протестантскаго исповѣданія — самые неподвижные, непреклонные и правовѣрные изъ всѣхъ протестантовъ; они покорные слуги помѣщиковъ, для пользы которыхъ всѣми силами стараются задушить умственныя способности несчастныхъ латышскихъ и финскихъ крестьянъ. Желаютъ ли наши друзья, принимая ихъ въ видѣ подарка, увеличить число своихъ собственныхъ эксплоататоровъ народнаго невѣжества? — Наконецъ, остается буржуазія, которая нисколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазіи нѣмецкихъ городовъ, зарабатывающей своимъ трудомъ средства къ жизни, или эксплуатирующей, когда можно, чужой трудъ; она вѣрный слуга россійскаго императора, но будетъ тѣмъ же самымъ и для всякаго другого господина, который захотѣлъ бы ее подчинить своей власти. Она иногда можетъ резонерствовать, но никогда не возмутится противъ своихъ господъ, ибо ея призваніе — резонерствовать и всегда повиноваться. Все остальное населеніе — два милліона шестьсотъ тысячъ — состоитъ изъ латышей или финовъ, т. е. изъ элементовъ совершенно чуждыхъ нѣмецкой народности, даже болѣе чѣмъ чуждыхъ, враждебныхъ — ибо нѣтъ именно болѣе ненавистнаго для этого народа, какъ имя нѣмцевъ. Это весьма естественно: развѣ рабъ можетъ любить своего господина и мучителя? Я слышалъ однажды самъ, какъ латышскій крестьянинъ говорилъ: «Мы ждемъ минуты, когда можно будетъ вымостить черепами нѣмцевъ большую дорогу, ведущую въ Ригу». Вотъ, господа, страна, которую германскія газеты представляютъ намъ нѣмецкой. Русская ли она поэтому? Нѣтъ, нисколько. Сдѣланная сначала нѣмецкой, а потомъ русской, по праву завоеванія, т. е. въ силу жестокой несправедливости и нарушенія всѣхъ правъ естественныхъ и человѣческихъ, она по природѣ своей, по инстинктамъ и желаніямъ своихъ обитателей, ни русская, ни нѣмецкая; она финская и латышская страна.

Что произойдетъ съ ней въ будущемъ, съ какой національной группой захочетъ она соединиться? — трудно предвидѣть. Вѣрно одно, и это не осмѣлится отрицать ни одинъ искренній и серьезный демократъ, будетъ ли онъ русскій или нѣмецъ все равно, вѣрно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбою, независимо отъ 200,000 нѣмцевъ, которые притѣсняли его и теперь притѣсняютъ, и которыхъ онъ ненавидитъ, независимо отъ всякого германскаго союза и отъ россійской имперіи.

Теперь перейдемъ къ Польшѣ. Вопросъ, мнѣ кажется, одинаково простъ, если хотятъ разрѣшить его только съ точки зрѣнія справедливости и свободы: всѣ народности, всѣ страны, которыя захотятъ принадлежать къ новой польской федераціи, будутъ польскія, всѣ тѣ, которыя не захотятъ этого, не будутъ польскими. Русское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится съ кѣмъ захочетъ и никто не въ состояніи теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣроятнѣе и желательнѣе, чтобы они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію, независимую отъ Великороссіи и Польши.

Наконецъ, останется ли сама Великороссія съ своимъ 35 милліоннымъ населеніемъ тоже политически централизованной, какъ и теперь? Это не желательно и невѣроятно. Централизованное 35 милліонное населеніе никогда не можетъ быть свободнымъ внутри и мирнымъ и справедливымъ внѣ своихъ предѣловъ. Великоруссія, какъ всѣ другія славянскія земли, слѣдуя великому потоку вѣка, который требуетъ непремѣннаго разрушенія всѣхъ великихъ или малыхъ политическихъ централизацій, всѣхъ учрежденій, организацій, чисто политическихъ, и образованія новыхъ соціальныхъ группъ, основанныхъ на коллективномъ трудѣ и стремящихся къ всемірной ассоціаціи, — Великоруссія, которая, какъ всѣ другія страны, которыхъ коснулась демократическая и соціальная революція, разрушится сначала, какъ политическое государство и свободно реорганизуется вновь снизу вверхъ, отъ окружности къ центру, смотря по своимъ потребностямъ, инстинктамъ, стремленіямъ и интересамъ, какъ личнымъ такъ коллективнымъ и мѣстнымъ — на единственномъ основаніи, слѣдовательно, на которомъ воз-

можно утвердиться — истинной справедливости и дѣйствительной свободѣ.

Наконецъ, чтобы резюмировать все сказанное, я еще разъ повторяю: да, мы хотимъ совершеннаго разрушенія россійской имперіи, полнаго уничтоженія ея могущества и ея существованія. Мы хотимъ этого столько же во имя человѣческой справедливости, какъ и во имя патріотизма.

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, на столько ясно, что никакое двусмысліе или сомнѣніе болѣе не возможно, да позволю себѣ задать одинъ вопросъ нашимъ нѣмецкимъ друзьямъ, предложившимъ намъ вышеприведенные вопросы. Согласны ли они, во имя любви къ справедливости и свободѣ, отказаться отъ польскихъ провинцій, каково бы то ни было ихъ географическое положеніе, ихъ стратегическая и торговая польза для Германіи — желаютъ ли они отказаться отъ всѣхъ польскихъ странъ, населенія которыхъ не хотятъ быть нѣмецкими? Согласны ли они отказаться отъ своего такъ называемаго историческаго права на часть Богеміи, которую до сихъ поръ не удалось германизировать, не смотря на прекрасныя, всѣмъ извѣстныя, историческія, іезуитскія и жестоко деспотическія средства, — на страны, обитаемыя моравами, силезцами и чехами, гдѣ ненависть, увы, совершенно справедливая, къ нѣмецкому владычеству, не можетъ подлежать сомнѣнію? Согласны ли они отречься, во имя справедливости и свободы, отъ честолюбивой политики Пруссіи, которая, во имя коммерческихъ и морскихъ интересовъ Германіи, хочетъ силою присоединить датское населеніе Шлезвига къ Сѣверному Германскому Союзу. Согласны ли они отказаться отъ своихъ притязаній, во имя тѣхъ же коммерческихъ и морскихъ интересовъ на городъ Тріестъ гораздо болѣе славянскій, нежели итальянскій, и гораздо болѣе итальянскій, нежели нѣмецкій. Однимъ словомъ, согласны ли они отречься отъ своей страны, какъ они этого требуютъ отъ другихъ, отъ всякой политики и признать для себя, какъ для другихъ, всѣ условія и всѣ обязанности налагаемыя свободой и справедливостью. Согласны ли они принять во всей ширинѣ и во всѣхъ примѣненіяхъ слѣдующія принципы — единственные, на которыхъ можетъ создаться международный миръ и справедливость.

1) Уничтоженіе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостію государства, во имя каждаго населенія большого или малаго, слабаго или сильнаго, также какъ каждой отдѣльной личности, располагать собою съ полной свободой, независимо отъ потребности и притязаній государства, и ограничивая эту свободу только равнымъ правомъ другихъ.

2) Уничтоженіе всякихъ вѣчныхъ контрактовъ между личностями и коллективными единицами — ассоціаціями, областями, націями — иными словами, признаніе за каждымъ права; если онъ даже свободно связалъ себя съ другимъ лицомъ, уничтожить контрактъ, исполнивъ всѣ временныя и ограниченныя условія, которыя онъ содержитъ. Право это основывается на принципѣ, составляющемъ необходимое условіе дѣйствительной свободы — что прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго, и что неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ.

3) Признаніе для личностей, такъ же какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй, права свободнаго удаленія изъ союзовъ съ единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выходящая часть не поставила въ опасность свободу и независимость цѣлаго, отъ котораго отходитъ, своимъ союзомъ съ иностранной и враждебной державой. Вотъ истинныя, единственныя условія свободы и справедливости. Согласны ли они, наши нѣмецкіе друзья, признать ихъ такъ же искренно, какъ признаемъ ихъ мы? Однимъ словомъ, хотятъ ли они вмѣстѣ съ нами уничтоженія государства — всѣхъ государствъ?

Господа, въ этомъ заключается весь вопросъ. Государство это — насиліе, притѣсненіе, эксплоатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высшій интересъ его самосохраненія и всемогущества — интересъ, передъ которымъ должно преклоняться все человѣчество. Государство есть полное отрицаніе человѣчества, отрицаніе [illegible]ное — и какъ противоположность человѣческой свободы [illegible]праведливости, и какъ насильственное нарушеніе все-

общей солидарности человѣческаго рода. Всемірное государство, которое столько разъ пробовали создать, всегда оказывалось невозможнымъ; слѣдовательно, пока государство будетъ существовать, ихъ будетъ нѣсколько; а такъ какъ каждое изъ нихъ ставитъ себѣ единственной цѣлью, высшимъ закономъ, поддерживать свое существованіе въ ущербъ всѣмъ другимъ, то понятно, что самое существованіе государства подразумѣваетъ уже вѣчную войну — насильственное отрицаніе человѣчности. Всякое государство должно завоевывать или быть завоеваннымъ. Каждое государство основываетъ свое могущество на слабости, а если можетъ безъ вреда для себя, и на уничтоженіи другихъ державъ.

Съ нашей стороны, господа, было бы страннымъ противорѣчіемъ и смѣшной наивностью заявлять желаніе, какъ это было сдѣлано на теперешнемъ конгрессѣ, учредить международную справедливость, свободу и вѣчный миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣть сохранить государство. Невозможно заставить государства измѣнить свою природу, ибо въ силу именно этой природы они государства, и, отказываясь отъ нея, они перестаютъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть хорошаго, справедливаго и нравственнаго государства. Всѣ государства дурны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей, т. е. по условіямъ цѣли своего существованія составляютъ діаметральную противоположность человѣческой справедливости, свободѣ и нравственности. И въ этомъ отношеніи, что бы ни говорили, нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіи и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы. И знаете ли вы въ чемъ заключается это различіе? Царская имперія дѣлаетъ цинически то, что другіе совершаютъ подъ покровомъ лицемѣрія, и она составляетъ по своему открытому, деспотическому и презрительному отношенію къ человѣчеству тайный идеалъ, къ которому стремятся и которымъ восторгаются всѣ государственные люди Европы. Всѣ государства Европы дѣлаютъ то, что дѣлаетъ она, на сколько позволяетъ имъ это общественное мнѣніе и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочихъ массъ, носящая въ себѣ сѣмя разрушенія государствъ. Добродѣтельнымъ государствомъ можетъ быть только государство безсильное, да и оно преступно въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ.

Итакъ я прихожу къ такому заключенію: Тотъ кто желаетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы, справедливости и мира, кто хочетъ торжества человѣчества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія всѣхъ государствъ и основанія на ихъ развалинахъ всемірной федераціи производительныхъ свободныхъ ассоціацій всѣхъ странъ.

Мысль, выраженная въ концѣ этой рѣчи о томъ, что «нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіей и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы», была довольно распространена между русскими, особенно между соціалистами. Чернышевскій даже высказывалъ, что для «демократа» Сибирь симпатичнѣе Англіи. Такимъ образомъ, всѣ культурные и политическіе оттѣнки европейскихъ странъ и Россіи сглаживались въ представленіи русскаго, особенно радикала и соціалиста.

Такія понятія были одною изъ причинъ слабости либеральнаго движенія въ Россіи передъ абсолютизмомъ. Для русскихъ радикаловъ и соціалистовъ 60—70-хъ годовъ западно-европейская политическая свобода, не говоря уже о другихъ проявленіяхъ культуры, представлялась вещью малоцѣнною. Только къ 1880 г. пріобрѣтеніе политической свободы или по крайней мѣрѣ народнаго собранія выставляется цѣлью усилій русскихъ «террористовъ-народновольцевъ», — параллельно современному либеральному земскому движенію, — но скоро и среди народновольцевъ мечта о «захватѣ власти» съ цѣлью произвести соціальный переворотъ сверху *) — беретъ перевѣсъ надъ либеральными планами, — въ противность, конечно, ученіямъ Бакунина объ анархіи и соціальной революціи «снизу вверхъ», но согласно съ его диктаторскими поползновеніями и конспираторскими привычками мысли и дѣйствій.

Въ этихъ рѣчахъ еще нѣтъ провозглашенія чистой (абстрактной) анархіи или аморфизма, и Бакунинъ остается еще на почвѣ федеральной, но этому эти рѣчи его имѣютъ и практическое значеніе. Схематизмъ выразился здѣсь только въ крайней постановкѣ: или вся русская государственная централизація съ муравьевщиной, или полное разрушеніе государства россійскаго.

---

*) Мысль прокламаціи «Молодая Россія» 1862 г.

VIII.

ТАЙНЫЙ УСТАВЪ ДЛЯ ALLIANCE DE LA DÉMOCRATIE SOCIALISTE.

Напечатано во французскомъ оригиналѣ въ книжкѣ Н. Утина по рукописи, отчасти написанной рукою Бакунина. Мы думаемъ, что въ основу этого устава легло проэктъ устава, написанный для того Братства, которое Бакунинъ организовывалъ еще въ Италіи, тѣ бумаги, которыя онъ еще въ 1866 г. передавалъ Герцену и Огареву (см. въ письмахъ, стр. 170) и тѣ, о которыхъ онъ послѣ писалъ: «отдайте Мр—ому бумаги, привезенныя вамъ В—мъ, — организацію общества и (ту) которая такъ васъ скандализировала». (тамъ же, 196).

ОРГАНИЗАЦІЯ СОЮЗА ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНЫХЪ БРАТЬЕВЪ

Три степени:

I. Интернаціональные братья.

II. Національные братья.

III. Полу-тайная, полу-открытая организація Интернаціональнаго Союза Соціальной Демократіи.

I. Правила интернаціональныхъ братьевъ.

1. Интернаціональные братья не имѣютъ иного отечества, кромѣ всемірной Революціи, и иной чужбины, иного непріятеля, кромѣ Реакціи.

2. Они отвергаютъ всякую политику сдѣлокъ и уступокъ и считаютъ реакціоннымъ всякое политическое движеніе, не имѣющее прямой и непосредственной цѣлью торжество ихъ принциповъ.

3. Они Братья — никогда не нападаютъ другъ на друга, не выносятъ своихъ ссоръ въ публику или въ суды. Тре-

тейскій судъ, выбранный изъ братьевъ обѣими сторонами — вотъ единственное ихъ правосудіе.

4. Каждый долженъ быть священенъ для всѣхъ другихъ, болѣе священенъ чѣмъ родной братъ. Каждаго брата другіе обязаны защищать и помогать ему до послѣдней возможности.

5. Интернаціональнымъ братомъ можетъ быть только тотъ, кто искренно приметъ всю программу со всѣми ея теоретическими и практическими послѣдствіями, и который къ уму, энергіи, честности и скромности присоединяетъ еще революціонную страсть — носитъ чорта въ тѣлѣ (a le diable au corps). Мы не налагаемъ ни долга, ни жертвы. Но у кого есть эта страсть, тотъ сдѣлаетъ много, не воображая даже, что онъ приноситъ жертвы.

6. Для брата не должно быть ни дѣла, ни интереса, ни обязанностей болѣе священныхъ, чѣмъ служеніе революціи и нашему тайному Сообществу, которое должно ей служить.

7. Братъ имѣетъ право отказаться сдѣлать услугу, которой отъ него требуетъ Центральный Комитетъ или его Національный Комитвтъ — но много послѣдовательныхъ отказовъ заставятъ смотрѣтъ на него, какъ на человѣка злой или лѣнивой воли; онъ можетъ быть отставленъ своимъ Національнымъ Комитетомъ и, по представленію послѣдняго, быть уволенъ Центральнымъ Комитетомъ впредь до окончательнаго рѣшенія Учредительнаго Собранія.

8. Никто изъ братьевъ не можетъ принять общественной должности безъ согласіа Комитета, въ которомъ онъ участвуетъ. — Никто не можетъ совершить дѣйствій или манифестацій публичныхъ, противныхъ или даже чуждыхъ образу поведенія, опредѣленному его Комитетомъ, не посовѣтовавшись съ послѣднимъ. Всякій разъ, когда два или нѣсколько братьевъ соберутся вмѣстѣ, они должны совѣтоваться о важныхъ общественныхъ дѣлахъ.

6. Всѣ интернаціональные Братья знаютъ другъ друга. Между ними никогда не должно быть политической тайны. Никто не можетъ принимать участія въ какомъ бы то ни было тайномъ обществѣ безъ согласія своего Комитета и, въ случаѣ тотъ потребуетъ, безъ согласія [illegible]нтральнаго Комитета. — И то онъ можетъ принимать [illegible] только съ условіемъ открывать имъ всѣ тайны, мо[illegible]тересовать ихъ прямо или косвенно.

10. Организація Интернаціональныхъ Братьевъ подраздѣляется такимъ образомъ: А. Общій Комитетъ или Учредительное собраніе. В. Центральный Комитетъ. С. Національные Комитеты.

А. Общій Комитетъ.

Это собраніе всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ третей Интерн. Братьевъ, созываемыхъ правильно, или въ опредѣленные сроки, или какъ Чрезвычайное Собраніе, большинствомъ Центральнаго Комитета. Онъ есть верховная учредительная и исполнительная власть всей нашей организаціи, которой программу, Правила и органическіе Уставы онъ можетъ измѣнить.

В. Центральный Комитетъ.

Состоитъ: а) изъ центральнаго Бюро и b) изъ центральнаго Наблюдательнаго Комитета. Члены послѣдняго всѣ тѣ интернац. братья, которые, не участвуя въ Бюро, находятся на такомъ разстояніи, что могутъ быть созваны въ теченіи двухъ дней, и, конечно, всѣ проѣзжіе Братья. Впрочемъ обо всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ есть въ Правилѣ Союза Соціальной Демократіи. (См. статьи 2—4).

С. Національные Комитеты.

Всѣ національные Комитеты будутъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ интернаціональныхъ Братьевъ (независимо отъ ихъ національности), которые будутъ на лицо или вблизи отъ центра національной организаціи. Каждый національный Комитетъ будетъ равнымъ образомъ подраздѣляться на: а) Національное исполнительное Бюро, и на b) Національный наблюдательный Комитетъ. Послѣдній будетъ заключать въ себѣ всѣхъ находящихся на лицо интернац. братьевъ, не участвующихъ въ Бюро. Тѣ же отношенія, что и въ Союзѣ Соціальной Демократіи.

11. Для поступленія новаго брата нужно единогласіе всѣхъ присутствующихъ членовъ (по крайней мѣрѣ въ

числѣ трехъ) національнаго Комитета и утвержденіе большинствомъ двухъ третей центральнаго Комитета. Центальный Комитетъ можетъ принять новаго члена при единогласіи всѣхъ своихъ членовъ.

12. Каждый національный комитетъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы провѣрять и оживлять организаторскую, пропагандаторскую и административную работу своего Бюро. — Онъ естественный судья поведенія каждаго изъ своихъ членовъ во всемъ, что касается ихъ революціоннаго достоинства или же ихъ отношеній съ Обществомъ. Его приговоры должны представляться на утвержденіе Центральнаго Комитета. Онъ будетъ давать направленіе дѣйствію и публичнымъ манифестаціямъ всѣхъ членовъ. Онъ долженъ, чрезъ посредство своего Бюро того изъ Братьевъ, кого онъ назначитъ, поддерживать правильную переписку съ Центральнымъ Бюро, которому онъ долженъ писать по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли.

13. Національный Комитетъ организуетъ тайное Сообщество изъ Національныхъ Братьевъ своей страны.

II. Національные Братья.

14. Національные Братья должны быть организованы въ каждой странѣ такимъ образомъ, чтобы они никогда не могли избѣгнуть управленія общей организаціи Интернаціональныхъ Братьевъ, а именно организаціи Общаго Комитета и Центральнаго Комитета.

15. Каждый Національный Комитетъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ, установить между ними двѣ категоріи: a) категорію національныхъ Братьевъ, которые знакомы между собою во всей странѣ, и b) категорію Братьевъ, которые знаютъ другъ друга только по малымъ группамъ. — Національные Братья не должны ни въ какомъ случаѣ даже подозрѣвать существованія интернаціональной организаціи.

16. Провинціальные центры состоящіе цѣликомъ или частію изъ интернац. братьевъ, или изъ національныхъ братьевъ первой категоріи, будутъ находиться во всѣхъ главныхъ пунктахъ края, имѣя задачей проводить, какъ можно глубже и какъ можно дальше, тайную организацію

и пропаганду принциповъ, — не довольствуясь дѣятельностью въ городахъ, но стараясь также проводить ихъ въ деревняхъ и среди крестьянъ.

17. Національные Комитеты должны стремиться къ созданію, по возможности быстро, финансовыхъ средствъ, необходимыхъ не только для успѣха ихъ собственной организаціи, но также и для общихъ нуждъ всего Сообщества. По этому они должны посылать часть ихъ центральному Бюро.

18. Національныя Бюро должны быть очень дѣятельны— помня, что принципы, программы и правила только тогда и стоютъ чего нибудь, когда личности, которыя должны приводить ихъ въ исполненіе, носятъ въ себѣ чорта въ тѣлѣ. (ont le diable au corps).

III. Тайная организація Интернаціональнаго Союза Соціальной Демократіи.

1. Постоянный центральный Комитетъ Союза состоитъ изъ всѣхъ членовъ постоянныхъ Національныхъ Комитетовъ и членовъ центральнаго Женевскаго отдѣленія.

Эти члены, вмѣстѣ собранные, составляютъ общее тайное Собраніе, — которое есть учредительная и верховная власть Союза и которое должно собираться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ на Конгрессѣ Рабочихъ, какъ выборные отъ различныхъ національныхъ группъ Союза: — которое можетъ также быть созвано во всякое время, какъ центральнымъ Женевскимъ отдѣленіемъ.

2. Центральное Женевское отдѣленіе есть постоянная делегація постояннаго центральнаго Комитета. Оно состоитъ изъ всѣхъ членовъ Центральнаго Бюро и Наблюдательнаго Комитета, которые непремѣнно должны быть всегда членами постояннаго Центральнаго Комитета. — Центральное отдѣленіе будетъ верховнымъ Исполнительнымъ Совѣтомъ Союза въ границахъ Устава и круга дѣйствій, которыя могутъ быть опредѣлены и измѣнены только общимъ Собраніемъ. Оно будетъ рѣшать всѣ вопросы исполненія (но не устава и общей политики) простымъ большинствомъ голосовъ, и

такъ принятыя имъ рѣшенія будутъ обязательны для Центральнаго Бюро, если только Бюро, при большинствѣ своихъ членовъ, не пожелаетъ аппелировать въ общее Собраніе, которое въ такомъ случаѣ оно должно будетъ созвать въ теченіи трехъ недѣль. — Такъ созванное общее Собраніе, чтобы быть правильнымъ, должно состоять изъ двухъ третей всѣхъ своихъ членовъ.

3. Центральное Бюро — исполнительная власть — будетъ состоять изъ 3 до 5 или даже 7 членовъ, которые въ тоже время должны быть всегда членами центральнаго постояннаго Комитета. Центральное Бюро, какъ одна изъ составныхъ частей Центральнаго тайнаго Отдѣленія, будетъ организаціей тайной. Какъ таковая она будетъ принимать внушенія отъ центральнаго отдѣленія и предписывать его сообщевія такъ, чтобы не говорить его тайныхъ приказаній всѣмъ Національнымъ Комитетамъ, отъ которыхъ она будетъ получать тайныя донесенія по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Какъ таковая она будетъ имѣть сношенія болѣе или менѣе интимныя или публичныя, — смотря по странамъ и по обстоятельствамъ, — со всѣми Національными Бюро, отъ которыхъ будетъ принимать донесенія тоже разъ въ мѣсяцъ. Его явное правительство будетъ вродѣ Президентства федеральной Республики. Центральное Бюро, въ качествѣ какъ явной, такъ и тайной исполнительной власти Союза, будетъ оживлять тайную и явную пропаганду общества и стараться развивать ее во всѣхъ странахъ всевозможными способами. Оно будетъ управлять частью финансовъ, которые, сообразно статьѣ Ь. публичныхъ правилъ, будутъ посылаться ему отъ всѣхъ странъ на общія надобности. Оно будетъ издавать журналъ, брошюры, и посылать въ разъѣзды агентовъ, чтобы образовывать группы Союза въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ. Всѣ мѣры, принимаемыя имъ для блага Союза, должны впрочемъ отдаваться на рѣшеніе большинства центральнаго тайнаго отдѣленія, котораго члены впрочемъ сами будутъ участвовать въ Бюро. Какъ организація тайная и явная вмѣстѣ, которая должна состоять цѣликомъ изъ членовъ центральнаго постояннаго Комитета, Центральное Бюро должно быть прямымъ выражені-

емъ этого комитета. Временное центральное Бюро будетъ теперь представляться Женевской группой иниціаторской какъ временно выбранной всѣми членами основателями Союза, которыхъ большая часть, прежніе члены Бернскаго Конгресса, возвратились въ свои края, передавъ свою власть гражданину Б(акунину). — Это бюро будетъ дѣйствовать до перваго общаго публичнаго Собранія, которое сообразно статьѣ 7 публичныхъ правилъ, должно собраться, какъ вѣтвь Интернаціональной Ассоціаціи Работниковъ на ближайшемъ Конгресѣ Работниковъ. Понятно, что члены Новаго центральнаго Бюро должны быть назначены этимъ Собраніемъ. Но такъ какъ необходимо, чтобы центральное Бюро всегда состояло только изъ членовъ постояннаго центральнаго Комитета, то послѣдній долженъ постараться, при посредствѣ своихъ національныхъ комитетовъ, такъ организовать и направить мѣстныя группы, чтобы они послали делегатами въ это Собраніе только членовъ постояннаго центральнаго Комитета, или, за неимѣніемъ ихъ, людей совершенно преданныхъ дирекціи своихъ собственныхъ національныхъ Комитетовъ — такъ чтобы центральный постоянный Комитетъ всегда могъ заправлять всей организаціей Союза.

4. Наблюдательный Комитетъ будетъ контролировать всѣ дѣйствія центральнаго Бюро. Онъ будетъ состоять изъ всѣхъ членовъ центральнаго постояннаго Комитета, находящихся въ самомъ мѣстѣ или вблизи мѣстопребыванія центральнаго Бюро — равно какъ и всѣхъ членовъ временно живущихъ тамъ или проѣзжихъ, — за исключеніемъ членовъ составляющихъ Бюро. По требованію членовъ наблюдательнаго Комитета, всѣ члены его должны собраться въ теченіи трехъ дней, вмѣстѣ съ членами центральнаго Бюро, чтобы составить Собраніе центральнаго отдѣленія верховнаго исполнительнаго совѣта, — котораго права опредѣлены въ статьѣ 2.

5. Національные Комитеты образуются изъ всѣхъ членовъ постояннаго центральнаго Комитета, принадлежащихъ къ одной націи. — Какъ только будетъ въ постоянномъ центральномъ Комитетѣ три члена одной націи, они будутъ приглашены отъ Бюро, а въ случаѣ надобности централь-

нымъ отдѣленіемъ, составить Національный Комитетъ ихъ страны. Каждый Національный Комитетъ можетъ ввести новаго члена въ Центральный Комитетъ своей страны, но не иначе какъ за единогласіемъ всѣхъ членовъ. Какъ только новый членъ будетъ принятъ національнымъ комитетомъ, то этотъ комитетъ долженъ немедленно извѣстить объ этомъ центральное Бюро, которое занесетъ въ списокъ этого новаго члена и тѣмъ самымъ дастъ ему права члена центральнаго постояннаго комитета. — Центральное отдѣленіе въ Женевѣ равнымъ образомъ облечено властью принимать новыхъ членовъ, при единогласіи всѣхъ своихъ членовъ.

Каждый національный Комитетъ имѣетъ спеціальную задачу основать и организовать національную группу Союза, какъ публичную такъ и тайную, въ своей странѣ. Онъ будетъ его главой и администраторомъ при помощи своего Національнаго Бюро, которое онъ постарается основать, составляя его цѣликомъ изъ членовъ постояннаго центральнаго Комитета. Комитеты національные будутъ также относиться къ своимъ Бюро, при тѣхъ же правахъ и власти, какъ центральное отдѣленіе къ центральному Бюро. — Національные комитеты состоящіе изъ соотвѣтственныхъ Бюро и наблюдательныхъ комитетовъ будутъ признавать своимъ главою только центральное Бюро и будутъ служить единственными посредниками между имъ и мѣстными группами ихъ страны, какъ при пропагандѣ и администраціи, такъ и при взиманіи и платѣ взносовъ. Національные комитеты черезъ посредство своихъ соотвѣтственныхъ бюро постараются организовать Союзъ въ своей странѣ такъ, чтобы онъ былъ всегда управляемъ и представляемъ въ Конгрессѣ членами центральнаго постояннаго Комитета.

По мѣрѣ того какъ національные бюро будутъ организовывать свои мѣстныя группы, они будутъ стараться подчинять ихъ правила и программу утвержденію центральнаго бюро — утвержденію, безъ котораго мѣстныя группы не могутъ входить въ составъ Интернаціональнаго Союза Соціальной Демократіи.

ПРОГРАММА ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНАГО СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО СОЮЗА

1. Интернаціональный Союзъ основанъ съ цѣлью служить организаціи и ускоренію всемірной Революціи на основаніи принциповъ, провозглашенныхъ въ нашей программѣ.

2. Сообразно этимъ принципамъ, цѣлью революціи можетъ быть только: a) уничтоженіе всѣхъ государствъ и всѣхъ властей въ Европѣ, религіозныхъ, монархическихъ, аристократическихъ и буржуазныхъ. Слѣдовательно, разрушеніе всѣхъ существующихъ державъ со всѣми ихъ политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учрежденіями. b) Возстановленіе новаго общества на единственной основѣ свободно ассоціированнаго труда, принимая за точку отправленія коллективную собственность, равенство, справедливость.

3. Революція такая, какъ мы ее понимаемъ, или, лучше сказать, какою ее необходимо дѣлаетъ теперь сила вещей, носитъ характеръ главнымъ образомъ интернаціональный или всемірный. Въ виду угрожающей коалиціи всѣхъ привиллегированныхъ интересовъ и всѣхъ реакціонныхъ властей въ Европѣ, располагающихъ огромными средствами, которыя имъ даетъ искусно устроенная организація, въ виду глубокой розни, царящей теперь повсюду между буржуазіей и рабочими, — никакая національная революція не можетъ достичь успѣха, если она тотчасъ не распространится на всѣ другія націи, но она никогда не можетъ перейти границы одной страны и принять такой всемірный характеръ, если только она не будетъ носить въ себѣ самой всѣхъ элементовъ этой всемірности, т. е. если она не будетъ открыто соціалистической, разрушающей Государство и творящей свободу посредствомъ равенства и справедливости; потому что теперь ничто не въ состояніи соединить, электризовать, поднять эту великую, единственно истинную, силу вѣка — рабочихъ — кромѣ совершеннаго освобожденія труда, на развалинахъ всѣхъ покровительствующихъ учрежденій наслѣдственной собственности и капитала.

4. Такъ какъ будущая революція можетъ быть только

всемірной, то и Союзъ, или, говоря откровенно, заговоръ (конспирація), который долженъ ее подготовить, организовать и ускорить, долженъ быть такимъ же.

5. Союзъ будетъ преслѣдовать двойную цѣль: a) Онъ будетъ всѣми силами распространять въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ, истинныя понятія о политикѣ, о соціальной экономіи и о всѣхъ философскихъ вопросахъ. Онъ будетъ вести дѣятельную пропаганду журналами, брошюрами, книгами, а также основывая публичныя сообщества. b) Онъ будетъ стараться привлечь къ себѣ всѣхъ интеллигентныхъ, энергичныхъ, скромныхъ людей, доброй воли, искренно преданныхъ нашимъ идеямъ, чтобы образовать во всей Европѣ и, насколько возможно, въ Америкѣ, невидимую сѣть преданныхъ революціонеровъ, ставшихъ еще могущественнѣе черезъ этотъ самый Союзъ.

Программа и предметъ революціонной организаціи интернаціональныхъ братьевъ.

1. Принципы этой организаціи тѣ же, что и въ программѣ интернаціональнаго Союза соціальной демократіи. Они изложены еще точнѣе, въ отношеніи женскаго вопроса, вопроса религіозной и юридической семьи и Государства, въ программѣ русской соціальной демократіи.

Центральное бюро впрочемъ разсчитываетъ скоро дать болѣе полное теоретическое и практическое изложеніе этого.

2. Сообщество интернаціональныхъ братьевъ желаетъ революціи всемірной, соціальной, философской, экономической и политической вмѣстѣ, чтобы не осталось ничего отъ существующаго порядка вещей, основаннаго на собственности, на эксплуатаціи, на господствѣ и на принципѣ авторитета, метафизическаго и буржуазно-доктринерскаго или даже якобински революціоннаго; чтобы во всей Европѣ сначала, а [illegible]омъ и во всемъ остальномъ мірѣ, не осталось отъ него [illegible]я на камнѣ, при крикѣ: миръ рабочимъ, свобода всѣмъ [illegible]теннымъ, смерть поработителямъ, эксплуататорамъ, опе[illegible]мъ всякого рода! — мы хотимъ уничтожить всѣ госу-

дарства и церкви, со всѣми ихъ учрежденіями и законами религіозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и соціальными, чтобы всѣ эти милліоны бѣдныхъ человѣческихъ существъ, обманутые, порабощенные, мучимые, эксплуатируемые, освободились отъ всѣхъ своимъ начальниковъ и благодѣтелей оффиціальныхъ и оффиціозныхъ, обществъ и личностей, и вздохнули бы наконецъ съ полной свободой.

3. Такъ какъ мы убѣждены, что общественное и частное зло заключается гораздо менѣе въ личностяхъ, чѣмъ въ строѣ вещей и въ общественныхъ положеніяхъ, то мы будемъ гуманны, какъ по чувству справедливости, такъ и по разсчету; мы уничтожимъ безъ жалости положенія и вещи, чтобы имѣть возможность пощадить людей безъ опасности для Революціи. Мы отрицаемъ произволъ и мнимое право общества наказывать. Даже самая справедливость, взятая въ самомъ гуманномъ, широкомъ смыслѣ, есть только идея, такъ сказать, отрицательная и переходная; она ставитъ соціальную проблему, но не разсуждаетъ надъ ней, указывая только единственный возможный путь къ человѣческому освобожденію, т. е. къ очеловѣченью общества свободой при равенствѣ; положительное рѣшеніе можетъ быть дано только строемъ общества все болѣе и болѣе раціональнымъ. Это столь желанное рѣшеніе, нашъ общій идеалъ.... есть свобода, нравственность, просвѣщенность и благо каждаго, при солидарности всѣхъ, — это есть человѣческое братство.

Всякій человѣческій индивидуумъ есть непроизвольное произведеніе естественной и общественной среды, въ которой онъ родился, развился и вліянію которой онъ продолжаетъ поддаваться. Вотъ три великія причины всякой человѣческой безнравственности: неравенство, какъ политическое, такъ и экономическое и соціальное; невѣжество, которое есть его естественный результатъ, и ихъ необходимое послѣдствіе — рабство.

Такъ какъ всегда и вездѣ строй общества былъ единственной причиной преступленій, совершаемыхъ людьми, то наказаніе преступниковъ есть только лицемѣріе или очевидная безсмыслица со стороны общества, такъ какъ всякое наказаніе предполагаетъ виновность, а преступники никогда не бываютъ виновны. Теорія виновности и наказанія про-

изошла отъ теологіи, то-есть отъ связи безсмыслицы съ религіознымъ лицемѣріемъ.

Единственное право, какое можно признать за обществомъ въ его теперешнемъ переходномъ состояніи, это естественное право убивать преступниковъ, имъ самимъ произведенныхъ, въ интересѣ своей собственной защиты; но ни какъ не право судить ихъ и приговаривать. Это даже не будетъ право въ тѣсномъ значеніи этого слова; это скорѣе будетъ естественный фактъ, тяжелый, но неизбѣжный признакъ и произведеніе безсилія и глупости теперешняго общества; и чѣмъ болѣе общество будетъ въ состояніи избѣгать его примѣненія, тѣмъ болѣе оно будетъ приближаться къ своему дѣйствительному освобожденію. Всѣ революціонеры, угнетенныя страждущія жертвы теперешняго общественнаго строя, которыхъ сердца естественно полны мщенія и ненависти, должны хорошо помнить, что цари, притѣснители, эксплуататоры всякого рода такъ же виновны, какъ и преступники, вышедшіе изъ народной массы: они злодѣи, но не преступники, потому что они, также какъ и обыкновенные преступники, невольные продукты современнаго общественнаго строя. Нечего удивляться, если въ первую минуту возставшій народъ убьетъ ихъ много — это будетъ несчастіе, можетъ быть неизбѣжное, но такое же ничтожное, какъ опустошенія, сдѣланныя бурей.

Но этотъ естественный фактъ не будетъ ни нравственнымъ, ни даже полезнымъ. Въ этомъ отношеніи исторія полна поучительнаго: — ужасная гильотина 1793 года, которую ужь нельзя обвинять ни въ лѣности, ни въ медленности, не успѣла истребить дворянское сословіе во Франціи. Аристократія была тамъ если не совсѣмъ уничтожена, то глубоко потрясена, не гильотиной, а конфискаціей и продажей ея имѣній. И вообще, можно сказать, что политическія бойни никогда не убивали партій; они оказывались особенно безсильными противъ привиллегированныхъ сословій, такъ какъ сила заключается гораздо менѣе въ людяхъ, чѣмъ въ положеніи, которое даетъ людямъ строй вещей, т. е. учрежденіе Государства и его послѣдствіе, а также его естественное основаніе, личная собственность.

Чтобы произвесть радикальную Революцію, надо напасть на положенія и вещи, уничтожить собственность и Госу-

дарство, тогда не будетъ надобности истреблять людей и осуждать себя на непремѣнную и неизбѣжную реакцію, которую всегда производила и будетъ производить рѣзня людей въ каждомъ обществѣ.

Но чтобы имѣть право быть гуманнымъ къ людямъ, безъ опасности для революціи, надо быть безжалостнымъ къ положеніямъ и вещамъ; надо все уничтожить и въ особенности и прежде всего собственность и ея неизбѣжное послѣдствіе — Государство. Вотъ весь секретъ революціи.

Нечего удивляться Якобинцамъ, Бланкистамъ, которые стали соціалистами скорѣе по необходимости, чѣмъ по убѣжденію, и для которыхъ соціализмъ есть средство, а не цѣль Революціи, въ томъ, что они хотятъ диктатуры, т. е. централизаціи Государства, а Государство ихъ приведетъ по логической и неизбѣжной необходимости къ возстановленію собственности; — очень естественно, говоримъ мы, что не желая сдѣлать радикальной революціи противъ вещей, они мечтаютъ о кровавой революціи противъ людей. — Но эта кровавая революція, основанная на созданіи революціоннаго Государства сильно централизованнаго, имѣла бы неизбѣжнымъ результатомъ, какъ мы это послѣ докажемъ, военную диктатуру съ новымъ господствомъ. И такъ торжество Якобинцевъ и Бланкистовъ было бы смертью для Революціи.

4. Мы естественные враги этихъ революціонеровъ — будущихъ доктринеровъ, регламентаторовъ и опекуновъ революціи — которые, еще раньше уничтоженія настоящихъ монархическихъ, аристократическихъ и буржуазныхъ Государствъ, мечтаютъ уже о созданіи новыхъ революціонныхъ Государствъ, такъ же централизованныхъ и болѣе деспотическихъ, чѣмъ существующія теперь Государства — которые такъ сильно привыкли къ порядку созданному какой-либо высшей властью и чувствуетъ такое сильное отвращеніе ко всему кажущемуся имъ безпорядкомъ, который есть ничто иное, какъ открытое и естественное выраженіе народной жизни, что раньше даже, чѣмъ будетъ произведенъ революціей хорошій и спасительный безпорядокъ, мечтаютъ уже о концѣ и обузданіи его при помощи какой нибудь силы, которая будетъ имѣть только имя революціи, а на дѣлѣ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новой реакціей, потому что она будетъ на дѣлѣ новымъ осужденіемъ народныхъ массъ, управ-

ляемыхъ декретами, на повиновеніе, на неподвижность, на смерть, т. е. на рабство и на эксплуатацію новой квазиреволюціонной аристократіей.

5. Мы понимаемъ революцію въ смыслѣ разнузданія того, что теперь называютъ дурными страстями, и разрушенія того, что на томъ же языкѣ называется «общественнымъ порядкомъ».

Мы не боимся, мы призываемъ анархію, убѣжденные, что изъ этой анархіи, т. е. полнаго выраженія разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядокъ и самая сила Революціи противъ Реакціи. Эта новая жизнь — народная революція — безъ сомнѣнія не замедлитъ организоваться, но она создастъ свою революціонную организацію снизу вверхъ, отъ окружности къ центру — сообразно съ принципомъ свободы, а не сверху внизъ, не отъ центра къ окружности, по способу всякой власти — такъ какъ для насъ мало имѣетъ значенія, какъ называется эта власть, Церковь, Монархія, конституціонное Государство, буржуазная Республика, или даже революціонная диктатура. Мы ихъ ненавидимъ и отвергаемъ всѣхъ одинаково — какъ непремѣнные источники эксплуатаціи и деспотизма.

6. Революція, такая какъ мы ее понимаемъ, должна въ первый же день уничтожить радикально и окончательно Государство и государственныя учрежденія. Естественными и необходимыми послѣдствіями этого разрушенія будетъ: a) банкротство Государства; b) прекращеніе уплаты частныхъ долговъ при вмѣшательствѣ Государства, предоставляя каждому должнику право платить свои долги, если онъ хочетъ: c) прекращеніе платы всякихъ податей и взиманія всякихъ налоговъ, прямыхъ или косвенныхъ: d) распущеніе арміи, магистратуры, бюрократіи, полиціи и священниковъ; e) упраздненіе оффиціальнаго правосудія, отмѣненіе всего, что юридически называлось правомъ, а также и дѣйствія этихъ правъ. Слѣдовательно, упраздненіе и сожженіе (авто-де-фе) всѣхъ документовъ на собственность, актовъ наслѣдства, купчихъ, дарственныхъ, всѣхъ процессовъ — однимъ словомъ, всего бумажнаго хлама юридическаго и гражданскаго. Вездѣ и во всемъ революціонное дѣйствіе вмѣсто права, созданнаго и гарантированнаго Государствомъ; f) конфиска-

ція всѣхъ производительныхъ капиталовъ и орудій труда въ пользу рабочихъ ассоціацій, которые должны пользоваться ими коллективно; g) конфискація всѣхъ церковныхъ и государственныхъ имуществъ, а также и драгоцѣнныхъ металловъ у частныхъ лицъ, въ пользу федеративнаго Союза всѣхъ рабочихъ ассоціацій — Союза, который составитъ коммуну.

Взамѣнъ конфискованныхъ имуществъ Коммуна дастъ все крайне необходимое лицамъ, лишеннымъ такимъ образомъ всего, которые потомъ могутъ пріобрѣсть больше своимъ собственнымъ трудомъ, если смогутъ и если захотятъ. — h) Для организаціи Коммуны, федерація постоянныхъ баррикадъ (des barricades en permanence) и дѣйствіе Совѣта революціонной Коммуны посредствомъ делегаціи одного или двухъ депутатовъ отъ каждой баррикады, одного отъ улицы, или отъ квартала, депутатовъ облеченныхъ сильными полномочіями, всегда отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ. Такъ организованный Коммунальный Совѣтъ можетъ выбирать изъ своей среды исполнительные комитеты — отдѣльные для каждой вѣтви революціонной администраціи Коммуны. — i) Объявленіе со стороны возставшей и организовавшейся въ Коммуну столицы, что, уничтоживъ властное и опекунское Государство, по праву ей принадлежащему, такъ какъ и она была его рабой подобно всѣмъ другимъ мѣстностямъ, — она отрекается отъ своего права, или, скорѣе, отъ всякой претензіи на управленіе и указываніе провинціямъ. k) Обращеніе ко всѣмъ провинціямъ, коммунамъ и ассоціаціямъ съ приглашеніемъ всѣмъ послѣдовать примѣру столицы и реорганизоваться сначала революціонно, а потомъ послать къ условленному мѣсту собранія своихъ депутатовъ, также всѣхъ, облеченныхъ сильными полномочіями, отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ, чтобы составить федерацію ассоціацій, коммунъ и провинцій, возставшихъ во имя одинаковыхъ принциповъ, и чтобы организовать революціонную силу, способную восторжествовать надъ реакціей. Посылка не коммисаровъ революціонныхъ съ какими нибудь перевязями, а революціонныхъ пропагандаторовъ во всѣ провинціи и коммуны — особенно же къ крестьянамъ, которые могутъ быть революціонированы не принципами, ни декретами какой бы то ни было диктатуры, а только самимъ революціоннымъ дѣйствіемъ, т. е. послѣдствіями, которыя непремѣнно про-

изведетъ во всѣхъ коммунахъ совершенное прекращеніе юридической и оффиціально государственной жизни. Упраздненіе національнаго Государства еще и въ томъ смыслѣ, что всякая чужая страна, провинція, коммуна, даже ассоціація или отдѣльная личность, возставшія во имя одинаковыхъ принциповъ, будутъ приняты въ революціонную федерацію, не взирая на теперешнія государственныя границы, и на принадлежность къ разнымъ политическимъ и національнымъ системамъ, всѣ же провинціи, коммуны, ассоціаціи и личности, которыя примутъ участіе въ Реакціи будутъ исключены изъ этого. Посредствомъ самого этого факта распространенія и организаціи революціи, въ виду взаимной защиты возставшихъ странъ, восторжествуетъ всемірность революціи, основанная на упраздненіи границъ и на разрушеніи Государствъ.

7. Ни политическая, ни національная революція не можетъ восторжествовать, если только политическая революція не сдѣлается соціальной, а національная революція, именно въ силу своего характера, радикально соціалистическаго и разрушающаго Государство, не сдѣлается всемірной.

8. Такъ какъ революція должна вездѣ дѣлаться народомъ, и верховное управленіе ею должно всегда оставаться въ рукахъ народа организованнаго въ свободную федерацію земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій, — то новое и революціонное Государство, образуясь снизу вверхъ путемъ революціонной делегаціи и обнимая всѣ возставшія страны во имя одинаковыхъ принциповъ, помимо старыхъ границъ и національныхъ различій, будетъ имѣть въ виду администрацію общественныхъ службъ, а не управленіе народами. Оно составитъ новое отечество, Союзъ Всемірной Революціи противъ Союза всѣхъ реакцій.

9. Эта организація исключаетъ всякую мысль о диктатурѣ и правящей, опекунской власти. Но для самаго установленія этого революціоннаго союза и для торжества революціи надъ реакціей, необходимо, чтобы среди народной анархіи, которая будетъ составлять самую жизнь и всю энергію революціи, имѣла свой органъ, единство идеи и революціоннаго дѣйствія. Этимъ органомъ должна быть тайная и всемірная Ассоціація интернаціональныхъ братьевъ.

10. Эта ассоціація исходитъ изъ убѣжденія, что революціи никогда не дѣлались ни личностями, ни даже тайными обществами. Онѣ дѣлаются какъ-бы сами собою, производятся силою вещей, движеніемъ событій и фактовъ. Онѣ подготовляются долго въ глубинѣ инстинктивной совѣсти народныхъ массъ — потомъ онѣ взрываютъ, часто вызванныя повидимому ничтожными причинами. Все что можетъ сдѣлать хорошо организованное тайное общество, это сначала помочь зарожденію революціи, распространяя въ массахъ идеи, соотвѣтствующія инстинктамъ массъ и организовать, не армію революціи — арміей долженъ быть всегда народъ, — а нѣчто въ родѣ революціоннаго главнаго штаба, состоящаго изъ преданныхъ, энергичныхъ, интеллигентныхъ личностей, а въ особенности изъ искреннихъ, не честолюбивыхъ и не тщеславныхъ друзей народа, — способныхъ служить посредниками между революціонной идеей и народными инстинктами.

11. Число этихъ личностей не должно конечно быть громаднымъ. Для интернаціональной организаціи во всей Европѣ достаточно ста революціонеровъ, сильно и серьезно сплоченныхъ. Двухъ-трехъ сотенъ революціонеровъ будетъ достаточно для организаціи бо̀льшей страны.

IX.

ИЗЪ ПРОКЛАМАЦІЙ 1869 Г.

А.

КЪ ОБЩЕСТВУ!

(Прокламація Петербургскихъ студентовъ).

Мы, Студенты Медицинской Академіи, Университета, Технологическаго Института, Земледѣльческой Академіи, желаемъ:

1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу т. е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2. Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

и 3. Чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы аппелируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло — его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ.

Марта 20 1869 г.

Мы сочли нужнымъ перепечатать эту прокламацію студентовъ, какъ введеніе къ слѣдующимъ дальше прокламаціямъ Бакунина и Нечаева, такъ какъ послѣднія вызваны т. наз. «студенческими безпорядками» 1869 г. Хотя привыкшему къ западноевропейской университетской жизни и можетъ показаться просто невѣроятнымъ, чтобъ желанія, изложенныя въ

вышенапечатанной прокламаціи, могли считаться революціонными, однако въ Россіи заявленія студентами этихъ желаній въ 1869 году были признаны за революціонныя и дѣйствительно были прологомъ къ революціонному движенію 70-хъ годовъ. Изгнанные изъ школъ молодые люди составили публику, къ которой революціонеры, какъ Нечаевъ и Бакунинъ, обратили свои воззванія, а сосланные въ административную ссылку и убѣжавшіе изъ нея за границу составили первые кадры этого революціоннаго движенія Такъ правительство само приготовило желанный Бакунинымъ элементъ людей «безвыходнаго положенія».

B.

ПРОКЛАМАЦІЯ БАКУНИНА КЪ РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ.

Русскіе Студенты,

Полиція васъ бьетъ. но это «бдительному, умудренному опытностью» начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ живой народной потребности и все застыло.

Васъ хотятъ увѣрить, что вы не вы, а поляки.

Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ лишено основанія и требованіе права сходокъ неестественный мотивъ.

Разсмотрите же, какъ люди неминуемо дружные, всѣ эти казенныя увѣренія, выработанныя воровскимъ умомъ, который выдаетъ себя за здоровый.

Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая замираетъ. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

Поднимается, домогается, надѣется, вѣритъ въ свою будущность, соединяется, переработываетъ — Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсословная, безгосударственная.

Кто же это вамъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ живыхъ элементовъ?

Это вамъ говоритъ нажившійся, исподлившійся литераторъ-чиновникъ. Какъ будто между вами, юношами, кто нибудь найдется кто пойдетъ вслѣдъ такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не вѣримъ.

Вамъ говорятъ, что для васъ немыслимо помогать бѣднымъ товарищамъ, потому что про то знаетъ умудренное начальство, да монаршая милость во сто тысячъ серебромъ.

Литераторы-чиновники забываютъ несчастную повѣсть всякой казенной тысячи въ Россіи. Выжатая изъ труда народнаго, она ниспадаетъ съ великодушнаго верха подъ названіемъ монаршей милости и расходится по разнымъ боковымъ карманамъ, даже не достигая своего назначенія.

Какъ же у студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній не родиться желанію спасать бѣдныхъ товарищей, помогать имъ своими общими силами — прямо — помимо верхобоковаго начальства, а если можно, и помимо денегъ, выжатыхъ нагайкою изъ народнаго труда?

Къ чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человѣческое чувство и неиспорченный человѣческій смыслъ?

Вамъ говорятъ, что для васъ ненужно сходокъ? Про то знаетъ тоже умудренное начальство, а для васъ это неестественный мотивъ (который можетъ въ самомъ дѣлѣ казаться неестественнымъ разнымъ генераламъ Треповымъ, потому что они, сколько между собою ни хитрятъ и ни лицемѣрятъ, а встрѣчаться имъ гадко). А вамъ, студентамъ, между собою встрѣчаться — не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чемъ перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу.

Неужто у васъ потребовать сходокъ не просто человѣческій мотивъ (русскій, прусскій, польскій, англійскій, американскій и пр.)? Къ чему тутъ вліяніе какой нибудь польщизны?

Если бы у васъ такія потребности родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради, — вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да впрочемъ все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія нибудь жидовскія уста, за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

Нельзя къ этому не присовокупить нѣсколько словъ о Польщизнѣ, чтобы, насколько теперь возможно, — отрѣзать этотъ вопросъ отъ захвата казенной литературой.

Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и народную Литву — такъ какъ дворянская, чиновничья, казенная Россія губитъ народную Русь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь — были народною Польшей, народною Литвою, народною Русью. Кто станетъ доказывать ихъ тождество, ударится въ грязь — конечно не безъ казеннаго подарочка — и только.

Подробно о Польскомъ и Литовскомъ вопросѣ мы будемъ говорить въ другой разъ; также какъ въ другой разъ подробно разберемъ отношенія казенной литературы къ студентамъ.

А теперь къ вамъ, молодые друзья, послѣднее слово:

Учить васъ мы не станемъ; вы на мѣстѣ и лучше насъ видите, что теперь надо дѣлать.

Вы собственно для себя ничего не ищете, и ничего не хотите помимо народныхъ потребностей и движенія народнаго. Мы это знаемъ и видимъ, и потому въ ваше движеніе вѣримъ.

Бакунинъ (не подписано).

Женева, Апрѣль 1869.

С.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ МОЛОДЫМЪ БРАТЬЯМЪ ВЪ РОССІИ.

(Второй оттискъ)

Вы встали опять. Значитъ васъ похоронить не успѣли. Значитъ противугосударственный, всеразрушительный духъ молодого безсословнаго поколѣнія не мимолетная вспышка юношескаго легкомыслія и тщеславія, а выраженіе настоящей жизни и страсти. Значитъ онъ коренится глубоко въ потребностяхъ и во всемъ настроеніи народа.

Еслибъ ваше революціонное настроеніе было болѣзнію накожною, то героическія средства, употребленныя отечес-

кимъ правительствомъ для вашего излѣченія, давно бы увѣнчались успѣхомъ. Вы были бы уже здравы, т. е. отказавшись отъ всякой мысли и отъ всего что составляетъ человѣчество въ человѣкѣ, вы стали бы скотами въ ряду великаго множества чиновныхъ и государственно-сословныхъ скотовъ, поѣдающихъ нашу родину и губящихъ нашъ народъ. Вы заслужили бы право называться Всероссійскими патріотами.

Русская грамотная и безсословная молодежь, не смотря на свою молодость, вынесла ужъ много бурь. Она свѣжа и бодра духомъ, но стара опытомъ. Въ наше время, въ блаженныя времена простодушняго и сравнительно невиннаго деспотизма царя Николая, надо было прожить лѣтъ двадцать и больше, чтобъ испытать половину того, что вамъ пришлось испытать въ продолженіи послѣднихъ восьми или девяти лѣтъ.

Послѣ пожаровъ 1862 года, во время и послѣ Польскаго возстанія и вслѣдъ за Каракозовскимъ дѣломъ до настоящей поры, благодушащій царь Александръ Николаевичъ, кажется, не пожалѣлъ ничего, чтобы довершить ваше политическое воспитаніе. Поощряемый всею отечественною литературою, славянофилами и западниками, плантаторами и либералами, онъ путемъ розгъ и палокъ, пытокъ и висѣлицы, гуртовыхъ заключеній и ссылокъ, путемъ обреченія тысячи лучшихъ людей на голодную смерть, старался измѣрить вашу силу, вашу упрямую волю, вашу вѣру въ предпринятое вами Народное дѣло. Вы устояли, значитъ, вы крѣпки. Много, много товарищей вашихъ погибло, но на каждаго погибающаго растутъ изъ земли десять новыхъ бойцовъ, враговъ государства. Значитъ, приходитъ конецъ этому поганому государству.

Откуда берете вы вашу вѣру и силу? Вѣру безъ Бога, силу безъ личной надежды и цѣли? Откуда взялась въ васъ эта способность отдавать себя на погибель безъ тщеславія и фразы? Гдѣ источникъ того дико-разрушительнаго и холодно-страстнаго воодушевленія, отъ котораго цѣпенѣетъ умъ и останавливается кровь въ жилахъ у нашихъ противниковъ? Холопская литература стала въ тупикъ передъ вами. Она просто тутъ ничего не понимаетъ.

Были бы вы прислужниками, доносчиками, шпіонами, вочастными или казенными, со взломомъ или безъ взлома,

благонамѣренными подлецами, поборниками лакействующаго либерализма въ журналахъ, душителями крестьянъ и поляковъ; еслибъ вы загубили десятки тысячь народу, она бы васъ поняла, и стоило бы вамъ оказать себя благодарными, для того, чтобъ она васъ защитила и оправдала. Все это въ нашемъ византійско-славянскомъ мірѣ дѣло житейское и бывалое, отнюдь не противурѣчитъ ни нашему государственному благочинію, ни нашей государственной нравственности, не противурѣчитъ поэтому и Всероссійскому патріотизму.

Были бы вы идеальными юношами, мечтающими о наукѣ и человѣчествѣ, о свободѣ и правѣ по книжкамъ, она бы васъ опять поняла. Многозаслуженные и многоиспытанные ветераны нашей отечественной литературы, въ свое время, также читали, увлекались, мечтали, были студентами, страстно кланялись идеаламъ и обрекали себя на подвигъ. Жизненный опытъ, пріобрѣтенный въ грязнѣйшей въ мірѣ дѣйствительности, сдѣлалъ ихъ подлецами. Но они съ умиленіемъ вспоминаютъ свои молодые годы, и, безъ сомнѣнія, простили бы вамъ юношескій бредъ, твердо увѣренные въ томъ, что подъ вліяніемъ той же самой дѣйствительности вы скоро сдѣлаетесь не хуже ихъ подлецами.

Но вы ни воровать, ни мечтать не хотите; вы презираете почти одинаково міръ всероссійской дѣйствительности, и книжноидеальный міръ, служившій доселѣ для чистыхъ душъ убѣжищемъ отъ государственной грязи. Вотъ отчего отечественная литература наша стала въ тупикъ, вотъ отчего она не можетъ понять ни куда вы идете, ни чего вы хотите.

Въ недоумѣніи, господа московскіе и петербургскіе журналисты рѣшили, что ваше настоящее движеніе — дѣло польскихъ подземныхъ интригъ. Нельзя было выдумать ничего подлѣе и глупѣе. Подлѣе, потому что вызывать ярость свирѣпаго палача противъ измученной жертвы, такое позорное преступленіе, которое именно только въ нашей холопско-государственной Россіи возможно; глупѣе, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумія, чтобъ не замѣтить съ перваго раза пропасти, лежащей между программою огромнаго большинства польскихъ патріотовъ и программою нашей молодежи, представительницы и поборницы русскаго народнаго дѣла.

Между большинствомъ польскихъ дѣятелей и именно тою

польскою шляхетски-католическою партіею, которой журналистика наша приписываетъ наибольшее вліяніе на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цѣль: это ненависть ко Всероссійскому государству и твердая воля способствовать всѣми возможными средствами его найскорѣйшему разрушенію. Вотъ въ чемъ мы сходимся. Шагъ далѣе, и между нами открывается пропасть: мы хотимъ окончательнаго разрушенія всякой государственности въ Россіи и внѣ Россіи; они мечтаютъ о возстановленіи Польскаго государства.

Польскіе государственники мечтаютъ не о добромъ, потому что всякое государство, какъ бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющимъ камнемъ на жизнь народную. Они мечтаютъ о невозможномъ, потому что, впереди государства будутъ только рушиться, а не строиться. Они народо-ненавистной мечтой обрекаютъ свою родину на новую гибель, и еслибъ имъ удалось, пожалуй хоть съ помощью иностранцевъ, разумѣется, не съ народною помощью, возстановить польское государство, необходимо основанное на шляхетствѣ, или, что все равно, на личной поземельной и наслѣдственной собственности, они, безъ сомнѣнія, сдѣлались бы столько же нашими врагами, сколько и притѣснителями своего собственнаго народа. Если это случится, мы станемъ войной противъ нихъ, во имя общенародной свободы и жизни. А до тѣхъ поръ, мы имъ друзья и помощники, потому что ихъ дѣло — дѣло разрушенія Всероссійскаго Государства, также и наше дѣло.

У Русскихъ и не русскихъ народовъ, закабаленныхъ въ имперію, нѣтъ теперь злѣе врага, чѣмъ Всероссійское государство.

Но польскіе патріоты, къ несчастью, также мало разумѣютъ смыслъ русскаго движенія, какъ и наша кабальная журналистика. Потому и нѣтъ у нихъ довѣрія къ нему, и вліяніе ихъ на него всегда было, и, до сихъ поръ, остается ничтожнымъ. А не худо бы было и для нихъ и для насъ, еслибъ мы дѣйствительно заслужили клевету всероссійскихъ патріотовъ. Не худо бы было, еслибъ мы могли согласиться на единодушное дѣйствіе, хоть въ продолженіи перваго акта готовящейся обще-славянской трагедіи. Это не помѣшало бы намъ разойтись и стать другъ противъ друга врагами въ

трехъ послѣдующихъ актахъ, и, какъ слѣдуетъ, окончательно примириться въ послѣднемъ.

Нѣтъ, не вліяніе польскихъ интригъ, а другая, болѣе громадная сила движетъ русскою молодежью — сила народная. Приближаются времена Стеньки Разина...

Нынѣшнее благодушное царствованіе представляетъ замѣчательное сходство съ царствованіемъ добрѣйшаго изъ Романовыхъ, царя Алексѣя Михайловича, который, не смотря на свое историческое благодушіе, также немилосердно душилъ и грабилъ народъ, какъ и нынѣшній, въ пользу царской казны, въ пользу дворянъ, чиновниковъ-людоѣдовъ и во славу всероссійскаго государства. Тогда, какъ и теперь, измученный, разграбленный, и изнуренный голодомъ народъ бѣжалъ изъ деревень въ лѣса. Теперь, какъ и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь, все болѣе понимающая царскій обманъ, и ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путемъ, указаннымъ ей Стенькой Разинымъ... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встрѣча, новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россіей казенною.

Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организовавшейся государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ, и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ вѣроятно народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ за то легіонъ безсословной и безъимянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью, и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ, вотъ залогъ народной побѣды.

Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла ужъ въ себя душу народную — она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ, не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами. Вотъ настоящій смыслъ ея нынѣшнихъ, еще невинныхъ движеній, и вотъ почему эти движенія, не смотря

на свою видимую незначительность, повергаютъ въ трепетъ весь нашъ сословный, казенный, литераторствующій и правительствующій государственный міръ.

И такъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этомъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобъ пріобрѣсть способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая несомнѣнно народится потомъ, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ также, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, видимо, падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, говоря, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, слѣпымъ и глухимъ, чтобъ не услышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовясь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочій міръ подалъ себѣ руку, въ Европѣ и въ Америкѣ, и во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, васъ, работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ.

Михаилъ Бакунинъ.

Женева, 1869.

D.

ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦІОННАГО ВОПРОСА.

Между Россіей казенной и Россіей народной, между государственнымъ, сословно образованнымъ міромъ въ Россіи и революціей народной, открывается нынѣ пуще прежняго, и какъ бы въ послѣдній разъ, война на жизнь и на смерть.

Въ этой войнѣ, ни примиреніе, ни средній исходъ не возможны. Одинъ изъ противниковъ долженъ погибнуть: или Государство со всею своею мишурно-образованною сволочью, или Народъ.

Всѣ эксплуататоры, всѣ пользующіяся такъ или иначе существованіемъ, процвѣтаніемъ, могуществомъ Государства, т. е. народною бѣдою, стоятъ за Государство. Мы, разумѣется, стоимъ за Народъ..

Но недостаточно говорить, надо доказать дѣломъ, что мы стоимъ за народъ. Хотѣть освобожденія народнаго, значитъ хотѣть безпощаднаго разрушенія всего государственнаго строя, кореннаго уничтоженія всѣхъ порядковъ общественныхъ, силъ, средствъ, вещей и людей, на которыхъ зиждется крѣпость имперіи, всего, однимъ словомъ, что нынѣ существуетъ и торжествуетъ въ Россіи на гибель Народа.

Намъ предстоитъ сломать силу громадную. Словами ее не проймешь, надо дѣла. Въ чемъ же состоитъ это дѣло?

Само правительство указываемъ намъ путь, по которому мы должны идти, чтобы достигнуть своей, т. е. народной цѣли.

Оно гонитъ насъ теперь изъ университетовъ, изъ академій, изъ школъ. И чтожъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, оно право. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, основанныхъ и содержимыхъ имъ для образованія слугъ Государства, т. е. притѣснителей и эксплуататоровъ Народа, подъ вліяніемъ доктринерскихъ ученій и подтасованной науки, мы, пожалуй, могли бы испортиться. Вѣдь доктринерный, ученый развратъ, пожалуй, опаснѣе всякого другого. Онъ проникаетъ медленнымъ ядомъ всѣ помышленія и чувства, волю, сердце и умъ человѣка, создавая и узаконяя во имя столь же лживаго, сколько и громкаго слова: Цивилизація, теорію самой гнусной народной эксплуатаціи.

Подъ вліяніемъ этой науки и государственно-общественныхъ выгодъ, сопряженныхъ съ нею у насъ, большинство между нами дообразовалось бы до чиновнаго скотства. Другая меньшая часть додумалась бы до конституціоннаго, монархическаго или пожалуй даже республиканскаго либерализма, несомнѣнно болѣе благовиднаго, но пожалуй еще болѣе пагубнаго для Народа, чѣмъ даже настоящее чиновничье управленіе. Третья еще меньшая часть, состоящая изъ благодушныхъ соціалистовъ по книжкамъ, бросилась бы, по примѣру нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, воображающихъ, что можно устроить экономическое благо Народа при существующемъ государственномъ строѣ и безъ совершеннаго разрушенія всѣхъ государственныхъ условій и формъ, бросилась бы въ устройство рабочихъ артелей. Остальные же и весьма немногіе, соединяющіе въ себѣ доктринаризмъ псевдо-ученый съ наклонностями къ драматизму, и соціализмъ по книжкамъ, съ пустопорожнью и самолюбивыми мечтами о конспираціи и о революціи, стремились бы создать тайные кружки.

— Но какіе кружки?

Кружки безъ сомнѣнія основанные, въ ихъ собственномъ мнѣніи, для единой пользы Народа, но внѣ Народа, надъ нимъ. Кружки состоящіе исключительно изъ молодыхъ, доктринерно-образованныхъ конспираторовъ-соціалистовъ и революціонеровъ по книжкамъ, упоявющихся самомечтаніемъ, своимъ собственнымъ, большею частью пустымъ, но горячимъ словомъ, попадающихся и пропадающихъ не за дѣло, а за слова, и обреченныхъ самимъ положеніемъ своимъ столько же, сколько и направленіемъ своихъ мыслей, на жалкое бездѣлье и безсилье, потому что сила и дѣло только въ Народѣ, а между ними и Народомъ — пропасть.

Таковы наши кабинетные революціонеры-государственники и будущіе диктаторы, поклонники и представители какой-то молодежи внѣ Народа, призванной будто бы учить, вести, освобождать и счастливить Народъ. Они играютъ въ революцію, но лишены способовъ дѣлать ее... Въ желаніи у нихъ нѣтъ недостатка, охота у нихъ страстная, самообольщеніе и самомнѣніе огромное, да сила нулевая.

Отъ университетскаго развращенія уцѣлѣло бы развѣ только нѣсколько живыхъ, настоящихъ народныхъ людей; масса

учащейся молодежи погибла бы такъ или иначе. Вотъ этого то вѣроятно и боялось наше попечительное начальство, и для того, чтобъ не дать молодежи даромъ пропасть, оно закрываетъ нынѣ академіи, университеты и школы, и бросаетъ ее въ настоящую школу — въ Народъ.

Спасибо ему за то, что оно поставило насъ на такую славную и крѣпкую почву. Теперь у насъ есть земля подъ ногами, мы можемъ дѣлать. Чтожъ станемъ мы дѣлать?

Учить Народъ? Это было бы глупо. Народъ самъ и лучше насъ знаетъ, что ему надо. Напротивъ, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы, тайны не мудреныя, правда, но недостижимыя для всѣхъ живущихъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ.

Мы должны Народъ не учить, а бунтовать. Да развѣ онъ самъ собой не бунтуетъ? Бунтуетъ и никогда не переставалъ бунтовать; да только бунтовалъ онъ безплодно, потому что бунтовалъ въ рознь, и былъ до сихъ поръ, нерѣдко, послѣ самой кровавой борьбы, всегда побѣжденъ и задавленъ.

Чтожъ можемъ мы ему принести? Какую можемъ мы оказать ему помощь? Только одну, но чрезвычайно важную: мы можемъ дать ему то, чего у него до сихъ поръ не доставало и недостатокъ чего былъ главною причиною всѣхъ его поряженій — единство повсемѣстнаго движенія, посредствомъ сплоченія его же собственныхъ бунтующихъ и до сихъ поръ разрозненныхъ силъ.

Но для того, чтобы соединить всѣ его частные бунты въ одинъ бунтъ поголовный и всесокрушительный, т. е. въ народную революцію, намъ надо самимъ дѣятельнымъ образомъ, открыто и смѣло участвовать въ каждомъ изъ нихъ. Только подъ этимъ условіемъ признаетъ онъ насъ за своихъ. Для Народа слово ничего не значитъ, дѣло все. Братство съ нимъ возможно потому только на дѣлѣ, и только увидѣвъ насъ въ своемъ дѣлѣ, признаетъ онъ насъ за своихъ. Ну, а когда признаетъ, мы будемъ всесильны.

Въ Россіи существуютъ издавна два вида народнаго бунта: бунтъ мирнаго села, выведеннаго изъ терпѣнія, и разбойничій бунтъ.

Долготерпѣливъ русскій крестьянинъ, и чортъ знаетъ ка-

кую тягость неправды, притѣсненій и насилій государственныхъ, чиновничьихъ, помѣщичьихъ, поповскихъ, купеческихъ и кулацкихъ носитъ онъ, не жалуясь на своихъ палачей. На немъ стоитъ вся имперія, и кормитъ онъ всѣхъ своихъ лиходѣевъ, довольный, когда ограничиваясь лишь однимъ ограбленіемъ его, они не терзаютъ и не душатъ его. Но наконецъ приходится и ему не въ терпежъ, и когда, доведенный до крайности, онъ подымается противъ своихъ сунностатовъ, становясь въ свою очередь безпощаднымъ, онъ готовъ истребить все, что ему попадается подъ руки. Частные крестьянскіе бунты возобновляются такимъ образомъ каждый годъ, со времени основанія Московскаго Царства и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, во всѣхъ концахъ нашей широкой имперіи. Нерѣдко обнимаютъ они цѣлыя волости и уѣзды. Но не поддержанные одновременнымъ бунтомъ сосѣднихъ волостей, уѣздовъ и губерній, они легко подавляются военною силой, и утопаютъ въ крестьянской крови, которой правители наши никогда не жалѣли.

Крестьянскій рабочій людъ смирится на время, подъ напоромъ штыка и кнута, и принимается вновь за работу, тяжкую и для него безплодную. Но выдѣляются изъ его среды безпрестанно лихіе ребята, которые ни примириться, ни покориться не могутъ. Они бѣгутъ въ лѣса отъ государственныхъ злодѣевъ, и становятся разбойниками.

Разбой, одна изъ почетнѣйшихъ формъ русской народной жизни. Онъ былъ, со времени основанія Московскаго Государства, отчаяннымъ протестомъ Народа противъ гнуснаго общественнаго порядка, не измѣненнаго, но усовершенствованнаго по Западнымъ образцамъ, и укрѣпленнаго еще болѣе реформами Петра и освобожденіями Благодушнаго Александра. Разбойникъ, это герой, защитникъ, мститель народный; непримиримый врагъ Государства и всего общественнаго и гражданскаго строя, установленнаго Государствомъ; боецъ на жизнь и на смерть противъ всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизаціи.

Кто не понимаетъ разбоя, тотъ ничего не пойметъ въ русской народной исторіи. Кто не сочувствуетъ ему, тотъ не можетъ сочувствовать русской народной жизни, и нѣтъ въ немъ сердца для вѣковыхъ неизмѣримыхъ страданій народныхъ. Тотъ принадлежитъ къ лагерю враговъ-Государственниковъ.

Русскій разбой жестокъ и безпощаденъ, но не менѣе его безпощадна и жестока та правительственная сила, которая своими злодѣйствами вызвала его на свѣтъ. Правительственное звѣрство породило, узаконило и дѣлаетъ необходимымъ звѣрство народное. Но между ними та огромная разница, что первое стремится къ совершенному уничтоженію, второе же къ освобожденію Народа.

Со времени основанія Московскаго Государства, никогда не прерывался русскій разбой. Въ немъ хранится преданіе народнихъ обидъ; въ немъ одномъ доказательство жизненности, страсти и силы Народа. Прекращеніе разбоя въ Россіи значило бы или окончательная смерть Народа, или полнѣйшее освобожденіе его.

Разбойникъ въ Россіи настоящій и единственный революціонеръ — революціонеръ безъ фразъ, безъ книжной риторики, революціонеръ непримиримый, неутомимый и неукротимый на дѣлѣ, революціонеръ народно-общественный, а не сословный.... Въ тяжелые промежутки, когда весь кресьянскій рабочій міръ спитъ, кажется, сномъ непробуднымъ, задавленный всею тяжестью Государства, лѣсной разбойничій міръ продолжаетъ свою отчаянную борьбу и борется до тѣхъ поръ, пока русскія села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничій и крестьянскій сливаются, порождается народная революція. Таковы были движенія Стеньки Разина и Пугачева.

И нынѣ, отъ Петербурга до Москвы, ото Москвы до Казани, отъ Казани до Тобольска, до Алтайскихъ заводовъ, до Иркутска и до Нерчинска, идетъ непрерывное теченіе подземнаго, разбойничьяго потока. Разбойники въ лѣсахъ, въ городахъ, въ деревняхъ, разбросанные по цѣлой Россіи, и разбойники, заключенные въ безчисленныхъ острогахъ имперіи, составляютъ одинъ, нераздѣльный, крѣпко связанный міръ — міръ русской революціи. Въ немъ, и въ немъ только одномъ, существуетъ издавна настоящая революціонная конспирація.

Кто хочетъ конспирировать не на шутку въ Россіи, кто хочетъ раволюціи народной, тотъ долженъ идти въ этотъ міръ...

Времена приближаются... Села не спятъ... нѣтъ! волнуются. Со всѣхъ концовъ имперіи слышатся жалобы; стоны,

угрозы. На Сѣверѣ, на Востокѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ были уже значительныя народныя возстанія. Народная кровь подъ солдатскимъ штыкомъ потекла пуще прежняго. Но переполнилась мѣра терпѣнія народнаго, голодная смерть не легче смерти отъ штыка и отъ пули. Народъ теперь не заснетъ и число частныхъ возстаній будетъ возрастать все больше и больше. Возрастаетъ, видимо, и число ребятъ, бѣгущихъ въ лѣса; разбойничій міръ пободрѣлъ и оживился... Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева. Надо же будетъ отпраздновать народныхъ бойцевъ... Всѣ должны готовиться къ пиру...

Въ чемъ же состоитъ наша Задача?

Слѣдуя пути, указываемомъ намъ нынѣ правительствомъ, изгоняющимъ насъ изъ академій, университетовъ и школъ, бросимся, братцы, дружно въ Народъ, въ народное движеніе, въ бунтъ разбойничій и крестьянскій, и храня вѣрную, крѣпкую дружбу между собой, сплотимъ всѣ разрозненные мужицкіе взрывы въ народную революцію, осмысленную и безпощадную.

Отношеніе къ народу и школьной наукѣ, какое высказано въ этомъ листкѣ, мы видѣли уже въ брошюрѣ «Романовъ, Пугачевъ или Пестель». Спеціально на эту тему Бакунинъ писалъ брошюру «Наука и насущное народное дѣло», которой, по причинѣ ея значительнаго размѣра, мы не можемъ здѣсь воспроизвести. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что часто повторяемая Бакунинымъ мысль о томъ, будто образованнымъ людямъ, или какъ говорятъ въ Россіи (съ легкой руки поляковъ) «интеллигенціи», не чему учить «народъ», а надо самымъ учиться у него, — вовсе не составляетъ исключительной принадлежности «отщепенцевъ» въ родѣ Бакунина. Эту мысль на разные лады повторяли и повторяютъ и до сихъ поръ московскіе славянофилы, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой, разныхъ оттѣнковъ «народники» и т. п. Равно и презрительное отношеніе Бакунина къ русскимъ образованнымъ классамъ со временъ Петра, къ русской литературѣ и т. п. почти буквально высказывались напр. Ив Аксаковымъ.

Изъ брошюры «Наука и насущное революціонное дѣло» (32 стр. мелкой печати) мы выпишемъ здѣсь слѣдующія характерныя мѣста:

«Въ первомъ №-рѣ «Народнаго Дѣла», единственномъ, въ которомъ я участвовалъ и который почти исключительно при-

надлежитъ мнѣ*), я старался опредѣлить отношеніе, какое имѣетъ, въ настоящее время наука къ народу. Теперь хочу сказать нѣсколько словъ объ отношеніи той же самой науки къ настоящей революціонной молодежи.

«Въ «Н. Д.» я старался и кажется успѣлъ доказать, что какъ ни огромно значеніе науки въ послѣреволюціонномъ будущемъ для народа, въ настоящее время, т. е. до той революціи, которая должна поставить его на ноги и дать ему дѣйствительную возможность учиться, она рѣшительно для него не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, просто для него недоступна; что правительство, слишкомъ хорошо понимающее государственные интересы, живой и освобождающей науки до него не допуститъ; мертвая же или подтасованная наука, имѣющая единственною цѣлью провести въ народъ цѣлую систему ложныхъ представленій и пониманій, была бы для него положительно пагубна, заразила бы его нашимъ оффиціально-общественнымъ ядомъ и, во всякомъ случаѣ, отвлекла бы его хоть на малое время отъ единственнаго нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла — отъ бунта.

«Изъ всего этого я заключалъ, что люди, толкующіе въ настоящей средѣ и при настоящихъ условіяхъ объ образованіи народномъ, или пустые мечтатели и фразеры, или, что еще хуже, всенародные надуватели, эксплуататоры, просто враги» (стр. 1).

Бакунинъ нѣсколько измѣняетъ здѣсь свои мысли, высказанныя въ «Н. Д.». Тамъ онъ признавалъ, что «невѣжество народа» и теперь бѣдствіе для него, что и теперь «наука доступна для народа». «Несомнѣнно, говорилъ онъ, что правительство воспротивится всѣми силами устройству достаточныхъ и разумныхъ школъ для народа. Должно ли это насъ останавливать? Нисколько. Будемъ устраивать и помогать устройству школъ, въ крайнемъ случаѣ даже правительственныхъ, гдѣ и сколько будетъ возможно. Но не будемъ себя обманывать и скажемъ себѣ, что при бѣдности нашихъ средствъ и при громадности правительственнаго противудѣйствія, мы путемъ школъ никогда не добьемся до положительныхъ результатовъ.

«Путь освобожденія народа посредствомъ науки для насъ загражденъ; намъ остается по этому только одинъ путь, путь революціи. Пусть освободится сперва нашъ народъ, а когда онъ будетъ свободенъ, онъ самъ захочетъ и съумѣетъ всему научиться. Наше же дѣло приготовить всенародное возстаніе, путемъ пропаганды. (Стр. 23).

«Всякій народъ, взятый въ своей совокупности и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа — соціалистъ по своему

---

*) Рѣчь идетъ о газетѣ «Н. Д.» № 1, Сент. 1868 г. Отъ дальнѣйшихъ №№ этой газеты Бакунинъ отрекался и заявлялъ съ ними несогласіе. Тамъ писали, если не ошибаемся, Н. Утинъ, «Николка Публицистъ» и др. М. Др.

положенію. А эта манера быть соціалистомъ несравненно серьезнѣе манеры тѣхъ соціалистовъ, которые, по выгодной обстановкѣ всей своей жизни, принадлежа къ высшимъ сословіямъ, пришли къ соціалистическимъ убѣжденіямъ только путемъ науки и мысли» (стр. 13).

«Дайте себѣ трудъ поговорить съ нимъ (чернорабочимъ) серьезно, помогите ему, сколько надо и не больше, какъ надо, формулировать его же собственные глубокіе и насущные инстинкты, запросы и требованія, и вы увидите, что онъ серьезнѣе и глубже соціалистъ, чѣмъ вы сами.... Я говорю это положительно, не только въ отношеніи къ работникамъ французскимъ, англійскимъ, германскимъ, но безъ исключенія ко всему европейскому чернорабочему люду, и никакъ не исключая умнаго русскаго мужика, этого урожденнаго соціалиста.» (22—23).

Мысль Бакунина, что «народъ, когда будетъ свободенъ, самъ захочетъ и съумѣетъ всему научиться», — въ цензурной русской печати высказывалась въ той формѣ, что надо сначала поднять экономическое положеніе народа, а до тѣхъ поръ напрасны всѣ усилія къ его образованію. По такимъ соображеніямъ въ разныхъ органахъ русскихъ (напр. въ «Дѣлѣ») попытки «либеральныхъ земцевъ» устраивать школы народныя подвергались даже осмѣянію.

Для того, чтобъ понять возможность появленія этихъ ученій, — странныхъ въ устахъ тѣхъ, кто самъ получилъ школьное образованіе, — надо знать, что такое русское народничество, — терминъ, непереводимый ни на какой другой языкъ.

Народничество — не только политико-соціальный демократизмъ; это культъ «простого», «чернаго» народа, преимущественно сельскаго. Въ основѣ этого культа лежатъ идеи школы Ж. Ж. Руссо о натуральномъ совершенномъ состояніи человѣка (гр. Л. Н. Толстой иногда почти буквально повторяетъ Руссо), но эти идеи съ начала XIX в. въ Россіи осложнились національною реакціей противъ усвоенія высшими классами западноевропейскихъ формъ жизни и самаго языка (въ Германіи была въ свое время аналогичная реакція противъ французскаго вліянія, хотя не могла быть такъ сильна). Эта національная реакція въ $^1/_2$ столѣтія усилилась у образованныхъ русскихъ людей соціальнымъ раскаяніемъ передъ крѣпостнымъ правомъ, въ которомъ содержалось сельское населеніе и которымъ и эти образованные люди пользовались. Отсюда явилась не только идея о неоплатномъ долгѣ высшихъ классовъ передъ народомъ, но и о высокихъ добродѣтеляхъ этого народа-кормильца, а дальше, по реакціи презрительному взгляду крѣпостниковъ на «хамово отродіе», предположеніе въ этомъ народѣ и соціальныхъ и политическихъ инстинктовъ самыхъ либеральныхъ. Искусственное построеніе русской исторіи на тотъ ладъ, по которому и въ Зап. Европѣ либерализмъ вывелся изъ Тацитовой Германіи, довершило эту идеализацію

«народа». А тутъ явился западноевропейскій соціализмъ, да еще съ доктриною, что въ общественной жизни самое главное экономика и что классы имѣютъ свой спеціальный духъ, опредѣляющій характеръ всей цивилизаціи въ періодъ диктатуры извѣстнаго класса, — доктрина, которая у философовъ исторіи школы соціально-демократической смѣнила ученіе о спеціальныхъ духахъ націй и объ ихъ гегемоніяхъ въ исторіи, едва усвоенное русскими *). Такъ отъ почти совмѣстнаго вліянія западноевропейскихъ и спеціально-русскихъ явленій жизни и ученій и возникло русское народничество съ его благороднѣйшими и съ его страннѣйшими и вреднѣйшими особенностями.

Е.

НАЧАЛА РЕВОЛЮЦІИ

«Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat:
Quae ferrum non sanat, ignis sanat».
Hippocrate.

Мы понимаемъ Революцію, какъ переворотъ радикальный, какъ замѣну всѣхъ безъ исключенія формъ современной Европейской жизни другими, новыми, совершенно противуположными. Если всѣ существующія формы дурны, то совершенно новыя могутъ произойти только тогда, когда отъ разрушенія не уцѣлѣетъ ни одна изъ нихъ; т. е., совершенно новыя формы жизни могутъ произойти только изъ совершенной аморфности. Въ противномъ случаѣ, т. е. если убережется нѣсколько, даже хотя одна старая форма — значитъ уцѣлѣетъ зародышъ прежнихъ формъ и возможность ему въ будущемъ пышно разростись, — значитъ измѣненіе будетъ только кажущееся и временное, а жертвы и кровь, цѣной которыхъ куплено измѣненіе, будутъ потрачены даромъ. Такія кажущіяся измѣненія производились подлой знатью до сихъ поръ во всѣхъ странахъ. Государственники, закрываясь тѣмъ или другимъ мишурно-либеральнымъ костюмомъ,

*) По справедливому признанію г. Вл. Дебагорія Мокріевича (Воспоминанія, I, 14) все то, что русскіе народники читали у нѣмецкихъ соціалистовъ объ ихъ «четвертомъ классѣ», переносилось на крестьянство русское.

водили опьяненныя рѣчами толпы на кровавый бой и потомъ, послѣ побѣды, среди труповъ, павшихъ за мнимую свободу, устраивая новыя висѣлицы и эшафоты, на которыхъ казнили уцѣлѣвшихъ братьевъ революціонеровъ и возстановляли такимъ образомъ снова прежнія гнетущія условія. Честолюбцы пользовались всегда народнымъ недовольствомъ и озлобленіемъ для удовлетворенія честолюбія. Революціонеры и демократы въ началѣ, они становились деспотами въ концѣ; брошенный народъ, лишенный организаціи, уступалъ сплоченной массѣ войскъ. Такимъ образомъ настоящей революціи не было еще у народовъ, (у одного народа ея и быть не можетъ, она можетъ начаться только въ одной странѣ, но приведена къ концу должна быть вмѣстѣ всѣми). Для настоящей революціи нужны личности, не во главѣ толпы стоящія и ею повелѣвающія, а скрытыя незамѣтно въ самой толпѣ, и незамѣтно связывающія посредствомъ себя одну толпу съ другой, дающія также незамѣтно одно и то же направленіе, одинъ духъ и характеръ движенію. Такой только смыслъ имѣетъ веденіе тайной подготовительной организаціи и, настолько она необходима. Дѣятели настоящей народной революціи, какъ только выработаетъ ихъ жизнь, заявляютъ о себѣ фактически, сплочиваются и организуются во время самаго дѣла. Долгая подпольная работа, разъединенная съ фактической дѣятельностью, нерѣдко наполняла ряды людьми несостоятельными, поддававшимися обстоятельствамъ при первомъ напорѣ. Чѣмъ ближе ко времени истинно народнаго движенія, тѣмъ рѣже встрѣчается раздвоеніе мысли и дѣла. Глубже проникнутые революціонной идеей, поколѣнія, предшествующія перевороту, заключаютъ въ средѣ своей личностей, не могущихъ удерживать страсти разрушенія до наступленія всеобщей борьбы, быстро отыскивающихъ враговъ и не задумывающихся надъ ихъ уничтоженіемъ. Сперва, какъ бы исключительныя событія, называемыя современниками поступками фанатизма или изступленія, они должны чаще и чаще повторяться въ разныхъ формахъ, перейти потомъ какъ бы въ повальную страсть молодежи, и наконецъ, во всеобщее возстаніе. Это естественный путь... Истребленія высоко поставленныхъ лицъ, въ которыхъ воплощаются правительственныя формы или формы экономическаго разложенія, должны начаться съ единичныхъ дѣяній. Далѣе эта

работа будетъ облегчаться; по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться паника того слоя общества, что обреченъ на погибель. Дѣла, инициативу которыхъ положилъ Каракозовъ, Березовскій и пр., должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, въ дѣянія коллективныхъ массъ, въ родѣ дѣяній товарищей Шиллерова Карла Моора, съ исключеніемъ только того идеализма, который мѣшалъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, и съ замѣной его суровой, холодной, безпощадной послѣдовательностью. Всѣ таковыя коллективныя дѣянія молодежи быстро должны принимать все болѣе и болѣе народный характеръ отъ прилива озлобленныхъ, ничего не щадящихъ народныхъ силъ.

Понятіе революціи заключаетъ въ себѣ, относительно времени, два совершенно различные факта: начало, время разрушенія существующихъ общественныхъ формъ, доведеніе ихъ до аморфности, и конецъ, созиданіе, т. е. образованіе совершенно новыхъ формъ изъ этого аморфизма. Слѣдуя одной изъ тѣхъ дряхлыхъ классическихъ истинъ, что начало есть абсолютно не конецъ, хотя назамѣтно переходитъ въ него, — разрушеніе абсолютно не есть созиданіе и съ нимъ не совмѣстно. Диллетанты или филистеры науки, сытые мудствователи добраго стараго времени, въ борьбѣ съ идеями всеобщей революціи, писали длинныя разсужденія на одну и ту же тему: «Нельзя разрушать, не имѣя строго выработаннаго плана постройки». Они, какъ бы забывали, что всѣ тѣ благородныя, святыя личности, задавшіяся идеями о новой жизни, что думали воспроизвести мирнымъ путемъ въ существующемъ лучшія формы, въ видѣ опыта, были во всѣхъ странахъ преслѣдуемы, гонимы, подвергались страданіямъ и мукамъ. И, что послѣ милліоновъ жертвъ, мы дошли до убѣжденія въ томъ, что только насильственный переворотъ, борьба на жизнь и на смерть между наслаждающимися и угнетенными, обновитъ искаженный міръ... Наше первое дѣло борьба, холодная, ожесточенная; наша цѣль— полное разрушеніе всѣхъ стѣсняющихъ узъ. Не говоря о лжецахъ по профессіи, подлыхъ трусахъ, служителяхъ деспотизма, нанятыхъ отстаивать въ литературѣ и наукѣ существующій строй; мы знаемъ людей чистосердечно измышляющихъ планы лучшей общественной жизни. Они знаютъ хорошо, что ни на одно измѣненіе, противное правительству,

не можетъ быть испрошено соизволеніе правительства, знаютъ, что выгоды правительства радикально расходятся съ выгодами народа; понимаютъ, знаютъ, что нужно все взять силой и... все таки измышляютъ, измышляютъ, чортъ знаетъ для кого и на что; такъ какъ матеріалъ для измышленій берется изъ существующихъ гадкихъ условій, то все выходитъ одно и то же — та же гадость. Цѣлые десятки, сотни лѣтъ эти глупые люди набивали себѣ брюхо народнымъ добромъ и все измышляли чепуху; писали цѣлые томы, изъ томовъ составлялись библіотеки, это перечитывалось молодежью и снова переходило на бумагу. Такъ дошла до нашего времени куча разныхъ правъ человѣка-раба, сборъ философскихъ системъ человѣка суевѣра, системъ одна другую породившихъ и одна другую пожравшихъ, и пр. и пр. и все это зовется наукой... Гадко... Итальянскіе мужики начали настоящую революцію; они жгутъ всѣ бумаги — если овладѣютъ городомъ! Таковое истребленіе должно быть вездѣ. Мы говоримъ: полное разрушеніе несовмѣстимо съ созданіемъ, и потому должно быть исключительно абсолютно едино. Данное поколѣніе должно начать настоящую революцію, начать полное измѣненіе всѣхъ условій общественной жизни, т. е. данное поколѣніе должно разрушить все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ «скорѣй и больше». И такъ какъ данное поколѣніе само подвергалось вліянію тѣхъ отвратительныхъ условій жизни, противъ которыхъ возстаетъ, то этому поколѣнію не можетъ принадлежать дѣло созиданія, дѣло тѣхъ чистыхъ силъ, которыя выработаются въ дни обновленія. Мы говоримъ: мерзости современной цивилизаціи, въ которой мы выросли, лишили насъ способности устраивать зданіе Рая будущей жизни, о которой мы можемъ имѣть только туманное представленіе по понятію противуположности гадостямъ существующаго!... Для людей начавшагося практическаго дѣла революціи мы считаемъ всякія разсужденія объ этомъ туманномъ будущемъ преступными потому, что они мѣшаютъ чистому разрушенію, задерживаютъ ходъ начала революціи, а слѣдовательно отдаляютъ ея конецъ. Во время дѣла практическаго — это безплодное разстлѣніе ума, онанизмъ мысли. И такъ, по закону необходимости и строгой послѣдовательности, мы должны отдаться безраз-

дѣльно разрушенію, постоянному, безостановочному, неослабному, идущему крещендо до тѣхъ поръ, пока не останется ничего изъ существующихъ общественныхъ формъ для разрушенія. Не конспирація наша задача, а борьба фактическая съ перваго шага. Все что можно назвать годнымъ для дѣла обновленія Русской Земли, выростаетъ изъ этой борьбы. Будетъ рости борьба, будутъ рости и наши силы!... Отсюда ненависть къ покою, въ комъ бы и въ чемъ бы онъ ни проявлялся!... Мы должны нарушать этотъ тлетворный общественный сонъ, эту монотонность, эту апатію всѣми средствами!... Мы вѣримъ только тѣмъ, что фактически заявляютъ о своей преданности дѣлу революціи, не боясь ни пытокъ, ни заключеній, потому мы отрицаемъ всѣ тѣ слова, за которыми немедленно не слѣдуетъ дѣло. Безцѣльная пропаганда, не задавшаяся опредѣленно временемъ и мѣстомъ для осуществленія цѣлей революціи намъ болѣе не нужна!... Мало того, она мѣшаетъ намъ, и мы будемъ всѣми силами ей противудѣйствовать!... Мы хотимъ, чтобъ теперь говорили только дѣло, чтобъ умъ не путался съ словахъ празднословія; чтобъ тонъ полемики, журнальнаго задора не растлѣвали характеры, не порождалъ новыхъ говоруновъ, и не отвлекалъ на пустяки вниманія, которому необходимо теперь сосредоточиваться на важномъ дѣлѣ. Всѣхъ говоруновъ, кто не захочетъ понять этого, мы заставимъ замолчать силой!... Мы разрываемъ связь со всѣми политическими эмигрантами, которые не захотятъ вернуться на родину, чтобъ стать въ наши ряды; а пока эти ряды еще не видны, — со всѣми, которые не будутъ содѣйствовать ихъ открытому выступленію на сцену Русской жизни. (Исключенія для тѣхъ эмигрантовъ, которые уже заявили о себѣ, какъ о работникахъ Европейской революціи). Мы обращаемся теперь въ первый и послѣдній разъ, ко всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ Русской жизни и призываемъ ихъ къ дѣлу практическому тотъ часъ же. Пусть заявляютъ о себѣ въ борьбѣ всѣмъ своимъ людямъ и пусть во имя дѣла тѣсно смыкаются съ нами во время дѣла Далѣе повтореній и воззваній отъ насъ не будетъ. Имѣющій очи и уши увидитъ и услышитъ дѣятелей, и если не примкнетъ къ нимъ, не наша вина въ его гибели, какъ не наша вина, если все, что будетъ прятаться за кулисами, изъ трусости или изъ подлости, будетъ раз-

дроблено равнодушно, безъ сожалѣнія вмѣстѣ съ этими кулисами. Не признавая другой какой либо дѣятельности, кромѣ дѣла истребленія, мы соглашаемся, что формы, въ которыхъ должна проявляться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Ядъ, ножъ, петля и т. п.!... Революція все равно освящаетъ въ этой борьбѣ. И такъ, поле открыто!.. Жертвы указываются нескрываемымъ народнымъ негодованіемъ! Пусть же всѣ честныя, свѣжія головы воспрянутъ для обновленія жизни послѣ столѣтнихъ растлѣній. Пусть омрачатся послѣдніе дни общественныхъ піявицъ! Вопли страха и раскаянія раздадутся въ обществѣ, тряпичные литераторы будутъ испускать лирическіе стоны. Обращать ли на это вниманіе!?... Нѣтъ!... Мы дожны оставаться глубоко равнодушными ко всѣмъ этимъ завываніямъ и не входить ни въ какіе компромисы съ обреченными на гибель. Это назовутъ терророзмомъ!... Этому дадутъ громкую кличку! Пусть, намъ все равно! Мнѣніемъ ихъ мы не дорожимъ. Мы знаемъ, что въ цѣлой Европѣ не живетъ спокойной гражданской жизнью ни одинъ честный человѣкъ, и ни одинъ честный человѣкъ не можетъ, не кривя передъ справедливостью, кинуть намъ упрекъ. Отъ литературы современной, которая вся состоитъ изъ доносовъ да лести, отъ литературы продающей себя, мы не должны ждать ничего, кромѣ гадости и сплетень. Интересы современной, реальной науки, есть интересы царя и капитала, которымъ она исключительно служитъ, исключительно потому, что до сихъ поръ ни изъ одного открытія не сдѣлано прямого приложенія къ народной жизни; всѣ открытія или эксплуатированы барствомъ, диллетантами, торгашами, или принаравливаются на увеличеніе военныхъ силъ. Вся изобрѣтательность учащихся направлена въ сторону не народную, и потому интересы этой реальной науки не есть наши интересы. О наукѣ соціальной нужно ли говорить! Кто не знаетъ десятковъ дорогихъ именъ, усланныхъ въ Сибирь, или на поселеніе, за то, что думали честнымъ словомъ горячаго убѣжденія возстановить права людей. Ихъ пылкія, исполненныя вѣры и любви, рѣчи прекращались грубой силой... Данное поколѣніе должно само образовать ничего нещадящую грубую силу и идти безостановочно по дорогѣ разрушенія. Здоровый, не испорченный мозгъ молодежи долженъ понять, что го-

раздо человѣчнѣе рѣзать и душить десятки, много сотни, некавистныхъ людей, чѣмъ участвовать съ этими людьми въ систематическихъ законныхъ убійствахъ, мученіяхъ и терзаніяхъ милліоновъ мужиковъ, какъ участвуютъ болѣе или менѣе непосредственно наши чиновники, наши ученые, наши попы, наши купцы, словомъ всѣ сословные, гнетущіе всѣхъ безсословныхъ!... Пусть же всѣ здоровыя молодыя головы принимаются немедленно за святое дѣло истребленія зла, очищенія и просвѣщенія Русской Земли, огнемъ и мечемъ, братски соединяясь съ тѣми, которые будутъ дѣлать тоже въ цѣлой Европѣ.

F.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ РУССКОЙ АРМІИ.

Напечатапа за подписью Бакунина; упоминается въ его письмахъ и въ объявленіяхъ въ «Колоколѣ» 1870 г., котораго три номера издали Бакунинъ и Нечаевъ, и на оберткѣ брошюры «Всемірный союзъ рабочихъ». — Мы не имѣемъ оригинала этой прокламаціи и должны переводить ее съ французскаго перевода напечатаннаго въ книжкѣ « Alliance de la démocratie socialiste» и пр. 96—101.

Часъ послѣдней борьбы между Романовыми-Гольштейнъ-Готторнами и русскимъ народомъ приближается, борьбы между татарско-нѣмецкимъ игомъ и широкой славянской свободой. Весна у нашего порога и въ первые весенніе дни начнется бой... революціонная сила готова и ея торжество вѣрно, въ виду глубокаго и общаго недовольства массъ, которое царитъ въ эту минуту во всей Россіи. Существуетъ организація, чтобы направлять эту угрожающую революцію, потому что «тайная организація это какъ бы главный штабъ арміи, армія же эта — весь народъ».

Въ моемъ воззваніи къ молодымъ русскимъ братьямъ я говорилъ, что Стенька Разинъ, который станетъ во главѣ

народныхъ массъ во время столь очевидно близкаго разрушенія русской имперіи, будетъ не индивидуальнымъ героемъ, а коллективнымъ Стенькой Разинымъ. Всякій человѣкъ, если онъ не дуракъ, легко пойметъ, что я говорилъ о тайной организаціи, существующей и дѣйствующей уже въ настоящую минуту, сильной своей дисциплиной, преданностью и самоотверженіемъ своихъ членовъ, и своимъ пассивнымъ повиновеніемъ всѣмъ распоряженіямъ единственнаго Комитета, который все знаетъ и котораго никто не знаетъ.

Члены этого комитета прониклись совершеннымъ самоотверженіемъ: вотъ что даетъ имъ право требовать отъ всѣхъ членовъ организаціи абсолютнаго самоотреченія. Они до такой степени отреклись отъ всего, составляющаго предметъ страстныхъ желаній тщеславныхъ, честолюбивыхъ и властолюбивыхъ людей, что отказались разъ на всегда отъ частной собственности, власти, отъ публичнаго или оффиціальнаго могущества, и вообще отъ всякой извѣстности въ обществѣ, они осудили себя на вѣчную неизвѣстность, предоставляя другимъ славу, внѣшній блескъ и гласность дѣла, оставляя для себя, всегда въ собирательномъ смыслѣ, только самую сущность дѣла.

Какъ Іезуиты, — но не съ цѣлью порабощенія, а съ цѣлью освобожденія народа, — каждый изъ нихъ отрекся даже отъ собственной воли. Въ Комитетѣ, какъ и во всякой организаціи, не личность мыслитъ, желаетъ и дѣйствуетъ, а собраніе (collectivité). Такое отреченіе отъ своей жизни, отъ собственной мысли и воли многимъ покажется невозможнымъ, даже возмутительнымъ. Его дѣйствительно трудно осуществить, но оно необходимо. Это покажется труднымъ только новичкамъ, едва поступившимъ въ организацію, людямъ, еще не потерявшимъ привычки къ болтливому и тщеславному самохвальству, людямъ, играющимъ въ честь, въ личное достоинство и право, вообще тѣмъ, которые отклоняются въ сторону ради жалкихъ призраковъ предполагаемой гуманности, за которою оказывается въ русскомъ обществѣ раболѣпе передъ самой низкой и отвратительной дѣйствительностью. [illegible] отреченіе покажется труднымъ только тѣмъ, которые [illegible]тъ въ великомъ дѣлѣ удовлетворенія своего самолюбія, [illegible]длога для фразъ, и которые любятъ дѣло не ради его

самого, а ради драматической выставки ихъ собственной особы.

Каждый новый членъ свободно вступаетъ въ нашу организацію, зная напередъ, что разъ онъ принялъ въ ней участіе, то онъ принадлежитъ всецѣло ей, а не себѣ. Вступленіе въ организацію свободно, но выходъ изъ нея невозможенъ, потому что всякій членъ, вышедшій въ отставку, безъ сомнѣнія поставилъ бы въ опасность самое существованіе организаціи, которое не должно зависѣть отъ легкомыслія, каприза, отъ большей или меньшей скромности, отъ честности и силы одной или нѣсколькихъ личностей... Слѣдовательно, кто хочетъ участвовать въ ней, тотъ долженъ знать заранѣе, что онъ весь отдается ей, со всѣми своими силами, средствами, знаніями и жизнью, а это безповоротно... Это изложено яснымъ и точнымъ образомъ въ ея программѣ, которая опубликована и которая обязательна для всѣхъ членовъ комитета и для всѣхъ непринадлежащихъ къ комитету... Если членъ истинно вдохновленъ страстью (революціонной), то все, чего бы ни потребовала отъ него организація, покажется ему легко. Извѣстно, что для страсти нѣтъ трудностей; она не признаетъ невозможнаго, и чѣмъ больше препятствія, тѣмъ сильнѣе напряженіе воли, силы и умѣнья человѣка. возбужденнаго страстью. Личныя страстишки не найдутъ даже себѣ мѣста въ человѣкѣ одержимомъ этою страстью, ему даже не нужно жертвовать ими, потому что ихъ нѣтъ въ немъ. Серьезный членъ ассоціаціи заглушилъ въ себѣ всякое чувство любопытства, и неумолимо преслѣдуетъ этотъ недостатокъ въ другихъ. Хотя онъ признаетъ себя достойнымъ всякаго довѣрія, и именно потому, что онъ его достоинъ, т. е, потому, что онъ человѣкъ серьезный, онъ не старается и даже не желаетъ знать болѣе, чѣмъ ему слѣдуетъ, для того, и чобы исполнять возможно лучше ввѣренную ему задачу. Онъ говоритъ о дѣлахъ только съ указанными ему людьми, и говоритъ только вещи, предписанныя полученными приказаніями, и вообще, точно и безусловно придерживается приказаній и распоряженій исходящихъ свыше, никогда не спрашивая и не желая развѣдать о томъ, въ какой степени организаціи онъ находится, желая конечно, чтобы ему было довѣрено какъ можно больше работы, но, тѣмъ не

менѣе, ожидая терпѣливо той минуты, когда ему довѣрятъ ее.

Такая строгая и абсолютная дисциплина можетъ удивить и даже оттолкнуть новичка; но она не удивитъ и не оскорбитъ серьезнаго члена, человѣка дѣйствительно сильнаго и разсудительнаго; напротивъ, она будетъ пріятна ему, какъ гарантія его безопасности, если только онъ будетъ находиться подъ вліяніемъ этой захватывающей страсти видѣть торжество народа, о которомъ я говорилъ выше. Серьезный членъ пойметъ, что такая дисциплина есть необходимый залогъ относительной безличности каждаго члена, которая есть условіе sine qua non общаго торжества; что только эта дисциплина способна устроить дѣйствительную организацію и создать коллективную революціонную силу, которая, опираясь на стихійное могущество народа, будетъ въ состояніи побѣдить грозную силу государственной организаціи.

Быть можетъ меня спросятъ: какъ можно подчиниться диктаторскому управленію никому неизвѣстнаго комитета? Но Комитетъ вамъ извѣстенъ: вопервыхъ изъ своей программы, редактированной такъ ясно и точно, и излагаемой съ еще большими подробностями всякому члену, вступающему въ организацію. Кромѣ того за него ручается и то слѣпое довѣріе, которое имѣютъ къ нему люди, знакомые вамъ и уважаемые; то довѣріе, которое заставляетъ васъ отдать предпочтеніе этой организаціи передъ всѣми другими. Онъ извѣстенъ въ большей полнотѣ дѣйствующимъ членамъ организаціи своей неутомимой, рѣшительной дѣятельностью, распространяющейся повсюду и всегда согласной съ программой и цѣлью организаціи. И всѣ охотно подчиняются его авторитету, убѣждаясь все болѣе и болѣе, на самой практикѣ, съ одной стороны, въ его предусмотрительности истинно удивительной, въ его бдительности, въ его благоразумной энергіи и въ умѣньи сообразовать свои распоряженія съ желанной цѣлью, и, съ другой стороны, въ необходимости и спасительномъ дѣйствіи такой дисциплины.

Меня могутъ спросить: если составъ комитета такая непроницаемая тайна для всѣхъ, то какъ же вы могли получить свѣдѣнія о немъ и убѣдиться въ его дѣйствительномъ достоинствѣ? — Я отвѣчу откровенно на этотъ вопросъ. Не знаю ни одного изъ членовъ этого комитета, ни ихъ числа, ни мѣстопребыванія. Я знаю одно, что онъ не за

границей, а въ самой Россіи, какъ и слѣдуетъ быть; потому что революціонный комитетъ, засѣдающій за границей, есть абсурдъ, мысль о которомъ можетъ возникнуть только въ головѣ тѣхъ безсмысленныхъ и глупо честолюбивыхъ фразеровъ, принадлежащихъ къ эмиграціи, которые скрываютъ свое тщеславное и злокозненное бездѣлье подъ громкимъ названіемъ «Народнаго Дѣла» *).

Послѣ дворянскаго заговора Декабристовъ (1825), первая серьезная попытка организація была сдѣлана Лихутинымъ и его товарищами. Теперешняя организація есть первая организація революціонныхъ силъ всей Россіи, дѣйствительно удачная. Она воспользовалась всей подготовкой, всѣми опытами; никакая реакція не заставитъ ее распасться; она переживетъ всѣ правительства и не перестанетъ дѣйствовать, пока вся ея программа не перейдетъ въ повседневную жизнь Русскихъ и всего міра.

Почти годъ тому назадъ Комитетъ, считая нужнымъ дать мнѣ знать о своемъ существованіи, послалъ мнѣ свою программу вмѣстѣ съ изложеніемъ общаго плана революціонной дѣятельности въ Россіи. Будучи совершенно согласенъ съ первой и со вторымъ и убѣдившись въ серьезности предпріятія и людей, взявшихъ на себя эту иниціативу, я сдѣлалъ то, что, по моему мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать всякій честный эмигрантъ: я подчинился безусловно власти Комитета, единственнаго представителя и руководителя революціи въ Россіи. Обращаясь теперь къ вамъ, я только повинуюсь приказаніямъ Комитета. Болѣе этого я не могу вамъ сказать. Прибавлю еще слово къ этому. Планъ организаціи мнѣ достаточно извѣстенъ для того, чтобы быть убѣжденнымъ, что никакая сила не способна разрушить ее. Даже если бы народная партія потерпѣла новое пораженіе въ ближайшей борьбѣ, — чего никто изъ насъ не боится, мы всѣ вѣримъ въ близкую побѣду народа — но даже если бы наша надежда разбилась среди самыхъ ужасныхъ репрессалій, среди самой дикой раакціи, организація все же останется жива и здорова...

Основаніе программы самое широкое, самое гуманное: пол-

---

*) Намекъ на газету, которая выходила въ Женевѣ уже безъ Бакунина, но при участіи П. Утина. М. Др.

ная свобода и полное равенство всѣхъ человѣческихъ существъ, основанное на общей собственности и общемъ трудѣ, одинаково обязательномъ для всѣхъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые предпочтутъ умереть съ голоду, не работая.

Такова настоящая программа рабочаго міра всѣхъ странъ, и эта программа отвѣчаетъ требованіямъ и вѣковымъ инстинктамъ нашего народа... Предлагая эту программу простонародью, члены нашей организаціи были неразъ очень удивлены, видя, какъ оно быстро и широко понимаетъ ее, и съ какимъ жаромъ ее принимаетъ. Итакъ программа готова, она неизмѣнна. Кто за эту программу, тотъ пойдетъ за нами. Кто противъ насъ, тотъ другъ противниковъ народа, царскій жандармъ, царскій палачъ, нашъ врагъ...

Я вамъ говорилъ, что наша организація крѣпко устроена, а теперь прибавлю, что она такъ сильно укоренилась въ народѣ, что если бы мы даже потерпѣли неудачу, то реакція была бы безсильна уничтожить ее...

Рабская печать, повинуясь приказаніямъ III-го отдѣленія, старается увѣрить публику, что правительству удалось захватить заговоръ у самаго корня *). Оно ровно ничего не захватило. Комитетъ и организація неприкосновенны и такими будутъ всегда; правительство скоро убѣдится въ этомъ, потому что народный взрывъ близокъ. Онъ такъ близко, что каждый долженъ теперь рѣшить, хочетъ ли онъ быть нашимъ другомъ, другомъ народа, или же нашимъ и народнымъ врагомъ. Наши ряды открыты всѣмъ друзьямъ, къ какому бы мѣсту или положенію они ни принадлежали. Но какъ насъ найти, спросите вы? Организація, окружающая васъ со всѣхъ сторонъ, считающая между вами многочисленныхъ приверженцевъ, найдетъ сама того, кто ее ищетъ съ искреннимъ желаніемъ и сильной волей служить народному дѣлу. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Выбирайте.

М. Бакунинъ.

---

*) Говорится о товарищахъ Нечаева, арестованныхъ въ Декабрѣ 1869 г., послѣ убійства Иванова. М. Др.

Въ брошюрѣ Н. Утина приведенъ еще отрывокъ изъ «Призыва къ русскому дворянству», листка, который распространялъ Нечаевъ, какъ сочиненіе Бакунина. Вотъ этотъ отрывокъ:

Какія привиллегіи получили мы зато, что въ продолженіи цѣлой половины 19-го столѣтія были поддержкой трона, столько разъ поколебленнаго до самого основанія; за то, что въ 1848 году, среди бури народнаго безумія, разнузданнаго въ Европѣ, мы спасли, нашими подвигами, Русскую Имперію отъ соціалистическихъ утопій, которыя грозили завладѣть ею?.., Что даровано намъ за то, что мы предохранили Имперію отъ раздробленія, угасили въ Польшѣ пламя пожара, которое угрожало зажечь всю Россію: за то, что мы работали до сихъ поръ, не щадя нашихъ силъ, съ безпримѣрнымъ мужествомъ, надъ уничтоженіемъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи? — Не изъ нашей ли среды вышелъ Михаилъ Муравьевъ, этотъ доблестный мужъ, котораго самъ Александръ II, несмотря на свое слабоуміе, называлъ спасителемъ отечества? — Что мы имѣемъ за это? За всѣ эти неоцѣненныя услуги у насъ грабятъ все, чѣмъ мы владѣемъ... Это наше воззваніе есть манифестація громаднаго большинства русскаго дворянства, которое уже давно готово и организовано... Мы чувствуемъ нашу силу въ нашемъ правѣ, и дерзко бросаемъ перчатку въ лицо деспоту, нѣмецкому князьку Александру II Салтыкову-Романову, и вызываемъ его на благородный рыцарскій бой, который долженъ начаться въ 1870 году, между потомками Рюрика и партіею русскаго независимаго дворянства.

Вопросъ объ авторѣ этой прокламаціи, распространеніе которой со стороны Бакунина и Нечаева было бы признакомъ намѣренія сѣять не революцію, а смуту, долженъ быть еще изслѣдованъ.

X.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КАТЕХИЗИСЪ НЕЧАЕВА.

Въ процессѣ «Нечаевцевъ» была представлена маленькая шифрованная книжка, которую Нечаевъ тщательно сохранялъ и выдавалъ за признакъ спеціальнаго эмиссара Интернаціонала. Называлъ онъ ее «Революціоннымъ Катехизисомъ». Юристы процесса и Н. Утинъ считаютъ этотъ катихизисъ за сочиненіе Бакунина, который не отрицалъ этого мнѣнія. Вопросъ требуетъ провѣрки, — но въ катихизисѣ во всякомъ случаѣ много сходнаго съ писаніями Бакунина.

Общія правила организаціи.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣріи къ личности.

§ 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговоривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка.

§ 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки.

§ 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности, или сословія или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды спеціализируются членами.

§ 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ, въ свою очередь, каждый около себя, кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніе центральнаго, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-степени организатор(овъ)ы) вносятъ всю сумму свѣденій отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе.

§ 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ неменьшимъ результатемъ посредственно, т. е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгою аккуратностью.

§ 7. Общій принципъ организаціи — не убѣждать, т. е. не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя есть уже на лицо, исключать всякія пренія, неимѣющія отношенія къ цѣли.

§ 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, неимѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ.

§ 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго хода дѣла.

§ 10. По образованіи кружковъ второго разряда, прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся. Великорусскій отдѣлъ — Москва.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1. Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленія съ вящшею гарантіею безопасности общаго дѣла.

2. Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета. Они группируютъ тѣхъ лишь изъ кружковъ, на основаніи общихъ правилъ организаціи, которые, по усмотрѣнію комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью.

3. Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимные, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества.

4. Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постоянно по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6-ти, тогда отдѣленіе раздѣляется на группы, по указанію комитета.

5. Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, пріемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ

отношенія ко всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адресы.

6. Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи или средѣ и избираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ организованныхъ по общимъ правиламъ.

7. Все количество лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, разсматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла, или предпріятія, долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящія же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнить пало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснять сущность дѣла въ превратномъ видѣ.

8. О планѣ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію.

9. Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобъ со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, установляется самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія, чрезъ посредство тѣхъ звеньевъ, которыми оно связывается съ комитетомъ.

10. Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжія мѣста для заложенія новыхъ организацій.

11. Вопросъ о средствахъ денежныхъ стоитъ на первомъ планѣ: 1-ое—прямой сборъ съ членовъ, лицъ сочувствующихъ — на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ прописью количества жертвуемыхъ денегъ; 2-ое —косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е—устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-ое — разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія, болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого

плана; 5-ое — изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету.

12. Въ числѣ необходимыхъ условій для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-ое — образованіе притоновъ; 2-ое — допущеніе своихъ ловкихъ и практичныхъ людей въ среду разнощиковъ, булочниковъ и пр.; 3-е — знакомство съ городскими сплетниками, публичными женщинами и другія частныя собранія и распространенія слуховъ; 4-ое — знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-ое — заведеніе сношеній съ такъ называемой преступной частью общества; 6-е — вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-ое — поддержаніе агитаціи всевозможными средствами.

Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

(«Голосъ», отъ 10 (21) Іюля 1871 г. № 189).

Правила, которыми должны руководствоваться революціонеры.

Отношеніе революціонеровъ къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ — человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью — революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общественными условіями и нравственностью этого міра. Онъ для него — врагъ безпощадный и еслибъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ міровой науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изу-

чаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна — наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ожидать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе — успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль — безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7, Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ разсчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонара можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ та-

кимъ же революціонернымъ дѣломъ (?), какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны, по возможности, обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ второго и третьяго разрядовъ, т. е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ, спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ сообразоваться не съ какими нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ — съ одной стороны, а съ другой — трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношенія революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру — всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если онѣ могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-ая категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ по порядку ихъ относительно зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предъидущіе нумера убрались прежде послѣдующихъ.

§. 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышерѣченнаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личными злодѣйствами человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемою имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергическихъ дѣятелей, потрясти его силу.

§ 17 Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствами, связями, вліяніемъ, силой. Надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями; опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, связи, богатство и сила сдѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ донельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ (не)возможенъ (?), и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія — доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздно глаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія — женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: однѣ — пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія — горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ женщины, совсѣмъ наши, т. е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношенія товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т. е. чернорабочаго

люда. Но убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію *) тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народною товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образцу — движеніе, которое, всегда останавливаясь передъ собственностью и передъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ее другою и стремилось создать такъ называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни, но это — дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ, противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака міроѣда. Но (мы) соединимся съ лихимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.

§ 26. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу — вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

(«Правит. Вѣстникъ» 9 (21) Іюля 1871. № 162).

---

*) Обобщеніе, распространеніе. М. Др.

XI.

ПРОГРАММА СЛАВЯНСКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦІОНАЛА ВЪ ЦЮРИХѢ 1872.

Напечатана въ приложеніи В. къ книгѣ «Государственность и анархія». У г. Ралли находится французскій подлинникъ этой программы, писанный рукою Бакунина.

1. Славянская секція, вполнѣ признавая основные статуты Международнаго Общества Рабочихъ, принятые на первомъ Конгрессѣ (Сентябрь 1866, Женева), задается спеціальной цѣлью пропаганды принциповъ революціоннаго соціализма и организаціи народныхъ силъ въ славянскихъ земляхъ.

2. Она будетъ бороться съ одинаковой энергіей противъ стремленій и проявленій, какъ панславизма, т. е. освобожденія славянскихъ народовъ при помощи русской имперіи, такъ и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизаціи нѣмцевъ, стремящихся теперь организоваться въ огромное мнимо-народное государство.

3. Принимая анархическую революціонную программу, которая одна, по нашему мнѣнію, представляетъ всѣ условія дѣйствительнаго и полнаго освобожденія народныхъ массъ, и убѣжденные, что существованіе государства въ какой бы то ни было формѣ несовмѣстимо съ свободой пролетаріата, что оно не допускаетъ братскаго международнаго союза народовъ, мы хотимъ уничтоженія всѣхъ государствъ. Для славянскихъ народовъ въ особенности это уничтоженіе есть вопросъ жизни или смерти, и въ то же время единственный способъ примиренія съ народами чуждыхъ расъ напр. турецкой, мадьярской или нѣмецкой.

4. Съ государствомъ должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическимъ правомъ, всякое устройство сверху внизъ путемъ законодательства и правительства,

устройства, никогда не имѣвшаго другой цѣли, кромѣ установленія и систематизированія народнаго труда въ пользу управляющихъ классовъ.

5. Уничтоженіе государства и юридическаго права необходимо будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе личной наслѣдственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, такъ какъ та и другая совершенно не допускаютъ человѣческой справедливости.

6. Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи, одно сдѣлаетъ возможнымъ организацію народной жизни снизу вверхъ, на основаніи коллективнаго труда и собственности, сдѣлавшихся въ силу самихъ вещей возможными и обязательными для всѣхъ путемъ совершенной, свободной федераціи отдѣльныхъ лицъ въ ассоціаціи или въ независимыя общины или помимо общинъ и всякихъ областныхъ и національныхъ разграниченій, въ великія однородныя ассоціаціи, связанныя тождественностью ихъ интересовъ и соціальныхъ стремленій и общинъ въ націи, націй въ человѣчество.

7. Славянская секція, исповѣдуя матеріализмъ и атеизмъ, будетъ бороться противъ всѣхъ родовъ богослуженія, противъ всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ вѣроисповѣданій, и оказывая, какъ на словахъ такъ и на дѣлѣ, самое полное уваженіе къ свободѣ совѣсти всѣхъ и къ священному праву каждаго проповѣдовать свои идеи, она будетъ стараться уничтожить идею божества во всѣхъ ея проявленіяхъ религіозныхъ, метафизическихъ, доктринерно-политическихъ и юридическихъ, убѣжденная, что эта вредная идея была и есть еще освященіемъ всякаго рода рабства.

8. Она имѣетъ полнѣйшее уваженіе къ положительнымъ наукамъ; она требуетъ для пролетаріата научнаго образованія равнаго для всѣхъ безъ различія половъ, но, врагъ всякаго правительства, она съ негодованіемъ отвергаетъ правительство ученыхъ, какъ самое надменное и вредное.

9. Славянская секція требуетъ вмѣстѣ съ свободой равенства правъ и обязанностей для мужчинъ и женщинъ.

10. Славянская секція, стремясь къ освобожденію славянскихъ народовъ, вовсе не предполагаетъ организовывать особый славянскій міръ, враждебный, изъ чувства національнаго, народамъ другихъ расъ. Напротивъ, она будетъ стре-

миться, чтобы славянскіе народы также вошли въ общую семью человѣчества, которую Международное Общество Рабочихъ призвано осуществить на началахъ свободы, равенства и всеобщаго братства.

11. Въ виду великой задачи — освобожденія народныхъ массъ отъ всякой опеки и всякаго правительства — которую приняло на себя Международное Общество, славянская секція не допускаетъ возможности существованія среди его какой либо верховной власти или правительства, слѣдовательно не допускаетъ иной организаціи кромѣ свободной федераціи самостоятельныхъ секцій.

12. Славянская секція не признаетъ ни оффиціальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главнымъ совѣтомъ или общимъ Конгрессомъ. Она признаетъ только полную солидарность личностей, секцій и федерацій въ экономической борьбѣ рабочихъ всѣхъ странъ противъ эксплоататоровъ. Она въ особенности будетъ стремиться привлечь славянскихъ работниковъ ко всѣмъ практическимъ послѣдствіямъ этой борьбы.

13. Славянская секція за секціями всѣхъ странъ признаетъ: а) свободу философской и соціальной пропаганды; б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права другихъ секцій и федерацій; свободу организаціи для народной революціи; свободу связи съ секціями и федераціями другихъ странъ.

14. Такъ какъ Юрская Федерація громко провозгласила эти принципы и такъ какъ она искренно проводитъ ихъ на практикѣ, то славянская секція вступила въ ея среду.

Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—1864 гг. Бакунинъ отдалился отъ славянскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе что «панславизмъ» въ это время принялъ реакціонно-московское направленіе. Но въ самомъ «Интернаціоналѣ» явилась мысль воспользоваться памятью, оставленною Бакунинымъ въ Чехіи, для пропаганды соціализма. На Базельскомъ конгрессѣ «Интернаціонала» въ 1869 г. австрійскій делегатъ Неймейеръ заявилъ, что «славянскія населенія Австріи, кажется, поглощены въ свои вопросы расы и національности» и «пригласилъ Бакунина употребить вліяніе, которымъ онъ пользуется, чтобъ призвать рабочихъ

славянскихъ къ принятію участія въ движеніи соціалистическомъ». Бакунинъ отвѣчалъ, что, «онъ употребитъ свое скромное вліяніе, чтобъ притянуть не только чеховъ, но и привлечь весь панславизмъ, (tout le panslavisme) который терпитъ иго русскаго цезаря, — присоединиться къ великой международной федераціи работнической». (Testut. Le livre bleu de l'Internationale 164).

Намъ не извѣстно, каковы были непосредственныя дѣйствія, предпринятыя Бакунинымъ въ силу этого обѣщанія. Но въ 1872 г. онъ пробуетъ организовать славянскую секцію, которой программа перепечатана выше.

По поводу вышенапечатанной программы г. Рали пишетъ намъ:

«Относительно комитета славянскаго союза могу сказать слѣдующее. Онъ составился перво-на-перво изъ пяти человѣкъ: Бакунинъ, Э—цъ, Вл. Г., я и Р—съ. (Все русскіе. М. Др.) Потомъ Бакунинъ призвалъ меня одного къ себѣ въ Локарно и здѣсь рѣшилъ, что комитетъ будетъ состоять лишь изъ трехъ: его, Р—са и Лермонтова, я же буду связывающимъ членомъ комитета секретнаго съ комитетомъ не-секретнымъ, который составится изъ 9 человѣкъ. Не любя Р., котораго я прозвалъ «ярославскимъ лабазникомъ отъ революціи», я пріѣхалъ обратно въ Цюрихъ и передалъ рѣшеніе товарищамъ Э. и Г., а старику написалъ, что съ Р. у меня дѣло не ладится. Съ этого у насъ начались уже взаимныя пререканія, кончившіяся потомъ разрывомъ. По поводу всѣхъ этихъ дѣлъ союза у меня существуетъ множество писемъ, но не Бакунина, а Э, Р., Г., Гильома, Каферіо и пр.».

На наши вопросы о славянской секціи г. Ралли даетъ такіе отвѣты:

1. Какой былъ ближайшій поводъ къ учрежденію славянской секціи?

Мих. Алекс. Бакунинъ въ это время главнымъ образомъ былъ занятъ алліансомъ. Въ Италіи, въ Юрѣ все движеніе соціалистическое было въ рукахъ аліансенстовъ. Бакунинъ назначилъ ad hoc Р—са, меня и Лермонтова, членами центральнаго Комитета славянскаго алліанса, указалъ намъ на славянъ, находящихся въ Цюрихѣ, какъ на элементъ, чрезъ посредство котораго мы можемъ завязать связи съ сербами въ княжествѣ, кроатами, чехами и сербами военной границы. Съ этой то цѣлью и была устроена славянская секція (Словенски завесъ), въ которую вошли тогда М. Е. (въ гр. Австріи), Г. С. (изъ Валево), Св. и нѣкоторые другіе, которыхъ имени не помню. П., одинъ изъ шефовъ радикаловъ сербскихъ бывалъ на собраніяхъ, но не вошелъ какъ членъ, а склонился болѣе на сторону Свѣтозара Марковича (марксиста), который въ то время былъ въ Цюрихѣ.

Всего въ «завесѣ» было членовъ человѣкъ 12—15. Изъ коихъ большинство были студенты сербы изъ Сербіи. Былъ и одинъ чехъ, а также одинъ Кроатъ.

4. Какія дѣянія совершила секція?

Слѣдующія: послала двухъ делегатовъ на С.-Имьенскій конгресъ Интернаціонала, послала въ Сербію книги революціоннаго характера, а именно «Госуд. и Анархію», Анархія по Прудону» и брошюры про Юрскую федерацію. Члены ея приняли участіе, противно волѣ Бакунина, въ неудавшейся попыткѣ освобожденія Нечаева на цюрихскомъ вокзалѣ, когда его выдали Россіи. И только.

5. Почему распалась?

Лишь только произошелъ разрывъ между нами и Бакунинымъ по поводу столкновенія между Р., Э., и Г., секція умерла сама собой. Элементы, составлявшіе ее, расползлись въ разныя стороны».

§ 8 даетъ основаніе думать, что, испробовавши неудобства имѣть дѣло съ такъ мало обученными людьми, какъ Нечаевъ, Бакунинъ нѣсколько измѣнилъ то отношеніе «къ наукѣ и насущному народному дѣлу», какое онъ высказывалъ въ листкахъ нечаевскаго періода своей дѣятельности.

XII.

КЪ РУССКИМЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРАМЪ.

№ 1. Сентябрь 1873.

Наша программа выходитъ въ свѣтъ въ самую неблагопріятную минуту; либерализмъ сороковыхъ, пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ снова занимаетъ мѣсто среди русской молодежи. Подъ вліяніемъ этого развращающаго либерализма гибнетъ сила, характеръ и энергія всего молодого, живого... Послѣ бурь Каракозовскаго и Нечаевскаго заговоровъ наступила старая безнравственная эпоха резонерства и либеральничанья — эпоха непробуднаго сна.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, мы всетаки печатаемъ нашу программу, печатаемъ потому, что именно теперь среди этого разврата считаемъ нужнымъ напомнить русской молодежи, что независимо отъ фрачнаго, дворянско-чиновнаго и мѣщанскаго общества живетъ еще другой міръ — міръ непочатый, котораго ничто не могло сломить, котораго не коснулся развратъ либерализма. Это МІРЪ КРЕСТЬЯНСКІЙ, это НАРОДЪ РУССКІЙ.

Русскій революціонеръ! Брось среду резонеровъ и буржуазныхъ политиковъ. Въ этомъ одномъ все твое спасеніе.

Революціонная Община Русскихъ Анархистовъ.

Лжецы, мистификаторы прочь съ дороги!!!
Hebert.

Русскій революціонеръ!

Мы даемъ тебѣ правдивую исповѣдь нашихъ убѣжденій, нашу вѣру, наши надежды, отъ которыхъ мы никогда не отступимъ. Вездѣ и всегда мы должны оставаться среди народа, братомъ своимъ по дѣлу считать только того, кто кинулъ разъ на всегда барскую среду, какъ бы либеральна и даже революціонна она ни была; только такимъ образомъ можно быть честнымъ, правдивымъ революціонеромъ. Мы

не вѣримъ въ нынѣшнее либеральное братство, мы не вѣримъ и въ тѣхъ людей, вышедшихъ изъ народа, которые, находясь среди баръ, изъ народнаго дѣла сдѣлали и дѣлаютъ себѣ прибыльное ремесло. Они во сто кратъ преступнѣе самаго барства.

Кто хочетъ служить дѣлу народнаго освобожденія, тотъ прежде всего самъ долженъ сдѣлаться одной изъ единицъ этого народа; тотъ долженъ слиться всецѣло со всѣми, отдавшими тѣло и душу свою на служеніе революціонному дѣлу. Революція мыслима только въ народѣ; среди него наше мѣсто и только среди него. Какъ у насъ, такъ и у тебя, нѣтъ и не можетъ быть имени, не можетъ быть тѣни тщеславныхъ надеждъ. Оставимъ славу, громкое имя, тщеславіе, честолюбіе врагамъ народнымъ, лжецамъ и мистификаторамъ. Пусть эти качества какъ клеймо разоблачаютъ ихъ передъ народнымъ судомъ.

Да здравствуетъ истинно народная Революція!

I.

У насъ нѣтъ отечества. Наше отечество — ВСЕМІРНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. У насъ нѣтъ другого врага кромѣ господства во всѣхъ его формахъ: религіозной, доктринерской, политической, экономической, соціальной.

Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣчнаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ.

Мы считаемъ необходимымъ:

1. Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, составляющихъ настоящій буржуазный порядокъ вещей.

2. Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ на мѣсто разрушеннаго государственнаго строя.

Въ дѣлѣ Революціи мы враги всего того, что такъ или иначе принадлежитъ къ авторитетной системѣ, всего того, что стремится къ руководженію народомъ. Слѣдовательно мы прежде всего враги такъ называемой революціонной диктатуры, временнаго правительства. Мы убѣждены, что всякая такая власть, какъ бы революціонна она ни была,

непремѣнно измѣнитъ въ концѣ концовъ народу и пожелаетъ увѣковѣчить себя. Революціи дѣлаются народомъ. Истинная Революція только среди народа. Всякая же власть тяготѣющая надъ народомъ фатальнымъ образомъ ему враждебна.

Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ Революцію какъ организованный взрывъ того, что зовется революціонными страстями, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ.

Мы признаемъ АН-АРХІЮ — это выраженіе жизни и стремленій народныхъ. Изъ Ан-архіи посредствомъ свободы должны возникнуть истинное равенство всѣхъ, новый порядокъ вещей, основанный на всестороннемъ развитіи всѣхъ, на свободно организованномъ трудѣ.

II.

Съ точки зрѣнія отрицательной или разрушающей, мы хотимъ: уничтоженія, банкротства, полной ликвидаціи государства и всего, что обусловливаетъ его существованіе; уничтоженія всякаго вмѣшательства въ платежъ долговъ коллективныхъ или частныхъ, въ передачу наслѣдствъ; уничтоженія всѣхъ налоговъ; уничтоженія всей высшей и низшей государственной администраціи; уничтоженія сословій, бюрократіи, арміи, магистратуры, полиціи, университетовъ, духовенства; уничтоженія монополій, привилегій, личной собственности. Ближайшимъ средствомъ для этого считается истребленіе въ первые же дни Революціи всѣхъ свидѣтельствъ ренты, собственности, ипотекъ, денежныхъ знаковъ, концессій, брачныхъ и другихъ свидѣтельствъ, паспортовъ, метрикъ и всякихъ гербовыхъ бумагъ. Мы хотимъ полнаго уничтоженія политическаго, юридическаго и законодательнаго права и замѣны его повсюду революціоннымъ фактомъ.

Съ точки зрѣнія положительной, какъ для созданія новаго экономическаго и соціальнаго порядка, такъ и по отношенію къ образованію организованной революціонной силы, нужной въ неизбѣжной борьбѣ возставшихъ массъ противъ реакціи, мы считаемъ необходимымъ самостоятельную организацію революціонныхъ группъ, возставшихъ

во имя того же самаго принципа народныхъ требованій, въ революціонныя общины, не обращая никакого вниманія на государственныя раздѣленія и границы.

Послѣ перваго взрыва революціи должны быть посланы выборные съ строго опредѣленными порученіями отъ революціонныхъ общинъ въ очаги революціи; должны организоваться ФЕДЕРАЦІИ какъ этихъ общинъ, такъ и этихъ очаговъ, должны постоянно поддерживаться баррикады и возстанія во всѣхъ точкахъ возставшихъ странъ въ виду общей защиты — словомъ, должна сложиться прочная федерація народныхъ силъ, организующаяся самостоятельно для борьбы.

Масса выборныхъ должна раздѣлиться на совершенно другъ отъ друга независимыя группы, взаимно дополняющія и помогающія другъ другу, напр. группы завѣдующія продовольствіемъ, революціонной защитой, организаціей труда, предварительнымъ задержаніемъ капиталовъ, временной отдачей капиталовъ и инструментовъ работы въ руки сельскихъ и промышленныхъ товариществъ, путями сообщенія, мѣной, просвѣщеніемъ, общинными и международными сообщеніями, революціонной пропагандой и пр. и пр. Все это, составляя великій федеральный союзъ революціонныхъ силъ, должно дѣйствовать подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ народныхъ массъ и подъ строгимъ надзоромъ ихъ.

Мы хотимъ созданія истиннаго союза или скорѣе братскаго сплоченія всѣхъ истинныхъ соціалистовъ-революціонеровъ противъ реакціи и всякаго рода реакціонеровъ, а въ особенности противъ тѣхъ, которые подъ маской Революціи работаютъ для себя, которыя создаютъ свою личную доктрину и свою собственную личную церковь, а отнюдь не служатъ народному дѣлу.

III.

Для образованія такой революціонной организаціи, необходимой для успѣха народнаго дѣла, для того, чтобы предохранить ее отъ происковъ враговъ народной свободы, помѣшать ея вырожденію или превращенію въ правительство, даже временное, очевидно нужно, чтобы была сила, организація въ средѣ самого народа, которая сплотившись вполнѣ при посредствѣ одной общей революціонной программы и

слѣдуя ей въ ея самыхъ крайнихъ послѣдствіяхъ, всегда бы оставалась стражемъ народной свободы и народныхъ правъ, страшнымъ безпощаднымъ мстителемъ для враговъ народныхъ. Эта чисто народная организація должна оказывать могущественное вліяніе на самостоятельное движеніе народныхъ массъ, а также на дѣйствія и революціонныя мѣры ихъ выборныхъ и составленныхъ изъ нихъ административныхъ группъ. Такова цѣль истинно народной революціонной организаціи.

Эта организація, слѣдовательно, не имѣетъ задачею только приготовленіе Революціи. Она должна сохраниться и еще болѣе укрѣпиться во время Революціи для того, чтобы, будучи въ средѣ самого народа, самимъ народомъ, замѣнить собою всякое правительство или всякую офиціальную диктатуру. Вся многовѣковая исторія человѣчества доказала намъ, что всякое правительство, всякая власть, должны непремѣнно задушить революціонное движеніе въ массахъ и кончиться возстановленіемъ политическаго государства, слѣдовательно опять таки бюрократическаго, военнаго, угнетающаго и эксплуатирующаго, т. е., окончиться новымъ владычествомъ буржуазіи. Русскіе революціонеры должны будутъ, слѣдовательно, еще плотнѣе сплотиться на другой день Революціи для того, чтобы организовать ан-архію и грозный взрывъ революціонныхъ страстей, руководствуясь въ данномъ случаѣ инстинктами массъ; русскіе революціонеры должны дать народному движенію міровой характеръ, внѣ котораго ни одно національное или мѣстное движеніе не можетъ имѣть успѣха и неизбѣжно погибнетъ.

Русскіе революціонеры! Только такимъ образомъ можно создать непобѣдимую революціонную силу, которая, разрушая всѣ искуственныя границы, соединитъ во едино всѣ возставшія во имя однихъ и тѣхъ же народныхъ требованій общины, положитъ основаніе великому отечеству ВСЕМІРНОЙ РЕВОЛЮЦІИ и противупоставитъ его міру Реакціи. Эта сила объявитъ послѣдней войну на жизнь и на смерть, она не перестанетъ быть воинствующей и разрушающей до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать неравенство, угнетеніе, деспотъ, эксплуататоръ, рабъ, господинъ.

IV.

Та организація, на которую мы призываемъ, никогда не будетъ преслѣдовать другой цѣли кромѣ подготовленія и организаціи народной Соціальной Революціи, такой, какъ она опредѣляется нашей программой и практическими средствами, какъ отрицательными, такъ и положительными, въ ней высказанными.

Никогда и ни подъ какимъ видомъ она не позволитъ себѣ увлечься соображеніями минуты и такъ называемаго благоразумія, которое проповѣдуется буржуазными лже-революціонерами. Они ведутъ всегда только къ торжеству реакціи. Нашъ способъ пропаганды и организаціи долженъ всегда и вездѣ сообразоваться съ цѣлью; мы среди народа должны всегда идти прямо, не отклоняясь съ пути ни для кого, ни для чего. Мы никогда не подадимъ руки другой революціи кромѣ истинно народной, и не заключимъ союза съ направленіями противуположными ей или только различными отъ нея. Даже тѣ, которые теоретически съ нами согласны, но не съумѣли отдѣлаться отъ барскаго или мѣщанскаго тщеславія, самолюбія, честолюбія, навсегда останутся чужды намъ. Мы зорко будемъ слѣдить за ними, потому что считаемъ ихъ болѣе опасными чѣмъ кого либо. Наше орудіе противъ нихъ будетъ самое энергическое.

Мы не будемъ вмѣшиваться въ дѣйствія буржуазныхъ революціонныхъ партій, мы станемъ лишь пользоваться всякій разъ, какъ это будетъ удобно, результатами ихъ агитаціи и борьбы. Мы никогда не примемъ въ свою среду тѣхъ изъ нихъ, которые не отказываются отъ привычекъ буржуазной среды, которые радикальны и революціонны лишь потому, что нынѣ мода на подобнаго рода убѣжденія. Всюду и всегда мы станемъ разоблачать, срывать маску съ этихъ лже-революціонеровъ и показывать народу въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Мы покроемъ ихъ позоромъ, отъ котораго имъ никогда не очиститься. Только тотъ станетъ нашимъ братомъ, кто прежде всего подвергнется преслѣдованіямъ и угнетеніямъ, кто сдѣлается бездомнымъ и безпріютнымъ, какъ мы сами.

Мы никогда не позволимъ никакой личности, принадлежащей къ буржуазнымъ революціоннымъ партіямъ, проник-

нуть въ нашу среду, мы всѣми силами будемъ противодѣйствовать ихъ вліянію на народныя массы, такъ какъ всякая другая цѣль, всякое другое вліяніе, кромѣ изъ самаго народа исходящаго и въ народѣ пребывающаго можетъ только направить массы по ложному пути, обмануть и развратить ихъ. Истинная Революція, какую мы желеемъ, имѣетъ цѣлью не торжество извѣстной партіи, извѣстныхъ личностей, но полное соціальное освобожденіе массъ. Вотъ наша единственная цѣль и всякая другая революція ей абсолютно враждебна.

Русскіе революціонеры! Всякій изъ васъ, кто осмѣлится подать руку другой революціи будетъ считаться нами измѣнникомъ народной Революціи. Будемъ терпѣливы въ ожиданіи того времени, когда русскій народъ обратитъ въ развалины царство баръ и холоповъ; каждый день, каждый часъ станемъ честно и энергично работать, чтобы приблизить завѣтное время.

V.

Мы враги всякой власти, всякой эксплуатаціи, слѣдовательно нужно прежде всего, чтобы всякій изъ насъ отказался отъ ихъ употребленія для своей выгоды подъ какой бы то ни было формой. Люди тщеславные и честолюбивые, каковы бы ни были ихъ умственныя свойства, ихъ энергія, практическая умѣлость, политическія или соціальныя выгоды, которыя они бы могли принести нашему дѣлу, должны быть неумолимо раздавлены, потому что самая ихъ энергія и умъ дѣлаютъ ихъ тѣмъ болѣе опасными.

Всякій изъ насъ долженъ понять, что въ дѣлѣ Революціи самый знающій и самый умный человѣкъ, даже геній, можетъ дать массамъ лишь то, что они уже заключаютъ въ себѣ, въ своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ, инстинктахъ и стремленіяхъ; только осмысленную, научную формулу того, что они чувствуютъ и желаютъ. Кто дѣйствительно знаетъ народъ, тотъ знаетъ и то, что каждому изъ насъ приходится болѣе получать уроковъ отъ народа, чѣмъ давать ихъ ему. Всякій изъ насъ должено понять, что время выдающихся личностей прошло. Владычество личностей было совершенно естественнымъ и логичнымъ въ политическихъ революціяхъ,

такъ какъ всякая такая революція имѣла цѣлью замѣну одного правительства другимъ. Оно совершенно неумѣстно и невозможно въ Соціальной Революціи, которая, имѣя единственною цѣлью дѣйствительное освобожденіе массъ, должно уничтожить самый принципъ власти. Въ Соціальной Революціи можетъ быть мѣсто только для коллективной мысли, воли и дѣятельности.

Программа эта не наша, — это программа народа, ясно выраженная во всѣхъ его стремленіяхъ. Народъ всегда и вездѣ шелъ этимъ путемъ; всегда и вездѣ отклоняли его съ этого единственно вѣрнаго пути люди личной иниціативы, мечтавшіе о возможности учить народъ. Только та революція восторжествуетъ, гдѣ учителей этихъ не будетъ. Поэтому повторяемъ, эта программа не есть новая выдуманная нами форма, къ которой мы хотимъ приноровить дѣйствія народа; — это результатъ изученія народа, народныхъ инстинктовъ и идеаловъ; отрицаніе всякой опеки, всякаго руководженія народомъ.

Русскіе революціонеры! Сплотимся и создадимъ эту великую силу; она не выродится, не можетъ выродиться въ буржуазное общество, потому что мы всѣ рабочіе, а не бары; потому что наша цѣль — народное освобожденіе; потому что среди насъ не будетъ ни одного честолюбца, ни одного досужаго человѣка....

Прокламація эта, изданная кружкомъ молодыхъ бакунистовъ, послѣ личнаго ихъ расхожденія съ Бакунинымъ, интересна, какъ примѣръ отраженія идей Бакунина у его русскихъ учениковъ. Какъ говорили намъ нѣкоторые изъ издателей ея, она состоитъ изъ изрѣченій, которыя наиболѣе часто въ то время повторялись около Бакунина. Сравнивая эту прокламацію съ нѣкоторыми рѣчами Бакунина, напр. напечатанной выше подъ № VI, и съ его книгой «Государственность и анархія» и др., мы видимъ значительныя различія. Для Бакунина анархія не представлялась только съ одной разрушительной стороны, ни даже въ одной только коммунальной автономіи, — но и въ федеральномъ союзѣ общинъ въ области, а областей въ еще болѣе широкіе союзы, при чемъ Бакунинъ не забывалъ и національностей и племенъ. Это обстоятельство даетъ Бакунину извѣстное положительное значеніе, какъ одному изъ не мно-

гихъ проповѣдниковъ федеральныхъ теорій въ Россіи и въ славянствѣ. Ошибка Бакунина состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ представлялъ себѣ переходъ теперешнихъ централизованныхъ, военно-бюрократическихъ, государствъ въ федеративныя, не черезъ рядъ политико-административныхъ реформъ, а черезъ посредство катаклизма, который уничтожитъ государства. При этомъ Бакунинъ до послѣднихъ лѣтъ жизни употреблялъ старую философскую діалектику 30-хъ годовъ, проповѣдуя по крайней мѣрѣ въ устныхъ разговорахъ съ своими молодыми друзьями свои упованія въ такой формѣ, — что государственность (централизація) есть тезисъ, анархія или аморфумъ — антитезисъ, — а федерація — будетъ интезисъ. Слушатели его, совершенно лишенные историко-политическаго образованія и не имѣвшіе все таки богатаго опыта учителя, изъ всей это трилогіи подхватывали только среднюю часть: анархію — аморфизмъ и ставили себя совершенно въ фантастическій міръ, какъ это видно изъ вышеприведенной прокламаціи.

ДОБАВЛЕНІЯ

Къ страницѣ 56.

По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ листкѣ «Подъ судъ!» (приложеніе къ «Колоколу»), приближенный къ Муравьеву Амурскому Беклемишевъ, членъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибирью, цѣлымъ рядомъ незаслуженныхъ оскорбленій, довелъ Неклюдова, чиновника по особымъ порученіямъ при томъ же Муравьевѣ, до нанесенія Беклемишеву обиды дѣйствіемъ. Дуэль, которая состоялась затѣмъ, была будто бы устроена такъ, что выходила прямымъ убійствомъ Неклюдова съ вѣдома начальника полиціи и высшей администраціи въ Иркутскѣ. Муравьевъ во время дуэли отсутствовалъ, но потомъ будто бы взялъ подъ свою защиту Беклемишева.

Къ страницѣ 82.

По свѣдѣніямъ о Мартьяновѣ, напечатаннымъ въ 176 № «Колокола» (1 Янв. 1864), это былъ отпущенникъ гр. Гурьева, прожившій нѣкоторое время въ Англіи. Тамъ онъ, между прочимъ, напечаталъ брошюру «Народъ и государство», и письмо къ Александру II (въ «Колоколѣ», № 132, 1862, 8 Мая; перепечатано въ № 178, 1 Фев. 1864). Въ первой линіи авторъ выражаетъ государю ожиданіе отъ него «признанія правъ земства въ его отношеніяхъ къ государству», т. е. созваніе земскаго собора. Въ доказательство зрѣлости русскаго народа для такого учрежденія Мартьяновъ ссылается на соборы XVI и XVII в. Въ 1863 г. Мартьяновъ, вопреки предостереженіямъ лондон-

скихъ друзей, отправился въ Россію, гдѣ продалъ себя правительству, уповая, что царь, освободившій крестьянъ, не сочтетъ его виновнымъ въ выраженіи его искреннихъ совѣтовъ, какъ стать ему «земскимъ русскимъ царемъ». Но въ Россіи Мартьяновъ былъ осужденъ за свое письмо Сенатомъ на каторжную работу на 5 лѣтъ, а потомъ на пожизненное поселеніе въ Сибири. Вскорѣ Мартьяновъ умеръ.

Къ страницѣ 122.

Объ экспедиціи польской въ Балтійское море есть записки Лапинскаго, напечатанныя въ «Gazeta Narodowa», 1878, №№ 180—227 и резюмированныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 г., № 1 (Н. Бергъ. Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года). Первая половина исторіи экспедиціи до Мальме разсказана Лапинскимъ согласно съ письмомъ Бакунина, который изъ Мальме (гдѣ онъ произнесъ нѣсколько «удачныхъ» рѣчей на банкетахъ) возвратился въ Стокгольмъ. Лапинскій же съ отрядомъ, оставивъ скомпрометированный пароходъ, на парусномъ суднѣ доплылъ до Куришгафа, гдѣ хотѣлъ высадиться на прусской территоріи и оттуда проникнуть въ ближайшія русскія владѣнія. Но и этотъ планъ не удался по причинѣ плохихъ лодокъ и бурной погоды. Отрядъ отплылъ въ Швецію, откуда правительство отослало его въ Лондонъ. — Почему Бакунинъ не поѣхалъ съ отрядомъ изъ Мальме, а ограничился тѣмъ, что «его нога была на пароходѣ», Лапинскій не говоритъ.

Въ параллель разговоровъ Бакунина съ Руге о возможности простонародной революціи въ Россіи, мы приведемъ разсказъ Берга. по Лапинскому, о собраніи у Герцена, гдѣ были Маццини, Ледрю Ролленъ, Марксъ, Цвѣрчекевичъ, Лапинскій и Огаревъ.

«Герценъ утверждалъ, что польской революціи необходимо искать союза со всѣми недовольными въ Россіи. Есть возможность ожидать тамъ революціонной вспышки; тогда революція подастъ руку революціи».

— «Э! сказалъ Марксъ, занимавшійся очень серьезно жареной телятиной, въ Россіи можетъ быть только такой или другой бунтъ, причемъ достанется нѣмецкимъ платьямъ, а революціи никакой не будетъ».

«Это вызвало горячія возраженія со стороны Герцена и Огарева. Ледрю Ролленъ и Цвѣрчекевичъ имъ вторили. Маццини и Лапинскій больше молчали».

«Дорогой отъ Герцена, Марксъ сказалъ Лапинскому, что самый натуральный союзникъ поляковъ въ войнѣ съ Россіей — это нѣмцы и предложилъ доставить легіонъ въ 1000 человѣкъ съ вооруженіемъ отъ герц. Брауншвейгскаго. Но Демонтовичъ не хотѣлъ принимать и тѣхъ нѣмцевъ, которые по одиночкѣ предлагали свои услуги въ Лондонѣ: „нельзя брать нѣмцевъ, говорилъ онъ, ихъ поляки не любятъ, ими и безъ того захлебнулся нашъ край.... Они объѣдятъ всю нашу Литву, — вотъ чѣмъ кончится!“»

Составъ экспедиціи Лапинскаго вышелъ такой: поляковъ 164, французовъ 22, итальянцевъ 16, англичанъ 3, нѣмцевъ 3, швейцарцевъ 2, русскихъ 2, бельгійцевъ 2, венгерцевъ 2, голландецъ 1, кроатъ 1.

Любопытно, что Тургеневъ не вѣрилъ въ Россіи въ возможность и такого бунта, который допускалъ Марксъ, и писалъ Герцену: «Бакунинъ на стр. 21 своей брошюры (Нар. Дѣло) говоритъ: „Въ 1863 г. быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшитъ созвать земскую думу“. Если онъ хочетъ, я ему предлагаю, какое угодно, пари: я утверждаю, что царь ничего не созоветъ и 1863 годъ пройдетъ преувеличенно тихо». (Письма къ Герцену и проч., 162). Если оставить въ сторонѣ западныя губерніи, гдѣ крестьяне выступали противъ поляковъ, Тургеневъ оказался правъ.

Къ страницѣ 160.

(Отрывокъ письма) ... силы вмѣстѣ съ негодованіемъ противъ эксплуатирующаго и обманывающаго его правительства? — Но это поведетъ меньшинство прямо по Пугачевской дорогѣ? Однимъ словомъ, какъ, по вашему мнѣнію, должно дѣйствовать меньшинство: примирительно, одобрительно, въ дѣйствительномъ духѣ правительственныхъ реформъ, идущихъ прямо къ отрицанію народа; или отрицательно, революціоннымъ путемъ? — Вы этого нигдѣ не высказываете, и умалчиваете съ намѣреніемъ, потому что, находясь сами въ недоумѣніи, не хотите отрѣзать у себя ни того, ни

противнаго выхода, и въ надеждѣ, что обѣ стороны васъ равно слушать будутъ; люди мирныхъ и медленныхъ реформъ, клонящіеся болѣе на сторону правительства, найдутъ для себя удовлетвореніе и пищу въ вашихъ строкахъ, — но въ то же самое время между строками вы будете говорить съ передовыми людьми. — Разсчетъ не вѣрный, друзья. — Оказалось, что ваши старинные партизаны, отсталые друзья, отвернувшіеся впрочемъ отъ васъ потому, что интересы весьма положительные заставили ихъ отвернуться,— оказалось, что они, испуганные вашимъ междустрочнымъ ученіемъ, не хотятъ болѣе читать ваши строки; — а передовые люди, утомленные искусственнымъ благодушіемъ вашихъ невинныхъ строкъ, теряютъ вѣру въ искренность вашей междустрочной проповѣди. — Исключая развѣ себя, вы никому не угодили.

И въ чемъ же состоитъ, наконецъ, та коренная задача, въ смыслѣ которой, слѣдя по пути указанному правительственными реформами, меньшинство должно стремить общество къ самостоятельности? — Отгадать не трудно: задача соціальная. Вы прежде всего соціалисты и вашъ журналъ, если и не по исполненію, то хоть по намѣренію, соціалистическій журналъ. — Я говорю, не по исполненію, а по намѣренію, потому, что нельзя назвать въ самомъ дѣлѣ серьезнымъ соціалистическимъ журналомъ «Колоколъ», котораго все ученіе, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ограничилось немногими афоризмами:

1. Послѣднее слово всѣхъ вопросовъ религіозныхъ и политическихъ это соціальный вопросъ. — Время преобладанія религіозной и политической борьбы кончилось, настало время преобладанія интересовъ соціально-экономическихъ.

2. Западъ, отвергшій въ 1848 году исходъ, который ему былъ открытъ соціализмомъ, самъ произнесъ надъ собой роковой судъ, самъ приговорилъ себя къ истощенію и къ смерти и съ тѣхъ поръ, изнемогая въ борьбѣ безвыходной и безплодной, видимо каменѣетъ и умираетъ.

Эта новая основная, завѣтная мысль, Герценъ, высказанная тобою еще въ 1849 году и до сихъ поръ защищаемая тобою, можно сказать, съ страстнымъ фанатизмомъ изобрѣтателя. — Но эта мысль, по моему убѣжденію, не-

вѣрна. Напротивъ, я нахожу на Западѣ въ настоящее время несравненно болѣе задатковъ соціальнаго развитія и жизни чѣмъ въ Россіи. — Объ этомъ надо поговорить много и я постараюсь написать статью въ «Колоколѣ», чтобъ дать тебѣ возможность меня разгромить.

3. «Лихорадочный острый періодъ для соціализма прошелъ». — «Поле, повидимому, стало бѣднѣе, но замѣчательно очистилось, много выяснилось въ томъ, гдѣ искать отвѣтовъ и гдѣ ихъ не можетъ быть».

Это также одна изъ вашихъ любимыхъ темъ. Вы съ особенной страстью проповѣдуете безстрастность настоящей постановки соціальнаго вопроса. — Но мнѣ кажется, что вы впадаете этою проповѣдью въ тяжелую ошибку. Можетъ ли быть безстрастіе и скудость содержанія въ вопросѣ о дѣйствительномъ осуществленіи всего человѣческаго, всей полноты того міра, котораго онъ напрасно искалъ въ религіи, въ метафизикѣ, въ искусствѣ и политикѣ, всѣхъ завѣтныхъ и законныхъ инстинктовъ въ обыденной жизни и на этой землѣ? Нѣтъ спора, что въ соціальномъ вопросѣ, точно также какъ и во всѣхъ другихъ существенныхъ и живыхъ вопросахъ, — какъ въ музыкѣ контрапунктъ, въ скульптурѣ и въ живописи анатомія — есть своя весьма серьезная прозаическая, научная, ариѳметическая и вѣсовая основа — и что безъ этой сухой и существенной основы никакое живое развитіе не мыслимо. Но точно такъ же какъ контрапунктомъ безъ музыки, единственно только изъ любви къ контрапункту, способны заняться много много десятокъ сухихъ нѣмцевъ, — Вы можете быть увѣренными, друзья, что если бы въ соціальномъ вопросѣ, столь бѣдномъ своимъ содержаніемъ, по вашему мнѣнію, была бы только эта ариѳметическая научная сторона, — этотъ вопросъ остался бы на вѣки-вѣковъ чуждымъ для огромнаго большинства людей и народовъ и существовалъ бы только для немногихъ избранныхъ обожателей математическихъ рядовъ, въ родѣ нашего друга Огарева. — Вы скажете, что польза, волей-неволей заставитъ всѣхъ обратиться къ соціальному вопросу. Ну, это еще очень сомнительно. Чья польза? — Не польза же образованныхъ привилегированныхъ классовъ, которые не только на Западѣ, какъ утверждаетъ Герценъ, но точно

такъ же и въ Россіи прямо противуположны пользѣ эксплуатируемаго имъ большинства. — Даже не польза самого большинства, которое понять ее въ видѣ математическихъ рядовъ неспособно, — и которое никогда еще не подымалось въ исторіи силою только однихъ матеріальныхъ интересовъ, безъ участія сильныхъ идеальныхъ мотивовъ. Что же дѣлать, мои отрезвленные, прозаическіе друзья, — природы человѣческой ни вамъ, ни мнѣ не передѣлать; и она, къ несчастью нашему, такова, что человѣкъ живетъ не отъ единаго хлѣба и что ему помимо брюха нужно другаго. Правда, что безъ брюшнаго удовлетворенія онъ никогда не доработается до полнаго человѣка, — и на этомъ основана цѣлая половина соціальнаго вопроса, — но помимо удовлетворенія нуждъ матеріальныхъ ему необходимо удовлетвореніе ума и сердца, — ему нужно любви, справедливости, знанія, свободы. Вотъ чего онъ искалъ спокону вѣковъ и чего до сихъ поръ ищетъ въ религіи — и вы сами знаете, какъ сильно дѣйствовала религія всегда и вездѣ на народъ. Этотъ идеальный міръ былъ равносиленъ въ исторіи міру матеріальному, а не рѣдко даже оказывался и сильнѣе послѣдняго. — Религія, всякая религія ничто иное какъ небесный соціализмъ, точно также какъ соціализмъ ничто иное какъ земное, дѣйствительное осуществленіе существеннѣйшихъ религіозныхъ инстинктовъ. — Почему же вы думаете, что вступивъ въ фазу соціально экономическаго развитія, природа человѣка, пожалуй хоть русскаго крестьянина, вдругъ обѣднѣетъ, и что онъ ни съ того ни съ сего вдругъ откажется отъ цѣлой половины своего существа — и что, позабывъ вдругъ всѣ другія нужды, инстинкты, онъ исключительно займется развитіемъ своихъ матеріальныхъ интересовъ? — На это Огаревъ, въ послѣдней статьѣ, придумалъ новый отвѣтъ: Религіозныя бредни, говоритъ онъ, за недостаткомъ умственнаго развитія, необходимыя для пополненія человѣческаго существованія, останутся сами по себѣ, — а соціализмъ останется самъ по себѣ; безъ всякой внутренней связи, одинъ внѣ другаго: — «различныя только свободныя религіозныя убѣжденія отнюдь не мѣшаютъ проповѣданію экономическаго содержанія соціализма, — тѣмъ болѣе, что усиленіе производительности,

посредствомъ соединенія труда и владѣнія, вы объясните всякому (?) да еще всякому изъ тѣхъ, кто трудится и владѣетъ, отнюдь не мѣшая свободѣ его вѣрованій.... «Для меня очевидно, что соединеніе труда на нашей общинной почвѣ и переходное положеніе къ положительному пониманію черезъ свободу религіознаго и научнаго убѣжденія неминуемы»....

Далѣе онъ говоритъ: пропаганда свободы убѣжденія не встрѣтитъ въ Россіи препятствія въ общественномъ смыслѣ и всякое преобразованіе неминуемо приведетъ къ нему». — «Далѣе, что русскому крестьянину, надѣленному землей, не нужно капиталовъ для пріобрѣтенія оной къ заселенію, и что имѣющаяся у крестьянства земля, можетъ послужить для него основаніемъ кредита для прикупки земли. Отсюда слѣдуетъ заключить, что пропаганда соціально-экономическаго содержанія, соединенія труда и владѣнія, организаціи села и промышленной артели, обмѣна и торговли — не можетъ встрѣтить препятствія въ общественномъ смыслѣ крестьянства, и что это соціально экономическое преобразованіе должно стать основаніемъ всего развитія русскаго преобразованія».

Если бы, заключаетъ Огаревъ, мы въ нашей практической пропагандѣ хотѣли провести всю научную логичную полноту соціализма, — «мы свели бы развитіе соціализма на весьма медленное движеніе, которое, затрогивая немногія вершины цивилизаціи, едва касалось бы дола, т. е. народа (русскаго, неправда ли?), котораго практическое движеніе, при имѣющихся возможностяхъ, именно и составляетъ созиданіе соціализма въ дѣйствительности общественной жизни». (Довольно неясная фраза — но послѣдующее объясняетъ ее) «по этому, проповѣдуя, помимо всякихъ религіозныхъ и философскихъ — (по совѣсти и въ духѣ вашего «Колокола» Огаревъ долженъ былъ бы прибавить и всякихъ политическихъ и нравственныхъ) — началъ, земледѣльческой общинѣ, гдѣ владѣніе уже общинное по обычаю и по закону, — соединеніе труда, мы достигнемъ инаго громаднаго результата — осуществленія дѣйствительно-соціаль-

ной экономической общины; и возведя ее въ дальнѣйшія степени движенія, мы достигнемъ ея осуществленія въ ремесленно фабричномъ и торговомъ отношеніи».

Ну теперь все ясно — ясно, почему Герценъ сводитъ весь соціальный вопросъ (смотр. 15 Іюля 1865) на слѣдующія немудреныя предложенія:

«Люди, недовольные экономическими условіями труда— (кто эти люди? Не принадлежащіе же къ привилегированнымъ, эксплуатирующимъ классамъ — эти очень довольны), — неравновѣсіемъ силъ, ихъ потерей, рабствомъ работы, злоупотребленіемъ накопленныхъ богатствъ», но они «не хотятъ переѣзжать въ рабочія казармы», «не хотятъ чтобъ правительство гоняло ихъ на барщину». — (А всѣ правительства будутъ гонять на барщину большинство, пока правительство и вообще государство существовать будетъ). — «Не хочетъ разрушать семьи и очага» — (не разрушать, но освободить ее и лишить ее политическаго смысла, на перекоръ Прудону, всѣ логическіе соціалисты непремѣнно должны хотѣть). — «Не хотятъ поступиться частной собственностью. — (А наслѣдственность, хотите вы ее сохранить или нѣтъ? Во этомъ весь вопросъ).— «Т. е. они хотятъ при обновленіи или перерожденіи, сохранить на сколько возможно свою привычную жизнь, согласуя ее съ новыми условіями».... Какъ это кротко, невинно и мирно — т. е. люди привилегированныхъ классовъ хотятъ сохранить по возможности конфортъ и удобства, обезпеченные нынѣ за ними чужимъ трудомъ, — а эксплуатируемыя массы хотятъ по старой привычкѣ работать на дармоѣдовъ. Или проповѣдуя миръ соціалистамъ, и уговаривая ихъ «отбросить старое знамя непримиримаго раздора, исключительно враждебнаго антагонизма“ — вы въ самомъ дѣлѣ увѣровали, что привилегированные классы, которые на западѣ — изъ ужаса передъ краснымъ знаменемъ соціализма и передъ грозившею имъ необходимостью лишиться всѣхъ привилегій и наслаждаться и жить не болѣе какъ въ мѣру своего собственнаго дѣйствительнаго труда, — бросились подъ унизительное для нихъ самихъ покровительство военнаго деспотизма — или что хоть наша наслѣдственная бюрократія и нашъ привилегированный купеческій міръ, такъ

нѣжно въ послѣднее время обнявшійся съ государемъ и съ правительствомъ — потому что безъ правительства и государя не было спасенія для ихъ злостнаго, всепожирающаго дармоѣдства. — Неужели, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что всѣ эти классы и люди, праздные, убѣжденные Огаревскою ариѳметикою и Герценовскою геніальною риторикою, свободно и мирно откажутся отъ всѣхъ своихъ привилегій? — Друзья мои, да вѣдь вы повторяете золотыя мечты покойной и давно ужъ забытой „Démocratie pacifique“ Консидерана! — Вы, мои трезвые, строгіе, впадаете въ идиллію! — Нѣтъ, друзья, безъ борьбы и безъ жестокой борьбы ни на западѣ, ни въ Россіи не обойдется. Но возвратимся къ главной мирной пропагандѣ, Герценъ.

«На какихъ же разумныхъ основаніяхъ, — спрашиваешь ты, — можно согласить такія сложныя и противурѣчащія потребности?»

Въ этомъ то и задача, весь соціальный вопросъ такъ и становится, освобожденный отъ громовыхъ тучъ своихъ и молній. — Есть ли рѣшеніе?

«Въ прошломъ письмѣ, j'ai hasardé сказать, что одно изъ дѣйствительныхъ рѣшеній представляетъ русскій народный бытъ въ его современномъ развитіи. Бѣдное село наше, съ своей скромной общинной жизнію, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырѣзываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ, фаланстеры, икаріи, національные рабочіе, государственныя потребы и проч.».

Для чего ты не прибавилъ, что въ то время какъ всѣ эти проявленія и опыты государственнаго, регламентированнаго, свободу отрицающаго соціализма исчезаютъ со сцены... показываются на ней вольныя кооперативныя товарищества, которыя хотя и далеко не охватываютъ собою всего соціальнаго вопроса и поэтому не въ состояніи будутъ однѣ рѣшить его, но которыя, по содержанію и по смыслу своему, выше и глубже да дѣйствительнѣе вашей черной русской избы — по той простой причинѣ, что въ созиданіи ихъ участвуетъ творецъ всего человѣческаго: свобода — почему ты не прибавилъ, что если

валанстеры и исчезаютъ въ туманѣ, за то ваша хваленая русская община болѣе тысячи лѣтъ недвижно коснѣетъ въ навозѣ.

Дикое невѣжество и суевѣріе, патріархальный развратъ, тупоумное царство китайской обрядности, отсутствіе всякаго личнаго права, презрѣніе къ достоинству человѣка, или лучше сказать, незнаніе, совершеннѣйшее неподозрѣваніе его, безцеремонность наивнаго насилія, холодно-звѣрская жестокость, и полнѣйшее рабство обычая, мысли, чувства и воли, — вотъ душа этого тысячелѣтняго, безсмысленнаго гніющаго трупа....

Когда я разсказалъ Miss Reeve, каково внутреннее нравственное содержаніе русской общины, она съ ужасомъ ахнула и только спрашивала: «Pourquoi donc Herzen ne m'a jamais dit cela!»

Теперь объясняется все направленіе «Колокола».

Ну, друзья, на этомъ я сегодня и кончу. — В—въ ждать не можетъ. А письмо выйдетъ длиннее. Я вамъ пришлю продолженіе по почтѣ, и пришлю немедленно. Послѣ долгаго молчанія, я рѣшился наконецъ выговориться до конца, и разбирая ваше направленіе, высказать вамъ свое. Я былъ принужденъ остановиться на самой серединѣ. Потерпите, пришлю и конецъ и сведу всѣ начатыя нити къ одному цѣлому.

Къ страницѣ 172.

Письмо Герцена къ Александру II напечатано при 197 № «Колокола».

Государь,

Судьба неумолимо, страшно коснулась Васъ. Грозно напомнила она Вамъ, что не смотря на помазаніе, ни Вы, ни ваша семья, не освобождены отъ общаго закона — Вы подъ нимъ. Она два раза отмѣтила семейство ваше, разъ остріемъ косы и разъ ея тупой стороной — смертью Вашего сына, и странными слухами на счетъ его брата.

Къ безчисленному числу польскихъ семей, повергнутыхъ въ глубокое горе, потерявшихъ сыновей своихъ, прибавилась еще семья въ траурѣ — это ваша семья, Го-

сударь. Она счастливѣе ихъ, ея горе не будетъ оскорблено. Между нами, противниками вашей власти, не найдется ни одного бездушнаго негодяя, который проводилъ бы гробъ вашего сына обидой, который хотѣлъ бы сорвать трауръ съ матери или сестры, отнять тѣло у родителей и могилу у слезъ.... всего того что̀ дѣлали и дѣлаютъ ваши Муравьевы въ Польшѣ.

Въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя, въ нихъ человѣкъ пробуждается отъ ежедневной суеты, становится во весь ростъ, стряхиваетъ пыль — и обновляется. Вѣрующій — молитвой, не вѣрующій — мыслью. Минуты эти рѣдки и невозвратимы. Горе, кто ихъ пропускаетъ разсѣянно и безслѣдно; Вы въ такой минутѣ, Государь — ловите ее. Остановитесь подъ всею тяжестью удара, съ вашей свѣжей раной на груди и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ — о томъ гдѣ Вы и куда идете.

Если и смерть сына не можетъ Васъ разбудить, исторгнуть изъ дребезжащей и призрачной среды, въ которую Васъ поставило ваше рожденіе, то что же Васъ разбудитъ? Развѣ одно лишеніе престола, т. е. пустота и печальный досугъ, всегда сопровождающіе вдовство этого рода. Но такое позднее пробужденіе будетъ можетъ хорошо для васъ, но безполезно *для другихъ*. А эти другіе, когда рѣчь идетъ о Васъ — *весь народъ русскій*. Вотъ это-то и нудитъ меня неотступно опять писать къ Вамъ.

Первое письмо не прошло даромъ. Невольный крикъ радости, вырвавшійся изъ дали добровольной ссылки, подѣйствовалъ на Васъ. Вы на минуту забыли что я по рангу не имѣю права говорить съ Вами.

Языкъ свободнаго человѣка былъ для Васъ новъ, Вы въ его рѣзкихъ словахъ поняли искренность и любовь къ Россіи — Вы тогда еще не ссылали утопіи на каторгу, не привязывали къ позорному столбу человѣческой мысли. Это былъ медовой мѣсяцъ вашего воцаренія, онъ заключился величайшимъ актомъ всей династіи вашей — *освобожденіемъ крестьянъ*.

Побѣдившій Галилеянинъ, Вы не умѣли воспользоваться вашей побѣдой. Вы не умѣли удержаться на той высотѣ, на которую васъ ставилъ манифестъ 19 Февраля. Вашу

шаткость замѣтили, Вы были дурно окружены, Васъ увлекли.... и Вы сошли съ вашего пьедестала при свѣтѣ какого то горящаго рынка, опираясь на тайную полицію и явно подкупленную журналистику Вы испугались, повѣривши нелѣпой клеветѣ, и не догадались, что эта клевета — даже и тогда, когда всѣ ваши инквизиціи и инквизиторы, работая до поту лица цѣлый годъ, съ той ширью средствъ, съ той безотвѣтственностью, которыми располагаетъ русская полиція, не нашли ни одного виновнаго.

Васъ испугали нѣсколько печатныхъ листковъ, въ которыхъ раскованное слово, послѣ тридцатилѣтняго молчанія, перешло цензурную мѣру. Васъ испугалъ крикъ вашими же министрами подкупленныхъ журналовъ и голосъ тѣхъ же совѣтниковъ, которыхъ корыстные совѣты Вы отвергли въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и Вы начали бой съ молодымъ поколѣніемъ, бой грубой власти, штыковъ тюремъ — противъ восторженныхъ идей и вдохновенныхъ словъ. Вашъ предшественникъ воевалъ въ Польшѣ съ дѣтьми, Вы воюете въ Россіи съ юношами и отроками, повѣрившими Вамъ и вашимъ органамъ, что для Россіи настала новая эпоха.

Съ потухающимъ заревомъ, этого несчастнаго пожара— и вы блѣднѣете, черты ваши теряются, Вы отступаете на второй планъ, и вмѣсто Васъ выставляется знакомая намъ система отпора и угнетенья, безправья лицъ, беззаконности судныхъ коммиссій — система вашего отца съ прибавленіемъ риторики и крови.

Русской крови во первыхъ.

Какой несчастный, черный день былъ для Россіи и какой черный грѣхъ Вы приняли на душу, когда подъ вліяніемъ паническаго страха и клеветы вашихъ клевретовъ, Вы разрѣшили себѣ *кровь* — и еще хуже — облекли вашихъ генераловъ правомъ ее лить, какъ будто Вы не знали кто они.

Неужели Вы спокойно спали, когда падали, сраженные пулями то Антонъ Петровъ, то Аргольдтъ, Сливицкій и др. Неужели Вы не оцѣпенѣли отъ ужаса когда въ Нижнемъ разстрѣливали по подозрѣнію, а въ Кіевѣ — за драку и грубые отвѣты. Вы не могли привыкнуть къ убійству и не могли шутя тушить жизнь какъ карнаваль-

ныя свѣчи — между Вами и Петромъ полтораста лѣтъ.

Прошедшее нѣмо, самодержавіе не простирается на него. Убитыхъ Вы не воротите. Искупите вину вашу передъ живыми и стоя у гроба вашего сына, отрекитесь отъ кровавой расправы. Возвратите намъ нашу гордость, что при всей неразвитости нашего законодательства, въ немъ не было смертной казни и палачъ показывался на помостѣ, пугая цѣлыя поколѣнія своимъ *незаконнымъ* появленіемъ, разъ или два въ столѣтіе.

.... Подумайте какъ измѣнилось ваше положеніе съ тѣхъ поръ какъ Вы сѣли на престолъ. Тогда вамъ стоило свободно идти, вести, Вы освобождали крестьянъ, отъ Васъ всѣ ждали добра, чего то хорошаго — тогда Вы хоронили прошлое... Теперь мрачно около Васъ, дѣла застряли, денегъ нѣтъ, избивается цѣлый край, юноши идутъ на каторгу, учители народа идутъ на каторгу, на гласисахъ крѣпостей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, и Вы хороните ваше *будущее*.

Да, Государь, теперь настала минута, въ которую Вамъ надо рѣшиться, который изъ вашихъ путей Вамъ продолжать... Надгробный памятникъ вашего сына становится на дорогѣ указательнымъ знакомъ и грознымъ напоминовеніемъ.

Рѣшитесь, не дожидаясь втораго удара — можетъ тогда будетъ поздно, можетъ онъ будетъ слишкомъ силенъ.

Вы видите ясно, и едва можете скрыть, что старая машина, ржавая и скрыпучая, устроенная Петромъ на нѣмецкій ладъ и прилаженная нѣмцами на русскій — негодна больше. Вы видите, что нельзя больше управлять народомъ въ семьдесятъ милліоновъ, какъ дивизіей. Фрунтъ не стоитъ больше «смирно». Есть люди говорящіе, думающіе, недовольные, догадавшіеся въ Крыму, что команда плоха. Есть люди знающіе, что подъ Альмой, Инкерманомъ, на Черной — пала не Россія, а петербургскій региментъ. Вы знаете кто не пережилъ Евпаторіи и кто пережилъ самый Севастополь, утеръ слезу и порохъ и пошелъ впередъ. Вы все это прожили и пережили. и думаете, что замѣною откупа — акцизомъ и Земскаго Собора — Земскими учрежденіями, Вы удовлетворите Россію?

Если Вы это думаете, то это оттого, что Вы не знаете

ни о чемъ страдаетъ Россія, ни чего она хочетъ. И какъ же Вамъ знать? Печать не свободна, да и Вы мало читаете. Видите Вы однихъ слугъ, зависящихъ отъ васъ, лгущихъ передъ Вами! Свободныхъ людей, поднимающихъ голосъ, Вы казните. Былъ человѣкъ, убѣжденный, что Вы хотите добра Россіи, молодой, чистый и благородный, онъ пробился до Васъ. Вы велѣли Орлову его поцаловать въ 1859 году, а въ 63 бросили его въ казематъ, гдѣ онъ теперь въ ожиданіи сентенціи — это Серно-Соловьевичъ. Былъ крестьянинъ, вѣровавшій въ Васъ, видѣвшій въ Васъ своего «земскаго царя», восторженный фанатикъ; онъ откровенно, горячо написалъ Вамъ письмо, въ которомъ говорилъ о нуждахъ народныхъ. Написалъ его изъ Лондона и самъ передалъ себя въ ваши руки. Вы его послали въ рудники. Вы съ безпримѣрной свирѣпостью осудили единственнаго замѣчательнаго публициста явившагося въ ваше время. А знаете ли что писалъ Чернышевскій? Въ чемъ состояло его воззрѣніе? Въ чемъ опасность, преступность? Можете ли Вы на этотъ вопросъ отвѣчать самому себѣ? Изъ нелѣпѣйшей сенатской записки Вы ничего не могли понять.

Ясно, что нужны голоса громче и сильнѣе, чтобъ перекричать трубы и литавры Васъ окружающія, чтобъ слова перешли за кавалергардовъ, за «опричниковъ», какъ недавно было сказано... Для чего же Вы отдаляете истину, для чего Вы обманываете себя, что Вы — помимо народнаго совѣта и вольной рѣчи — вывезете садящуюся на мель петровскую барку въ широкое русло?

Дѣлайте что хотите, разстрѣливайте или давайте кресты, посылайте на каторгу или на кормленье, склоняйтесь на сторону Муравьева и его русскихъ заплечныхъ мастеровъ или на сторону нѣмцевъ и ихъ балтійскихъ цивилизаторовъ — самовластья въ его николаевской дѣвственности и чистотѣ Вы не сохраните и не возстановите.

Вы сильнѣе вашихъ предшественниковъ, но Вы сильнѣе ихъ — *освобожденіемъ*. Союзъ вашъ съ народомъ не долженъ Вамъ отводить глаза. Въ вѣнкахъ изъ колосьевъ и сельскихъ цвѣтовъ, который вамъ подносятъ старосты и войты есть опасныя терніи и сѣмена вредныхъ растеній для власти. Вы стали ближе не во имя консервативной

идеи, а во имя *революціоннаго начала*, во имя демократическаго нивеллированія дворянъ и признанія аграрнаго начала въ поземельномъ надѣлѣ. Ветшавшая Петровская порфира упрочена подкладкой Пугачевскаго кафтана.

Взгляните ясно и просто съ Монблана, на который васъ поставила судьба, разгоняя стаи галокъ и воронъ, имѣющихъ право пріѣзда ко двору, и Вы увидите, что лавированіемъ между казеннымъ прогрессомъ и полицейской реакціей, Вы далеко не уѣдете и сведете себя на одинъ безплодный отпоръ, и притомъ на отпоръ неоткровенный и лишенный единства.

Не лучше-ли же, не доблестнѣе-ли порѣшить общія дѣла общими силами, и созвать со всѣхъ концовъ Россіи, со всѣхъ слоевъ ея — выборныхъ людей. Среди ихъ Вы услышите строгія сужденія и свободныя рѣчи, но будете безопаснѣе чѣмъ былъ вашъ дѣдъ, окруженный рвами, стѣнами и лейбъ-гвардейскими эспонтонами въ подобострастной пѣмотѣ Михайловскаго дворца.

Судьба, касаясь холодной рукой смерти до вашей семьи, остановила Васъ — воспользуйтесь этимъ. Вы собирались идти дальше тѣмъ страшнымъ путемъ, которымъ Вы идете съ половины 1862 года. Возвратитесь съ похоронъ вашего сына на прежнюю дорогу. Нигдѣ не бываетъ раскаяніе легче и очищеніе полнѣе какъ у близкаго намъ гроба. Оно Вамъ необходимо для того, чтобъ приготовиться къ великому Земскому дѣлу.

.... Но прежде всего остановите руку палача, возвратите сосланныхъ и прогоните внѣзаконныхъ судей, которымъ поручалась царская месть и неправое гоненіе.

Не для невинныхъ жертвъ вашихъ, не для пострадавшихъ мучениковъ нужно всепрощеніе. ***Оно нужно для Васъ.*** Вамъ нельзя человѣчески идти дальше безъ амнистіи отъ нихъ.

Государь, заслужите ее!

Искандеръ.

Женева, Boissière, 2 Мая 1865.

Къ страницѣ 188.

Къ вопросу о томъ, въ какого рода дѣятеляхъ нуждалась Россія въ то время, когда Бакунинъ увлекалъ ея молодежь къ «разрушительной» революціи, полезно будетъ напомнить, что въ 1859—66 гг. во всей Европѣ самымъ популярнымъ дѣломъ было національно-политическое освобожденіе Италіи, а самою симпатичною личностью былъ Гарибальди. По типу освобожденія Италіи хотѣли освободить свою родину и польскіе патріоты; по этому же типу думала освободить Россію и молодежь русская, тѣмъ болѣе, что въ Россіи и консерваторы и правительство вѣрили въ возможность крестьянскаго возстанія, въ родѣ пугачевскаго. Самъ Тургеневъ, который въ «Нови» выставляетъ въ примѣръ русскимъ революціонерамъ на видъ мирнаго піонера и медленнаго организатора Соломина, въ началѣ 60-хъ годовъ заплатилъ дань общему настроенію, представивъ въ «Наканунѣ» образцовымъ «человѣкомъ» болгарскую варіацію Гарибальди, — Инсарова, передъ которымъ русскіе типы: чиновникъ, артистъ и ученый являются «не-людьми». Русская дѣйствительность дала, что́ могла, при данныхъ условіяхъ: по части крестьянскихъ бунтовъ недоразумѣнія, вродѣ дѣла Антона Петрова, — а вмѣсто Маццини и Гарибальди, тѣсно связанныхъ съ традиціями своей страны, отрицателя Базарова и деклассировавшаго себя «отщепенца», религіозно вѣрующаго въ соціальную революцію русской черни и занимающагося только «революціонными дѣлами!» Въ довершеніе русская дѣйствительность, даже въ наиболѣе блестящую эпоху земскихъ учрежденій, не давала въ земской жизни мѣста бѣднѣйшему и наиболѣе народолюбивому слою «интеллигенціи», тѣмъ что исключала изъ сельской и волостной общины всѣ некрестьянскіе элементы, въ то время какъ для участія въ земскихъ собраніяхъ требовался довольно высокій цензъ. Такъ точно и въ городахъ исключались изъ муниципальныхъ правъ всѣ квартиранты. Наконецъ, доносъ и административная ссылка были повсюду на лицо, чтобъ подрѣзать самыя легальныя начинанія разночинца въ пользу народа. И такимъ образомъ, всѣ условія сходились къ тому, чтобъ сдѣлать изъ небогатаго рус-

скаго демократа — отщепенца! И до сихъ поръ условія эти не перемѣнились.

Къ страницѣ 213.

Брошюра А. Серно-Соловьевича извѣстна намъ только по нѣмецкому переводу, дополненному авторомъ: Unsere Russischen Angelegenheiten. Antwort auf den Artikel des Herrn Herzen: «Die Ordnung herrscht» (Kolokol, № 233) von A. Serno-Solowiewitsch. Aus dem Russischen übersetzt von S. L. Borkheim. Leipzig. Verlag der Expedition des «Volkstaat». 1871. Здѣсь заглавіе русской брошюры, подписанной 9 Марта 1867 г. и напечатанной нѣсколько позже въ Берлинѣ, очевидно: «Unsere häuslichen Angelegenheiten» (Наши домашнія дѣла). Это письмо къ Герцену, проводящее параллель между нимъ и Чернышевскимъ, къ невыгодѣ перваго, и какъ писателя и какъ личности. Авторъ называетъ Герцена просто риторомъ и упрекаетъ его въ противорѣчіи слова и жизни, при чемъ не разъ ставитъ на видъ, что онъ пьетъ шампанское. Среди личныхъ замѣчаній и намековъ находятся указанія на довольно непріязненныя отношенія между Герценомъ съ одной стороны и Чернышевскимъ и Добролюбовымъ съ другой, начавшимися съ неодобрительной замѣтки о «Свисткѣ» и въ томъ числѣ на то, что въ очеркѣ Герцена «Лишніе люди и желчевики» послѣдняя половина относится къ Чернышевскому. Объ этомъ очеркѣ говорится въ письмахъ Тургенева къ Герцену, гдѣ упоминается также и о посѣщеніи Герцена Чернышевскимъ въ Лондонѣ. Объ этомъ посѣщеніи разсказываетъ и г-жа Тучкова-Огарева («Русская Старина», 1894, Октябрь), но очень кратко. Пора бы уже выяснить всѣ эти обстоятельства. Въ настоящее время неизвѣстны точно даже причины, поведшія за собою осужденіе Чернышевскаго. Въ заграничныхъ публикаціяхъ русскихъ эмигрантовъ то заявлялось, что Чернышевскій осужденъ былъ совершенно безъ основаній («Судъ надъ Чернышевскимъ» въ предисловіи къ женевскому изданію «Что дѣлать?»), то онъ назывался рѣшительнымъ, активнымъ революціонеромъ.

Возвращаюсь къ брошюрѣ,—впрочемъ и самому Бакунину

ничего не помогла въ кружкахъ тогдашней молодой русской эмиграціи передача ей письма Герцена. Такъ въ письмѣ Серно-Соловьевича, къ нѣмецкому переводчику, помѣщенномъ въ приложеніи къ переводу, стоитъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вы писали нѣкогда о Бакунинѣ, поэтому Вамъ, можетъ быть, будетъ интересно, что онъ говорилъ, что меня слѣдовало бы отколотить палками за мою брошюру». Трудно судить, на сколько вѣрно приписаны эти слова Бакунину, но самый фактъ ихъ передачи С.-Соловьевичемъ нѣмецкому непріятелю Бакунина указываетъ на то, что въ кружкѣ С.-Соловьевича тогда и Бакунинъ не пользовался уваженіемъ.

Что касается до дѣловыхъ причинъ для расхожденія женевско-русской эмиграціи съ Герценомъ, то брошюра С.-Соловьевича даетъ объ этомъ мало данныхъ и не можетъ служить подтвержденіемъ категорическихъ увѣреній автора вышеприведенной статейки: «Герценъ и Бакунинъ». С.-Соловьевичъ напоминаетъ о своемъ протестѣ противъ напечатанной въ «Колоколѣ» статьи Огарева въ пользу поселенія крестьянъ великоруссовъ общинами въ западныхъ провинціяхъ Россіи (Question polonaise. Protestation d'un polonais contre le Kolokol). Проэктъ Огарева, дѣйствительно, не гармонировалъ съ мыслями «Колокола» объ автономіи провинцій, — но и С.-Соловьевичъ на столько смутно себѣ представлялъ Польшу, что говоритъ въ своей брошюрѣ о какой то некатолической Польшѣ, которую де забылъ Герценъ. Далѣе С.-Соловьевичъ упоминаетъ объ отвергнутыхъ Герценомъ предложеніяхъ со стороны С. Соловьевича и товарищей организаціи эмиграціи русской и совмѣстной ея работы. На сколько мы помнимъ разсказы Л. И. Мечникова, послѣднее происходило такъ: Герценъ, перенесши «Колоколъ» въ Женеву, хотѣлъ привлечь къ работѣ въ немъ и молодыхъ эмигрантовъ. Но послѣдніе требовали, чтобъ редакція газеты зависѣла отъ цѣлой корпораціи эмигрантовъ, которой долженъ былъ быть переданъ и фондъ Бахметьева и еще сумма, обезпечивающая «Колоколъ». Герценъ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что «Колоколъ» есть литературное дѣло, а изъ молодыхъ эмигрантовъ мало кто доказалъ свои способности къ литературѣ, не соглашался выпустить редакцію «Ко-

локола» изъ своихъ рукъ, хотя обѣщалъ печатать подходящія писанія эмигрантовъ (такъ, въ женевскомъ „Колоколѣ“ были помѣщены статьи Л. Мечникова), даже платить за нихъ гонораръ и допустить постоянныхъ сотрудниковъ газеты въ совѣтъ редакціи, но не соглашался на предложенія передать и газету и фонды въ руки корпораціи, не представляющей никакихъ гарантій своей умѣлости и прочности.

Что касается очерка Герцена „Лишніе люди и желчевики“, то мы сомнѣваемся, чтобъ, набрасывая характеристику послѣдняго, Герценъ имѣлъ моделью Чернышевскаго. Скорѣе онъ думалъ о Благосвѣтловѣ, съ которымъ и былъ въ болѣе долгихъ сношеніяхъ, во время проживанія Благосвѣтлова въ Лондонѣ (см. и записки г-жи Огаревой) . Во всякомъ случаѣ, ближайшей модели желчевиковъ Герцена слѣдуетъ искать между радикальными журналистами русскими въ 60-е годы. „Желчевики“ — одинъ изъ типовъ, пропущенныхъ русской беллетристикой, а онъ несомнѣнно существовалъ, появившись между Рудинымъ и др. изображенными Тургеневымъ варьяціями „лишняго человѣка“, воспитавшимися передъ 1847 г. и „нигилистами“, въ родѣ Базарова, выступившими съ 60-хъ годовъ. Очеркъ Герцена очень можетъ помочь его возстановленію по разнымъ документамъ и тому, чтобъ прослѣдить его комбинаціи съ типомъ Базарова. Какъ энервированная варьяція „желчевика“, можетъ служить и образъ Энгельсона у Герцена.

Къ страницѣ 233.

Для характеристики антагонизма между К. Марксомъ и Бакунинымъ и отношеній Маркса къ русскимъ интересамъ помѣщаемъ слѣдующій разсказъ П. В. Анненкова о встрѣчѣ съ Марксомъ въ Брюсселѣ въ 1847 г., напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» Апрѣль, 1880, стр. 497 и слѣд.

.... „Я воспользовался однакоже письмомъ моего пылкаго помѣщика, который, отдавая мнѣ его, находился еще въ энтузіастическомъ настроеніи, — и былъ принятъ Марк-

сомъ въ Брюсселѣ очень дружелюбно. Марксъ находился подъ вліяніемъ своихъ воспоминаній объ образцѣ широкой русской натуры, на которую такъ случайно наткнулся, и говорилъ о ней съ участіемъ, усматривая въ этомъ новомъ для него явленіи, какъ мнѣ показалось, признаки неподдѣльной мощи русскаго народнаго элемента вообще. Самъ Марксъ представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія — типъ, крайне замѣчательный и по внѣшности. Съ густой, черной шапкой волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ на-искось — онъ имѣлъ однакоже видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, какимъ бы ни являлся передъ вами и что бы ни дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны, всѣ пріемы шли наперекоръ съ принятыми обрядами въ людскихъ отношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучавшій какъ металлъ, шелъ удивительно къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые произносилъ. Марксъ уже и не говорилъ иначе, какъ такими безаппеляціонными приговорами, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Предо мной стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы фантазіи. Контрастъ съ недавно покинутыми мною типами на Руси былъ напрѣшительный.

„Съ перваго же свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться на приглашеніе.

„Портной-агитаторъ Вейтлингъ оказался бѣлокурымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, въ сюртукѣ щеголеватаго покроя, съ бородкой, кокетливо подстриженной, и

скорѣе походилъ на путешествующаго комми, чѣмъ на суроваго и озлобленнаго труженика, какого я предполагалъ въ немъ встрѣтить. Отрекомендовавшись на-скоро другъ другу и при томъ съ оттѣнкомъ изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги. между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по-англійски важный и серьезный Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, какъ Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: «Скажите же намъ Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣстъ и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность, и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?» Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія въ кружкѣ, продолжавшіяся, впрочемъ, какъ сейчасъ окажется, очень не долго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Съ какимъ то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить ужь никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины. Онъ говорилъ долго, но, къ удивленію моему и

въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво, не совсѣмъ литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя ихъ и съ трудомъ приходя къ выводамъ, которые у него или запаздывали или появлялись ранѣе положеній. Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ, или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономическіе порядки, и утерялъ при этомъ свободу мысли и языка. Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы и еще долѣе, если бы Марксъ съ гнѣвно-стиснутыми бровями не прервалъ его и началъ свои возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обмануть его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ, — замѣчалъ далѣе Марксъ, — ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой — допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. «Вотъ, — прибавилъ онъ, одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста: тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями». Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, продолжалъ развивать свою мысль Марксъ, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ сталъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотню людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя

получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что. можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣми критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, проговаривая: — «Никогда еще невѣжество никому не помогло!» Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его себесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ".

Къ страницѣ 280.

Медвѣдями называетъ Бакунинъ свою брошюру, напечатанную имъ подъ видомъ швейцарца, по поводу поисковъ бернскаго федеральнаго правительства за Нечаевымъ и ареста, вмѣсто него, С. Серебренникова, — Les ours de Berne et l'ours de St. Pétersbourg. Complainte patriotique d'un suisse humilié et désespéré. Neuchâtel. 1870.

Къ страницѣ 284.

По поводу передачи Нечаеву бахметьевскаго фонда и проэкта Бакунина и Нечаева продолжать изданіе «Колокола» послѣ смерти А. И. Герцена, мы получили отъ А. А. Герцена слѣдующія свѣдѣнія: «Еще до смерти отца я видѣлъ, съ какою настойчивостію Бакунинъ требовалъ выдачи Бахметьевскаго фонда «революціонному комитету», существовавшему только въ словахъ Нечаева. Отецъ не хотѣлъ давать; Бакунинъ воспользовался своимъ вліяніемъ на Огарева, тогда находившагося почти въ ребяческомъ состояніи отъ болѣзней и привычки, и бѣдный Огаревъ сталъ тоже требовать выдачи фонда; мой отецъ отдалъ ему половину, которая тотчасъ же и была израсходована Бакунинымъ и Нечаевымъ. Послѣ смерти отца, Бакунинъ сталъ снова настаивать, чтобъ «комитету» выдана была и другая половина фонда, да еще вздумалъ продолжать

«Колоколъ». Я не хотѣлъ ни того, ни другого, зная, что деньги пропадутъ безъ малѣйшей пользы, и отлично зная что ни Огаревъ, ни Бакунинъ, — уже про Нечаева и говорить нечего, — совершенно не способны продолжать «Колоколъ», это личное твореніе отца. Отказать въ деньгахъ, — не моихъ, — я, конечно, не имѣлъ права, да и запретить изданіе «Колокола» не могъ, поэтому уступилъ, наконецъ, прямому требованію Огарева и привезъ ему деньги. У него ждали меня Бакунинъ и Нечаевъ и, въ моемъ присутствіи, тотчасъ же Огаревъ, взявъ отъ меня деньги и давъ росписку, передалъ ихъ Бакунину, а Бакунинъ Нечаеву. Насчетъ «Колокола» я сказалъ имъ откровенно свое мнѣніе и предсказалъ имъ, что больше 3-хъ №№ они не издадутъ. Такъ и случилось».

По словамъ брошюры «Alliance» и пр., Нечаевъ въ газетѣ «Община», которой 2 №№ онъ издалъ въ Лондонѣ, требовалъ отъ Бакунина возврата денегъ, взятыхъ изъ Бахметьевскаго фонда; это, вѣроятно, деньги изъ первой половины, о которыхъ есть упоминаніе и въ письмахъ Бакунина и въ роспискѣ.

Отвѣтомъ на вопросъ нашъ А. А. Герцену служатъ сами письма Бакунина: онѣ собственно разсказали суть дѣла со всѣми ея бѣлыми нитками, которыя видны сквозь весь «макіавелизмъ» Бакунина, быть можетъ, къ чести его натуры, въ основѣ слишкомъ простой и наивной для макіавелизма. Наши примѣчанія только поясняютъ нѣкоторыя внѣшнія явленія, а письмо А. А. Герцена прагматизируетъ весь ходъ дѣла. Мы же не считали себя въ правѣ цензуровать письма Бакунина, какъ и вообще цензуровать исторію, которая только и можетъ быть поучительна при безцензурности. Поученіе же въ данномъ случаѣ необходимо, между прочимъ, и потому, что хотя вслѣдъ за процессомъ Нечаева въ 1871 г. въ русской эмиграціи и молодежи и вызвана была реакція противъ „нечаевщины“, — но потомъ, когда много фактовъ забылось, явились даже попытки апотеозы Нечаева и его пріемовъ. Къ тому же, какъ изъ консервативнаго, такъ и изъ соціалдемократическаго лагеря на личности Бакунина и Нечаева брошено печатно столько грязи, основанной на полуоткровеніяхъ, что документальная правда не увеличитъ ее, а скорѣе

уменьшитъ, представляя дѣла въ ихъ истинномъ видѣ. Такая правда, въ сущности, всѣхъ оправдываетъ лично, потому что все объясняетъ.

Спеціально, на счетъ употребленія бахметьевскихъ денегъ Нечаевымъ, мы должны сказать, что Нечаевъ отличался скрупулезной честностію въ употребленіи „общественныхъ“ средствъ и, получивъ Бахметьевскій фондъ, самъ лично жилъ крайне бѣдно, въ послѣднее время въ Швейцаріи, зарабатывая себѣ средства нелегкимъ трудомъ. Деньги фонда должны были пойти на „агитацію“, разъѣзды и т. п., а часть, вѣроятно, была гдѣ-нибудь оставлена Нечаевымъ на храненіе.

Къ страницѣ 369.

Манифестъ съѣзда славянскаго къ народамъ европейскимъ.

Съѣздъ славянскій въ Прагѣ есть явленіе новое, какъ въ Европѣ, такъ и между самими славянами. Первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ мы извѣстны въ исторіи, сошлись мы, раздѣленные члены великаго народнаго племени въ большомъ числѣ изъ далекихъ краевъ, чтобъ, познавши другъ друга, какъ братья, обсудить спокойно свои общественныя дѣла. И мы поняли другъ друга не только нашимъ прекраснымъ языкомъ, которымъ говорятъ 80 мильоновъ, но и созвучнымъ біеніемъ сердецъ нашихъ и одинаковыхъ душевныхъ нашихъ стремленій. Правда и прямота, которыя вели къ нашему единенію, привели насъ къ тому, чтобъ мы также передъ богомъ и свѣтомъ высказали, чего мы хотѣли и какими принципами руководились въ этомъ нашемъ единеніи.

Народы романскіе и германскіе, нѣкогда славные въ Европѣ, какъ могучіе завоеватели, не только обезпечили себѣ силою меча своего свою политическую независимость, но умѣли также всячески удовлетворить свои стремленія къ господству. Политическое умѣнье ихъ основывалось главнымъ образомъ на правѣ сильнаго, имѣло въ виду свободу только высшихъ классовъ, правило посредствомъ привилегій, а народу давало только одни обязанности.

Теперь въ новѣйшее время удалось силѣ общественнаго мнѣнія, расширяющагося, какъ духъ божій во всѣхъ земляхъ, поколебать всѣ оковы феодализма и возвратить личностямъ всюду неотъемлемыя, вѣчныя права человѣка и человѣчности. Напротивъ у славянъ, у которыхъ свобода искони была любима тѣмъ горячѣе, чѣмъ меньше проявлялась у нихъ жажда къ господству и завоеванію, между тѣмъ какъ стремленіе къ независимости всегда препятствовало образованію какой нибудь высшей средней государственной силы, съ теченіемъ времени одно племя за другимъ попадало въ зависимость отъ чужихъ. Путемъ политики, которая давно уже осуждена по заслугамъ передъ очами всего свѣта, лишенъ былъ наконецъ и рыцарскій народъ польскій, наши благородные братья, своего государственнаго существованія. Цѣлый великій свѣтъ славянскій, казалось, очутился всюду въ порабощеніи, котораго добровольные слуги не упустили отрицать у славянъ даже и способность къ свободѣ. Однакожъ это нелѣпое мнѣніе наконецъ падаетъ передъ словомъ божіимъ, которое говоритъ къ сердцу каждаго въ огромныхъ переворотахъ настоящаго времени: духъ наконецъ дошелъ до побѣды; волшебство старой клятвы сломано; тысячелѣтнее зданіе, которое строила и защищала суровая сила, вмѣстѣ съ хитростью и помраченіемъ умовъ, разсыпается передъ глазами нашими въ прахъ; свѣжій духъ жизни, вѣющій по широкимъ нивамъ творитъ новые міры; слово свободное, дѣйствіе свободное стали наконецъ дѣйствительностью. Теперь поднялъ голову и долго притѣсненный славянинъ, онъ сбрасываетъ съ себя насиліе и требуетъ могучимъ крикомъ своего стараго наслѣдія — свободы. Сильный числомъ, еще сильнѣйшій своею волею и новопріобрѣтеннымъ единодушемъ своихъ племенъ, онъ тѣмъ не менѣе остается вѣренъ природнымъ свойствамъ и принципамъ своихъ отцовъ: не желаетъ ни господства, ни завоеванія, но желаетъ свободы какъ для себя, такъ и для каждаго, желаетъ цѣликомъ, безусловно, чтобъ она была признана за наисвятѣйшее право человѣка. По этому мы, славяне, отрицаемъ и ненавидимъ всякое господство грубой силы, которая идетъ на перекоръ законамъ; отрицаемъ всякія привилегіи и преимущества, какъ и всякія политическія

раздѣленія государствъ, — желаемъ безусловно равенства передъ закономъ и равной мѣры правъ и обязанностей для каждаго; гдѣ среди мильоновъ родится хоть одинъ порабощенный, тамъ еще настоящей свободы не знаютъ. Да, *свобода, равенство и братство* всѣхъ живущихъ, есть нашимъ девизомъ, какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь!

Однако же мы поднимаемъ голосъ свой и излагаемъ наши требованія не только въ пользу отдѣльныхъ личностей въ государствѣ. Не менѣе, чѣмъ человѣкъ съ его природнымъ правомъ, святъ намъ и *народъ* съ суммою его душевныхъ благъ. Жизнь и исторія присудила нѣкоторымъ народамъ болѣе совершенное человѣческое развитіе передъ другими, но при этомъ все таки указываетъ, что стремленіе къ развитію этихъ послѣднихъ никогда не можетъ быть ограничено. Природа, не зная народовъ благородныхъ и неблагородныхъ по существу, не призвала никакой народъ къ господству надъ другимъ и не предназначила никакой народъ къ тому, чтобъ онъ служилъ другому средствомъ для его собственныхъ цѣлей; равное право всѣхъ на благороднѣйшую человѣчность есть законъ божій, котораго никто не смѣетъ преступить безъ наказанія. Грѣшно по этому, если этотъ законъ у самыхъ цивилизованныхъ народовъ еще не признанъ и не соблюдается, какъ бы слѣдовало. То, отъ чего отреклись добровольно по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, а именно владычество и опекунство, — то еще присваивается вездѣ по отношенію къ отдѣльнымъ народамъ; претендуютъ на господство во имя свободы, не умѣя дѣлить ее въ общее пользованіе. Такъ свободный британецъ отказывается признать ирландца вполнѣ ему равноправнымъ, такъ нѣмецъ грозитъ насиліемъ многимъ племенамъ славянскимъ, если тѣ не захотятъ помогать сооруженію величія Германіи, такъ мадьяръ не стыдится присваивать лишь себѣ право національной самостоятельности въ Венгріи. Мы, славяне, просто презираемъ всѣ такія претензіи, и отвергаемъ ихъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ несправедливѣе они прикрываются движеніемъ свободы. Однако, вѣрные своимъ природнымъ особенностямъ и не допуская въ себѣ мести за прежнія неправды, мы подаемъ

братскую руку всѣмъ сосѣднимъ народамъ, которые готовы наравнѣ съ нами признавать, а если нужно, то и защищать полную равноправность всѣхъ народностей, безъ различія ихъ политической силы и величины *).

[Подобнымъ образомъ порицаемъ и презираемъ ту политику, которая позволяетъ поступать съ землями и народами, какъ съ матерьяломъ, подчиненнымъ государственной силѣ, брать, мѣнять и дѣлить ихъ, по произволу, безъ вниманія къ племени, языку, правамъ и наклонностямъ народовъ, ихъ природной связи, ихъ правъ на самостоятельность. Суровая сила меча рѣшала одна судьбу подавленныхъ народовъ, отъ которыхъ не требовалось обыкновенно ничего другого, кромѣ войска и денегъ къ обезпеченію насилія и наружной лести насильнику].

Основываясь на убѣжденіи, что могучее духовное движеніе теперешняго времени требуетъ и новаго политическаго устройства государствъ, если не въ новыхъ границахъ, то на новыхъ основахъ, мы предложили императору австрійскому, подъ котораго конституціонною властью живетъ большая часть изъ насъ, чтобъ имперія его превратилась въ союзъ равноправныхъ народовъ, на отдѣльныя потребности которыхъ столько же должно обращать вниманія, какъ и на единство государства. Мы видимъ въ такомъ союзѣ спасеніе не только для насъ самихъ, но и для свободы, просвѣщенія и гуманности вообще и вѣримъ въ сочувствіе Европы къ осуществленію его. Во всякомъ случаѣ мы рѣшили добиться въ Австріи всѣми доступными намъ способами признанія за нашими народностями такихъ же правъ въ государствѣ, какими уже пользуются народы нѣмецкій и мадьярскій, полагаясь при этомъ на крѣпкую поддержку, которая найдется для насъ въ каждомъ дѣйствительно свободномъ сердцѣ.

[Непріятелямъ нашихъ народностей удалось напугать Европу пугаломъ политическаго панславизма, который будто бы грозитъ гибелью всему, что пріобрѣтено для свободы, просвѣщенія и гуманности. Но мы знаемъ то

*) По примѣру Палацкаго (см. его объясненія въ Radnost, ч. III, 34) отмѣчаемъ знаками [ ] мѣста, прямо имъ переписанныя изъ проэктовъ другихъ лицъ. М. Др.

волшебное слово, котораго одного достаточно, чтобъ заклясть это пугало: слово это — *справедливость.* [1]....

Къ страницѣ 396.

«Молодая Россія» 1862 г.

(Уже комментируя письма Тургенева, мы должны были упомянуть о прокламаціи, вышедшей въ Петербургѣ лѣтомъ 1862 г. подъ заглавіемъ «Молодая Россія». Въ перепискѣ и статьяхъ Бакунина она упоминается чаще, при чемъ въ брошюрѣ «Народное Дѣло» Бакунинъ полемизируетъ съ нею, а послѣ не разъ упоминаетъ объ авторахъ ее, какъ о предшественникахъ представляемаго имъ движенія. Между тѣмъ прокламація эта, въ свое время очень мало распространенная, хотя и надѣлавшая много шуму, теперь совсѣмъ почти никому не извѣстна въ цѣломъ. Она была составлена, видимо, крайне небольшимъ кружкомъ, хотя имѣвшимъ большую претензію стать «центральнымъ революц. кружкомъ», мало разошлась и не встрѣтила большого сочувствія даже въ самыхъ передовыхъ и революціонныхъ кругахъ, а многими считалась даже провокаціонно-полицейскимъ изданіемъ. (Это мнѣніе утверждалось еще тѣмъ, что М. Р была единственною въ свое время прокламаціей, которой авторы не были открыты и наказаны ни одинъ). Идеямъ М. Р. впрочемъ посчастливилось послѣ: многія изъ нихъ стали послѣ проповѣдываться бакунистами, какъ и лавровистами, набатчиками, народновольцами (особенно позднѣйшаго Тихомировско-Лавровскаго времени

*) Конецъ этого въ высшей степени интереснаго документа,, оставшійся непереведеннымъ М. П. Драгомановымъ, заключаетъ въ себѣ требованіе. во имя справедливости, прекращенія притѣсненій поляковъ, лишенныхъ своей политической самостоятельности, протестъ противъ отторженія Познани и онѣмечиванія поляковъ и лужицкихъ сербовъ, призывъ мадьяръ къ прекращенію насилій надъ венгерскими славянами и выраженіе надежды на освобожденіе турецкихъ славянъ. Въ заключеніе манифестъ настаиваетъ на необходимости созванія всеобщаго съѣзда представителей всѣхъ европейскихъ народовъ для разрѣшенія всѣхъ международныхъ вопросовъ. (Rieger, Slovnik naučny, т. VIII, стр. 631).

Ѳ. В.

теоріи «захвата власти») и т. п. Поэтому мы сочли полезнымъ перепечатать эту прокламацію здѣсь изъ берлинскаго изданія «Свободное Слово», 1862, № 4).

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части, интересы которыхъ діаметрально противоположны и которыя слѣдовательно стоятъ враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти — народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность — землю, грабитъ и царь, увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати и употребляющій полученныя деньги не на пользу государства, а на увеличеніе распутства двора, на приданое фрейлинамъ-любовницамъ, на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ, царь отрѣзываетъ у большей части народа (у казенныхъ крестьянъ) землю, полученную ими отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, даруетъ по нѣсколько тысячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувядаемою славою побѣдъ надъ безоружными толпами крестьянъ; чиновникамъ, вся заслуга которыхъ — немилосердный грабежъ народа; тѣмъ, которые умѣютъ ловче подать тарелку, налить вина, красивѣе танцовать, лучше льстить!

Эта всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія — народъ.

Сверху надъ нею стоитъ небольшая кучка людей довольныхъ, счастливыхъ. Это помѣщики, предки которыхъ или они сами были награждены населенными имѣніями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывшихъ

любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ; это купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежомъ и обманомъ; это чиновники, накравшіе себѣ состоянія, — однимъ словомъ всѣ имущіе, всѣ у кого есть собственность родовая или благопріобрѣтенная. Во главѣ ея царь. Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падаетъ одинъ, — уничтожается и другая, Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою и звѣномъ соединенія — собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности и потому въ минуту возстанія окружитъ своего естественнаго представителя царя. Это партія императорская.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ, споръ почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва проходило нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровымъ — и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій, антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ, присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка.

Въ современномъ, общественномъ строѣ, въ которомъ все ложно, все нелѣпо отъ религіи, заставляющей вѣровать въ несуществующее, въ мечту разгоряченнаго воображенія, — бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики, отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства и до признанія за разумное положенія

работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными.

Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы, одинъ — революція, революція кровавая и неумолимая, — революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы; мы предвидимъ все это, и все таки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!

Понимаетъ необходимость революціи инстинктивно и масса народа, понимаетъ и небольшой кружокъ нашихъ дѣйствительно передовыхъ людей.... и вотъ изъ среды ихъ выходятъ одинъ за другимъ эти предтечи революціи и призываютъ народъ на святое дѣло возстанія, на расправу съ своими притѣснителями, на судъ съ императорской партіей. Разстрѣливаніе за непониманіе дурацкихъ положеній 19-го Февраля, работа въ рудникахъ за указаніе безнадежности настоящаго положенія, ссылка въ отдаленныя губерніи, ссылка гуртомъ въ каторжныя работы за публичное заявленіе своего мнѣнія, за молитву въ церквахъ по убитымъ, — вотъ чѣмъ отвѣчаетъ императорская партія имъ!

Императорская партія! думаете ли вы остановить этимъ революцію, думаете ли запугать революціонную партію? или до сихъ поръ вы не поняли, что всѣ эти ссылки, аресты, разстрѣливанія, заточенія на смерть мужиковъ ведутъ къ собственному же вашему вреду, усиливаютъ негодованіе къ вамъ и заставляютъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаться противъ вашей партіи, что за всякаго члена, выхваченнаго вами изъ среды, отвѣчаете вы своими головами? Мы [illegible] видимъ и отзываемъ на видъ это только вамъ, члены императорской партіи и въ слѣпотѣ не говоримъ о вашихъ

начальникахъ, около которыхъ вы группируетесь, о Романовыхъ — съ тѣми разсчетъ другой! Своею кровью они заплатятъ за бѣдствія народа, за долгій деспотизмъ, за непониманіе современныхъ потребностей. Какъ очистительная жертва сложитъ головы весь домъ Романовыхъ!

Больше же ссылокъ, больше казней! — раздражайте, усиливайте негодованіе общественнаго мнѣнія, заставляйте революціонную партію опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всѣмъ этимъ ускорите революцію, и что чѣмъ сильнѣе гнетъ теперь, тѣмъ безпощаднѣе будетъ месть!

Революціи все способствуетъ въ настоящее время: волненіе Польши и Литвы, финансовый кризисъ, увеличеніе налоговъ, окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса весною 1863 г., когда крестьяне увидятъ, что они кругомъ обманутъ царемъ и дворянами; а тутъ еще носятся слухи о новой войнѣ, поговариваютъ, что государь поздравилъ уже съ нею гвардію. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы и Россія дойдетъ до банкротства. Тутъ то и вспыхнетъ возстаніе, для котораго достаточно будетъ незначительнаго повода! Но можетъ случиться, что крестьяне возстанутъ не сразу въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а отдѣльными деревнями, что войско не успѣетъ пристать къ нимъ, что революціонная партія не успѣетъ сговориться, не достаточно централизуется, и заявитъ свое существованіе не общими, а частными вспышками, императорская партія подавитъ ихъ — и дѣло революціи снова остановится на нѣсколько лѣтъ.

Для избѣжанія этого Центральный Революціонный Комитетъ въ полномъ своемъ собраніи, 7-го Апрѣля, рѣшилъ:

Начать изданіе журнала, который выяснилъ бы публикѣ принципы, за которые онъ борется, и въ то же время служилъ бы органомъ роволюціонной партіи въ Россіи. Въ немъ будутъ помѣщаться отчеты о засѣданіяхъ Комитета, будутъ предлагаться вопросы на обсужденіе провинціальнымъ комитетамъ, будутъ заявляться публикѣ мнѣнія революціонной партіи о каждомъ важномъ событіи. Комитетъ вынужденъ былъ приступить къ изданію своего органа и тѣмъ, что еще ни одинъ изъ издаваемыхъ журналовъ не выяснилъ обществу революціонной программы.

Для доказательства этого мы обратимся къ двумъ органамъ: «Колоколу» и «Великоруссу».

Не смотря на все наше глубокое уваженіе къ А. И. Герцену, какъ публицисту, имѣвшему на развитіе общества большое вліяніе, какъ человѣку, принесшему Россіи громадную пользу, мы должны сознаться, что «Колоколъ» не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ.

Съ 1849 г. у Герцена начинается реакція: испуганный неудачною революціею 48 года, онъ теряетъ всякую вѣру въ насильственные перевороты. Два, три неудавшихся возстанія въ Миланѣ, ссылка и смерть на его глазахъ французскихъ республиканцевъ, наконецъ казнь Орсини, окончательно тушатъ его революціонный задоръ и онъ припимается за изданіе журнала съ либеральною (не болѣе) программою.

«Колоколъ», встрѣченный живымъ привѣтомъ всей мыслящей Россіи, какъ первый свободный органъ, вскорѣ становится загадкою для людей дѣйствительно революціонныхъ. Гдѣ же разборъ современнаго политическаго и общественнаго быта Россіи, гдѣ проведеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ должно построиться новое общество?

Проходитъ еще годъ и «Колоколъ», оказывая вліяніе на правительство, уже совсѣмъ становится конституціоннымъ. Увлеченіе имъ молодежи уменьшается, революціонная партія ищетъ другаго органа и если онъ читается, то этому способствуетъ еще прежняя слава Герцена, Герцена привѣтствовавшаго революцію, Герцена упрекавшаго Ледрю-Роллена и Луи-Блана въ непослѣдовательности, въ томъ, что они, имѣя возможность, не захватили диктатуры въ свои руки и не повели Францію по пути кровавыхъ реформъ для доставленія торжества рабочимъ.

Наконецъ, его надежды на возможность принесенія добра Александромъ или кѣмъ-нибудь изъ императорской фамиліи; его близорукій отвѣтъ на письмо человѣка, говорившаго что пора начать бить въ набатъ и призвать народъ къ возстанію, а не либеральничать; его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи; надежда на мирный переворотъ; его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что

нибудь сдѣлать, — окончательно уронили журналъ въ глазахъ революціонной партіи.

Но намъ могутъ возразить, что ошибаемся мы, а не Герценъ, что отвращеніе его отъ насильственныхъ переворотовъ проистекло изъ знакомства съ исторіею Запада, отъ его увѣренности, что каждая революція создаетъ своего Наполеона.

Мы отвѣтимъ на это, что и самъ Герценъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, да и революціи кончались худо отъ непослѣдовательности людей, поставленныхъ во главѣ ея. Мы изучили исторію Запада и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ террористовъ 92 года, мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка приходится пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито Якобинцами въ 90 годахъ!

Въ Іюлѣ прошлаго года появился въ Россіи «Великоруссъ».

Не смотря на всю ошибочность и отсталость его мнѣній, не смотря на радикальную противоположность ихъ съ нами, мы все таки должны заявить свое уваженіе къ редакціи его, выдавшей въ Россіи же протестъ противъ существующаго порядка. Успѣхъ «Великорусса» былъ громадный, что и надо было предвидѣть вначалѣ. Удовлетворяя и какъ нельзя лучше совпадая съ желаніями нашего либеральнаго общества, т. е. массы помѣщиковъ, стремящихся хоть чѣмъ нибудь нагадить правительству и опасающихся въ то же время даже тѣни революціи, грозящей поглотить ихъ самихъ, кучку бездарныхъ литераторовъ, сданныхъ за ветхостью въ архивъ, а во время Николая считавшихся за прогрессистовъ, онъ все таки не могъ составить около себя партіи. Его читали, объ немъ говорили, да и только. Онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію.

Объ остальныхъ заграничныхъ журналахъ даже и упоминать не стоитъ. Не понимаемъ зачѣмъ это уѣзжаютъ изъ Россіи господа въ родѣ Блюммера и кн. Долгорукова:

шли бы себѣ они рука объ руку съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Сѣверной Почтой», да вызывали бы всѣми своими принципами презрѣніе всѣхъ честныхъ людей.

О прокламаціяхъ (на всякой брошюрѣ, изданной нами, будетъ стоять: «Изд. Центр. Рев. Ком.»), выходившихъ въ послѣднее время въ такомъ изобиліи, тоже распространяться не стоитъ: неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего незначущее и ни къ чему не ведущее либеральничанье, — вотъ отличительныя черты ихъ.

Не находя ни въ одномъ органѣ полнаго выраженія революціонной программы, мы помѣщаемъ теперь главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество, а въ слѣдующихъ нумерахъ постараемся развить подробнѣе каждое изъ этихъ положеній.

Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадается земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, — этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ: на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ впрочемъ можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не на пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались

доставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли Русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ, желаемъ, чтобъ онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобъ Національное Собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже Областныя Собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ какую подать долженъ платить какой членъ ея, при чемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго, однимъ словомъ вводится налогъ прогрессивный

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанные по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ, требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія на счетъ общества больныхъ и стариковъ, однимъ словомъ всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины, требуемъ уничто-

женія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата — монастырей, мужскихъ и женскихъ, тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концевъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди ничего не дѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ то же время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отобраны въ пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши, и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной Республики Русской.

Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы — доказы-

вает прошлое французское Собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣемся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣемся на народъ: онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать инициатива его, а — войску и нашей молодежи.

Мы надѣемся на войско, надѣемся на офицеровъ, возмущенныхъ деспотизмомъ двора, той презрѣнной ролью, которую они играли и теперь еще играютъ, убивая своихъ братьевъ Поляковъ и крестьянъ, повинуясь безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ государя. Оно вспомнитъ сентябрскій приказъ, разберетъ хорошенько въ какое положеніе поставитъ себя если станетъ исполнять его, да кстати вспомнитъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 году, вспомнитъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній нумеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ на сторонѣ движенія, все, что готово пожертвовать собой для блага народа

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобъ тебя не застали въ расплохъ! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми Центральный Революціонный Комитетъ самъ постарается войти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно революціонныхъ и на которыхъ вы можете вполнѣ положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская! — двинемся на зимній дворецъ истребить живущихъ тамъ. Можетъ случиться, что все дѣло кончится однимъ истребленіемъ императорской фамиліи, то есть какой нибудь сотни, другой людей, но можетъ случиться, и это послѣднее вѣрнѣе, что вся императорская партія, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за государя, потому что здѣсь будетъ идти вопросъ о томъ, существовать ей самой или нѣтъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ полною вѣрою въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой вышло на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ: «въ топоры» и тогда.... тогда бей императорскую партію не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выйти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ!

Помни, что тогда кто будетъ не съ нами, тотъ будетъ противъ; кто противъ — тотъ нашъ врагъ; а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами.

Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская!

А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика Русская!

ВОСПОМИНАНІЯ О БАКУНИНѢ АДОЛЬФА РЕЙХЕЛЯ

(«La Révolte» supplément au №№ 10, 11, 12).

Все, что я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя конечно могутъ касаться только близкихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой онъ руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я въ музыкальныхъ, вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояніи дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которыхъ онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались изъ него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, которое, по его собственнымъ словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ, кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 году, одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые, всѣ три, поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михаилъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, который въ послѣдствіи пріобрѣлъ такую извѣстность своими замѣчательными романами. Михаилъ скоро съумѣлъ, увлекательной силой своей рѣчи, завоевать мою симпатію и симпатію моей старшей сестры, которую онъ и сохранилъ вѣрно и преданно до самой своей смерти. Когда, вскорѣ послѣ того, Тургеневъ и Павелъ возвратились въ Россію, онъ

(Михаилъ) предпочелъ продолжать свое пребываніе за границей.

Бакунинъ, который былъ тогда красивымъ молодымъ человѣкомъ, не могъ не производить, своимъ блестяще одареннымъ умомъ, сильнаго вліянія на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія скоро сдѣлалась для него страной на столько опасной, по причинѣ его личныхъ отношеній съ Гервегомъ, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а уйти на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ разсчитывать на безопасное убѣжище противъ русскихъ преслѣдованій. Незадолго до его выѣзда (это было въ началѣ 1843 г.) я имѣлъ случай присутствовать у него на собраніи нѣсколькихъ молодыхъ нѣмцевъ, и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ «Hall'sche Jahrbücher», гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою записку, которой главнымъ пунктомъ были эти слова: „Духъ разрушенія есть творческій духъ". Какъ странно должны были звучать изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ пріобрѣтеннаго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время какъ мнѣ въ этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы долженствовала представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, и онъ ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, который утверждалъ что, въ теченіи пяти лѣтъ, весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія и болѣе жестокія сраженія, чѣмъ тѣ, какія могли быть даны во время трехдневнаго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступали на первый планъ и соціальные, которыхъ не могутъ уладить ни войны ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ при-

роды и воспитанія. Такъ и Бакунинъ нашелъ, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять, какъ можно лучше, революціонныя намѣренія. Когда, послѣ недолгой разлуки, мы встрѣтились, осенью 43 г., въ Женевѣ, мы сначала быстро объѣхали Швейцарію, чрезъ Шамуни, большой Сенъ-Бернаръ, Гримзель, Фурку и т. д., и проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, мы собирались поселиться на болѣе долгое время въ Бернѣ: но это время, къ несчастію, было сокращено сообщеніемъ русскаго посланника въ Бернѣ, который, по желанію правительства Петербургскаго, отдалъ приказаніе Бакунину возвратиться не медля въ Петербургъ. Бакунинъ очень хорошо зналъ, что его поѣздка туда легко можетъ продолжиться до самой Сибири, и, такъ какъ посланникъ не могъ ему дать никакой гарантіи относительно этого, то Бакунинъ предпочелъ поискать другого мѣста жительства, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ Россіи, и, послѣ нѣкотораго размышленія онъ нашелъ, что это убѣжище — бельгійское государство, тогда еще молодое. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче вслѣдствіе нашего общаго путешествія и сердечнаго пріема сдѣланнаго намъ семействомъ профессора Фогта (Адольфъ Фогтъ, тогда студентъ медикъ, къ нашему удовольствію присоединился къ намъ), — Бакунинъ и я направились вмѣстѣ, въ половинѣ Марта 1844 г., въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу, онъ для своихъ революціонныхъ интересовъ, я для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что онъ въ изгнаніи. Само собою разумѣется, что Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ этомъ городѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель), хотя въ то время еще были невозможны приготовленія къ серьезному возстанію: это должно было случиться позже.

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 г., онъ ѣздилъ не на долго въ Парижъ, и возвратился оттуда

такимъ возбужденнымъ отъ впечатлѣнія, которое произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что легко опровергъ мое сужденіе о немъ и я наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ я еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной связи былъ предупрежденъ какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивымъ направленіемъ моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились въ почти столько же лѣтъ.

До сихъ поръ Бакунинъ направлялъ предварительныя усилія къ революціи, можетъ быть слишкомъ ожидаемой, скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ революціоннымъ элементамъ (въ этомъ ему помогло знаніе французскаго языка и отношенія съ редакторомъ «National», Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ, для того чтобы быть въ состояніи принять участіе въ движеніи, которое могло вскорѣ наступить. Такъ онъ занимался все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ революціями уже бывшими во Франціи, словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли ихъ теченіе или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его *вѣчной* книгой, которую онъ писалъ каждый день съ тѣмъ чтобъ никогда не кончить. Я не могу отрицать, что при нашихъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разногласія: такъ какъ взрывъ, къ которому фатально должны были привесть разрушительныя идеи былъ еще слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, то я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ удовольствіемъ объ этихъ вопросахъ. Однако я не могъ и не хотѣлъ противорѣчить его симпатіямъ, и это еще болѣе усиливало его революціонныя стремленія. И, какъ уже сказано, эти стремленія направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя, и самъ Прудонъ, который въ сво-

ей книгѣ: *Что такое собственность?* бросилъ перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами этого русскаго, извѣстнаго какъ рѣшительный гегеліанецъ.

Послѣ рѣчи, открыто державной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, гдѣ онъ рѣшительно выразился— *не не смотря на то, что онъ русскій, а именно въ качествѣ русскаго* — противъ мѣръ принятыхъ въ Петербургѣ противъ Польши, ему, по просьбѣ русскаго правительства, было запрещено французскимъ правительствомъ дальнѣйшее пребываніе во Франціи, и Гизо съ тѣмъ большей готовностью передалъ это приказаніе Бакунину, что мѣстная оппозиція причинила ему уже много непріятностей и онъ едва переносилъ безпокойныхъ иностранцевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда, въ февралѣ слѣдующаго года, произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребѣ на Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ не подходилъ къ сверженному правительству, а новое временное правительство Французской Республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ, что, не смотря на подозрѣнія противной ему соціалистической партіи, которая старалась выдать его за посланнаго отъ русскаго правительства (эти подозрѣнія скоро были опровергнуты), сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его въ Берлинъ, но не оффиціально; тамъ, думалось, навѣрное его пламенная рѣчь очень поможетъ пропагандѣ революціи среди революціонныхъ кружковъ. Дѣйствительно онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія съ Вальдекомъ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи 49 г., но его участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія; и потомъ еще долго передавались разсказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда, при помощи Пруссіи, дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, а нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хем-

ницѣ, и вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смерть. Кажется, только извѣстный отказъ Бакунина просить о помилованіи задержалъ исполненіе судебнаго приговора: впрочемъ можетъ быть этому препятствовали и политическія соображенія, и судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Но, чрезъ годъ, этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на австрійскую территорію по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ участіи въ Пражскихъ волненіяхъ. Я прилагаю къ настоящимъ запискамъ два письма, помѣченныхъ еще Кенигштейнской крѣпостью, которыя онъ мнѣ писалъ оттуда: не смотря на чувство безотраднаго одиночества, видно что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи, я не получалъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ, и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ было тамъ самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: у него обѣ руки были въ цѣпяхъ, что отнимало у него всякую свободу движеній. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда, въ Шлиссельбургѣ, при варварскомъ вообще правленіи Николая, онъ нашелъ строгое обращеніе, но все таки болѣе человѣчное, чѣмъ которому онъ подвергался въ австрійской крѣпости. Николай дошелъ даже до того, что спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія, послѣ опыта, который онъ пріобрѣлъ за границей, о состояніи революціонныхъ движеній. Арестантъ согласился удовлетворить этой просьбѣ съ обычной прямотой, но отказался на отрѣзъ сдѣлать какія бы то ни было сообщенія могущія компрометировать людей его партіи: такъ что Николай, на запискахъ Бакунина, собственноручно написалъ приказаніе держать подальше, подъ усиленной стражей этого умнаго и столь же опаснаго человѣка. Что касается дальнѣйшихъ событій его жизни, то я отсылаю читателя къ сообщеніямъ Александра Герцена, помѣщеннымъ въ его воспоминаніяхъ; ему, лучше чѣмъ мнѣ, были извѣстны всѣ событія жизни Бакунина. Бакунину я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Герценомъ, такъ какъ я присут-

ствовалъ при первой встрѣчѣ двухъ самыхъ отважныхъ бойцовъ славянской революціи, незадолго до французской революціи, на Бурбонской площади, гдѣ было мое жилище. Хотя Герценъ, при его несравненно большемъ политическомъ смыслѣ, и не могъ удовольствоваться понятіями Бакунина, которыя сводились къ разрушенію всего существующаго, и еще менѣе могъ согласиться съ ними, но благодаря своему ясному и проницательному взгляду, онъ не могъ не чувствовать симпатіи къ этой замѣчательно даровитой натурѣ; никто не съумѣлъ лучше его дать такой поразительный образъ нѣсколькихъ чертъ его существа, не смотря на то что эти бѣглые очерки занимаютъ такъ мало мѣста.

Когда, въ апрѣлѣ 48 г., я провожалъ Бакунина на почту, въ обществѣ Этьена Араго, тогда начальника управленія почтъ, я не предвидѣлъ, что потеряю надолго изъ виду моего стараго друга, и еще менѣе, что ему предстояли долгіе годы суроваго заключенія, самая мысль о которомъ, еще и раньше, всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ перенести и превозмочь это тяжелое испытаніе страданій и лишеній, благодаря гибкости его ума и не смотря на чувствительную потерю здоровья и тѣлесной крѣпости.

Послѣ смерти императора Николая, мать Бакунина отъ своего имени, старалась выпросить помилованіе для сына у Александра II, но напрасно. Согласно приказанію отца, Бакунинъ, правда, былъ выведенъ изъ Шлиссельбурга, но былъ сейчасъ же сосланъ въ самыя отдаленныя мѣста Сибири, въ Пріамурскій край. И, во время путешествія, онъ неожиданно увидалъ въ Томскѣ, у тетки моей жены, карточку друга, оставленнаго въ Парижѣ, это послужило ему поводомъ сообщить мнѣ о томъ, какъ съ нимъ обращались. Разсказъ о его побѣгѣ, къ счастію удачномъ, на американскомъ кораблѣ отправлявшемся изъ Сибири, его пріѣздъ въ Лондонъ, его революціонная дѣятельность, за которую онъ сейчасъ же принялся, и которую онъ посвятилъ, но еще безъ результата, освобожденію Польши, — все это описано у Герцена, я же видѣлъ его въ первый разъ въ 68 году здѣсь, въ Бернѣ, по случаю перваго съѣзда Мира. Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ под-

вергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, которая шла къ нему какъ дворъ составленный по его образцу, придавала нѣкоторымъ образомъ еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступило, правда, мѣсто невѣроятной небрежности; но, въ общемъ, она не менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество молодому, и еще болѣе возвышала то безспорное достоинство, которымъ было проникнуто все его существо.

Отсюда Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи съѣзда Мира, въ Тессинъ, куда раньше отправилась его жена, полька, на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладѣлецъ, Карло Кафіеро, пламенный послѣдователь и приверженецъ соціалистической пропаганды, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ нимъ въ Лугано, гдѣ онъ основалъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, общество на началахъ общаго труда.

Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано, и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 года его все болѣе слабѣвшее тѣло; и, ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года, къ намъ, своимъ старымъ и самымъ дорогимъ друзьямъ, и какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: «я пріѣхалъ къ вамъ умирать». Медицинское искусство нашего друга не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіи почти сорока дней, безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ что послѣдніе его разговоры сохраняли юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1 іюля онъ умеръ послѣ короткой но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая вся выразилась въ пламенной ненависти противъ всего, что, безъ права, ставило препятствія человѣческой свободѣ, благо-

даря силѣ или по преданію. Это чувство, которое безпрестанно проявлялось возмущеніемъ, очень хорошо мирилось съ самыми нѣжными ощущеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое можетъ быть не мало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча, по цѣлымъ часамъ, музыку, творенія Бетховена самыя трогательныя и страстныя производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять схватила его внезапно, онъ вскричалъ: «Довольно, не могу больше!» И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйдти.

Я сожалѣю, что у меня нѣтъ въ рукахъ подробнаго отчета о его послѣднихъ дняхъ, написаннаго мною для Карло Кафіеро, такъ какъ теперь я не въ состояніи вспомнить всего изъ нашихъ разговоровъ, что могло бы возбудить нѣкоторый интересъ въ другихъ. Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, онъ но могъ переносить никакого сужденія или соображенія очевидно парализовавшаго его непосредственную силу дѣйствія; я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Тогда я все опрокину. А ты играй, милый другъ, и не разсуждай! Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно». И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не позволяла никакого вопроса и не требовала отвѣта. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что, послѣ нашей долгой разлуки, онъ могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто, въ тюремномъ уединеніи, эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ

отношенія съ людьми связанными съ нимъ дружбой, а они и въ разлукѣ съ нимъ сохраняли къ нему любовь и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близь Брунгартенвальда, возвышается камень поставленный надъ нимъ семействомъ Фогтовъ, гдѣ погребено его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ его, насколько ея неспокойная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспоминать о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Хотя въ прежнія времена могли выказываться только отношенія личной дружбы, существовавшія между нами, но это не исключало того, чтобы меня сильно поражали общія истины, которыми блисталъ его умъ, и если я желаю, чтобы сообщенія объ особенностяхъ его жизни были записаны съ талантомъ, то при этомъ я надѣюсь, что такая работа не будетъ подчинена партійному духу, который всегда принимаетъ во вниманіе только одну сторону дѣла, а что она будетъ представлять очеркъ, въ которомъ образъ его жизни не останется слишкомъ въ тѣни, въ которомъ будетъ поставлено на видъ. какъ дѣйствительное значеніе его воли и дѣятельности, стремленіе къ общему благу и праву, за которое страдалъ всегда восторженный Бакунинъ.